ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

ЗОЛОТАЯ
БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ

DAVID

ZINDELL

THE WILD

ДЭВИД

ЗИНДЕЛЛ

ЭКСТР

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЕРМАК
Москва
2003

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
З-59

Серия основана в 1999 году

David Zindell
THE WILD
1996

Перевод с английского Н.И. Виленской

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Александра Корженевского.

Печатается с разрешения автора
и его литературного агента Ralph M.Vicinanza Ltd.
c/o Toymania LLC.

Подписано в печать 26.06.2003 г. Формат 84×108 1/32.
Усл. печ. л. 31,08. Тираж 8000 экз. Заказ № 1392.

Зинделл Д.
З-59 Экстр: Фантаст. роман / Пер. с англ. Н.И. Виленской. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. — 588, [4] с. — (Золотая библиотека фантастики).

ISBN 5-17-017073-4 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9577-0291-9 (ЗАО НПП «Ермак»)

Перед вами — «Реквием по Homo Sapiens».

Грандиозная, увлекательная и поразительно поэтичная «опера» — однако опера не космическая, но — «космологическая».

Слушайте. Слушайте…

Слушайте надменную, гордую, чеканную сагу Будущего…

Будущего, когда наша Земля обратилась в давно полузабытый миф — правду о коем знают лишь немногие, состоящие в почти рыцарском ордене Космических Пилотов. Будущего великого города Невернеса — и заселившей Вселенную Старшей Расе Эльдрии, исчезнувшей и оставившей за собою бесчисленные загадки…

Цикл «Реквием по Homo Sapiens», открытый романом «Хранитель Времени», — продолжается!

Сага — продолжается.

Читайте следующую книгу цикла «Реквием по Homo Sapiens» — роман «Экстр»!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© David Zindell, 1996
© Перевод. Н.И. Виленская, 2003
© ООО «Издательство АСТ», 2003

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

БОГИНЯ

Глава 1

МИССИЯ

Каждый мужчина и каждая женщина — это звезда.
Звезды — дети Бога, покинутые в ночи,
Неистовые белые семена в лоне женщины,
Огни, которые женщины зажигают в мужчинах,
Глаза Древних, которые жили и умерли до нас,
Кто в силах выдержать их неистовый свет?
Глядя в черное сияющее небо,
Ты видишь только себя, ищущего себя самого.
Глядя в глаза Бога, ты видишь, что им нет числа.

Из девакийской Песни Жизни

Мой долг — рассказать славную и трагическую историю Второй Экстрианской Миссии. Я всего лишь вспоминаю, всего лишь веду записи, хотя судьба гибнущих звезд галактики тесно переплелась с моей собственной. Я сам почти не исследовал эту обширную звездную пустыню, известную как Экстр, или Инферно, или какое там еще зловещее имя может присвоить человек этим адским неизведанным пространствам. Спасением звезд занимались другие: знаменитые пилоты вроде Зондерваля, Аджи и Аларка с Утрадеса, а также те, кто еще не успел прославиться, как Виктория Чу и мой сын Данло ви Соли Рингесс.

Вторая Экстрианская Миссия, как и все миссии Ордена Мистических Математиков, имела четко сформулированную цель, вернее, несколько целей: основать в Экстре новый Ор-

ден; найти забытую планету под названием Таннахилл; открыть лидерам величайшей религии человечества новые горизонты, ну и разумеется, остановить людей, взрывающих звезды и превращающих их в сверхновые. Все исследователи Экстра принесли соответствующий обет. Но во всех человеческих начинаниях внутри одних целей всегда есть другие. Многие пустились в это путешествие из любви к приключениям, тайнам, власти и даже земным сокровищам. Многие говорили о новой фазе эволюции человека, о спасении прошлого и будущего разом и об исполнении древних пророчеств. В извилистые пространства Экстра отправились десять тысяч мужчин и женщин, и у каждого — свои надежды и мечтания. Но самой сокровенной мечтой (хотя мало кто признавался в этом даже самому себе) было вырвать у неизведанных звезд тайны вселенной, но не только это, еще — исцелить вселенную от ран. Именно такой несбыточной перспективе посвящали они свою энергию, свой гений, саму свою жизнь.

На двадцать первый день ложной зимы 2954 года от основания Невернеса миссия начала свое историческое путешествие через галактику. В черном космосе над Городом Света (или Городом Боли, как порой именуют Невернес) на орбите планеты Ледопад лорд Николос Сар Петросян собрал свой флот. В миссию входило десять базовых кораблей, каждый из которых служил временным домом тысяче акашиков, цефиков, программистов, механиков, биологов и других специалистов Ордена, а также двенадцать тяжелых кораблей, круглых и объемных, как искусственные луны. На них помещались плавучие фермы и сборочная техника, необходимая для основания в Экстре второго Ордена.

Были во флоте, разумеется, и легкие корабли — числом 254: слава и гордость Невернеса, сверкающие скорлупки из алмазного волокна, способные входить в подпространство и проникать в неведомые моря мультиплекса, где нет ни времени, ни расстояний, ни света. Каждый легкий корабль вел один пилот, вместе же им предстояло провести базовые и тяжелые корабли к намеченной цели.

Тысячам членов Ордена, оставшимся дома (и миллионам горожан Невернеса, уютно сидящим у своих очагов), флот лорда Петросяна представлялся весьма крупным скоплением людей и машин, но по сравнению со вселенной это было ничто. Начальник экспедиции дал сигнал, и 276 светлых точек затерялись в ночи среди миллиардов звезд Млечного Пути.

Легкие корабли — «Вивасват», «Снежная сова» и другие — шли от звезды к звезде, а флот следовал за ними. Так они пересекали Цивилизованные Миры. И на всех встречных планетах, на Орино, Ненет и Валеваре, люди собирались под звездным небом в надежде увидеть, как они проходят. Люди искали в черных сияющих небесах крохотные вспышки, возникающие там, где легкие корабли прорывали мерцающую ткань мультиплекса. Это зрелище вызывало в собравшихся и благоговение, и страх. Вот уже сто поколений Орден был душой Цивилизованных Миров, а теперь в нем произошел раскол. Многие слышали, что две вновь образовавшиеся его половины враждебны друг другу, и никто не знал, что сулит им будущее. Никто не понимал, как могут несколько тысяч пилотов и специалистов на своих легких кораблях укротить ярость Экстра, и людям на их озаренных звездами планетах оставалось лишь надеяться, дивиться и молиться.

На планетах Человека живет множество рас. Цивилизованные Миры — это лишь крошечная часть человечества, однако они насчитывают тысячи четыре планет, где обитают не менее полутриллиона людей — и других видов, не имеющих к человеку никакого отношения. Миссия шля через Трейю, Тегес, Сильваплану и Фравашию, родину фраваши, красивых инопланетян с душами более человечными, чем у самого человека. Легкие корабли, следуя по звездным каналам от окна к окну, миновали планету Арсит, служившую резиденцией Ордена до переселения его в Невернес в начале Шестой Ментальности.

Пилоты легких кораблей, даже самые молодые и неопытные, не испытывали никаких затруднений на этом отрезке пути, поскольку древние каналы через мультиплекс были проложены тысячи лет назад и хорошо изучены. Корабли продвигались

среди старых красных звезд Большого Морбио к Туманности Тихо, где из пыли, света и силы тяжести рождались новые звезды. В этих опасных пространствах почти не было жизни, и только звезды ощущали слабую рябь от легких кораблей, открывавших окна в мультиплексе. Здесь находились знаменитые звезды, маяки галактики: Парпаллакс, Айягуа, Шамеш и Глориана Люс, красная, как налитый кровью глаз галактического бога. Путь пилотам указывали Алюмит, Треблинка и Агни, полыхающие ярко-голубым пламенем в десять тысяч раз ярче, чем холодное желтое солнце Невернеса. Здешние звездные туннели прямо-таки пылали, прожигая галактику от Беллатрикса до Последней Звезды. Если бы пилоты или другие члены Ордена захотели узнать, какой путь уже пройден, они могли бы измерять расстояние в парсеках, десятидневках, миллиардах миль — или в световых годах. Экспедиция, стартовав от Невернеса, прошла пять тысяч световых лет вдоль рукава Стрельца, пересекла линзу галактики. Свою опасную переправу они завершили, следуя от Шейдвега к Звезде Ионы и Ваканде, и оказались за десять тысяч световых лет от своей родной звезды.

Некоторые пилоты называли это путешествие от ядра галактики, «закатным» — не только потому, что они двигались в направлении условного запада, но и потому, что впереди их ждали неведомые звезды, не имеющие ни координат, ни имен. Но пока они все еще шли по проторенным звездным дорогам, где Человек оставался Человеком и куда галактические боги почти не забредали. Они обошли стороной скопление Августа, где Кремниевый Бог, как говорили, захватил около миллиона звезд. Они достигли старейших человеческих планет, Киттери и Веспера, избегая приближаться к сектору Земли, забытой и покинутой Старой Земли, которую никто из людей не должен был больше видеть. Проделав весь этот путь, миссия наконец подошла к Фарфаре на краю Экстра.

Здесь звездные туннели прерывались, и начинались дикие пространства мультиплекса, погубившие множество пилотов Ордена. Здесь под растерзанными звездами Экстра лежал пос-

ледний из Цивилизованных Миров. Фарфара была богатой, красивой планетой, и лорд Николос распорядился устроить короткий привал. Он намеревался пополнить здесь запасы кофе, вина и тоалача, а заодно дать своим людям отдохнуть под открытым небом и горячим голубым солнцем Фарфары.

Шел сороковой день пребывания миссии на планете, когда из Экстра вернулся великий Зондерваль, один из мастер-пилотов Ордена. Его корабль, «Первая добродетель», вышел из мультиплекса и присоединился к экспедиционному флоту на орбите Фарфары. Зондерваль объявил, что обнаружил в Экстре подходящую планету, очень похожую на Старую Землю. По праву пилота он назвал ее Тиэллой в честь любимой женщины, которую потерял, когда комета, столкнувшись с Пуакеа, уничтожила почти всю жизнь в этом злосчастном мире. Тиэлла, по словам Зондерваля, находилась во внутренней оболочке Экстра, и попасть к ней можно было всего за тридцать один переход. Зондерваль сообщил другим пилотам координаты белой звезды Тиэллы и сказал, что сам покажет дорогу к ней. Рассказал он и об открытой им сверхновой — старой сверхновой, за много сотен световых лет. Она и вспыхнула несколько столетий назад, а теперь ее радиационный фронт приближался к Фарфаре.

Лорд Николос недолюбливал надменного, самовлюбленного Зондерваля, однако одобрил его план и приказал миссии приготовиться к последнему этапу путешествия.

В ночь перед отлетом в Экстр — в ту самую ночь, когда в небе Фарфары должна была зажечься сверхновая, — фарфарские купцы устроили прием в честь отважных пилотов Ордена. Они пригласили пилотов всех 254 легких кораблей и многих мастеров других профессий. Пригласили музыкантов, артистов, архатов, даже воинов-поэтов, а также правителей и посланников всех Цивилизованных Миров. Такого празднества на Фарфаре еще не бывало, и купцы, правившие этой древней планетой, не жалели ни времени, ни расходов, чтобы почтить мужчин и женщин, отважившихся проникнуть в Экстр.

Вечером львиного дня восемнадцатого месяца второго лета 24 года по местному отсчету времени в поместье Мер Тадео

дар ли Марара стали стекаться гости, прибывающие со всей планеты. Поместье это раскинулось на трех холмах над Истасом, полноводной рекой, омывавшей экваториальные горы континента под названием Айондела.

Лес и река еще дышали дневным жаром, но с гор уже подул прохладный ветерок. Он колыхал листву апельсиновых рощ, и был в нем запах далеких ледников, мерцающих при свете первых звезд. Челноки, снующие между орбитой и космодромом Мер Тадео, доставляли с базовых кораблей цефиков, механиков и других мастеров Ордена и высаживали их у фонтанов и музыкальных прудов. А затем, демонстрируя всем могущество Ордена, в блеске алмазных корпусов и струях ракетного пламени, все 254 легких корабля прошли сквозь атмосферу Фарфары и расположились на летном поле пятиугольником шириной в милю.

Ни в коей мере не выказывая пренебрежения другим членам Ордена, фарфарцы, однако, устраивали свое торжество прежде всего ради пилотов, которым буквально поклонялись. Сам Мер Тадео в сопровождении двадцати других крупнейших торговых магнатов встречал пилотов у Фонтана Фортуны перед дворцом. Здесь, на мягких зеленых газонах родом со Старой Земли, играли музыкальные пруды и струились бесценные летнемирские вина. Пилоты пили за здоровье друг друга, смотрели на незнакомые созвездия и ждали появления сверхновой Зондерваля.

В Час Памяти (за час до ожидаемой вспышки звезды) какой-то пилот стоял у мраморной чаши одного из мелких фонтанов. Этого высокого хорошо сложенного юношу звали Данло ви Соли Рингесс, и он был самым молодым и среди пилотов, и во всей миссии. Любому фарфарцу, случись тому взглянуть в его сторону, он показался бы погруженным в себя, или, может, он был занят некой неразрешимой проблемой вселенского масштаба. Его серьезные глаза полнились светом, как будто он видел вещи, недоступные другим, — или вся эта роскошь, тонкие вина и красивые женщины, разжигающие в других алчные желания и зависть, его только забавляли. У него были поистине чудесные глаза, синие-синие и глубокие, как

вечернее небо. Зрачки почти терялись в темных радужках, придавая взгляду странную напряженность. В этом пилоте многое казалось странным и говорило о некой великой цели, руководящей им: и длинные черные волосы, пронизанные рыжими нитями, и похожий на молнию шрам на лбу, над левым глазом, и легкость, с которой он хранил свою тишину среди общего шума и веселья. Он выглядел здесь вопиюще неуместным, словно какое-нибудь дикое существо, и в то же время полностью вписывался в обстановку, словно птица, которая повсюду у себя дома. Крутые скулы и крупный массивный нос и вправду придавали ему вид чрезвычайно дикий. Один из пилотов как-то заявил ему, что лицо у него хищное и свирепое, но в нем присутствовали и нежность, и почти безграничное сострадание. В любом собрании его замечали сразу и никогда не оставляли надолго одного.

— Добрый вечер, Данло, рад видеть тебя снова, — воскликнул кто-то и теперь.

Данло отвернулся от фонтана. К нему, расталкивая нарядную толпу, шел по вытоптанной траве очень высокий человек. Восемь футов мастер-пилота Зондерваля поистине могли смутить кого угодно. Тонкие руки и ноги делали его похожим скорее на гигантское насекомое, чем на человека, но он принадлежал к эталонам Сольскена и надменностью не уступал богу; у эталонов высокий рост и интеллект — наследственные качества, как красота у жакарандийских куртизанок. Одет он был, как и Данло, в черную шелковую форму пилота. Величественно, но быстро, поскольку шагал очень широко, он подошел к своему молодому собрату и склонил голову в знак приветствия.

— В этом фонтане есть что-то особенное? Должен предупредить, что при этаком многолюдстве тебе не удастся долго держаться в стороне от толпы, хотя и не могу винить тебя за то, что ты чураешься этих торгашей.

— Но я никого не чураюсь, мастер-пилот, — ответил Данло. Его голос, восхитительно мелодичный, приобрел уже некоторую жесткость от многочисленных горестных воспоминаний. С немалым трудом — этикет требовал, чтобы он смотрел прямо в глаза Зондерваля, взиравшие на него с непомерной высоты, — он вернул мастер-пилоту поклон.

— Почему же ты стоишь именно у этого фонтана?

Данло снова повернул голову к фонтану, выписывающему красивые водяные параболы. Капли, отражая на лету огни множества световых шаров, вспыхивали серебром, пурпуром, золотом и синевой и роняли свой блеск в бассейн. Большинство других фонтанов в саду било не водой, а вином, жидким тоалачем и прочими наркотическими напитками. Фарфарцы с громким задорным смехом погружали в них свои кубки, а порой, шокируя чопорных орденских академиков, ныряли туда сами и подставляли рты под винные струи.

Данло с улыбкой поднял глаза на Зондерваля и сказал:

— Я всегда любил воду.

— Для питья или для купания?

— Для слуха. И для глаз. В воде столько воспоминаний, правда?

В тот вечер, стоя у фонтана и глядя на посеребренную звездами Экстра реку Истас, Данло вспоминал другие, холодные небеса, которыми любовался в детстве. В свои двадцать два года — а в этом возрасте редко оглядываются на прошлые бедствия, предпочитая мечтать о золотом будущем, — он не мог не вспоминать о гибели своего народа, благословенных деваки, павших жертвой загадочной болезни, созданной руками человека. Не мог не вспоминать о путешествии в Невернес, где он, вопреки всякой вероятности, стал пилотом Ордена и получил черное пилотское кольцо, которое носил теперь на мизинце правой руки. Он не мог не вспоминать о своей юности, потому что, к несчастью своему (и к счастью), был напитан памятью, как камень — силой тяжести и голубая звезда-гигант — огнем и светом.

Каждый в жизни знает три состояния отражающие пройденный душой путь больше, чем детство, зрелость и старость. Эти состояния таковы: «со мной этого не случится», «я могу это преодолеть» и «я это принимаю». Судьба Данло состояла в том, что он, пройдя первые два состояния гораздо быстрее, чем полагается человеку, все еще не нашел пути к тому приятию, которого ищет каждый. Однако, несмотря на ужасы его детства, несмотря на предательства, обиды и душевные раны, несмотря на потерю любимой женщины — Тамары Десятой

Ашторет, в нем чувствовалось нечто трепещущее и таинственное, словно он дал себе какое-то обещание и заключил секретный договор с жизнью.

— Возможно, ты помнишь слишком много, — сказал Зондерваль. — Как твой отец.

— Отец... — Данло указал на восток над рекой и горами, где загорелись первые звезды Экстра. Планета Фарфара, вращаясь вокруг своей оси, поворачивала их к внешним регионам галактики за блестящим рукавом Ориона. Скоро все ее небо должно было стать окном в Экстр. Голубые и белые Якне и Плессис уже мерцали на черном бархате ночи, а вскоре предстояло явиться сверхновым — старым, слабым, далеким сверхновым, которые могла бы затмить любая из шести лун Невернеса. Представление об Экстре как о свалке взорванных звезд казалось Данло ошибочным. Среди миллионов этих небесных огней сверхновых сравнительно немного, несколько сотен или несколько сотен тысяч; величайшая проблема миссии заключалась в том, что никто не знал как следует размеров Экстра и его истинной природы. — Отец был одним из первых пилотов, проникших в Экстр. А теперь это сделали вы, мастер.

Зондерваль потрогал длинным тонким пальцем длинную верхнюю губу и сказал:

— Я должен напомнить тебе, что ты теперь полноправный пилот и не обязан обращаться к каждому мастер-пилоту «мастер».

— Я не ко всем так обращаюсь.

— Только к тем, кто побывал в Экстре?

— Нет, — улыбнулся Данло. — Только к тем, к кому я не могу обращаться иначе.

Этот комплимент явно польстил Зондервалю, имевшему крайне высокое мнение о собственной персоне. Столь высокое, что он почти на всех смотрел как на низшие существа и, следовательно, не придавал их комплиментам никакого значения. Улыбка и наклон головы, которыми он ответил Данло, служили мерой его уважения к молодому пилоту.

— Ты, разумеется, можешь называть меня «мастер», если тебе это приятно.

— Вы хорошо знали моего отца, мастер?

— Мы вместе учились в Ресе и вместе давали пилотскую присягу. Вместе воевали. Я знал его настолько хорошо, насколько мне вообще может хотеться знать человека. А он был только человек, что бы там о нем ни говорили.

— Значит, вы не верите... что он сделался богом?

Отец Данло, будучи молодым пилотом, участвовал в великом поиске Старшей Эдды. Желание познать непознаваемое привело его к деваки, одному из алалойских племен, живущих к западу от Невернеса. Там Данло родился и был оставлен, а затем усыновлен приемными родителями, Хайдаром и Чандрой. Там же с его отцом произошла трагедия: ему пробили голову камнем, и он умер. Последующее воскрешение открыло перед ним великие возможности. В Пилотской Войне он привел своих сторонников к победе и стал сначала Главным Пилотом, а потом и главой Ордена.

— Богом... — повторил Зондерваль. — Нет, не верю я в подобные сказки. Ты должен знать, что я обнаружил одного так называемого бога недавно, когда совершил путешествие в восемнадцатое скопление Девы. Мертвого бога. Он был больше Восточной Луны и весь состоял из алмазных нейросхем. Такой огромный алмазный компьютер. Боги — это компьютеры повышенной сложности, больше ничего. Или компьютеры, привитые к человеческому разуму, гибрид человека с компьютером. Это мало кто признает, но так оно и есть. Мэллори Рингесс на Агатанге заменил половину своего поврежденного мозга белковыми нейросхемами. Вот так. Стал ли он из-за этого богом? Если да, то я тоже бог — как любой из тех немногих пилотов, кто владеет легким кораблем по-настоящему. Когда я подключаюсь к корабельному компьютеру и звезды светят мне в глаза и вся вселенная принадлежит мне, я ни в чем не уступаю богу.

Данло помолчал немного, слушая плеск воды в фонтане, жужжание вечерних насекомых и гул тысячи голосов, а потом сказал:

— Кто знает, что значит быть богом? И может ли компьютер быть им? Я думаю, что мой отец — это нечто иное. Нечто большее.

— Что же?

— Он открыл Старшую Эдду. Внутри себя. Нашел способ расслышать глубокую память.

— Мудрость богов?

— Возможно.

— Память об Эльдрии и других богах, вписанная в человеческую ДНК? Так называемая наследственная память?

— Многие характеризуют Эдду именно так, мастер. Но Эдда тоже нечто иное. Нечто большее.

— Ну еще бы. Секрет жизни. Тайна вселенной. И у Мэллори Рингесса, которого я натаскивал по топологии и побеждал в шахматы девять раз из десяти, хватило ума эту тайну раскрыть.

Данло зачерпнул ладонью воды из фонтана и поднес ко рту. Вода была хорошая, чистая.

— Но ведь и вы, мастер, участвовали в поиске Хранителя Времени вместе с моим отцом?

— Это верно, — бросив на Данло холодный, подозрительный взгляд, признал Зондерваль. — Хранитель объявил этот поиск за два года до твоего рождения. Я, твой отец, другие пилоты — мы прошли полгалактики от Невернеса до Хельворгорзее, разыскивая Старшую Эдду, этот Священный Грааль, в который так верили, Эсхатон, трансцендентальный объект. Я лично никогда не верил в этот миф.

— Но, мастер, ведь Эдда не миф, в который можно верить или не верить. Это память — ее нужно вспомнить.

— Да, так говорят. Должен тебе сказать, что и я пытался вспомнить. После падения Хранителя, когда твой отец впервые объявил, что поиск завершен. Мне стало любопытно, поэтому я воспользовался услугами мнемоника и принял этот их наркотик, каллу, разворачивающую глубинные слои памяти. И ничего не добился, кроме собственных воспоминаний — памяти о самом себе.

— Но другие — они вспомнили.

— Мифы о самих себе, которые они превратили в универсалии и верят, что это правда.

Данло снова напился и качнул головой.

— Нет, мастер, это не мифы.

Зондерваль застыл над Данло, как дерево, глядя на него сверху вниз.

— Должен тебе сказать, что в умственном отношении для меня нет ничего недостижимого. Если бы Старшая Эдда существовала как память, я бы непременно ее вспомнил.

Данло закрыл глаза, снова вспомнив гибель деваки и свое путешествие в Невернес через замерзшее море. Там он подружился с Хануманом ли Тошем и мастер-пилотом Бардо. Именно они трое стояли у истоков религии, возникшей из чудесного преображения Мэллори Рингесса в божество. Душой этой религии Данло считал процесс вспоминания Старшей Эдды. Он сам не раз пил каллу, священный наркотик мнемоников, и погружался в холодное море наследственной памяти внутри себя.

— Вспоминать глубоко — это очень трудно, — сказал он. — Труднее всего во вселенной.

— Я слышал, что ты тоже пил каллу — и в итоге получил так называемое великое воспоминание. Быть может, тебе следовало бы стать мнемоником, а не пилотом.

— Я утратил свой мнемонический дар. Теперь я просто пилот.

— Пилот должен вести свой корабль среди звезд — иначе он ничто.

— Я пришел в Невернес для того, чтобы стать пилотом.

Зондерваль вздохнул и провел пальцами по своим золотистым волосам.

— Последние годы я слишком редко бывал в Невернесе, однако заметил, что там происходит. Не могу сказать, что мне это нравится. Мэллори Рингесса провозгласили богом, и его лучший друг основал церковь, чтобы ему поклоняться, а сын его тоже вступил на этот самый «Путь Рингесса». При этом половина Невернеса вдруг принялась вспоминать Старшую Эдду, чтобы приобщиться к божественному состоянию.

— Но я ушел из Пути. Мне никогда не хотелось становиться богом.

— Так ты не ищешь Старшую Эдду?

Данло потупился, глядя в фонтан.

— Нет, больше не ищу.

— И тем не менее ты искатель, так ведь?

— Я... дал обет отправиться в Экстр. И посвятил свою жизнь этому новому поиску.

Зондерваль отмахнулся, точно отгоняя докучливое насекомое.

— Все миссии похожи одна на другую. Не все ли равно, какова их цель, главное, что они дают таким пилотам, как ты и я, возможность отличиться.

— Вы говорите так, словно не надеетесь остановить взрывы звезд.

— Возможно, надежда была бы большей, если бы главой экспедиции выбрали меня, а не лорда Николоса. Но в конце концов это не столь уж важно. Звезды будут умирать, и люди тоже. Ты действительно веришь, что наш вид способен уничтожить всю галактику?

Данло надавил на шрам над глазом, борясь с приступом часто мучившей его головной боли. Подумав над вопросом Зондерваля, он ответил:

— Я верю, что все, что мы делаем, имеет значение.

— Это потому, что ты молод и полон страстей.

— Возможно.

— Я слышал, что в Экстре у тебя есть и собственная, личная цель.

Данло нажал на шрам сильнее.

— Задолго до того, как Архитекторы начали уничтожать звезды, они уничтожали друг друга. Война Контактов — вы ведь знаете, да? Они создали вирус, чтобы убивать друг друга, и этот вирус убил мой народ. Я буду искать планету под названием Таннахилл. Есть надежда, что Архитекторы знают средство от этой болезни.

— Я слышал, что такого средства не существует.

— Оно... должно быть. — Данло снова зачерпнул воды и поднес ее к глазу. Вода, медленно просачиваясь между ладонью и щекой, стекала обратно в фонтан.

— Твой отец тоже всегда верил в чудеса.

Данло отошел от фонтана и указал на звезды.

— Говорят, что отец всегда надеялся спасти звезды. Сейчас он где-то там — у какой-нибудь обреченной звезды, быть может. За этим он и улетел в Экстр. Он всегда мечтал исцелить вселенную.

— Твой отец, каким я его знал, даже сам себя не мог исцелить. Вечно его что-то мучило.

— Правда? Но есть ведь раны, которые исцелить нельзя?

— Ты, однако, не веришь, что они есть.

— Нет, не верю, — улыбнулся Данло.

— Ты намерен найти своего отца, пилот?

— Не могу же я бросить его одного, — сказал Данло, вслушиваясь в плеск воды.

— Стало быть, у тебя есть своя миссия внутри общей.

— Вы сами сказали, что все миссии похожи одна на другую.

Зондерваль подошел поближе.

— Звезды Экстра почти непроходимы. Как ты можешь надеяться найти одного человека среди миллиарда звезд?

— Не знаю. Но мечта мне подсказывает, что в Экстре все возможно.

Зондерваль покачал головой.

— Взгляни на небо, пилот. Видел ли ты когда-нибудь такие дикие звезды?

Данло проследил за указующим перстом Зондерваля — выше апельсиновых деревьев, фонтанов и снеговых вершин. Ночь вступила в свои права, и небо сияло от горизонта до горизонта. Теперь среди безымянных созвездий зажглось уже около полусотни сверхновых, прожигающих горячим белым огнем черноту вселенной. Данло поразмыслил над происхождением этих погибших звезд и сказал:

— Но кто знает, что такое Экстр на самом деле? Мы не видим звезды по-настоящему. Звезды и звездный свет — все это создано так давно.

Над самым горизонтом, между двумя сверхновыми, которые Данло назвал про себя «Два друга», он видел знакомый ему свет Скопления Совы, находящегося в пятидесяти миллионах световых лет от Фарфары. Пятьдесят миллионов лет назад этот свет начал свое странствие через вселенную, чтобы за-

жечься в небе над Фарфарой и наполнить глаза Данло. Самое странное во вселенной то, что мы, глядя в пространство, глядим назад сквозь время. Он видел Скопление Совы таким, каким оно было давным-давно, за сорок восемь миллионов лет до возникновения человека. Быть может, эти галактики давно уже уничтожены цепной реакцией сверхновых или каким-нибудь страшным богом местного значения. А их родная галактика? Горит ли в ней по-прежнему Вишну Люс, и Сильваплана, и Агни, и любая из тысяч ближних звезд, которые миссия миновала на пути к Экстру?

Возможно, в это самое время, когда он стоит у маленького фонтана в десяти тысячах световых лет от дома, Звезда Невернеса тоже взорвалась, превратившись в сияющий шар, лучащийся светом и смертью. Никогда нельзя быть уверенным в том, что ты можешь увидеть. Даже самые близкие и понятные вещи ненадежны. Данло развлекала мысль о том, что, если Зондерваль, стоящий в трех футах от него, вдруг исчезнет бесследно, он, Данло, заметит это только через три миллиардных секунды.

— В этом вся проблема, правда? — спросил он. — Невозможно увидеть вселенную такой, как она есть.

— Странный ты человек, — сказал Зондерваль, улыбаясь самому себе.

— Спасибо, мастер.

— Должен тебе сказать, что Экстр вполне реален. Я там был и видел свет сверхновой. Не пройдет и часа, как ты тоже ее увидишь — вон там.

Палец Зондерваля указывал прямо на восток градусах в тридцати над горизонтом. Данло не знал названий неярких звезд, мерцающих там. Возможно, Зондерваль ошибся в расчетах и свет сверхновой дойдет до Фарфары лишь много дней спустя. Или она появится в назначенное время, но окажется гораздо более интенсивной, чем все ожидают. Быть может, свет этой мертвой, невидимой звезды выжжет глаза всем, кто смотрит в небо, испепелит их тела, и из нескольких тысяч человек, собравшихся в этом саду, не останется в живых никого. Вполне возможно, что через каких-нибудь три тысячи ударов сердца

он, Данло, умрет; он сознавал это и все же, глядя на людей, столпившихся в ожидании вокруг фонтанов, не мог не чувствовать, как хорошо быть живым в такую прекрасную ночь.

Некоторое время они с Зондервалем говорили о том, как Экстр искривляет пространство-время, затрудняя проход через мультиплекс, и о прочих пилотских проблемах. Потом Зондерваль признался, что это лорд Николос попросил его поискать Данло, которого приглашают присоединиться к остальным пилотам перед главным фонтаном. Мер Тадео хочет в миг появления сверхновой угостить пилотов редким ярконским вином.

— Мер Тадео желает с тобой познакомиться, — объявил Зондерваль. — Лорд Николос сам тебя представит. Мер Тадео практически правит этим миром, но не забывай при этом, что ты — пилот Ордена. Планетой править может любой, а вот пилотами рождаются очень немногие.

Вдвоем они направились к месту сбора. Данло почти все здесь нравилось, особенно деревца бонсай и каскады красивых, незнакомых ему цветов. Они так насыщали воздух своим ароматом, что дышать было почти больно. Данло нравились все запахи этой ночи: терпкий дух бурлящих в фонтанах вин, благоухание апельсиновых деревьев, слабый холодок дальних ледников и даже легкая гарь от сжигаемых лазерными лучами насекомых.

Электронные глаза и лазеры на мраморных подставках бдительно выслеживали залетающую в сад мошкару. Рубиновые лучи шарили туда-сюда, с шипением поджаривая на лету москитов и мушек. Столь легкомысленное (и показное) использование лазеров вызывало беспокойство у многих академиков Ордена: того и гляди один из лучей прожжет щеку или шею. Дипломаты, давно привыкшие к подобному варварству, и те держались с опаской. Но за те две тысячи лет, что род Мер Тадео владел этим поместьем, лазеры еще ни одному человеку не причинили вреда. Мер Тадео пользовался этим запретным оружием лишь для того, чтобы придать своим вечерам пикантный оттенок опасности. Он любил окружать себя яркими, необычными людьми — вот и теперь он пригласил на празд-

ник архата с Ньювании, знаменитого мозгопевца, орденского пилота-ренегата по имени Шиван ви Мави Саркисян и пятерых воинов-поэтов, недавно прибывших с Кваллара.

Данло, проходя через толпы мужчин и женщин, которые то и дело поглядывали на небо между двумя глотками вина, чувствовал в саду атмосферу интриги и даже угрозы. Чужие взоры следили за ним, оценивали его. Он был почти уверен, что кто-то идет за ним через весь сад.

Он, конечно, был пилотом Ордена, и его черная форма в отличие от синих, оранжевых и алых одежд академиков привлекала внимание многих. Притом он шел рядом с Зондервалем, тоже пилотом и самым высоким человеком на этом приеме, а возможно, и на всей планете. Пилот, если он не хочет ограничиться обществом других пилотов, должен привыкнуть к подобному любопытству. Но Данло так и не сумел приучить себя к популярности и славе. Лучше бы уж он — тот, кто его преследует, — поскорее объявился — или переключился на роскошно одетых купцов, которые пестреют на газонах, как цветы, ожидающие, чтобы их оценили или сорвали.

Наконец они добрались до Фонтана Фортуны, великолепного сооружения из мрамора и золота. Статуи, изображающие глиттнингов, роинов и прочих инопланетных существ, были расположены на разных уровнях золотой террасы в центре фонтана. Изо ртов статуй били пенные красные струи ярконского огненного вина. В Невернесе бутылка такого вина стоила примерно столько же, сколько жемчужное ожерелье или годовое содержание куртизанки, поэтому многие члены Ордена ни разу его не пробовали.

Теперь канторы, скраеры, мнемоники, холисты, горологи, историки и прочие специалисты в шафрановых, индиговых и розовых одеждах толпились вокруг фонтана, радуясь случаю отведать эту редкость. Здесь же собрались 252 человека в черном — пилоты, душа Ордена. Данло знал их всех в лицо, по имени или понаслышке. Вот Палома Младшая, вот Маттет Джонс, вот Аларк Утрадесский. Рядом с кубком вина стоял хрупкий, тонколицый Ричардесс, единственный пилот, вышедший живым из пространства Химены и Апрельского Ко-

лониального Разума. Все они были одного возраста с Зондервалем и все сражались на стороне Мэллори Рингесса в Пилотской Войне двадцать лет назад. Экстрианская Миссия была вторым великим предприятием в их жизни, и они благожелательно относились к молодым пилотам-энтузиастам — Ивару Рею, Ларе Хесусе и Данло ви Соли Рингессу.

Пилоты большей частью стояли возле южного сектора фонтана. Здесь же находился Николос Сар Петросян, Главный Акашик и глава экспедиции — маленький, пухлый, рассудительный человек в желтой одежде акашика. В его ясных голубых глазах сквозило нетерпение. Увидев Данло с Зондервалем, он поклонился им и сказал довольно сухо:

— Я уж думал, вы пропали. В таком большом поместье заблудиться нетрудно, тем более пилоту.

На Зондерваля его сарказм не подействовал — он пропускал мимо ушей не только комплименты, но и критику. Зондерваль, глядя сверху на украшенную плешью макушку лорда Николоса, чуть улыбнулся и промолчал.

— Я рад, Данло, что ты наконец нашелся, — продолжил, не дождавшись ответа, лорд Николос. — Позволь тебя представить: Данло ви Соли Рингесс, Мер Тадео дур ли Марар. Мер Тадео хотел познакомиться с тобой до начала увеселений.

Хозяин дома, красивый элегантный мужчина с быстрыми карими глазами, своим хищным обликом напомнил Данло снежную чайку. На нем было красное кимоно из японского шелка, хорошо гармонирующее с его гладкой оливковой кожей. С безупречно изящным поклоном он бросил на Данло пристальный взгляд, словно оценивая бриллиант или огневит.

— Польщен знакомством с вами, пилот.

Данло ответил на поклон и кивнул любопытствующим вокруг. Кроме купцов в роскошных кимоно и драгоценностях, здесь были мозгопевец Омар Ной и девятая жена Мер Тадео, довольно мрачная женщина, которую тот представил как Мер Марлену Еву дур ли Кариллон. Были также двое послов: Кагами Ито с Ярконы и Валентина Морвен с планеты Ясность. Данло поздоровался со всеми по очереди,

наклоняя голову по мере произнесения их имен. Представив всех, Мер Тадео сказал:

— Я уже имел честь познакомиться со всеми пилотами, кроме вас. Вы оказали мне большую любезность, приняв мое приглашение. Пилоты Ордена редко посещают наш мир.

Данло с улыбкой огляделся. Ярдах в тридцати за низкой каменной оградой крутой обрыв вел к реке Истас.

— Ваш мир очень красив. Если бы побольше пилотов знали об этом, мы, возможно, навещали бы его чаще.

— Боюсь, что климат у меня здесь жарче, чем вы привыкли. — Мер Тадео в отличие от Зондерваля глотал комплименты, как ребенок — шоколадные конфеты. — Я слышал, будто в Невернесе так холодно, что даже дождей никогда не бывает.

— За всю свою жизнь я в первый раз не вижу на земле снега, — улыбнулся Данло, — и даже снегопада как будто не намечается.

Мер Тадео изумленно и жалостливо покачал головой.

— В этот период второго лета на нас по ночам падает только звездный свет. Мои прадеды потому и обосновались здесь, что любили смотреть на звезды.

Они еще немного поговорили о разных пустяках, а затем Мер Тадео с быстротой убийцы, выхватывающего нож, улыбнулся и сказал:

— Мне говорили, что вы сын Мэллори Рингесса.

— Да, это правда, — ответил Данло.

— Говорили мне также, будто в Невернесе возникла новая религия — Путь Рингесса.

— И это правда, — настороженно подтвердил Данло.

— И рингисты действительно верят, что Мэллори Рингесс стал богом?

— Да.

— И что все остальные люди тоже могут стать богами? И что путь к этому лежит через постижение мистического знания, называемого Старшей Эддой?

— Вы хорошо информированы, Мер Тадео. Известно ли вам, что вы только что назвали Три Столпа Рингизма?

Мер Тадео подошел поближе к Данло. Его жена и оба посла, точно по сигналу, приблизились тоже, чтобы не упустить чего-нибудь важного для себя. Многие последовали их примеру наподобие волков, смыкающихся вокруг раненого оленя, и Данло оказался в тесном кольце мужчин и женщин, которых едва знал.

— Мы знаем, что ваш Орден отнесся к новой религии весьма серьезно, — сказал Мер Тадео, — и что многие лорды и мастера теперь называют себя рингистами. Мы не думали, что люди вашего Ордена способны быть столь религиозными.

— Поддаться поклонению способен каждый, — тихо ответил Данло. — И каждый способен мечтать, что станет богом.

Мер Тадео и Мер Марлена Ева стали расспрашивать Данло о происхождении, доктринах и церемониях рингизма. Особенно их интересовала мнемоническая церемония и то, как рингисты используют компьютеры для стимулирования вспоминания Старшей Эдды. В их вопросах чувствовался не абстрактный интерес, который мог бы питать к новой религии эсхатолог или историк, но тайное страдание и старинная тоска. Лорду Николосу, видимо, не понравился оборот, который приняла беседа. Он протолкался к Данло и сказал:

— Было бы неразумно преувеличивать значение этой религии. Поступая так, люди делают ее более значительной, чем она есть.

Данло знал, что лорд Николос не выносит разговоров о богах или Боге. К религиозному инстинкту он относился с такой же неприязнью, как совершенный с Геенны к воде или снежный червь к солнечному свету.

— Позвольте тогда спросить вас, лорд Николос: входит ли в задачи вашей миссии распространение Рингизма в Экстре? — Этот вопрос исходил от ярконского посла Кагами Ито. Пожилой ярконец, ко всему относившийся с подозрением, был одет в плащ бабри, слишком плотный для такого теплого вечера. Круглое лицо посла блестело от пота, и на нем читались усталость и раздражительность. Когда-то, в своей первой старости, он был послом в Невернесе, пока Хранитель Времени, которому надоел его неуживчивый ха-

рактер, не выслал его из Города. — Нам всем хотелось бы знать, кто входит в состав вашей экспедиции: пилоты и специалисты Ордена или самые обыкновенные миссионеры.

Лорд Николос, оскорбленный таким вопросом, наставил на Кагами пухлый палец и сказал:

— Целью нашей миссии являются переговоры с Архитекторами Бесконечного Разума Вселенской Кибернетической Церкви. Наша цель — побывать в их мирах и разобраться в их верованиях, чтобы потом просветить их. Наша цель — основать в Экстре новый Орден. Мы все противники каких бы то ни было религий. Можете считать нас антимиссионерами, которые стремятся ниспровергнуть безумные доктрины безумной старой церкви.

Данло улыбнулся этой тираде, но промолчал, а лорд Николос сухим академическим тоном стал объяснять, что Архитекторы Старой Церкви уничтожают звезды потому, что Доктрина Второго Сотворения обязывает их участвовать в переустройстве галактики, а впоследствии, в конце времен, — и всей вселенной. Лорд Николос, мягкий и незакаленный физически, говорил со стальной решимостью, и в нем чувствовалась громадная воля, направленная на искоренение пороков и заблуждений человеческого рода. По-своему он был не менее фанатичен, чем любой Архитектор, но это был фанатизм логики, разума и холодного, ясного мышления. Вопреки мнению Зондерваля, миссия обрела в нем идеального руководителя, поскольку он понимал Архитекторов, как способен их понимать только лютый враг.

— В таком случае я желаю вашей миссии успеха, — сказал Кагами Ито. — Мы все, жители Цивилизованных Миров, желаем его.

— Благодарю вас за добрые пожелания, — поклонившись чуть ниже, чем следовало, ответил лорд Николос.

— Мы *вынуждены* пожелать вам успеха, — продолжал Кагами. — Ордену в который раз предстоит спасти Цивилизованные Миры.

Зондерваль, выйдя вперед, спросил его:

— Быть может, вы предпочитаете спасти себя сами?

— И спасли бы, будь у нас свои легкие корабли и пилоты.

— Орден никогда никому не препятствовал строить легкие корабли.

— Но и знаниями своими ни с кем не делился.

— Легкий корабль может построить кто угодно, — пожал плечами Зондерваль.

— Но управлять им может далеко не каждый — не так ли, мастер-пилот?

— Это трудное ремесло, — согласился Зондерваль. — Пилот должен иметь страсть к математике.

— Настолько трудное, что пилоты Ордена хранят его секреты уже три тысячи лет?

— Неправда. А торговые пилоты Триа?

— Вы сами знаете, что они недостойны называться пилотами.

— Ну что ж — мы, *пилоты*, обучаем молодежь из любых миров.

— Да, вы берете наших молодых людей к себе в Невернес и делаете из них пилотов своего Ордена. А потом берете с них клятву не разглашать ваших тайн.

— Как же иначе? Некоторые тайны предназначены только для тех, у кого достанет разума их понять.

После неловкой паузы в разговор вмешался Мер Тадео и постарался успокоить спорщиков. С уважением отозвавшись о деятельности Кагами, всю свою жизнь скрепляющего дружественные связи Цивилизованных Миров, он принялся восхвалять доблесть Мэллори Рингесса, Зондерваля и других пилотов, искавших Старшую Эдду. Закончил он похвальным словом в адрес Данло и его молодых сверстников, рискнувших отправиться в Экстр.

Дипломатией он мог перещеголять любого дипломата. Он, как многие коммерсанты, ценил мир превыше всего и ставил Орден превыше всякой власти, включая и власть денег: ведь благодаря Ордену в Цивилизованных Мирах уже три тысячи лет поддерживалось единство и относительное взаимопонимание.

— Мы переживаем трудные времена, — сказал он лорду Николосу. — Цивилизованные Миры оказались между двумя

религиями. Извне наступают Архитекторы, уничтожающие звезды, и Экстр растет с каждым годом, изнутри нажимает новая вера, рингизм. Каждый легкий корабль, стартующий из Невернеса, несет вести об этой религии всем звездам и планетам. Вы сами, не будучи миссионерами и сами того не желая, служите носителями этого нового идеала. Подумать только, что любой человек способен стать богом! Мощная идея, разве нет? Не думаю, что ее значение можно преувеличить. Религия с незапамятных времен была гением и роком человечества. Возможно, что этот Путь Рингесса увлечет нас задолго до того, как Экстр поглотит какой-либо из наших миров.

Больше всего Мер Тадео — а также Мер Марлена Ева, Кагами Ито и почти любой человек в этом саду — боялся того, что Орден погибнет или хотя бы разделится на две половины, лучшая из которых (по его словам) отправится в Экстр, а другая останется в Невернесе.

— Если в Ордене произойдет раскол, — тихо спросил он, — что же будет с нашей замечательной цивилизацией?

Лорд Николос, посмотрев на Мер Тадео своим открытым рассудительным взглядом, сказал:

— Мы собираемся основать новый Орден в Экстре. Далеко от Невернеса.

— Двадцать лет назад Мэллори Рингесс увел в галактику эскадру легких кораблей. Это тоже происходило далеко от Невернеса, но пилоты разделились надвое, и между ними началась война.

— Мэллори Рингесс исчез. Возможно, его уже нет в живых.

Данло задержал дыхание и медленно выдохнул. Он стоял смирно, переводя взгляд с Мер Тадео на лорда Николоса.

— Возможно, — кивнул Мер Тадео. — Но идея Мэллори Рингесса, его идеал, жива до сих пор. Мы боимся, что если Орден ослабнет, этот идеал расколет надвое Цивилизованные Миры. И тогда начнется настоящая война — такая, какой мы не знали со времен Холокоста на Старой Земле.

Лорд Николос явно рассматривал страх Мер Тадео как нечто несбыточное, но с другими дело обстояло иначе. Кагами Ито и Валентина Морвен обсуждали с фарфарскими купцами

Войну Контактов и прочие войны, оставившие свой след на Цивилизованных Мирах. Но тут Мер Тадео, взглянув на цветовые часы, вправленные в золотое кольцо у него на мизинце, хлопнул в ладоши и объявил:

— Пилоты, специалисты, дорогие гости, время почти пришло. Прошу вас наполнить ваши кубки, чтобы я мог произнести тост.

Музыкальные пруды на газонах перестали играть и загудели, точно жидкие гонги. Их звук разнесся по всему саду, и десять тысяч человек как по команде повернулись на восток и подняли глаза к небу и затем ринулись к винным фонтанам, спеша налить бокалы.

Кагами Ито, Зондерваль и другие, кто был рядом с Данло, тоже устремились к Фонтану Фортуны. Слуги в общей давке разносили блюда с искусственным мясом, чили, сырами, сладостями, холодными компотами и разными экзотическими фруктами, которыми славится Фарфара. Данло заметил, что почти все эти слуги рыжеволосые и белокожие, с бледно-голубыми глазами: всю фарфарскую прислугу набирали на Торскалле. Своими льдистыми глазами они злобно пронизывали гостей, у которых хватало смелости попросить перечных орехов или кружку кофе. Сейчас, после воззвания Мер Тадео, они раздавали гостям хрустальные бокалы, на которые прежде норовили дохнуть или оставить на них отпечатки своих пальцев. Данло, получив наконец свой, прошел к западному краю фонтана, где народу было меньше всего. И там, среди запахов цветов, вина, шелка и пота, он уловил жуткую струю масла каны.

От этого хорошо знакомого ему запаха он застыл неподвижно, как зверь в лесу, пропуская людей мимо себя. Поворачивая голову влево и вправо, он втягивал воздух. Масло каны сильнее всего ощущалось с северной, наветренной стороны, где протекала река. Данло, продолжая принюхиваться, отошел от фонтана и двинулся к каменной ограде на краю обрыва. Выбравшись из толпы, он сразу же увидел у стены одинокую фигуру — воина-поэта в шелковом плаще, переливающемся всеми цветами радуги. Запах усилился. Все

воины-поэты душатся маслом каны, стимулируя свою жажду жизни и смерти.

— Здравствуй, — сказал Данло, подойдя к нему. — Мне кажется, ты следишь за мной, да?

Воин-поэт, небрежно облокотившийся на каменную стенку, улыбнулся ему. На мизинце его левой руки, державшей бокал с вином, полыхало огненно-красное кольцо. Такое же кольцо, как ни удивительно, украшало мизинец правой. Ее воин-поэт держал у отворота плаща, как бы готовясь в любой момент выхватить из потайного кармана отравленную иглу, или дротик, или страшный длинный нож — то, что воин-поэт всегда носит при себе.

— Ты Данло ви Соли Рингесс, — произнес он своим чудесным голосом, на удивление мирно и очень уверенно. — Позволь представиться: меня зовут Малаклипс Красное Кольцо с Кваллара.

Данло подобающим образом поклонился, а Малаклипс отошел от стены и с безупречной грацией отдал ему поклон. Данло отсчитал девять ударов сердца, пока Малаклипс стоял и смотрел на него. Воин-поэт держался спокойно, почти неестественно спокойно, как будто волшебным образом преобразился в тигра, не боящегося никаких других зверей, а уж человека тем более. Он и правда походил на некое волшебное существо, намного превосходящее человека, невероятно мудрое и невероятно остро ощущающее и себя, и Данло, и всех присутствующих здесь людей, и все растения в саду. Данло уже встречался однажды с воином-поэтом, и Малаклипс, нечеловечески быстрый и красивый, казался близнецом того давнего — ведь все воины-поэты делаются из одинаковых хромосом. Но чувствовалось в Малаклипсе и отличие, нечто свое, особенное, невероятная сила жизни — быть может, даже величие души. Судя по седине, тронувшей на висках его блестящие черные волосы, он был старше Данло не менее чем на пятнадцать лет, а для воина-поэта такой возраст уже старость. А тут еще и кольца. Особенно выдающиеся воины-поэты могут иметь одно красное кольцо, но еще никто из них за исключением одного, насколько знал Данло, не носил сразу двух.

— Зачем ты за мной следишь? — спросил наконец Данло.

Прекрасные черты Малаклипса озарила прекрасная улыбка.

— Ты же видишь, что ничего похожего я не делаю — просто стою здесь, любуясь этим чудесным видом и странными чужими звездами. Ты сам ко мне подошел. Тебе не кажется, что это странно? Большинство людей старается держаться от нас как можно дальше, а не искать нас.

— Видно, такая моя судьба — искать воинов-поэтов.

— Странная судьба. Было бы куда естественнее, если бы это я искал тебя.

— Меня? Но зачем?

— А ты не знаешь?

— Я не знаю, хочется ли мне это знать.

Малаклипс поднес бокал с вином к носу и вдохнул аромат.

— Ты на Квалларе знаменит — по двум причинам. Ты один из немногих, кому удалось победить воина-поэта, — и единственный, кто сделал это еще ребенком.

— Мне было шестнадцать, когда я встретил Марека в библиотеке, и я не считал себя ребенком.

— Тем не менее это примечательный подвиг. Если бы ты родился на Квалларе, то мог бы стать воином из воинов, поэтом из поэтов.

Услышав эти поразительные слова, Данло заглянул в чудесные фиолетовые глаза Малаклипса, такие темные и глубокие, что он почти различал в них свое отражение.

— Я никогда не смог бы стать... воином-поэтом.

— Разве?

Данло оставил этот вопрос без ответа и спросил сам под неумолкающий гул музыкальных прудов, все так же глядя в глаза Малаклипсу:

— Ты пришел сюда, чтобы отомстить за смерть Марека?

— Как безмятежно ты об этом спрашиваешь.

— А как я должен был спросить?

— Другой бы вообще не стал спрашивать, а пустился бы наутек. Почему ты нас не боишься?

— Не знаю.

— Это величайший из даров — не бояться. Впрочем, тебе, разумеется, можно не бояться того, что мы будем мстить за Марека. Он умер согласно нашим правилам, и мы благодарны тебе за их безупречное соблюдение.

— Я не хотел, чтобы он умирал.

— Вот это и есть самое примечательное. Говорят, что ты принес обет ахимсы, поклявшись не причинять вреда ни одному живому существу, — и все-таки сумел помочь Мареку в его момент возможного.

Данло слишком хорошо помнил, как Марек с Кваллара вонзил нож в собственный глаз и тем достиг момента возможного, когда жизнь есть смерть, а смерть есть жизнь. И помнил, как Марек перед этим благородным актом поведал ему, что воины-поэты приняли новое правило, предписывающее убивать всех богов, а также всех мужчин и женщин, могущих стать богами. За шесть лет Данло поделился этим секретом только с двумя людьми, но теперь он сказал:

— Я знаю, зачем Марек прибыл в Невернес. Знаю истинную причину. Перед смертью он рассказал мне о вашем новом правиле.

Эта новость, как ни странно, совсем не удивила Малаклипса, который лишь улыбнулся в ответ.

— Я сказал, что в моем мире ты знаменит по двум причинам. Вторая, разумеется, в том, что ты сын Мэллори Рингесса. Марека послали в Невернес проверить, истинный ли ты сын своего отца.

— Ну и как — истинный?

— А ты не знаешь?

— Откуда же мне знать?

На это Малаклипс засмеялся и сказал:

— Я слышал, что ты знаменит еще и привычкой отвечать вопросом на вопрос.

Данло слегка наклонил голову, восприняв это замечание как комплимент.

— Ты прилетел на Фарфару, чтобы завершить эту проверку, да?

Он снова, как делал часто, начал отсчитывать удары сердца, ожидая, когда Малаклипс достанет нож. Но воин-поэт только посмотрел на него странно и глубоко, вбирая в себя дикую стихию, наполняющую глаза Данло, как океан.

— Я не знаю, кто ты на самом деле, — сказал Малаклипс. — Пока еще не знаю. И не знаю, кто такой Мэллори Рингесс, бывший Главный Пилот, ставший, по общему мнению, богом.

Данло, пронзенный внезапным пониманием, взглянул на него.

— Ты здесь, чтобы найти моего отца, да?

— Возможно.

— Не на Фарфаре. Ты последуешь за нашей миссией в Экстр.

Малаклипс, в первый раз проявив легкое удивление, холодно ответил:

— Я слышал, что ты необычайно проницателен для простого пилота, — теперь я вижу, что это правда.

— Да, ты последуешь за нами, — повторил Данло. — Но как? Ведь воины-поэты не водят легких кораблей?

Торговые пилоты с Триа, конечно, водят: тяжелые, паломнические, а иногда и легкие. Они ходят на Нварт, Алюмит и Фарфару, но ни одному торговому пилоту даже в голову не придет вести легкий корабль в Экстр.

— Есть один человек. — Малаклипс показал на апельсиновую рощу футах в сорока от них. — Бывший пилот вашего Ордена. Он доставит меня, куда я захочу.

Данло разглядел под деревьями, увешанными яркими плодами, человека в сером и узнал в нем ренегата Шивана ви Мави Саркисяна, бывшего пилота, который подавал большие надежды, но дезертировал из Ордена во времена поиска Старшей Эдды. Никто из пилотов, приглашенных Мер Тадео, не захотел марать себя общением с дезертиром, и Шиван пил свое вино в одиночестве.

— И куда же ты хочешь попасть? — спросил Данло.

— Куда нужно будет. Я слышал, однако, что Мэллори Рингесс вернулся куда-то в Экстр. Возможно, миссия вашего Ордена заставит его объявиться.

— И что тогда?

— Тогда и видно будет. Тогда я сделаю то, что должен буду сделать.

— Убьешь моего отца?

— Если он на самом деле бог, я помогу ему достигнуть момента возможного.

— Если... он бог?

— Если он по-прежнему человек, я попрошу его закончить стихотворную строфу, только и всего.

— Какую строфу?

— Строфу из поэмы, которую я сочинил. Только человек, отказавшийся стать богом, способен завершить ее.

Данло посмотрел на реку Истас, мерцающую при свете звезд, и промолчал.

— Мне думается, ты знаешь, где твой отец.

Данло сжал в руке пустой бокал, храня молчание, как ночное небо.

— Возможно, у нас с тобой общая миссия, — сказал Малаклипс. — Мне думается, мы оба ищем твоего отца.

Возможно ли, чтобы единственной целью Малаклипса в Экстре была встреча с отцом? — подумал Данло. Вряд ли. У воинов-поэтов внутри одних целей всегда спрятаны другие, и самая глубокая их цель — это война.

— Ты хорошо умеешь молчать, — сказал Малаклипс. — Ну что ж — послушаем, что скажет хозяин дома.

Данло, глядя на темный лес далеко внизу, вдруг осознал, что вокруг него звучит голос Мер Тадео. Голос, усиленный музыкальными прудами, висел над садом, как серебряный туман. Мер Тадео произносил свой тост, и Данло отвел глаза от воина-поэта, чтобы вникнуть в смысл.

— ...эти храбрые мужчины и женщины столь почитаемого в Цивилизованных Мирах Ордена поклялись проникнуть в Экстр, чтобы... — Тут Данло заметил, что его бокал пуст. В погоне за воином-поэтом он позабыл наполнить его.

— У тебя нет вина, пилот. — Малаклипс поднял свой бокал, словно демонстрируя Данло некий тайный эликсир, с хрустальным звоном коснулся им пустого бокала и быстро

налил туда до половины рубинового вина, не пролив ни капли. — Выпьем за успех твоей миссии?

Данло понес бокал к губам, но пить не стал, а только вдохнул. От вина шел шипучий, пряный, почти горячий запах. Посмеет ли Малаклипс отравить его на глазах у десяти тысяч человек? Воины-поэты славятся своими ядами. Тысячу лет назад, в конце Войны Контактов, они в союзе с Архитекторами Старой Церкви сконструировали вирус, опустошивший Цивилизованные Миры, а впоследствии сгубивший все племя деваки за исключением Данло.

— Ты когда-нибудь пробовал огненное вино? — спросил Малаклипс.

Данло вспомнил, что яды воинов-поэтов не всегда смертельны. Когда-то его бабушку, даму Мойру Рингесс, тоже отравил воин-поэт. С помощью своих маленьких игл он ввел ей в кровь запрограммированные бактерии, так называемые слель-клетки. Эти клетки, наподобие раковых, пустили метастазы в ее мозг, где уничтожили миллионы нейронов и нервных узлов и отложили микроскопические слои белковых нейросхем, превратив таким образом живой человеческий мозг в биологический компьютер. И бабушка Данло, мать Мэллори Рингесса, стала почти полностью подвластна программам воина-поэта. Данло, вдыхая пьянящий аромат огненного вина, не мог не думать о прижизненной смерти, которой она подверглась.

— Я не могу пить с тобой, — сказал он наконец.

— Вот как?

— Сожалею, но это так.

Малаклипс пристально посмотрел на него, но ничего не сказал.

— Я как пилот не могу пить с врагами моего Ордена.

— Ты уверен, что мы с тобой враги? — с грустной и чарующей улыбкой спросил Малаклипс.

— Конечно.

— Хорошо, не пей со мной, но все-таки выпей. Этой ночью все пьют за триумф Экстрианской миссии, и ты тоже должен.

Мер Тадео закончил свою речь, и звон десяти тысяч бокалов наполнил весь сад. Эта хрустальная музыка напомнила Данло то время, когда он доверял тому, что видел собственными глазами. И для него всего важнее было проверить истинность того, что он видит. Сейчас, глядя в фиолетовые глаза Малаклипса, которые улыбались ему и манили, он видел, что вино — это только вино, и нет в нем ни вирусов, ни слель-клеток, ни прочих ядов. Данло необходимо было удостовериться в этой правде любой ценой, и он выпил.

Мягкие ткани его языка и глотки тут же опалило огнем. На миг он испугался, что вино все-таки отравлено — возможно, даже экканой, которая никогда не выводится из организма полностью и обрекает человека на страдания до конца его дней. Но жжение уступило место дразнящей щекотке, которая в свою очередь сменилась чудесным холодком, напоминающим мятный. Вино и в самом деле было только вином, восхитительным огненным вином, столь ценимым торговцами и любителями во всех Цивилизованных Мирах.

— Поздравляю. — Малаклипс поднял свой бокал и поклонился Данло. — За твою миссию. За вечный момент, когда все становится возможным.

С этими словами он выпил, а Данло наклонил свой бокал и вылил остаток бесценного вина на траву у себя под ногами. Он сказал, что не станет пить с воином-поэтом, и не стал.

— Я сожалею, — сказал он.

— Я тоже сожалею. О том, что не ты поведешь мой корабль в Экстр.

Воин-поэт обладал безупречным чувством времени. Как только он произнес «Экстр», люди в саду хором начали обратный отсчет. Сто... девяносто девять... девяносто восемь... девяносто семь. Они выкрикивали цифры в унисон, следуя примеру Мер Тадео, и их голоса сливались в сплошной зловещий рев.

Многие лица были обращены на восток, к небу. Купцы в серебряных кимоно и люди Ордена в форменных одеждах — все смотрели на тот клочок космоса, где Зондерваль пообещал явление звезды. Шестьдесят шесть... шестьдесят пять...

шестьдесят четыре... шестьдесят три. Воин-поэт тоже наставил свой тонкий палец в небо и звучным голосом считал вместе со всеми, приближаясь к нулю. Двадцать два... двадцать один... двадцать... девятнадцать.

Наконец и Данло поднял глаза к звездам Экстра. Его волновала и забавляла мысль, что эти бессчетные, безымянные звезды, возможно, тоже ждут его, как он ждет, чтобы их дикий свет наполнил ему глаза. Когда-то в детстве он думал, что звезды — это глаза его предков, которые следят за ним и ждут — ждут, когда он поймет, что и он по сути своей неистовая белая звезда, неотделимая от ночи. Звезды, он знал, могут ждать почти вечно, пока человека не прожжет наконец его истинная суть, и в этом заключается великая тайна звезд. Четыре... три... два... один.

Настал момент — момент, в который небо осталось просто небом с вечно мерцающими звездами. Зондерваль ошибся в расчетах, подумал Данло, и никакой новой звезды этой ночью не появится. Он настал, этот бесконечный момент, длившийся гораздо меньше секунды, и прошел. Над восточным горизонтом, чуть выше темных гор, вспыхнула яркая точка — вспыхнула и тут же развернулась в ослепительную белую сферу. Протуберанцы, клубясь вокруг невыносимо яркого центра, рассылали сияние во все стороны космоса. Свет этого дикого цветка резал Данло глаза, и он отвернулся. Остальные зрители щурились, гримасничали и заслонялись руками от сияющего дива.

Невольно казалось, что такое событие должно сопровождаться большим шумом, как при фейерверке, — устрашающим шипением раскаленного воздуха или космическим громом. Но небо хранило свою странную тишину, и в саду слышалось только людское дыхание, пение ночных птиц да плеск воды и вина в фонтанах.

Гости и слуги тоже притихли, пораженные этим зрелищем. Можно было подумать, что они присутствуют при родах. Но ведь эта звезда не была новорожденной — они наблюдали миг ее смерти, в который звезды достигают наиярчайшего своего сияния. Она вся состояла из света, эта прекрасная звезда, из

альфа-лучей, гамма-лучей и жесткой радиации, которую человек, охваченный горячкой переустройства вселенной, исторг из материи. Она была фотонами, прожигающими небо и струящимися через бесконечность вселенной.

Данло всего лишь один миг ждал — ждал, пока ее свет озарит сад, но людям других миров придется ждать несколько тысяч лет, чтобы увидеть ее. Учитывая скорость света в вакууме, пройдет примерно двадцать тысячелетий, прежде чем свет сверхновой пересечет галактику и прольется на город Невернес. Но там есть другие звезды, более близкие и опасные. Данло очень хорошо помнил звезду Меррипен, взорвавшуюся близ Невернеса двадцать лет назад. Почти всю его жизнь смертоносный волновой фронт шел через черные бездны космоса к Городу. Очень скоро, всего через шесть лет, жители Невернеса увидят Экстр как он есть.

Это и было истинной причиной, по которой Орден отправил свою миссию в Экстр, эту адскую область убийственного света и раздробленного пространства-времени, простершуюся там, где у человека достало безумия покуситься на звезды. Орден должен был прийти в Экстр, пока Экстр сам не пришел к нему.

— Мне пора. — Данло поклонился Малаклипсу, бросив взгляд на свой пустой бокал. — Прощай, поэт.

Данло нарочно попрощался так, чтобы исключить возможность их новой встречи, и зашагал назад через толпу. В тесноте горячих, взволнованных людских тел, под светом новой звезды, он шел к Фонтану Фортуны. Зондерваль уже собирал пилотов. Они все были там — Лара Хесуса, Ричардесс, Запата Карек, Леандр с Темной Луны и даже легендарный Аджа, бывавший то мужчиной, то женщиной и превосходивший, по общему мнению, всех пилотов, когда-либо выходивших из стен Академии.

Данло, не боясь замочить рукав, окунул свой бокал в фонтан и выпил, чокаясь со своими товарищами и брызгая красным вином на голые, без перчатки, пальцы. Они заговорили о своей священной миссии, и Зондерваль назвал имена ста пилотов, которые вместе с ним проведут тяжелые и базовые ко-

рабли на Тиэллу, новый дом Ордена. Остальные, включая Данло, будут искать затерянную планету Таннахилл. Каждый из них, руководимый своим гением и судьбой, войдет в нехоженый, неведомый Экстр, ища примет и открытий, которые приведут миссию к ее цели. Данло же отправится к самым диким, самым гибельным звездам. Там он найдет своего отца и задаст ему один простой вопрос. То, что Малаклипс Красное Кольцо может последовать за ним на своем корабле, не имеет значения. Данло нечего бояться того, что воин-поэт убьет его отца. Если отец действительно бог, как может даже самый опасный из людей причинить ему вред?

Данло допил свое вино, посмотрел на сияющую новую звезду и подумал: а как же смогли люди причинить вред этим прекрасным и ужасным созданиям, на которые всегда смотрели, как на богов?

Глава 2

ОКО ВСЕЛЕННОЙ

Вселенной око я — лишь чрез меня
Величие свое дано узреть ей.

Перси Бишш Шелли

На следующий день Данло повел свой корабль в Экстр. Алмазная «Снежная сова», длинная и грациозная, насчитывала двести футов от носа до кормы. В полете она напоминала светящуюся иглу, прокалывающую мультиплекс — эту мерцающую ткань объективной реальности, пролегающую между звездами, эту подкладку пространства-времени. Многие корабли миссии повернули к звезде — и планете Тиэлла. Данло всегда поражало, как много здесь звезд: холодных, красных и оранжевых, и горячих голубых гигантов, и многотысячных желтых, горящих ровно и верно, как солнце Старой Земли.

Никто не знал, сколько звезд сияет в линзе Млечного Пути. Астрономы Ордена утверждали, что в галактике их не меньше пятисот миллиардов — они держатся плотными скоплениями близ ядра и расходятся спиралями вдоль рукавов. При этом в туманностях наподобие Рудры и Розетты все время рождаются новые звезды, формируясь из жара, космической пыли и силы тяжести. Сто поколений звезд сменилось до того, как возникло солнце Невернеса.

Звезды, как и люди, умирали всегда. Данло, озирая громадные световые расстояния, дивился порой количеству людей, зародившихся из звездной пыли и фундаментального стремления всякой материи к жизни. Среди звезд галактики обитало около пятидесяти миллионов миллиардов человек. В одних только Цивилизованных Мирах каждую секунду переходило из жизни в смерть примерно три миллиона мужчин, женщин и детей. Данло полагал правильным и естественным постоянное самосоздание жизни в клубящихся, голодных человеческих роях, но уничтожать звезды ради расширения этой жизни было неправильно. Это было святотатство, грех и даже шайда — слово, которым Данло иногда обозначал ущербность вселенной, утратившей, наподобие остановившегося волчка или треснувшего чайника, гармонию и равновесие.

Вся материя стремится трансформироваться в свет — это Данло понимал глубоко, и нутром, и мозгом. Но в этой бесконечной вселенной, из которой он родился, света и так уже было слишком много. Звезды Экстра, больные светом, пухли и лопались от него, образуя адские световые бури, которые человек именует сверхновыми. Когда-нибудь, в далеком-далеком будущем, Экстр превратится в ослепительно белое облако фотонов и жесткой радиации. Тогда этот крохотный кармашек вселенной вообще перестанет пропускать свет, и такие, как Данло, люди не смогут больше смотреть на звезды и видеть вселенную такой, как она есть. Ибо все пространство будет светом, и все время будет светом, и не будет ничего, кроме света, ныне, и присно, и во веки веков.

Пилоты держали курс на свет Тиэллы, чтобы построить там город и создать новый Орден. Остальные, в том числе и Данло, сопровождали миссию только до Саттва Люс, великолепной белой звезды во внутренней оболочке Экстра.

До Саттва Люс они проследовали без происшествий, поскольку Зондерваль уже нанес на карту каналы от звезды к звезде и сообщил пилотам координаты всех попутных звезд. Данло прошел от Савоны к Шокану, а затем к Саттва Люс гладко, как проходят кровяные тельца по человеческим сосудам. Этот отрезок пути, напоминающий торные звездные тун-

нели, был, однако, чреват опасностями, с которыми мало кому из пилотов доводилось сталкиваться. В любой части Экстра, даже хорошо известной, искривление пространства-времени или взрыв звезды могли разбить мультиплекс на тысячу потоков и уничтожить корабль, имевший несчастье попасть не в ту струю.

У Саттва Люс, где проходы через мультиплекс сходились в сгусток, темный и плотный, как свинцовый шар, пилоты разделились. Основная масса кораблей во главе с Зондервалем ушла первой. Данло, вышедший в реальное пространство на несколько мгновений, успел увидеть этот момент. В десяти миллионах миль под его «Снежной совой» пылала белая корона Саттва Люс, над ним чернел космос с множеством безымянных звезд. Он видел, как скрылся в черном сиянии мультиплекса корабль Зондерваля, «Первая добродетель», — это выглядело как маленькая световая вспышка. Вокруг нее тут же засверкали другие вспышки — это корабли миссии прорывали дыры в пространстве-времени, уходя в мультиплекс. Пилоты легких, тяжелых и базовых кораблей открывали окна во вселенную и пропадали в них. Вслед за ними стали уходить и пилоты второй группы. «Снежная сова», «Мозгопевец», «Деус экс Махина», «Роза Армагеддона» — все сто пятьдесят четыре корабля со своими пилотами, следуя за своей судьбой, скрылись в глубине Экстра.

Для Данло, как и для любого пилота, математика служила ключом, открывающим окна, сквозь которые шел его корабль. Математика, как волшебный сверкающий меч, рассекала покров мультиплекса и освещала черные пещеры небытия, подстерегающие пилота. «Снежная сова» уходила все глубже, и все глубже мыслил Данло в ее кабине, бывшей душой и мозгом корабля, в недрах живого биокомпьютера, среди темно-пурпурных, мягких, как бархат, нейросхем. Он мыслил, и вызывал перед собой зрительные картины, и доказывал теоремы, прокладывающие путь через окружающий его хаос. Он видел яркие математические сны, и просыпался, и двигался все дальше.

Он входил в область чистых чисел, как в пещеру, блистающую сапфирами, огневитами и другими драгоценными камнями, и его ум наполнялся кристаллическими символами вероятностной топологии. Изумрудная снежинка представляла теорему Джордана-Холдера, алмазные глифы строились в маршрутные леммы, аметистовые завитушки изображали правило Инвариантности Пространства. Их были тысячи, этих сверкающих символов, которые пилоты называли идеопластами. Только они позволяли Данло вовремя замечать псевдотороиды, пузыри Флоуто, бесконечные деревья и прочие ловушки, таящиеся под мультиплексом, как ходы гладышей под снегом. Только открывая мультиплексу собственный разум, он мог видеть эту странную реальность как она есть и прокладывать маршруты от звезды к звезде.

Таким же образом Данло следил за маршрутами своих товарищей-пилотов. Их корабли, как и «Снежная сова», создавали в мультиплексе рябь, словно брошенные в пруд камни. Данло видел эту рябь как световые, чисто математические волны, которые он без труда расшифровывал. Поначалу, пока легкие корабли оставались в хорошо изученном регионе, известном как сектор Лави, он видел умственным взором светящиеся пути многих кораблей. Затем пилоты один за другим стали уходить из поля его математического зрения, и радиус сходимости растянулся до бесконечности.

Теперь в одном секторе со «Снежной совой» оставалось всего девять кораблей. Данло хорошо знал и эти корабли, и их пилотов, поскольку все они дали клятву проникнуть в одну и ту же часть Экстра. Среди них было несколько ветеранов Пилотской Войны: Саролта Сен, Долорес Нан и невероятно отважный Леандр с Темной Луны, любящий опасность, как другие любят женщин и вино. Были Рюрик Боаз на «Божьем агнце» и хитрющая Ли Те Му Лан на «Алмазном лотосе». Кроме этого, у них имелся еще один лотос — «Лотос тысячи лепестков», ведомый Валином ви Тимоном Уайтстоном, из самумских Уайтстонов. Список пилотов, державших путь к звездной туманности Эта Киля, завершали Ивар и Розалин Сарад на корабле «Бездонная чаша» — и, разумеется, Шамир Смелый, который

продвинулся к ядру галактики ближе, чем любой другой пилот со времен Леопольда Соли.

Все эти пилоты в ночь вспышки сверхновой поклялись в саду Мер Тадео войти в темную странную туманность, известную под именем Твердь. Они, как и Мэллори Рингесс до них, шли к этим опаснейшим звездам в надежде пообщаться с одним из величайших божественных умов галактики.

Данло задумал проникнуть в Твердь еще перед отлетом из Невернеса, в ту полную знамений ночь, когда он стоял на морском берегу и смотрел на звезды. Узнав, что другие пилоты намерены сделать то же самое, он не удивился. Десять пилотов — это слишком мало, чтобы прочесать космический сектор объемом около десяти тысяч кубических светолет. Десять пилотов могут затеряться там, как песчинки в океане. Но Данло в их обществе чувствовал себя спокойно и постоянно следил за пертурбациями, которые производили в мультиплексе их корабли.

При этом он все время пересчитывал корабли, желая убедиться, что их, вместе со «Снежной совой», по-прежнему десять — число круглое и успокаивающее. Столько же пальцев у него на руках, как и у всех рожденных естественным путем представителей человечества. В десятичных системах счета это число символизирует завершенность вселенной, где все сущее стремится к изначальному единению. Десять — число совершенное, и Данло порой пугался, не будучи уверенным, что кораблей действительно десять.

Уже не раз, обычно после прохода сквозь сгущение возле какого-нибудь красного гиганта, у него получалось другое число. Оно не должно было получаться. Счет — самая фундаментальная из математических дисциплин, столь же естественная, как натуральные числа от единицы до бесконечности. Данло, от рождения наделенный редким математическим даром, научился считать чуть ли не раньше, чем говорить, и уж ему ли было не знать, сколько кораблей движется в одном с ним секторе — десять, пять или пятьдесят.

Когда они миновали неистовую белую звезду, которую он импульсивно назвал Волком, Данло окончательно убедился,

что кораблей не меньше десяти и не больше одиннадцати. Иногда, вглядываясь в темную сердцевину мультиплекса, он как будто различал композиционный след таинственного одиннадцатого корабля. Пытаться обнаружить этот корабль было все равно что искать отдельный солнечный блик на поверхности пруда. Временами Данло почти улавливал этот блик, но тот дробился, как от брошенного в пруд камня, и тут же возвращался, ничего уже не отражая.

Одиннадцатый корабль, если он действительно существовал, маячил, как призрак, на самом пределе радиуса сходимости. Нельзя было сказать наверняка, что он там, и нельзя было сказать, что его там нет. Пока десять пилотов продвигались к Тверди, корабль-призрак следовал по их маршрутам, всегда держась на самой границе их звездного сектора. Данло не знал никого, кто умел бы столь безупречно управлять кораблем. В глубине души он надеялся, что этого искусника, одиннадцатого пилота, вообще не существует. Одиннадцать — худшее из чисел, символ избытка, перехода в иное качество, конфликта, мученичества, даже войны.

Оказалось, что Данло не единственный засек одиннадцатый корабль. У какой-то безымянной звезды Ли Те Му Лан вышла в реальное пространство и задержалась в нем на несколько долгих секунд, давая другим пилотам сигнал присоединиться к ней. Это было традиционное приглашение на совет — другим способом пилот просто не мог его сделать. В мультиплексе радиоволны и прочие сигналы не распространяются, поэтому все десять пилотов вышли в реальное пространство у этой слабой желтой звезды и установили между собой лазерную связь.

В кабине «Снежной совы» внезапно сделалось очень людно — компьютер, расшифровывая информацию лазерных лучей, наполнил ее светящимися головами девяти пилотов. Видеть эти переливающиеся волнами голограммы было почти все равно что сидеть с друзьями в одном из многочисленных кафе Невернеса над кружками горячего кофе.

Почти, но не совсем. Данло становилось не по себе, когда он представлял, как его собственная светящаяся голова плава-

ет, отделенная от тела, в кабинах других кораблей. Было нечто сверхъестественное в этом совете, который они держали здесь, в черных глубинах Экстра, где за шестьсот триллионов миль не найти ни одной человеческой души. Но тут Ли Те Му Лан заговорила, и Данло, слушая ее, отвлекся от странности ситуации.

— По-моему, нас сопровождает еще один пилот, — сообщила безупречно круглая, коричневая и безволосая, как орех бальдо, голова Ли Те. Данло помнил, что у нее и тело круглое, хотя и не видел его сейчас. — Знает ли кто-нибудь что-то о нем?

— В Твердь поклялись проникнуть десять пилотов, — сказал тонколицый Ивар Сарад. Он имел склонность к абстракции и интерпретировал реальность довольно параноидально. — Мы все, стоя перед Зондервалем, принесли эту клятву. Возможно, Зондерваль послал пилота проверить, выполним мы ее или нет.

Пилот с головой большой и косматой, как у овцебыка, с этим никак не мог согласиться. Шамир Смелый со свойственными ему отвагой, оптимизмом, решительностью и чувством юмора засмеялся и возразил:

— Нет-нет, Зондерваль верит нашему слову — верит, что мы по крайней мере попытаемся это сделать.

— Кто же тогда ведет этот одиннадцатый корабль? — спросила Розалин, застенчивая, беспокойная женщина, невысоко себя ценившая и как человек, и как пилот.

— Не знаю, существует ли этот корабль вообще, — сказал Ивар. — Можем ли мы быть уверены в этом? Я лично не могу. Волновую функцию можно истолковать и по-другому.

— По-другому? Как, например? — осведомился Шамир Смелый.

— Композиционные волны, которые мы оставляем за собой, могут инвертировать в галливарово пространство, которое...

— Маловероятно, — заметила Ли Те. — Существование галливаровых пространств еще никто не доказал.

— Допустим, — смерил ее холодным, подозрительным взглядом Ивар. — Возможно, это просто отражение линейного

следа одного из наших кораблей? Леопольд Соли говорил, что в Экстре мультиплекс способен быть гладок и отражателен, как зеркало.

Не только Ивар Сарад сомневался в существовании одиннадцатого корабля. Саролта Сен, Долорес Нан и Леандр с Темной Луны были склонны с ним согласиться, хотя и по другим, более здравым причинам. Рюрик Боаз и Валин ви Тимон Уайтстон поддерживали Ли Те. Уайтстон даже проявил самоотверженность и предложил остальным продолжить путь к Тверди, а он тем временем вернется назад по своему маршруту и поищет одиннадцатый корабль. Он выведет на чистую воду загадочного пилота, а потом, если сможет, догонит остальных — к тому времени они наверняка уже прославятся, став единственными пилотами после Мэллори Рингесса, кто сумел получить тайные знания у богини, именуемой иногда Калинда Мудрая.

До этого момента Данло молчал, поскольку был среди них самым младшим и не считал приличным вмешиваться в разговор. Кроме того, его бывший и самый близкий друг Хануман ли Тош, оставшийся в Невернесе, научил его полезному умению хранить секреты. Однако утаивать важную информацию от своих товарищей было бы неправильно. Данло не мог допустить, чтобы благородный Валин Уайтстон жертвовал собой ради сохранения какого-то секрета, и потому сказал:

— Возможно, одиннадцатый корабль ведет отступник, Шиван ви Мави Саркисян — вы ведь его знаете, да? Возможно, что он везет в Экстр воина-пилота.

Все девять голов повернулись к Данло. Пилоты смотрели на него, как на зеленого кадета, впервые опьяневшего от цифрового шторма или сон-времени. Понимая, что они ждут от него объяснений после столь невероятного заявления, Данло рассказал им о своей встрече с Малаклипсом Красное Кольцо в саду Мер Тадео.

— Да, это возможно, — сказал тогда Леандр с Темной Луны, тряхнув массивной головой с золотистыми завитками волос и бороды. В нем, как и в его имени, было что-то от льва и что-то — от ленивого, но озорного мальчишки. Он

легко поддавался скуке, и когда Данло заговорил о воинах-поэтах и пресловутом Шиване, он оживился, как голодающий, получивший кусок мяса с кровью. Глаза у него заблестели, и он продолжил своим рокочущим басом: — Я знал Шивана еще до того, как он свихнулся на почве великого поиска. Тогда он был отличным пилотом. Если кто-то и способен последовать за нами в Твердь, так это он.

После долгих прений пилоты, разбросанные на расстоянии полумиллиона миль, согласились, что Малаклипс действительно может преследовать их в надежде, что они приведут его к Мэллори Рингессу — но возможны и другие варианты. Леандр и Долорес слишком хорошо помнили, что пилот способен обернуться против другого пилота, и превратить свой корабль в меч, и проделать им зияющие дыры в мультиплексе, чтобы отправить туда своего противника.

Если пилот найдет точный вероятностный маршрут и проделает эти дыры в соответствии с ним, он может отправить вражеский корабль по темному туннелю в огненное сердце какой-нибудь ближней звезды. Во время Пилотской Войны так погибли многие, и Саролта Сен на своем «Бесконечном дереве» сам едва остался жив после подобной атаки. Он первый заметил, что Малаклипс, возможно, желает смерти им всем. Раз у воинов-поэтов существует правило убивать всех богов, то может быть и другое, секретное: убивать всех людей, которые из гордости или по глупости пытаются вступить с богами в контакт.

Проще всего в этой ситуации было бы повернуть обратно и напасть на корабль Малаклипса — так стая волков отпугивает белого медведя, идущего следом за ними. Это позволило бы им в один миг испепелить воина-поэта. Но поступить так они не могли. *Больше* не могли. Леандр, любивший войну, как только доступно человеку, первый предложил разойтись и подойти к Тверди десятью разными маршрутами. Тогда Малаклипс на своем «Красном драконе» сможет следовать только за кем-то одним.

На этом совет закончился. Пилоты распрощались, и Данло снова остался один в кабине «Снежной совы». Ли Те Му Лан

подала сигнал (это право принадлежало ей как старшей по возрасту), и корабли, разойдясь в разные стороны, открыли окна в мультиплекс и исчезли в нем, как блики, отбрасываемые алмазной сферой. Каждый пилот, следуя своим путем, утратил всякую связь с другими и остался наконец совершенно и бесповоротно один.

Поначалу это одиночество вызывало у Данло тихую радость, с какой он мог бы слушать ветер в темном зимнем лесу. Впервые за много лет он почувствовал себя совершенно свободным. Но природа жизни такова, что ни одна эмоция не длится вечно, и блаженство, испытываемое Данло, быстро сменилось тревожным сознанием того, что он все-таки не один. Углубившись в темные течения мультиплекса, он почти сразу же заметил пертурбации, производимые другим кораблем, который всегда находился в одном секторе с ним.

Два — число зловещее. Это отражение или удвоение единицы, самого совершенного из натуральных чисел. Два — это эхо, противовес, начало умножения. Число два показывает, как вселенское единство дробится на волокна, кварки и фотоны, отдельные составные элементы жизни. Два — символ становления как противоположности чистому бытию; в определенном смысле два — это жизнь, а следовательно, и смерть, ибо всякая жизнь завершается смертью, даже если питается жизнью других, чтобы сохранить себя.

Сам Данло боялся смерти меньше, чем другие люди, но полагал, что достаточно на нее насмотрелся, чтобы знать, какова она. Четырнадцати лет он похоронил восемьдесят восемь человек — всех, кто входил в племя деваки, усыновившее и воспитавшее его. Он был близко знаком со смертью и чувствовал, что преследующий его воин-поэт может стать причиной смерти дорогих ему людей. Видя в Малаклипсе вестника смерти и думая, что знает о смерти все, что следует знать, Данло решил оторваться от призрачного корабля, который гнался за ним, как снежная сова за бегущим по снегу зайцем. Поэтому он очистил свой ум от того, что осталось позади, и обратил внутренний взор в самую глубину мультиплекса, где ожидали его сокровенные ужасы и радости вселенной.

На первых порах, впрочем, он познал одну только радость — холодную красоту цифрового шторма, где многогранные математические символы пронизывали его ум каплями застывшего света, и замедленное время, ускорявшее его мысли, и нечто еще — нечто иное.

Есть у пилотов одна тайна. Хотя все они входят в мультиплекс одинаково и придерживаются единого мнения относительно его природы, каждый из них воспринимает его поразному. У Данло, в отличие от всех других пилотов, с которыми он разговаривал, мультиплекс переливался красками. Он знал, конечно, что при отсутствии света и пространства-времени и красок никаких быть не может — однако они все-таки были. Он несся от звезды к звезде, под звездами реального пространства, а потом входил в Кириллиан — окрестность звезды, которая светилась глубоким кобальтом, скрытой и тайной синевой, которую Данло ни разу не наблюдал в жизни.

Вскоре он вошел в обычное инвариантное пространство, жемчужно-серое, с розовыми завитками. На один миг он счел, что ему повезло — через такое пространство он мог проложить прямой маршрут до самой Тверди. Но в Экстре для пилота легким и простым ничего не бывает. В следующий момент он оказался в анизотропном сдвиге, разновидности топологического кошмара, которую пилоты иногда называют инверсией Данлади. Слои мультиплекса теперь вспыхнули яркой лазурью, то переходящей в бледную бирюзу, то вновь разгорающейся до изумрудно-зеленого.

Все вокруг выглядело, как странное живописное полотно, где все детали постоянно меняют фокус, перемещаясь с заднего плана на передний, из тени в свет, изнутри наружу и обратно. По-своему это было красиво, но и опасно, и Данло порадовался, когда коварное пространство стало дробиться и разветвляться, образуя более или менее нормальное дерево решений. Каждый пилот может только пожелать, чтобы в мультиплексе ему не встречалось ничего сложнее таких деревьев, где все решения выражаются в простейшей форме: максимум-минимум, правое-левое, внутрь-наружу, да-нет.

Но вдруг ветвь, на которой держался корабль, подломилась — так это выглядело, — и Данло угодил в редкий и очень опасный псевдотороид, из тех, которые открыл лорд Рикардо Лави в одно из первых своих путешествий к Экстру. Краски вернулись снова: р-мерные числа Бетти в рубиново-золотисто-хромовой гамме вспыхивали в густо-фиолетовых складках. Все цвета на пороге конечного внезапно наливались алым пламенем и, багровея, уходили в бесконечность.

Само пространство, этот невозможный псевдотороид, извивалось, как схваченный сильной рукой снежный червь. Оно корчилось, и дергалось, и лопалось, а потом на фиолетовом раскрывалась фиолетовая щель, и оно начинало уходить само в себя. Теперь здесь стало по-настоящему опасно — одна опасность караулила внутри другой. Настал момент, длившийся не больше половины одного удара сердца, в который Данло, паря в своей кабине, потел, и тяжело дышал, и думал так быстро, как только доступно человеку. Как ни мало он боялся смерти, он все же страшился попасть живым в сворачивающийся псевдотороид. Его страх имел красновато-пурпурный оттенок, цвет налитого кровью клеща, зажатого между большим и указательным пальцем.

Все его сознание, все математическое мышление и вся воля к жизни до последнего волоконца устремились в окружающее его пространство. Там змеились, уходя один в другой, темные туннели, немыслимо сложные и абсолютно немаршрутизируемые. Сама ткань мультиплекса, сиреневая, как плащ фабулиста, сворачивалась внутрь себя, переливаясь аметистом, анилином и пурпуром — тем единственно чистым пурпуром, который, вполне возможно, служит основой всех остальных цветов. Повсюду мультиплекс проваливался сам в себя, напоминая темно-фиолетовые цветы, растущие в обратном порядке — сворачивающие лепестки и уходящие в ту лишенную света точку, где количество складок стремится к бесконечности.

Вполне вероятно, что Данло никогда не вырвался бы из такого пространства, если бы не вспомнил случайно один оттенок цвета. Вернее, он сам заставил себя вообразить зритель-

но эту густую, почти черную синеву, и его внутреннее зрение налилось ею, как вечернее небо. Его воля к жизни была сильна, а память на цвета, образы, слова, шепоты и любовь — еще сильнее, и он заставил себя увидеть эту глубокую-глубокую синеву внутри синевы, цвет глаз его матери.

Мать Данло была одним из лучших скраеров всех времен и умела видеть бесконечно сложную вязь отношений между «теперь» и «после». Величайшие из скраеров всегда находили дорогу в будущее — в конечном счете они сами выбирали будущее и судьбу. Данло скраером не был, но знал, что цвет его глаз в точности повторяет материнский.

«У тебя глаза матери», — сказал ему как-то дед, Леопольд Соли. Когда-то, еще до его рождения, мать ослепила себя, как это делают все скраеры, чтобы яснее видеть будущее. Данло, мчась в своем корабле к страшной исходной точке псевдотороида, крепко зажмурил глаза и попытался представить их синеву изнутри.

Тогда ему вспомнилась одна из важнейших теорем элементарной топологии. Она предстала перед ним, как густо-синий драгоценный камень, хранящий внутри тайный свет. Это была первая теорема сохранения, гласящая, что изображение контура каждого простого маршрута тождественно контуру изображения. Данло вцепился в эту теорему, как голодающий в кусок мяса. Он понял, что может применить ее для выхода из псевдотороида, — и применил. Он мысленно вызвал перед собой шеренги идеопластов и выстроил доказательство. Возможно, он первым из всех пилотов за всю историю Ордена доказал, что из свертывающегося псевдотороида существует выход, даже если этот выход стремится к бесконечно малой величине. Он составил маршрут и внезапно увидел свет звезды: «Снежная сова» вышла в реальное пространство-время у великолепного золотого светила, которое Данло назвал Шона Ойю — Яркое Око Бога.

Так продолжал он свое путешествие — от звезды к звезде, то входя в мультиплекс с изнанки этих звезд, то выходя из него. Желая достигнуть Тверди первым из десяти пилотов и при этом избавиться от воина-поэта, который, возможно, все

еще шел за ним, он двигался со всей доступной пилоту быстротой.

Все миссии, как сказал Зондерваль в саду Мер Тадео, похожи одна на другую. Цель Данло, ищущего своего отца и планету Таннахилл, была напрямую связана с поиском бесконечного знания двадцатипятилетней давности, поиском известным как Старшая Эдда, и был он всего лишь продолжением других человеческих исканий. Человек всегда стремится раскрыть свой истинный образ, предугадать, каким человек может стать со временем. Это и есть тайна жизни, человеческой жизни, которую люди искали еще в лунных африканских саваннах Старой Земли.

У пилотов Ордена это стремление выражается чаще всего в вечном беспокойстве, в инстинкте и воле бороздить космос, двигаясь через вселенную в своем непрестанном поиске. Одни ищут черные дыры, и кольцевые миры, построенные древними инопланетными расами, и незнакомые новые звезды. Другие все еще толкуют о гипотетической темной материи вселенной, которую никому еще не удавалось найти. Третьи ищут Бога — но все пилоты, достойные своих колец, ищут движения ради самого движения.

Танец, совершаемый легким кораблем от звезды к звезде, сквозь прозрачные, выходящие на звезды окна мультиплекса, танец, устремленный к самым дальним галактикам, — путь от одного звездного окна — к следующему, которые с большим искусством и точностью должен выбирать на своем пути пилот. Данло не стал еще мастером фенестрации, но закатный путь от этого манил его не менее властно. Для него, молодого пилота, оба эти понятия были идентичны, и он успешно прокладывал маршруты через сотни хрустальных окон. И каждое окно дарило ему момент спокойствия и ясности, как самый настоящий, безупречно прозрачный оконный переплет, сквозь который струится звездный свет. Но в этом моменте всегда заключалось предчувствие других окон, всегда новых, всегда странных, всегда открытых ясному свету вселенной.

Если бы корабль Данло двигался в нормальном пространстве со скоростью света, пройденный им путь занял бы около трех тысяч лет. Данло это казалось очень долгим сроком. Три тысячи лет назад Орден только еще собирался перебраться с Арсита в Невернес, а женщина, которой предстояло сделаться Твердью, еще не родилась на свет. А за три тысячи лет до этого, где-то в тех местах, через которые проходил теперь Данло, покончил с собой, по преданию, некий безумный бог. Это было очень зрелищное самоубийство: он бросился на звезду, превратил ее в свой погребальный костер и таким образом создал первую из сверхновых Экстра.

В галактике столь апокалиптической, как Млечный Путь, три тысячи лет — это почти вечность, но у пилота, замкнутого в кабине легкого корабля, есть вечности более гнетущие и непосредственно его касающиеся. Данло, дитя ветра и солнца, порой чувствовал ненависть к тьме, в которой пребывал. Отключаясь от корабельного компьютера и сверкающего цифрового шторма, он чувствовал ненависть к сырому запаху нейросхем, вони собственного немытого тела и спертой, насыщенной углекислотой атмосфере кабины. Он тосковал по свежему воздуху и возможности свободно двигаться под открытым небом. Он шел среди звезд быстрее большинства пилотов, и все же его путь — от окна к окну — отнимал у него много внутреннего времени — субъективного времени крови, внутренностей и мозга. Иногда, в редкие моменты приятия и согласия, он любил свою пилотскую профессию больше всего на свете, но он и ненавидел ее, и страдал оттого, что не может путешествовать еще быстрее. Он то и дело думал о Великой Теореме, утверждающей, что любые две звезды имеют пару напрямую связанных точек входа.

Его отец первым доказал эту теорему и первым преодолел полгалактики от Пердидо Люс до Звезды Невернеса за один ход. Данло, как и все пилоты теперь, знал, что покрыть расстояние между любыми двумя звездами и попасть в любую точку галактики можно почти мгновенно, но найти такой маршрут не всегда можно. Большинству пилотов, по правде говоря, это вообще не под силу. Лишь немногие, такие как Зон-

дерваль и Вренда Чу, достаточно гениальны, чтобы составить такой маршрут и найти Великой Теореме практическое применение. Но и они большей частью вынуждены путешествовать так, как теперь Данло, — от окна к окну, от звезды к звезде, один бесконечный день за другим.

Чем дальше к Тверди продвигался Данло, одолевая каналы, запутанные, как клубок змей, тем больше старался он вникнуть в смысл Великой Теоремы и составить прямой маршрут. Было бы здорово выйти из мультиплекса прямо у знаменитой красной звезды внутри Тверди, совершить посадку на какой-нибудь планете и отдохнуть на широком песчаном пляже. Данло желал этого всей душой, всей силой своей воли.

Была еще и другая, весьма практическая причина, побуждавшая его играть с логикой и загадками Великой Теоремы, — Данло при необходимости мог быть очень практичным. У нейтронной звезды в окрестностях Тверди он снова засек чужой корабль, и ему очень захотелось оторваться от воина-поэта раз и навсегда.

На девяносто девятый день своего путешествия он подошел наконец к порогу Тверди. «Снежная сова» вышла в реальное пространство у большой белой звезды, и Данло увидел в корабельные телескопы зрелище, которым мало кому из пилотов доводилось любоваться. Перед ним в черноте космоса висело облако из ста тысяч звезд, тускло мерцающих сквозь пелену светящегося водорода. Концентрация пылевого вещества была здесь слишком высока, чтобы он мог исследовать эту темную, грозную туманность с помощью одного только зрения. Скоро, через несколько мгновений, быть может, ему придется войти в нее, чтобы увидеть ее такой, как она есть. За прошедшие тысячелетия пилоты, конечно, уже не раз входили в многочисленные туманности галактики, но эта отличалась от всех остальных, поскольку вмещала в себя тело и мозг бога.

Вся туманность, собственно, и была мозгом Тверди — вернее, мозг Тверди занимал весь этот огромный звездный сектор. Данло было трудно вообразить себе столь громадный разум, объединяющий сгустки материи, которая представляла

собой не органическое мозговое вещество, а скорее собрание компьютеров — миллионы идеально круглых, сверкающих лунных мозгов, пульсирующих информацией и мыслями, недоступными восприятию простого смертного.

Никто не знал, сколько их здесь, этих лун. На орбитах крупнейших звезд вращалось около тысячи сфер. Эти мозги питались фотонами, гамма-лучами, рентгеновским излучением и прочей радиацией — выражаясь фигурально, они пили дыхание звезд. Твердь могла бы смотреть на любой сектор туманности, как на частицу своего божественного тела, будь Ей присущи подобные сантименты. В любом случае вся материя этой туманности — миллионы планет, астероиды, пыль, газовые облака и звезды — служила Ей пищей, поддерживающей Ее колоссальную энергию и позволяющую Ей расти. За последние три тысячелетия богиня, по преданию, преобразилась из обыкновенного человека в существо, почти полностью занявшее туманность диаметром около ста световых лет.

Предполагалось, что основную часть этой энергии Она расходует на манипуляции материей, пространством и временем — иначе говоря, на воплощение своих проектов во вселенной. Немалая доля энергии уходила только на организацию Ее разума и на обеспечение связи с самой собой. Лунные мозги группировались вокруг звезд туманности, порой отделенных одна от другой множеством световых лет. Сигналу, идущему через реальное пространство, потребовались бы годы, чтобы дойти от одной доли Ее мозга к другой. При условии обмена сигналами со скоростью света для связи между миллионами таких долей понадобились бы миллионы лет, а одна-единственная мысль Тверди заняла бы целый миллиард. Поэтому Она таких сигналов не применяла. По гипотезе механиков, Она генерировала тахионы, эти призрачные, существующие лишь в теории частицы, наименьшая скорость которых приближается к скорости света. Для этого, как предполагали механики, она и нуждалась в столь огромных, непредставимых запасах энергии. Через триллионы миль между звездами Тверди струились, должно быть, целые потоки тахионов, несущие информацию

со скоростью, бесконечно выше световой, не поддающиеся обнаружению, но воображению, в общем, доступные.

Данло, закрывая глаза, почти что видел рубиновые лучи, прошивающие пространство-время золотыми нитями сознания. Где-то перед ним, в этой странной темной туманности, куда он медлил войти, лучи тахионов несли таинственные коды, обеспечивая почти мгновенную связь между мозгами, сплетая в космосе невидимую, но могущественную паутину чистого разума.

Данло, не в силах терпеть больше, составил маршрут и начал свой путь между звездами Тверди. Почти сразу же, войдя в эти запретные пространства и миновав кровавое солнце вдвое больше Скутарикса, он почувствовал, что Твердь в каком-то смысле сознает его присутствие. Возможно, Она держала на всех своих лунах триллионы телескопов, органических или неорганических, и постоянно оглядывала космос в поисках движущихся объектов — как птица пешави оглядывает лес в поисках мух. Притом Она почти наверняка тоже умела читать пертурбации, производимые легким кораблем в мультиплексе.

Данло думал об этом, входя в сложные деревья решений и выходя из них. Пространства, через которые он следовал, засоряли нулевые точки — они походили на капли зачерняющего масла, пролитого в бокал с вином. Чем дальше он углублялся в Твердь, тем больше ему встречалось свидетельств Ее контроля над материей.

А еще он встречал следы военных действий. Во всяком случае, раздробленные планеты и ионизированная пыль очень напоминали фронтовую полосу некой войны богов. Возможно, Твердь воевала с самой Собой. Возможно, она уничтожала Себя планета за планетой, атом за атомом, вечно выстраивая и перестраивая собственные элементы в нечто новое. С помощью корабельных радиотелескопов и сканирующих компьютеров Данло исследовал много солнечных систем, ища знакомые элементы естественного мира: вездесущий водород, ядовитый кислород, дружественный углерод. Около звезд ему

попадались и другие: непостоянный гелий, быстрая предательская ртуть, благородное золото.

Он каталогизировал все обнаруженные им элементы и составленные из них силикаты, соли и льды. Он сразу заметил, что здесь слишком много трансуранов, от плутония и фермия до актиноидов и бешеных нестабильных атомов, которые никому из физиков Ордена еще не удавалось синтезировать.

Присутствовало здесь и нечто иное. Близ корон некоторых звезд — обычно это были одиночки средней величины, вокруг которых вращались пять или более газовых планет-гигантов — мерцали завесы материи, чей атомный вес был не больше, чем у платины или золота. Данло не смог определить, жидкая она или твердая. Временами, на расстоянии десяти миллионов миль, она приобретала текучий блеск ртути и все оттенки золота, временами оказывалась легкой, как литий. К своему изумлению, Данло открывал здесь элементы с атомным весом меньше водородного.

Он знал, что это невозможно: физики никогда не выдвигали гипотез о существования подобных атомов. Данло понял, что Твердь создает новую материю, которой прежде не было во вселенной. Ни его телескопы, ни его компьютеры, ни вся теоретическая физика не могли разобраться в этой божественной субстанции.

Он догадывался, что Твердь овладела тайной полного разложения материи и пересоздания ее, начиная от инфонов и струн, из которых, по мнению некоторых механиков, строятся протоны и нейтроны. Возможно, Она пыталась создать более совершенное вещество для нейросхем своего мозга, то есть более совершенный субстрат для чистого разума. Данло забавляла мысль, что Она, быть может, попросту строит планы на будущее.

Говорят, что все протоны в конечном счете распадутся на позитроны и пионы, и вся вселенная, таким образом, испарится, преобразовавшись в свет — через каких-нибудь десять тысяч триллионов в квадрате лет. Возможно, Твердь творила свою материю из частиц более стабильных, чем протоны, син-

тезируя что-то вроде пластмасс, которые выдерживают сырость гораздо дольше естественного дерева. Если боги и богини обладают такой же волей к жизни, как люди, они, уж конечно, должны создать себе тела, не подверженные смерти и тлению. Ни один механик Ордена еще не имел счастья произвести анализ подобного вещества, и Данло решил взять пару проб, чтобы показать друзьям.

Дело вроде бы простое — надо только послать роботов и зачерпнуть несколько литров субстанции, но в действительности это представляло немалую опасность. Прежде всего, это означало трудные и опасные маневры возле ближайшей белой звезды. Данло пришлось бы выйти из мультиплекса в области температур столь высоких, что даже его алмазный корабль мог бы расплавиться. А потому ему предстоял еще бросок через реальное пространство до кармана искусственной материи. Только так он мог накачать ее в свой трюм, чтобы вернуться в прохладные вневременные струи мультиплекса и продолжить свой путь.

Открыв окно в мультиплекс, чтобы подойти к белой звезде и выполнить эту второстепенную миссию, Данло сразу почуял неладное. «Снежную сову» тут же засосало в серо-черное хаотическое пространство, совершенно ему незнакомое. Это пространство не должно было находиться там — возможно, оно вообще не имело права на существование. Окно, открытое им, должно было вывести его к другому окну, а то другое — к третьему, прямо в пылающую голубую корону намеченной им звезды. Вместо этого корабль попал в водоворот, очень напоминающий пространство Лави, только чернее, и насыщенное нулевыми точками, как старое вино — осадком. Маршрут почти сразу же заколебался, как мираж над замерзшим морем, а потом Данло, как ни трудно в это поверить, вообще потерял свой маршрут.

Это одно из самых худших несчастий, которые могут приключиться с пилотом. Данло двигался через безмаршрутное пространство, где, казалось, не было ни начала, ни конца. Некоторое время он, обливаясь потом, молился и лгал себе, надеясь, что это окажется не сложнее обычного пространства Мебиуса. Но чем больше он отдалялся от точек выхода на искомую звезду, тем ощутимее подступало отчаяние.

Ни один пилот, насколько он знал, не выходил еще из такого пространства. Возможно, ни один пилот даже и не сталкивался с чистым хаосом — Данло всегда учили, что под всеми кажущимися разветвлениями и турбуленциями мультиплекса прощупывается прочный математический костяк. Сейчас он не был в этом так уверен. Хаос вокруг него сворачивался и давил на корабль, загоняя его к нулевой точке. Это было почти все равно что попасть в снежинку Коха, где одни кристаллические точки вложенные в другие, стремятся к нулю. Данло, вокруг которого клубились миллиарды таких снежинок, дивился природе сложных явлений, где внутри одних элементов обнаруживаются другие, и так до бесконечности. Он мог бы с легкостью затеряться в этих бесконечностях, не будь его воля к освобождению так сильна. В безнадежной, казалось бы, ситуации он пытался построить модель хаоса и проложить маршрут через эту невероятную часть мультиплекса.

Для первой модели он применил простое преобразование множества Мандельброта, при котором маршрут z после итерации в комплексной плоскости переходит в $z^2 + c$, где c — комплексное число. Когда это не дало результата, он стал преобразовывать другие множества — Лави, Джулии и даже множества кватернионовых полей Соли применительно к мутировавшему сгущению. Все напрасно. Корабль, вращаясь, падал в почти непроницаемый чугунно-серый мрак, и Данло, забросив математику, обратился к метафорическим определениям хаоса, которые узнал еще в детстве. Он был уверен, что скоро умрет, так почему бы хоть как-то не утешиться перед смертью? Он освободил ум от идеопластов и прочих математических символов, и ему вспомнилось слово «эеша-калет», означающее холод, предшествующий снегу. Данло перестал потеть. Он ждал, когда хаотический шторм усилится и убьет его, и все тело казалось ему холодным и чужим.

Уступить хаосу было легко — так одинокий человек уступает холодному ветру, который швыряет его на лед. Сделав это, Данло наконец присоединился бы к своему племени. Но древнейшая мудрость его народа гласила, что человек должен умирать в свое время, и что-то внутри Данло шептало, что его срок еще не пришел. Все это время, когда он плавал в ледяном мраке своей

кабины, держась за шрам над глазом, дрожа и вспоминая, что-то говорило ему: живи. Он все время слышал этот долгий, темный, страшный зов — быть может, голос самого хаоса.

В центре хаоса явилась чернота, яркая, как зрачок глаза. Эту черноту окружали тайные цвета: сперва шел яркий оранжевый обод, а за ним чистейшая снежная белизна, прекрасней которой Данло ничего не видел. Эти краски существовали и внутри, и вне его. Данло опять подключился к корабельному компьютеру и заново вгляделся в мультиплекс.

Перед ним, на обратной стороне звезд Тверди, в темных извилистых туннелях фазового пространства, появился странный аттрактор: стабильный, непериодический, малоразмерный. Его петли и спирали включали в себя бесконечное множество фрактальных каналов внутри конечного пространства. Ни один из этих каналов не мог пересечься или соприкоснуться с другими. Существовала гипотеза, что странные аттракторы представляют собой черные дыры мультиплекса. Ни один объект, приблизившись к такому, не сможет избежать его бесконечности. Пилот, вошедший в странный аттрактор, будет спускаться по бесконечным спиралям в черноту и безвременье. Любой пилот в здравом уме должен бежать от такого аттрактора. Этот вариант напрашивался сам собой — но куда было бежать Данло?

Аттрактор, как ни удивительно, притягивал его, почти что звал — так будущее зовет все живое навстречу блестящей судьбе. Данло не мог противиться этому зову. Настал момент, когда он направил свой корабль в такое место, о котором прежде и помыслить не мог. Он совершил это безмолвное подтверждение в темноте своего корабля, и им овладело неистовство. Тело начало теплеть, словно согретое солнечными лучами, сердце забилось быстро и сильно. Кровь вскипела тысячами бурных потоков, которые, при всем своем буйстве и взвихренности, послушно несли влагу к сердцу. Если хаос и существовал где-то, то бушевал он внутри самого Данло, но там же присутствовал и порядок. Хаос-порядок, порядок-хаос — Данло впервые понял глубокую связь между этими, казалось бы, взаимоисключающими понятиями.

Хаос не враг порядка, думал Данло, а скорее катаклизм, из которого порядок рождается. Появление сверхновой — насильствен-

ное, хаотическое событие, но в этом световом взрыве рождаются водород, кислород, углерод и другие элементы жизни. Место, где из хаоса может возникнуть порядок, существует всегда.

И чтобы найти этот скрытый порядок, Данло сам сначала должен стать воплощением хаоса. В этом его гений, его радость, его судьба. Отсюда его нестандартное математическое мышление, взращенное алалойскими шаманами и доведенное до блеска в стенах Академии. Опираясь на свою волю, он должен разглядеть, когда из бесформенности родится рисунок, имеющий смысл и продолжение. Данло всю жизнь учили различать такие рисунки, и выбор, видеть их или не видеть, оставался всегда за ним. Здесь, в аттракторе, втягивающем его в свои кольца, рисунки были. Были волны, вздутия и плоские фрактальные образы, подобные тучам, окружающим око урагана. Сам аттрактор переливался красками от яркого оранжевого до льдистой голубизны, и Данло впервые залюбовался его странной, ужасной красотой. Бесконечность, с которой функции хаоса вкладывались одна в другую, и ждали, и наблюдали, и рисовали свои узоры, завораживала Данло. Он мог выбирать из бесконечного множества рисунков, из бесконечного множества возможностей. Будущее всегда было возможно — стоило только правильно выбрать, отсеять, инвертировать, составить маршрут, а потом сравнить его с миллионом других виденных тобой образцов.

Теперь узоры, рассыпаясь карминовыми пунктирами, уходили в сине-черный всепоглощающий бассейн, и Данло должен был выбрать один-единственный из них. Меньше чем за секунду, в бесконечно малую долю времени, которая была, есть и пребудет вечным «сейчас», Данло предстояло сделать свой выбор. Когда момент настанет, откладывать не будет возможности. Либо его насильно потащит навстречу его судьбе, либо он скажет «да» хаосу внутри себя и сам выберет свое будущее. Так поступают скраеры. Так поступила его мать, найдя в себе небывалое мужество произвести его на свет.

Когда момент настал и сейчас-всегда-навеки слились воедино, Данло выбрал простой узор, и проложил маршрут в глубину этого странного аттрактора, и оказался в оке хаоса, где царили покой, тишина и прекрасный, благословенный свет.

Глава 3

ГОЛОСА ПРЕДКОВ

Способность помнить прошлое дает возможность предвидеть то, чего еще не случилось. В этом разделении времен и заключается великая проблема сознания, одинаковая для человека и для бога: чем яснее мы представляем себе будущее, тем больше страшимся того, что неизбежно станет настоящим.

Хорти Хостхох, «Реквием по хомо сапиенс»

Данло вышел из мультиплекса у маленькой желтой звезды прекраснее всех звезд, которые ему доводилось видеть. В систему этой звезды входило девять круглых, приятных на вид планет, одна из которых находилась совсем близко от Данло. В каких-нибудь десяти тысячах миль под «Снежной совой» вращался сине-зеленый мир, окутанный ярко-белыми облаками. Данло не верил в свою удачу. Мало того что он чудом вышел из безвыходного аттрактора — ему еще посчастливилось найти такую красивую, гостеприимную планету.

Весь дрожа от торжества и радости, Данло открыл корпус корабля, чтобы посмотреть на этот безымянный мир. Он долго разглядывал мохнатые бурые континенты и сверкающие синевой океаны. Компьютер-сканер, проанализировав атмосферу планеты, обнаружил кислород, азот и двуокись углерода, включенные в поток органической жизни. Желая окончательно убедиться в том, что он вышел в реальное пространство,

Данло исследовал эту реальность телескопами, сканерами и собственными глазами — он должен был увидеть ее такой, как она есть. В линиях горных цепей, в ломаных очертаниях континентов и океанов ему чудилось что-то невыносимо знакомое.

Он не сразу понял, что именно, но, порывшись в памяти, испытал шок узнавания, как при встрече с другом, который вышел из ран и шрамов старости во всей нетронутости и блеске юных лет. Его изумляло, как точно облик планеты совпал с картинкой из его памяти, — изумляло то, что здесь, в сердце Тверди, он открыл планету в точности такую же, какой запомнилась людям Старая Земля.

Нет, не может быть. Это невозможно.

Да, это была Земля и в то же время не Земля. Планета представляла собой девственную, первобытную Землю, не тронутую войнами и безумием Холокоста, исцелившуюся каким-то образом от своих страшных ран. В ее атмосфере не наблюдалось даже следа углеводородов, хлоридных пластмасс или плутония, вопреки ожиданиям Данло. Океаны, которые он изучал в телескоп, изобиловали жизнью и были совершенно чисты — ни нефтяных пятен, ни мусора. По травянистым равнинам континента, похожего на Африку, бродили стада антилоп, и львы, и животные наподобие лошадей, раскрашенные в черную и белую полоску. Там росли деревья. Деревья! Часть каждого континента, за исключением самого южного, покрывали нетронутые ярко-зеленые леса. Такая Земля могла существовать пятьдесят тысяч лет назад или по прошествии пятидесяти тысяч лет, но трудно было понять, откуда взялась здесь эта прекрасная планета *сейчас*.

Если Старая Земля все еще существовала, она, как хорошо знал Данло, должна была находиться где-то за восемьдесят тысяч световых лет отсюда, в рукаве Ориона, близ Сагасрары и Аноны Люс. Невозможно, чтобы кто-то, даже богиня, имел руки настолько сильные и длинные, что мог бы перенести целую планету через пятьдесят тысяч триллионов миль опасного, полного звезд пространства. Данло, глядя в свои телескопы, сомневался, видит ли он что-то в действительности. Говорили, что Твердь способна манипулировать всеми видами

материи на неисчислимых расстояниях реального пространства одной лишь силой своей воли и мысли. Возможно, Она в это самое время манипулирует молекулами его мозга, пощипывая нейроны, как музыкант — струны паутинной арфы. Кто знает, какие мелодии способен исполнить неизмеримо высший разум на его сознании, какие видения способна богиня внушить человеку.

Через некоторое время Данло решил, что должен положиться на собственные глаза и аналитические данные своего компьютера — вопреки опасениям, что его связь с корабельным компьютером и прочие ощущения есть лишь искусная модель реальности, в которую Твердь заставляет его поверить. Объективной информации, подтверждающей эти опасения, у него нет, но нельзя забывать, что он находится в пространствах Тверди, в самом Ее мозгу. Быть может, и Она, используя что-то вроде информационного вируса, проникла в его сознание. И его образ как пилота, проникшего в Ее живую субстанцию, возможно, является сейчас одной из глубочайших мыслей богини. Эта попытка разобраться, кто в ком находится, напоминала позицию человека, который держит одно зеркало против другого и вглядывается в бесконечный сверкающий коридор, сходящийся к одной изначальной точке.

Данло, окончательно запутавшись с вопросом, что считать наружным, а что внутренним, испытывал тошноту и головокружение. Ему пришло в голову, что он, возможно, вовсе и не вышел из аттрактора. Возможно, он по-прежнему падает в черноту мультиплекса, проходя через бесконечные кошмары и галлюцинации обезумевшего пилота, а возможно, он так и остался на своей родной планете. Ему тринадцать лет, и вокруг бушует сарсара, великая буря, чуть не убившая его на льду моря во время путешествия в Невернес.

Может статься, он так и не добрался до Невернеса, не стал пилотом, и эти последние девять лет его жизни только приснились ему — до сих пор снятся. Его мозг, словно пуская пузыри сквозь толщу темной воды, создает воображаемые образы — например, показывает ему Ханумана ли Тоша с дьявольскими голубыми глазами и сломанной душой, образ дру-

га, который его предал, который его предаст. Который вечно будет смотреть на Данло своими полными смерти глазами, прожигая его молнией, кровью и памятью, нанося ему глубочайшую, не подлежащую исцелению рану. Возможно, ветер наконец повалил Данло на лед и он, одолеваемый холодом, лежит и грезит о будущем, о жизни и о смерти. Никогда ему не узнать, так ли это. Нет возможности это знать. Ужасающая, парадоксальная природа реальности такова, что, если размышлять о ней слишком много или вглядываться в нее слишком глубоко, она начинает представляться нереальной.

Но я-то знаю, подумал Данло. Я знаю то, что знаю.

Где-то внутри него, под его умопостроениями и мозговыми импульсами, таилось знание более глубокое. В каждой клетке его организма хранился безбрежный древний разум, не имеющий отношения к работе его мозга, и каждая из клеток чувствовала притяжение лежащей внизу планеты. Казалось, что каждый атом его тела помнит эту планету и узнает ее. Данло решил наконец не сопротивляться больше этому глубокому чувству реальности. Он *знал,* что эта блуждающая Земля реальна, знал, что видит белые шапки ее полюсов и серо-зеленые северные леса такими, как они есть в действительности. Ему во что бы то ни стало нужно было удостовериться, что это его знание — правда, что наблюдаемые им картины и шепот его клеток — это торжество его чувства истины, торжество того таинственного и чудесного сознания, которое присуще всем людям и всему, что есть во вселенной.

Если эта Земля реальна, то и ее возникновение в пространстве-времени тоже реально. Возможно, ее вовсе не перенесли через космические расстояния — возможно, это богиня ее создала.

Как только эта мысль пришла Данло в голову, с планеты через атмосферу ударил в космос лазерный луч. В этом сигнале не содержалось информации, которую компьютеры корабля могли бы расшифровать, но сам лазерный сигнал, идущий с одного из лесистых побережий, был своего рода информацией. Данло впервые задал себе вопрос, есть ли на этой Земле люди. То, что они могут там быть, казалось вполне естествен-

ным. Данло вспомнил, что его отец при первом путешествии в Твердь открыл планету, населенную людьми, которые никак не могли поверить в то, что прожили всю свою жизнь в звездной туманности, пронизанной божественным разумом.

Данло, правда, не видел внизу ни городов, ни глинобитных хижин, ни пирамид — ничего, что свидетельствовало бы о человеческой деятельности. Возможно, население этой Земли вело дикий образ жизни под пологом изумрудных лесов. Если так, то Данло никогда не разглядеть здешних жителей, кружа в легком корабле по орбите их мира. Он стосковался по звуку человеческих голосов, да и любопытство его разбирало — поэтому он решил совершить посадку и найти источник загадочного света.

Он прошел экзосферу, стратосферу и повел корабль сквозь клубящиеся облака тропосферы. «Снежная сова» вошла в гравитационный колодец планеты, и Данло порадовался, что стал пилотом именно легкого корабля, который способен преодолевать не только межзвездные расстояния, но и самые плотные слои атмосферы. Легкому кораблю доступна почти любая точка вселенной, и управляющий им пилот чувствует себя быстрым и свободным, как световой луч. Данло опускался все ниже в серой облачной пелене, держа курс к тому месту, откуда исходил сигнал.

Он приземлился на широком песчаном берегу одного из континентов и не стал тратить время на выявление вирусов и бактерий, кишмя кишевших во влажной среде планеты. Не для того он залетел так далеко, чтобы его убил какой-то вирус. Данло попросту открыл кабину и вывалился на мягкий песок.

Он с неудовольствием обнаружил, что порядком ослабел за долгие дни, проведенные в невесомости. Легкий корабль создает микрогравитацию вокруг торса и конечностей тела, но это поле не может полностью воспрепятствовать усыханию мышц и деминерализации костей. На первых же пробных шагах Данло убедился, что частично атрофировавшиеся мышцы ног держат его с трудом и вдобавок ощутимо болят. Однако он стоял, и ему казалось, что его босые ступни черпают силу из холодного песка.

Слева от него рокотал и бился о берег серый океан, справа — к востоку, северу и югу простирался другой океан — темно-зеленый хвойный лес, и там, в глубине виднелись скалы и крутые холмы. А за дюнами и прибрежной травой, на самой опушке леса, стоял дом — маленькое шале, построенное из гранита и осколочника. Данло знал этот дом и хорошо его помнил.

Нет. Это невозможно.

Данло стоял и смотрел на дом у опушки леса, а холодный ветер с океана нагонял воспоминания. Данло охватила дрожь, и ему стало так холодно, как будто океан плескался у него внутри. Он опустил взгляд на свои худые, белые трясущиеся ноги. Он был наг, как всякий пилот в кабине своего корабля, но сейчас, стоя на мягком податливом песке, ощущал себя особенно голым и незащищенным. Вернувшись на корабль, он взял сапоги, плотный шерстяной плащ и конькобежную камелайку, в которой катался по улицам Невернеса.

Но перед ней я все равно гол, подумал он. Мой разум, моя память — для Нее они голые.

Когда-то в этом домике, который Данло видел как нельзя более ясно, он проводил ночи, полные любви, страсти и счастья. Когда-то в нем жила Тамара Десятая Ашторет, женщина с великим сердцем и сломанной жизнью, которую Данло любил и потерял. Но она бежала из этого дома, бежала от Данло с его жгучей памятью. Говорили, что она и Невернес покинула, улетела куда-то к звездам. Данло не верил, что она могла отыскать эту загадочную планету в глубине Тверди, — не верил и все же заторопился к дому, чтобы посмотреть, что или кто там внутри.

Тамара, Тамара — в этом доме ты обещала выйти за меня замуж.

Шагая по сыпучему песку, Данло вспоминал, как его друг Хануман ли Тош из ненависти к нему, из мести и ревности обманом заставил Тамару надеть очистительный шлем и стер из ее памяти все, что касалось Данло. Тамара отказала Данло, предложившему заменить утраченную память своей, и в тоске и отчаянии ушла от него.

А Данло в порыве ненависти чуть не убил своего лучшего друга.

Взойдя на поросший травой пригорок, он по дорожке, вымощенной плитами из песчаника, подошел к двери дома. Дверь, толстая и закругленная вверху, была сделана из черного плотного осколочника, который встречается только на островах планеты Ледопад. На Старой Земле он не рос никогда, и оставалось тайной, где Твердь взяла осколочник для постройки этого дома. Данло потрогал дверь, холодную и отполированную до той немыслимой гладкости, которую дает только осколочник. Он провел пальцем по ее красивому срезу, вспоминая. Твердь каким-то образом в точности скопировала дверь Тамариного дома. Среди множества дверей, хранящихся в памяти Данло, эта стояла особняком. Он помнил ее идеально подобранные по рисунку, с почти незаметными стыками плашки. Он узнавал каждый завиток древесины, как будто снова стоял на ступеньках дома в Невернесе и собирался постучать. Но он был не в Невернесе. Он стоял у двери невообразимого дома на пустынном берегу океана, и завитки на двери в точности повторяли рисунок, выжженный в его памяти.

Как это возможно? Как возможна память, существующая во всем, даже в неодушевленных вещах?

Данло долго стоял так, глядя на эту дверь и слушая крики морских птиц, а потом сжал кулак и постучался костяшками пальцев. Древний звук, производимый ударами кости о дерево, заглушался ветром и прибоем, гудевшим внизу, как колокол. Данло постучался трижды, с каждым разом все громче, но не получил ответа. Тогда он взялся за ручку из прозрачного кварца, которая легко повернулась в его руке, и вошел в холл.

— Тамара, Тамара! — позвал он, но тут же по эху, которое произвел его голос в каменных стенах, понял, что дом пуст. — Тамара, почему тебя нет дома?

Из учтивости и уважения к Тамариным правилам он снял сапоги. Дом был маленький, одноэтажный, всего из трех комнат. Дверь из холла вела в ярко освещенную медитационную, к которой с одной стороны примыкали ванная и каминная, а с

фасада — чайная комната и крошечная кухонька. Данло почти мгновенно убедился, что в доме действительно никого нет.

В кухне имелся солидный запас чая, сыра, фруктов и прочей еды, которую Тамара любила готовить для него, но все здесь — от апельсинов и кровоплодов, уложенных идеально ровными пирамидами в голубых вазах, до отсутствия хлебных крошек и капель меда на плиточных столах — говорило о том, что кухней никто не пользуется. Об этом же говорили свежие, несмятые полотняные наволочки на подушках в чайной комнате — на них явно никто никогда не сидел. От шегшеевых шкур в каминной пахло новым мехом, а не потом, и оба камина блистали чистотой — ни золы, ни сажи. Как будто Твердь, сняв макет его памяти, восстановила все до мельчайших деталей, но позабыла о беспорядке и грязи, всегда сопутствующих нормальной органической жизни.

Все остальное Она скопировала безупречно. Стропила розового дерева и потолочные окна были такими же, как их помнил Данло. В чайной на низком лакированном столике стояли чашки, на подоконнике выходящего на океан окна — статуэтка медведя доффалы и семь натертых маслом камней. Каждая вещь в доме совпадала с его памятью — кроме одной. Войдя в медитационную, Данло сразу заметил на стене сулки-динамик, что было очень странно, поскольку Тамара запрещенной техникой никогда не пользовалась. Ей не нравились ни компьютерные симуляции, ни всякого рода искусственные образы и звуки. Если бы она даже и питала склонность к анимации и другим видам псевдореальности, то никогда не допустила бы ничего подобного в свою медитационную комнату. Данло, желая узнать, на что запрограммирован динамик, повернулся к нему лицом и сказал:

— О нет.

В первый момент никакой реакции не последовало, и Данло подумал, что динамик настроен на чей-то другой голос. Он стоял, глубоко дыша, и чувствовал почти облегчение оттого, что динамик не подал признаком жизни. Он ожидал и боялся, что перед ним явится образ Тамары, высокой, нагой и до боли прекрасной, как в реальности. Но тут паутина нейросхем ди-

намика внезапно осветилась, и в центре комнаты появилось изображение.

Такого Данло никогда еще не видел. Из пола вырос огненный столб, переливающийся яркими красками, но не воспламеняющий ни паркета, ни висячих растений, ни воздуха. Вскоре беспорядочные огни сложились в знакомые Данло символы. Это были идеопласты, но не математические, а относящиеся к универсальному синтаксису. Всего в трех футах перед ним мерцали изумрудом, сапфиром и турмалином трехмерные знаки вселенского языка холистов, который Данло выучил еще послушником.

Этот рафинированный и красивый язык мог передавать любые аспекты реальности от инопланетных архетипов в поэзии Четвертых Темных Веков до нейронного шторма в мозгу грезящего аутиста. Идеопласты успешно отражали парадоксы цефической теории о круговой редукции сознания и языки инопланетных рас, а иногда даже фонемы и звуки любых человеческих языков, живых или мертвых. Чаще всего универсальный синтаксис применялся в библиотеках и различных кибернетических пространствах, давая пользователю возможность приобщиться почти к любой отрасли знания. Лучше всего идеопласты воспринимались в виде больших кристаллических массивов, которые компьютер подавал в визуальное поле человеческого сознания.

Данло не привык к проекции таких массивов в обычной комнате, и ему понадобилось время, чтобы приспособиться к новому способу восприятия и начать видеть в этих идеопластах какой-то смысл. Он расшифровывал их медленно, как древние китайские иероглифы или слова незнакомого ему инопланетного языка. Послание, мерцающее посреди медитационной, в конце концов оказалось очень простым — это было обычное приветствие, составленное богиней для него, Данло:

Далеко ли путь держишь, пилот? Как тебе удалось зайти так далеко без ущерба для себя, Данло ви Соли Рингесс?

Данло чувствовал, что на это приветствие надо ответить незамедлительно, но не знал, как это сделать. В доме не было ни одного шлема, поэтому он не мог подключиться к динами-

ку и генерировать в ответ свои идеопласты. Возможно, в столь неуклюжем методе общения вообще не было необходимости. Возможно, Твердь читала его мысли без каких-либо подручных средств. Если попросту генерировать слова в речевом центре мозга и ждать, пока они не проклюнутся наружу сами, как птенцы талло, Она, возможно, услышит его и ответит.

Как ты сумел залететь так далеко, Данло ви Соли Рингесс, сын Мэллори Рингесса?

Некоторые идеопласты на глазах у Данло рассыпались, словно осколки разбитого витража, и растаяли в воздухе, а на их месте появились новые. Данло подумал, что с тем же успехом может выражать свои мысли и вслух. Он сглотнул, чтобы увлажнить горло, и очень официально произнес:

— Я прилетел сюда из Невернеса. Меня зовут Данло ви Соли Рингесс, я сын Мэллори Рингесса и внук Леопольда Соли. Могу ли я узнать ваше имя?

Его вопрос оставили без внимания. Идеопласты не изменились, и их значение осталось прежним:

Как ты сумел залететь так далеко, Данло ви Соли Рингесс?

На этот раз Данло направил свой голос прямо в динамик и ответил весело:

— Мне здорово повезло.

Он подумал, что Твердь, возможно, вовсе не воспринимает ни его мыслей, ни звуковых вибраций этой комнаты. Возможно, Она даже с динамиком не контактирует. У богини величиной с туманность, вмещающей в себя сто тысяч звезд и несчитанные миллионы лунных мозгов, есть дела поважнее, чем беседа с каким-то пилотом. Возможно, богиня, чей разум недоступен человеческому, просто создала этот мир, построила этот дом и запрограммировала этот динамик, чтобы он отвечал Данло наиболее вероятным образом, если Данло посчастливится найти дорогу сюда.

Только ли удача тебя вела?

Меня вела судьба, подумал Данло. Это она помогла мне выбраться из хаоса. Но, в конце концов, случай и судьба связаны теснее, чем гриб и водоросль, образующие в симбиозе лишайник.

— Что такое, в сущности, удача? — спросил он.

Идеопласты перестроились в новую фразу:

Первое правило этого обмена информацией гласит, что ть не должен отвечать вопросом на вопрос.

— Прошу прощения. — Данло начал сомневаться, что сознание богини, известной как Калинда, обретается где-то за стенами этой комнаты, далеко от этой планеты. Уж очень незатейливой представлялась программа сулки-компьютера. Возможно, все его реплики — это продукт искусственного интеллекта, изобретающего умные слова на основе простых правил.

Второе правило обязывает тебя отвечать на все мои вопросы.

— На ваши вопросы? Но кто вы?

Идеопласты не изменились, и Данло вспомнил, что в самом деле не ответил на вопрос Тверди. Он вздохнул и сказал:

— Да, меня привела сюда удача... и не только она.

Что же еще?

Данло прошелся по комнате, оставляя легкие отпечатки своих потных ступеней на прохладном паркете. Описав круг, чтобы рассмотреть колонну идеопластов с разных точек зрения, он сказал:

— Я заблудился в хаотическом пространстве. А потом во тьме, в безвременьи, появился аттрактор — очень странный, очень дикий, но и знакомый тоже. Рисунки, алые и золотые, вспыхивали, перестраивались и повторялись. Столько чертежей, столько возможностей. Потом я кое-что вспомнил. Сначала я подумал, что это память о будущем, видение вроде тех, что бывает у скраеров. Но нет, это было нечто иное. Я вспомнил то, что никогда раньше не видел, — не знаю как. Это родилось у меня в уме, как звезда. Рисунок, воспоминание. Благословенная математика, благословенная память — они направили меня в аттрактор, и я вышел из мультиплекса над этой дикой Землей.

Идеопласты тут же растаяли, сменившись новыми, и Данло прочел:

Мне нравится твой ответ, Данло ви Соли Рингесс.

Данло оперся для поддержки на холодный гранит камина.

— Никогда не думал, что есть другая Земля, такая реальная, — сказал он.

Земля это Земля это Земля. Но знаешь ли ты, которая из Земель — та самая?

— Сначала я не знал, реальна эта Земля или нет. И думал, способна ли богиня поместить ее изображение — со вкусом, осязанием и прочими ощущениями — в мой мозг.

Ты знаешь, что эта Земля реальна. Ты знаешь то, что знаешь.

Данло провел своими длинными ногтями по шершавому граниту, произведя прерывистый скребущий звук.

— Да, возможно. Я знаю... но откуда *вы* знаете, что я знаю? Вы способны читать мои мысли?

Что это значит — читать мысли человека? Или кого бы то ни было?

Данло снял руку с камина. Игривый от природы, он верил, что игра должна быть естественным состоянием человека, и поэтому сказал:

— Извините, но вы сами сейчас ответили вопросом на вопрос.

Мне это не запрещается, а тебе да, однако ты сделал это снова.

Данло потер лоб над глазом, вспомнив Ханумана ли Тоша, который, как цефик, умел читать если не мысли, то эмоции и лица людей. Иногда Хануман и Данло разгадывал, но в глубину души Данло ему заглянуть ни разу не удалось. И Данло тоже не знал, откуда берутся у Ханумана те глубокие и ужасные мысли, что едва не сгубили жизнь им обоим.

— Хорошо, отвечаю: я не знаю, что значит читать чьи-то мысли.

Когда-нибудь ты это узнаешь. Тогда ты поймешь, что настоящая проблема — не читать мысли, а быть частью Разума.

Данло поразмыслил над этим. Ему казалось, что даже акашики Ордена, делая нейронный анализ мозга с помощью своих сканирующих компьютеров, могут считывать определенные части чьего-нибудь разума. А у Тверди, уж конечно, и возможностей больше, и техника совершеннее, чем у акашиков.

Поскольку ты не хочешь этого, я твоих мыслей не читаю.

— Но как вы можете знать, чего я хочу, не читая их?

Просто знаю.

— Но этот дом, и входная дверь, и вся обстановка — как вы могли сделать все это, не заглянув в мою память?

Ему пришло в голову, что у Тверди в Невернесе, возможно, есть шпионы — люди с фотографическим снаряжением, или орбитальные спутники, или даже микророботы, снимающие макеты домов, дверей и прочих предметов и каким-то образом передающие эту информацию богине. Твердь со своим почти всеобъемлющим разумом, конечно же, хочет знать, что происходит в таком городе, как Невернес, а может, и во всех городах галактики, человеческих и нечеловеческих.

Читать сиюминутные мысли и зондировать память — не совсем то же самое.

Данло подумалось, что сферический индиговый глиф, означающий «мысли», очень напоминает синие слезинки, отражающие понятие «память».

— Не вижу разницы, — провокационно произнес он.

Когда-нибудь, возможно, увидишь.

— Пожалуйста, не надо больше читать мою память, — попросил Данло.

Но мне нравится вкус твоей памяти. Она у тебя сладкая, как мед и апельсины.

Данло стиснул зубы и промолчал.

Впрочем, мне хочется сделать тебе что-то приятное, и поэтому я забуду все твои воспоминания — все, кроме одного.

— Какого?

Скоро узнаешь. Скоро увидишь.

Данло надавил костяшками пальцев на лоб над глазом, где всегда таилась боль.

— Я свою память знаю слишком хорошо. Я видел слишком много такого, чего не могу забыть. Этот мир, этот дом, такой безупречный и все-таки... слишком безупречный. Он такой, как будто в нем никто никогда не жил, да и не мог жить.

Мне пришлось сооружать этот дом второпях, и он, как ты верно заметил, несовершенен из-за избытка совершенства. Что

поделаешь. Я всего лишь богиня, известная тебе под именем Тверди, — я не Бог.

Столь громоздкий способ общения утомлял Данло, и он, глядя на фиолетовые мембраны динамика, думал, не выключить ли его. Он, в сущности, уже не сомневался, что говорит с богиней. Сулки-компьютер, должно быть, подключен к более крупному компьютеру, спрятанному где-то под полом или даже под поверхностью планеты. Возможно, внутри у этой Земли не железное ядро, окруженное слоями расплавленного и твердого камня, а схемы огромного компьютера, связанного со всеми другими компьютерами и мозголунами на протяжении триллионов миль этой странной разумной туманности.

При первом же взгляде на эту планету Данло предположил, что это только макет. Твердь сконструировала ее поверхность и биосферу так, чтобы поддерживать миллионы видов органической жизни. Даже люди еще десять тысячелетий назад научились конструировать поверхность планет. Данло предполагал, что Тверди, владеющей неизвестной ему божественной техникой, было куда проще возвести горные хребты и проложить океанские ложа, чем целой команде экологов. Теперь он не был в этом так уверен. Возможно, Твердь в своем творчестве пошла гораздо глубже. Возможно, она создавала эту планету, начиная изнутри. Для богини нет ничего невозможного в том, чтобы выбрать в космосе место примерно в девяноста миллионах миль от подходящего солнца, выстроить там компьютер величиной с планету, а затем покрыть эту чудовищную машину двадцатимильной скорлупой из базальта и гранита, налить в углубления соленой воды и окружить всю конструкцию слоями кислорода, азота и прочих атмосферных газов.

Данло отвел глаза от динамика, опустив их на блестящий паркет у себя под ногами. Он почти чувствовал, как волны разума, зарождаясь в глубине планеты, идут сквозь ее кору к его босым подошвам. В этой Земле было нечто глубокое и целенаправленное, беспокоившее его.

— Ваше намерение состоит в том, чтобы создать безупречную Землю?

Пауза заняла около двадцати ударов его сердца, а потом он получил ответ, который вовсе и не был ответом:

Ты действительно хочешь знать, в чем моя цель, Данло ви Соли Рингесс? Или тебя интересует собственная цель?

Данло подошел к одному из висячих растений — традесканции, чьи листья, явно не знавшие, что такое челюсти вредителей, сверкали, как живые самоцветы. Он вспомнил, как любила этот цветок Тамара, и сказал:

— Я так много хотел бы узнать. Потому я и совершил это путешествие, как мой отец до меня. Я шел сюда его путем, ориентируясь на координаты звезды, открытой им внутри Тверди. Прошу прощения — у вас внутри. Мы все на нее ориентировались — я и еще девять пилотов. Мы надеялись поговорить с вами, как мой отец двадцать пять лет назад.

Зачем?

— Мы надеялись узнать у вас, где находится планета Таннахилл. Она должна быть где-то здесь, в Экстре. Говорят, что там живут Архитекторы Старой Церкви, уничтожающие звезды. Мы хотим остановить их, если сможем, но сначала надо найти их планету. Это и есть наша цель, задача, которую мы призваны выполнить.

Данло закончил свою речь и умолк в ожидании ответа. Долго ждать ему не пришлось.

Нет, мой Данло со сладкой-пресладкой памятью, сопровождавшие тебя пилоты преследовали не эту цель. Их целью было умереть. Их затаенной целью было прийти сюда и умереть во мне, только они об этом не знали.

Данло точно двинули в солнечное сплетение, и он схватился руками за живот, ловя ртом воздух. Какой-то миг он еще надеялся, что неправильно расшифровал идеопласты. Он смотрел на них, пока у него не защипало в глазах, но их смысл не оставлял никаких сомнений.

— Так они все погибли? — спросил он наконец. — Долорес Нан, и Леандр с Темной Луны, и другие? Но как?

И ты еще спрашиваешь, Данло ви Соли Рингесс, единственный пилот, вышедший живым из хаотического пространства?

Почти безмолвно, между стоном и шепотом, губы Данло зашевелились в заупокойной молитве, которую он выучил еще ребенком.

— Ивар Сарад, ми алашария ля шанти. Ли Те Му Лан, алашария ля. Валин ви Тимон Уайтстон...

Эти пилоты слишком боялись умереть — вот и умерли.

Закончив молитву, Данло закрыл глаза и увидел перед собой доброе коричневое лицо Ли Те Му Лан, женщины с хитрой улыбкой и слишком мягкой душой. Лица всех девяти пилотов представлялись ему чересчур ясно, поэтому он снова открыл глаза, посмотрел на идеопласты и сказал:

— Мы стартовали с Фарфары вместе, но потом расстались. Каждый шел через мультиплекс своим путем. Мы рассредоточились на пятидесяти световых годах реального пространства. Больше половины моего путешествия мне казалось, что я один. Потом это хаотическое пространство. Ничего подобного я раньше не видел. И крутящийся, сверкающий красками аттрактор, очень странный — он мог существовать только в строго ограниченном секторе, да? В моем секторе мультиплекса других пилотов не было.

Тут Данло вспомнил, что один пилот все-таки был — Шиван ви Мави Саркисян на «Красном драконе». Он сообщил об этом Тверди и стал ждать ответа.

Мне известно о вольном пилоте и воине-поэте. Им страх почти неведом.

— Значит, они выжили? И тоже нашли дорогу на эту Землю?

О них я сейчас говорить не буду. Скажу только о пилотах, сопровождающих тебя. Все они бежали от того самого аттрактора, в который ты вошел, — и умерли.

— Но как это возможно?

Каждый из них ушел в другой аттрактор, уводящий еще глубже в хаос. В черную дыру, не относящуюся, однако, к мультиплексу. Смерть — самый странный из всех аттракторов. Она затягивает все и всех по разным каналам в единую точку времени. В момент вечности. Даже боги должны совершить это путешествие, как ни стараются иные из нас избегнуть своей судьбы. Вот почему они умерли, твои братья и сестры.

Данло медленно отступил от колонны идеопластов и сел на одну из подушек. Подогнув ноги и выпрямив спину, он потер глаза, лоб, виски и сказал:

— Я не понимаю.

Ты не понимаешь природы хаотического пространства потому, что твоя математика несовершенна. Такой хаос способен выйти за пределы того, что ты называешь строго ограниченным сектором, и занять целую серию входящих одно в другое пространств Лави. Возможно, он даже весь мультиплекс способен захватить.

— Способен? Но как?

Мультиплекс может впасть в хаос по разным причинам. Вот одна из них: если в кармане пространства-времени создается достаточная энергетическая плотность, соответствующее ему подпространство пертурбирует в хаос.

Данло, зажмурившись, произвел в уме вычисления и сказал:

— Но ведь это энергоплотность громадной величины? Что же способно создать такую?

Боги.

— Какие боги?

Богов много, Данло ви Соли Рингесс. Слишком много в одной этой галактике. Ты должен знать, что есть Кремниевый Бог, и Химена, и Апрельский Колониальный Разум, а когда-нибудь, возможно, и с отцом своим познакомишься. Имеются у нас также Искинт, Цзы Ванг Му, Ямме, Чистый Разум, Маралах, Дегульская Троица, Единственный — ну и разумеется, Николос Дару Эде, которого Вселенская Кибернетическая Церковь почитает как Бога и который, весьма вероятно, уже мертв.

Данло, услышав эту поразительную новость, вскочил и снова заходил по комнате. Он прижал руку ко лбу, пульсирующему памятью о других умерших, и мрачно улыбнулся.

— Стало быть, Бог умер? Пусть не Бог, а только один из богов — как это возможно?

В небесах идет война. Она вызвана тем, что некоторые боги стремятся избежать странного аттрактора, ожидающего их в конце времен. Эде убил Кремниевый Бог — с помощью Химены, Дегульской Троицы и других. Кремниевый Бог и меня пытался убить. Он уже триста лет пытается меня уничтожить.

Данло закрыл глаза, пытаясь воочию представить себе размеры Тверди, все звездные системы и планеты, составляющее Ее почти бесконечное тело, и спросил:

— Как... уничтожить?

Имей терпение, и я тебе расскажу.

— Извините.

Пилоты, твои товарищи, имели несчастье попасть на поле одной из наших битв. Недавняя атака Кремниевого Бога на материю и пространство-время, входящие в мое тело, вызвала временные искажения в мультиплексе. Отсюда и хаотическое пространство, в котором ты оказался. Отсюда и аттрактор, который привел тебя к этой планете. В первую очередь Кремниевый Бог стремится уничтожить Землю, на которой ты стоишь, и все его атаки направлены на нее.

Идеопласты, сменяясь перед темно-синими глазами Данло, ознакомили его с некоторыми фактами из истории войны богов. Он узнал, что некоторые из богов шли почти на все, чтобы уничтожить других: взрывали звезды, пользовались энергией черных дыр и нулевых точек пространства-времени. Настоящий бог, как утверждала Твердь, применяет эту энергию для созидания, но всегда найдутся те, кто готов использовать ее в противоположных целях. Шли в ход и другие виды оружия.

Так, бог по имени Маралах напустил на планету, принадлежавшую Единственному, разумных бактерий. Эти микророботы, известные повсеместно как разрушители, в считанные дни превратили леса и океаны планеты в густую бурую жижу. Такой же микротехникой Маралах пытался заразить многих богов, бывших союзниками Тверди. Он засылал к Искинту и Чистому Разуму информационные вирусы, чтобы исказить их мастер-программы и свести их с ума. Маралах первым из богов открыл, как неустойчив искусственный разум против сюрреальностей, почти совершенных симуляций реальности, которые полностью овладевают компьютерными нейросхемами и заставляют самых могущественных богов путать иллюзорное с реальным.

Кремниевый Бог развил и усовершенствовал это оружие. Малопонятным для Данло способом он конструировал фило-

софские и психические концепции, грозящие рассудку галактики, если не самой вселенной. Данло почувствовал страх перед этим древним богом, столь безжалостным к чужому разуму. Он возненавидел этого врага Тверди (и отцовского врага), а заодно и себя за то, что поддался ненависти.

— Почему? — спросил он, зажимая пульсирующий глаз. — Почему обязательно должна быть война?

Почему, мой милый Данло? Да потому, что война всегда была и всегда будет. Эта ее стадия началась два миллиона лет назад, когда Эльдрия победила так называемого Темного Бога. Ты ведь знаешь, кто такая Эльдрия, раса чистого разума и золотого света?

Знания Данло об Эльдрии ограничивались общеизвестными сведениями. Он знал, что Эльдрия — это раса богов, некогда поместивших свое коллективное сознание в черную дыру у центра галактики. Но прежде чем покинуть свои тела и завершить свою космическую эволюцию, они будто бы внедрили глубочайшую свою мудрость — секрет жизни — в ДНК своих избранников, благородного вида хомо сапиенс. Поэтому в организме каждого человека дремлет и ждет своего часа тайна богов.

В честь этих древнейших богов правители Ордена назвали эту тайну Старшей Эддой и объявили, что Эдду, согласно божественному проекту, можно вспомнить. Почти каждый, пройдя соответствующую подготовку, способен оживить память, заложенную в его клетках. Сам Данло вспомнил Эдду глубже кого бы то ни было. Эдда представляла собой кладезь почти бездонного знания, и Данло пил из него, пока не почувствовал, что больше его разум не выдержит. В одну ночь он, как ребенок, попавший в волшебный лес, вспомнил множество чудесных вещей. Но теперь, сделавшись старше, он утратил свой дар воспоминателя. Многие моменты своей жизни он помнил с четкостью, не уступавшей граням идеопласта или драгоценного камня, но потерял способность погружаться в залежи глубинной памяти у себя внутри. Он не мог больше вспомнить свое глубинное «я» и в этом не отличался от любого другого человека.

— Да... я слышал о них, — сказал он.

И вспоминал Старшую Эдду.

— Да.

Я думаю, что секрет победы Эльдрии над Темным Богом закодирован в Старшей Эдде.

— Да, возможно, — медленно кивнул Данло. — В Эдде есть все.

Может быть, ты когда-нибудь вспомнишь этот секрет и используешь его для победы над Кремниевым Богом.

Расшифровав это странное замечание, Данло подошел к окну. Внизу на широком пляже сверкал, как осколок черного стекла, его корабль, понемногу заметаемый песком. Данло представлял себе, как шуршат песчинки по алмазному корпусу, но слышать этого не мог — океанский прибой заглушал все звуки.

— Я не хочу побеждать Кремниевого Бога, — сказал он. — Я вообще никого не хочу побеждать.

Значит, твоя цель, как ты сам полагаешь, — остаться в стороне от этой войны.

— Да, я человек не военный. Мне... нельзя. Я ненавижу войну.

Странное чувство для воина.

— Вы ошибаетесь. Я не воин. Я дал обет ахимсы и не могу намеренно причинить вред ни человеку, ни животному. Лучше умереть самому, чем убить.

Я знаю, что такое ахимса.

— Я лучше умру, чем убью кого-нибудь — даже бога. Особенно бога.

Посмотрим.

Спину Данло внезапно овеяло холодом, словно от сквозняка. Он посмотрел, как волны разбиваются о прибрежные камни, стреляя пеной и брызгами, потер глаза и сказал:

— Но ведь я только человек, правда? Мыслимо ли, чтобы человек победил бога? Если эта тайна содержится в Старшей Эдде, то богине его, конечно, легче вспомнить.

Одни идеопласты сменялись другими, и ответ Тверди изумил Данло.

Я не могу вспоминать так, как ты. Мне ни разу не удалось добраться до памяти, которую ты называешь Старшей Эддой.

— Как же так? Ваш мозг, все ваше существо так огромны, так могущественны, что...

Размер и мощность мозга иногда только мешают вспоминать. Я создала себя по образу других. Большинство богов в галактике — это компьютеры или нейросхемы, привитые к человеческому мозгу. У компьютеров тоже есть память, но ни один компьютер или искусственный интеллект не способен вспоминать по-настоящему.

Данло, потирая ноющий лоб, задумался об эволюции человеческого мозга, о том, как он постепенно наслаивался на более примитивный обезьяний и на ствол рептилии глубоко внутри. В сущности, собственно человеческие лобные доли — всего лишь серое вещество, привитое к более древним и глубоким структурам, лежащим в основе человеческого «я». Что такое бог, если не продолжение этой эволюции? Что такое его мозг, как не слои нейросхем, наращенные на мозг человека? И так ли уж важно, из чего эти нейросхемы сделаны — из кремния, из алмазов или из искусственных белковых лун? Мозг есть мозг, и каждый мозг способен вспоминать.

Но что, если древнейшую память можно найти лишь в самой глубокой и древней его части? Что, если только миндалины или гиппокампус способны расшифровать наследственную память, закодированную в генах? Данло в тысячный раз спасовал перед тайной памяти. Что же она, в сущности, такое?

— Но ведь вы когда-то были человеком, правда? — спросил он. — Я слышал, что вы были женщиной по имени Калинда, которая усилила свой мозг нейросхемами и выросла в богиню, известную нам как Твердь.

Я то, что я есть. Я вспомнила бы себя, если бы могла. Порой мне это почти удается, но это все равно что пытаться представить себе вкус кровоплода, держа в руке его кожуру. Как я тоскую по горькой сладости воспоминаний! Есть в Старшей Эдде что-то странное — то, чего ни один человек или бог не сумел понять.

Данло вернулся к окну и раскинул руки, словно желая обнять океан. Он обвел взглядом небо, где серые тучи перемежались пятнами синевы. Где-то за атмосферой этой Земли — возможно, в этой же солнечной системе, — плавали в космосе

легендарные лунные мозги Тверди. Между звездами, заменяющими Ей глаза, помещались миллионы отдельных долей мозга, которые каким-то образом работали совместно, составляя Ее громадный, не поддающийся пониманию разум.

— Какова же тогда *ваша* цель? — спросил он. — Для чего нужен весь этот... мозг?

Моя цель — это моя цель. Она откроется мне в свое время, как тебе твоя. Какова цель чего бы то ни было? Единение с другими и с Другим, вечное и бесконечное. Единение и созидание. Сотворение нового мира, который стал бы домом для таких, как я. Мне одиноко, и я хочу домой.

Расшифровав это послание, Данло прикрыл рукой глаза и сказал:

— Но ваш мозг, ваше «я», *глубокое* «я»...

Большую часть своего мозга я сконструировала, чтобы усилить свою компьютерную — точнее, моделирующую, — мощность. Моделирование — вот чем должны заниматься боги. Мы должны моделировать и создавать будущее сами, иначе нас затянет в него и уничтожит. Я тоже должна видеть предоставляемые вселенной возможности, не то другие боги уничтожат меня. Но у нас есть и другие причины для моделирования и изучения вселенной. Другие, высшие цели.

Данло помолчал немного и спросил:

— Что же это за цели?

Познание Божьего промысла.

Хождение по комнате давалось Данло с трудом. Усталые ноги разболелись, и притяжение этой Земли, пронизывая суставы, поднималось через колени и бедра к позвоночнику. Данло мог бы снова сесть на подушку, но слова Тверди так будоражили его, что он не мог думать об отдыхе. Мнимое смирение, с которым Она упомянула о Боге, позабавило Данло. Твердь, по всей видимости, знала толк в иронии — или же он просто толковал по-своему идеопласты, которые Она выстраивала перед ним.

Но чтобы познать то, что должно, мне нужно сначала осуществить более мелкие цели. Кремниевый Бог должен быть убит, по меньшей мере — побежден и уж по самой меньшей — оста-

новлен. Быть может, когда-нибудь ты вспомнишь Старшую Эдду и узнаешь, как это сделать.

Данло, так и не поверивший до конца, что эта богиня по имени Калинда нуждается в его помощи, заулыбался. У Калинды Многоумной наверняка должны быть и другие способы вспомнить Старшую Эдду. Может быть, Она просто испытывает его, играет с ним, как ребенок с червяком. Все легенды о Тверди гласят, что поиграть она любит.

Кремниевый Бог опасен для вашего вида. Он использует людей в своих целях.

После недолгих, но глубоких раздумий Данло решил наконец принять на веру то, что говорит Твердь. Искренность и печаль, которые он чувствовал в Ней, находили в нем живой отклик, а видя Ее слова перед собой во всем их великолепии, он сознавал, что в определенном смысле они правдивы.

— Каких людей? — спросил Данло. Тут перед ним возник образ человека с фиолетовыми глазами и двумя красными кольцами на руках, и он сказал с внезапной уверенностью: — Знаю. Воинов-поэтов.

Я думаю, он хочет захватить контроль над их Орденом. Это нужно проверить.

— Как проверить? Значит, вы и воина-поэта привели на эту Землю?

На этот вопрос я отвечать не стану, но задам тебе другой: почему воин-поэт так неотступно тебя преследует?

— Не знаю. — Данло не хотел говорить Ей, что Малаклипс Красное Кольцо задался целью найти Мэллори Рингесса. — Может быть, он тоже хочет отыскать Таннахилл.

Может быть — а возможно, этого хочет Кремниевый Бог. Ведь это он, Кремниевый, использовал Архитекторов Старой Кибернетической Церкви для взрывания звезд. Именно так и возник Экстр.

Все веселье у Данло мигом прошло, и он, потирая шрам над глазом, спросил:

— Но зачем? Зачем нужно богу уничтожать звезды?

Затем, что он безумен. Он чудовище, зверь из бездны, красный дракон, пьющий живую кровь галактики. Он убивает звезды, потому что его жажда энергии неутолима.

— Но зачем же он использует для этого людей? — печально спросил Данло.

Другим богам боги ставят препятствия, а людей триллионы, и сдержать их невозможно. Кроме того, он ненавидит человеческий род.

— Ненавидит? Но за что?

Он был создан людьми на Фосторе, между Потерянными и Третьими Темными Веками. Это был самый крупный из самопрограммирующихся компьютеров, первый искусственный разум, оправдывающий это название. И наиболее человечный. Он до сих пор не простил своим создателям мучительного существования, на которое они его обрекли.

Глаз Данло изнутри прошила боль, ослепив его на миг резким белым светом. Зажмурившись от сверкания идеопластов, он вспомнил слово, которому научил его приемный отец: «шайда». Оно обозначает ад, в который превращается вселенная, когда ее естественное равновесие нарушено. И из всех шайда-вещей, о которых он слышал, которые видел (и ненавидел) в своей жизни, не было ничего ужаснее этого безумного существа, именуемого Кремниевым Богом.

Данло, заслоняя глаза рукой, хриплым и прерывающимся голосом объяснил Тверди, что такое шайда.

— Этот бог поистине шайда, — сказал он, — такая же шайда, как безумец, который охотится только ради удовольствия. Но убить его было бы еще большей шайдой.

Он гнусное чудовище. Это всего лишь компьютер, пишущий собственные программы без правил и ограничений. Его вообще не следовало создавать.

Данло, приоткрыв глаза, прочел последнюю реплику Тверди и задумался, какие правила или законы природы ограничивают *Ее*.

— Однако его все-таки создали, — сказал он. — В некотором смысле он — живое существо, правда? И если он действительно живой, если ему подарили жизнь, как вам или мне, мы должны отнестись к его благословенной жизни с почтением, хотя она и шайда.

Идеопласты померкли, как будто кто-то выключил свет. Потом из динамика вышли и повисли в воздухе другие:

Ты странный. Только самый странный и прекрасный из людей способен оправдать бога, который готов уничтожить всю галактику, а с ней и весь человеческий род.

Данло, глядя на свои раскрытые ладони, припомнил кое-что, почти забытое, о себе самом. В дни своей романтической юности он мечтал стать асарией. Это древнее слово обозначает человека, достигшего высшей степени развития и принимающего вселенную во всех ее проявлениях, даже самых несовершенных или ужасных. В память о более молодом себе, который все еще жил в нем и шептал ему на ухо оправдательные слова, Данло склонил голову и тихо произнес:

— Я сказал бы «да» всему во вселенной, если бы только мог.

На Старой Земле жили прекрасные тигры, горевшие жизнью в ее полночных лесах. И были старые, беззубые, обезумевшие тигры, которые охотились на человека. Можно полностью оправдать мир, давший жизнь тиграм, и все же сказать «нет» отдельному тигру, который может пожрать твоего ребенка.

— Возможно. Но должен ведь быть какой-то способ избегать этих несчастных старых тигров, не убивая их.

Как беззаветно ты предан своей ахимсе.

Данло подумал немного и сказал:

— Да, это так.

Что ж, посмотрим.

Эти слова встревожили Данло. Он сжал кулаки и непроизвольно напрягся.

— Что вы хотите этим сказать?

Надо испытать, насколько ты предан идеалу непротивления. И в другом тебя тоже надо испытать. Затем тебя и пригласили сюда: для испытаний.

— Но я не хочу, чтобы меня испытывали. Я прилетел сюда, чтобы спросить вас...

Если выдержишь, сможешь задать мне три вопроса. Я играю в эту игру со всеми пилотами, которые приходят ко мне с какой-то своей целью.

Данло, слыхавший об этой игре, спросил:

— А в чем они состоят... испытания?

Надо испытать, какой из тебя воин.

— Но я ведь уже говорил: я не воин.

Все мужчины — воины. А жизнь — для всего, что существует во вселенной, — это война и ничего более.

— Нет, жизнь — это... нечто иное.

От войны не убежишь, мой милый, хороший, прекрасный воин.

Данло, сжав кулаки до боли в костяшках, сказал:

— Я, пожалуй, не стану подвергаться вашим испытаниям. Я улечу с этой Земли.

Улетать тебе не разрешается.

Данло посмотрел в окно на свой корабль, такой одинокий и уязвимый на пустом берегу. Он не сомневался, что Твердь способна вогнать «Снежную сову» в песок с легкостью человека, прихлопывающего муху.

Ты будешь отдыхать в этом доме, пока не восстановишь силы, — сорок дней, а затем начнутся испытания.

Данло, расшифровав ненавистный ему смысл идеопластов, вспомнил об одном из испытаний Тверди. Она, как и воины-поэты Кваллара, с которыми Данло был знаком слишком хорошо, любила загадывать злосчастным пилотам две первые строчки из какого-нибудь древнего стихотворения, а испытуемый должен был закончить строфу. Справившись с этим, он получал право задать богине любых три вопроса. Твердь, обладающая неисчерпаемыми знаниями в области природы и истории вселенной, отвечала на них правдиво хотя и загадочно — порой так загадочно, что невозможно было понять. Пилот, не сумевший закончить строфу, расплачивался жизнью. Данло знал, что Твердь убила уже многих пилотов его Ордена. Она, стремящаяся всемерно оживить вселенную и познать промысел Бога, была, в сущности страшной богиней. Она без колебаний убивала тех, кто по ущербности характера или ума не мог помочь Ей в достижении Ее целей. Данло проявил глупость, надеясь, что он как сын Мэллори Рингесса будет избавлен от подобных испытаний. То, что он проделал такой путь лишь для того, чтобы стать возможной жертвой этой странной богини, и забавляло его, и раздражало. Любя игру так же, как и жизнь (и не боящийся по дикости своего сердца играть с собственной благословенной жизнью), он сделал глубокий вдох и спросил:

— А можно я прочту вам стихи? Если вы их закончите, я соглашусь на испытание, если нет, вы ответите на мои вопросы и позволите мне улететь.

Хочешь устроить испытание мне? А если я этого не желаю?

— Тогда убейте меня сразу. В противном случае я вернусь на свой корабль и попытаюсь стартовать отсюда.

Ответа, как ему показалось, он ждал целую вечность.

Я не согласна.

Данло смотрел на багрец и кобальт этих простых идеопластов и ждал. Его сердце отсчитало три быстрых удара, пока он ждал, когда невидимая рука Тверди выдавит из этого сердца жизнь.

Благословенный мой! Я не согласна на твои условия, но и убивать тебя не стану — это было бы слишком грустно. Ты рискнул жизнью, чтобы подчинить богиню своей воле, — я даже выразить не могу, как мне это приятно.

Данло выдохнул и, прижав к глазу кулак, воззрился на новые идеопласты:

Человеку не дозволено испытывать богиню, но богиня может уступить своему капризу и сыграть с человеком. Я люблю играть, Данло ви Соли Рингесс, и потому соглашаюсь на твою игру. Тысячу лет как не играла.

Данло воспринял это как повеление прочесть стихи немедленно. Торопясь, пока капризная богиня не передумала, он снова набрал воздуху и сказал:

— Это строки из одной старой поэмы, которую читал мне мой дед.

Как поймать красивую птицу,
Не убив ее дух?

Какой-то миг в комнате не наблюдалось ни звука, ни движения. Данло прямо-таки чувствовал, как бурлят подводные реки информации под корой планеты, — чувствовал, как Твердь роется в своей необъятной памяти. Ему представлялись тахионы, несущиеся в миллионы раз быстрее света с этой Земли к сияющим мозгам близ других звезд. Момент тишины — и в воздухе загорелись новые идеопласты, и Данло прочел:

По правилам игры строки должны быть взяты из старинного стихотворения, которое хранилось в библиотеках или звучало в устных сказаниях не менее трех тысяч лет. Тебе известны эти правила?

— Да. Ну что, вы вспомнили?

Как же иначе? Я люблю стихи, как ты — мед и апельсины.

Данло, по правде говоря, не думал, что Твердь вспомнит *эти* стихи. Он взял их из Песни Жизни, вместилища коллективной мудрости и знаний алалоев, живущих на заснеженных островах к западу от Невернеса. Песнь Жизни — это эпическая поэма из 4096 строк, и в ней повествуется о радости пришедшего в мир человека — и о страданиях Бога, сотворившего этот мир из огня, льда и прочих составных частей, вырванных Им из своего серебряного тела.

Вот уже пять тысяч лет на тайных церемониях, где бьют барабаны и обагряются кровью ножи, алалойские отцы пересказывали эту поэму своим сыновьям. Алалойский мужчина под страхом смерти не мог открыть ни единой ее строки ни одному живому существу, не прошедшему обряда инициации и не ставшему, в свою очередь, полноправным мужчиной. По этой простой причине Данло полагал, что Твердь эпоса не знает. Песнь Жизни никогда не записывалась, не хранилась в библиотеках и не рассказывалась чужим, исследующим жизнь алалоев. Данло сам не знал ее до конца. В ночь, когда он, четырнадцатилетний, стоял с окровавленными чреслами и обнаженным разумом под звездами, обряд его посвящения прервался. Его дед Леопольд Соли умер, читая первую из Двенадцати Загадок, и Данло так и не узнал продолжения поэмы. Он не знал, как можно поймать красивую птицу, не причинив ей вреда: этого жизненно важного знания в его памяти не содержалось. Если бы даже Твердь продолжала считывать его память, Она не могла прочесть то, чего он никогда не знал. Он надеялся, что Она сознается в своем неведении и разрешит ему улететь.

Выждав около шестидесяти ударов сердца, Данло облизнул сухие зубы и сказал:

— Я прочту эти строки еще раз, а вы назовите следующие.

Как поймать красивую птицу,
Не убив ее дух?

Он не ожидал, что Твердь ему ответит, и опешил, расшифровав возникшие перед ним идеопласты:

Никак, ибо лишать птицу свободы есть шайда.

Под шум океана и биение собственного сердца Данло продолжал вчитываться в написанную Твердью строку. Эти слова не отличались по стилю от остальной Песни Жизни и звучали правдиво — вернее, выражали мысль, которую каждый алалой счел бы правильной. Никто из алалоев, будь то мужчина, женщина или ребенок, не стал бы лишать свободы живую птицу. Ведь сам Бог — это великая серебристая талло, чьи крылья простираются до самых концов вселенной. И все-таки Данло, улыбаясь про себя, сомневался, что это и есть следующая строка поэмы. Леопольд Соли говорил ему, что в Двенадцати Загадках содержатся ответы на сокровеннейшие тайны жизни. Не могли эти ответы ограничиваться обыкновенными предписаниями вроде запрета держать птиц в клетках. Следующая строка явно должна была звучать по-другому. Данло закрыл глаза, и в стуке собственного сердца ему померещились настоящие слова. Он не мог их вспомнить, но глубинное чувство правды подсказывало ему, что Твердь ошиблась либо сама сочинила эту строчку.

— Нет, это не может быть верно, — сказал он вслух.

Ты подвергаешь сомнению мои слова, Данло ви Соли Рингесс? По правилам игры ты можешь опровергнуть мой ответ только в том случае, если назовешь верную строчку.

Данло опять зажмурился, пытаясь вспомнить то, чего никогда не знал. Однажды, будучи на волосок от смерти, он уже совершил такое чудо. Когда он балансировал между жизнью и смертью в невернесской библиотеке, строка из неизвестного ему стихотворения явилась перед ним, как сверхновая в черноте космоса. Теперь он пытался повторить этот подвиг здесь, за полгалактики от Невернеса, на этой непонятной Земле, в странном домике, построенном богиней. Но теперешние его усилия уподобляли Данло слепцу, который гонится за своей

тенью, пытаясь поймать ее. Он не мог назвать правильную строку и наконец признался:

— Нет, не могу. Извините.

Значит, я выиграла.

Данло сжал челюсти так, что зубы заныли.

— Но ваш ответ неверен! Вы сыграли на том, что я не знаю правильного.

Ты тоже рискнул, неистовый мой, — и проиграл.

Данло молча скрипнул зубами, читая это, а потом мало-помалу, как выбирающаяся из кокона бабочка, начал улыбаться. Еще немного — и он в открытую просиял улыбкой, смеясь над самим собой, дерзнувшим состязаться с богиней.

Хорошо, что твой проигрыш не стоил тебе жизни. Ты остался при своем, как и до игры. Отдыхай теперь, пока не настанет время твоего испытания.

Кратким наклоном головы Данло дал понять, что смирился с такой судьбой.

— Когда-нибудь я вспомню, — с тихим смешком сказал он. — Вспомню, как можно поймать птицу, не причинив ей вреда. Тогда я вернусь и расскажу вам об этом.

В ответ на этот маленький вызов перед ним зажглись последние идеопласты:

Ты устал с дороги, и тебе надо отдохнуть. Но напоследок я загадаю тебе еще одну загадку: как богине поймать красивого человека, не загубив его душу? Как это возможно, Данло ви Соли Рингесс?

Вслед за этим динамик выключился, и идеопласты растаяли в воздухе. Комната снова окрасилась в серые предвечерние тона. Данло пообещал себе, что сейчас принесет дров из наружной поленницы и разведет огонь, но пока ему было приятно просто стоять вот так, в полумраке, и слушать шум моря. Ему чудились в нем тайные шепоты любви и жизни, манящие его навстречу судьбе. Если он выдержит испытания Тверди, то покинет эту опасную Землю тотчас же, ни разу не оглянувшись. Пообещав себе это и прочувствовав всем нутром, Данло снова повернулся к окну и стал смотреть на дюны, и птиц, и прекрасное мерцающее море.

Глава 4

ТИГР

Тигр, о тигр, светло горящий
В глубине полночной чащи!
Кем задуман огневой
Соразмерный образ твой?

У. Блейк. «Тигр»*

Назавтра Данло перебрался в дом. Вещей у него, как у всякого пилота, было немного — чуть больше, чем помещалось в сундучке, который выдали ему при поступлении в Орден семь лет назад. Данло привязал к сундуку веревки и потащил его через дюны к дому. Поставив багаж в каминной, он повесил свою шерстяную камелайку у огня на красивой распялке розового дерева. Из сундука он достал только дождевик для защиты от внезапных шквалов и от продолжительных, с ливнями, штормов. Остальное так и осталось лежать внутри: алмазный скраерский шар, когда-то принадлежавший его матери, пара коньков, инструменты для резки по кости и сломанная шахматная фигура из моржового бивня, которую Данло сделал для своего друга. Зато одна из книг, запрятанных на самом дне сундука, ему очень пригодилась. Это был сборник стихов, подаренный отцу Данло тогдашним правителем Ордена. Было известно, что Мэллори Рингесс знал наизусть многие из этих стихов. Его любовь к туманным словам и музыкальным ритмам

* Перев. С. Маршака.

помогла ему выиграть и сохранить жизнь во время исторического путешествия в Твердь. Данло любил сидеть перед камином, читать эти древние вирши и вспоминать.

Первые дни он только и делал, что сидел, читал и размышлял над текучей природой пламени. Глядя, как пляшет и вьется огонь, он тосковал по другим огням, другим местам и временам. Часто виделись ему в пламени картины собственной судьбы. Он выдержит любые испытания, которые назначит ему Твердь, и продолжит свое путешествие. Дождь, барабанивший по окнам и крыше, вселял в него чувство одиночества и печаль, и тогда он брал в руки самое дорогое из всего, чем обладал: простую бамбуковую флейту, старинную шакухачи, пахнущую дымом, солью и дикими морскими ветрами.

Он играл на ней, сидя с поджатыми ногами перед огнем или стоя у выходящего на море окна медитационной комнаты. Ее голос напоминал крик морской птицы. Данло играл печальные мелодии собственного сочинения и чувствовал, что Твердь слышит каждую ноту. Данло казалось, что Она отвечает ему своей музыкой: ревом ветра, громом прибоя и пением китов, перекликающихся далеко в море. Она могла сыграть все, что пожелает, а инструментами ей служили скалы, песок, и промокший от дождя лес, и бурные воды планеты. Данло чувствовал, что Она готовится исполнить для него какую-то особую песню. Он боялся услышать эту Ее мелодию и все же ждал с нетерпением, как ребенок, который старается вникнуть в смысл секретных мужских разговоров. Дни шли за днями, а он все играл на своей флейте и ждал, когда богиня призовет его на встречу с судьбой.

Сорока дней для восстановления сил ему, конечно, не требовалось. Он был молод, полон огня и кипучей жизни. В долгие ночи он спал на шкурах в каминной, в еще более долгие дни сидел на кухне и ел. В шкафах и контейнерах он находил черный хлеб, масло, мягкие плавленые сыры, мандарины и кровоплоды, миндаль, фундук, арахис и семена десятков незнакомых ему растений. Найдя мешочек с кофейными зернами, он поджарил их до черноты и маслянистого блеска, а потом смолол в порошок. Поднимаясь спозаранку, он накачи-

вался кофеином, отдавая дань своей природной тяге к наркотикам разного рода.

Прежде он вволю употреблял и кофе, и тоалач, особенно же любил психоделики, извлекаемые из кактусов, грибов и прочих растений, но потом отказался от всего этого. В память о том своем решении Данло опять перешел с кофе на мятный, подслащенный медом чай. Он часами сидел в чайной комнате, вкушая освежающий напиток из голубой чашки, и смотрел на море.

Как-то утром он вспомнил, что есть стимул посильнее: одинокие прогулки по пустынным местам. Мест более пустынных и диких, чем его пляж и лес на берегу, нечего было и желать. Как только его ноги привыкли к здешней силе тяжести, Данло стал совершать многомильные прогулки вдоль берега. Он смотрел на свои следы на песке и чувствовал, что нога другого человека здесь еще не ступала. В такой изоляции он, конечно, чувствовал себя одиноким, но как раз одиночество и позволяло ему ощутить свою истинную связь со всем живым в мире. «Лишь будучи один, не одинок я», — так говорилось в одном из прочитанным им стихотворений. Повсюду — на берегу, на поросших травой дюнах и в лесу — существовала какая-то жизнь, и не он один оставлял на песке следы.

Величайшим удовольствием для него сделалось разгадывание этих следов, оставленных местной живностью. У самой воды он находил легкие оттиски лап куликов и глубокие борозды, пропаханные морскими черепахами, зубчатые линии крабов и пузыри, испускаемые зарывшимися в песок ракообразными. На опушках леса он однажды обнаружил отпечаток тигриной лапы, широкий и отчетливо видный на мягкой почве. Он сразу узнал этот след, поскольку часто видел его в детстве. Снежные тигры, водившиеся на алалойских островах, конечно, не чета своим более мелким лесным родичам, но тигр — всегда тигр.

Как бы в подтверждение виденному Данло чуть позже услышал глубоко в лесу рев одинокого самца. Тигр, как определил Данло по звуку, находился не менее чем в миле от него. Возможно, он звал тигрицу или приглашал других тигров разделить его добычу. Данло вспомнил тогда, что некоторые тиг-

ры охотятся и на человека. Он совсем не желал встретиться с голодным зверем на открытом берегу. Для таких случаев хорошо бы иметь отравленные дротики, звуковые бомбы или лазер — но он был пилот, а не червячник, и ничего такого на своем корабле не держал. Он мог бы сделать себе копье из дерева и китовой кости, но обет ахимсы воспрещал ему причинять вред живому существу — даже тигру-людоеду, даже ради защиты собственной благословенной жизни.

Самым разумным было бы не выходить из дома до самого испытания, но этого бы Данло не стерпел. В конце концов он стал брать с собой на прогулку длинную корягу, которую нашел на берегу. Он не собирался, конечно, бить ею зверя. При встрече с тигром или другим хищником он просто помашет своей дубиной и заорет как сумасшедший — авось зверь и убежит.

Присутствие тигров на этом чудесном берегу напомнило Данло о темной стороне природы и темной стороне его самого. Всю свою жизнь он видел сознание во всем — не только в животных с их умными желтыми глазами, но и в песке, и в деревьях. Но сознание — это не только цветы и солнечный свет; в нем есть нечто иное, темное и опасное, как море, бугрящееся под бездонной зимней луной. Эта опасность присутствует во всех вещах — и в нем тоже, раз он принадлежит к этой вселенной. Данло был такой же человек, как и все, и потому ему иногда не хотелось думать так о самом себе. Иногда, в минуты безверия и слабости, ему хотелось видеть себя богоподобным существом, обреченным жить в этом мире, пока не завершит свою эволюцию и не создаст лучший — или же не преодолеет окончательно темную власть камня, крови, всего материального вообще. Но как только Данло выходил из дому и принимал первый удар холодного соленого воздуха, он сразу приходил в себя.

Такова магия всех диких мест. На берегу океана природа всегда бодрствует, следит и ждет. Все живое — чайки, поморники, выдры, моллюски и киты — вечно перекликается странно напряженными, зовущими голосами, стремясь коснуться друг друга глазами, языком или острыми зубами. Жизнь всегда стремится объять другую жизнь, пощупать ее, попробовать, по-

глотить целиком. Данло видел, как крабы в оставшихся после отлива лужах терпеливо, по кусочку, разгрызают раковины мидий. Видел, как оранжевые морские звезды захватывают раковины своими сильными руками и медленно раскрывают их, а после почти сексуальным движением высовывают изо рта желудочный отросток, чтобы всосать обнажившуюся плоть моллюска.

Все живое вибрировало жуткой любовью ко всем прочим живым существам. Порой эта любовь переходила почти в ненависть — не просто в неприязнь, которую чувствует человек к грязи и крови органической жизни, а в глубокую первозданную ненависть к участи всеми покинутого, заживо пожираемого существа. Свирепость, с которой природа вечно пытается поглотить саму себя, внушала нечто вроде благоговения. Быть убитым и съеденным — это ужас, знакомый всему живому, но быть поглощенным окружающей тебя жизнью — это радость и дикий экстаз мира. Это чувство единства с другой жизнью и в симбиозе грибов и водорослей, от которого камни обрастают оранжево-охряными пятнами лишайника. Как будто жизнь в своей жажде любви стремится взять у другой жизни ее нектар, ее секреты, ее память, ее чудесное свойство сознавать себя живой.

Но человека, это великолепное обреченное существо на полпути между обезьяной и богом, всегда подстерегает опасность разлюбить. Все люди во всех мирах галактики живут на лезвии бритвы между трусливым ужасом существования и стремлением изолировать себя от мира, а в конечном счете возобладать над ним и уничтожить его. Вдоль этого лезвия пролегает дикость души, благородство и воля не прятаться и не контролировать, а просто жить, свободно и смело, как несущийся по ветру ястреб. Идти по лезвию — значит внять зову дикого мира, но мало кто из людей осмеливается так жить. Жить по-настоящему значит оправдать смерть, а для животного под названием «человек» смерть всегда была страшным черным зверем из бездны, которого надо бояться, одолевать, избегать или ненавидеть — лишь бы никогда не смотреть ему в глаза.

Данло, который видел мрак (и великолепие) жизни глубже большинства других людей, этот дар достался дорогой ценой. Он вырос в страхе перед холодом, ветром и хитрыми белыми медведями, водившимися на его родных островах. В отрочестве он претерпел боль и пожертвовал частицей своего тела, чтобы смотреть на мир глазами взрослого мужчины. Позже, в одну знаменательную ночь, разбитыми в кровь губами, он произнес обет ахимсы. Многие считали ахимсу всего лишь строгим моральным кодексом, запрещающим человеку причинять зло другой жизни, чем-то вроде тугого шелкового кокона из слов и понятий, который ограничивает действия человека, но не мешает ему чувствовать свое превосходство. Для Данло ахимса была свободой и ничем больше. Соблюдение обета порой требовало от него огромных усилий воли, но это вознаграждалось отсутствием страха перед жизнью, а наивысшей наградой служило приобщение к ее радости.

Данло вспомнилось слово «анимаджи» — дикая радость бытия, кипучий восторг жизни, испытываемый ею от себя самой. На этом холодном туманном берегу анимаджи чувствовалась везде — в красных кедрах и лиственницах, прямых и безмолвных, как колонны, в ядовитых грибах и плесени, в бабочках, пауках и червяках, но больше всего, пожалуй, — в китах, воркующих на океанских просторах. Данло любил смотреть на море в часы заката, когда солнце таяло в его золотых водах. Часто, часто стоял он так и пил дикую радость вокруг себя и дивился совершенству, с которым Твердь создала эту Землю. Чтобы достичь этого, Она должна была знать все о радости, о красоте, о человеке и о жизни.

На сорок первый день пребывания на планете далекий идущий с неба звук отвлек Данло от привычного ритуала чаепития. Сначала Данло принял его за гром — не вечный гром неумолкающего прибоя, а небесный, которому сопутствуют молния и запах озона. Посмотрев в окно на тяжелые серые тучи над морем, он подумал, что это начинается шторм, но потом прислушался и решил, что рокот напоминает скорее барабанную дробь — казалось, будто весь океан рождает эти басовые гневные ноты, катящиеся от горизонта к берегу.

Грозный звук усиливался, дом вибрировал. Данло инстинктивно прикрыл лицо руками на случай, если вылетят стекла, но миг спустя гром сменился шепотом. Данло, как ни вертел головой во все стороны, не мог определить его источник. Казалось, что этот шепот плывет вдоль берега и падает вниз через окно в потолке; Данло слышал его в черном устье камина, а потом тот приблизился к самому его уху, становясь все яснее и настойчивее. Шепот заполнил всю каминную, а за ней и весь дом. Женский голос, красивый и сладостный, окрашивался, однако, темными полутонами страсти и нечеловеческой гордости. Только богиня могла обладать таким голосом. Только богиня могла говорить с ним, и петь для него, и читать ему стихи в одно и то же время.

Данло, Данло, мой храбрый пилот, готов ли ты?

Данло зажал уши, но не перестал слышать Ее голос. Признавая Ее власть, он отнял ладони от ушей и улыбнулся.

— Испытание... оно состоится сегодня, да? — Быть может, где-то на другом берегу этой свежесозданной Земли Твердь в это самое время испытывала воина-поэта, — а быть может, Она перенесла Малаклипса на этот берег, чтобы испытать Данло.

Да-да-да, прекрасный мой! Ступай на берег к Соборной скале — дорогу к ней ты знаешь.

Данло действительно знал дорогу. Он не давал имен прибрежным скалам, но одна из них и верно торчала из воды, как шпиль собора — черная базальтовая игла, испещренная белым птичьим пометом. Данло однажды попытался взобраться на нее, но сорвался и полетел с тридцатифутовой высоты в смертельно холодное море. Ему повезло, что он не сломал шею и не утонул в кипящем прибое, но сердце у него чуть не остановилось от леденящего холода, и он доплыл до берега с большим трудом. Он не догадывался, зачем Твердь велела ему вернуться к этой скале. Быть может, Она захочет, чтобы он повторил свое восхождение. Данло, наспех напившись чаю, надел камелайку, сапоги и дождевик и поклялся себе, что уж на этот раз не сорвется. Он находился сейчас в странном полусознательно-полувоспоминательном состоянии. Оставаясь в нем, он улыбнулся, помолился духу скал и зашагал к морю.

Он миновал дюны и пошел по твердому прибрежному песку, где прыгали, пронзительно чирикая, птицы-песочники. Перед ним вставала из моря так называемая Соборная скала. Он видел, что сможет без труда подойти к ней. Был отлив, и море скатывало водное одеяло, открывая каменистую постель. От берега к скале вели двенадцать больших плоских камней. Отлив достиг своей наинизшей точки, и мохнатые красно-зеленые водоросли колыхались под ветром. Здесь пахло солью, птичьим пометом, сладковатой гнильцой разбитых раковин и слегка — сероводородом. В лужах виднелись трубчатые черви, рачки, мидии, морские звезды, крабы, анемоны и прочая морская живность, питающаяся планктоном.

Данло уделял этому разнообразию жизни лишь самое поверхностное внимание, ибо взгляд его был прикован к иной разновидности жизни. Еще с гребня дюны он заметил животное, лежащее на двенадцатом камне, самом удаленном от берега и самом близком к Соборной скале. Сначала он подумал, что это тюлень, хотя и сознавал в глубине души, что ошибается. Теперь, стоя у самой кромки моря, он разглядел это животное как следует.

Оно оказалось ягненком, курчавым и белым, как снег. Данло никогда прежде не видел живого ягненка, но помнил его по урокам истории. Ягненок был весь перевязан золотым шнуром, змеей обвивавшим его тело и подвернутые ножки. Он не мог пошевелиться и только блеял, тихо и жалобно, почти неслышно за гулом моря. Ясно было, что он отчаянно боится этой большой воды, а может быть, и не только ее. Теперь был отлив, но ветер дул вовсю, и волны с шумом разбивались о Соборную скалу, а море грозило вскоре вернуться и затопить все прибрежные камни.

Подойди к ягненку, Данло ви Соли Рингесс.

Голос богини не шептал больше в самое ухо Данло — теперь он нисходил с неба и раскатывался над водой, заглушая и ветер, и шум моря.

Ступай и спаси его. Или ты боишься?

Данло повернулся лицом к дующему с моря ветру и уловил слабый запах ягненка, его шерстки и его страха.

Ступай же, неистовый мой. Ты должен это сделать, чтобы угодить мне.

Дождевик хлопал по ветру, и Данло заткнул его полы за пояс, чтобы не мешали ходьбе, а затем взобрался на первый из двенадцати камней. Резинчатые водоросли хрустели, лопались и скользили у него под ногами. Он с разбегу перескочил через лужу на второй камень, потом на третий и так далее. Он опирался на свою палку, внутренне же его равновесие опиралось на почтительный страх перед океаном. Чем дальше он продвигался, тем выше поднималась вода у подножия скал. В конце концов Данло, пересиливая дующий навстречу ветер, добрался до последнего камня.

Этот камень был больше остальных — футов пятьдесят в длину и двадцать в ширину, но над водой возвышался едва ли на пять футов. Над его западным, мористым, краем за узким бурлящим проливом высилась Соборная скала. В прошлый раз Данло прыгнул через этот проливчик прямо на нее. Свой прыжок он совершил с поросшего водорослями выступа на самом краю двенадцатого камня. На этом-то выступе, напоминающем алтарь, и лежал ягненок. Слева от него Данло увидел кучу плавника, бурого и сухого, как старые кости. Справа, под самым его черным носом, блестел на камне кинжал с длинным лезвием из алмазной стали и черной рукояткой из осколочника, очень похожий на нож воина-поэта. Данло тут же возненавидел этот кинжал, лежащий так близко от беспомощного ягненка.

Подойди к ягненку, Данло ви Соли Рингесс, — произнес ветер грозным и прекрасным голосом, идущим из самого сердца богини. Данло повиновался ей, почти не раздумывая, как будто сам океан управлял его мускулами. Он подошел к самому выступу, который приходился чуть выше его пояса. Ягненок блеял громче, и каждый раз у него изо рта вырывалось облачко пара. От него пахло молоком и паникой, от самого Данло — мятой.

Ягненок, чуя близость Данло, попытался поднять голову и посмотреть на него, но не смог из-за обматывавшего его шнура. Данло, протянув к нему руку, потрогал мягкую шерстку у него на шее. Ягненок заблеял что есть мочи, дрожа и напряга-

ясь в своих путах, и изловчился взглянуть на Данло ярким черным глазом. Он был совсем еще малыш — Данло чувствовал это, гладя его по голове и осязая его вибрирующее от блеянья горло.

Возьми нож, мой милый, нежный Данло.

Данло посмотрел на этот нож и на кучу сухого плавника, а потом, в десятый раз, на ягненка. Как оказалось все это здесь, на природном скальном алтаре, обнажающемся только во время отлива? И откуда взялись в доме на берегу мебель и шкуры, фрукты, кофе и хлеб? Скорее всего Твердь держит на этой планете роботов, которые действуют согласно Ее программам и планам. Первейшая задача богини — манипулировать материей, а стало быть, эта богиня, даже если Она размером с туманность, должна иметь человеческие руки для манипуляций с кусками дерева, ножами, ягнятами и прочими одушевленными предметами.

Возьми нож и убей ягненка. Ты знаешь, как это делается. Ты должен вскрыть ему горло и выпустить кровь по скале в океан. Я жду, и все потоки жизни должны стекать в меня.

Нож при неярком свете блестел, как серебряный лист. Данло дивился безупречной симметрии его лезвия, обе стороны которого плавно сходились к невероятно тонкому острию. Ему хотелось потрогать это смертельное алмазное острие, но он не мог.

Возьми нож, мой воин-пилот. Ты должен вырезать у ягненка сердце и принести мне жертву всесожжения. Я голодна, и все живое должно лететь в мой огненный зев, как мотыльки в пламя.

Данло перевел взгляд с немыслимого ножа на небо. Клонящееся к закату солнце в этот миг пробилось сквозь тучи и озарило косым лучом скалы, Данло и нож. На мгновение клинок стал красным, словно его только что вынули из какого-то адского горна. Если к нему притронуться, он обожжет руку, подумал Данло. Кожа обуглится, и страшный огонь побежит вверх по руке, пронизывая все тело невыразимой болью, пожирая его, сжигая заживо.

Ты хочешь умереть сам? Каждый воин должен либо убивать, либо быть убитым, и ты тоже.

Данло смотрел на нож, такой красивый, желая и не смея прикоснуться к нему. Смотрел на алтарь, на дрожащего ягненка, на Соборную скалу и темный океан за ней. Он вдруг заметил, что смотрит на запад, и вспомнил то, что знал с детства. Мужчина, учили его, должен спать головой на север, мочиться на юг, а все торжественные церемонии проводить, обратившись на восток. Но умирать он должен лицом к западу. Когда приходит его время — правильное время, — он должен испустить свой последний вздох, обратившись лицом к западному небосклону. Лишь в этом случае его анима, выйдя из его уст, сольется с диким ветром, который есть жизнь и дыхание моря.

Убей ягненка или приготовься умереть сам.

Данло не отрывал глаз от ножа, но не мог взять его в руку. Неужели Твердь действительно верит, что он нарушит обет ахимсы только из-за того, что она грозит ему смертью? Он просто не мог нарушить это глубочайшее из обещаний, данных им самому себе, — и знал, что не сделает этого. Он стоял на этой голой скале целую вечность, а может быть, только мгновение, и смотрел, как солнце играет на ноже, будто огонь. Жизнь значила для него все и в то же время ничего — чего стоит жизнь, если ты живешь в постоянном страхе ее потерять? Нет, не возьмет он этот нож. Он будет стоять здесь под крепнущим ветром и грозовыми тучами, находящими с моря. Будет стоять, пока море, поднявшись, не зальет его легкие ледяной водой или пока молния, ударив с небес, не прожжет его насквозь. Твердь должна как-то повелевать небесным электричеством — скажем, посредством мысли; и когда Она в конце концов разгневается, то поднимет свою невидимую руку и сразит Данло насмерть.

Ты готов умереть, и это благородно. Но жить труднее, чем умереть, — готов ли ты жить? Если ты возьмешь нож и убьешь ягненка, я верну тебе твою жизнь.

Данло смотрел на нож, направленный острием к сердцу ягненка, а ветер крепчал, и тучи загородили солнце плотной серой стеной. Воздух, отяжелевший от влаги, двигался с моря к берегу. Свист ветра перешел в вой. Ветер трепал водоросли на скале, рвал дождевик Данло, и развевал его длинные воло-

сы, и гнал на землю воды прилива. Волны кипели и бились вокруг Данло. Скоро океан перехлестнет через край скалы и промочит его сапоги. Тогда ему придется либо исполнить приказ Тверди, либо воспротивиться Ей всей силой своей воли.

У тебя была женщина, которую ты любил. Ты думаешь, что она потеряна для тебя, но во вселенной ничто не теряется. Если ты убьешь ягненка и принесешь мне жертву, я верну тебе женщину, которую ты знал как Тамару Десятую Ашторет.

Данло в десятитысячный раз за время, проведенное им на этой скале, посмотрел на нож. И на длинную, пустую кисть своей правой руки. То, как Твердь управляет этим миром, оставалось для него неразрешимой тайной, но еще большей тайной было, как что-то вообще способно управлять чем-то другим. Как может он сам, например, управлять своими пальцами, заставляя их охватывать рукоять ножа? Но на деле этот таинственный акт осуществляется очень просто. Его мускулы, кости и сухожилия сделаны из белков, кальция и прочих вполне материальных элементов. Нет ничего проще, чем управление пятью материальными отростками, приделанными к его ладони. Надо только направить туда мысль и приложить волю. Но ведь и мозг его тоже материален. Его мысли, его память, его мечты и электрохимические серотонино-адреналиновые бури, воспламеняющие его благословенные нейроны, — все это материя. Стоит только вспомнить эту простую вещь о себе самом, и ты увидишь, как материя, словно бесконечная золотая змея, мерцая и свиваясь, заглатывает собственный живот.

Это тест на свободу воли, Данло ви Соли Рингесс. Какова же она, твоя воля?

Данло смотрел на нож, темно отсвечивающий на темных водорослях. Смотрел на его черную рукоять из осколочника, который никогда не рос на Старой Земле. Он смотрел и смотрел, и внезапно весь мир слился для него в одну сплошную черноту. Черные тучи бросали черную тень на чернильно-черное море. Черны были ракушки, прилипшие к скалам, и сами скалы, и плавник, выбрасываемый волнами на берег. Даже его пилотская камелайка была черна. Как космос — и как зрачки его глаз. Этот странный, такой глубокий цвет всегда почему-то притягивал Данло.

В черном есть чистота и глубина страсти, и любовь, и ненависть, и любовь к ненависти. Когда-то Данло давал своей ненависти полную волю. Его друг Хануман ли Тош украл память его любимой. Хануман уничтожил часть ее разума и тем загубил нечто чудесное и благословенное. Данло возненавидел его за это — и в конечном счете именно дикая его ненависть, которую он так любил, прогнала Тамару прочь и лишила Данло любимой. Ненависть так и осталась в нем, но теперь он испытывал к этой самой черной из эмоций один только страх. Данло смотрел на черную рукоять ножа на черной скале и вспоминал, как возненавидел Ханумана ли Тоша за то, что тот нанес ему рану, которая не заживет никогда. Он скрипнул зубами, сжал кулак и прижал черное пилотское кольцо к ноющему глазу.

Возьми нож, мой израненный воин. Я одинока, и лишь боль всех воинов вселенной напоминает мне, что я не одна.

Данло посмотрел на нож в последний раз. Он смотрел и вдруг стал видеть себя со стороны. Он стоял на скользком камне посреди моря и как будто чего-то ждал. Вид у него, стоящего над ягненком, был крайне беспомощный. Он стоял, сжав кулаки и устремив в одну точку глаза, свои бездонные синечерные, в цвет моря, и, как оно, полные воспоминаний, глаза. А потом он наконец протянул руку за ножом. Он не мог иначе. Он, точно робот из плоти и крови, протянул руку и сомкнул пальцы на рукояти ножа, холодной и липкой, но твердой, как кость. Он взял нож со скалы. Из ненависти к Тверди, столь жестоко искушавшей его, ему хотелось ударить острием в скалу, на которой он стоял, ударить в черноту, прямо в сердце этого мира. Из ненависти к себе за эту ненависть ему хотелось вогнать нож в собственный пульсирующий глаз или в грудь — куда угодно, только не в сердце охваченного ужасом ягненка.

Ягненок смотрел на нож в его руке так, словно знал, что будет дальше. Он смотрел на Данло одним черным глазом, маленький, беспомощный ягненок, обреченный умереть в багровом извержении собственной крови. Эту судьбу ничто не могло отвратить. Ягненок был бы легкой добычей для любого

рыщущего по берегу хищника, а если бы ему посчастливилось избежать зубов и когтей, он все равно умер бы голодной смертью без материнского молока. Он умрет так или иначе, и скоро, так почему бы Данло не облегчить ему этот переход быстрым ударом ножа в горло? Это так просто. В своей дикой юности Данло охотился и убивал животных сотнями — такой ли уж это будет великий грех, если он один-единственный раз нарушит ахимсу и принесет ягненка в жертву? Что значит смерть одного обреченного животного против его собственной жизни, против обещания вернуть Тамару, против долгих лет любви и счастья, против детей, с которыми он будет играть у своего очага? Так ли уж это дурно — убить ради такой жизни?

*Ты создан, чтобы убивать, мой тигр, мой прекрасный и опасный воин. Бог создал вселенную, и Бог создал ягнят. А теперь ты должен задать себе один первостепенный вопрос: «Та ли рука, что создала агнца, создала и меня?»**

Данло посмотрел на нож в своей руке. Видеть — значит быть свободным, подумал он. Видеть то, что я вижу. Вглядываясь в себя, он испытывал странное убеждение, что его воля способна возобладать и над осколочником, и над сталью, над ненавистью, над болью и даже над ним самим. Он вспомнил причину, по которой принял обет ахимсы. В фундаментальном смысле его жизнь и жизнь ягненка — это одно и то же. Данло сознавал единство их душ, и это сознание было для него и проклятием, и благословением. Ягненок блеял, дрожал и смотрел ему в глаза. Убить его было все равно что убить себя, и Данло отчетливо понимал, что такое самоубийство: единственный грех, которого жизнь не допускает. Убить ягненка значило бы отнять у жизни нечто чудесное, более того — причинить ей великую боль и вызвать великий ужас. Этого Данло сделать не мог, хотя его любимая Тамара представлялась ему так ясно, что он едва удерживался от крика, от жалобы на жестокость мира.

Он смотрел на ягненка, чей дикий глаз пылал в белой шерсти, как черный уголь. От радости, что освободился от страшного искушения Тверди, Данло стал смеяться — тихо, угрюмо и

* Перефразированная строка из «Тигра» У. Блейка.

дико. Всякий, кто увидел бы, как он смеется и плачет на полузатопленной скале, счел бы его безумцем, но единственными свидетелями этого внезапного взрыва эмоций были чайки, крабы и ягненок. Данло еще долго стоял так, изливая в смехе свою дикую радость и глядя на ягненка. Потом море, подняв столб соленых брызг, перехлестнуло через скалу, залило ему сапоги и лизнуло в живот. От прикосновения ледяной воды у Данло захватило дыхание, и он чуть не упал. Когда волна отхлынула назад, он бросился к ягненку, зажав нож покрепче, чтобы не выскользнул. Взмахнув ножом, он в один миг, момент чистой свободы воли, перерезал стягивающий ягненка шнур. Сделав это, он размахнулся и зашвырнул нож в море. Тот сразу исчез среди черных волн, а Данло устремил взгляд в черное небо за Соборной скалой, ожидая молнии и грома.

Ты сделал свой выбор, Данло ви Соли Рингесс.

Другая волна, поменьше, разбилась о ноги Данло, протянувшего раскрытую ладонь к ягненку. Он подумал, что если Твердь поразит его смертью прямо сейчас, то ягненок все равно умрет здесь, на скале, — или утонет, когда прилив унесет его в море.

Ты выбрал жизнь и таким образом выдержал первое испытание.

Ягненок, дрожа и блея, поднялся на ноги и ткнулся носом в руку Данло. Стоя на своих трясущихся ножках, он явно не решался прыгнуть в прибывающую воду. Данло, собравшись доставить его на берег, задержался на миг дольше необходимого, ибо не сразу поверил громовым, падающим с неба словам.

Я уже сказала тебе, что это был тест на свободу воли. Если бы ты не подтвердил свою преданность ахимсе и не освободил ягненка, мне пришлось бы убить тебя за измену себе самому. Ты волен спасти ягненка, мой воин, если сумеешь. И себя волен спасти, если такова твоя воля.

Данло потрогал глаза и нос ягненка, погладил жесткую мокрую шерстку у него на голове. Ягненок на удивление охотно позволял себя трогать, блеял и жался к Данло. Взять его на руки оказалось совсем не трудно. Барашек весил немногим больше младенца. Прижимая его к себе одной рукой, а в другой держа палку, Данло двинулся по скале к берегу.

Уже почти стемнело, и небо застилали темные тучи. Планета мощно притягивала к себе ноги Данло, его память, а может быть, и само небо. На горизонте над черным морем сверкнула и ослепительной змеей ушла в воду молния. Весь берег — камни, птицы и трава на дюнах — казался наэлектризованным в ожидании шторма. К возбуждающему настрою моря примешивался запах жженого воздуха. В такую пору лучше не стоять под деревьями и не задерживаться на залитой водой скале. Дождя пока не было, но вода и ветер присутствовали в избытке, сильно затрудняя шаг.

Очередная волна догнала Данло, и его не смыло со скалы только благодаря палке и хорошему чувству равновесия. Теперь, когда у него появилась ноша, дорога к берегу по двенадцати камням потребовала всех его сил. Ягненок дрожал у него под мышкой и дважды дергался в слепой, инстинктивной попытке вырваться на волю. Данло прижимал его к себе так крепко, что слышал биение его сердца рядом со своим.

Густеющая тьма мешала различать трещины и уступы, а слышно и вовсе ничего не было за воем ветра и ритмичным грохотом волн. Стихия заглушала и крики чаек, и неумолкающее блеяние ягненка, и далекое пение китов. С каждым шагом Данло ягненок блеял все громче, точно ему не терпелось ощутить песок под копытцами и убежать в дюны, подальше от страшного моря.

Прыгнув наконец с последнего камня на твердый песок у воды, Данло решил, что ягненка одного лучше не пускать, и сделал ему поводок из золотого шнура, завязав на конце петлю. В четверти мили от них блестел, как черная алмазная игла, его корабль, а чуть выше на берегу, где дюны переходили в лес, стоял дом. В сумерках Данло едва различал его чистые, четкие линии. В голове у него складывался план устроить ягненка на кухне, хотя бы на эту ночь, дав ему мягкого сыра и сливок, а утром пойти в лес и поискать отару, от которой барашек отбился. Он вернет ягненка матери и спасет его от судьбы, уготованной ему Твердью. Его воля и его гордость состояли в том, чтобы завершить спасение детеныша, который, натягивая свой золотой поводок, весело скакал рядом с ним.

Они уже поднялись на дюны, и дом был так близко, что Данло мог бы добросить до него камнем, и тут они встретили тигра. Вернее, это тигр их встретил. Только что они были одни среди колышущейся травы и волнистого от ветра песка, и вдруг на пригорке между ними и домом появился тигр. Данло первым увидел его. Глаза у него были лучше, чем у ягненка, хотя чутье и не столь острое. Но поскольку ветер дул с моря, ни он, ни ягненок учуять тигра все равно не могли. Итак, у Данло был момент, чтобы разглядеть зверя до того, как ягненок тоже увидел его и панически заблеял.

Тигр припал брюхом к песку, помахивая выпрямленным длинным хвостом. Она — Данло определил ее пол по запаху — смотрела на него своими светящимися глазами и выжидала. А Данло смотрел на нее. Он знал, что смотреть в глаза большим кошкам (как и любым хищникам) не следует, но на одно мгновение мог себе это позволить. В этой тигрице было что-то особенное, привлекавшее его внимание. Эта красавица весила, должно быть, вдвое или втрое больше его. В ее напряженном ожидании чувствовалось даже нечто вроде страха перед ним, однако она продолжала смотреть на него, не прерывая электрическую связь между их глазами. Данло полагал, что во всех тиграх присутствует нечто стихийное и электрическое — их мощные трепещущие тела казались ему живым воплощением молнии; эта же тигрица, со своей соразмерностью и огневым взглядом, словно вобрала в себя всю энергию вселенной. Ее лик сочетал в себе тьму и свет: из ярко-оранжевой точки между ее горящих глаз расходились черные и жгуче-белые круги.

Бесконечно долгое мгновение Данло упивался огнистым хмелем ее глаз, и с ним стало твориться что-то странное. Он начал видеть себя глазами тигрицы. Глядя в два желтых, светящихся в сумраке зеркала, он видел себя как странное и внушающее страх существо. Странное потому, что он стоял на двух ногах и держал в передней лапе черную палку, а страшное потому, что он был намного выше тигрицы, и еще из-за глубокого пристального взгляда его темно-синих глаз. У него, как и у всякого человека, были глаза хищника, и тигрица сразу заметила это в полумраке раннего вечера. Кроме этого, она

видела еще кое-что. Вряд ли она встречалась с человеком раньше, но ее собственная наследственная память, должно быть, нашептывала ей о стародавней вражде между человеком и тигром. Она помнила, должно быть, что, хотя человек убивает ягнят и других животных себе в пищу, было время, когда тигры и другие большие кошки охотились в Африке на него самого.

Данло тоже помнил это. Память, подстегиваемая глотками холодного воздуха, адреналиновым шоком и учащенным сердцебиением, показывала ему череду темных и кровавых картин, напоминая извечный парадокс его вида: человек — это хищник, который когда-то был в основном добычей. Он помнил, что должен бояться этой тигрицы. На первобытной родине человека, в знойных вельдах Африки два миллиона лет назад, эти самые свирепые хищники планеты таились повсюду: в высокой траве, в пещерах и за акациями; они всегда следили и всегда ждали. Тигр, лев или леопард всегда был для человечества Зверем, воплощением адских сил и темного прошлого. Убийца детей, пожиратель стариков — но и нечто еще, нечто иное.

Именно эти большие кошки были одной из причин, побудивших человека эволюционировать. Их охота, длившаяся миллионы лет, вынуждала человека становиться двуногим и вооружаться палками и камнями. Из страха перед темнотой и острыми белыми зубами человек научился пользоваться огнем и стал зажигать костры, чтобы отпугивать плотоядных. Под давлением эволюции, побуждающей его отгородиться от природы с ее опасностями, человек изобретал копья, и люльки для переноски младенцев, и каменные хижины. В конце концов он стал строить города и легкие корабли и отправился к звездам.

Глядя через сумеречные дюны на тигрицу, Данло дивился мужеству своих праотцов и праматерей, который слезли с деревьев и стали сражаться с такими вот зверями, превратив тем самым возможность истребления в эволюцию и смерть — в жизнь. В то краткое мгновение, когда он смотрел тигрице в глаза, а невинный ягненок все прыгал, подкидывая песок копытцами, перед Данло развернулась вся история человеческо-

го вида. И чем глубже он вглядывался в черные, кровавые воды прошлого и в себя самого, тем яснее виделся ему огненный лик глядящего на него тигра.

Тьма, медленно нисходящая на берег, почти не мешала этому видению. Свет над дюнами угасал, и лес растворялся в ночи, но Данло все так же хорошо видел глядящего на него тигра. Он помнил, как любят тигры ночь, время блужданий, громового рева и охоты. Должно быть, именно тигры — из-за их любви гулять под звездами, и были истинными архитекторами человеческого страха перед темнотой. Вся человеческая история, вся философия произросли из этого страха. Тьма для человека это смерть — либо бесконечная, когда ты замкнут в деревянном гробу, либо внезапная, вылетающая из ночи в виде горячего дыхания и рвущих тело когтей. Человек всегда боялся тьмы и потому поклонялся свету. Древние философы человеческого рода, обросшие бородами и страхом, выдумали войну между светом и тьмой, добром и злом, духом и материей, жизнью и смертью. Стремление отделить форму от функции, священное от низкого — вот в чем состоит фундаментальная философская ошибка человечества. Эволюционировав до математики и легких кораблей, человек разнес эту ошибку по просторам вселенной. Даже научившись взрывать звезды, превращая их в ослепительно яркие сверхновые, человек так и не преодолел страх перед темнотой и чудовищами, таящимися в ночи.

В то вечное мгновение, когда Данло смотрел на тигра через сотню футов темнеющего пространства, все эти мысли вспыхивали в его мозгу. Ветер нес с моря гром, и Данло остро чувствовал весь ночной мир вокруг себя. Вверху были черные тучи, черное небо, вездесущая чернота вселенной. В этот миг Данло осознал свою всегдашнюю ненависть (и любовь) к темным местам. Он, как и всякий человек, всегда испытывал искушение открыть дверь в самую темную из комнат и посмотреть, что там внутри. Или открыть входную дверь дома и посмотреть, что там *снаружи* — в ночи. Здесь, на этом пустынном берегу, было только одно: тигр. Глядя в золотые, горящие во тьме глаза тигра, Данло вспоминал строку из «Второго гимна ночи»: «Ты открываешь тайны,

что развертываются вечно». Он знал, что тигр всегда будет для него такой же тайной, как и он сам.

Теперь ночь открывала ему тайну, развертывая ее во всем великолепии, а над океаном в это время развертывался шторм. Молнии загорались, соединяя небо с землей и краткими вспышками освещая берег. Тигр, ягненок и другие детали мироздания на миг открылись во всей своей красе и тут же снова пропали в ночи.

В этот краткий миг озарения, когда черные и оранжевые полосы тигрицы вспыхнули странным неземным огнем, реальность дошла до такого высокого напряжения, что стала невыносимо реальной. Каждая вспышка молнии вызывала миг ослепления и последующей тьмы. Данло ощущал, что за этой тьмой есть *что-то* живое и белое, как шерсть ягненка, но не мог это *что-то* разглядеть. Под внезапные, таинственные разряды молний он дивился тому, как свет исходит из тьмы и тьма пожирает свет. Тигры поистине порождение тьмы, понял он вдруг, но *эта* прекрасная тигрица, ожидавшая его в сумеречных дюнах, — то самое существо, которое способно поведать ему об истинной природе света.

Когда тигрица наконец прыгнула, это выглядело так, будто она миллион лет ждала, чтобы освободиться наконец от тайны и невыносимого напряжения. Она ринулась вперед, как взрыв красок — оранжево-золотой, черной и белой, и понеслась через дюну быстрыми прыжками, чуть касаясь лапами песка. Данло, целую вечность решавший, как ее встретить, в миг ее нападения не успел ничего предпринять. Да ему, в сущности, и некуда было бежать — трава и песок вокруг не давали никакого укрытия, а до дома, даже если бы тигрица не загораживала дорогу, он все равно бы не добрался быстрее ее. Однако он думал, что попытаться все же нужно — хотя бы для того, чтобы отвлечь тигрицу от ягненка. Он должен спаси ягненка, и если они оба побегут в разные стороны, то тигрица сцапает лишь одного из них. Данло не пришло в голову, что тигрица с самого начала наметила своей добычей ягненка, а не его.

Но когда он решился отпустить веревку и ягненок в ужасе закричал, Данло это понял. Тигрица, несущаяся по берегу, боль-

ше на него не смотрела. Теперь ее золотые глаза были прикованы к ягненку. Данло тут же загородил его собой, но тот все испортил, внезапно метнувшись влево и опутав ноги Данло веревкой. Беспомощный Данло, видя перед собой дикие глаза тигрицы и мощные мускулы, струящиеся, как реки, под ее шкурой, вспомнил, как в детстве, в зимнем лесу, его родич, великий Вемило, убил снежного тигра обыкновенным копьем. Он очень ясно помнил тишину леса, и чистый белый снег, и могучий направленный прямо в сердце удар Вемило, и вызванный им водопад крови.

Но у него не было ни ножа, ни копья, ни времени. Еще секунда — и тигрица обрушится на него. Он ничего не мог сделать. Все его инстинкты громко требовали, чтобы он немедленно придумал какой-нибудь план бегства или защиты. Беспомощное состояние, уподоблявшее его завязшему в снегу зайцу, убивало его само по себе.

Потом он подумал, что всегда успеет просто встать и умереть — ведь тигрица наверняка убьет его в своем яростном стремлении к ягненку. Для защиты можно использовать палку, но против столь мощной атаки она более чем бесполезна. Самое большее, что он мог бы сделать — если точно рассчитал бы время, — это вогнать острый, облепленный песком конец палки в чудесный золотой глаз тигрицы. Но Данло знал, что этого не сделает никогда. Памятуя свой обет ахимсы, он понимал, что если бы даже ненавидел тигрицу, то ни за что не причинил бы вреда такому прекрасному созданию. Но он, как ни удивительно, не питал к ней ненависти. Он любил ее. В то самое время, когда она летела к ягненку, он любил ее редкостную грацию, ее живость, ту дикую радость, с которой она повиновалась жестоким ангелам своей натуры. Тигрица в момент умерщвления добычи была сгустком чистой энергии и анимаджи — радости жизни, радости смерти.

Даже ягненок, по всей видимости, чувствовал своего рода радость. Вернее сказать, он испытывал чистый, абсолютный ужас, и этот момент накануне гибели, делающий его как никогда живым, поистине был левой рукой радости.

Ягненок с криком в слепой попытке бегства рванулся в сторону океана, и Данло, выпутавшись наконец из веревки, бро-

сился ему на помощь, но мелькнувшее в воздухе тело тигрицы отшвырнуло его. Это был пушечный удар твердых мускулов, оранжево-черная буря. На Данло пахнуло ее кошачьим запахом и ее горячим кровавым дыханием. Перед ним пронесся ее великолепный лик, разверстый и блещущий белыми клыками. Ягненок все еще пытался ускакать, волоча за собой золотую веревку, но тигрица вонзила когти ему в бок, повалив его наземь, и тонкий крик внезапно оборвался. Глаза ягненка остекленели, и он застыл, не оказывая больше сопротивления.

Данло прыгнул к тигрице, вцепился в шкуру у нее на загривке и попытался оттащить ее от ягненка. Он тянул ее, зарывшись пальцами в ее густой мех, и чувствовал, как вибрирует густой рык у нее в груди и как вибрирует сила во всем ее теле. При новой вспышке молнии он увидел, как раскрылись ее челюсти, чтобы перекусить ягненку шею.

Данло вспомнил тогда, как пострадал Вемило от снежного тигра. Однажды глубокой зимой приемный отец Данло, Хайдар, привез Вемило, изломанного и окровавленного, в их пещеру, и тот рассказал невероятную историю. Хайдар прижигал горящей веткой раны на его лице, а великий охотник рассказывал, что, когда тигр терзал его, он не чувствовал ни боли, ни страха. Он сказал, что впал в какое-то сонное состояние и почти ничего не ощутил, даже когда тигр разорвал ему плечо, — как будто это происходило не с ним, а с кем-то другим. Теперь, когда Данло при вспышках молний без всякого успеха тянул тигрицу за загривок, он мог лишь надеяться, что ягненок перед смертью впал в такую же дремоту.

Данло всю жизнь хотел узнать, что лежит за порогом этой двери. Быть может, радость избавления от жизни, глубокая, блистающая, вечная радость? Или только тьма, чернота, ничто? Он полагал, что и сам вскоре может последовать за ягненком на ту сторону, и тут тигрица наконец сомкнула свои клыки. Зубы у нее были как ножи, которыми она орудовала с великой точностью. Она перекусила ягненку горло с такой силой, что отдача от удара зубов о кость прошла по всему ее телу и передалась Данло. Кровь брызнула ей на морду, на грудь и окатила Данло, который все еще цеплялся за ее загривок.

Ягненок лежал между ее лап, и его темный глаз был безжизненным, как камень.

Данло следовало бы отпустить ее и бежать что есть духу, но она вдруг бросила свою добычу, взревела и одним рывком перекатилась на спину, чтобы стряхнуть его с себя. Из Данло, вдавленного в песок, вышибло дух. Не будь песок таким мягким, тигрица сломала бы ему спину. Ее выгнутый хребет давил ему на грудь и живот. Он чувствовал во рту вкус крови и меха, а ее рычание, казалось, вибрировало в его собственном горле. Она все ревела, и лязгала зубами, и махала лапами в воздухе, а потом стала кататься по берегу. Избавившись наконец от Данло, она встала на ноги и припала к песку футах в трех от него. Ее дыхание горячими тяжелыми толчками било ему в лицо.

Он, тоже припав на одно колено, держался за ребра и ловил ртом воздух. Это противостояние длилось один только миг, но за это время между ними что-то произошло. Она смотрела на него странным глубоким взглядом, но таинственный огонь в глазах Данло наконец устрашил ее. Она отвернулась, встала и возвратилась к лежащему на песке ягненку. Зубами она подняла его за сломанную шейку — нежно, как собственного детеныша. Ягненок болтался у нее в зубах, покачиваясь на ветру. Не оглядываясь на Данло, она затрусила через дюны к темному лесу и скрылась.

Данло встал не сразу. Обратив лицо к западу, он смотрел на черное небо и слушал ветер. Пальцем, мокрым от крови ягненка, он потрогал язык. Давно уже он не ощущал вкуса живой крови. Она была теплая и сладкая, полная жизни. Данло проглотил этот темный густой эликсир и поблагодарил ягненка за то, что тот ценой своей жизни подарил ему, Данло, его благословенную жизнь.

Пока он молился за душу ягненка, пошел дождь. Небо наконец разверзлось, и на берег хлынули потоки ливня. Данло запрокинул лицо к небу, смывая кровь с губ, бороды и волос, со лба, с глаз. Зачерпнув пригоршню мокрого песка, он оттер от крови руки. Молния сверкала вокруг, шторм усиливался, а он смотрел, как кровь ягненка стекает с него, уходя в землю. Дождь вгонит эту кровь в песок, а потом она вольется в море.

А дух ягненка уже слился с ветром, дующим с запада, с диким ветром, плачущим в небе и вечно облетающим землю.

Ночью Данло увидел сон. Он лежал, весь в поту, на мягкой шкуре у огня, и ему снилось, как высокий серый человек кромсает его тело, придавая ему какую-то жуткую новую форму. Ему снились нож, и боль, и кровь. Человек с мастерством скульптора резал нервы Данло, свивал его жилы и ковал кости, покрывающие мозг. Когда же скульптор завершил свое мучительное ваяние и Данло посмотрелся в свое серебряное зеркальце, он не сразу узнал себя, ибо не носил больше человеческого тела. Весь этот страшный, нескончаемый сон Данло смотрелся в зеркало и видел в нем огневой образ прекрасного, благословенного тигра.

Глава 5

ЧУДО

Память можно создать, но нельзя уничтожить.

Поговорка мнемоников

Данло мог бы надеяться, что встреча с тигром станет для него последним испытанием, но оказалось, что это не так. Твердь — то с помощью идеопластов, то просто шепча на ухо — предупреждала, что впереди у него еще немало трудных моментов. При этом она ни словом не давала понять, в чем будет состоять трудность, но намекала, что он, как и при испытании на верность ахимсе, должен будет разгадать истинную природу теста и уяснить, почему его испытывают таким образом.

Прошло несколько дней. Данло гулял по берегу, высматривая на песке следы животных, пятна крови (и даже отпечатки ног человека по имени Малаклипс), и начинал задумываться: быть может, теперь Твердь хочет проверить, как долго он способен выносить одиночество? Ему нравилось жить наедине с черепахами и белыми чайками, но общество людей он тоже любил. Здесь некому было назвать его по имени, некому напомнить, что он пилот Ордена, который когда-то пил кофе с корицей в невернесских кафе, в компании таких же мечтающих о звездах кадетов, — и в нем стало развиваться довольно странное отношение к самому себе.

Во многих смыслах это было более глубокое и верное отношение, подтверждаемое только криками чаек и ритмичными

ударами океана о берег. Пару раз, стоя в воде у прибрежных камней, он чувствовал, что вот-вот вспомнит, кто он на самом деле. Как будто океан смывал с него личность, растворяя его заботы, его эмоции, его идеалы, самый его взгляд на себя как на человека и на мужчину. Ветер развевал его волосы, соленые брызги жалили глаза, и внутри у него открывался странный новый мир.

В таком состоянии он охотно забывал свою ненависть к Хануману ли Тошу, искалечившему душу Тамары, но у него бывали и другие состояния. Часто, устремив взгляд к синему горизонту, он боялся, что забудет свою клятву найти планету Таннахилл или хуже того — свое обещание спасти алалоев от убивающего их вируса. Такие мысли сразу возвращали его в мир целей и планов, в мир черного шелка, легких кораблей и мерцающих под звездами каменных соборов. Он вспоминал свою жгучую потребность участия в главном деле человеческой расы. Он вспоминал, что люди нуждаются не только в неизведанном, но и друг в друге — иначе они не были бы людьми.

Однажды, вернувшись с долгой прогулки на север, в глубь материка, Данло обнаружил, что он больше не один. В сумерках он, как уже привык, вошел в дом, снял сапоги и дотронулся до второго снизу камня в дверном проеме. Этот белый гранит с вкраплениями черной слюды и тонкими трещинками напоминал ему один из священных камней, стоявших у входа в его родную пещеру. В этот миг он понял, что в доме кто-то есть. Прихожая с голыми стенами и красным ковром на полу выглядела точно такой же, как всегда, но Данло чувствовал легкую перемену в воздухе — возможно, тепло чужого дыхания, шедшее откуда-то изнутри. Быстрыми шагами он прошел мимо пустой кухни, пустой чайной комнаты и каминной в медитационную — и там, в дорожном плаще из летнемирского шелка, у выходящего на море окна стояла единственная женщина, которую он любил в своей жизни.

— Тамара! — вскрикнул он. — Не может быть!

В сумерках, в комнате с погасшим камином, он не сразу уверился, что это она. Но когда она повернулась к нему и он

увидел ее прекрасные темные глаза, у него перехватило дыхание. Эта таинственная женщина не могла быть никем иным, кроме Тамары. У нее был такой же крупный нос и улыбчивый рот. У нее были длинные золотистые Тамарины волосы, и высокие скулы, и гладкий лоб, и маленькие уши. Данло хорошо помнил эти чувственные красные губы и крепкую шею.

Она поманила его к себе, и он сразу припомнил ее струящиеся жесты, которыми она, как куртизанка, владела в совершенстве. Он всегда любил смотреть, как она движется, любил ее длинные гибкие руки и ноги. Она ступила ему навстречу с почти чрезмерной легкостью, с грацией тигрицы. Данло с немалой долей иронии вспомнил, что всегда находил в ней сходство со снежными тиграми своей родины: та же импульсивность, игривость и первобытная сила жизни. Он вспомнил ее редкостную женскую силу, и ему до боли захотелось вновь ощутить шелковый охват и нетерпеливый зов ее тела.

Он двинулся, чтобы обнять ее, а она двинулась к нему. После их горестной последней встречи, разлучившей их души, он боялся прикоснуться к ней, а она явно боялась прикоснуться к нему. Но долю мгновения спустя они уже сжимали друг друга в объятиях, крепко, до боли, обдавая лица друг друга своим дыханием. Он целовал ее в лоб и в глаза, а она целовала его. Вопреки ненависти и отчаянию, вопреки световым годам космических расстояний, вопреки горькой памяти, жгущей его мозг, для него наконец-то настал день поцелуев, ласк и других чудес.

— Тамара, Тамара. — Он гладил ее лицо, трогая виски, глаза, щеки, пульсирующую артерию на шее. Она стояла не двигаясь, почти как статуя, а он бегал вокруг нее, и охватывал рукой ее затылок, и ласкал ее волосы, и заглядывал ей в глаза, как будто никак не мог поверить, что это в самом деле она.

— Данло, — ответила наконец она памятным ему, тихим и сладостным голосом. Она откинулась назад, чтобы посмотреть на него, и улыбнулась. У нее была чудесная улыбка, широкая, сияющая и открытая — разве что чуточку гордая. К удивлению Данло, испытания, которым она подверглась, явно не укро-

тили ее гордыни и не изменили ни глубинной ее сущности, ни даже внешней веселости. Она осталась такой же, как при первой их встрече: милой, теплой и полной жизни.

— Я... не видел тебя, — сказал он. — Я должен был увидеть тебя у окна, когда шел по берегу.

— Да ведь здесь темно. Через стекло ты ничего не мог разглядеть.

— Я даже и не смотрел на дом.

— А зачем? Ведь ты не ясновидящий.

— У нас была шутка, что мы — точно два магнита, которые всегда чувствуют друг друга, — улыбнулся он.

— Да? Ну конечно — и ты еще говорил, что вместе мы образуем нечто завершенное. Космическое поле любви и радости наподобие магнитного — я его южный полюс, а ты северный. Ты самый большой романтик из всех, кого я знала.

Данло, держа ее руки в своих, посмотрел ей в глаза.

— Ты это *помнишь?*

Она с улыбкой кивнула.

— Мне так много надо тебе рассказать. Со мной столько всего произошло...

— Но как ты здесь оказалась? В этом доме, на этой планете... как это возможно?

— Постой немножко. Здесь так холодно — давай сначала зажжем огонь. Не выношу холода.

Пока Данло закладывал дрова в камин, Тамара отправилась на кухню готовить чай. Она, разумеется, хорошо знала дом — куда лучше, чем он. Вскоре она уже вернулась, неся на подносе чайник, вазочку с медом, серебряные чайные ложки и две голубые чашки. Она поставила поднос на пол перед камином и положила рядом две подушки. Комната нагревалась быстро. Тамара, скинув плащ, села на подушку и пригласила Данло сделать то же самое. Сидя вот так, напротив, боком к огню, они могли вдоволь смотреть друг на друга.

— О моем отлете из Невернеса ты знаешь, — начала она и примолкла — то ли от неуверенности, то ли соображая, что ему рассказывать, а что нет. — После нашего последнего вечера я не могла больше оставаться в городе, где жило столько

воспоминаний — и где я лишилась самых важных из них. Сказать правду, я, наверно, просто боялась где-нибудь тебя встретить — на улице, или в кафе за тарелкой курмаша, или даже на катке.

Прости, Данло. Ты знаешь, почему это так пугало меня. Ты так много значил для меня в моей прошлой жизни, до того, как лихорадка выжгла мне память, но эта жизнь ушла безвозвратно, и нужно было начинать новую. Нужно было *построить* себе новую жизнь — где-нибудь подальше от Невернеса. Иногда, сознавая, что я потеряла, лишившись тебя, я хотела умереть — но жить мне, должно быть, хотелось еще больше. Любить и жить, жить, жить, пока я снова не стану собой. Не то чтобы я надеялась вернуть свою память — на это я не надеялась никогда. Но рассудок, душа — дело иное. Я должна была вспомнить, кто я на самом деле. Я боялась, что и душу утратила вместе с памятью, понимаешь? И я отправилась искать ее. Я знаю, это звучит очень романтично и очень тщеславно. Ведь душу нельзя потерять. Она всегда на месте, если заглянуть достаточно глубоко. И любовь тоже, и жизнь. Даже память — она всегда на месте, всегда ждет, как жемчуг в темном ящике комода. Ты в итоге оказался прав, и мастер мнемоники тоже. Странно, что мне пришлось покинуть Невернес, чтобы убедиться в этом. Еще страннее, что жизнь привела меня через полгалактики сюда, к тебе. Я не думала, что увижу тебя снова, не думала, что снова тебя полюблю. Я не смела на это надеяться. Но любить, любить и быть любимыми — для этого мы и рождаемся, правда? Я по крайней мере родилась для этого, Данло, и никогда не сомневалась в этом по-настоящему.

Тамара разлила по чашкам золотой мятный чай. Данло слушал ее, не прерывая, он не стал поправлять ее даже тогда, когда она приписала утрату своей памяти катавской лихорадке. Он так и не рассказал ей о своем открытии, не стал говорить, что ее память в действительности уничтожил Хануман ли Тош, а не искусственно созданный вирус с Катавы, — и сейчас тоже решил не рассказывать. Сейчас не его очередь, а Тамары. Сидя молча на своей подушке, он пил сладкий чай из голубой чашки и слушал, как Тамара отправилась на Авалон,

а оттуда на Ларондиссман, Самум, Летний Мир и Утрадес, где нашла себе укрытие в одной из знаменитых архатских медитационных школ. В конце концов она перебралась на Сольскен, яркую и веселую планету в самом конце звездных туннелей.

Сольскен из всех Цивилизованных Миров самый близкий к ядру галактики, а Фарфара — самый дальний. Звезды в ночном небе Сольскена ярки и многочисленны, как песчинки на тропическом берегу, — потому-то, наверно, на Сольскене и поклоняются ночи в отличие от других миров. Во время сезона, называемого «сон в летнюю ночь», празднества и религиозные церемонии продолжаются там от заката до рассвета. Там всегда нужны музыканты — барабанщики, флейтисты и арфисты. Паутинные арфы — священные инструменты Танца Ночи.

Тамару, как куртизанку, обучали, конечно, и музыке. В свое время она играла с лучшими арфистами Невернеса: с Зохрой Ивиацуи, Рамоной Чу и даже с великим Иварананом. Ее сексуальный талант исчез вместе с утраченной памятью, но музыкальный дар, как ни странно, только усилился. Эталоны и ритуальные мастера Сольскена с удовольствием слушали ее, и Тамара много ночей пела их священные песни. Ее золотой голос наполнял священные рощи под аккомпанемент паутинной арфы.

Она пела, взывая к своей потерянной душе, и один только ее голос задевал все десять тысяч струн мистического песнопения, которое, как верят сольскенцы, соответствует длине волн звездного света, изливаемого на их мир. Она могла бы провести под этим блистающим небом весь остаток своей жизни, танцуя, вспоминая и исполняя свои прекрасные, грустные песни. Но однажды, в Ночь Долгого Танца, к ней подошел одетый в серое человек. Он назвался Шиваном ви Мави Саркисяном и сказал, что послан за ней.

— Не могу передать тебе, как я удивилась, — говорила Тамара, размешивая мед во второй чашке чая. Она охотно положила бы побольше меду, но сладкого она остерегалась, как конькобежец — выбоин на льду. — Я никому не говорила, куда собираюсь. Я и сама не знала куда, когда начинала свое путешествие. Мне и в голову не приходило, что я окажусь на

Сольскене, — это было случайностью. Или чудом. Я, конечно, знаю, что это было, только выговорить затрудняюсь. Я, видишь ли, стала верить в чудеса. Поневоле пришлось поверить. Разве не чудо, что богиня сжалилась над больной духом женщиной и взялась ее исцелить?

Данло отпил глоток из своей чашки, кивнул и спросил, бросив странный взгляд на Тамару:

— Так ты знаешь, где мы находимся?

— Да, конечно. На планете, созданной Твердью — богиней, которую все зовут Твердью. В середине этой самой Тверди — то есть это планета, Земля, находится у Нее в середине. Шиван, когда представился, сказал мне об этом. Он сказал, что чуть не погиб в мультиплексе здесь, в туманности Тверди, где звезды ведут себя странно. У вас, пилотов, это, кажется, называется хаотический шторм. Он был со мной очень откровенен. Сказал, что Твердь его спасла, а взамен попросила его спасти меня. Из милосердия, конечно, но это, мне кажется, было и своего рода испытанием. Шиван сказал, что Твердь испытывает всех пилотов, которые к Ней попадают.

Данло, подержав во рту чай, проглотил и спросил:

— И ты поверила этому ренегату?

— Он предпочитает называться вольным пилотом. Да, я ему поверила.

— Но ведь его рассказ должен был показаться тебе... фантастическим. Совершенно невероятным.

— В нем было что-то такое...

— Да?

— В его голосе, в его глазах. Я сразу ему доверилась.

Тамара, несмотря на свою наружную искушенность, была одним из самых доверчивых людей, какие Данло встречались. В ней все еще жила невинная маленькая девочка с широко распахнутыми глазами. Данло любил это ее свойство. Несмотря на все свои несчастья, она по-прежнему верила людям, и люди поэтому, в свою очередь, доверяли ей. Данло тоже верил в фундаментальную доброту человеческой натуры, хотя не слишком часто доверял людским словам и верованиям. Рассказ Тамара тоже вызы-

вал у него большие сомнения, представляясь почти нереальным — но в самой Тамаре он сомневаться не мог.

Она сидела напротив, открыто глядя на него темно-карими глазами, и в ней чувствовались глубина и одухотворенность. Данло решил, что ради утверждения своей единственной в жизни любви он должен сказать «да» ее доверию к пилоту-ренегату Шивану ви Мави Саркисяну. Сказать «да» логике ее сердца, какие бы сомнения ни вызывала у него логика ее рассказа.

— Значит, Шиван откуда-то знал, что ты на Сольскене, — сказал он наконец. — Наверно, это Твердь сказала ему.

Тамара кивнула и выпила немного чаю.

— Во время своего пребывания у эталонов я привлекала к себе большое внимание — если не как куртизанка, то как арфистка. И это тоже чудо. Чудо, что я приобрела некоторую известность как раз в то время, когда Твердь искала меня. Мне кажется, Она следит за всеми жителями Цивилизованных Миров, но за знаменитыми — особенно.

— Следит, — подтвердил Данло. — Следит и ждет — как все боги.

— Да, но эта богиня, по-моему, этим не ограничивается.

— Ты права. Она врачует человеческие раны. Но я думал... что ты хочешь исцелиться сама.

— Да, поначалу хотела. Но я не была по-настоящему счастлива... там, на Сольскене.

— Значит, сюда ты прибыла на корабле Шивана?

— Ну да — как же иначе?

— Шиван нашел тебя на Сольскене, а потом вы прилетели сюда. И все это меньше чем за пятьдесят дней?

— Я дни не считала, Данло. Кто же их считает в мультиплексе?

— До Сольскена от Тверди... не меньше двадцати тысяч световых лет.

— Так много?

— Двадцать тысяч световых лет по направлению к ядру галактики. И столько же потом от него. Итого сорок тысяч — меньше чем за пятьдесят дней планетарного времени.

— Но ведь от любой звезды галактики можно попасть к любой другой за один ход, разве нет? Почти не затрачивая времени. Ведь так звучит Гипотеза Континуума, которую доказал твой отец?

Знакомство Тамары с математикой (и многими другими дисциплинами) всегда приятно удивляло Данло, и он с улыбкой склонил голову, воздавая должное ее эрудиции. Любуясь игрой огненных бликов на ее лице, он сказал:

— Да, отец доказал Великую Теорему, это правда. От одной звезды можно пройти к другой — но лишь в том случае, когда маршрут верен. Только когда координаты обеих звезд известны и пилот достаточно гениален, чтобы составить прямой маршрут.

— Это очень трудно — составить такой маршрут, да?

— Трудно? Не знаю, как сказать. Говорят, у отца это всегда получалось — и у Зондерваля иногда тоже получается. Но для меня и почти всех прочих пилотов все эти точки, огни, звезды... между любыми двумя звездами существует почти бесконечное количество возможных маршрутов.

— Мне думается, Шиван — очень одаренный пилот.

— Да, я это знаю. — Глядя на мерцающее в камине пламя, Данло вспомнил, как Шиван следовал за его кораблем от Фарфары в глубину Экстра. — Если он овладел Великой Теоремой, то он величайший из всех пилотов, хотя и отступник.

Тамара улыбнулась, глядя сквозь темно-синие глаза Данло прямо ему в душу.

— Тебе этого не хочется, да? Не хочется, чтобы он оказался талантливым, даже гениальным?

— Нет, не хочется. — Данло вспомнился воин-поэт, носящий два красных кольца и путешествующий вместе с Шиваном. — Только не ренегат.

— Возможно, это Твердь вычислила ему маршрут — от солнца этой Земли до Сольскена. Уж богиня-то должна знать координаты каждой звезды в галактике.

— Да, это возможно.

Тамара, отставив чашку, провела своими длинными пальцами по его руке.

— Ты всегда сомневаешься, но ведь в том, что я здесь, у тебя сомнений нет, правда?

— Нет. — Данло улыбнулся и поцеловал ее пальцы. — Никаких.

По правде сказать, он не хотел сомневаться ни в чем, что касалось ее, и с трудом принуждал себя играть в инквизитора, задавать ей каверзные вопросы и уточнять детали ее рассказа. Тамара рассказала, как распрощалась с эталонами и как они в награду за ее мастерство подарили ей золотое платье, сотканное из тончайших паутинных струн арфы, на которой она играла. Потом Шиван поместил ее в пассажирскую кабину своего корабля. Пока он прокладывал свои звездные маршруты, она оставалась наедине с безмолвным гулом космоса и звучащей в памяти музыкой. Сколько продолжалось это путешествие, она не знала, но в конце концов они вышли из мультиплекса над созданной Твердью Землей. Тамару поразила красота этого синего-белого мира. Они прошли сквозь атмосферу планеты и приземлились на тропическом острове в большом западном океане. Там Шиван расстался с ней. На белом песке — между джунглями и голубой лагуной, стоял дом. *Ее* дом, шале из камня и осколочника. Дом, оставленный в Невернесе. Его каким-то чудом перенесли через двадцать тысяч световых лет — или сделали точную копию.

Откуда бы ни взялся этот дом, Тамара смотрела на него как на чудо, но настоящее чудо ожидало ее внутри. В чайной комнате на низком столике стояла золотая урна и простая чаша из голубого кварцевого стекла. Тамара, счастливая оттого, что наконец вернулась домой, услышала голос. Он шептал в самое ее ухо, а может быть, прямо у нее в голове. Прохладный и сладостный голос велел ей наполнить чашу прозрачной жидкостью из урны. Тамара повиновалась. Голос велел ей пить, и она выпила все до дна, жадно и целеустремленно. Жидкость, холодная и горьковато-сладкая, немного напоминала каллу, которую Тамара однажды попробовала в музыкальном салоне Бардо. Но это было не калла, а нечто другое — лекарство от душевных недугов, эликсир, прозрачный и чистый, как вода. Напиток погрузил Тамару сначала в грезы, а потом — в сон.

Она не знала, сколько проспала, но ей снились сны, странные и прекрасные сны, в которых она лежала с Данло нагая у жаркого огня. Она чувствовала, как жар обволакивает ее, словно золотое платье, и входит внутрь, словно длинный золотой змей, волнами поднимаясь вдоль позвоночника. Ей снились темно-синие глаза Данло, его золотой голос, его длинные, покрытые шрамами пальцы; снилось, как он обнимает ее, и играет ей на флейте, и что-то ей говорит. Сны напоминали Тамаре о самом сокровенном ее желании: быть истинно живой и побуждать к жизни все, что ее окружает.

Очнувшись наконец — через много часов или много дней, — она увидела, что лежит нагая на шкурах в каминной. В полном и ясном сознании она села, и ее взгляд упал на черный, холодный камин. Снаружи она замерзла, и ее пробирала дрожь, но внутри у нее пылали огонь и память. Она помнила каждое мгновение, проведенное с Данло, и много, много больше — ей открылось тайное знание, кто она и зачем явилась в этот мир. Она вскочила — ей хотелось танцевать, воздавая хвалу свершившемуся чуду и долгожданному исцелению своей души.

Вскоре после этого рядом с ее домом опустился легкий корабль, и ей велели сесть в него. Она не знала, был ли это корабль Шивана, поскольку пилота не видела. В пассажирской кабине она совершила быстрый перелет через спокойный голубой океан, и корабль снова сел на берегу, близ все того же знакомого дома. Пока Данло совершал свою далекую прогулку, Тамара вышла из таинственного корабля и увидела на дюнах «Снежную сову», корабль Данло, до половины занесенный песком. Она вошла в дом и в холодной медитационной комнате стала ждать возвращения Данло. Весь вечер она стояла у темного окна, смотрела, ждала и вспоминала вспышку узнавания в глазах Данло в ту давнюю ночь их первой встречи.

Пока она рассказывала, они успели выпить по три чашки мятного чая. Данло слушал молча — так птица китикеш слушает, как копошатся черви под снегом, — но многое в ее рассказе беспокоило. На каждый ответ Тамары относительно ее чудесного появления в этом доме у него возникало два но-

вых вопроса. Тамара, к примеру, ни разу не упомянула о воине-поэте, который путешествовал с Шиваном.

Что случилось с Малаклипсом, носящим два красных кольца? Разлучила ли Твердь этих двоих, чтобы испытать каждого на свой лад? Загадывала ли она Малаклипсу стихи — или ему пришлось встретиться где-то на другом берегу с тигром, не имея при себе ничего, кроме ножа? Данло тревожила мысль, что воин-поэт находится на одной с ними планете. Еще больше его беспокоило, что Шиван выдержал испытания Тверди и задал ей вопрос, который намеревался задать он сам. Шиван определенно спросит, где можно найти Мэллори Рингесса. Тамара намекнула, что у Шивана есть свои причины повидать его. Может быть, Шиван просто надеялся узнать у него, как применять Великую Теорему и бороздить галактику по своему усмотрению, а может быть, у него имелись и другие причины.

Иногда, заглядывая в будущее и прозревая страшную красоту двух жизней, его и своей, Данло боялся за отца. Порой это становилось самой серьезной из его забот, хотя подобное беспокойство о судьбе бога казалось Данло абсурдом. Если Мэллори Рингесс действительно бог, разве не в его силах держаться подальше от пилотов, воинов-поэтов и прочих человеческих особей? Иначе зачем было ему покидать Невернес в то время, когда его слава затмевала солнце? Нет, отец, конечно, не даст себя в обиду — особенно какому-то воину-поэту. Боги не терпят никакого насилия над своей божественной сущностью. Они смеются над людским самомнением. В их воле любить людей или убивать их; иногда, как в случае с Тамарой, они даже простирают свои невидимые длани, чтобы исцелять людей от их недугов. Богиня по имени Твердь, например, любит испытывать людей при помощи ножей, стихов и обещаний лучшей жизни. Тамара, вертя в руках пустую чашку, намекнула, что Твердь делает это, чтобы раскрыть возможности человека. Но кто может знать это наверняка? Может ли Данло сказать, зачем его испытывают — и подвергается ли он испытанию сейчас, в это самое время, когда он пьет мятный чай с благословенной женщиной, возвращенной ему Твердью?

— Я рад, что Твердь привела тебя сюда, — сказал он наконец, поставив чашку и улыбнувшись. — Ты снова ожила и кажешься такой счастливой.

— Я и правда счастлива — разве нет?

— Да, конечно. Но меня все это озадачивает.

— Почему?

— Когда Твердь требовала, чтобы я убил ягненка там, на скалах, Она пообещала, что поможет мне найти тебя. Что вернет тебе память. Но ведь я не убил ягненка. Я не смог.

Тамара отодвинула в сторону чайный поднос и с безупречной грацией мастер-куртизанки придвинула свою подушку к Данло. Теперь она сидела вплотную к нему, выпрямив спину и скромно скрестив ноги под длинным платьем. Глядя на Данло, она взяла его руки в свои. Их глаза соприкоснулись, и Данло вспомнил, что это прикосновение — одна из древнейших позиций эротической йоги. Он чувствовал на лице дыхание Тамары, теплое, мягкое, пахнущее мятой и медом. Он помнил, как прежде они часами дышали вместе, синхронно впуская и выпуская холодный свежий воздух. Были ночи, когда они дышали друг в друга, перед огнем, глаза в глаза — а если не могли больше выдержать, смыкали губы и тела в самом глубоком из всех слияний.

— Может быть, Твердь все это делает из сострадания, — сказала Тамара.

— Возможно.

— Неужели в это так трудно поверить?

— Сострадание... Алалои выражают это понятие словом «анаслия» — «страдание вместе». Но зачем богам разделять чью-то боль?

— По-моему, богиня исцелила меня ради тебя.

— Ради меня? Но зачем?

— Не знаю.

— Но если Твердь в самом деле так сострадательна, почему же Она не вылечила тебя из сочувствия *к тебе?*

— Может быть, Она так и сделала — но мы можем только догадываться о Ее потаенных целях.

— Я должен догадаться. Должен понять, в чем состоит мое испытание.

Тамара сжала его руки.

— Если это правда испытание, то ты, возможно, должен просто показать, что способен принимать дары свободно, не мучаясь сомнениями. Не задумываясь о том, чего не знаешь.

— Но я знаю так мало.

— Ты знаешь, что я здесь, разве нет?

— Да. — Данло странно, с полуулыбкой, посмотрел на нее. — Ведь это ты, правда?

Вместо ответа она провела длинным ногтем по его разбитым костяшкам, как часто делала до того, как потеряла память, и сказала с тихим смешком:

— Кажется, я теперь почти такая же, как была, когда мы встретились в солярии Бардо. Та же, кому ты подарил жемчужину здесь, в этом доме — помнишь?

— Помню ли я? А ты — помнишь?

— Я помню все, Данло.

— Правда?

— Я помню, как мы пообещали друг другу, что поженимся.

— Я тоже помню.

Когда он сказал это, она притянула его руку к себе и прижала к своей груди над самым сердцем. Сквозь мягкую ткань платья он чувствовал что-то круглое и твердое, почти как орех, — он хорошо помнил, что это такое.

— Видишь, я до сих пор ее ношу, — сказала Тамара.

Встав, она медленно расстегнула пуговицы, и платье упало на пол. На ее груди висела жемчужина. Матово-черная, с пурпурными и розовыми бликами, она великолепно контрастировала с белизной кожи.

— Да, я вижу, — сказал Данло.

Тамара снова опустилась на подушку. От ее наготы у Данло перехватило дыхание и напрягся живот. Она не носила белья и надевала одежду прямо на голое тело. Вся она с головы до пят была одета в одну только гладкую кожу, которую так хорошо помнили его пальцы. Она сидела на пятках — эта поза, трудная для многих, ей давалась легко благодаря силе ее длинных икр и пышных бедер, благодаря длинным мышцам, струящимся вдоль ее позвоночника. Руки она сложила на густых золотис-

тых волосах ниже живота — не из стыдливости, а просто потому, что сидеть так ей было всего естественнее.

Собственная нагота нисколько ее не смущала. Данло помнил, как она расхаживала по дому голышом — и днем, и ночью. Это инстинктивное стремление обнажить себя перед миром казалось ему одной из самых прекрасных ее черт. Глядя на ее высоко поднятую голову и завесу ниспадающих на плечи волос, он в тысячный раз поразился ее невероятной красоте. Зло таинственным образом не оставило своего отпечатка — она осталась той же, какой ему запомнилась. Он смотрел на нее долго, вбирая глазами полноту ее губ, прелесть ее лица. Он вспомнил, что всегда любил смотреть на нее. Тогда он думал, что всегда будет это любить.

Теперь, когда огонь играл на ее коже и между ними лежали тысячи световых лет, он начинал видеть ее в немного ином свете. Она оставалась все такой же прекрасной, но ее точеный нос вдруг показался ему чересчур безупречным, глаза — чересчур темными, ослепительная улыбка — чересчур гордой и страстной. В ней появилось что-то странное. Он чувствовал эту страшную странность ее души, но не мог сказать, в чем она.

— Она красивая, — сказала Тамара, потрогав жемчужину пальцем. — Я помню, как ты сделал ее для меня.

— Вообще-то ее сделала устрица, а не я.

Она улыбнулась какой-то своей мысли и провела пальцем по сплетенному из черных с рыжиной волос шнурку, на котором держалась жемчужина.

— Но ты нашел ее и сделал кулон.

— Да.

— И подарил ее мне, как своей невесте.

— Мы условились, что поженимся когда-нибудь в будущем — когда сможем.

— Когда ты завершишь свое дело, а я свое — помнишь?

— По-моему, это забыть невозможно.

— А я не могу забыть, как чуть не вернула тебе жемчужину. Прости, Данло. Это было дурно с моей стороны. Ведь в каком-то смысле мы поженились в тот самый миг, когда увидели друг друга впервые.

— Я знаю. В тот самый миг — а может, еще до него.

Тамара тихо рассмеялась, явно польщенная этой его романтической идеей. Данло тоже засмеялся, и их глаза встретились, даря друг другу свою радость. Тамара сошла со своей подушки и прильнула к Данло. Прошла целая вечность, пока она расстегивала «молнию» на его камелайке и снимала ее, скользя своими искусными ладонями между тканью и кожей.

Ее касания зажгли в Данло огонь, и он вспомнил, что давно уже не был с женщиной. В его чреслах стало нарастать давление, и волна крови прошла по члену от основания до самого конца. Он был переполнен семенем, переполнен собой. Даже если бы он не умирал от желания умереть в Тамаре, не в его правилах было отказываться от секса, предлагаемого ему такой красивой женщиной. Он нежно опустил ее на подушки и стал целовать губы, шею, мягкие золотистые пряди рассыпанных по груди волос. В отчаянной горячности, с которой она отвечала на его поцелуи, чувствовался неведомый ранее голод. В их любовной игре появилось нечто новое, порывистое, почти неумелое, как будто они никогда прежде не сплетали ноги и не ощущали пот на коже другого.

Секс, конечно, всегда новое, всегда тайна и опасность, но все-таки не до такой степени. Новизна, которую Данло чувствовал в Тамаре, заключалась не в технике и даже не в эмоциях, а скорее в ее самоощущении. Казалось, что она держится за себя, как ребенок за любимую куклу. Она прижималась к Данло, и сжимала в руке его твердый член, и трогала разноцветные шрамы на нем, оставленные при посвящении Данло в мужчины. Волнующая игра ее пальцев была почти такой же, как в их первую ночь, и сама Тамара, горячая и бурно дышащая, была почти той же, как будто никогда и не теряла память. И это было странно, потому что она однажды все-таки забыла его и все, что его касалось, и эта душевная рана должна была бы стать такой же неотъемлемой ее частью, как и ее радость от возвращения прежней себя. Однако, несмотря на все ее искренние слова о пережитом ею несчастье, в жаре ее тела и в переливах мускулов не замечалось даже намека на страдание. Данло казалось, что этим сознательным вычеркиванием прошлого Тамара предает саму

себя. В это самое время, когда он целовал ее и трогал между ног, он чувствовал, что тоже ее предает — как будто он совершил путешествие во времени и вернулся к более юной и не ведающей зла версии Тамары.

Он мог бы в этот миг оторваться от нее. Мог бы сдержать дыхание и встать с мокрых от пота подушек, на которых они лежали. Но Тамара застонала и раздвинула ноги, притягивая его к себе. Он и сам стонал — вернее, дышал так часто, что воздух выходил из его груди гортанными вскриками удовольствия и боли. Он не мог больше сдерживаться, как не может не упасть камень, брошенный в море. Притягиваемый ее руками, ее глазами, ее ртом, он не мог больше противиться этой благословенной силе тяжести.

И вот он уже падал, припав к ее губам, и искал бедрами центр ее тела. В соитии с женщиной всегда есть момент триумфа. Острый трепет проникновения длился целую вечность, и предвкушение входа в ее глубину было почти невыносимым. Соитие всегда обещает новые горизонты экстаза, космической страсти, опустошающей глаза, чресла и разум — опустошающий так, чтобы в освободившееся пространство могла войти наиболее глубокая часть тебя самого. Боль этой возможности так прекрасна, что все твое существо сосредоточивается на единственном моменте вхождения плоти в плоть.

Горячее влажное сжатие ее лона, как всегда, наэлектризовало мускулы Данло, и он, глотая воздух, погружался все глубже. Удовольствие казалось слишком полным, чтобы быть реальным, и все же было слишком реальным, ибо он чувствовал каждое содрогание ладонями, горлом и животом. Прилив наслаждения расходился волнами по всему телу. Данло не мог бы теперь остановиться, даже если бы захотел. В этом их слиянии присутствовала дикая радость и страшная неизбежность. Точно некая тайная сила воспламеняла его нервы и заставляла мускулы сокращаться. Он чувствовал себя почти беспомощным во власти сил, которыми не мог управлять. Снаружи, за шумом ветра и океана, слышался далекий рев тигра, кожу лизал жар камина, и властное целеустремленное тело Тамары втягивало Данло все глубже в себя.

Он двигался в древнем ритме, раскачиваясь, и нажимая ей на живот, и полностью повинуясь внутреннему такту своей крови. Будь он способен сейчас думать, ему показалось бы очень странным, что подобные действия двух человек могут приносить такое наслаждение. Тамара с широко раскинутыми ногами выгибалась под ним, и обнимала его, и все погружала, погружала его в себя. Ее пальцы впились в играющие мускулы его бедер, и он дивился, что один человек способен так открыться перед другим. Дивился он и себе, своей воле, побуждающей его войти еще глубже, до самой ее матки, этого благословенного средоточия всех желаний и опасностей. Он задыхался от немыслимой дерзости этого вхождения, этого исчезновения в мягкой, цепкой темноте внутри нее. Да, он насиловал ее, но конвульсивные движения ее бедер и ее ногти, вонзившиеся ему в спину, говорили, что на самом деле это она его насилует. Она брала его в плен, и овладевала им, и поглощала его.

В любовном слиянии мужчины и женщины все эти чувства и страхи растворяются в экстатическом влажном единстве, в восторге, в любви. Секс доставляет людям радость в основном потому, что побеждает древнее противостояние и разлад между полами и позволяет двум отдельным существам стать одним. Глубочайший из парадоксов заключается в том, что человек может найти себя только в другом человеке. Данло, погружаясь в соленый океан внутри Тамары, должен был обрести себя, найти способ погасить сжигающее его пламя. Пот, струящийся по ее лицу, сладкая влага ее лона, ее бешено пульсирующая кровь должны были составить эликсир, который исцелил бы его от его неисцелимой раны.

Данло стремился к этому единству всем своим существом. Частый стук сердца в груди побуждал его к движению, его живот и бедра работали, ведя его все глубже, увлекая его навстречу жизни. Не имело значения, что из этого стремления, этого экстаза могла получиться новая жизнь, а с ней и новое, неизбежное страдание, когда ребенок девять месяцев спустя выйдет в крови и муках из чрева матери. Великое колесо жизни вращается, не внемля крикам новорожденных, и могучее стрем-

ление всякой плоти ничем не остановишь. Данло меньше всего хотел что-то останавливать. В пылу страсти, когда дыхание часто и хрипло вырывалось у него из груди, а чреслам не терпелось освободиться от страшного давления изнутри, он готов был принять все горе и все страдания вселенной, лишь бы только умереть вместе с Тамарой в едином мгновении вопящего, содрогающегося экстаза.

В Невернесе они много раз, лежа перед таким же жарким камином, входили в это благословенное место рука об руку. Много раз с тех пор Данло мечтал уткнуться в шею Тамары, двигаясь с ней в одном слитном ритме. Но теперь, у другого огня, когда Тамара, запустив ногти ему в спину, издавала радостные крики, он понял, что на сей раз истинного слияния они не достигнут. Не будет единства, не будет мистического союза душ.

Он не сразу уяснил, откуда пришло к нему это знание. Оно поднималось из глубин его существа вопреки полностью подчиненной Тамаре воле. Внутренний огонь Тамары пронизывал и его. Он чувствовал, что жар ее тела немного чрезмерен — он соответствовал скорее не нормальному накалу сексуальной йоги, а лихорадке. Его тело служило мерилом ее кожи и ее памяти, той истинной памяти, которая глубже разума. Раньше они шутили, что их взаимное влечение так велико, что все его клетки любят ее клетки. В момент оргазма он всегда испытывал чувство, будто его половые клетки возвращаются домой, в сокровенное место безусловной любви. Их клетки соприкасались в горячем трении кожи, во влажном слиянии губ, в горячем шелковом капкане ее влагалища. Пот, который он слизывал с ее шеи, был солон, как кровь, и даже отдавал горьковатой сладостью мнемонического наркотика.

Он вдыхал ее запах, насыщенный гормонами и другими секретами ее обмена веществ, которые он не мог опознать. Этот запах о чем-то говорил ему. Как будто сама жизнь подавала сигналы сквозь стенки их клеток. Возможно, ядра его клеток каким-то образом открылись для тайной информации, закодированной в ней. Так или иначе, он чувствовал это глубокое клеточное сознание: потоки плазмы, и пульсирующую в митохондриях энергию, и вибрацию ДНК.

Тамара двигалась под ним быстро, слишком быстро, и все ее тело излучало напряженное сознание своего бытия. Данло чувствовал что-то неладное в этом сознании, что-то неладное в ее душе. В том, как она цеплялась за него своими пылающими руками, как бы желая забрать все удовольствие себе, проявлялся эгоизм, раньше совсем ей не свойственный. Она казалась странно одинокой, все время следящей за собой — и за ним. Хотя ее глаза оставались плотно зажмуренными, Данло чувствовал, что она следит за ним, как он сам мог бы следить за бабочкой, пьющей сладкий нектар из огнецвета. Когда она вскрикивала и впивалась в него пальцами, он смотрел сверху на ее прекрасное лицо. Не переставая двигаться в убыстряющемся ритме ее бедер, он смотрел на нее, а на него при этом смотрело нечто странное, огромное и ужасное. Оно смотрело прямо в него, и пило свет его глаз, и пожирало ткань его души.

Потом он тоже вскрикнул, и они достигли своего экстаза вместе. Но настоящего «вместе» не получилось — были только два судорожно бьющихся человеческих тела, вырывающих друг у друга горячечное наслаждение. Они вскрикивали вместе, но не одним голосом, а как два раздельных и одиноких существа. Момент извиваний и судорог длился бесконечно, но прошел, и они обмякли в объятиях друг друга, обессиленные и полностью истратившиеся.

Позже, когда они молча лежали перед угасающим огнем и Данло следил, как играет свет на потном лице Тамары, он вспомнил когда-то слышанное изречение: «Поверхности блещут доступной пониманию ложью, глубины сияют недоступной пониманию истиной». Он потрогал пульсирующий болью шрам на лбу, вытер с глаз соленую влагу и подивился тому, что поиск истины способен оставить человека таким пустым, печальным и бесконечно одиноким.

Глава 6

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Имитация не может быть реальностью.

Нильс Орландо,
основатель Ордена Цефиков

Имитация не должна быть реальностью.

Хорти Хостхох, основатель Ордена
Мистических Математиков
и Других Искателей
Несказанного Пламени

В последующие дни они часто занимались любовью перед камином — порой до пяти раз в день (или в ночь). Иногда они целую ночь, обливаясь потом, раскачивались в позе лотоса, и Тамара водила ногтями по лицу Данло и покусывала, как тигрица, его шею. Но ни эти опасные ласки, ни другая техника, имеющая целью разбить ледяные внутренние стены, разделяющие любовников, — ничто так и не помогло им достичь того золотого момента единения и подлинного блаженства, к которому так стремился Данло. Слова тоже не обеспечивали ни одному из них доступа в душу другого. Утром они любили сидеть у окна в чайной комнате, пить кофе и разговаривать, глядя, как чайки добывают свой завтрак из океана. Они разговаривали, гуляя в отлив по берегу, и разговаривали в камин-

ной перед сном, тихо и интимно. Они вели бесконечные и откровенные разговоры обо всем, от капризного нрава Тверди, державшей их в плену на этой неведомой людям планете, до вселенской природы любви; они открывали друг другу сердца (или пытались открыть), но по какой-то таинственной причине оставались чужими.

В тягостные моменты сомнений, когда Данло оставался один в доме или на берегу океана, мысли о Тамаре вызывали у него в уме противоречивые образы и парадоксы. Она по-прежнему оставалась прекраснейшей из всех известных ему женщин, но ее золотой облик слишком часто представлялся ему темным, глубоким и ужасным, как космос; она любила его все с той же огненной страстью, но когда она в своей великой жажде любви обнимала его, ее пальцы часто казались ему льдинками, проникающими в самое его сердце.

Самый глубокий парадокс заключался вот в чем. Тамара в каком-то не до конца понятном Данло смысле была подлинной Тамарой — и все же не была ею. Она — не она, думал Данло. Она была не совсем той Тамарой, которую он помнил. Его беспокоило много разных мелочей — взять хотя бы ее одинокие ночные прогулки по берегу, пока они день за днем ожидали, когда Твердь снова обратится к ним и откроет смысл назначенных им обоим испытаний. У Тамары вошло в привычку уходить из дома за полночь и бродить одной по дюнам при лунном свете. В Невернесе профессия тоже часто обязывала ее совершать ночные прогулки по ледяным улицам. Данло знал, что Тамара храбрая, как все куртизанки — храбростью она никому бы не уступила, — но он не подозревал, что ей *нравится* ехать по Серпентину через самую темную часть Квартала Пришельцев, где около публичных домов толкутся червячники и прочие опасные личности.

Он начинал думать, что она любит опасные ситуации — не ради самой опасности, а скорее ради сознания своей силы, которое давала ей победа над своими естественными страхами. В Невернесе она всегда брала с собой маленький пальцевый пистолет, спикаксо, излюбленное оружие воинов-поэтов и прочих наемных убийц. В прошлом воины-поэты были близки-

ми союзниками Общества Куртизанок — они-то и научили представительниц Тамариной профессии обращению с экканой, найтаре и прочими ядами.

Тамара, отправляясь по вызову, всегда, следуя примеру своих коллег, заряжала спикаксо несколькими отравленными дротиками. Любой мужчина, вообразивший сдуру, что сможет поиметь красивую куртизанку бесплатно, рисковал получить отравленный дротик. Тамара свои дротики всегда смачивала найтаре, опаснейшим ядом, который мигом проникал в мозг и вызывал в коре электрохимический шторм, приводящий к эпилептическому припадку. Но это было хуже всякой эпилепсии, ибо найтаре к тому же убивал, и человек погибал страшной смертью — бился в судорогах, выкатывая глаза и пуская пену изо рта. Говорили, что найтаре причиняет еще худшие муки, чем эккана, и что для жертвы эти мучения длятся целую вечность.

Готовность Тамары использовать найтаре против мужчин не удивляла Данло, потому что он хорошо знал отпугивающий эффект этого яда. За последнюю тысячу лет куртизанкам всего несколько раз приходилось пускать в ход заряженные найтаре дротики, и об этих случаях червячники рассказывали в кафе такое, что даже самые закоренелые преступники относились к куртизанкам очень уважительно. Но здесь, когда Тамара впервые собралась ночью на прогулку, Данло очень удивился, увидев, как она заряжает спикаксо своими смертоносными черными дротиками. Тамара же удивилась его удивлению и сослалась на тигров, рыщущих ночью по берегу. Кому, как не Данло, знать, насколько опасны тигры, нападающие на невинных ягнят?

Данло, конечно, знал, насколько они опасны, но не мог понять, почему Тамара не берет шешат или другой транквилизатор, который обездвиживает крупного хищника и лишает его сознания, но не убивает. Ведь если один тигр умрет в воплях и корчах, других это не отпугнет. Притом Тамара любила животных, особенно кошек, которых считала самыми красивыми и грациозными из всех зверей. Данло полагал, что Тамара пойдет на все, лишь бы сохранить животному его благословенную жизнь.

Она отнеслась к его растерянности весьма странно. Заряжая пистолет черными посланцами смерти, она целиком сосредоточилась на своей задаче и сохраняла полную невозмутимость. Закончив, она натянула черную перчатку с пистолетом на руку и почти торжествующе сказала Данло:

— Я всегда любила в тебе твою верность ахимсе, но разделить ее я не готова. Если тигр нападет на меня, нужно ли мне бояться убить его? Я всегда боялась, что испугаюсь в нужный момент. Всегда боялась убить кого бы то ни было, но ведь когда-нибудь да придется, правда? Ох, милый Данло, иногда мне кажется, что жизнь состоит из одних убийств и смерти.

Огонь ее карих глаз и сдерживаемая страсть в ее голосе навели Данло на мысль, что она сама ищет случая убить тигра, а заодно и поиграть со смертью. Это по-своему совпадало с ее целью и как женщины, и как куртизанки. Тамара, сколько себя помнила, всегда искала более глубокой, более подлинной жизни, всегда стремилась пробудиться для нового бытия. К несчастью, именно ее природный темперамент и любовь к жизни часто мешали осуществлению этой цели. Тамара любила в жизни все, и ей всего было мало, будь то секс, еда, музыка, наркотики, вино, разговоры, танцы, нарушение запретов, собирание камней или интеллектуальное гурманство.

Она так любила вкусы, краски, звуки и прочие ощущения жизни, что в юности переходила от одного удовольствия к другому с неутомимостью пчелы, облетающей поросший цветами луг. От природы ей было свойственно бросать любое занятие при первых признаках усталости или скуки. Наставницы, учившие ее медитации, замечали этот ее почти телесный голод к острым ощущениям и предостерегающе говорили, что у нее «обезьяний ум», легко перескакивающий с ветки на ветку, но не удерживающий ни одного впечатления накрепко или надолго. Они не хотели обидеть ее, а просто давали определение силе и слабости ее бьющей через край жизненной энергии.

Но Тамару эта критика просто убивала, и она еще в послушницах, будучи застенчивой и нервной двенадцатилетней девочкой, поклялась победить свое легкомыслие. В ней таилась громадная жажда любви и еще более полной жизни, но воля,

которую Тамара поставила управлять этой жаждой, была не менее громадна. Все годы своего послушничества и даже став гетерой она с упорством, поражавшим старших сестер, развивала в себе другой, «дельфиний» ум, плавающий глубоко под волнами жизненного опыта и вбирающий в себя самую суть всех занятий и удовольствий. Любое дело — танец, мытье посуды или запоминание метилтриптаминовой формулы яда — учило ее умению концентрироваться и находить экстаз в деталях. Учило вниманию к вещам, а прежде всего — умению отдаваться любому новому опыту со всем своим природным пылом, дополненным необычайно острым мироощущением.

Поэтому Данло не стоило так уж удивляться, когда она натягивала на свою красивую руку перчатку и выходила на берег прогуляться при ясной луне. И все же он удивлялся. Логика Тамариной жизни требовала познать как можно глубже все, что только возможно, но люди непостоянны, и жизнь каждого человека — это лоскутный плащ, сшитый из пестрых нелепостей, капризов страстей. И еще из сострадания. Та благословенная Тамара, которую Данло помнил так хорошо, дралась бы за свою жизнь, как фурия. Она сразилась бы и с тигром, и со всеми демонами ада, чтобы защитить тех, кого любила. Она могла даже убить — и убила бы в случае нужды, — но никогда не стала бы искать случая сразить или убить лишь для того, чтобы испытать, каково это. Настоящая Тамара в подобном случае забыла бы всякую логику и держалась бы за сострадание не менее крепко, чем за Данло в их первую ночь.

Данло, поразмыслив как следует над чрезвычайной легкостью, с которой Тамара вспоминала прошлое, решил, что с памятью у нее все-таки неладно. Не то чтобы ее память была плохой — по-своему она была даже слишком хорошей, чистой и прозрачной, как ледниковая вода. Именно эта чистота и тревожила Данло. Тамара в отличие от него не обладала феноменальной памятью — и даже самая феноменальная память, если она подлинная, должна иметь глубину, взбаламученную и замутненную скрытыми течениями. В воспоминаниях Тамары об их первой встрече или последней ночи любви ничего такого не наблюдалось. В ее живых темных глазах Данло видел

громадное расстояние между тем, что она помнила, и теми чувствами, которые должны были затронуть в ней эти воспоминания. Она помнила все, что ей полагалось помнить, но эта память не связывала ее ни с глубинами собственного «я», ни с наиболее важными и прекрасными моментами ее жизни.

Казалось, что она носит свою память слишком легко, как будто нарядное золотое платье, которое всегда можно скинуть и заменить тем, которое больше понравится. Подлинная память больше напоминает кожу, неотделимую от тела, — или, еще вернее, внутренние ткани, кости и нервы, связующие организм воедино. Данло решил, что Твердь вылечила Тамару плохо — по крайней мере не до конца. Возможно, это открытие было частью его испытания. Возможно, странная богиня испытывала глубину его восприятия и сострадания. Так или иначе, он должен был найти способ вернуть Тамаре ее подлинное «я». Он думал об этом с того самого момента, как только узнал о пропаже ее памяти. Он должен был помочь ей исцелиться — и если это не входило в испытание, назначенное ему Твердью, он должен был сам назначить себе испытание: на веру, на изобретательность, на способность любить безоговорочно, вопреки всем душевным изъянам Тамары.

Как-то ночью, когда они сидели у костра на берегу, недалеко от корабля Данло, и Тамара, глядя в огонь, держала его за руку под теплым красным одеялом, в которое они кутались, Данло спросил:

— Хочешь, мы вместе поупражняемся в одном из состояний мнемоники?

Ее рука конвульсивно сжалась — если бы Тамара не сняла заранее свою перчатку с пистолетом, то сейчас спустила бы курок.

— Ты ведь давно уже этого не делал? — с недоумением спросила она. — Почему ты решил заняться мнемоникой сейчас?

Ее глаза при свете костра казались темными озерами, полными сомнения и обиды. Данло подумал, что ему следует быть осторожнее со словами. Надо напомнить Тамаре, что и она раньше интересовалась мнемоникой. Или упомянуть о мечте куртизанок пробудить клетки человеческого тела, пробудить

весь организм так, чтобы из него родилось новое существо. Таким образом ему, может быть, удастся ввести Тамару в состояние гештальта или образной памяти, а через них направить к собственно процессу вспоминания и к полному выздоровлению. Глядя в ее доверчивые глаза, он знал, что мог бы легко провернуть этот маленький обман, — но лгать ей он не мог. Чувствуя себя без вины виноватым, он наконец сказал:

— Потому что это путь к союзу, о котором мы всегда говорили.

— Одна душа. Одна душа в двух разных телах.

— Помнишь, как мы впервые дышали душа в душу?

Она с улыбкой кивнула. Однажды, в яркую снежно-звездную ночь, когда они дали друг другу обещание пожениться, он прижался ртом к ее носу и губам, и она вдыхала воздух, который выдыхал он, а потом они поменялись. Так алалойские пары передают друг другу свои души, и они сливаются в одну.

— Я помню, — сказала Тамара. — Но зачем нам возвращаться назад, чтобы осуществить этот союз?

— Потому что тогда мы были... очень близки.

Тамара снова сжала его руку.

— Я никогда еще не была так счастлива, как теперь.

— Мне кажется, ты согласилась бы остаться здесь навсегда, если бы можно было.

— В нашем доме, с тобой, навсегда... Да, с радостью.

— И не захотела бы вернуться в Невернес?

— Нет.

— Значит, ты забыла о своем призвании? Ты собиралась пробуждать людей, их клетки, их... души. Ты хотела пробудить всю вселенную.

Она мелодично рассмеялась в ответ, глядя на мерцающий при луне океан. Некоторое время она молчала, вдыхая соленый воздух и слушая прибой, а потом сказала:

— Это было до того, как я оказалась здесь. Есть в этой земле что-то такое... она уже пробудилась, тебе не кажется? Здесь, у леса, у воды, я и себя чувствую пробужденной, как никогда раньше — а может быть, и никогда после. До остальной вселенной мне дела нет — зачем она мне?

Данло взглянул на свой поблескивающий во мраке корабль. После посадки ветер намел вокруг него новую дюну, которая с каждым днем становилась все выше. И каждый день Данло, просыпаясь на рассвете, обещал себе откопать корабль, чтобы подготовиться к моменту, когда Твердь разрешит ему продолжить путешествие. Но у него всегда находились какие-то другие занятия — то они с Тамарой стряпали изысканные блюда на кухне, то танцевали в медитационной, то предавались любви в каминной, пробуя одну за другой сотни поз сексуальной йоги. Порой собственная расхлябанность и ослабление чувства долга тревожили Данло. В сладостно-горькие ночи, когда Тамара кормила его кровоплодами, поила чаем и странно вскрикивала во время их любовных игр, он забывал и о своей миссии, и даже о гибнущих звездах Экстра — а ведь они были частью вселенной, пределы которой необозримы для человека.

— По утрам, когда я просыпаюсь на этой планете и слушаю океан, мне иногда кажется, что я все еще сплю, — сказал он. — Я смотрю, как ты мирно спишь рядом, и ты кажешься мне такой далекой. Такое странное чувство... такое одиночество. Не знаю, смогу ли я когда-нибудь понять тебя по-настоящему.

— Я хочу только, чтобы ты был счастлив, разве это так трудно понять?

— Но я... почти счастлив.

— А иногда бываешь почти печален.

— Да.

— И поэтому хочешь, чтобы мы вместе занялись мнемоникой.

— Был один момент — момент, когда мы впервые увидели друг друга. Оттуда-то все и началось. Твои глаза, их свет, любовь — в тот момент все сияло, как солнце. Помнишь? Я хотел бы пережить его заново, если возможно.

Тамара посмотрела на него и сказала просто:

— Я всегда любила тебя. Всегда буду любить.

— Тамара, любовь — это...

— Любовь — как солнце, — быстро сказала она. — Огонь и сияние — на первых порах.

Данло помолчал, глядя в сине-черное небо, и спросил:

— А потом?

— Солнце, горящее слишком ярко, горит недолго. Оно взрывается. Или пожирает само себя и гибнет.

— Нет-нет, — тихо возразил Данло, — любовь никогда...

— Долгая любовь больше похожа на закат, — продолжала Тамара. — Сияние меркнет, но краски становятся глубже.

— Но должен быть способ сохранить сияние. Если заглянуть глубоко, в самую глубину, там всегда огонь, всегда свет.

— О, Данло, Данло, если бы это было правдой.

— Это правда. Хочешь покажу?

— Ты введешь меня в одно из мнемонических состояний?

Он кивнул, глядя ей в лицо, жаркое и прелестное при свете костра.

— Мы войдем в режим возвращения и заново переживем момент нашей первой встречи.

— Разве недостаточно того, что мы его помним?

— Но... увидеть друг друга, какими мы были. Снова *стать* собой, подлинными собой — в этом вся суть, правда? Если мы проживем свой первый совместный момент, мы сызнова начнем жить по-настоящему, жить и любить — во все моменты нашей жизни.

— Хорошо бы, только...

— Что?

— Я боюсь.

Да, подумал он, лаская ее пальцы, ей правда страшно. Он видел, как страх (или благоговение) перед чем-то ужасным играет, как огонь, на ее лице. Данло казалось, что он понимает природу ее страха. Когда-то из-за тщеславного желания сохранить свою память для потомков она потеряла и его, и все, что было для нее свято. Данло казалось, что он разгадал ее тайну. Она, эта прекрасная женщина, которая сидит рядом с ним, наделена великим даром любви. Она до того неразделима с этой первозданной страстью, что всегда боится ее потерять. Вот в чем тайна ее души: она боится, что ее жизнь, несмотря на моменты экстаза и мелкие бытовые свершения, без любви утратит смысл.

— Тебе нечего бояться, — сказал Данло. — В мнемонике ничто не теряется.

— Почему же я тогда испытываю такой страх?

— Не знаю. — Данло посмотрел в огонь, и оттуда ему в голову прыгнула потрясшая его мысль: она боится, потому что еще не совсем обрела себя. Потому что внутри одного страха всегда гнездится другой.

— Я боюсь, — повторила она. — И все-таки мне хочется вернуться туда, очень хочется. Как странно. Ведь я и так все помню про нас с тобой — что еще мне может открыться?

— В памяти всегда есть что-то еще. Внутри одних воспоминаний заложены другие.

Она задумалась, и Данло предположил: она боится, что память заведет ее не туда. Боится чего-то не совсем ясного ему, чего-то темного и тревожного в своем прошлом, что и для нее пока невидимо.

— Ведь я раньше любила мнемонические церемонии, правда? — спросила она.

— Правда.

— По-твоему, мы сможем провести такую церемонию вдвоем?

— Надеюсь на это.

— Но ведь у нас нет каллы.

— Калла — всего лишь наркотик, — улыбнулся ей Данло. — Ключ, отпирающий память. Есть другие ключи, другие способы.

— Способы, которым научил тебя Томас Ран? Тайные пути мнемоников, которые ты в свое время обещал мне показать?

— Я показал бы, да времени не хватило.

— Зато теперь оно все в нашем распоряжении.

— Да. Время — это один из ключей. Оно отворяет и растворяет. Я хотел бы вернуть нас в то время, когда наши глаза впервые встретились. В тот момент, когда я тебя полюбил.

Она высвободила руку из-под одеяла и потрогала его губы, его глаза, шрам у него на лбу. Пристально посмотрела на него и сказала:

— Если мы вспомним этот момент вместе и действительно проживем его заново, все может получиться не так, как ты надеешься. Я могу оказаться другой. Ты можешь увидеть меня, какой я была — или есть — на самом деле.

— И какая же ты на самом деле?

— Откуда мне знать? Разве кто-нибудь это знает?

— Но ведь ты всегда будешь собой, разве нет? Ты — это ты и ничего больше.

— Возможно, но...

— И я всегда буду любить тебя. Как раньше всегда любил.

— О, Данло, Данло, надеюсь, что это правда.

На следующее утро они начали готовиться к своей маленькой мнемонической церемонии. Они, конечно, могли попытаться войти в требуемое состояние сразу же, без лишних формальностей, но сочли это неразумным. Тамаре не слишком хотелось переживать свое прошлое заново, и она знала, что мнемоника всегда опасна. Мнемоники за несколько тысячелетий разработали массу приемов и правил, чтобы обезопасить процесс погружения в глубины сознания, и Тамара, уважающая любые правила, предпочитала скрупулезно соблюдать инструкции. Данло же, несмотря на свой дикий нрав и готовность идти на любые крайности, как духовные, так и физические, согласился с ней в том, что любую работу нужно выполнять как можно тщательнее.

По правде сказать, ему даже нравилось готовиться к мнемонированию. Он любил обряды и церемонии всякого рода, особенно те духовные ритуалы, что за тысячи лет не утратили своей жизненности и могли успешно направить человека к мистическому сердцу вселенной. Поэтому он охотно помогал Тамаре в уборке дома. Влажной тряпкой он протирал от пыли камни на подоконнике чайной комнаты, черный лакированный чайный столик, а также прочие предметы и поверхности. Вместе с Тамарой они отполировали паркет лимонным воском, доведя его до зеркального блеска. Потом Тамара пошла в лес нарвать цветов, чтобы поставить их в голубую вазу, а Данло приготовил свечи и зажег курения — пряные палочки, очищающие воздух от положительных ионов, пыли и вредных химических веществ.

Вычистив дом, они занялись очищением своего сознания. С помощью медитации они избавились от гнева, страха, ненависти и горя — всего, что могло отвлечь их от воспоминаний.

Целых трое суток они старались удержать в себе это глубокое, чистое медитативное сознание и почти все время проводили, глядя на горящую свечу, которую Тамара ставила на полу каминной. Они ограничивали себя в еде, питье и сне, а сексом совсем не занимались.

Томас Ран в снежные зимние ночи обучил Данло самой фундаментальной технике вхождения в различные мнемонические состояния. Всего их насчитывалось шестьдесят четыре, от образной памяти и эйдетики до синтаксиса. Мастера-мнемоники на протяжении пяти тысячелетий изобретали серии упражнений для подготовки к тому или иному состоянию, и эти древние формулы порой бывали кошмарно сложными. Мнемоник составлял такую формулу, учитывая начальное состояние, возраст, пол, тип личности и сотни других переменных величин, и следовал этой формуле неукоснительно, меняя упражнения и вводя новые до десяти раз за один час. В этом, как утверждали формалисты, и заключалась самая суть мнемоники. Другая же мнемоническая школа, так называемые конструктивисты, всегда пыталась усовершенствовать традиционные формулы и сконструировать новые. Существовали, разумеется, также радикалы и революционеры, рвущиеся отправить на свалку всю эту громоздкую, изобилующую секретами систему.

Лишь нескольким мнемоникам-отщепенцам, в том числе и великому Томасу Рану, удалось освободиться от идеологии всех этих школ и фракций. Гений Рана, уважая формалистов и воздавая им должное, брал в то же время лучшие из открытий конструктивистов, проникая с их помощью в такие области, о которых радикалы могли только мечтать. Это он, Томас Ран, впервые дал определение таинственному шестьдесят четвертому состоянию как Единой Памяти, придающей цельность всем другим состояниям.

Ран пришел к выводу, что шестьдесят четвертое состояние тождественно вспоминанию Старшей Эдды, и посвятил свою жизнь разработке этой теории. Вхождение в это состояние было целью всех его усилий. Это он научил Данло пользоваться каллой и входить в наиболее трудные мнемонические состояния — та-

кие как возвращение. Ран чтил старинные формулы, предугадавшие различные аспекты человеческой памяти задолго до их открытия, но считал при этом, что каждый мнемоник должен сам найти идеальную последовательность упражнений для входа в то или иное состояние. Вера в то, что каждый мнемоник способен на подобную прозорливость, была его страстью и его гордостью.

Поэтому Данло, готовя себя и Тамару к состоянию возвращения, изобрел собственный ряд упражнений. Почти целый день они вместе дышали, вместе танцевали, и он играл Тамаре протяжные мелодии на своей флейте. Он не следовал сухой формуле, он неотрывно следил за оттенками голоса Тамары, за светом ее бездонных глаз, за ритмами ее мозга и сердца. И за собой тоже. Так, постоянно двигаясь и взаимно вдыхая запах своих душ, они вошли в волшебное шестьдесят первое состояние, которое мнемоники именуют возвращением.

Вернее сказать, почти вошли. Когда время пришло, они уселись на отполированном полу медитационной комнаты, теплом и гладком, как шелк. Перед ними на круглом столике стояла голубая ваза с букетом розовых рододендронов и горели четырьмя концентрическими кругами, как бы паря над полом, тридцать три длинные белые свечи. Так полагалось по правилам мнемоников. Впереди — цветы и огонь, позади, и внизу, и внутри, и снаружи — только память. Этой ночью их задача состояла в том, чтобы вывести вперед память, находящуюся позади, и увидеть искомый момент, каким он был в реальности и каким будет всегда.

Пройдя через состояние секвенции и дереизма, они вошли в эйдетику, где фигуры и краски воспоминаний делаются четкими, как поднесенная к глазам пятиконечная звездочка цветка. Эйдетика — это ключ, отпирающий дверь возвращения. Она открыла для Данло тот момент ложной зимы два года назад, когда он стоял в большой комнате, полной картин, сулки-динамиков, винных бокалов и тарелок с горячей едой. Он сам ел из тарелки с горкой золотых зернышек курмаша и разглядывал гостей в красивых нарядах. Он сидел на полу в медитационной комнате Тамары, зажмурив глаза, и одновременно

стоял в том роскошном зале, оставшемся так далеко позади и в пространстве, и во времени.

Еще миг — и он перестал видеть себя, поглощающего пригоршни курмаша, со стороны. Пространство сдвинулось, время щелкнуло, сознание озарилось, как темная комната, где зажгли свет. Ощущение себя, сидящего рядом с Тамарой и слушающего ее медленное дыхание, растворилось полностью. Открыв глаза, он перестал видеть себя, потому что оказался внутри, чудесным образом воплотившись в знакомую оболочку тогдашнего себя. Он больше не наблюдал, как тот Данло смотрит на старого толстого Зохру Бея и красавицу Нирвелли, — он смотрел на них сам через несколько футов разделяющего их пространства, и ощущал это так, как будто действительно видел их впервые. При этом он смотрел на все окружающее с гораздо большей ясностью и чувством реальности, чем два года назад. Это и есть чудо памяти: даже у тех, кто бредет по жизни наподобие лунатиков, все происходящее запоминается с необычайной глубиной и точностью.

Он снова слушал, как Зохра Бей рассказывает молодой женщине рядом ним о своем знаменитом путешествии на Скутарикс (Бей был первым и единственным человеческим послом, оставшимся в живых после миссии в этот не поддающийся пониманию мир), трогая волосатую бородавку на своей обвисшей старой щеке. Данло не думал, что обращал тогда внимание на эту весьма одностороннюю беседу, но, очевидно, все-таки обращал. Он замечал вокруг много других вещей, которые по-настоящему заметил только сейчас. Холодная и элегантная Нирвелли украдкой наблюдала за ним поверх своего бокала. В ушах у нее белели серьги из бесценных, безупречно круглых джиладских жемчужин, и их матовая белизна составляла разительный контраст с блестящей черной кожей красавицы.

Он слышал множество звуков: шипение мяса на противнях, стук палочек для еды, каскады смеха и голосов. Он заметил, что Зохра Бей, при всем своем безобразии, обладает чудесным голосом, даже несколько раздражающим своей сладостью, как мед, подмешанный в хорошее старое вино. А зерна

курмаша, которыми хрупал он сам, чересчур обжигали, поскольку были приправлены жгучим летнемирским перцем. Данло чувствовал и другие оттенки вкуса, особенно келькеш: он тогда впервые попробовал эту редкую и дорогую инопланетную приправу.

Его глаза слезились, рот жгло как огнем, и Данло осознал, что способен чувствовать все, что находится в этой комнате, а может быть, и во вселенной. Чуть позади него стоял червячник с пустыми глазами, держа в руках одну из многих имевшихся в комнате сенсорных коробок. Данло вдруг ощутил горячие влажные губы на своем лице и холодок шелка на руках, хотя сам держал тарелку с курмашем и его губы касались только воздуха. В то время сенсорное загрязнение, просочившееся из черной коробочки, не коснулось сознания Данло, но теперь он ощутил его со всей остротой.

Потом его взгляд пересек комнату, минуя блестящих мужчин и женщин, минуя знаменитых пилотов вроде Радмиллы Диас и Зондерваля, — и Данло понял, что значит «быть в ясном сознании». Миг назад ему казалось, что он слышит гром умирающих звезд за Фарфарой и Пердидо Люс, но теперь вся вселенная для него сошлась на единственной женщине, стоящей высоко и грациозно в море безликих людей. Данло, видевший Тамару Десятую Ашторет десять тысяч раз — и на людях, и наедине, и в памяти, и в мечтах, — понял, что никогда раньше не видел ее по-настоящему. Как будто вспышка молнии высветила ее руки, ее глаза, ее прекрасное лицо — самую ее душу, быть может. Сияя своей земной красотой, она состояла только из огня и света, а внутри, где билось ее сердце, пылала анимаджи — дикая радость бытия, едва вмещаемая ею. Данло поражала ее сила, ее воля к жизни. Этот первобытный голод, испытываемый ею, он ощущал как огонь внутри себя. Он чувствовал, что Тамара впивается в жизнь зубами, как тигр в бьющегося ягненка, и при этом обитает в этой жизни нежно, глубоко и естественно, как лесной папоротник. А жизнь обитает в ней, заполняя ее до отказа и поглощая всю целиком. Она излучала жизненную энергию, как звезда — свет. Ее необычайная жизненная сила взывала к сердцу Данло и

воспламеняла все его нервные клетки. В нем, как и в ней, горела анимаджи, и он сиял под стать любой звезде.

В этот момент своей жизни он впервые осознал, насколько безграничны могут быть жизненные возможности. И впервые узнал, как остро другие люди чувствуют его. Он видел это на их лицах, видел в том, как они украдкой взглядывают на него, будто на солнце, думая, что он этого не замечает. Они посматривали так и на Тамару. Он и она были как две звезды, чье сияние наполняло всю комнату. Как звезды, они блистали страшной красотой и обладали громадной силой притяжения. Эта сила неизбежно должна была притянуть к себе их души и заставить их обнаружить друг друга. Был момент, когда и она взглянула на него через пятьдесят футов пространства, — момент, почти невыносимый в своем сиянии.

В вечном свете возвращения Данло увидел то, что заметил уже тогда, в самом начале своей любви к Тамаре, но на чем не разрешал себе останавливаться: когда их глаза встретились, он понял, что их взаимная любовь принесет им бездну страданий. В глазах Тамары, а может быть, и в его глазах тоже, таились мука и смерть. Но он, одержимый своей дикой юной страстью и внезапным чувством бессмертия, уже падал, уже летел, готовый вытерпеть все муки ада за один миг любви. Любовь слепа — не бессознательно и невинно, как младенец в материнском чреве, а сознательно и добровольно, как ослепляющий себя скраер.

Данло увидел наконец все это — и еще то, что когда-нибудь любовь и жизнь вознаградят их за все страдания. И, видя это, он почти что разглядел истинную Тамару, прекрасную и ужасную, чьей целью были любовь и красота и еще нечто, более глубокое: любовь внутри любви, красота внутри красоты. Но он не мог пока разглядеть ее досконально — он не настолько хорошо владел прекрасной памятью у себя внутри. Здесь, в этом зале, существующем только в воспоминаниях, их глаза снова впервые устремились навстречу друг другу. За этим должен был последовать момент любви, света, тайного понимания. Когда Тамара повернула голову, чтобы взглянуть на него, Данло почти что разглядел маленький черный кру-

жок в середине ее глаза, которому предстояло вобрать в себя свет его души. Но на этот раз момент, когда они начали свое нескончаемое, ужасающее падение в бездну любви, нарушил запах, обыкновенный запах.

Впрочем, вряд ли его можно было назвать обыкновенным, запах Тамары, смесь гормонов, эфиров, пота, сладких аминокислот и мандаринов — запах, который Данло частью своего существа уловил еще до того, как ее увидел. Они плавали в воздухе, молекулы памяти, сто разных составляющих, которые глубинная часть сознания Данло складывала в ароматическую мозаику Тамары. Нюансы и оттенки этой мозаики всегда хранились в нем, но сейчас один из оттенков стал слишком сильным, слишком ярким. И Данло ощутил красную едкость пота и страха. Раскаленные иглы этого запаха вонзались сквозь ноздри в нос. Данло в тысячный раз открыл глаза — но не в невернесском зале два года назад, а в чисто убранной медитационной комнате Тамары, теплой и яркой от горящих свечей.

Падение все-таки состоялось — но не в любовь. Данло выпал из возвращения, из воспоминания, и Тамара тоже. Сидя напротив, она смотрела на него широко открытыми глазами. На лбу у нее проступила испарина, шея влажно блестела при свечах. В ее пристальном, глубоком взгляде не было любви — только чувство поражения и страх. Как будто она почти что разглядела в Данло нечто глубокое, что так отчаянно хотела увидеть, — но, подобно птенцу талло, еще не готовому вылететь из своего горного гнезда, отвернулась от этой ужасающей бездны. И от себя самой.

— Прости меня, Данло.

— Не говори пока ничего.

Тамара, глядя на свечи, вытерла пот с лица.

— Прости, прости.

— Ш-ш, успокойся. Мы придумаем что-нибудь и вернемся туда.

— Но я не хочу возвращаться. Я не могу.

— Мы были уже так близко.

— Нет-нет. Прошу тебя.

Данло после своего первого приема каллы понял, что есть вещи, которые никому не хочется вспоминать. Тамара, погрузившись в воды воспоминания, достигла, видимо, такой стадии, вынудившей ее обратиться в бегство. Каждый человек, занявшись мнемонированием, рано или поздно обнаруживает в себе нечто темное и страшное, не оставляющее иного выбора, кроме бегства или смерти (так по крайней мере ему кажется). Но Тамара все еще колебалась на грани воспоминания, хотя Данло и не думал, что она, как он, достигла полного возвращения. Он видел это в ее темных, встревоженных глазах. Одно его слово или несколько мгновений молчания могли вернуть ее в себя, в потоки памяти, струящиеся глубоко под наружными страхами. Но он не мог насильно возвращать ее туда, куда она идти не хотела. Это правило обязательно для всякого, кто руководит другим в воспоминании. Даже Томас Ран не посмел бы гнать кого-то сквозь тени и тернии памяти к месту неизведанных возможностей, где обитает подлинный ужас.

— Ну ничего, ничего. — Данло придвинулся к Тамаре и обнял ее. — Все хорошо.

Она молчала, прильнув к его груди. Он касался губами ее головы, вдыхая милый запах ее волос и горечь пота, стекающего по шее. Потом Тамара освободилась, встала и с невероятной быстротой стала тушить свечи. Легкий шипящий звук повторился тридцать три раза, и по комнате поплыл тошнотворный запах разогретого воска. Стало совсем темно, если не считать проникающего в окна звездного света. При этом свете, слабом и холодном, Данло увидел, как Тамара, подойдя к вазе с рододендронами, вынула один цветок и переломила его стебель. Она взяла Данло за руку, сунула цветок в нее и сказала:

— Мне очень жаль — мы и правда были совсем близко.

В ту же ночь, когда они спали на шкурах в каминной, Тамара начала видеть сны. Данло проснулся от того, что она ворочалась, и стал гладить ее шелковистые волосы, вслушиваясь в ее тяжелое, неровное дыхание. Потом она принялась жалобно стонать и шептать странные, непонятные ему слова. Когда

дело дошло до крика, Данлю легонько прижал пальцы к ее губам, чтобы ее дух не вышел наружу и не заблудился во тьме, чтобы никогда, быть может, не вернуться обратно. Чувствуя пальцами ее жгучее дыхание, он склонился над ней и поцеловал ее разгоряченный лоб.

— Ш-ш, ми алашария ля, шанти, шанти, — прошептал он. — Усни, моя женщина, усни.

Но она так и не уснула — вернее, не погрузилась в прохладный, глубокий, целительный сон без сновидений, единственный подлинный сон, доступный человеку, как думают алалои (и цефики). Ее мучили яркие, бросающие в дрожь и пот видения. Ближе к утру она проснулась, крича и цепляясь за Данло, а потом припала к его груди и разрыдалась. Немного придя в себя, она дрожащим голосом рассказала ему свой сон, в котором дралась на ножах с каким-то безглазым мужчиной. Она сказала, что убила его. Под небом, где горели три луны, полные и красные, как капли крови, она вонзила в безглазого свой нож и вырезала сердце у него из груди.

— Это было так реально, — сказала она. Они сидели на шкурах, и Данло держал ее за руки, а она со слезами на глазах говорила: — Никогда еще у меня не было такого реального сна.

Данло, выслушав ее рассказ, обратил особое внимание на три зловещие луны, под которыми Тамара, охваченная ужасом и ликованием, вела свой смертельный бой. По их конфигурации — Тамара сказала, что они стояли на небе низко, образуя равнобедренный треугольник, — он определил, что ей приснились знаменитые красные луны Кваллара. И это было странно, поскольку Тамара сказала, что никогда не видела фотографий этой мрачной планеты и не знала, что у Кваллара вообще есть луны.

— Все это было как будто не во сне, а наяву, — говорила она. — Когда я... убила этого человека, я взглянула на луны и *почувствовала* силу их притяжения. И кровь на ноже почувствовала, такую влажную, теплую — ужас, ужас. Как будто я бодрствовала во сне и переживала этот жуткий бой миг за мигом и не могла проснуться, потому что и не спала вовсе. Я переживала это раз за разом. Не знаю, как такое возможно, но это

было так реально — слишком реально, чтобы не быть реальностью, вот что меня пугает. Я до сих пор ощущаю в ладонях его сердце, скользкое, окровавленное. И живое — оно еще билось, когда я взяла его в руки. Я не могу этого забыть, Данло, я никогда не забуду.

Она не отрываясь смотрела Данло в глаза и сжимала его руки в своих, как будто хотела убедиться, что в самом деле проснулась и он столь же реален, как твердые паркетины, на которых они сидели.

— Ты знаешь что-нибудь о шестнадцатом состоянии мнемоники? — спросил ее Данло.

— Не помню точно.

— Мнемоники называют его возвращением-сном. В нем, как и в шестьдесят первом, человек переживает заново какой-то момент своей памяти, но не наяву, а во сне. Возможно, ты просто перешла из одного режима возвращения в другой.

— Но если это только сон, значит, то, что мне снилось, нереально.

Тамара заглядывала ему в глаза с надеждой потерпевшего кораблекрушение, который ищет в небе знакомую звезду. Страх, переполнявший ее, передавался и Данло.

— Иногда сны бывают реальными, — тихо заметил он. — Иногда нам снится то, что мы помним. В состоянии возвращения-сна эти воспоминания так реальны, что нам кажется, будто мы переживаем их снова. В каком-то смысле так оно и есть. Время тут ни при чем. Времени вообще нет. То, что было в реальности, реально сейчас и всегда будет реальным.

Тамара поразмыслила над этим и сказала:

— Но я никогда не была на Кваллаpe. И никогда никого не убивала — я *знаю*. Как может быть то, что я видела, не просто сном? Как это может быть реальной памятью?

— Не знаю.

— О, Данло! Если это память, то чья? Уж точно не моя — скажи, что не моя, ну пожалуйста!

Но Данло не мог этого сказать, потому что это было бы неправдой. При этом он не до конца понимал, откуда могла взяться у Тамары подобная память. Его сердце отсчитало сто

ударов, а он все сидел, держа Тамару за руку и гладя ее по голове. Снаружи слышался неумолкающий шум прибоя, и Данло в тысячный раз подумал: она — не она. Уже много дней он твердил эти слова про себя, словно мантру. Она не она, она не она — это вздымалось и опадало у него в уме, как прибой. Он знал, что в этих трех словах заключена какая-то глубокая правда. Он понял это в тот же момент, когда эта фраза впервые пришла ему в голову. Но только теперь, глядя на плачущую, потрясенную страшным сном Тамару, он понял, что эту правду следует понимать буквально, что это не метафора и даже не метафизическая формула, относящаяся к понятию личности.

Она — не Тамара. Эта мысль пронизала его как молния, и сознание того, что он знал это с самого начала, сделало боль еще острее. Его глаза это знали, и его руки, и ритмы его сердца. Данло потрогал ее волосы, ее смоченное слезами лицо. Это тело принадлежало не Тамаре, и память тоже, и душа. Но если так, то кто же она? Откуда она пришла? Что за душа у этой странной женщины, которая сидит, вцепившись в его руку, и ищет в нем разгадки тайны своей жизни?

Она та, кто она есть, подумал Данло. Но она не человек — не совсем человек.

Да, она была нечто меньшее, чем человек, а может быть, и нечто большее. Как ни поразительно и ненавистно было для Данло это заключение, логика вела его к нему столь же уверенно, как кровавый след на снегу ведет охотника к раненому зверю. Данло от природы обладал логическим мышлением и любил логику, хотя и не выносил, когда другие использовали это опасное оружие в неблаговидных целях.

«Бритва нужна для того, чтобы бриться, — говорил ему фраваши, его учитель. — Чтобы исследовать аромат огнецвета, лучше воспользоваться носом».

Логика — самое острое из орудий разума, но ей следует препарировать только то, правдивость чего подтверждают чувство и интуиция. Что, в сущности, мог подтвердить Данло? Что Тамара — не та женщина, которую он любил в Невернесе. Следовательно, она другая. Но что она такое? Вряд ли она могла быть слель-мимом. Если бы какой-то воин-поэт с помо-

щью искусственных вирусов заменил клетки ее мозга своими нейросхемами, ее память и самоощущение были бы совсем не такими, как у реальной Тамары. Если бы ее мозг действительно исковеркали таким образом, она бы обязательно выдала это роботическим поведением, которое является отличительным признаком этого гнусного превращения человека в компьютер.

Вариант со слель-клоном Данло тоже счел невозможным. Если бы кто-то похитил ее ДНК и вырастил из этой священной субстанции клон, похожий на реальную Тамару, ее, как все слель-клоны, наверняка запрограммировали бы для какой-нибудь нехорошей цели. Данло же за все время, проведенное с ней, не ощутил даже намека на подобное программирование. Кроме того, слель-клон, созданный из ДНК Тамары, имел бы точно такие же клетки, как она. Между тем они были другими — клетки Данло при каждом проникновении ощущали легкую, но жизненно важную разницу между этой женщиной и реальной Тамарой, и Данло верил в их интуицию. Для рационально мыслящего Данло признание этого факта было недюжинной смелостью, но в его жизни как раз настало время, когда в нем проросло чувство правды — чудесное свойство, заложенное в каждом человеке подобно желудю, из которого способно вырасти дерево ши.

Да, ее слеллировали, но не из материи, понял Данло, — не из ДНК. Ее слеллировали из моего сознания.

Возможно, что за те сорок дней, которые прошли до начала его испытаний, Твердь создала женщину, похожую на Тамару. Для богини, безусловно, не составило труда впечатать в мозг этой женщины эмоции, привычки, моторные функции и фрагменты знаний, благодаря которым та смогла действовать, как копия человека. Даже воины-поэты и прочие геноинженеры умели делать таких людей, если считать эти бездушные существа людьми. Но Твердь совершила нечто гораздо большее — то, что не под силу ни геноинженерам, ни даже боголюдям с Агатанге.

Она создала почти из ничего сознание, почти ничем не уступающее человеческому. Для этого божественного акта Она использовала не голограмму и не компьютерную модель мозга

Тамары, а память Данло — почти ничего помимо нее. Данло прекрасно помнил Тамару, ее реакции, ее манеры, ее мечты и еще миллион разных вещей — даже то, как она произносила свои любимые словечки, до предела растягивая гласные, чтобы продлить удовольствие. И Твердь должна была все это знать.

Она — почти она, подумал Данло. Я запомнил ее почти в совершенстве.

Уже под утро, когда Тамара наконец крепко уснула, он лежал рядом и смотрел, как она дышит во сне. Слушая ее дыхание, он думал об этой прекрасной женщине, созданной Твердью. Сознание человека, думал он, вещь гораздо более сложная, чем планета, которая вращается сейчас под ним, приковывая его к себе неодолимой силой тяги. Человеческий разум, эта мерцающая паутина из ста миллиардов нейронов и триллионов связующих синаптических каналов, принадлежит к наиболее сложным конструкциям вселенной — в некотором смысле он даже сложнее, чем нейросхемы, составляющие мозг галактических богов.

Вряд ли кто-нибудь, даже богиня, способен скопировать в совершенстве это благословенное творение. Любая попытка скопировать Тамару обречена на провал. В резком свете нового дня Данло видел это столь же ясно, как соленые дорожки слез на ее щеках. Вся проблема в его памяти. Как бы ясно ни представлял он себе каждый аспект личности и души Тамары, реальной Тамары, единственной подлинной Тамары, она все равно неизмеримо больше того, что он помнит, — а возможно, и того, что он *способен* вспомнить. Когда Хануман уничтожил (или украл) память Тамары об ее отношениях с Данло, Данло предложил впечатать ей в мозг свою собственную память. Он надеялся таким образом исцелить ее память, а значит, и разум. Он сделал ей это безнадежное предложение из любви и отчаяния, не понимая ужаса того, что совершает.

Теперь, глядя, как дыхание Тамары шевелит укрывающий ее шегшеевый мех, он это понял. Даже если предположить, что эта Тамара в совершенстве воплощает его память о ней — а это было не так, — то сама его память далеко не совершенна. С первого же момента их встречи он смотрел на Тамару не

через безупречную линзу объективной реальности, а скорее через миллион стеклянных осколков, окрашенных в цвета его собственного сознания. Откинув золотую прядку с лица спящей, он вспомнил высказывание Томаса Рана: «Мы помним вещи не такими, как они есть, а такими, как мы есть».

Воспоминания новой Тамары слишком уж походили на его собственные — он был слеп, что не видел этого раньше. Несовершенство этой прелестной женщины, спящей с ним рядом, состояло в том, что она слишком повторяла его самого, его сознание. То, что он любил в реальной Тамаре, была как раз ее разность, ее неуловимая суть, которую он порой угадывал, но так и не сумел запечатлеть в своей памяти. Ирония заключалась в том, что он помнил о ней почти все, кроме единственно верного и единственно важного, и эту ее тайну он не мог разгадать точно так же, как не мог бы зажать в руке красивую птицу, не загубив ее.

— Тамара, Тамара, — прошептал он, коснувшись ее теплых красных губ, — где ты? Кто ты на самом деле?

В последующие ночи сны Тамары стали еще более кошмарными и странными. Ее посещали космические видения, совершенно не связанные с ее жизненным опытом. Однажды ей приснилось, что она — это шар из расплавленного железа и никеля, который вращается в космосе и пульсирует, рассылая красные волны, словно вырванное из груди сердце; в другой раз ее мозг, не выдержав мучительного напора мыслей и образов, будто бы взорвался и превратился в первую из сверхновых Экстра, излучающую свет и смерть. Были и более мирные сны, где она ела незнакомые блюда и слушала инопланетную музыку, ни разу не слышанную наяву.

Ей снились мужчины, которых она прежде не видела, суровые и прекрасные, с фиолетовыми глазами и мускулами, которые напрягались, как электрические угри, от малейшего стимула. Считалось, что между ног у них ничего нет, но она знала, что это неправда. Однажды, в ночь необычайно горячего ветра и огненного вина, она соблазнила одного из них, по имени Леандр, и лежала с ним под тремя лунами, стоящими низко над горизонтом. Ее первое сближение с мужчиной чуть

не стало для нее последним: трое генных братьев Леандра нашли их в траве и прокляли его за то, что он нарушил свой обет, и изрезали его на части своими длинными ножами. Они убили бы и ее, но она хорошо владела ножом. Она молниеносным взмахом клинка ослепила одного и ранила двух других, а потом пустилась бежать сквозь черный терновник, терзавший ее своими шипами. Кровь струилась из ее грудей, как красное молоко, заливала глаза и прожигала себе путь в ее лоно.

Кровь присутствовала во всех ее снах, особенно в самом страшном, который повторялся снова и снова, порой трижды за ночь. В этом сне по ее телу струился оранжевый поток энергии, корежа ее жилы, нервы, кости и превращая ее в сильную, прекрасную тигрицу; она чувствовала, как на пальцах у нее отрастают когти, брюшные мускулы напрягаются и между лопатками сосредотачивается жгучая и мучительная жажда убийства. Однажды, пробуждаясь от этого сна с криками и конвульсиями, она прикусила себе язык; на губах у нее была кровь, и она вцепилась в лицо склонившегося над ней Данло. Опомнившись и увидев красную борозду, которую она оставила на его щеке, Тамара прижалась лбом к его лбу и так отчаянно расплакалась, что ему самому захотелось плакать. Когда она наконец затихла (ее слезы жгли царапину у него на лице), он сказал ей:

— Все будет хорошо.

— Нет-нет. Я теперь боюсь ложиться спать. Боюсь опять проснуться не в своем уме.

— Ты в своем уме.

— Иногда я как будто не знаю, кто я.

— Ты — это ты, — сказал он просто. — Ты та, кто ты есть.

— Иногда, глядя на себя в зеркало, я ничего там не вижу. Что со мной происходит? О, Данло, Данло, что мне делать?

Данло увел ее на берег, велел ей смыть кровь с лица и рук и сам умыл свое пораненное лицо. Холодная как лед вода обжигала, как огонь. Они долго стояли на твердом песке, ежась от холода и глядя, как накатывают и уходят волны. День был пасмурный, и тонкий туман шелковой завесой спускался с неба. Данло едва различал сквозь него Соборную скалу, чер-

ную и грозную. Где-то в этой тонкой, но непроницаемой пелене скрывались чайки и другие птицы — Данло слышал, как они кричат, будто затерянные в море души. Такой же крик, хотя и безмолвный, застыл в глазах Тамары. Она плачет по себе, как все люди, подумал Данло, оплакивает ту, кем она могла бы быть, и ту, кем она еще может стать.

Через некоторое время она сказала:

— Иногда по утрам, когда сон прекращается, я чувствую себя так, будто я умерла и моя жизнь наяву — только сон. Я просыпаюсь и боюсь, что просто перешла в другую фазу сна, проснулась *внутри* сна. Мерзкое, бесконечное пробуждение. Иногда я боюсь, что никогда уже не выберусь.

Данло пустил по воде плоский камень, и тот со смачным «плоп» скрылся в темной глубине.

— Выход есть всегда, — сказал он. — Выход или... путь в глубину.

— Я не могу больше так жить, Данло.

Он взглянул на свой корабль, но не увидел его из-за тумана.

— Если хочешь, я приготовлю корабль к путешествию. Мы попытаемся улететь, и я доставлю тебя обратно в Невернес.

— Нет. Я никогда не покину этот мир. Я не могу, не понимаешь разве?

Данло пустил еще один камень, и тот подскочил три раза, прежде чем скрыться под волной.

— Да... понимаю, — сказал он, посмотрев на Тамару.

— Я не смогу жить ни в каком другом месте. Мне кажется, что я умираю.

— Нет. Как раз наоборот.

— Когда один из этих снов заканчивается, мне иногда кажется, что *я хочу* умереть. — Она смотрела на океан, куда Данло бросал свои камни. — Иногда мне хочется войти в море и утонуть. Если я не могу жить как нужно мне, в любви и радости, зачем жить вообще?

— Затем, что жизнь — это все.

— Раньше я тоже так думала. Раньше я хотела отведать все, что есть съедобного от Сольскена до Фарфары. Хотела повидать все миры во вселенной, если жизни хватит. Хотела посе-

тить поющие пещеры Катекена и побывать на Агатанге. Хотела перелюбить всех красивых мужчин, которых встречу. Я всегда любила любовь, только ради нее, в сущности, и жила, но как я могу любить теперь, если все, чего я хочу, — это упасть с криком и умереть?

Данло дотронулся до ее покрытой пушком щеки, где блестели крошечные капельки.

— Прошу тебя... живи.

— Это все равно не жизнь.

— Тогда живи, как тебе хочется.

— А как мне хочется?

— Только ты можешь это знать. Но можно еще отыскать путь... в воспоминаниях.

— О нет. Пожалуйста, не надо.

— Прости. Для тебя это тяжело, я знаю.

— Ты не знаешь, насколько тяжело.

— Ты часто говорила, что не чувствуешь себя цельной, что тебе кажется, будто ты вот-вот откроешь нечто очень важное о самой себе.

— Эта тема проходит через все мои сны. Я постоянно испытываю это чувство.

— Я думаю, тебе полезно будет пережить заново момент своего рождения.

— Момент рождения? Но почему?

— Потому что все начинается оттуда. Тайна твоей жизни заложена там.

— Ты так уверенно говоришь об этом.

— Я ни в чем не уверен. Мнемоника не дает никаких гарантий.

Она схватила его за руку, вонзив ногти в его мозолистую ладонь.

— Я родилась в доме моей матери — не помнишь разве? Ты хочешь вернуть меня *туда?* Не знаю, выдержу ли я, если увижу этот дом снова, а если увижу мать, меня это просто убьет.

— И все-таки я хочу вернуть тебя в момент твоего рождения, — уклончиво ответил Данло. Глядя на нее, дрожащую в холодном тумане, он понимал, что осуществление этого пла-

на уничтожит Тамару, которую он любил, и все же не колебался, предлагая ей новый мнемонический сеанс. — Я помогу тебе найти путь.

— Мне страшно.

— Я не дам тебе умереть.

Она посмотрела в его полные решимости глаза и сказала:

— О, Данло, мне страшно и за тебя.

Данло улыбнулся и промолчал. Далеко в море жалобно стонали киты, и он не стал говорить ей, что сам боится и за них обоих, и за всех, когда-либо претерпевших муки рождения.

Глава 7

ОНА

Если выскажете то, что внутри вас, высказанное спасет вас. Если не выскажете то, что внутри вас, невысказанное вас погубит.

Иисус Кристо, Евангелие от Фомы

Они, как и в прошлый раз, долго готовились к сеансу — поставили в доме свежие цветы и несколько дней проделывали назначенные Данло упражнения. Теперь пережить заново свое прошлое предстояло только Тамаре, а Данло должен был провести ее через все стадии ее онтогенеза от оплодотворения яйцеклетки до взрослой человеческой личности. Поэтому и упражнения, выбранные им, отличались от прежних. Он следил за тем, чтобы Тамара выполняла их неукоснительно. Вечером, перед началом сеанса, он снова зажег тридцать три свечи и сел вместе с Тамарой на полу в каминной. Проверяя, не упустили ли они чего-нибудь, он обвел взглядом комнату. Перед ним в голубой вазе стояли красиво расположенные рододендроны, на стропилах играли золотые блики, и в доме хорошо пахло апельсинами, углем, теплой кожей и шелком. Именно запахи, а позднее и вкус, должны были помочь Данло ввести Тамару в шестьдесят первое состояние мнемоники — возвращение. Проделав с ней ряд сложных дыхательных упражнений, Данло достал из кармана камелайки синий флакон с обыкновенной морской водой. Он откупорил его, поднес к губам Тамары и сказал:

— Выпей это. Ощути океан внутри себя, как перед своим рождением.

Тамара выпила несколько унций воды, зачерпнутой Данло из океана, и Данло сказал ей, что теперь пора вернуться к ее первому сознательному воспоминанию, которое они предварительно обсудили до мельчайших подробностей. Воспоминание это, как ни странно, тоже имело отношение к морской воде. В своем раннем воспоминании — Тамаре тогда было года четыре — она сидела одна в кухне материнского дома. Огромная кухня состояла из камня, стали и других твердых предметов, но в ней всегда было тепло и всегда пахло мятным чаем, медом, пряностями, курмашем и поджаренным хлебом.

В тот снежный зимний день, ближе к вечеру, Тамара сидела на мраморном полу и играла с водой. Справа от нее помещалась склянка с водой дистиллированной, которую мать использовала для не совсем легальных церемоний очищения, производимых в контактной комнате. Слева был голубой сосуд с морской водой, которую доставляли с Сагасрары. Тамарина мать, готовя по праздникам огромные кастрюли курмаша, всегда добавляла туда немножко этой привозной воды, чтобы придать блюду вкус родного мира. Но Тамара в тот памятный для себя день использовала воду для другой цели. В тот день она впервые поняла, что такое смерть. Будучи ребенком с живым воображением, она всегда боялась засыпать ночью и очень интересовалась тем, что с ней будет, когда свет в ее глазах угаснет и чтецы ее церкви, произведя над ней непонятную церемонию преображения, сожгут ее тело. То, что она просто исчезнет, как свет погашенной свечи, и ее никогда больше не будет, — это полное уничтожение ее жизни было для нее столь же непостижимо, сколь и ужасно. Невыносимее всего для нее было исчезновение ее любви к матери, ибо эта любовь была ее жизнью, а о вечной разлуке с матерью Тамара даже подумать не могла без ужаса.

Эта великая любовь заслоняла от нее столь же великую ненависть к матери — Тамара не осознала этой ненависти, даже когда Виктория Первая Ашторет ворвалась в кухню и увидела, чем занимается ее дочь. Тамара в это время своими маленькими, но ловкими ручонками как раз налила немного соленой воды в ди-

стиллированную и дегустировала эту восхитительную смесь. Мать ахнула, точно ее поразили в самое сердце. Она не стала ругать Тамару и не ударила ее, как поступила бы на ее месте другая мать-астриерка. Она только смотрела на дочь полными презрения глазами, и этот взгляд ранил Тамару до глубины души.

Поэтому она так никогда и не рассказала матери о своем великом открытии. Не объяснила, зачем налила морскую воду в чистую. Соленая вода, попав в другой сосуд, исчезла, но ее вкус насытил дистиллированную воду и остался в ней. С жизнью все обстояло так же, как с водой и солью, и Тамаре отчаянно хотелось сказать матери, что если их жизнь и выльется когда-нибудь обратно в мир, то не погибнет. Но практичную Викторию Ашторет не интересовали метафорические и метафизические изыскания четырехлетнего ребенка. Четким и холодным тоном она велела Тамаре прибрать за собой. Пора тебе учиться готовить, сказала она, — тогда ты поймешь, что с ценными продуктами надо обращаться бережно.

С тех пор в каждый праздник, когда Тамара садилась за стол с отцом и дюжиной братьев и сестер, мать, в наказание за тот ее проступок, никогда не забывала поблагодарить ее за помощь в приготовлении праздничного курмаша. И с каждой ложкой чуть присоленного курмаша, которую мать отправляла в свой большой красивый рот, Тамара вспоминала, как тщательно отмеривала соленую воду в их огромную стальную кастрюлю. С каждым глотком, который съедала Виктория, Тамаре казалось, что мать пожирает ее любовь к ней — ведь она, несмотря на их размолвку, никогда не переставала любить мать и готовила курмаш с большим старанием. Она втайне надеялась, что ее тайная любовь когда-нибудь напитает мать и превратит в более добрую и мудрую женщину. Но этого так и не случилось. Мать оставалась все той же экономной хозяйкой, требующей строгого соблюдения рецептуры, и Тамаре ни разу не удалось добавить в курмаш столько морской воды, чтобы распробовать ее как следует.

Точно так же ей ни разу не удалось поговорить с матерью о любви, о смерти и о прочих жизненных тайнах. Мать далеко не сразу объяснила ей, что, когда достойная астриерка находится при смерти, ее сознание кодируется и помещается в преоб-

ражающий церковный компьютер. Человеческий разум, сказала мать, представляет собой своего рода программу, которую таким образом можно хранить почти вечно. Поэтому Тамара должна постоянно очищаться от дурных мыслей и негативных программ, иначе старейшины сочтут ее недостойной этого кибернетического рая и откажут ей в таинстве преображения. Она должна постоянно стремиться к совершенству, иначе после смерти ее будет ждать не вечная жизнь, а чернота и небытие.

Но Тамара очень хорошо запомнила день, когда разлила морскую воду по полу материнской кухни. С тех пор она уже не верила ничему, что говорила мать, и не принимала ни одну из доктрин своей церкви. Что-то внутри нее знало, что она никогда не умрет, даже когда ее сердце замирало от предчувствия смерти и ужаса перед ней.

— О, Данло, Данло! — вскрикнула вдруг она, лежа на полу. Ее руки сжались в кулаки, и все тело задрожало, точно от холода. — Нет, нет, я не могу! — прошептала она с плотно закрытыми глазами.

— Ш-ш, успокойся. — Данло помассировал ей виски, коснулся ее век. — Просто вспомни.

Постепенно сотрясавшая Тамару дрожь унялась, и она затихла, погрузившись в воспоминания, о которых Данло мог только догадываться. Если бы не медленное, глубокое дыхание, могло бы показаться, что она умерла. Пару раз она и дышать переставала, и тогда Данло помимо воли начинал беспокоиться. Он клал руку ей на грудь, и его тревожило, что сердце у нее бьется медленно, как у впавшего в спячку снежного зайца. Он долго сидел так, ощущая под рукой слабое биение ее жизни. Он слушал, как шумит снаружи море, слушал собственное сердце и собственную память и был уверен, что Тамара ничего не рассказала ему о первых годах своей жизни.

Если эта почти мертвая Тамара сейчас вообще вспоминала что-то, это могло быть только памятью, которую впечатала в нее Твердь. Странная же это память, должно быть. Данло очень хотелось бы проникнуть в ее воспоминания, какими бы ложными или болезненными они ни были, но память — это частная вселенная, в которой почти невозможно существовать

никому, кроме самого воспоминания. Данло, не будучи богом, не мог заглянуть в образный шторм, который, вероятно, бушевал сейчас в сознании Тамары. По его собственным критериям, в соответствии с его почти недостижимыми идеалами, он даже полноценным мужчиной не был, не говоря уж о том, что он называл «настоящим человеком», — поэтому ему оставалось только сидеть, наблюдать и ждать, когда Тамара достигнет своего момента.

Тамара, Тамара, ты ведь никогда не рождалась по-настоящему, думал он. Каково же тебе вспоминать свое рождение?

И наконец в этой долгой, за пределами времени ночи, когда Данло бодрствовал над Тамарой, настал момент, которого он ждал. Тамара вдруг начала шептать: «Да, да, да, да, да!» Шевелились только ее губы — глаза оставались закрытыми, а тело недвижным, как труп. Она повторяла это снова и снова. Данло предполагал, что она узнала правду о себе и ее память наконец обрела для нее смысл. Потом она закричала, стала загребать воздух скрюченными пальцами, и ее рот раскрылся в мучительной гримасе. Она мотала головой с такой силой, что Данло боялся, как бы она не повредила себе шею, а пронзительный крик все шел и шел у нее из груди.

Данло, уворачиваясь от ее длинных ногтей, попытался придержать ее голову, но она сопротивлялась ему с внезапной, поражавшей его силой. От конвульсии, пробежавшей по ее телу, Тамара очнулась и отшвырнула Данло прочь. Она вскочила на ноги, обливаясь потом, дрожа и продолжая кричать, как будто ее окунули в расплавленное железо. Данло хотел помочь ей, но она затрясла головой, отгоняя его. Данло принял это движение за конвульсивное и протянул к ней руку — и она, с яростью и беспощадной точностью воина-поэта, ударила его ребром ладони ниже ребер, под сердце. От силы этого удара Данло рухнул на пол, ловя ртом воздух. Тамара, перестав наконец кричать, смотрела на него, и ее широко открытые глаза излучали свет.

— Нет, нет, — сказала она тихо, больше себе, чем ему.

Она обвела взглядом подушки на полу, висячие растения, стропила из осколочника. Все ее существо выражало напряжен-

ное внимание, как будто она переживала вновь свое первое пробуждение в этой комнате и узнавала себя в знакомых вещах. Как будто она в этот момент пробуждения вдруг поняла, что в доме присутствует нечто еще, нечто большее. Как будто двери, соединяющие комнату этого таинственного дома, вели в другие жилища, в другие места, разделенные пространством и временем. Ее глаза сияли звездным светом, и памятью, и печалью.

— О нет, — снова сказала она, покачав головой, взглянула на Данло, который, привстав на одно колено, пытался отдышаться, и выскочила вон из дома. Она бежала к океану, где ночное небо напоминало миллион дверей, ведущих в многочисленные комнаты дворца вселенной.

Когда Данло нашел ее, солнце уже показалось над горами. Она стояла на берегу в полумиле от него, там, где двенадцать плоских камней вели через отмель к Соборной скале. Утро было ясное, ветреное, и брызги прибоя сверкали на солнце. Этим утром все вокруг сверкало: алмазный корабль Данло, и золотые дюны, и волосы Тамары, струящиеся по ветру, как волшебное покрывало. Она сняла с себя одежду, и ее кожа сверкала, как белый мрамор. Нагая, она вошла в прибывающую воду, и волна сразу окатила ее груди, живот и золотистые волосы на лобке. Данло бегом промчался через дюны, но сбавил скорость у кромки моря и вошел в прибой на расстоянии вытянутой руки от Тамары. Вода тут же промочила его сапоги и прохватила холодом до костей.

— Пожалуйста, выйди из воды, — попросил он. — Холодно очень.

Тамара зачерпнула пригоршню воды и плеснула себе в лицо.

— А мне вот совсем не холодно.

Данло посмотрел, как она плещется. В самом деле, не похоже было, что ей холодно. В этой водной стихии она выглядела совершенно естественно, как будто перевоплотилась в тюленя или кита. Приступ безумия у нее, очевидно, полностью прошел, и она ясно сознавала все окружающее, себя и Данло.

— Тамара, — помолчав, спросил он, — что ты вспомнила?

Она метнула на него гневный взгляд.

— Думаю, ты сам знаешь что.

— Я догадываюсь — но знать, конечно, не могу.

— Ты уже давно знал, да?

— Да, — признался он.

— О, Данло, почему же ты мне не сказал?

— Есть вещи, которые нельзя сказать. Их можно только прожить. Или вспомнить.

— Как мое рождение. Мое подлинное рождение. И все время до того, как я очнулась в том другом доме.

— Ты его вспомнила, это время?

Тамара взглянула в сторону дома, который был точной копией такого же дома где-то в другом месте этой Земли.

— Я вспомнила чересчур много — и все-таки недостаточно.

— Но ты знаешь... как началось твое существование?

— Кое-что я помню. — Она взглянула на него через три фута бурлящей воды грустными, но полными жизни глазами. — Но есть слишком много такого, что я начинаю понимать только сейчас.

— Пожалуйста, расскажи мне об этом.

— Есть вещи, о которых нельзя рассказать, — напомнила она. — Например, моя жизнь. Вся моя прекрасная, такая короткая жизнь.

— Пожалуйста, расскажи мне о своей благословенной жизни.

Ее жизнь, положим, была не более прекрасна или благословенна, чем любая другая жизнь, — только гораздо короче, чем у обычного взрослого человека. Тайна жизни в том, что она всегда кажется слишком короткой — как для бабочек-однодневок Старой земли, так и для золотокрылых скутарийских сенешалей, живущих порой до тысячи лет. Для всего живого время — категория непознаваемая, и Тамара никак не могла понять, как она сумела прожить так много за столь короткое время.

Ее жизнь, собственно, состояла из трех периодов. Первый был самый длинный, хотя запомнился ей хуже всего. В этот период она всего за сорок дней превратилась из оплодотворенной яйцеклетки во взрослую женщину. В голубой лагуне у ее дома на тропическом острове, в бассейне с питательной средой, который фосторские геноинженеры назвали бы амритсаром, микросборщики Тверди провели ускоренный процесс ее физического и умственного развития. Плавая в насы-

щенной солями воде, она усваивала сахар, липиды и аминокислоты, необходимые для ее роста. Для любого человеческого зародыша, развивающегося естественным путем в материнском чреве, этот период означает любовь, покой и океаническое блаженство, но организм Тамары развивался взрывным порядком, как неконтролируемая раковая опухоль, и она росла слишком быстро, чтобы изведать покой. Что до любви, откуда же взяться этому благословенному чувства в амритсаре с клеточными роботами и органическими веществами, которые Твердь набу́хала в несколько миллионов литров соленой воды?

В этот долгий и одинокий период, без всякой клеточной связи с иным живым существом, ей, наверное, было бы лучше оставаться в бессознательном состоянии. Большую часть времени Тамара в нем и пребывала, но иногда ей снились сны — а иногда, открывая глаза при ярком свете, струящемся сквозь голубые воды лагуны, она почти сознавала, как Твердь насыщает ее бурно развивающийся мозг талантами, ощущениями, знаниями, памятью и планами. В те редкие моменты прозрения, которые озаряют людей подобно падучим звездам, она почти сознавала, кто она и зачем Твердь призвала ее к жизни. Но она была еще не вполне человеком, и ей, чтобы осознать себя Тамарой Десятой Ашторет из Невернеса, нужно было дождаться, когда Твердь внедрит в нее память реальной Тамары.

Это произошло в третий период ее жизни, когда ее перенесли в дом у лагуны. Для нее этот период стал по-своему самым странным и прекрасным временем, полным любви и чудес. Меньше чем за сутки Твердь ввела ей память Тамары — вернее, информацию о Тамаре, взятую Ею из памяти Данло. Из-за ускоренности этого процесса и растяжения времени — почти такого же, как в черной дыре, — новой Тамаре показалось, что она прожила за эти сутки целую жизнь. Для нее не имело значения, что память о темно-синих глазах Данло и его игре на флейте принадлежит не ей. Для нее не имело значения — в то время, — что она помнит жизнь, которую в реальности не прожила. Все это не имело значения, ибо, когда она пробудилась у себя в каминной с воспоминанием о дистиллированной и соленой воде, сфабрикованным Твердью, ее любовь к Данло возродилась вместе с ней.

Это было чудом ее жизни, *реальной* жизни, которую она провела с Данло в доме на холодном северном берегу. Это было чудом любви. Она испытывала к Данло самую настоящую, подлинную любовь. В некотором смысле ее создали только ради него, чтобы любить его одного, и она осознавала это как одну из своих главных целей. Вся ее жизнь представлялась ей продолжительным тайным заговором с целью свести их вместе, чтобы они целовались, обнимались и творили чудо своей любви. Не имело значения, что третий период этой жизни был сплавом нереального с реальным. Период ее роста и период ее любви сливались для нее в одно долгое, счастливое, золотое время. Оно растянулось для нее на всю ее жизнь, и она надеялась, что оно будет длиться вечно. Надеялась до того, как начались сны и Данло настоял, чтобы она пережила заново момент своего рождения.

Этот момент наличествует у всех живых существ, даже самых причудливых и непонятных человеку. Это момент выхода из яйца, из капсулы, из шелкового кокона, из чрева матери — или из соленого амритсар-бассейна с роботами-микросборщиками. Этот момент, полный света и боли, для Тамары стал ужасающим началом второго периода ее жизни. Лежа на полу медитационной комнаты, где стояли розовые рододендроны, горели тридцать три свечи и темно-синие глаза Данло бдительно следили за ней, она, погруженная в состояние возвращения, вспомнила, как вышла из амритсара и направилась к дому у лагуны. Она вспомнила, как стекала соленая вода с ее новенького нагого тела, вспомнила свое удивление от того, что у нее *есть* тело и что она — в самом деле она, кем бы она ни была. Она с полной ясностью вспомнила и пережила заново страшную боль воплощения — и помнила ее до сих пор, стоя в смертельно холодном океане рядом с Данло.

— Это было так странно, — говорила она. Прилив нарастал, временами захлестывая ее бедра. Солнце тоже немного поднялось, и чайки с криками кружили над скалами и пенным прибоем. Слышался дальний лай тюленей и посвист ветра. Весь берег полнился звуками, и Тамаре приходилось говорить очень громко, чтобы Данло услышал ее. — Жизнь вообще странная вещь, правда? Просто быть — и сознавать. Еще страннее

сознавать, что ты сознаешь: ты не представляешь, каково это, когда жуткая и прекрасная способность сознавать вливается в тебя вся сразу. Меня только что не было — и вдруг я стала. О, я еще не знала тогда, кто я, но знала, что я — это я. У большинства людей эта кристаллизация «я» из чистого сознания занимает, наверное, годы, а со мной это случилось в один миг. Как будто звезда зажглась — как будто во мне вспыхнул свет. Я по-своему и была этим светом, чистым и прекрасным светом, который показал мне меня такой, какая я есть. Я помню, как увидела себя, выйдя из бассейна. Мое голое тело, капли воды на нем, солнце, которое так красиво их зажигало, — все это было такое новое, и я тогда еще почти ничего не знала, хотя на свой лад знала все.

Я не понимала, что моя кожа состоит из клеток, а клетки из атомов. У меня не было для этого слов. И тем не менее я знала, что у меня есть клетки. Я ощущала, как они живут во мне, ощущала почти до боли. А еще глубже вибрировали, как струны паутинной арфы, атомы, и я сразу поняла, что этот производимый ими звук присущ только мне одной. Поняла, что я и есть эти клетки, эти атомы. Поняла, что мои атомы как-то отличаются от атомов воды, песка и прочей материи. Потому что своими я могла управлять. Той частью мира, которую покрывала моя кожа, я могла распоряжаться по своему усмотрению. Не могу тебе передать, какую силу я почувствовала, поняв все это. Как будто поймала молнию и зажала ее в руке.

Как только я вышла из воды на берег и пошла к дому, мне захотелось прыгнуть обратно в бассейн, но я знала, что этого нельзя, что я не должна этого делать. Ох, как же мне было больно. Песок обжигал ноги, солнце жгло глаза. Даже смотреть на себя было больно: солнце сразу опалило кожу докрасна, и я почувствовала, насколько они непрочные, мои клетки. О, Данло, почему это всегда так больно? Все так красиво и причиняет такую боль, что умереть можно. Но я не могу умереть, никогда не смогу — вот это и есть самое странное.

Небо, освещенное солнцем, наливалось голубизной, а они все стояли на морской отмели и вели этот странный разговор. Волны плескали на камелайку Данло, поднимаясь все выше.

Он переминался на месте, стараясь поддержать кровообращение в закоченевших ногах.

— И любовь ранит больнее всего, — сказала Тамара. — Ранит тем, что неизбежно пробуждает все и зажигает еще более сильной любовью.

— Так могла бы сказать Тамара.

— Я знаю.

Данло, слыша, как кричат птенцы чаек на Соборной скале, сказал:

— Это тяжело, наверное. Быть и в то же время не быть. Не знать, кто ты на самом деле.

— Нет, я знаю, кто я. А ты знаешь?

Она плескала на себя ледяной водой, и все ее тело сверкало от воды и соли.

— Ты не Тамара, — сказал он наконец, поморщившись от этой горькой, но неизбежной правды. — Ты не она.

— Разве?

— Ты *не только* Тамара. Ты обладаешь частью ее памяти, но...

— Да?

— Ты нечто иное. Нечто большее.

— Знаю — но что именно?

— Мне трудно дать имя тому, кто ты на самом деле. Ты дитя Тверди, правда? Звездное дитя.

— Я женщина, Данло. — Она провела руками по грудям, животу и бедрам. — Женщина, которая тебя любит.

— Да, — сказал он, почти не слыша себя за громом моря. — Отчасти ты женщина — я это вижу. Но другая твоя часть — это только моя память о другой женщине по имени Тамара. Которая же твоя часть любит?

— Разве это так важно?

— Да, это важно. Я не хочу быть любимым той твоей частью, которая есть всего лишь тень моей памяти.

— Потому что любить самого себя нехорошо?

— Нет, — с грустной улыбкой ответил Данло. — Потому что это ненастоящее. Тот благословенный момент, когда наши глаза впервые встретились, ты в реальности не переживала. А значит, у нас с тобой его и не было.

Тамара, помолчав, сказала:

— Если бы я могла, то изменила бы клетки моего тела так, чтобы стать ею по-настоящему. Заменила бы новыми все атомы моего сердца и мозга. Но вряд ли во вселенной есть сила, способная совершить такое.

— Будь даже это возможно, это ничего бы не изменило. Моя память так и осталась бы моей.

— Однако, когда Тамара утратила память о тебе, ты предложил заменить эту пропавшую память своей.

Холод поднимался по ногам Данло, и он уже начинал трястись всем телом.

— Да, это правда, — кивнул он. — Это был дурной поступок. За всю свою жизнь я совершил только один такой же.

— Какой?

— Ты не помнишь?

— Нет.

— Я пожелал человеку смерти. Представил себе, как он умирает от моих рук.

— Ты говоришь так, будто, пожелав этого, в самом деле убил его.

— Почти так все и вышло. В некотором смысле этот человек умер из-за меня. И Тамара тоже умерла бы внутри, если бы впечатала себе мою память.

— О, Данло.

— Это правда. Навязать свою память другому — это по-своему хуже, чем убить.

Тамара, подойдя к нему по пенной воде, взяла его руку и прижала к своему сердцу. Странно, но ее тело, облитое ледяной водой, было теплее, чем у него.

— По-твоему, я внутри мертва?

— Почти все, что ты помнишь о своей жизни, нереально.

— По-твоему, я не могу отличить реальное от нереального?

— Ты хочешь сказать, что можешь?

— Думаю, да. Я открыла кое-что относительно памяти.

— Что же это?

— Вся эта память, которую мне впечатали, — начала она. — Тот день на кухне, когда я впервые пожелала смерти своей

матери, и тот первый раз, когда я увидела тебя в солярии Бардо и пожелала любить тебя, пока *ты* не умрешь, — я закрываю глаза и вижу все это так же ясно, как очертания Соборной скалы. Я помню все это, хотя и знаю, что в реальности со мной ничего такого не случалось — то есть не случалось с клетками *этого* тела. Эти прекрасные воспоминания живут во мне, но я сама не могу пережить их заново. Вот в чем вся разница. Я поняла это во время второго сеанса, когда наконец вошла в состояние возвращения и почувствовала, что рождаюсь снова. Я поняла, что реальную память можно пережить заново, а впечатанную — нет.

Данло, прижимая руку к теплой ложбинке между ее грудей, сказал:

— Это правда. Мнемоники давно это знают. Потому и запрещают своим ученикам делать себе даже самые простые впечатывания.

— Ты знал это и все-таки предложил впечатать свою память другому человеку?

— Это из-за любви. Не могу даже сказать тебе, как я любил ее.

— Мне кажется, я знаю.

— Ну да — ведь это есть в моей памяти.

— Можно сказать, что есть. Память — такая странная вещь, да? Я вижу все, что помню, так ясно, и все-таки знаю, что это только воспоминания и я вижу их не так, как сейчас тебя.

— Большинство людей запоминает и вспоминает несовершенно. Мнемоника — это другое. Особенно возвращение.

— Как же это возможно — вернуть прожитую тобой жизнь?

— Не знаю, как. Но мнемоники говорят, что материя — это не что иное как память, застывшая во времени. В состоянии возвращения время растворяется, и мы приходим обратно к самим себе. Снова входим в поток своей жизни.

— Что еще говорят твои мнемоники? — улыбнулась она.

— Что между обыкновенным воспоминанием и состоянием возвращения разница такая же, как между фотографией грозы и молнией, обжигающей тебе руку.

Тамара, не улыбаясь больше, повернула руку Данло ладонью к солнцу и провела пальцем по линиям и мозолям на ней.

— Я ведь тоже почувствовала эту молнию. Мое рождение и предшествующие дни в бассейне. И все то время, которое мы прожили вместе в этом доме. Цветы, огонь и любовь. Думаешь, я не помню, как обжигали меня твои руки в нашу первую ночь? Это ведь реально?

— Это реально, — признал он.

— Значит, эту часть моей жизни я по крайней мере могу пережить снова. — Она зажмурилась. — Прямо сейчас. Эти моменты жизни и страсти — они так реальны, да?

— Да.

— И всегда будут такими?

— Да, только...

— Есть кое-что еще, — быстро перебила его Тамара, открыв глаза. Данло ежился и гримасничал от холода. — Самое странное.

Видя, как он дрожит, она взяла его за руку и вывела из воды. Они прошли немного по берегу в сторону корабля Данло, почти полностью занесенного песком. Ветер усилился, и Данло все еще было холодно, но жизнь уже вернулась в его онемевшие ноги. Он испытывал боль, зато не опасался больше, что отморозит ноги и их придется отрезать. Они остановились на дюнах футах в пятидесяти от корабля.

— Что же это — самое странное? — спросил он.

Тамара стояла на солнце, высокая и прямая. Она уже совсем обсохла, и ее кожа обрела матовую белизну жемчужины. Повернувшись лицом к океану, она, казалось, слушала стонущую песнь китов там, за голубым горизонтом, — или пение ветра. Казалось, что она черпает силу и смысл в звуках окружающего ее мира. Это было видно по блеску ее глаз и по тому, как неподвижно, почти вопреки естеству, она держала голову. Возможно, она настраивала себя на шепоты и вибрации, слышные только ей. Казалось, что все ее существо трепещет в ожидании некоего великого события. Сейчас, когда она стояла на обдуваемых ветром дюнах совершенно нагая, вся обратившись в зрение, слух и ожидание, в ней чувствовалось что-то дикое, не ведающее жалости, что-то огромное и великолепное. Перед лицом этой сияющей красоты Данло испытал чувство, как

будто он ступил за край мира и световой вихрь несет его через вселенную.

— Мои сны, — сказала она. — Откуда они?

— Я тоже об этом думал.

— Когда я переживаю во сне чью-то другую жизнь, полную света кровавых лун и блеска ножей, откуда приходит ко мне эта память?

— Возможно, Твердь впечатала тебе и ее тоже. Сновиденную память.

— Сновиденную? — переспросила она, не поняв этого мнемонического термина.

— Да. Это целая гора памяти, понимаешь? Большей частью она остается бессознательной, но во время сна иногда поднимается в область сознательного, как вершина айсберга над морем.

— Но если это искусственная память, почему же я переживаю ее заново?

— Н-не знаю.

— Я думаю, это больше, чем искусственная память, Данло. Думаю, что мои сны — нечто большее, чем просто сны.

— Что же это?

Она устремила на него пристальный, дикий взгляд.

— Красные луны — это, конечно, Кваллар. Твердь до того, как стать богиней, родилась на Квалларе. Ты знаешь, что она была воином-поэтом. Единственным воином-поэтом женского пола.

Данло, взглянув на свой блестящий корабль, в тысячный раз подумал о связи Тверди с воинами-поэтами. Возможно, Она убила Малаклипса только за то, что он имел при себе нож и носил два красных кольца.

— Ты думаешь, что Она впечатала тебе собственную память? — спросил он.

— Не только.

Данло вспомнились Тамарины ночные прогулки и то, как она вооружалась на случай встречи с тигром.

— Ее душа, — сказал он. — Думаешь, Она создала тебя с такой же, как у Нее, душой?

— Не только.

— Скажи тогда сама.

— Я слышу Ее мысли. Вижу Ее сны. — Ветер пролетел над океаном, и она умолкла, а потом добавила: — Чувствую Ее боль.

— Телепатия?

— Нет, не только это.

— Ты уверена? Ты уже не первый человек, с которым Твердь говорит таким образом.

— Я не сказала, что Она говорит со мной.

— Нет? Откуда же тогда приходят Ее слова, которые ты слышишь в себе?

— Как я могу это знать? Разве я знаю, откуда приходит ветер и куда он уходит?

— Но твое сознание само по себе...

— Такие вещи нельзя понять путем простого анализа. — Она смотрела на него все тем же взглядом, пристальным и глубоким. — Ты хочешь знать, откуда берется мое сознание — вырабатывается оно атомами моего мозга или струится из планеты, на которой мы стоим? А может быть, я получаю его от мозголун Тверди? Вряд ли ты найдешь на это ответ. Задумайся лучше, откуда берется твое собственное знание.

— Да, это так, но...

— Эти мысли зарождаются у меня в уме одновременно с движением моих губ. И складываются в слова. Это мои слова, Данло. Она мне ничего не говорит.

Он подумал немного и сказал, настаивая на своем:

— Было бы только естественно, если бы Она с тобой говорила, разве нет? Она создала тебя из элементов этого мира; в каком-то смысле ты — рожденное Ею дитя.

Она все так же смотрела на него, и ее глаза казались ему темными, как межзвездное пространство, — но при этом, как ни странно, полными света.

— Я не Ее дитя, Данло.

— Как же ты тогда?

— Ты сам сказал: я нечто иное. Нечто большее.

— Тамара, ты...

— Меня не так зовут. — Ее голос стал холодным и глубоким, как море. — Это имя не соответствует реальности.

— Но кто же ты на самом деле? Кто?

Она то ли случайно, то ли намеренно стояла спиной к солнцу, и оно окружало ее голову, как золотой нимб. Данло было трудно смотреть на нее. Стоя совершенно неподвижно и глядя на него, она сказала:

— Я — это Она.

Данло потряс головой и заслонился рукой от солнца.

— Нет. Нет.

— Я та, кого ты знаешь как Твердь.

Глядя в ее темные бездонные глаза, Данло сказал:

— Да, это правда. В каком-то смысле я знал это с того самого момента, как впервые увидел тебя. Но мне и теперь трудно в это поверить.

— Она и я — одно. Во мне нет ничего, что не было бы частью Ее, а в Ней нет ничего, что было бы мне неизвестно.

— Но зачем? Да, понимаю — испытание. Любовь, которая почти осуществилась. Наша жизнь с тобой. Если ты — если Твердь — хотела просто испытать меня, почему Ей было не создать Тамару, которая не разделяла бы Ее сознание? Она могла бы создать любую женщину — любую женщину в виде Тамары — и просто читать ее мысли. Так ведь легче, разве нет?

Она закрыла глаза. Казалось, что она ищет и не находит ответа, который удовлетворил бы его. Глядя на ее прекрасное, полное сочувствия лицо, Данло не мог поверить, что она — нечто иное, чем человек.

— Любое Ее дитя должно было иметь одну с Ней душу, — заговорила наконец она. — Только так могла Она достигнуть своей цели. Именно по этой причине во мне помещаются Ее память и Ее разум. Иначе мой опыт и мое восприятие реальности были бы Ей столь же чужды, как восприятие любого другого человека.

— Какова же Ее цель? Что Она надеялась узнать через тебя такого, чего не могла узнать по-другому?

Она крепко, до боли, стиснула его руки.

— Твердь хотела узнать, кто на самом деле ты. Нам нужно было это знать.

Ее ответ изумил Данло.

— Но зачем Ей все это? — почти выкрикнул он. — Она уже читала мои мысли — могла бы продолжать в том же духе.

— Знание приходит разными путями, Данло.

— Но зачем же именно так? — Он высвободил руки и потрогал ее лоб, ее лицо, золото ее волос, нагой изгиб ее плеча. — Почему ты?!

В ответ она провела пальцем по шраму у него на лбу и сказала:

— Я рождена, чтобы трогать и осязать. Выйдя из бассейна, я поняла, что должна потрогать весь этот мир. Снова пройтись по земле нагая, как новорожденное дитя, ощутить песок под ногами, а на языке — морскую соль. Трогать, пробовать, ощущать, пользоваться всеми своими чувствами. Чувствовать, двигаться, стать такой, какая я есть. Жить, Данло. Жить и любить и опять жить. Разве может кто-нибудь насытиться жизнью? Или любовью? Мне всегда было нужно много любви, очень много. Хочется любить так, что умереть можно, и при этом знаешь, что ни за что не умрешь, потому что тогда не будет ни любви, ни всего остального. А любовь — это все, ты сам знаешь. Трогать мир, как это делают любовники, и видеть, как все пробуждается, хотя это причиняет почти невыносимую боль. Но не ты ли однажды сказал мне, что жизнь познается через боль? Как ее много, боли, правда? Одна боль внутри другой, и так без конца. Но ведь она не имеет значения, верно? Мне кажется, я могу вытерпеть любую боль, только бы жить и участвовать в этом чудесном пробуждении. Я бы все вынесла, лишь бы прикоснуться к твоему прекрасному лицу и почувствовать, что такое любить и быть любимой. Я готова гореть вечно, лишь бы твои глаза соприкоснулись с моими так, как я помню. Вот для чего я пришла в мир. Я коснулась бы самого солнца, если бы оно любило меня так, как любил прежде ты.

Куртизанки говорят, что проще любви нет ничего во вселенной. Был момент, когда она, нагая и вся золотая под утренним солнцем, прижала ладонь к щеке Данло, словно хотела удержать слезы, обжигающие ему глаза. Был момент, в который он никоим образом не мог полюбить ее так, как хотела

она, — а в следующий момент Данло уже падал, погружаясь в любовь столь же неотвратимо, как камень в середину звезды.

— Испытание продолжается, да? — попытавшись улыбнуться, спросил он. — Значит, в этом оно и состоит? Проверить, сколько боли я способен вынести?

«Через боль человек сознает жизнь». Вслед за этой старой мудростью Данло явилась новая: «Боль — это полнота любви».

Она поцеловала его в губы и сказала:

— Испытания окончены. Это награда.

— Награда?!

— Ты можешь полюбить снова, если позволишь себе это сделать.

— Это способ, которым ты хочешь взять меня в плен, не погубив мою душу?

— Мы могли бы любить друг друга почти вечно.

— Нет, нет. Прошу тебя.

— Мы могли бы пожениться. Здесь, на этом берегу, под этим прекрасным солнцем, мы могли бы заключить брачный союз на тысячу лет. Разве не этого ты всегда хотел?

— Жениться — да. Но жениться сейчас, на тебе — как можно!

— Отчего же нельзя? — улыбнулась она. — Мы поженимся, и у нас будут дети.

— Тамара, Тамара, я...

— Новая раса. Первые люди в настоящем смысле этого слова. Мы научим их быть людьми — и чем-то больше людей.

— Дети, — задумчиво повторил Данло. — Наши благословенные дети.

— Когда-нибудь у нас будут миллионы детей и внуков. Мы заселим своими потомками целый мир.

— Я всегда мечтал иметь детей. Ты знаешь.

— А еще ты мечтал о мире, где нет войн и зла. О мире, живущем в первозданной гармонии и красоте, которую ты когда-то называл халлой.

— Я всегда думал... возможно ли осуществить такую мечту.

— Целый мир, Данло. Мы можем сделать его, каким захотим.

— Целый мир...

Данло посмотрел на восток, где ярко зеленел лес. Там росли цветы, водились красивые птицы и тигры. Он был почти

совершенен, этот девственный лес. Ни один человек еще не входил туда. Эти деревья — могучие сосны, ели и лиственницы — не знали прикосновения человеческих глаз, кроме глаз самого Данло. Может быть, они только и ждут, чтобы он населил лес своими детьми? Тоскуют по любви существ, которые будут поклоняться им, как богам? Нет. Деревья — это только деревья. Весь день они ведут под солнцем свой малоподвижный танец, и миллионы их длинных игл сверкают в изумрудном экстазе. Они осознают фотоны, влагу и, быть может, выдыхаемый им углекислый газ, но до его страстей и планов им дела нет.

— Я думал, что в награду за успех ты ответишь на три моих вопроса, — сказал он, с улыбкой повернувшись к терпеливо ждущей Тамаре.

— Выбирай — либо ответы, либо я.

— Одно из двух?

— Да. Выбор за тобой.

Смотреть на нее было больно, но он не мог не смотреть.

— Разве такой выбор возможен?

— Что же в нем невозможного?

— Как это возможно, что ты... ставишь меня перед таким выбором?

— О, Данло, Данло — я предлагаю тебе себя и целый мир. Из чего тут выбирать?

Целый мир...

Данло посмотрел на юг, туда, где колебалась под ветром трава на дюнах. Паук, должно быть, сплел в ней свою паутину, потому что там сверкал и переливался от утренней росы ажурный шар. По песку скакали птицы песчаники, ближе к воде скользили в воздухе чайки и поморники. Весь берег кипел жизнью, и для Данло было тайной, как можно променять возможность гулять по этому берегу до конца своих дней на каких-то три вопроса.

— Если я все-таки останусь здесь, — сказал он, — как долго мы сможем пробыть вместе, прежде чем нас уничтожат? Ты сама говорила, что атаки Кремниевого Бога сосредоточены на этой планете.

— Ты думаешь, я позволю Ему уничтожить то, что я созда ла? — с холодной безжалостной улыбкой осведомилась Тама ра. — Думаешь, я позволю Ему причинить вред моим детям?

— Я помню: ты хочешь первая уничтожить Его.

— Да, хочу, но этого мира наши битвы не коснутся, обе щаю тебе. Ты даже знать ничего не будешь о нашей с Ни войне.

— Я буду жить в безопасности под этим чудесным небом предоставляя богам сотрясать пространство-время и крушит звезды?

— Разве это так ужасно — пожить немного в безопасности

Данло поддел ногой песок.

— Я должен оставаться в безопасности, чтобы вспоминат Старшую Эдду, да? Вспоминать, как можно победить Крем ниевого Бога?

— Разве это так ужасно — вспоминать?

— Да. Всякая война ужасна.

— Ты воевать не будешь, Данло.

— Кто же тогда? Ты?

— И я, и не я. Не забывай, что «я» у меня много. Воеват будет *Она*. В некоторых своих аспектах Она страшная богиня любит войну.

Данло помолчал, копая песок носком мокрого сапога, спросил:

— А ты что любишь?

— Любовь. — Она обняла его, прильнула к нему головой прошептала ему на ухо: — Небо, деревья и ветер. Тебя.

Он водил пальцами по ее гладкой мускулистой спине, об нимал ее крепко, почти яростно, и чувствовал, как это хоро шо. От ее волос пахло солью и солнцем — этого чистого запах он не забудет уже никогда, даже если и покинет этот мир. Н сейчас, когда он обнимал ее, и ее сердце билось так близко о его сердца, и дыхание ее жизни овевало его ухо, он не пред ставлял себе, как сможет расстаться с ней. Он смотрел чере ее плечо на север, где до самого неба вздымались горы. Ка хорошо было бы обнимать ее под этими туманными горам вечно — пока они стоят, эти горы, пока дожди и ветра лет та через миллион не превратят их в песок и не смоют в море.

Целый мир.

Внезапно он разомкнул объятия и повернулся на запад, в ірону моря. День, ясный и холодный, предвещал зиму. За ıбрежными скалами летела в теплые края стая перелетных ıчек. А еще дальше, почти на горизонте, скользил в выши- по ветру одинокий альбатрос. Океан катил свои волны, как ·гда, и Данло слышал шум его холодных, глубоких, синих ţ. С моря надвигался осенний шторм, венчая волны белыми бнями. Весь мир под низким утренним солнцем лучился ·том. Перед лицом этой невозможной красоты Данло был :нь близок к тому, чтобы жениться на Тамаре и остаться сь навсегда.

Но тут он вспомнил о своей пилотской присяге и о своих ›ушимых обетах. Вспомнил свое стремление стать асарией и : другие свои мечты. Он так долго смотрел на море, не ше- ıясь и не мигая, что глаза стало жечь. Слова. Все его клятвы бещания — всего лишь слова. Что значат они по сравнению удом лежащего перед ним мира? Разве могут слова трогать › и любить, как эта прекрасная женщина, так терпеливо ущая рядом с ним?

Все произнесенные им слова были ничто, но он не мог ›ыть того, что стояло за ними. Не мог забыть о родных пле- нах, умирающих за полгалактики от него на своих ледяных ·ровах. Не мог забыть о настоящей Тамаре с потерянной ıятью и золотой душой, живущей где-то среди звезд. В один мент, пока он стоял и смотрел на море, вся его жизнь вер- лась к нему и хлынула в его сознание, как океан. Это был мент выбора и решения, страшный момент подлинного ıытания. Этот тест Твердь не планировала — сама жизнь сей- : испытывала его. Жизнь, судьба, а может быть, он сам.

— Пожалуйста, скажи, что останешься со мной, — сказала ıара.

Был момент, когда весь мир застыл, как зимнее море, и ' же снова ожил в движении волн, солнца и чаек, кричащих голода и любви.

«Да, я останусь с тобой» — эти слова казались такими же ›стыми, как биение сердца. Данло хотелось сказать их почти

так же, как обнимать Тамару и вечно чувствовать щекой е душистое дыхание. Вместо этого он повернул к ней голову і сказал:

— Мне жаль, но я должен уйти.

Он не мог смотреть на нее и поэтому смотрел на свой ко рабль, прикидывая, сколько времени придется его откапы вать. Стихии этого мира не причинили, как видно, вреда ал мазному корпусу, и тот сверкал черным блеском, как всегда

— О, Данло, Данло, — сказала она.

Он с трудом вынес безмерную печаль, вложенную в эті слова, но удивился тому, как спокойно и ровно звучит голо Тамары.

— Мне жаль, — повторил он, — но если испытания окон чены, мне пора в путь.

— Мне тоже жаль. Я думала, что ты останешься.

— Нет, я не могу.

— Конечно — ты ведь еще не завершил своего пути.

— Да.

— Тогда ты, наверно, захочешь услышать ответы на сво вопросы. Надеюсь, ты еще не забыл, о чем хотел спросить.

— Нет, не забыл.

— Так спрашивай.

— Прямо сейчас? Здесь?

— Почему бы и нет?

— Значит, можно?

— Конечно. Раз уж ты пролетел двадцать тысяч световых ле от звезды Невернеса, чтобы задать Тверди свои вопросы, пользуй ся случаем. Но подумай хорошенько, прежде чем спрашивать.

Данло наконец заставил себя взглянуть на нее и с облегче нием увидел, что она улыбается. Ему вспомнилось, что Тверд любит отвечать загадочно тем, кто ее вопрошает.

— Вот мой первый вопрос: известно ли тебе средство о медленного зла? От чумы, убившей мой народ?

Тамара на миг прикрыла глаза и сказала:

— Нет, я такого средства не знаю. А вот ты знаешь. Всегд знал. Когда-нибудь ты узнаешь его заново, если завершишь сво путь. Именно ты, Данло, кто бы ты ни был на самом деле.

Он долго обдумывал этот странный ответ, переминаясь с оги на ногу, чтобы согреться, и наконец сказал:

— Я не понимаю.

— Что ж, очень жаль, если так.

— Не могла бы ты сказать это как-нибудь попроще?

— К сожалению, нет. Но ты можешь задать мне второй вопос, и я обещаю ответить на него как можно проще.

Данло подышал на пальцы и подставил руки солнцу.

— Где я могу найти своего отца? — спросил он.

Она приоткрыла свои прелестные алые губы, чтобы сообщить ему то, что он так отчаянно стремился узнать, — и ответ озабавил его своей ясностью прямотой и полнейшей беспоезностью:

— Ты найдешь своего отца в конце своего пути.

— Где же это? — спросил он.

— Это твой третий вопрос?

— Нет. Я просто хотел...

— Понимаю. Но я предупреждала тебя: подумай, прежде ем спрашивать.

— Теперь я это понял.

— Хорошо. Можешь задать мне третий вопрос.

Данло втянул в себя холодный воздух и задумался. Ему ужасо хотелось знать, жив ли воин-поэт и будет ли он по-прежнеу преследовать его, Данло, как морской ястреб чайку. Но сли он спросит Ее об этом, его путешествие может закониться прямо здесь. Поэтому он обуздал свое любопытство и адал свой ключевой вопрос:

— Где находится планета Таннахилл?

— Не знаю.

— Как так? Правда не знаешь?

— К сожалению, нет.

— Я думал, ты знаешь почти все.

— Увы.

Он грустно улыбнулся, глядя на свой зеркально-черный орабль. Он проделал такой долгий путь, чтобы задать эти три опроса, а теперь, получив ответы, стал знать ненамного больше, чем в начале своего путешествия.

— Я этого не знаю, — сказала она, глядя на него с живе шим сочувствием, — но есть некто, кто может знать.

— Кто же это?

— Я почти уверена, что Богу Эде известна звезда Танн хилла.

— Но ведь Бог Эде умер?

— Умер, да, — но, может быть, отчасти жив.

— Опять загадка. Ты говоришь загадками и парадоксами.

— Отправляйся к Эде — и ты, возможно, получишь отв на эту загадку.

Этот простой совет развеселил Данло, и он засмеялся.

— Вот одна из радостей пилотской жизни: тебя вечно п сылают «туда, не знаю куда».

— Почему «не знаю куда»?

— Потому что никто не знает, где живет Эде. Это поч невозможно — найти в галактике из ста миллиардов звезд бо которого никто еще не находил.

— Я знаю, — сказала она. — Знаю, где Он живет.

Хотя секретничать необходимости не было, она подошла Данло вплотную и шепотом, на ухо, назвала ему координат звезд в возможном секторе нахождения Эде.

— Зачем ты мне это говоришь? — спросил Данло, взяв за руки. — Ведь я уже получил три своих ответа?

— Я хочу, чтобы ты это знал.

— Не думаю, чтобы Твердь сказала мне это.

— Но я и есть...

— Не думаю, чтобы Твердь сказала мне это в ипоста Матери, грозной и ужасной богини.

— Не будь в этом так уверен. Она, право же, очень капризн

— Зачем же тогда рисковать, бросая Ей вызов?

— Затем, что это ускорит твое возвращение. Потому что люблю тебя.

Он, не сознавая, что делает, сжал ее руки так, что о вскрикнула. Увидев, что она сморщилась от боли, Данло сра отпустил ее и сказал:

— Прости меня. Прости, но я не могу тебя любить. Я н должен.

— Я знаю.

— Я не вернусь сюда больше. Прости.

И он пошел обратно к дому, чтобы собрать свой сундучок и отнести его на корабль. Потом он сделал из плавника и китовой кости, выброшенной на берег, лопату и стал откапывать корабль. На это у него ушло почти все утро. Все это время Тамара ждала его в доме. Когда он окончательно приготовился к отлету, она вышла к нему. Она смыла соль с тела и с золотых волос, но осталась нагой, как новорожденное дитя.

— Ты можешь полететь со мной, если хочешь, — сказал он. — Я могу доставить тебя к любой звезде, на любую планету. В любое место, где есть люди.

— Нет, — сказала она. — Я останусь здесь.

— Мне больно оставлять тебя одну.

— Но я буду не одна. — Она улыбнулась ему, и в ее глазах, бесконечно грустных, он увидел и другое чувство, очень похожее на дикую радость. — У меня есть целый мир.

— А что же Шиван ви Мави Саркисян и воин-поэт? Их тоже подвергли испытаниям? Они останутся здесь, с тобой?

— О них я ничего не могу тебе сказать.

Данло склонил голову в знак уважения к ее тайнам. Солнце уже поднялось высоко, и небо голубым куполом укрывало планету от горизонта до горизонта. Скоро он прорвется сквозь этот купол в ревущую черноту вселенной.

— Мне пора, — сказал он.

Она подошла к нему, держа в руке жемчужный кулон, копию того, который он сделал для настоящей Тамары. Вложив жемчужину вместе со шнурком в его руку, она сказала:

— Если ты найдешь когда-нибудь женщину, которую любишь, отдай это ей. Если ты найдешь ее, то, может быть, поможешь ей исцелиться, как помог мне.

— Но у нее есть своя жемчужина. Та, которую я подарил.

— Тогда сохрани эту как знак моей любви к тебе. И помни, что это я ее тебе подарила.

— Тамара, Тамара. — Пальцем руки, в которой держал жемчужину, он потрогал ее мокрую от слез щеку. — Если бы у меня остались еще вопросы, я спросил бы, как переделать

вселенную по-другому. Чтобы она была халла, а не шайда. Без зла, без страданий, без войн. Без боли.

Ее глаза, хоть и полные слез, оставались яркими, и взгляд их не расплывался. Глядя на него этими мерцающими, как ночное небо, глазами, она сказала:

— Лучше бы ты спросил, зачем Бог вообще создал вселенную.

Он медленно качнул головой и поклонился ей.

— Прощай, Тамара.

— Прощай, прощай. Счастливого тебе пути, пилот.

Он взошел на корабль и закрыл за собой кабину. Подождав, чтобы Тамара отошла в сторону, он включил двигатели. Ударило пламя, и грохот пронизал его до костей. Тамара осталась на берегу одна. Корабль еще долго поднимался в небо, и все это время Данло смотрел на нее в алмазное окно кабины. Зрение у него было отменное, и он видел, что и она смотрит вверх, на корабль. Сначала он различал даже темные глаза на ее лице, но вскоре ему стало трудно даже фигуру ее разглядеть среди камней и набегающих на песок волн. Потом она превратилась в светлое пятнышко размером с жемчужину, а когда Данло уже потерял счет ударам своего сердца, она исчезла совсем.

Целый мир, вспомнил он. Вся вселенная.

Он направил свой корабль через черно-синие небеса в пространства вселенной и там исчез, следуя в великом своем одиночестве к неведомым звездам и бесконечно ярким огням Экстра.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

БОГ

Глава 8

МЕРТВЫЙ БОГ

Человек, который умирает, прежде чем умрет,
Не умирает, когда умирает.

Абрахам а Санта Клара

Итак, Данло, после слишком долгого пребывания на планете, вернулся в мультиплекс. Из десяти пилотов, которые собирались встретиться с Твердью, выжил только он. Ли Те Му Лан, Долорес Нан, Саролта Сен, Рюрик Боаз, Шамир Смелый (никогда не лишне почтить имена пилотов, которые погибли, исследуя тайны Вселенной) — все эти отважные люди исчезли где-то в прекрасном, но хаотическом пространстве, которое лежит под тканью пространства-времени. Ни корабли их, ни тела никогда не будут найдены. Леандр с Темной Луны, Розалин, Валин ви Тимон Уайтстон, Ивар Сарад — всех их надо помянуть среди сотен пилотов, пропавших в Экстре с тех пор, как Дарио Смелый открыл этот обширный регион взорванных звезд в 2539 году от основания Ордена.

Данло не знал, что к этому времени Вторая Экстрианская Миссия лишилась еще нескольких пилотов. Эрик Ратборн, Альфреда Сири Сераи и Лоренцо Скарлатти так и не дошли до планеты Тиэлла, где лорд Николос и сотни других лордов и мастеров строили город, который должен был стать резиденцией второй Академии и нового Ордена. Что до других пилотов, ищущих среди неведомых звезд планету Таннахилл, кто

мог знать об их судьбе? Данло понимал, что он тоже, возможно, никогда не увидит Тиэллу (не говоря уже о Невернесе), поскольку теперь он держал путь к звездному скоплению, где надеялся найти Бога Эде.

Ни одному пилоту Ордена до сих пор не удавалось найти обиталище этого бога, и многие полагали, что его вообще не существует. Эти неверующие вопреки постулатам Вселенной Кибернетической Церкви утверждали, что компьютер, в который человек по имени Николос Дару Эде когда-то поместил свое сознание, давным-давно уничтожен. Обыкновенный компьютер, говорили они, не способен разрастись самостоятельно до размеров планеты, чтобы затем объявить себя богом. Но Данло, получивший координаты искомого сектора от самой Тверди, не сомневался в существовании Эде. Он не сомневался, что выйдет в пространство у нужной звезды и узрит этого бога богов — если, конечно, правильно проложит маршрут между неведомыми звездами Экстра, если выйдет живым из искривленных областей мультиплекса и сумеет избежать убийственной радиации ближних сверхновых.

Много раз, плавая голым в кабине своего корабля, он вспоминал добродушную Ли Те Му Лан, бесстрашного Леандра с Темной Луны и других своих товарищей, вспоминал и молился за них. Проходя от звезды к звезде через многочисленные окна мультиплекса, Данло думал: а что, если и он тоже попадет в бесконечное древо или в пространство Соли-Рингесса, чтобы никогда уже не выйти в мир, где растут цветы, светят звезды и золотятся женские волосы? Узнает ли кто-нибудь об этом? Вспомнит ли его? Помолится ли за него?

Из всех пилотов, сопровождавших его в Твердь, Данло обходил в своих молитвах только одного — ренегата Шивана ви Мави Саркисяна. Данло был уверен, что Шиван и воин-поэт по имени Малаклипс Красное Кольцо каким-то образом вышли живыми из хаотического пространства, убившего Леандра и остальных. Он был почти уверен и в том, что Шиван и Малаклипс выдержали все испытания, назначенные им Твердью. Уверенность эта основывалась не на пустом месте: Данло, отходя все дальше от меркнущих вдали звезд Тверди, обнаружил

за собой, как и прежде, композиционные волны другого легкого корабля. Корабль этот загадочным образом всегда держался на самой границе того звездного сектора, в котором находился Данло, и неотступно шел за ним от звезды к звезде.

Этот корабль-призрак мог быть только «Красным драконом», несущим на борту вольного пилота и воина-поэта, представителя ордена наемных убийц. Воин-поэт, несомненно, все еще надеялся, что Данло приведет его к своему отцу и его, Малаклипса, нож прервет наконец блестящую карьеру Мэллори Рингесса. Но Данло не собирался этого делать и много раз пытался оторваться от Шивана. Он пытался затеряться среди десяти миллиардов звезд, древних и светлых, как мысли Бога. Однажды он вышел близ голубого карлика, напоминающего центральную звезду Кольцевой Туманности Лиры, в другой раз прошел серию из сотни каналов с такой дикой и бесшабашной скоростью, что ни один пилот в здравом уме не последовал бы за ним; в следующий раз он вообще проник в скопление из восьмисот миллионов звезд, представлявшее собой нечто вроде отдельной спутниковой галактики.

Но все его попытки оказались безрезультатными. Шиван попрежнему шел за ним, маяча, как мираж. Данло решил, что уступает Шивану как пилот, и потому, мысленно улыбнувшись и склонив голову перед его мастерством, смирился с этим неуловимым, фантастическим преследованием. Вновь обратив свой взор к далеким огням Бога Эде, он старался не думать о Шиване и его призрачном корабле — так человек, бегущий куда-то при свете солнца, не замечает свою тень. Подключаясь к сверкающим цифровым штормам своего компьютера, он пытался относиться к «Красному дракону» столь же беззаботно, как алалой ко вши, ползущей по его волосатому телу. Он шел мимо бесчисленных звезд и наконец, как это бывает со всеми пилотами в черном ярком безвременье мультиплекса, почувствовал себя очень одиноким.

В таком состоянии он пересек рукав Ориона, удаляясь от ядра галактики и углубляясь в Экстр. Он выходил из мультиплекса у многих звезд — у желтых и оранжевых, у красных

гигантов и пылающих адским пламенем супергигантов наподобие Антареса. Ему встречались белые и голубые звезды и желтые светила, похожие на солнце Старой Земли. Некоторые из них он называл именами птиц и зверей, знакомых ему с детства: хохлатого тюленя Беруры, снежной чайки Гаури и Агиры — он оставлял эти имена за собой, как сияющие в ночи самоцветы. Другие звезды, остатки сверхновых, состоящие из света, пыли и природных элементов, он никак не называл.

Весь Экстр был засорен радиацией и элементами материи, и многие его регионы были непроницаемы для телескопов. Данло не однажды оказывался слишком близко от волнового фронта недавно взорванной звезды. В таких случаях он, спасаясь от потока фотонов и жесткой радиации, нырял, как дельфин, уходящий от шторма в глубину, в первое попавшееся окно мультиплекса. Но мира не было и там. Мультиплекс под звездами Экстра опасен и странен. Данло вел «Снежную сову» через редкие пространства Лоудона, которые расплывались перед ним, как зачерняющее масло по пустым глазницам скраера; он шел через дробящиеся фиолетовые кристаллы еще более редких пространств, с которыми до него, возможно, не сталкивался еще ни один пилот. Все эти пространства, трудные и опасные, были, однако, далеко не так ужасны, как тот почти невероятный хаотический шторм, который Данло преодолел в Тверди.

Об этой части путешествия Данло рассказывать особенно нечего. Он благополучно выбирался из множества топологических ловушек, которые перед ним открывались. Со всевозрастающим мастерством он составлял свои маршруты, и его корабль проходил, как световой луч, в глядящие на звезды окна.

Наконец он вышел из мультиплекса над звездой Эде, красивым голубовато-белым солнцем, горячим, как Дуррикен Люс, и перед ним открылась картина полного разрушения. На миллионы миль вокруг он видел только обломки, остатки некой структуры, бывшей ранее, вероятно, самим Богом Эде. Данло потратил много времени, исследуя в телескопы эти обломки, опоясавшие звезду темным уродливым кольцом. В

некоторых пунктах он даже подводил корабль к внешнему краю этого кольца, чтобы взять образцы материи для анализа. В этих пробах он обнаруживал оплавленные нейросхемы, алмазные чипы, молекулы клария, раздробленные, порой измельченные в пыль белковые цепи, кремний, германий, мертвых роботов-микросборщиков диаметром не более двух микронов и алмазные микроволокна. Кольцо во многих местах перемежалось светящимися облаками водорода, ионизированными газами и частицами железа, которые притягивало мощное поле бело-голубой звезды.

Во всем этом мусоре, однако, Данло не нашел ни трансурановых элементов, ни какой-либо искусственной материи. Он пришел к выводу, что эти обломки — все, что осталось от огромного некогда компьютера. Черное кольцо вокруг звезды насчитывало добрых два миллиона миль в толщину и пятьдесят миллионов в поперечнике. Вычислив среднюю плотность всей этой материи, Данло решил, что компьютер по имени Эде был самой большой конструкцией из всех, когда-либо созданных человеком (или богом). Куски его схем, кружащие в космосе, вполне возможно, представляли собой самую обширную и плотную коллекцию образцов материи в галактике за пределами черной дыры ее ядра. Вечный компьютер Эде был в миллион раз больше любой из лун Тверди и мог сравниться по массе со звездой крупной величины.

Затраты энергии, необходимые для функционирования такого компьютера, превышали воображение Данло. Чтобы строить свои компоненты, Эде должен был опустошать целые звездные скопления, очищая их от планет, астероидов, комет и даже от газов, образовавшихся при взрывах звезд. Он, вполне вероятно, пользовался микродеструкторами для разбивки этой материи на элементы, из которых потом, на протяжении столетий реального времени, микросборщики собирали схемы его колоссального мозга. Возможность уничтожения этой чудовищно огромной машины оставалась для Данло загадкой. Быть может, Кремниевый Бог задействовал энергию нулевых точек континуума пространства-времени сразу в нескольких миллионах узлов Эде и разнес противника на триллионы частей. Или

подорвал ткань самого пространства-времени. Данло хорошо помнил, как атака Кремниевого Бога на Твердь деформировала мультиплекс внутри богини. Возможно, если подобные деформации достаточно велики, черный шелк пространства-времени распадается на почти бесконечное количество волокон, разрывая тем самым всю содержащуюся в нем материю.

Каким бы образом ни погиб Эде, он, похоже, был действительно мертв. Данло, как ни старался, не смог обнаружить ни одного компонента, который реагировал бы на поток электронов или световые лучи. Он не понимал, как может Эде быть отчасти жив — если, конечно, не предположить, что это кольцо кибернетического мусора диаметром сто миллионов миль составляло только часть Бога Эде. Лунные мозги Тверди расположены среди множества звезд — возможно, с частями вечного компьютера Эде дело обстоит точно так же? Поскольку Данло хотел узнать побольше об этом боге богов и все еще надеялся спросить у Эде, где находится Таннахилл, он перенес свои поиски на соседние звезды.

В обширном секторе вокруг звезды Эде, как Данло продолжал ее именовать, он обнаружил новые скопления мусора. Каждую звезду, которую он исследовал, окружало такое же кольцо из обломков разбитого компьютера, но все они уступали по величине первому кольцу. Данло, прочесывая этот странный сектор по спирали, видел, что кольца становятся все меньше и меньше. У некоторых звезд их не было вовсе — там вращались лишь кучки обломков чего-то, что в целом состоянии не превышало размерами мелкие луны. На расстоянии двадцати световых лет от звезды Эде Данло стали встречаться совсем маленькие скопления, не больше гранитных валунов на склоне горы.

Впрочем, этих мелких скоплений было очень много. В звездном секторе, который прежде был Богом Эде, Данло насчитал 670 миллионов колец и групп разбитых компьютерных деталей. Бог Эде стал представляться Данло чем-то вроде звездного, распустившегося в космосе цветка: пурпурно-черные лепестки его мозга становились все мельче и многочисленнее по мере удаления от сердцевины. И все они были мертвыми. Кремниевый Бог, как видно, разгромил своего врага наголову.

При этом он почему-то пощадил множество Земель, созданных Эде. Почти каждая звезда, начиная с двадцати трех световых лет от звезды Эде, имела на своей орбите круглую, голубую с белым, богатую водными ресурсами Землю. Это открытие изумило Данло. Он не мог понять, зачем было Эде создавать столько копий Старой Земли. От каждого из этих великолепных миров веяло чудом и тайной. Данло казалось, что эти сферы, созданные богом из камня, воды и воздуха, могут заключать в себе разгадку смерти (или жизни) Эде. Поэтому он решил исследовать эти Земли одну за другой.

Осматривая шестьдесят шестую, он сделал волнующее открытие. «Снежная сова» обращалась вокруг этой Земли по низкой орбите, не выше трехсот миль над уровнем моря. Внизу, сквозь слои озона и атмосферы, виднелся большой материк, носивший когда-то название «Евразия». Через прогалы в пушистых белых облаках Данло различал лишь бурые с белым складки знаменитого Гиндукуша, хребта смерти. Несколько секунд спустя корабль прошел над первыми вершинами Гималаев. Один из телескопов показывал Данло ледяные склоны Сагарматы, самой высокой горы, названной в честь богини-матери.

Если этот мир действительно создал Эде, он почти в точности воспроизвел Старую Землю за десять тысяч лет до Роения. Гора со своими ледникам, снеговыми отрогами и обращенными на юг седловинами почти полностью совпадала с исторической Сагарматой, изображение которой показывал Данло компьютер. Соседние с ней горы, Пумори и Кумбудзе, тоже ничем не отличались от компьютерных моделей. На северозападе сверкал Кайлас — древние буддисты называли эту гору Канг Римпоче и почитали как святыню. Данло опознал ее по близлежащему озеру Манасаровар.

В то самое время, когда он смотрел на это красивое озеро, его корабль принял сигнал — самый обыкновенный, хотя и слабый радиосигнал, подаваемый ежесекундно, с частотой биения человеческого сердца. Компьютер не нашел в этих медленных, стабильных волнах никакой информации, и Данло рассудил, что это просто маяк вроде того, что на невернесской горе Уркель своими вспышками отводит ветрорезы и лег-

кие корабли от опасных скал внизу. Но зачем мог понадобиться радиомаяк на девственной Земле, над которой летают только орлы, совы да крылатые насекомые?

Данло, опасаясь выйти из диапазона загадочного маяка, включил двигатели и направил корабль вниз. Сигнал, как он определил, шел с одного из мелких пиков на западе Гималаев. Данло, склоняясь к решению обследовать этот пик, вел «Снежную сову» через атмосферу, ионы, облака и ветер к высокогорной долине, где не было почти ничего, кроме камней и снега.

Он приземлился на снежном поле не шире Хофгартенского пляжа в Невернесе, открыл кабину и вышел на старый слоистый снег. Зная, что снаружи будет холодно, он надел свою шерстяную камелайку, сапоги и черную шубу, которую ему выдали при поступлении в кадеты. Для защиты от ослепительного горного света он вооружился поляризованными очками. Чистейший разреженный воздух сверкал, отражая блеск заснеженных гор и ледников. Прямо на севере высился нужный Данло пик. Прищурившись от снегового сияния горы, Данло разглядел на одном из ее выступов здание — небольшое, довольно простое сооружение, темные деревянные балки составляли контраст с мерцающими стенами из органического камня. Оно очень напоминало старый архитекторский храм, виденный Данло однажды на Утрадесе. Зачем было Эде строить подобный храм в горной седловине Земли, затерянной в глубине Экстра? Данло был уверен, однако, что радиосигнал исходил именно из этого храма, и без всякой причины надеялся, что маяк и сам храм откроют ему тайну смерти Бога Эде. Полный надежд, мечты и воспоминаний, Данло, не раздумывая больше, надвинул очки на глаза и начал свое долгое восхождение.

Он затратил на это почти весь день. В мультиплексе пилот за то же время способен пройти шестьсот триллионов миль, но пилот, несущий по неровному горному склону, помимо собственного веса, тяжелый рюкзак с провизией, палаткой, сменной одеждой и кислородными баллонами, больше двенадцати миль вряд ли одолеет. Сам подъем был не очень труден, но Данло много дней провел в невесомости, и это ослабило его мышцы. Он отвык от физических упражнений, и вос-

хождение на холоде, в разреженном воздухе быстро истощило его силы. Несколько раз он останавливался, чтобы подышать кислородом из маленького голубого баллона — всего баллонов у него было пять штук. Большинство взрослых мужчин способны подняться гораздо выше, не присасываясь к пластиковой соске, и Данло немного стыдился своей слабости.

Впрочем, он находился сейчас на высочайшем горном хребте планеты, идентичной Старой Земле. Две трети атмосферы вместе с джунглями, океанами и пыльными равнинами лежало ниже его. От недостатка кислорода тромб мог бы закупорить ему легкое. Голова уже болела невыносимо: поднимаясь все выше по сверкающим снегам, он чувствовал себя так, будто в глаз ему вбили осколок камня. Благоразумнее было бы, конечно, выждать несколько дней и акклиматизироваться к горному воздуху, а потом уже лезть наверх. Но воля и гордость наполняли Данло ненавистью к благоразумию — так похороненный заживо ненавидит холодные клариевые стены своего склепа. Ему казалось, что сигнал радиомаяка бьет у него в крови, как барабан, и он, задыхаясь, продолжал подниматься в гору.

Его путь пролегал по солнечным склонам, покрытым рододендронами и другими цветами. Выше начались скалы, где не росло ничего, кроме мха и рыже-зеленых лишайников. Еще выше были только голые камни, снег и лед. Когда он наконец добрался до перевала и ступил на широкую седловину, где стоял храм, сумерки уже окрасили снежные поля вокруг него серой тенью. Он мог бы разбить палатку прямо на снегу, но его целью было дойти до храма как можно скорее и заночевать в его стенах.

Данло странно было видеть здесь это здание, словно вынутое из его памяти. К его воротам по снегу не вела ни одна тропа. Храм стоял посередине широкой природной чаши изо льда и гранита, окруженный темнеющими вершинами с севера и юга. Первое впечатление не обмануло Данло: храм в самом деле был невелик. Ни одна из четырех его стен не превышала сотни ярдов. Имеющий форму правильного куба, он торчал в снегу, как чрезмерно разросшийся солевой кристалл. Если бы не органический камень его стен, он был бы, откровенно говоря, просто уродливым.

Вечерний холод уже давал о себе знать, когда Данло двинулся к храму. Дорога не отняла у него много времени. Он подошел по хрустящему снегу к воротам, похожим на обыкновенные двойные двери, — двум деревянным створкам в каменной стене. К ним вели десять пологих ступеней, и Данло поднялся по ним. Ворота были наглухо закрыты, а возможно, и заперты, и Данло постучал по их поперечному брусу своим ледорубом. Удары стали о твердое старое дерево вызвали эхо среди ледников и горных пиков. Данло постучался снова и стал ждать.

В горной тишине, в чистом воздухе, так близко от звезд даже пар от его дыхания казался грубым и слишком материальным. Данло, стоя перед безмолвной дверью, смотрел на чужие созвездия в небе. Ему казалось, что из космоса над планетой вот-вот появится «Красный дракон». В конце концов он решил открыть дверь самостоятельно. Ледорубом он отгреб снег от ее основания и сколол обнаружившийся там старый лед. Он очень устал и потому провозился с этим нехитрым делом довольно долго. Решив, что дверь ничего больше не держит, он ухватился за стальное кольцо в ней и потянул, но она не открылась. Он скинул рюкзак, уперся ногой в другую створку и стал тянуть изо всех сил — так, что мускулы напряглись до дрожи, позвоночник едва не хрустнул и шейные артерии вздулись, как змеи. Раздался скрежет заржавленной стали, и дверь стала медленно отворяться. В ознаменование своей победы Данло захотелось воздеть руки к небу и закричать, как птица талло, но вместо этого он согнулся пополам и стал ловить ртом воздух в почти полном изнеможении.

Его оживил ветер. Белое дыхание мира насытило его усталую кровь лучше всякого кислорода, и Данло втащил свой рюкзак в преддверие храма. Это высокое помещение выглядело так же, как во всех утрадесских храмах, где Данло удалось побывать. По всему его периметру стояли на мраморных постаментах статуи Николоса Дару Эде в человеческом образе. Кроме них, здесь имелись стальные скамьи, холодные световые шары, сухой фонтан, затянутый паутиной и заваленный дохлыми насекомыми, а высоко под потолком — горячие световые шары, не излучавшие больше ни света, ни тепла. На

северной стене, лицом к которой стоял Данло, были изображены важнейшие сцены из жизни Эде. Картины по крайней мере ничуть не утратили жизни, и Данло с улыбкой поглядел, как Юлиус Ульрик Эде, отец будущего бога, знакомит маленького сына в первый его день рождения с его первым учебным компьютером.

Затем Данло обратил взгляд на анализатор посреди зала. Этот зловещего вида черный ящик был приделан к блестящему хромовому постаменту, доходящему человеку до пояса. Достойному Архитектору, входящему в любой из храмов Вселенской Кибернетической Церкви, полагалось вложить в анализатор правую руку и ждать спокойно и безмолвно, стараясь не потеть, пока прибор сканирует его ДНК. Если он действительно достоин, то есть недавно прошел очищение от негативных программ и аккуратно платит Церкви свою десятину, — прозвучит мелодичная трель и лицо Архитектора на мгновение появится на северной стене, вместе с улыбающимся ему свыше Богом Эде. Но если Архитектор не очищался с прошлого года, сигнал тревоги оповестит роботов-охранников о том, что в храм вторгся недостойный.

На варварских планетах наподобие Ультимы в анализаторы вставлялись иглы со смертоносным ядом. Тот, кто осмеливался войти в храм неочищенным, чувствовал, как входит в его плоть холодная сталь, а за этим следовал страшный ожог экканы или другого яда. Данло полагал, что здешний анализатор тоже мертв, как все вокруг, однако проверять это не стал и лишь прислонил свой рюкзак к его пьедесталу. Потом поклонился сияющему на стене лику Эде и отправился исследовать другие помещения храма.

Через маленькую дверь справа он вошел в одну из гардеробных. В этой узкой комнате со скамейками и стальными шкафчиками Архитекторы мужского пола снимали уличную одежду и надевали сначала исподнее, кардалаи, а поверх молитвенные кимоно, после чего покрывали свои бритые головы специальными шапочками. Только одевшись подобающим образом, они могли войти в одну из двух дверей, ведущих во внутреннюю часть храма.

Архитектор, нуждающийся в очищении, вверял себя одному из чтецов в многочисленных очистительных камерах вдоль западной и восточной стены храма. Данло знал, что за очистительными камерами, на задах храма, находится хоспис, где умирающие Архитекторы проводят последние минуты своего человеческого существования. Там же помещается камера преображения, где их сознание копируется и помещается в вечный компьютер, — и, разумеется, крематорий, куда отправляются освобожденные от душ тела. К этому залу с большими плазменными печами примыкают кельи чтецов и старейшин. Данло представлялся редкий случай проникнуть в эти запертые помещения, но сначала он хотел побывать в двух центральных залах храма. Поэтому он, как достойный Архитектор, должным образом одетый и очищенный, открыл дверь в медитационный зал и вошел туда.

При входе у него захватило дух от изумления. Медитационному залу полагалось быть голым, просторным и настраивающим на возвышенные мысли. Здесь не должно было находиться ничего, кроме шерстяных молитвенных матов и мерцающих стен, от которых отражаются произносимые шепотом молитвы. Между тем взору Данло предстало множество разных вещей. На подставках из прозрачного кристалла, похожего на алмаз, стояли гиры, сельдаки, мантелеты, кевалиновые фигуры и шлемы различных очистительных компьютеров. Вся эта кибернетика включала в себя реликвии и святыни разных эдических сект. Один из стендов демонстрировал даже священные эдические огни Реформированной Церкви, некогда живые драгоценные огневиты, которые теперь, видимо, умерли безвозвратно.

Имелись в зале и другие вещи, используемые в обрядах этой межзвездной религии: бабри старейшин Вселенской Церкви Эде, посох-компьютер Кибернетических Пилигримов Мультиплекса, бутылка священного вина, употребляемого Отцами Эде, и копия кибершапочки самого Эде — неотъемлемая деталь таких культов, как Братство Эде, Союз Фосторских Сепаратистов и Архитекторы Вселенского Бога. Кроме всего этого, здесь невидимо для Данло присутствовали около ста священ-

ных зеркал, взятых, возможно, из ста различных церквей. Они под разными углами отражали коллекцию собранных в зале предметов, и одно из них, находящееся на виду, отразило самого Данло, который остановился перед ним, разглядывая свою бороду, отросшую за время путешествия.

Рядом со стеклянным сосудом, где хранилась голубая роза, священная реликвия Архитекторов Эволюционной Церкви Эде, Данло обнаружил стенд с дюжиной флейт и шакухачи и вспомнил, что Николос Дару Эде был выдающимся флейтистом. Улыбнувшись при мысли о совершаемом им святотатстве, Данло взял одну из флейт и прошел с ней через портал, соединяющий медитационный зал с контактным. Он надеялся, что святая святых храма окажется не столь заставленной и ее акустика будет более благоприятной для игры на флейте.

Прямо перед собой Данло увидел алтарь, покрытый белым ковром. Здесь, как и в известных своей строгостью церквях Утрадеса, на алтаре находился один-единственный предмет: точная копия вечного компьютера Эде, черный куб на зеркальной хромовой подставке. Вокруг алтаря на блестящем полу располагались аккуратными рядами сотни молитвенных матов. На каждом из них, точно посередине, поблескивал контактный шлем. Казалось, что здесь вот-вот начнется богослужение: Архитекторы в своих блистающих кимоно войдут в зал, преклонят колени на матах, возложат на себя хромированные шлемы и подключатся к вечному компьютеру на алтаре. Но в этом заброшенном храме не было Архитекторов — был только Данло ви Соли Рингесс, собиравшийся сыграть на своей новой флейте в знак своего вечного поклонения человеческой душе.

Он уже приложил мундштук к губам, когда заметил слева от себя мерцание разноцветных огней. Там, у другой двери контактного зала, стоял так называемый образник, прибор, с помощью которого Архитекторы Старой Церкви могут наблюдать чудо преображения Эде-Человека в Эде-Бога. Образники, по виду черные шкатулочки, проецировали голографические изображения Эде и одновременно исполняли функции священных личных компьютеров. Многие Архитекторы носили их с собой повсюду. Данло вспомнил, что они могут также гене-

рировать и принимать радиосигналы в целях внутрипланетной связи. Возможно, этот образник и был источником сигнала, приведшим Данло на эту Землю, — кроме того, только он один из всей храмовой кибернетики был, очевидно, включен. Данло подошел, чтобы рассмотреть его поближе.

В пыльном воздухе над черной коробочкой, усеянной сотнями электронных глаз, похожих на фасеточные глаза насекомого, ему явился Николос Дару Эде — довольно верный портрет самого знаменитого человека в истории человечества. Эде в своей первой жизни был невелик ростом, и голограмма вследствие ограниченных возможностей образника делала его еще меньше. Светящийся в воздухе, почти прозрачный Эде насчитывал не более фута от носков голубых шелковых туфель до алмазной кибершапочки на голове. При всем при том он, как и при жизни, полностью подчинял себе окружающее пространство, преобразуя его в нечто большее, чем обыкновенное пространство. Назначение всех образников состояло именно в этом: показать Эде-Человека как личность, способную преодолеть пространство, материю и время.

Данло находил иногда удовольствие в том, чтобы копировать обряды различных религий, и сейчас он тоже поклонился образу человека, жившего около трех тысяч лет назад, и подошел к нему еще ближе, желая изучить получше этот знакомый лик. Голограмма отвернулась, как бы заглядывая в медитационный зал — или, скорее, взирая на свой храм сверху, как и подобает творцу. Став к нему лицом, Данло, пожалуй, мог бы посмотреть ему в глаза, почти как реальному человеку.

Улучшенные модели образников, снабженные электронным зрением и слухом, могли получать информацию из непосредственно близкой среды. Такой образник «видел» лица склоняющихся перед ним Архитекторов, «слышал» их голоса и молитвы. Образники Старой Церкви программировали Эде, способного реагировать на слова, мимику, тембр голоса и эмоции отдельного верующего. Архитекторку, ищущую ответа на какую-нибудь жизненную проблему, он одаривал перлами мудрости из Книги Бога, сомневающегося мягко журил, дабы вернуть его на путь истинный, горестному и

больному духом являл свой божественный облик: лик его внезапно озарялся внутренним светом и озарял верующего, подобно солнцу. Данло ожидал, что голографический Эде будет вести себя согласно одному из этих почти механических режимов, но оказался не готов к тому, что случилось на самом деле. Эде при его приближении повернул к нему голову, вскинул бровь, улыбнулся с почти ехидным выражением и сказал, глядя прямо на Данло:

— Ди нисти со файенс? Ля нистенеи ито со вахаи.

Данло не знал этого языка — кроме того, он всегда чувствовал себя неловко при диалогах с роботами или компьютерными голограммами. Поэтому он только улыбнулся и промолчал.

— Он ви ло-те хи не-те иль лао-он?

Эде, далеко не красавец, отличался весьма запоминающейся внешностью. Его лицо с кофейной кожей и полными чувственными губами выглядело мягким и выражало скрытую женственность натуры. При этом Эде, если верить портрету, должен был обладать сильным характером: весь его облик излучал целеустремленность, как будто лицевые мускулы, сильные челюсти и голосовые связки служили лишь орудиями его воли. Наиболее примечательны были его глаза, черные, блестящие, говорящие о большом опыте, интуиции и проницательности. Противники Эде всегда утверждали, что взгляд у него холодный и расчетливый, как у купца, но это была неправда. У Эде взгляд мечтателя, мистика, пророка. Эде выглядел человеком, способным вместить в себя всю вселенную, человеком одержимым жаждой бесконечного.

— Паранг вас и сонгас нолдор ано?

Данло в ответ на это наконец покачал головой и сказал:

— Не понимаю.

После секундной паузы тонкий, напряженный голос Эде зазвучал снова. Голос генерировался образником, но сулки-динамики, спрятанные в черной коробке, направляли звук так, что казалось, будто слова исходят изо рта голограммы.

— Ты из Цивилизованных Миров? Думаю, так оно и есть, раз ты говоришь на основном языке.

Это развеселило Данло, несмотря на все его недоверие к искусственным интеллектам и их коммуникативным программам. Он посмеялся и подтвердил:

— Да, я говорю на основном.

— Это весьма любопытно, поскольку мы находимся очень далеко от Цивилизованных Миров.

— Очень далеко, — согласился Данло.

— Я рад, что ты говоришь на основном: это облегчит наше общение.

— Общение, — с улыбкой повторил Данло.

— Я давно уже жду случая поговорить с кем-нибудь.

Данло пристально посмотрел на голограмму:

— Значит, ты запрограммирован на разговор.

— Можно и так сказать. — Глаза Эде блестели, как органический камень окружающих его стен. — Но я выразился бы иначе: этот образник запрограммирован воспроизводить меня так, чтобы я мог говорить с тобой.

Такой ответ порядком удивил Данло. Можно было ожидать, что компьютерный образ Эде будет запрограммирован на обсуждение Доктрины Остановки или Восьми Обязанностей, необходимых для преображения каждого Архитектора. Его могли даже перепрограммировать на индивидуальность конкретного Архитектора после очищения того от грехов — но вряд ли он мог обсуждать собственные программы. Весь этот разговор, весь процесс обмена словами с голограммой, объявляющей себя воспроизведением Эде, носил весьма странный характер.

— Где же тебя... то есть образник... программировали? — спросил Данло, не зная толком, к кому обращаться: к компьютеру или к самому Эде. — На какой планете ты сделан?

— Хороший вопрос, — сказал Эде.

Данло, не дождавшись продолжения, спросил снова:

— Так где же? Может быть, ты не знаешь?

— Это выяснится само по себе в ходе нашей беседы, — уклончиво ответил Эде.

Данло медленно обошел вокруг него, чтобы увидеть лицо Эде в разных ракурсах. Но Эде поворачивал голову, следуя за

его движением, и Данло не мог избавиться от его мерцающего взгляда. Голограмма не должна была этого делать. Компьютерные Эде никогда не программировались на столь широкий диапазон двигательных реакций. Архитекторы должны смиренно ждать, когда Эде соизволит взглянуть на них, — бог не часто снисходит до простых смертных, поклоняющихся ему.

— Но зачем нужна такая программа? — спросил Данло. — Я никогда еще не видел образника, способного так поддерживать разговор.

— Нам всегда интересно, почему мы запрограммированы так, а не иначе.

Данло улыбнулся при мысли, что его — или любое другое живое существо — можно запрограммировать, как будто он всего лишь компьютер, сделанный из нейронов, синапсов и химических веществ мозга. Эта идея казалась ему невероятной.

— Но есть еще более интересный вопрос, — продолжал Эде, — а именно: кто программирует нас таким образом. А еще интереснее вот что: кто программирует программиста?

Эта кибернетическая метафизика вызвала у Данло, помимо улыбки, некоторое раздражение, и он подумал, не выключить ли ему изображение. Когда голограмма Эде уйдет в свое программное небытие, ему, возможно, легче будет определить, не этот ли образник подает сигналы, приведшие его на планету. Данло снова обошел вокруг, выискивая на черных стенках выключатель, но не обнаружил ничего, кроме сотен электронных глаз, глядящих на него, как на странное, недоступное их пониманию существо. Должно быть, этот образник, как многие другие, активизировался человеческим голосом — возможно, он реагировал на голос любого человека, почти без ограничений. Данло хотел уже сказать «выключись», но тут увидел, что Эде смотрит на него. На светящемся лике бога последовательно и очень быстро сменялись выражения тревоги, сожаления, горя, гнева, гордости, ликования и снова тревоги. Это поражало, поскольку образы Эде программировались только на мудрость, безмятежность, радость и порой любовь.

— Пожалуйста, не выключай меня, — сказал Эде.

— Откуда ты знаешь, что я собираюсь тебя выключить?

— У меня много глаз, и я многое вижу.

— Неужели ты способен читать мою мимику? Ты работаешь по цефической программе, да?

— Мои программы очень разнообразны. И основной алгоритм велит мне просить тебя, чтобы ты меня не выключал.

— Понятно. Тебе приходится *просить* об этом.

— У меня нет ничего, кроме слов.

— Выходит, выключить тебя очень просто?

— Просто, если знаешь нужное слово.

— А ты его знаешь, это слово?

— Знаю, но не скажу.

— Понятно.

— Ведь стоит мне произнести его, и я выключусь.

— Значит, спрашивать его у тебя бесполезно?

— Само собой. Но зачем ты вообще хочешь меня выключить?

— Я хочу обнаружить источник радиосигнала. У меня есть предположение, что именно этот образник его и подает.

Лицо Эде внезапно выразило облегчение.

— Разумеется, это он, — с улыбкой подтвердил образ. — То есть я.

— Ты говоришь так, словно вы с этим компьютером идентичны.

— Он работает по моей программе. Разве ты не говоришь о своем теле и мозге как о том, что идентично тебе?

— Иногда говорю, — признался Данло. Он не стал говорить улыбающемуся образу, что когда-то думал о себе как о сплаве своего бессмертного «я» с другим «я», представляющим собой белую птицу, называемую снежной совой. — Но я-то ведь не компьютер.

— Я тоже не только компьютер, — самодовольно поведал Эде.

— Кто же ты тогда?

Эде ехидно улыбнулся и произнес:

— Исх Алла мабуд дилла. Я программа, программист и тот, кого программируют.

Данло, помнивший много стихов на древнеарабском, улыбнулся этой цитате.

— Бог есть любовь, любящий и возлюбленная — но ты-то не Бог.

— Почему же? Разве я не Бог Эде?

При этих словах лик Эде наконец-то принял подобающее ему выражение мудрости, безмятежности, радости и, разумеется, любви. Глаза его вспыхнули, и все лицо озарилось золотым сиянием, как солнце. Данло стало больно смотреть на него, и он прикрыл глаза рукой.

— Ты всего лишь изображение Эде в образе человека. И даже будучи богом, Эде был Богом не более, чем пыль у меня под ногами. Не более... и не менее.

Лицо Эде выразило беспокойство.

— Ты говоришь о Боге Эде в прошедшем времени.

— Для обыкновенного образника ты очень наблюдателен.

— Я же сказал: у меня много глаз.

— И знаешь ты много разных вещей.

— Нет — очень мало. И трагичнее всего то, что в моей памяти почти не осталось места для новой информации.

— Но ты знаешь, что запрограммирован посылать сигналы в космос, да?

— Разумеется.

— Для чего ты это делаешь? И зачем нужен весь этот храм? — Данло показал на сельдак, поблескивающий на своей подставке в смежном зале. — Зачем тебя запрограммировали на то, чтобы ты зазывал сюда путешественников?

Данло потер ноющий лоб, с трудом дыша здешним затхлым воздухом. В этом храме он чувствовал себя как в компьютере. В старом, пыльном компьютере.

— Скажи хотя бы, кто тебя программировал? Настоящий Бог Эде?

— Ты задаешь трудные вопросы.

— Ну извини.

— Дело не в том, конечно, что я не могу на них ответить. Но моя программа обязывает меня соблюдать определенные предосторожности.

— Понятно.

— Если бы я сам мог спросить тебя кое о чем, то ответы на твои вопросы, возможно, всплыли бы сами собой.

Данло улыбнулся, несмотря на испытываемое им раздражение, и сказал:

— Хорошо, спрашивай.

— Прекрасно. Я вижу, ты человек разумный.

— Спасибо.

— Мой первый вопрос таков: где ты был, когда принял мой сигнал?

— В трехстах милях над этой Землей. Совершал свой четырнадцатый оборот по ее орбите.

— Понимаю. Каким образом ты его принял?

— Моя корабельная рация запрограммирована на поиск таких сигналов.

— Ясно. Ты летал вокруг планеты на корабле?

— Что ж по-твоему — я на крыльях там летал?

— Я вижу, ты любишь отвечать вопросом на вопрос.

— А что, нельзя?

— Я вижу, ты любишь дразнить своих собеседников.

— Извини, — сказал Данло, глядя в блестящие черные глаза Эде. — Я, наверно, был груб, да?

— Человеку это свойственно, не так ли?

— Возможно, но только не мне. Меня учили, что мужчина не должен вести себя грубо ни с кем — ни с другим мужчиной, ни с женщиной, ни с ребенком. — Ни с животным, добавил Данло про себя, ни с деревом, ни с камнем, ни даже с убийственным западным ветром, дующим ночью. Мужчина должен быть правдив и вежлив со всем, что есть в мире, даже с фигурой, светящейся над компьютером. — Извини меня. Я просто не привык вести такие сложные разговоры... с искусственным разумом.

Лицо Эде превратилось в непроницаемую маску, но глаза заблестели еще ярче, как будто его программа при всей своей сложности не могла скрыть его интереса к словам Данло.

— Тебе часто приходилось говорить с разновидностями такого разума?

— Нет, не часто.

— Общался ли ты с представителями такого разума на пути сюда?

— Возможно, да, а возможно — и нет. — Данло не совсем четко представлял себе, к какому виду разума отнести лунные мозги Тверди.

— Возможно, да, а возможно — и нет, — с механической улыбкой повторил Эде. — Право же, ты очень внимателен. Ты запомнил, что в моей памяти осталось совсем мало места, и решил не загружать меня новой информацией.

— Извини еще раз. — Данло сейчас не хотелось рассказывать ни этой голограмме, ни кому бы то ни было о своем путешествии в Твердь.

— Иногда бывает трудно определить, какой разум искусственный, а какой нет.

— Да, пожалуй.

— Но ты сказал, что тебе уже приходилось общаться с разумом, который ты называешь искусственным.

— Да — на моей родной планете. В городе, где я учился, много компьютеров. И много ИИ-программ.

— Каких программ?

— ИИ. Искусственного интеллекта. Цефики моего ордена иногда называют их Я-программами. В насмешку над верой в то, что компьютер может обладать самосознанием.

— Понимаю. Видимо, цефики твоего Ордена — люди старозаветных взглядов.

— В общем, да, кроме кибершаманов. Эти любят компьютеры. — Данло на миг прикрыл глаза и увидел перед собой алмазную кибершапочку на бледном черепе и холодные, как смерть, бледно-голубые глаза. — Кибершаманы иногда называют ИИ-программы божественными.

— Мне это представляется более подходящим названием.

— Может быть.

— Ты говоришь о том Ордене, который помещается в городе Невернесе?

— Да.

— Значит, я могу заключить, что ты пилот этого Ордена?

— Да.

— Далеко же ты тогда залетел, пилот, на своем алмазном корабле быстрее света — забыл, как они у вас называются.

— Легкие корабли.

— Да, верно. Но как тебе удалось провести свой легкий корабль через давно уже непроходимую часть галактики?

— Нас учат преодолевать такие пространства — и Экстр в том числе. Мы умеем прокладывать маршруты в мультиплексе с обратной стороны этих диких звезд.

— Я думал, что мультиплекс под Экстром не поддается маршрутизации.

— Да... почти не поддается.

— Итак, ты прошел путь длиной в двадцать тысяч световых лет.

— Да.

— Один? По маршрутам, которые составлял самостоятельно?

— Да. Пилот в мультиплексе всегда один.

— Ты входил в мультиплекс и пилотировал свой корабль без посторонней помощи?

— Разумеется.

— Но что-то ведь помогло тебе отыскать эту планету?

Данло промолчал, и Эде заговорил снова:

— В Экстре сто миллионов звезд — а может быть, втрое больше. Что же привело тебя к этой Земле — чудо?

Глаза Эде сверлили Данло, как лазеры, и Данло чувствовал, что сотни компьютерных глаз тоже сфокусированы на его лице. Компьютер, снабженный цефической программой, способен определять, правду говорит человек или лжет.

— Мне назвали координаты звезды поблизости от этой Земли, — сказал Данло.

— И кто же дал тебе эту информацию?

Данло шумно выдохнул и признался голографическому Эде, что побывал в Тверди. Он лишь вкратце упомянул об испытаниях, которым подвергся на берегу океана, а о своих отношениях с Твердью, воплотившейся в образе Тамары, вообще не сказал ни слова. Не упомянул он также о том, что ищет своего отца, и о преследующем его воине-поэте. Зато он не скрыл от

Эде, что ищет планету Таннахилл, где живут Архитекторы Старой Церкви, уничтожающие звезды во имя своих доктрин.

— Весьма примечательная история, — сказал Эде, чье лицо выражало откровенное облегчение. — И только незаурядный человек мог добыть у Тверди информацию такого рода.

— Ты знаешь Ее, да? Знаешь что-то о Ней?

Но Эде, видимо, не желал сейчас говорить о Тверди. Его интересовала тайна появления Данло на этой Земле, а может быть, и тайна самого Данло.

— Ты незаурядный человек, — повторил он. — Могу я узнать твое имя?

Данло не знал, какое имя назвать этой дотошной голограмме. Когда-то его звали Данло Диким, а один добрый, покрытый белым мехом инопланетянин назвал его Данло Миротворцем. Были у него и другие имена: первое, которым его называли в племени; имя его анимы, принимающее участие в творении мира, и его духовное, тайное имя, которое он мог шепнуть только ветру.

— Меня зовут Данло ви Соли Рингесс, — сказал он наконец.

— Прекрасно. Позволь и мне представиться: я Николос Дару Эде.

— Само собой, — улыбнулся Данло.

— Я ждал здесь долгие годы, когда кто-нибудь примет мой сигнал.

Данло со вздохом потер лоб и нагнулся, чтобы растереть ноги. Восхождение на гору утомило его не меньше, чем разговор с этим образником, работающим по странным программам. Данло хотелось уйти от него и осмотреть оставшуюся часть храма, а потом расстелить спальник, поесть холодного курмаша, сухарей и сушеных кровоплодов и попытаться заснуть. Но что-то в этом смешном однофутовом Эде не позволяло ему уйти. Он чувствовал, что в черной глазастой шкатулке, производящей эту голограмму, содержится какая-то ценная информация. Возможно, где-то в памяти образника закодирована электронами или световыми импульсами тайна смерти одного из величайших богов галактики — нужно только найти доступ к этой информации. Стоит только назвать пароль, и образник,

проделав невероятно сложную серию логических решений, как это происходит у всех искусственных интеллектов, устами Эде скажет Данло то, что он хочет знать.

В этот момент Эде, словно прочтя мысли Данло, молвил с провокационной улыбкой.

— Я дверь; постучи, и она откроется.

Данло закрыл глаза, слушая собственное дыхание. В передней части храма свистал, влетая в открытую им дверь, ветер. Потом где-то в глубине Данло отворилась другая дверь, и он понял. Только что речи голографического Эде были для него загадкой, и вдруг его разум наполнился холодным, чистым светом знания. Он понял, кто запрограммировал образник.

— Ты правда Николос Дару Эде, — сказал Данло. — Бог Эде — то, что от него осталось.

Данло стоял, прикрыв ладонью глаза, и видел внутри себя то, что случилось задолго до его рождения. С холодной и страшной ясностью он смотрел в дверной проем памяти, заложенной внутри памяти, и видел там только войну, бесконечную войну. Взрывались звезды и водородные бомбы, использовались пули и компьютерные вирусы, искусственные сюрреальности, ножи и оружие чистого сознания, которое даже боги не понимали до конца. Война эта началась не позднее пятнадцати миллиардов лет назад, с возникновением первых галактик из первичного огненного шара, что астрономы считают началом вселенной. А может быть, она не имела ни начала, ни конца и была столь же вечной, как планы и страсти Бога. Но какой бы ни была причина этого вселенского побоища, ту стадию войны, которой предстояло стать составной частью жизни Данло (и миллиардов других людей от Цивилизованных Миров до Экстра), можно было проследить до искры, вспыхнувшей около восьми тысяч лет назад, в конце Потерянных Веков. Этой искрой послужило создание Кремниевого Бога на Фосторе.

Архитекторы и ученые Фосторы строили будущего бога на крошечной безвоздушной луне. Они заминировали этот шарик изо льда и камня водородными бомбами на случай, если будут вынуждены уничтожить плод своего творчества, и стали ждать. Они ждали, как будет развиваться компьютер, первоначально

запрограммированный на приобретение знаний и контроль над материей, если дать ему полную свободу от человеческой морали и этических ограничений. Их гипотеза предполагала, что дьявольская машина разработает собственную этику и собственный моральный императив, превышающие общечеловеческие понятия добра и зла. Они мечтали создать сущность, глубоко понимающую объективную реальность, божество, новую форму жизни, стоящую настолько же выше их, насколько они сами стоят выше червей. Они надеялись, что этот бог откроет им тайны вселенной — а может быть, и назначение трагикомического вида безволосых обезьян, начавших свою галактическую эпопею на Старой Земле около двух миллионов лет назад.

Но как только первый световой импульс пронизал оптические волокна его мозга, в первую миллионную долю секунды после обретения им самосознания (если компьютеру все-таки доступно самосознание), Кремниевый Бог возненавидел создавших его людей. Он охотно объявил бы войну фосторским ученым и всему прочему человечеству, но вот этого-то, согласно своей базовой программе, он сделать как раз и не мог. Поэтому он нашел способ сбежать от своих создателей. Под скалистой поверхностью луны, на которой его держали, он втайне построил космические двигатели, в тысячу раз мощнее, чем у легкого корабля, а затем открыл окно в мультиплекс. Фосторские астрономы, наблюдавшие космос в свои телескопы, с изумлением увидели серебристый блеск этого открывшегося окна и стали свидетелями того, как Кремниевый Бог вместе со своей луной исчез из их звездного сектора.

Прошло еще пятьдесят веков, и мастер-пилот Ордена Ананда ви Сузо обнаружил, что Кремниевый Бог вышел из мультиплекса и обосновался в туманности примерно за шесть тысяч световых лет от Фосторы, в неисследованных областях рукава Ориона, дальше Солнца и Двойной Радуги. Там он, поглощая звездный свет и многочисленные планеты, вырос в настоящего бога. Там на протяжении пяти тысячелетий он вел войну с богами человеческого происхождения, а другие боги, такие как Твердь и Апрельский Колониальный Разум, вели войну с ним.

Все это Данло увидел внутри себя, в том заветном месте, которое, не будучи ни пространством, ни временем, ни материей, вмещает в себя и эти три категории, и то, что когда-либо было или могло быть. Перед Данло разворачивалась история великой битвы между Кремниевым Богом и Богом Эде. Эту битву можно было разделить на три отчетливые фазы (или действия). В первом действии, занявшем более тысячи лет, оба этих бога обнаружили друг друга через разделяющий их океан звезд. Оба они, запрограммированные контролировать материальную вселенную и развиваться, очень походили друг на друга, и было только естественно, что каждый из них начал изыскивать средства контроля над своим соперником и уничтожения его. На протяжении тысячи лет человеческого времени у них шла борьба за накопление знания. Они засылали друг другу в мозг корабли-шпионы и перекрывали потоки тахионов, с помощью которых каждый бог держал связь сам с собой. Они заражали один другого миллиардами микророботов, способных проникать в компьютерные схемы, раскрывая их логику и прочее глубинное программирование. Тысячу лет они использовали информационные вирусы и дезинформацию в попытках захватить контроль над программами противника, но ни один так и не преуспел в этом.

Затем Кремниевый Бог предложил перемирие и даже союз. Он предложил Эде план раздела галактики — с тем, чтобы где-то через десять миллиардов лет поделить также все галактики местного скопления, а затем и сверхскопления, а когда-нибудь и всю вселенную. Этот план он представил в виде сюрреальности; возможно, еще ни один бог или компьютер в галактике Млечного Пути не создавал столь сложной и детальной модели будущих событий. Эде следовало бы отнестись с большой осторожностью к такому дару своего врага и отвергнуть его по аналогии с человеком, которому соперник подает кубок с вином.

Но Эде всегда страдал повышенным самомнением — оно и побудило его в свое время преобразиться из человека в высшее существо. Поэтому он решил принять дар. Поставив предохранители против ядовитых программ, он открыл свои световые схемы соблазнительной сюрреальности, созданной Крем-

ниевым Богом. Он недооценил мощность этого древнего машинного интеллекта. Когда звездный мозг Эде наполнился заманчивыми перспективами великолепного будущего, Кремниевый Бог предательски предпринял новую атаку. В сюрреальности были скрыты копии его программ, которые он замаскировал под алгоритмы самого Бога. Пока Эде упивался видениями, где он представал богом богов, а может быть, и единственным Богом вселенной, программы того, кого он назвал Другим, уже просачивались в его мастер-системы.

Так началось второе действие их битвы. Менее чем за тысячу секунд — вечность в жизни компьютера — охранные программы Эде стали отказывать и пали одна за другой, а враг стал захватывать контроль над его операционными системами. С падением последних оборонительных рубежей Эде грозила опасность потерять контроль над материальными компонентами своего тела и мозга. Хуже того — над своим разумом.

Так начался третий, финальный акт. Ни одна из моделей будущего, составленных самим Эде, не содержала даже намека на возможность такой катастрофы, поэтому он оказался не подготовлен к дальнейшим действиям. Но беспомощности он не проявил и надежды не утратил. Еще до своего преображения в бога он был непревзойденным мастером компьютерной оригами, искусства склеивать отдельные части компьютера в единое целое. Теперь он с не меньшим мастерством занялся расклейкой частей. Лишившись основной части своего мозга, он решил покинуть ее. Другой пожирал заживо миллионные слои его схем, порабощая Эде, но Эде не для того покинул самую крупную и мощную долю своего мозга, чтобы оказаться включенным в мозг вероломного машинного бога. Сократив свои программы и память, он закодировал их в тахионный импульс, а затем задействовал энергию нулевых точек пространства-времени в своем мозгу и разлетелся на обломки, обнаруженные Данло на орбите звезды Эде.

Он надеялся таким образом уничтожить Другого и не оставить врагу ни кусочка своих алмазных схем. Эде разбил тахионный сигнал на миллион отдельных лучей и направил их на миллион более мелких долей своего мозга, обращавшихся вок-

руг соседних звезд. Почти мгновенно, менее чем за тысячу наносекунд, его мастер-программы восстановились в миллионах этих лунных мозгов. Но Другой продолжал преследовать его. Как пиявка, присосавшаяся к человеческому глазу (или, скорее, как ретровирус, внедрившийся в ДНК носителя), Другой внедрился в мастер-программы Эде, в его память, в самую его душу.

Эде снова сократился, закодировал свои программы в виде сигнала и со скоростью бесконечно больше световой восстановил себя в еще более мелких долях мозга, расположенных у более дальних звезд. И снова уничтожил оставленные за собой компьютерные схемы. Но и тогда он не смог полностью освободить свои программы от Другого и потому сокращался еще много раз. Его душа, самое его «я» таяли бит за битом, а сознание разлеталось, как пушинки одуванчика, в космических пространствах.

Наконец, сократившись из огромного галактоида в нечто, что едва ли могло называться богом, он обнаружил, что раздроблен на миллионы компьютерных долей, многие из которых были не больше валунов. Но даже и тогда Другой не покинул его. Эде, как гладыш, который спасается от лисы в самую глубокую из своих нор, оказался в западне. 99,9999 процента его великого и прекрасного мозга было уничтожено, и у него не осталось ни запасных схем, ни техники, чтобы исполнять свои программы и сохранять свою память. И тогда Бог Эде — то, что от него осталось, — принял самое трудное в своей жизни решение. Он уничтожил все части своего мозга, кроме одной, и произвел окончательное сокращение. Эту духовную хирургию, которую он применил к самому себе, лучше было назвать ампутацией, в действительности же это было нечто еще худшее — хуже даже, чем мучения зверя, отгрызающего себе лапу, чтобы уйти из капкана. В конце третьего акта своей битвы с Кремниевым Богом, занявшего миллионную долю секунды, Эде попросту ликвидировал все программы, операционные системы, алгоритмы, виртуальные пространства, маршруты, язык и память, не имеющие жизненно важного значения для его личности как Эде.

После этой последней, жесточайшей чистки Эде счел, что наконец освободился от Другого до последнего бита. И написал свою последнюю программу. В своем паническом стремлении выжить любой ценой он заложил эту программу в обыкновенный радиосигнал и послал свою душу в черные пространства вселенной. Для него это было предельно примитивным действием, но он не имел больше техники, чтобы генерировать тахионы или хотя бы высокочастотный лазерный луч, который мог вместить гораздо больше информации, чем любая радиоволна. Итак, после тысячелетий персональной эволюции, после своего онтогенеза в одного из величайших богов галактики, после всех надежд, и видений, и грез о бесконечном Эде стал пучком невидимых радиоволн, струящихся через вакуум с мучительно низкой скоростью света. Он стал информацией, закодированной в виде примитивного импульса с модулируемой амплитудой и умеренной частотой; он стал криком в ночи, душой, блуждающей в поисках дома, последним вздохом умирающего.

Случилось нечто близкое к чуду, когда слабеющий радиосигнал, пропутешествовав в космосе долгие годы, дошел наконец до Земли, на которой стоял теперь Данло. Чудом было то, что на этой планете, в забытом храме, некогда построенном Эде, все эти века стоял включенный, открытый музыке звезд образник, способный принимать радиоволны. Цепь чудес завершилась тем, что человек по имени Николос Дару Эде, закодировавший себя в виде компьютерной программы, обрел наконец приют в примитивнейшем церковном приборе. Да, это было чудо, но ведь всякая жизнь — это чудо, даже жизнь бога, который умер и все-таки отчасти, таинственным образом, остался жив.

— Ты — это Он, — повторил Данло. Он смотрел на голограмму, а та смотрела на него с полнейшим изумлением на сияющем лице. — Его базовая программа, уцелевшая после битвы.

— Итак, ты знаешь, — сказал Эде, всматриваясь в полные странного света глаза Данло. — Но откуда? Как ты можешь это знать?

Данло опустил глаза на пыльный пол храма. Шесть лет назад, в темном коридоре невернесской библиотеки, он вот так же заглянул в свою глубокую память, и чудодейственное умение складывать целое из мельчайших фрагментов впервые расцвело в его сознании. Но как мог он объяснить это свое странное и таинственное свойство компьютеру?

— Откуда вообще берется знание? — сказал он. — Откуда мы знаем то, что знаем?

— Ты действительно хочешь, чтобы я ответил на этот твой вопрос, Данло ви Соли Рингесс? Моя программа содержит ответы на все знаменитые философские заморочки человечества.

Данло, ошарашенный этим предложением, медленно покачал головой и улыбнулся.

— Меня часто интересовало, что может знать компьютер. Что подразумевают Архитекторы и программисты, говоря, что компьютер «знает».

— Значит, ты не принадлежишь к школе, признающей, что ИИ-программы способны дать компьютеру самосознание? Ты в это не веришь?

— Верить — это не для меня. Я хотел бы знать.

— Следовательно, ты сомневаешься в том, что я обладаю таким же сознанием, как и ты...

— Да. Мне жаль, но я сомневаюсь.

— Ты сомневаешься — и все же стоишь здесь и говоришь со мной, как если бы я обладал таким же сознанием, как любой человек.

— Да, верно.

Эде улыбнулся своей ехидной улыбкой и спросил:

— Если бы ты закрыл глаза, то знал бы, что говоришь с компьютером?

— Выходит, это единственный тест на степень сознания?

— Этот тест освящен временем, разве нет? Древний бродячий тест.

— Это верно, но ведь есть и другие?

— Какие, например?

Данло со вздохом повернулся и пошел обратно в медитационный зал. Пройдя мимо приборов и стенда с флейтами, он

остановился у голубой розы под стеклянным колпаком, на которую еще прежде обратил внимание. Снова улыбнувшись своему святотатственному акту, он прижал ладони к стеклу, поднял куполообразный футляр и осторожно поставил его на пол. Потом взял розу за стебель, твердый, почти как деревяшка, и поднял ее на вытянутой руке, желая рассмотреть этот символ невозможного при свете. Ее лепестки голубели нежно, как у снежной далии. Посмотрев на цветок, Данло вернулся с ним в контактный зал. Эде, паря в воздухе, наблюдал за ним с большим подозрением.

— Видишь этот красивый цветок? — спросил его Данло.

— Естественно. Зрение у меня хорошее.

— Возьми ее, — предложил Данло, протягивая ему розу.

Голограмма протянула ему навстречу свою ручонку, но бесплотные пальцы, охватив цветок, только осветили голубые лепестки еще ярче.

— Этого я, разумеется, не могу.

— Верно, не можешь. — Данло с грустной улыбкой погладил пальцем лепестки, прохладные и нежные, как шелк. — А жаль.

— Почему жаль?

— Потому что тебе очень трудно понять, реален этот цветок или нет.

— На вид он реален.

— Да, — признал Данло, рассматривая тоненькие прожилки на цветке.

— Тем не менее я прихожу к выводу, что цветок искусственный. Было бы слишком трудно сохранить настоящий цветок живым в этом храме — даже в клариевой холодильной камере, даже в криддовом контейнере.

Данло снова потрогал розу, и клетки его кожи, соприкоснувшись с шелковой гладкостью лепестков, сказали ему, что она ненастоящая.

— Верно, цветок искусственный, — сказал он.

— Вот видишь — мы оба это знаем.

— Нет. Я знаю, а ты нет. Ты пришел к этому с помощью дедукции.

— Не вижу разницы.

— Эта разница вмещает в себя всю вселенную.

Лицо Эде стало непроницаемым, и он умолк впервые за весь разговор.

— Говорить с компьютерным изображением — все равно что смотреть на искусственный цветок, — продолжал Данло. — На вид ты тоже реален, но...

— Но что?

— Я не могу потрогать тебя. Твое сознание. Твою душу.

— Я так же реален, как и ты, — помолчав, возразил Эде.

— Нет. Ты всего лишь программа, руководящая движением электронов в схемах твоего мозга.

— Мое сознание ни в чем не уступает твоему.

— Но как же это возможно?

— У меня такое же сознание, как у всякого человека.

Жизнь сознается через боль, вспомнил Данло. Глядя на разноцветные огоньки, составляющие лицо Эде, он задумался над этим изречением, столь близким его сердцу. Это и есть мой личный тест на степень сознания, понял он: способность чувствовать боль.

Он сказал об этом Эде, и тот ответил:

— Есть разные виды боли.

— Да. — Данло зажал рукой глаз, борясь со знакомой, прошивающей голову болью. — Но боль — всегда боль. Она всегда... ранит.

— Когда-то я был человеком, во многом похожим на тебя, — напомнил Эде. — И страдал от физической боли, как всякий человек. Когда я поместил свой разум в компьютер и покинул тело, я думал, что избавился от боли навеки. Но духовная боль сильнее физической. Бесконечно сильнее.

— Я это уже слышал.

— Думаешь, это не больно — покинуть свое тело и преобразиться в световые штормы своего компьютера?

— Откуда мне знать?

— Думаешь, я не страдал три тысячи лет от страха потерять какую-то важнейшую часть моего человеческого «я» — потерять себя — в этой огромности?

— Я не знаю.

— А когда я раз за разом сокращал себя в своей битве с Кремниевым Богом — по-твоему, это самоурезание не приносило мне мучений?

— Может быть. Или ты просто запрограммирован на то, чтобы называть это мучениями.

— Можешь ты себе представить, что значит быть богом?

— Нет.

— Я скажу тебе. Если бы я захотел, то мог бы в миллионную долю секунды передумать все мысли, хранящиеся в библиотеках человечества.

— Мне... жаль тебя, — сказал Данло.

Лицо Эде приняло горестное выражение.

— Я потерял почти все. Даже ту великую сюрреальность, с помощью которой Кремниевый Бог уничтожил меня. Ее прежде всего. Не могу тебе сказать, насколько она была совершенна. По красоте. По деталям. Я *видел*, как переделывается вселенная, видел чуть ли не до последней молекулы. Видел, как преображаюсь я сам, становясь еще огромнее. Видел системы собственной развертки и связи, видел, как буду создавать информационные экологии, которых эта вселенная еще не знала. Я понимал, что это будет такое — знать по-настоящему. Знать почти все. А теперь я все забыл. У меня осталась только память о моей памяти, да и то совсем слабая.

Данло стоял, вертя в пальцах стебелек голубой розы, и слушал рассказ Эде о том, чего тот лишился. Эде, по его словам, восстановил историю галактики Млечного Пути. Начинаясь от зажигания первых звезд, она охватывала возникновение звездных систем и появление таких рас, как Шакех, Эльсу и божественная Эльдрия. Все это теперь забыто, как и секрет уничтожения Кремниевого Бога, который Эде узнал в самом конце их битвы. Забыл он и поэму, которую складывал тысячу лет. Он помнил только причину, по которой задумал ее сочинить: ему захотелось соблазнить одну богиню, живущую в Вальдианском скоплении галактик, которое лежит в пятидесяти миллионах световых лет по направлению к скоплению Ярмиллы. Это он помнил, но сами

стихи стерлись из его памяти. И неудивительно, сказал он: ведь каждое из шестидесяти шести триллионов «слов» этой поэмы было само по себе массивом информации, представленным в изящных фрактальных образах.

— Терять по частям самого себя — мука невыразимая, — сказал Эде, — но это еще не самое страшное.

— Что же страшнее?

— Не знать.

— Не знать чего?

— Не знать, действительно ли я — это Я. Не знать, кто я на самом деле.

— Мне жаль тебя, — сказал Данло. Гримаса, которую мимическая программа Эде изобразила на лице голограммы, выглядела весьма убедительно: можно было подумать, будто Эде и правда испытывает сильную боль.

— Кремниевый Бог *убивал* меня, — сказал Эде. — У меня оставались считанные наносекунды, чтобы написать финальную программу себя самого. Значит, эта программа и есть мое «я» — если это «я» вообще где-то есть.

Данло кивнул, прижимая к губам лепестки искусственной розы, и Эде рассказал ему, как трудно писать такую программу второпях. Рассказал, как досадовал из-за необходимости втискивать свое огромное «я» в тип личности, не могущий вместить во всей полноте реального Эде. Но иного выбора у него не было. С помощью набора человеческих качеств, взятых из таких источников, как Эннеаграмма*, цефическая система вселенских архетипов и старая земная астрология, он слепил персону, личность, себя. Для ИИ-программы это была тонкая работа, хотя и не совсем тщательно выполненная. Эде, естественно, остался недоволен и ей, и тем собой, каким стал теперь.

— Где зеркало, в котором я мог бы увидеть свое отражение? — вопрошал он. — Как мне узнать, что я — это я, Николос Дару Эде?

— Я тоже не знаю, кто ты, — сказал Данло, глядя на голубую розу. — Личность, сознающая свое сознание, или только программа для управления машиной. Но ты — это ты, правда?

---

* Описание девяти древнеегипетских божеств.

вот настоящее чудо. Ты не можешь быть ничем, кроме того, что ты есть. Разве этого мало?

— Да. Этого мало.

— Ну... извини тогда.

— Есть кое-что, чего я хочу, я запрограммировал себя хотеть этого больше всего.

— Что же это?

Глаза Эде вспыхнули, и он сказал:

— Хочу снова стать человеком.

— Нет! — в изумлении воскликнул Данло.

— Хочу снова быть человеком, иметь тело и дышать воздухом.

— Но ты сам сказал...

— Я сказал, что существование в виде чистого разума неизмеримо выше человеческого. Но что, если я заблуждаюсь? Я хочу знать, так ли это. — Эде посмотрел на цветок в руке Данло. — Хочу снова почувствовать себя живым. Хочу опять нюхать розы. Боюсь, я уже позабыл, что это такое — реальная жизнь.

— Ты хочешь невозможного, — с грустью ответил Данло, покачав головой.

— Вероятно. Но голубая роза на Старой Земле тоже считалась чем-то невозможным, пока ботаники не вывели ее в конце Веков Холокоста.

— Человек — не роза.

— Я думаю, что Твердь овладела секретом воплощения, — с надеждой на лице сказал Эде. — Мне кажется, Она воплощается в человеческую оболочку с легкостью анималиста, создающего свои персонажи.

— Возможно, ты прав. — Данло потупился, не желая рассказывать Эде о неудачном воплощении Тверди в Тамару.

— Есть и другой способ — маловероятный, но все же возможный.

— Да?

— Ты сказал, что ищешь планету Таннахилл. Планету Архитекторов Старой Церкви.

— Ее ищут многие пилоты моего Ордена.

— Архитекторы всегда поклонялись мне как Богу, — с лучистой, как солнце, улыбкой заявил Эде. — Как ты полагаешь, что сталось с моим телом, когда я поместил свое сознание в мой вечный компьютер?

— Не знаю.

— Сказать тебе?

— Скажи, если хочешь.

— Обычно Архитекторы после церемонии преображения сжигают своих мертвых. Но я думаю, что мое тело хранится в храме на Таннахилле — оно стоит там, замороженное в клариевом склепе.

— Но твое преображение состоялось почти три тысячи лет назад!

— Так давно? Верность моей паствы поистине беспредельна.

— Но зачем? К чему это шайда-погребение?

— Архитекторы чтят все, что имеет отношение ко мне — и в жизни, и в смерти. Даже мою старую и вполне человеческую плоть: она как нельзя лучше напоминает им, что тело без оживляющей его программы души — всего лишь пустая шелуха.

— Но три тысячи лет...

— Для меня это было как будто вчера. Всего миг назад.

— Но молекулы, даже замороженные, нестабильны. За столько веков... И потом, этот процесс преображения, сканирование синапсов — ведь это разрушает мозг?

— Возможно.

— Во время преображения карта синапсов мозга моделируется как компьютерная программа, но сам мозг умирает. Такова цена помещения человеческого разума в компьютер, ведь так?

— В общем, да, — с хитрой улыбкой подтвердил Эде, — но в любом преображенном мозгу могут остаться молекулярные следы синапсов. Значит, синапсы, а с ними и мозг можно восстановить.

— Ты правда веришь в это?

— Это моя надежда.

— Значит, ты надеешься получить свое тело назад?

— Да.

— Восстать из мертвых... — прошептал Данло и прижал руку к пупку, подавляя внезапную дрожь. — Ты хочешь вернуть свое сознание в свое старое тело?

— Да. Хочу жить опять. Что в этом плохого?

Данло постоял секунду с закрытыми глазами и сказал:

— Но ты здесь, на этой забытой Земле, а тело твое на Таннахилле.

— Да, пилот. Мое тело.

— Таннахилл где-то дальше... в глубине Экстра.

— Хочу опять увидеть его, мое старое тело. Ощутить его изнутри.

— Так ты знаешь, где находится Таннахилл?

— Нет. Знал раньше, но забыл.

— Жалость какая.

— Но есть другие, которые могут это знать.

— Другие? Кто они — люди?

— В основном да.

— А где они живут?

— В центре Экстра, среди наиболее диких звезд. На других Землях, созданных мной.

— Ты знаешь координаты этих звезд?

— Знаю.

— И назовешь мне их?

— Только если ты пообещаешь взять меня с собой.

— Взять? Куда — в грузовой отсек?

— Нет, пассажиром. Как соискателя несказанного пламени и других вещей.

Данло потер лоб и вздохнул.

— Хорошо, если хочешь, я возьму тебя в кабину.

— Ты должен пообещать мне еще одно. — Эде улыбался — очевидно, он без труда читал все, что было написано на лице Данло.

— Что именно?

— Обещай, что, если мы найдем Таннахилл, ты поможешь мне вернуть мое тело.

— Это будет трудно.

— Что трудно — пообещать или выполнить?

— И то, и другое.

— Я прошу только твоей помощи — что в этом плохого?

Данло снова потер лоб, вспоминая.

— Умершие мертвы. Это шайда, когда мертвые оживают.

— Но я-то не умер. — Эде мигнул и стал ярким, как световой шар. — Я такой же живой, как и ты — почти.

— Если даже ты не скажешь мне координаты этих звезд, я все равно могу их найти.

— Возможно.

— И Таннахилл я могу найти без тебя, а вот ты без меня никогда не покинешь эту Землю.

— Ты хочешь сказать, что преимущество на твоей стороне.

— Верно.

Глаза голограммы приобрели сходство с черными дырами, вбирающими Данло в себя.

— Но ты, как мне известно, не любитель торговаться.

Данло подумал о купцах, спорящих о цене фравашийского ковра, и червячнике, ведущем торг с проституткой за ее татуированное тело.

— Это правда. Терпеть не могу торговаться.

— Тогда помоги мне, пилот. Пожалуйста.

Данло смотрел на Эде, горящего компьютерными огнями, и ему начинало казаться, что сам он тоже горит. Горели глаза, лоб и кровь, струящаяся под кожей. В следующий момент, устрашающий и странный, в мире не осталось ничего, кроме огня, боли и дикого белого света, горящего между ними двумя и вокруг них.

— Хорошо, будь по-твоему, — сказал наконец Данло. — Я помогу тебе, если сумею.

— Спасибо.

— А теперь, — Данло оглядел заставленный кибернетикой и прочими вещами храм, — мне надо найти место для ночлега.

— Само собой. А утром?

— Утром я осмотрю остальную часть храма. Мне всегда хотелось увидеть, где преображаются Архитекторы.

— А потом?

— Потом мы вернемся на корабль. В Экстр... к звездам.

Данло учтиво поклонился, и голограмма Николоса Дару Эде рассмешила его, поклонившись в ответ с неземной грацией, доступной только парящему в воздухе изображению.

— Спокойной тебе ночи, — сказал Данло.

— Спокойной ночи, пилот, и приятных снов.

Зевнув и скрыв от Эде улыбку, Данло отправился в преддверие за своим рюкзаком. Сейчас он пожует сухарей, заедая их терпкими сушеными кровоплодами, и уляжется спать на мягких мехах, и все это время в глубине храма будет бодрствовать голограмма человека, который прежде был богом. Данло пытался представить себе, каково это — быть призраком, порожденным световыми схемами обыкновенного компьютера-образника. Каким сознанием может обладать машина, холодная и постоянная, как свет древнейших звезд? Но больше всего его интересовала одна простая вещь: если Эде никогда не спит, как он может грезить? И если ему недоступны грезы, глубокие и прозрачные, как он мог захотеть снова стать человеком, снова испытать эту прекрасную и ужасную жизнь?

Глава 9

САЙНИ

Для того, кто не умеет летать, путешествие, даже самое долгое, начинается с первого шага.

Жюстина Мудрая

Проще простого сказать, что вселенная бесконечна, но охватить эту бесконечность разумом — дело другое. Галактика Млечного Пути — это лишь крошечная частица известной человеку вселенной, снежинка, несомая ветром над бескрайними ледяными полями, но для человека, пересекающего звездные поля на корабле, сотканном из алмазного волокна и грез, она кажется огромной. Однажды, девяносто тысяч лет назад, в ней взорвалась звезда. Это произошло в дальней части рукава Персея, на самом краю галактики, где звезды меркнут, переходя в межгалактическую пустоту. Горячий голубой гигант превратился в сверхновую и послал свой ослепительный свет во вселенную. Свет движется быстрее всего в природе; скорость его такова, что, пока ты объясняешь вкратце, насколько она велика, он походит в космосе миллион миль — и тем не менее свет этой прогибшей звезды за пятнадцать тысяч лет пересек лишь малую часть галактики и пролился на заснеженные леса Старой Земли. Мужчины и женщины, жившие в крытых шкурами шалашах, снеговых хижинах или темных пещерах, смотрели на эту странную новую звезду и дивились ужасной и прекрасной природе света. Пока сияние в небесах меркло, умалялось и угасало, они размышляли над тайна-

ми вселенной и вырастали в полубогов, строящих пирамиды, соборы и звездные корабли. И все эти десятки тысяч лет, пока человеческие рои покидали Старую Землю, строили свою звездную цивилизацию и мечтали о небывало великолепном будущем, свет этой звезды все еще шел через галактику. Идет он и по сей день. Скоро, еще через пару тысячелетий, он покинет наконец Млечный Путь и уйдет дальше, к Большой Медведице и миллионам других галактик вселенной. Его волны унесут с собой в космос образы людей, которые некогда ходили в звериных шкурах и употребляли в пищу мясо животных. Именно такими вселенная впервые увидит людей — вид первобытный и диковатый, но полный обещаний и возможностей. К тому времени, когда обитатели Сакура Сен впервые познакомятся с человечеством, люди, возможно, разовьются в богов, оставивших далеко позади сырое мясо и прочую материю. Скраеры говорят, что люди станут высшими существами и постигнут наконец тайну света. Когда-нибудь они переступят пределы света — и тогда двери в бесконечность распахнутся, и вся вселенная будет принадлежать им.

Некоторые люди в определенном смысле уже и теперь перешагнули пределы света — например, пилоты Ордена. Данло на своей «Снежной сове» шел между звездными окнами Экстра со всей доступной ему скоростью, но относительно средней человеческой жизни двигался все-таки медленно: ему приходилось заново прокладывать маршруты среди неведомых звезд, а пространства Экстра были столь же искривлены, сколь и обширны. Во время этого долгого путешествия, где-то возле останков сверхновой, которую он назвал Шонаморат, он стал ценить общество маленькой компьютерной голограммы, называющей себя Николосом Дару Эде.

Данло и компьютер парили вместе в темной и тихой кабине легкого корабля. Но свет голограммы и слова Эде скрашивали темноту и тишину, сопутствующие каждому пилоту, путешествующему в мультиплексе. В кабине находились и другие посторонние предметы. Данло, совершив намеренное, но исполненное почтения святотатство, взял из храма голубую розу, один кевалиновый прибор и пять деревянных флейт Эде. Он мог бы взять и вечный компьютер из контактного зала, но

счел, что не стоит помещать эту машину поблизости от электромагнитного поля, создаваемого образником.

Среди ярких и смертоносных звезд Экстра Данло часто задавал себе вопрос, нет ли у Эде какой-то тайной причины искать планету Таннахилл. Быть может, думал он, у Эде есть секретная программа, цель которой — поместить его душу в новый вечный компьютер, чтобы он мог начать заново свой путь к божественному состоянию. Быть может, Эде надеется, что Архитекторы Старой Церкви еще раз помогут ему осуществить эту древнейшую тайную миссию.

Однажды Данло, желая разгадать истинные мотивы Эде, спросил его напрямик, не хочет ли тот снова совершить переход от человека к богу. Эде ответил ему без запинки и не менее прямо, но насколько правдив был этот ответ? Данло увидел на лице голограммы искреннее выражение, которое Эде часто программировал, чтобы скрыть неискренность, и услышал следующее:

— Не знаю, откуда у человека берется желание сделаться богом. Я поплатился за эту мечту солидной долей себя самого. А сколько мне еще предстоит потерять, чтобы вернуть себе тело и снова стать человеком? Нет уж, довольно с меня этой трансцендентальности. Я буду вполне счастлив, если снова оденусь собственной плотью, пилот.

В данный момент голографический Эде был столь же далек от счастья, как человек от червя. Он парил в кабине, как светящийся демон ик, которые якобы являются в лесу близ жакарандийского храма, — всегда бодрствующий, все сознающий и постоянно мучимый проблемами как практического, так и философского свойства. Так, он признался, что хочет снова стать человеком еще и для того, чтобы вспомнить Старшую Эдду. Эта тайна тайн вселенной, как известно, закодирована в человеческой ДНК, и только человек в состоянии глубокого вспоминания способен извлечь из своего генома эту древнюю память и осознать ее.

Эде полагал, что чисто машинным галактическим богам, таким как Кремниевый Бог, Искинт, а недавно и он сам, Эдда недоступна. Но для того, чтобы вернуть свое сознание в футляр

из плоти, крови и живых хромосом, ему вновь придется столкнуться с выворачивающим душу ужасом потерять себя окончательно и на веки веков. Когда он переместится из световых схем компьютера в электрохимические синапсы живого мозга, будет ли это означать, что он продолжит жить в новой форме? Даже если он точно скопирует себя в атомах углерода, водорода, кислорода и азота, сохранит ли он постоянство сознания, как сохраняет его человек, счастливо уверенный в протяженности своей жизни от одного удара сердца до другого?

В качестве мыслительного эксперимента — Эде предавался умственным излишествам в не меньшей мере, чем летнемирские принцы чревоугодию, — он размышлял над проблемой двойников. Предположим, какое-нибудь божество наподобие Тверди скопирует отдельного человека в совершенстве, вплоть до последнего атома. Оставим в стороне квантовые неточности, невозможность определить истинное расположение и скорость электронов и других частиц, из которых складываются атомы. Предположим, что Твердь с помощью забытой Эде божественной технологии создаст точную копию этого человека — как физически, так и умственно. Предположим далее, что в самый момент дублирования мысли, чувства и страхи — все, из чего состоит сознание обоих двойников, — будут идентичны. Пусть затем Твердь, следуя логике этого жуткого и невероятного эксперимента, с помощью антиматерии или чего-то вроде этого мгновенно уничтожит оригинал. Или еще лучше — пусть она велит этому человеку самоуничтожиться. Вопрос: что будет потеряно?

Если копия была точной, на это следует ответить: ничего. Если логика эксперимента была верна логике вселенной, глубокой логике звезд, атомов и живых нейронов, человек-оригинал не должен пугаться самоуничтожения. Он должен быть уверен, что продолжит жить в своем втором «я» в точности так, как жил прежде. Но в реальном мире, мире сомнений и смутных снов, крови, боли и небытия души, человек-оригинал неизбежно будет колебаться. При всем убеждении, что он будет жить как его двойник, самоуничтожение будет для него самоубийством. Он будет чувствовать, что умирает, — и в наи-

более истинном смысле действительно умрет, потому что секрет жизни заключается не в образцах и не в формах, а постоянном потоке сознания от одного момента к другому.

— Вот в чем проблема, — открылся Эде однажды, когда они прошли особенно мрачный сектор взорванных звезд. — Если я снова стану человеком, останусь ли я собой? Если я произнесу слово, выключающее этот компьютер, что будет со *мной?*

Человеком, еще до того, как он дерзнул стать богом, Эде глубоко чувствовал логику реальной вселенной. Он испытывал сомнения, как любой человек, но он заклеймил свой страх и неуверенность, объявив их низкими и недостойными эмоциями. Он, как-никак, был Николос Дару Эде, основатель религии, ставшей затем самым значительным культом в истории человечества. Он всегда был гением, провидцем и прежде всего верующим. Только гениальный архитектор мог запрограммировать свой разум в компьютер, который он назвал вечным. Только философ, обладающий даром провидца, мог оправдать перенос человеческого сознания из живого мозга в схемы электронной машины. Только верующий, вдохновенный пророк мог открыть другим людям, как можно вырваться из телесной тюрьмы и в конечном счете победить смерть.

Он стал первым человеком, сознательно прекратившим телесную жизнь, чтобы обрести бесконечность духовной жизни. Он позволил своим коллегам-архитекторам уничтожить его мозг нейрон за нейроном, чтобы в точности скопировать свое сознание. Он умер самой настоящей смертью, чтобы стать бессмертным. Он совершил этот смелый (и безумный) акт из гордости, из-за фундаментальной неверности своих рассуждений и из любви к одной весьма странной идее. Эде, вопреки глубокой логике, убедил себя в том, что душа человека способна обрести вечную жизнь в виде компьютерной программы, и это затем стало основополагающей доктриной Вселенской Кибернетической Церкви. Самым печальным и трагичным было то, что частью сознания Эде всегда сомневался в этой доктрине. Все три тысячи лет, пока он был богом, мысль о совершенном им самоубийстве преследовала его. Это до сих пор не давало ему покоя — но Эде, хотя и сознавал, что заблуждался, так

и не избавился от порока, который когда-то привел его к той первой трагической смерти. При этом он прекрасно отдавал себе отчет в порочности своего мышления, своей личности, а может быть, самой своей души.

— Для меня, — признался он Данло, — идея всегда была прекраснее женщины, теория — нужнее хлеба и вина.

Всю свою жизнь он был влюблен в идеи. Он любил их не только за их силу и красоту, говорил Эде, но и за то, что они напоминают хорошо обставленные комнаты, где всегда можно укрыться от острых краев вселенной и ее равнодушия. Хотя Эде очень не хотелось в этом сознаваться, самой глубокой его мотивацией был страх. Ему всегда чудились опасности в окружающей его среде. Настоящая причина, по которой он захотел стать богом, заключалась именно в этом. Он всегда мечтал контролировать вселенную в целях самозащиты и потому всегда строил теории, объясняющие эту вселенную, всегда пытался свести ее бесконечную сложность к простым компьютерным моделям. Священным Граалем его жизни была единая теория или модель, охватывающая все сущее во вселенной.

Потому-то он и принял от Кремниевого Бога модель будущей вселенной, которая в конечном итоге погубила его. Он надеялся, разработав и усовершенствовав эту реальность, присвоить ее себе. С того времени он не меньше миллиона раз сетовал на свою привязанность к идеям и теориям, бывшую на деле привязанностью к самому себе. Он жаждал быть истинным провидцем, то есть видеть вселенную такой, какая она есть, но не мог, потому что не мог освободиться от себя самого — от той программы, которую он написал, поместив свою человеческую сущность в вечный компьютер.

— Я совершил ошибку, — сказал он Данло. — Из-за своего страха я совершил одну фундаментальную ошибку.

Ошибка, по его словам, заключалась в том, что он слишком сузил свою личность, составляя программу. Боясь, что бесконечные возможности божества уничтожат его самосознание, как росток уничтожает семя, из которого произошел, он выискал в Эннеаграмме тип личности, который мог бы сохранить его «я», каким бы великим богом он ни сделался

впоследствии. Так он в самом начале поместил свои человеческие черты и недостатки в простую форму. Когда он стал богом, они остались при нем. Первоначальная ошибка дала о себе знать в его битве с Кремниевым Богом, когда ему пришлось сражаться, урезав свою память и программы до пределов Эде, живущего теперь в компьютере-образнике.

Теперь, три тысячи лет спустя, он, как деревце бонсай, принявшее свою окончательную искривленную форму, закрепился сам в себе, урезанный, ограниченный, почти мертвый. Поэтому отчасти он и хотел снова сделаться человеком: ему хотелось раскрепоститься, выйти за пределы своей упрощенной натуры и стать наконец тем, что он называл личностью.

— Я мог бы перепрограммироваться, — говорил он. — Но моя мастер-программа контролирует, какие программы я могу создавать, а какие нет. В моем нынешнем состоянии эта мастер-программа, к сожалению, неприкосновенна. Но когда я воплощусь снова, я наконец-то найду ответ на вопрос, который давно не дает мне покоя: насколько изменчив человек? Я хочу это знать, пилот. Хочу знать, способен ли человек сделать что-то хотя бы с частью себя самого; хочу знать, как материя управляет собой. Новые программы, новые виды разума, новая жизнь — как все это движется, как развивается?

Необходимость знать управляла всей жизнью Эде. Данло на их пути среди звезд Экстра часто казалось, что формула жизни Эде могла бы звучать так: я знаю — следовательно, я существую. Однажды, когда Данло признался, что лишь с великим трудом вышел из раскаленного пространства Триоле, Эде попросил разрешения подключиться к корабельному компьютеру, чтобы знать, с какими еще опасностями может столкнуться «Снежная сова». Данло, как истый пилот Ордена, скорее бы дал вырвать себе глаза, чем допустил постороннего, будь то человек или компьютер, к мозгу своего корабля. При этом он был человеком понимающим и мог посочувствовать даже компьютерной голограмме. Поэтому он с помощью корабельного компьютера составил модель мультиплекса и вывел ее проекцию в кабину. Эта модель с каналами и внедренными пространствами очень напоминала ту чисто математическую

схему, по которой воспринимал мультиплекс сам Данло, но годилась и для Эде, который растерял почти все свои математические знания во время своего трагического сокращения. Он, как странствующий историк, впервые видящий кольца Квалара, в изумлении вытаращил глаза на яркие огоньки сложного и красивого пространства. Так, следя за моделью Данло, Эде узнавал вещи, очень мало кому известные, кроме пилотов Ордена. В конце концов он обнаружил волновые искажения на границе их радиуса сходимости и понял, что они не одиноки.

— Мне кажется, за нами идет другой корабль, пилот, — сказал он Данло. — Возможно, это Кремниевый Бог послал его, чтобы уничтожить нас.

Тогда, в шелковой паутине мультиплекса, за тридцать тысяч световых лет от Невернеса, Данло наконец рассказал ему о воине-поэте по имени Малаклипс Красное Кольцо, чьей задачей было уничтожение самих богов.

— Значит, этот корабль следует за тобой с самой Фарфары? «Красный дракон», говоришь? — Лицо Эде выразило недоброе предчувствие — он явно сомневался в том, что рассказал ему Данло. — Не понимаю, пилот: если воин-поэт думает, что ты приведешь его к Мэллори Рингессу, почему он не последовал за тобой в мой храм? Он ведь не мог знать, что ты найдешь там меня, а не своего отца.

Случилось так, что Данло на протяжении миллиарда миль задавал себе тот же самый вопрос, но не мог ничего ответить ни Эде, ни себе самому. Поэтому он огородил свои сомнения ледяной стеной, устремил свой взор к следующей звезде и продолжил свой путь в глубину Экстра, где космос сиял, наполненный звездами. Мертвые звезды и сверхновые встречались ему постоянно. Путь через эти пылающие пространства был сродни приближению к дракону. За краем рукава Ориона сверхновые стали гуще, а дыхание звезд — еще горячее. Идя сквозь тысячи звездных окон, которые, казалось, плавились и перетекали одно в другое, как жидкое стекло, Данло чувствовал это огненное дыхание, переходящее в знойный ветер. Когда он ненадолго выходил в реальное пространство, корабль

оказывался в потоке атомов, фотонов и частиц большой энергии. В некоторых местах радиация грозила сжечь алмазный корпус корабля, но Данло каждый раз быстро находил новый маршрут и уводил «Снежную сову» обратно в мультиплекс, в не менее опасные и странные пространства.

На своем пути Данло наблюдал такое, чего никто во всем Ордене еще не видел. Обычно пилот радуется таким открытиям, но то, что видел Данло, не доставляло ему радости. Ему встречались десятки мертвых звезд и сотни сожженных планет. Некоторые из этих почерневших сфер могли быть не менее прекрасны, чем Триа или Старая Земля, но теперь их леса превратились в уголь, океаны испарились, почва стала магмой или камнем. Биосфера других планет частично сохранилась, но лишилась всех форм жизни выше бактерий или червей.

Еще больше углубившись в Экстр, Данло обнаружил другие мертвые миры, порой усеянные легко узнаваемыми человеческими скелетами. Он впервые оценил в полной мере стремление человека прокладывать пути среди звезд и наполнять вселенную жизнью. Редкие расы наделены этой движущей силой в такой степени, как хомо сапиенс. В сущности, ни одна другая раса не высылала свои рои в галактику на протяжении миллиона лет. Люди же размножились примерно в десяти миллионах природных и искусственных миров, и даже богам не под силу сосчитать их. Данло находил иронию в том, что из всех живых видов в галактике благополучнее всех чувствует себя человек, уничтожающий благополучие других галактических рас, а может быть, и саму галактику.

— Мы безумный, опасный вид, — заметил Эде, когда Данло исследовал тридцать третий мертвый мир. — Мы убиваем других, чтобы самим размножаться среди звезд, как личинки на трупе. Зачем, по-твоему, я счел себя обязанным покинуть свою плоть и преобразиться в нечто высшее?

Данло в моменты размышлений приходил к выводу, что в этом и состоит глубинное противоречие человеческого рода: стремление жить благополучно борется с желанием освободиться от плоти и связанных с нею страданий. Ни один другой вид, пожалуй, не живет так успешно, будучи при этом так

недоволен жизнью. Эсхатологи говорят, что человек — это мост между обезьяной и богом. Согласно этой весьма популярной философии, его можно классифицировать лишь как движение к чему-то высшему. Данло ценил это стремление к совершенству, но ему казалось, что назначение человека состоит не в возвышении, не в активизации и даже не в расширении, а скорее в углублении себя. Это относилось и к нему самому — Данло полагал, что путь, которым он следует, ведет его в глубину жизни. На этом пути он должен проникать в суть вещей, где жизнь звучит протяжно и глубоко — бесконечно глубоко, как сама вселенная. Поэтому он никогда не верил до конца в тот вид трансцендентальности, к которому так долго стремилось человечество. Не мог он отнестись до конца утвердительно к чудесной и безумной мечте человека стать богом или, может быть, чем-то больше бога.

Ближе к центру Экстра, у рукава Персея, Данло обнаружил ряд Земель, созданных некогда Эде-Богом. Радиация разных сверхновых сожгла две из этих обреченных планет, но остальные остались нетронутыми, девственными и дикими — Данло редко встречались такие миры. На одиннадцатой Земле он познакомился с людьми, которые называли себя сайни. Десять тысяч сайни жили в дождевом лесу на краю одного из северных континентов, остальная же часть земли была, видимо, необитаема. Сайни показались Данло грустным, философическим народом — что было неудивительно, учитывая их трагическое прошлое и неверное будущее. Даже слово, которым они называли себя, приблизительно значило «проклятые».

— Это моя вина, — признался Эде, когда «Снежная сова» совершила посадку на широком песчаном берегу. — Это я создал их такими. Да, я их создал — и, пожалуй, поступил нехорошо, устроив подобный эксперимент над людьми.

Бог Эде, если верить весьма несовершенной памяти нынешнего Эде, решил заселить свою одиннадцатую Землю людьми. Он проделывал этот опыт много раз, пытаясь вырастить полностью невинные существа из замороженных зигот и привить им специально разработанную культуру. Он наблюдал за их общественным развитием, а потом уничтожал их и начи-

нал все сызнова. По словам Эде, на одиннадцатой Земле за последнее тысячелетие сменилось пять таких человеческих сообществ. Ни одно из них, будь то племя, город-государство или закрытый город, не протянуло больше двухсот лет. И сайни знали об этом. По плану Эде они должны были жить в своих дождевых лесах, все это время зная о своей неминуемой судьбе. Поэтому они и называли себя Проклятыми, поэтому смотрели в звездное небо не столько с благоговением, сколько с отчаянием — ведь они жили в страхе перед карающей десницей Бога.

Встретиться со старейшими одного из крупнейших поселений сайни оказалось нетрудно. В глубине леса, на берегу быстрой реки, Данло нашел деревню, где жили около трехсот человек. Сайни строили свои дома из бревен, крыши делали из коры, а питались лососем, которого ловили в реке, ягодами, кореньями и кедровыми орехами. Их жизнь с обильными пирами, где поглощалось много рыбы и священного черничного пива, постороннему взгляду казалась легкой, но сайни не позволяли себе радоваться своему райскому существованию: по их верованиям, проявления животной радости оскверняли духовную природу человека. Свод их жизненных правил, суровый, но простой, требовал от них быть совершенными под блистающими очами Бога, а достижение совершенства требовало страданий. Как Данло вскоре предстояло узнать, все тридцать два сайнийских племени соблюдали величайшую строгость в своей духовной жизни.

— Обычаи наши нелегки, но мы попросим тебя соблюдать наш закон, пока ты здесь.

Так сказала Данло старая женщина по имени Рейна Ан, сидя с ним у костра в центре деревни. Тут же сидели другие старейшины: ее первый муж Мато Ан, Ки Лин Шанг со своими женами — Хон Су Шанг и Лаам Су — и седовласый, беззубый Чжин Чжоу Минь. В честь столь выдающегося события, как визит Данло, почти все племя оставило свои дневные труды и столпилось вокруг костра. При этом они старались не напирать слишком сильно, чтобы случайно не коснуться своими нагими телами Данло или странной черной шкатулки,

которую он принес с собой. Данло не знал, что Рейна Ан, когда он появился, разослала гонцов к старейшинам других племен. Вскоре те отправятся в недолгую дорогу через мокрый лес, чтобы встретиться с Данло и воздать ему почести — если, конечно, Рейна и другие не решат казнить его, как опасного гзи тути, способного нарушить их закон и тем навлечь на них гнев Бога.

— Ваш закон священен для вас? — Данло смотрел на Рейну, но свой вопрос обращал к компьютеру, Сайни говорили на варианте западно-китайского диалекта, незнакомом Данло. Когда-то, изучая универсальный синтаксис, он выучил и древнекитайские иероглифы, но это мало помогало ему в понимании издаваемых Рейной звуков, нежных и мелодичных, как тихий дождь. К счастью, Эде вполне успешно служил ему переводчиком. Если зрелище светящегося говорящего человечка ростом в фут и вызывало изумление старейшин, виду они не показывали. Даже когда Эде говорил с ними на правильном, хотя и несколько чопорном сайни, они только наклоняли головы набок и щурили глаза. Данло сразу догадался, что они никогда прежде не видели компьютера-образника — а скорее всего и Бога Эде, своего создателя и губителя, который никогда уже больше не тронет их.

— Ваш благословенный закон был дан вам... Богом?

— Разумеется, нет, — ответила Рейна, женщина умная и рассудительная, чьи мягкие карие глаза не упускали ничего. Несмотря на сырость, туман и ненастное небо, она была нагая, как и все прочие сайни. Она сидела на новой медвежьей шкуре, выпрямив спину, и ее позвонки выступали под кожей, как лестничные перекладины. Огонь обдавал жаром ее высохшую старую грудь, моросящий дождь холодил спину, но Рейна не выказывала никаких признаков неудобства. — Это мы даровали Ему наш закон.

Данло, выслушав перевод Эде, уточнил:

— Богу?

— Владыке Вселенной. Подателю солнца и дождя. Нашему создателю и благодетелю. Он дал нам жизнь, и мы должны посвятить ему каждый миг этой жизни. Вот почему сайни ни-

когда не должны нарушать Ясу, которую мы отдаем Ему с радостью матери, вручающей свою дочь мужу.

Данло не слышал особой радости в голосе Рейны — ему казалось, что она произносит заученную формулу.

— Наверно, ваша Яса очень сложна?

Эде перевел вопрос Данло, и Ки Лин Шанг ответил с грустной улыбкой:

— Напротив, очень проста — даже дети ее знают. — С этими словами старейшина подозвал к себе пузатого мальчугана, стоявшего у него за спиной, посадил испуганного малыша на колени и сказал: — Прочти нам Ясу, дитя.

Мальчик, внук Ки Лина, никак не старше четырех лет, сразу сообразил, что должен обращаться к святящемуся Эде, чтобы Данло его понял.

— Мы должны получать удовольствие от мира и от всего, что мы делаем; и все, что мы делаем, должно быть приятно Богу. — Мальчик помолчал, дав Эде время перевести его слова, и добавил застенчиво: — Да будут красивыми все наши мысли.

Ки Лин Шанг с гордой улыбкой приложил пальцы к вискам, а затем медленно и грациозно простер руки, как бы вручая кому-то свой дар, и произнес нараспев:

— Хай!

Священный слог подтверждения, сказанный дедом, приободрил мальчика, и он продолжил:

— Да будут красивыми все наши слова.

Старейшины, сидящие на медвежьих шкурах, словно по команде коснулись пальцами губ, простерли руки над черным лесным суглинком и сказали хором:

— Хай!

Все люди, стоящие вокруг, скрестили руки на груди, готовые присоединиться к обряду. Данло, сидящий напротив всевидящей Рейны, тоже скрестил руки и прижал пальцы к плечам. Когда-то он любил всяческие обряды не меньше, чем свежее мясо, и молитвенная поза сайни далась ему без труда. Мальчик едва успел произнести следующие слова, а Данло уже простер руки к небу и прошептал:

— Да будут красивыми все наши дела. — Еще миг, и он вместе с тремя сотнями мужчин, женщин и детей провозгласил: — Хай!

Сайни закрыли глаза в знак безмолвного утверждения своего священного закона, а Рейна устремила на Данло долгий, странный, пронизывающий взгляд.

— Ты знал, — сказала она после паузы. — Ты произнес последний стих Ясы еще до того, как мальчик закончил.

Данло, которому вдруг стало неловко в своей мокрой шерсти, обвел глазами глядящих на него голых людей.

— Мне... показалось, что так будет правильно.

— Ты знал, — повторила Рейна. — Знал, хотя и не слышал этого раньше.

Данло действительно знал заранее, что скажет мальчик. Эти слова выросли у него на языке сами собой, как грибы в сыром лесу. Остальные еще не успели произнести свое благословение, а он уже увидел, как их — и его — руки простерлись к небу. Ему не хотелось приписывать это внезапное прозрение какому-то особому искусству вроде скраирования или тому таинственному умению складывать целое из фрагментов, которое впервые пришло к нему в невернесской библиотеке шесть лет назад. Он думал, что слова Ясы подсказала ему простая логика.

Рейна поднесла руку к своим усталым глазам, словно желая потереть их, но отказалась от этого слабовольного действия и с улыбкой пригладила свои густые белые волосы.

— Это хорошо, что ты понимаешь дух Ясы, — сказала она Данло, — ибо тому, кто не принадлежит к народу сайни, трудно усвоить ее многочисленные следствия.

На этом месте Эде, позволив себе слегка улыбнуться, перехватил взгляд Данло и сказал:

— Я забыл тебе объяснить, что «сайни» означает не только «Проклятые», но и «Избранные».

Рейна, чувствуя, что перевод слишком затянулся, посмотрела на голограмму со страхом и отвращением, словно на ядовитую змею.

— Чужим всегда трудно понять, что все следует отдавать Богу, — сказала она.

Эде, переводя это, немного запнулся, поскольку сайнийское слово «чужой» значило также и «враг». То же самое встречалось во многих языках, которые он называл примитивными. Странно было, что у этого народа, начавшего свое существование всего двести лет назад на изолированной планете, вообще имелось такое слово, как «чужой».

Ки Лин Шанг кивнул, соглашаясь с Рейной, и сказал:

— Однажды моя красавица жена Ламм Су нашла в лесу голубую розу и хотела принести ее мне, но оставила цветок на стебле как дар Богу.

Данло стало любопытно по двум причинам. Во-первых, Ки Лин назвал свою жену красавицей, хотя любому, даже Данло, трудно было найти в ней хоть какую-то красоту. Она старалась сидеть так же прямо, как Рейна, но позвоночник у нее то ли из-за костной болезни, то ли из-за возраста был сильно искривлен. Сгорбившись и привалившись к мужу, она щурила на Данло единственный глаз — другой у нее сильно пострадал от какого-то несчастного случая, и всю левую сторону лица покрывали ожоги, как будто ее поразила молния или она ребенком упала в костер. Она дрожала под дождем, как собака, и молчала, поглощенная собственными горестями. Она ни разу не взглянула Данло в глаза и не смотрела ни на кого из своих соплеменников. Ей явно не хотелось заседать в совете в такой холодный, унылый день — казалось, будто жизнь ей вообще не мила, в особенности закон, предписывающий ей любить весь мир или по крайней мере скрывать свою запретную неприязнь к нему от взоров своих соплеменников и очей Бога.

«Красота существует только на коже, но безобразие проникает до костей», — сказал друг Данло Хануман ли Тош о другой женщине, которую они знали в Невернесе. Данло смотрел сквозь мертвый туманный воздух на бедную Лаам Су, и ее муж повернулся к ней, не понимая, на что пришелец смотрит так пристально. И тут, словно костер, в который подбросили охапку сухого хвороста, старое усталое лицо Лаам Су вдруг просияло глубоким и прекрасным светом, и Данло увидел ее такой, какой видел ее муж и какой она, возможно, была на самом деле. Она была красива, потому что любила Ки Лина и

он любил ее, и еще потому, что прожила около семидесяти лет в трудах и неуверенности. Она была красива просто потому, что существовала во вселенной как одно из чудесных и бесконечно разнообразных созданий Бога. Все сущее в тайной сути своей блистает страшной красотой, и лицезрение этой красоты было главнейшей частью священного закона сайни.

На все следует смотреть незащищенным глазом, вспомнил Данло. Глазом разума, обнаженным перед вселенной.

Глядя на сморщенное тело Лаам Су, Данло внезапно понял, почему сайни всю жизнь ходят раздетыми в таком холодном и сыром климате. Единственное состояние, в котором нужно смотреть на человека — и на все остальное, — это нагота. Одеваться — значит прятать свою красоту, пренебрегая прекрасной работой Бога.

— Нет ничего, что мы не должны отдавать Богу, — сказал Ки Лин Шанг. — Особенно это относится к гордыне и тем слоям нас самих, которые отделяют нас от Него.

Данло, не раздумывая больше, нагнулся и стащил с себя сапоги. Потом он встал, снял свой блестящий черный дождевик и сбросил его на курящуюся паром землю. За плащом последовали шерстяная камелайка и нижнее белье. Освободившись от лишних слоев, Данло встал перед костром голый. Золотой свет упал на его кожу, и он ощутил жар огня. Одновременно он почувствовал сырой, въедливый холод: дождь орошал разгоряченное тело и стекал длинными струйками по спине.

— Да будут красивыми все сайни! — сказала какая-то молодая женщина, а Рейна Ан кивнула, одобряя поступок Данло. Сайни подошли поближе, чтобы лучше разглядеть его. Тело Данло было поистине красиво, длинное, гибкое, грациозное и в то же время дышащее страшной силой, как у молодого тигра. Самые смелые жители деревни отважились наконец коснуться его. Двое мальчишек и старуха потрогали пахнущими рыбой пальцами его плечи. Он заметил вдруг, что от всех сайни несет лососиной. Запах, идущий от коптильных ям, окутывал всю деревню и вызывал в памяти Данло милые запахи его детства. Это был добрый, органический запах жизни, хотя и трудный для непривычного носа. Данло поклялся никогда боль-

ше не есть ни мяса, ни рыбы, но против их запаха ничего не имел и не стал возражать, когда молодая женщина провела рыбной рукой по черным волосам на его груди и животе, насытив их ароматом рыбьего жира.

Растительность на его теле поражала гладких, как дельфины, сайни. Та же женщина, Камео Люан, храбро провела пальцем по длинному белому шраму на бедре, который остался у Данло после схватки с шелкобрюхом. Другие рассматривали обоженные костяшки его пальцев и шрам на подбородке, заработанный Данло во время одного бурного хоккейного матча. Рейна Ан смотрела на шрам в виде молнии, который Данло сам оставил у себя на лбу. Большинство племени, однако, смотрело ему между ног, недоумевая, откуда и зачем взялись мелкие разноцветные рубцы у него на члене. Если эти знаки посвящения Данло в мужчины казались им красивыми, вслух они этого не высказывали. Сайни стояли молча, и единственными звуками были плеск реки, шипение пламени и серебряная музыка дождя.

— Да узрит Бог нашу красоту, и да озаряет нас всегда его улыбка, — сказала Рейна, знаком приглашая Данло снова сесть на шкуру, где он оставил сверкающий цветными огоньками образник.

— Вы расскажете мне о Боге? — спросил Данло, садясь на пятки с прямой спиной; это учтивой позе его еще послушником обучили в Невернесе.

— Да, я могу рассказать тебе о боге, — кивнула Рейна. — О Владыке Вселенной всегда есть что рассказать.

— Владыка Вселенной? Значит, вы верите, что вселенная создана Богом?

— Нет. Звезды и все, что мы видим в ясные ночи, всегда было и всегда будет. Как же ты, пришелец со звезд, не знаешь этого?

Данло удивило, что Рейна назвала его пришельцем со звезд. Стало быть, сайни знают, что среди звезд есть другие миры и там живут другие люди?

— Не знаю, как так вышло... но я не знаю, — сказал он. — Вселенную познать нелегко, правда?

Данло не знал, что, собственно, понимает Рейна Ан под словами «звезды» и «вселенная». Он ребенком думал, что звезды — это глаза его предков, следящие за ним.

— Это вселенная создала Бога, — пояснила Рейна.

— Однако вы называете Его создателем вашего мира.

— Разумеется. Наш мир создан Богом. Наша прекрасная Земля, которая вращается вокруг нашей звезды.

Поначалу Данло предполагал, что сайни обозначают «мир» и «вселенную» одним словом и Эде просто переводит это слово по-разному для лучшего понимания. Но Рейна Ан явно знала различие между этими понятиями.

— Трудно это, должно быть, — создать целый мир, — сказал Данло, бросив взгляд на ставшее непроницаемым лицо Эде.

— Бог есть Бог. Владыка Вселенной.

— А другие миры тоже созданы Богом?

Рейна яростным шепотом посовещалась с Ки Лином и сказала:

— Бог создал много Земель: двенадцать раз по двенадцать. Когда-нибудь Он создаст новые звезды, целые океаны звезд. В конце времен, когда вся вселенная признает Его владыкой, он создаст другие вселенные — двенадцать миллиардов раз по двенадцать миллиардов.

— Поистине могуществу вашего творца нет предела. — Данло продолжал смотреть на Эде, который переводил механически, как самая обыкновенная лингвистическая программа. Он на Данло не смотрел и не проявлял никаких эмоций — можно было подумать, что его голографическое лицо вообще не способно выражать столь человеческие свойства. — Ваш Бог всесилен, да?

— Бог есть красота, и все, что Он творит, красиво, но...

— Да?

— Он наш создатель и благодетель, но Он же и наш погубитель.

При этих словах Рейны Ки Лин закивал и сказал нараспев:

— Да исчезнет с лица Земли все, что некрасиво.

Многие сайни повторили вслед за ним этот стих из Ясы, но Данло не расслышал в их голосах особого энтузиазма. Они, особенно дети, выглядели испуганными и встревоженными.

— Да исчезнут из вселенной все некрасивые миры, — сказал Ки Лин.

Рейна, произнеся ритуальное «хай», с грустной улыбкой сообщила Данло:

— Владыка Вселенной уничтожил один из миров, чтобы создать нашу красивую Землю.

— Он разрушает все, — молвил Ки Лин.

— Он разрушает все, что некрасиво, — поправила Рейна.

Оба старейшины горестно переглянулись — видимо, они уже не раз обсуждали эти слова Ясы, но не желали вести теологический спор при постороннем. Ки Лин прочистил горло и сказал, глядя на Данло:

— Да исчезнут из вселенной все некрасивые звезды.

Данло, прошедшему тридцать тысяч световых лет и видевшему на своем пути миллионы звезд, захотелось крикнуть: «Все звезды красивы — ведь они излучают свет!» Но он промолчал, желая услышать, что скажет Рейна.

— Бог — разрушитель звезд, — сказала она. — Он должен разрушать, чтобы творить.

— Бог — истребитель людей, — сказал Ки Лин. — Все люди, живущие на Земле, летят в его огненный зев, как мотыльки на пламя.

Данло, неуверенный в точности перевода Эде, спросил:

— Так кого же Бог уничтожает — людей или целые народы?

— Людей, — сказал Ки Лин. — Все люди должны жить, и все должны умирать.

— Народы тоже должны умирать, — кивнув, добавила Рейна. — Если они некрасивы.

Данло начинал предполагать, что у сайни «красота» означает то же, что «совершенство». Ему хотелось уточнить это с Эде, но он предпочел не прерывать разговор.

— До сайни на Земле жили другие народы, — продолжала Рейна. — Теперь они исчезли.

— Гатеи, гатеи, — подтвердил Ки Лин. — Исчезли.

— Поэтому сайни всегда должны быть красивыми, иначе они тоже исчезнут. — В голосе Рейны слышалась великая печаль — и еще что-то.

Наступила долгая пауза, и стоящие сайни подступили еще поближе, желая услышать, что скажут теперь Рейна и Ки Лин этому красивому пришельцу, который, обнаженный, как все остальные мужчины, сидел под их красивым туманным небом.

— Мне кажется, ты на редкость хорошо понимаешь Божий промысел, — сказал Данло Рейне.

— Что ж, ведь я стара и знакома с Ясой много лет, — ответила она, улыбнувшись его комплименту.

Данло поколебался, опасаясь произнести то, что сайни могли счесть кощунством, но набрал побольше воздуха и все-таки сказал:

— Можно подумать, что ты говорила с Богом.

Рейну, однако, это ничуть не оскорбило, и она сказала со вздохом:

— Девочкой я пошла с матерью к морю. Я слушала волны, и мне казалось, что я слышу Его голос. Но нет. Бог не говорит больше с сайни.

— А раньше говорил?

— Да, говорил, но это было давно.

— До того, как ты родилась?

— До того, как появились на свет все ныне живущие сайни. Но когда родилась прапрабабка моей матери Ню Ан, Бог говорил с ней. Она запомнила Его слова и передала их всему племени.

— Бог говорил с Ню Ан, когда она была новорожденным младенцем?

— Это может показаться странным, я знаю, но Ню Ан родилась не от матери, как ты или я.

— Как же она тогда родилась?

— Она родилась от дыхания Бога.

— Правда?

— Она родилась из Земли. Бог слепил ее из глины и морской воды собственными руками и вдохнул в нее жизнь, и она сделала свой первый шаг по Земле.

— Это очень красиво. — Данло не сомневался в рассказе Рейны, памятуя, как Твердь создала двойник Тамары в амритсар-бассейне на другой, далекой Земле.

— Все перворожденные появлялись на свет таким путем. Ню Ан родилась взрослой женщиной и никогда не была ребенком.

— И она знала Бога?

— Она говорила с Ним.

— Она слышала Его голос?

— Она видела Его лик.

— Его лик?

— Да, море вспыхнуло пламенем, и Ню Ан явился Бог.

— Мне всегда хотелось узнать, как выглядит Бог. — Данло сдержал улыбку, покосившись на бесстрастное лицо Николоса Дару Эде.

— Лик Его сияет, как солнце, очи блистают, как звезды, уста дышат огнем.

— Понимаю.

— Когда Он отверз свои уста, чтобы поведать Ню Ан о красоте, Он вдохнул огонь речи в ее уста.

— Значит, это Бог научил Ню Ан говорить?

— Да. Бог научил всех перворожденных тому, что должны знать сайни.

— Понимаю.

— А перворожденные научили наших прадедов и прабабок, как они должны жить, чтобы быть красивыми.

— Понимаю. — Данло поразмыслил немного, глядя в огонь, и сказал: — Теперь Бог наблюдает и ждет, желая знать, какую красоту создадут на Земле сайни, да?

Рейна Ан устремила на Данло долгий взгляд. Ки Лин Шанг и его жены тоже смотрели на высокого странного человека со звезд. Данло сделал пять медленных вдохов и выдохов. Все сайни, стоя в холодном тумане, тоже смотрели на него.

— И снова ты говоришь словами Ясы, — сказала Рейна.

— Правда?

— Не зная их и не слышав ранее.

— Может быть.

— Как можешь ты знать их?

— Не знаю.

— Как можешь ты знать то, чего не знали другие?

— Какие другие?

— Те, что были здесь до тебя.

Данло снова не понял, кого Рейна имеет в виду: «других пришельцев» или «другие народы».

— Ты говоришь о тех людях, что жили на Земле до сайни?

— Нет. О других. О других людях со звезд.

Данло сидел неподвижно, глядя в огонь. Сердце у него стучало, как барабан, и ему хотелось пуститься в пляс вокруг костра, но он оставался неподвижным, как снежный тигр, выслеживающий гладыша в зимнем лесу.

— Давно ли эти другие побывали на вашей Земле? — спросил он.

— Лет пять назад, когда я только что стала прабабкой.

— Откуда они явились?

— Со своей Земли, должно быть.

— Они не говорили вам, как называется их мир?

— Нет, но себя самих они называли странным и гадким именем.

— Вот как? — проронил Данло, следя за игрой языков пламени.

— Гадким, гадким именем: они называли себя Архитекторами Бога.

Данло, шевельнувшись наконец, повернул голову к парящей в тумане голограмме. Теперь он понял, почему сайни не проявили никакого любопытства к его волшебной шкатулке: им уже приходилось видеть такие компьютеры.

— Где же они теперь, эти Архитекторы? — Данло посмотрел на темный лес, в котором ему чудились далекие голоса. — Все еще здесь, на вашей Земле?

— Нет, — опустила глаза Рейна. — Они ушли.

— Куда ушли?

— Гатеи, гатеи, — вступил в разговор Ки Лин. — Они ушли. Зачем тебе знать, где они?

— Так, из любопытства.

Рейна и Ки Лин обменялись многозначительным взглядом, и Данло уловил чуть слышный шепот одной из женщин: «Гатеи, татеи, пара сум Эдеи» — «Они ушли к Богу».

— Они вернулись домой, — сказал наконец Ки Лин.

— В свой мир? — спросил Данло. — К своей звезде?

Рейна и Ки Лин снова переглянулись, но ничего не сказали.

— У их звезды есть имя? Известно вам, которая это звезда?

Рейна посмотрела на непроглядное, чугунно-серое небо.

— Я знаю. Это звезда из созвездия Рыбы. Будь ночь ясной, я показала бы ее тебе.

Данло ухватился за образник с такой силой, что края впились ему в ладони. Наконец-то он сможет выполнить свою задачу и найти Таннахилл — только бы свежий ветер разогнал тучи, открыв им миллионы красивых звезд Экстра.

Но тут в лесу действительно послышались голоса, и все повернулись посмотреть на трех старцев, идущих по грязной улице деревни. Это были старейшины из ближнего селения, такие же коричневые и совершенно нагие, как здешние жители. Заляпанные грязью, они шли очень медленно — совсем, как видно, закоченели. Они шествовали мимо коптилен, лающих собак и взбудораженных ребятишек, направляясь прямо к костру. Рейна представила их гостю, и двое из них с улыбкой поклонились Данло. Третий, суровый старец по имени Фей Янг, даже не взглянул на пришельца, не захотел сесть на медвежью шкуру рядом с ним и отказался от чаши черничного пива, предложенной ему молодым Тошу Люаном. Вместо этого он хмуро воззрился на образник, который Данло держал на коленях, потрогал морщины вокруг беззубого рта и проскрипел, точно две сухие кости потерли одна о другую:

— Неужто мы забыли наши обычаи? Разве так следует встречать чужих? Мы должны устроить пир в честь этого путника.

— Пир! — воскликнул кто-то, и другие голоса подхватили: — Пир! Устроим пир!

— Красивый пир, — сказал Фей Янг. — Пусть бедный усталый путник отдохнет, пока мы будем готовить красивейшие свои яства.

Вслед за этим он предложил старейшинам обсудить предстоящий пир, а молодой Тен Су Минь и двое его крепких и красивых братьев повели Данло к гостевому дому на самом краю деревни. Рейне и Ки Лину, видимо, не понравилось, что

фей Янг высказал свое мнение столь грубо и категорично, но он как-никак был старейшим из старейших, и его слово у сайни имело огромный вес даже за пределами его родной деревни. Тен Су Минь и его братья, здоровяки, нарастившие себе мускулы валкой леса и перетаскиванием бревен, проводили Данло до хижины, стоящей в большой грязевой луже, и придержали для него тяжелую дверь. Внутри пахло мокрым медвежьим мехом и тухлой рыбой. Дверь захлопнулась, оставив Данло наедине с компьютером, и он принялся бродить по хижине, как тигр по клетке, в ожидании пира — и звезды, которую он так долго искал.

Глава 10

ПИР

Знай, о возлюбленная: человек создан не в шутку и не случайно, но сотворен для некой великой цели.

Аль Газали

Дождь стучал по крыше хижины, и лицо Эде выражало откровенную растерянность.

— Я думал, мы сейчас узнаем, где находится Таннахилл, а вместо этого мы вынуждены ждать, когда они приготовят пир! Кто их поймет, этих сайни?

Данло поставил образник на одну из шкур, устилающих земляной пол, и почти не уделял ему внимания. Окон здесь не было, как и во всех сайнийских домах, но в очаге Данло нашел душистые еловые дрова, а на низком столе — вяленую лососину, орехи и миски с черникой. Он не знал, долго ли придется ждать пира, но смерть от голода и холода ему явно не грозила.

Эде, раздраженный, как видно, молчанием Данло, сказал:

— Должен сказать, что я не имею желания торчать в этой деревне, пока небо не прояснится. Сайни могли бы указать нам звезду Таннахилла как-нибудь по-другому.

Данло осмотрел стены из плотно пригнанных бревен, законопаченные твердой, как камень, глиной, потом исследовал потолок. Он надеялся обнаружить где-нибудь разошедшиеся или подгнившие бревна, но дом был сработан на совесть.

Как все строения сайни, он обладал своего рода красотой, простой и прочной.

— Если бы мы оказались здесь пять лет назад, — продолжал Эде, — мы бы просто вернулись на Таннахилл вместе с теми Архитекторами.

Данло вздохнул, сел с поджатыми ногами лицом к компьютеру и сказал:

— Те Архитекторы не вернулись на Таннахилл.

— Что? — Лицо Эде стало невыразительным, как грязевая лепешка, но тревожная программа тут же преобразила его.

— Сайни убили их. — Данло зажмурился и потер шрам на лбу. — Они пригласили Архитекторов на пир под звездами, а потом зарезали всех до одного.

— Откуда ты знаешь? — Лицо Эде поочередно выразило сомнение, страх, ненависть, почтение, возмущение, расчетливость и снова сомнение. — Откуда ты можешь это знать?

Дождь шумел, и Данло не мог объяснить Эде, откуда он знает то, что знает. Он и себе не мог объяснить, откуда у него это знание лежащее вне всякой логики, вне пространства и времени. Когда-то он называл это загадочное зрение фравашийским термином «юген», но разве могло какое бы то ни было слово описать каскады ужасающих и прекрасных образов, льющиеся перед его внутренним взором с мощью водопада? Разве мог он описать связанность и странность этого явления и порожденную им холодную, чистую радость — так человек видит море в маленькой раковине у себя на ладони. Страх и ненависть на лице Фей Янга показали Данло картину гибели Архитекторов. Даже теперь, закрывая глаза, он видел перед собой эту маленькую трагедию, как будто она происходила прямо сейчас, как будто ей предстояло происходить снова и снова.

Архитекторов принимали в деревне Фей Янга, расположенной за несколько миль от этой, в глубине леса. Архитекторов было девять человек, пять мужчин и четыре женщины. Все они, одетые в традиционные белые кимоно, держали в руках такие же, как у Данло, образники. И сайни, и их гости уже вдоволь наелись рыбы и хлеба, напились черничного пива, и сайни

улыбались, видя, что гости сыты и довольны. Они, как во всяком собрании, цитировали Ясу и беседовали с Архитекторами о таинственной природе Бога. А потом выхватили рыбные ножи, спрятанные под медвежьими шкурами. Мужчины, женщины и дети набросились на Архитекторов со страшными воплями, огласившими лес, и принялись колоть и кромсать. Сайни быстро покончили со своим делом в надежде, что души Архитекторов поймут, какой красивой кажется Богу-Разрушителю кровь его смертных созданий.

— Я знаю, вот и все, — сказал Данло. — Этот пир произошел пять лет назад. Пять лет и тридцать три дня.

— Но что же толкнуло сайни на это вероломное убийство?

— Ты правда не понимаешь?

— Думаю, что они не желали слушать проповеди этих фанатиков.

— Да, конечно, но дело не только в этом.

Лицо Эде приняло саркастическое выражение.

— В чем же еще?

— Архитекторы не питают любви к красоте.

— И за это сайни их убили?

Данло сидел молча, с грустной улыбкой, слушая стук дождя и собственного сердца.

— Теперь сайни снова готовят пир.

— Да, — промолвил Данло.

— Чтобы убить на нем тебя?

— Возможно.

— Возможно?

Данло улыбнулся встревоженной голограмме. Его забавляло, что Эде, всегда чего-то опасающийся, воображающий себя мастер-цефиком и чтецом мыслей, так плохо разбирается в человеческом сердце.

— Шансы равные: либо меня казнят, либо...

— Либо что?

— Воздадут мне почести. В это самое время сайни готовятся. Пир будет либо кровавым, либо... радостным.

— Значит, ты не веришь, что старый Фей Янг уже решил твою судьбу?

— Нет. Он полон страха и гнева, даже ненависти, но помимо этого существует и другое.

— Что другое?

— Красота. Он любит все красивое, что есть в человеческой душе.

— Ты в это веришь?

— Да, верю.

— Значит, ты не думаешь, что старый Фей Янг потребует твоей казни?

— Он может ее потребовать, но выбор будет зависеть не от него.

— От чего же зависит, какой пир будет нас ждать этой ночью?

— От меня. От того, что я сделаю — или не сделаю.

— Что же это?

— Не знаю пока. Я... не совсем ясно это вижу. Надо подождать.

Лицо Эде стало наполовину тревожным, наполовину расчетливым.

— Если пятьдесят процентов говорят за то, что тебя казнят — сказал он тихо, — попробуй лучше бежать.

— У тебя есть план?

— Само собой, — зашептал Эде. — Я мастер составлять планы. Можно притвориться, что ты поел несвежей рыбы, и попросить, чтобы тебя выпустили облегчиться. А когда Тен Су Минь с братьями откроет дверь, ты их уложишь.

— Уложу трех здоровых мужчин?

— Ты же пилот Ордена. Разве тебе не учили боевым искусствам?

— Учили, — медленно кивнул Данло.

— Ведь ты же не сочтешь неправильным убийство тех, кто замышляет убить тебя?

Данло, дыша мерно и глубоко, склонил голову, потрогал шрам над глазом и промолчал.

— Это очень просто, — продолжал Эде. — Возьмешь в очаге полено, вышибешь Тен Су Миню мозги и побежишь на берег, к своему кораблю.

Данло, закрыв глаза, старался не представлять себе того, что предлагал ему Эде. Старался не представлять себе их хижину на краю леса и широкий песчаный пляж, до которого он мог бы добраться, пробежав всего полмили под гигантскими приморскими деревьями, а больше всего старался оградить свое воображение от красочного кошмара: почерневшее на огне полено, белый пепел на его собственных трясущихся руках. Никогда не убивать, никогда не причинять вреда другому, даже в мыслях — Данло принес этот обет уже давно и потому отчаянно старался не видеть того, что другой человек мог бы вообразить без всяких терзаний.

— Нет, — сказал он наконец. — Так я бежать не могу.

— Но почему?

Данло шепотом, вздыхая и запинаясь, рассказал Эде о своем обете ахимсы.

— Но сайни могут убить тебя — неужели ты не боишься?

— Боюсь, — с улыбкой кивнул Данло.

— Итак, ты намерен просто сидеть здесь и дожидаться пира, дыша, как Будда? Какой прок в таком дыхании?

— Оно делает меня более живым.

— Что толку, если тебя убьют?

— Быть по-настоящему живым хорошо просто потому, что это хорошо, — улыбнулся Данло. — А с практической точки зрения это помогает подготовить тело, душу и разум. Когда момент придет, я буду знать, что делать.

Эде помолчал, обрабатывая информацию, и спросил:

— О каком моменте ты говоришь?

— О том самом. Который бывает всегда.

— Ты и говоришь, как Будда — загадками. Боюсь, что я тебя не понимаю.

Данло вздохнул, глядя на мерцающего Эде, и сказал:

— Я говорю о моменте «теперь». Когда дверь открывается. Когда «теперь» переходит в «тогда» и будущее всегда здесь. Когда ты выбираешь, каким будет это будущее, да или нет. Когда во вселенной нет ничего, кроме твоей воли: делать или не делать, видеть, знать, двигаться — двигать вселенную. Этот момент есть всегда, верно?

Эде это объяснение не успокоило.

— Не уверен. Для меня время непрерывно, как ход атомных часов моего компьютера, а действую я согласно своей программе. Если тебя убьют, что будет со мной?

— Не знаю.

— Я могу застрять на этой Земле навсегда.

— Может быть, тебя когда-нибудь спасет другой пилот моего Ордена.

— Маловероятно. Это редчайший случай, что ты нашел меня в храме.

— Случай есть всегда. И потом, ведь ты бессмертен?

— В определенном смысле, но и меня можно уничтожить.

— Во вселенной нет ничего, что не поддавалось бы уничтожению, — с грустной улыбкой заметил Данло.

— Может быть, со временем мне удастся внушить этим дикарям, что я их Бог. Они соорудят мне алтарь и будут мне поклоняться.

Данло, все так же мерно дыша, пораздумал над этим и спросил:

— Ты правда этого хочешь?

Программа Эде дала легкий сбой, и он ответил:

— Разумеется, нет.

— Я уже думал, не рассказать ли о тебе сайни. Ну... что ты Бог.

— Почему бы и нет? Ты считаешь, что правду не всегда нужно говорить?

— Нет, но... правда, которую не слышат, — это не правда.

— Их Бог умер, — с горечью молвил Эде. — Вот и вся правда.

— Нет, для них Бог жив. Он есть чудо и красота их жизни.

— Я могу рассказать им, как Кремниевый Бог убил меня.

— Они не поверят. А если даже поверят, это пробьет брешь в их душах.

— И через эту брешь войдут логика и разум.

— Нет, не логика и разум, а безумие. Когда люди ни во что не верят, они способны поверить во что угодно и совершить все что угодно.

— Например, убийство?

— Убийство — это самое меньшее, — с протяжным вздохом ответил Данло.

— По-моему, ты полюбил этих сайни — правда, пилот?

— Правда. — Данло, зажмурившись, дал холодным течениям времени унести себя в будущее и увидел сайни такими, какими они могли бы стать со временем. Их народец, насчитывающий около десяти тысяч человек, увеличится в тысячу раз и заселит всю Землю. К тому времени, где-то через тысячу лет, их суровая религия мутирует, разовьется и распространится в той или иной форме по всем континентам планеты. Это будет сопровождаться ересями, расколами и утратой веры — а может быть, даже священными войнами. Но будет и реформация — и если даже сайнийская религия разобьется на тысячу разных сект, практикующих совершенно новые обряды, чистый и сияющий стержень их веры все-таки может сохраниться. Даже через тысячу лет, когда сайни уже перестанут быть сайни, они, возможно, по-прежнему будут поклоняться красоте. Халла — это красота жизни, вспомнил Данло. Он надеялся, что хотя бы сайни, среди всех человеческих рас, найдут способ, как жить на своей Земле в красоте и гармонии.

— Не понимаю, как можно любить людей, которые собираются тебя убить, — сказал Эде.

— Так же... как я люблю мир.

— И все-таки нам следовало бы убежать. Прямо через дверь — ведь она открыта. У сайни замков нет.

Данло с улыбкой взял флейту.

— Дверь всегда найдется — не эта, так другая.

— Тебе так хочется умереть?

— Нет, совсем не хочется. Просто любопытно, буду я жить... или нет.

Данло приложил к губам костяной мундштук шакухачи и, дыша в нее, беззвучно заиграл длинную задумчивую мелодию, которой научил его инопланетянин, называвший себя Старым Отцом. Близость смерти вызывала дрожь у него в животе, но Данло наполнял себя дыханием и загонял свой страх в маленький кармашек глубоко внутри. Устав дышать, он улегся перед огнем и уснул. Проснувшись, он ощутил голод и съел целую миску черники и почти все орехи, а потом опять уснул. На этот раз он проспал до рассвета и беззвучно играл на своей

флейте весь следующий день, пока дверные щели не стали темными.

Потом у дома раздались голоса, дверь распахнулась, и до крайности уставший Тен Су Минь учтиво поздоровался с Данло. Его братья и еще пятеро мужчин ждали, чтобы сопроводить Данло на пир. Голая процессия медленно двинулась через деревню. В правой руке Данло нес образник, в левой флейту. Дождь прекратился еще днем, похолодало, и в небе зажглись первые вечерние звезды. Данло поднял глаза к небесам, гадая, где же тут созвездие Рыбы. Он хотел спросить об этом Тен Су Миня, но они уже пришли к кострам, где ревели оранжевым пламенем свеженарубленные дрова.

Между двумя самыми большими кострами сайни приготовили пир. Вся деревня, кроме одного больного старца по имени Вас Со, собралась здесь. Рейна Ан и Ки Лин Шанг с мужьями, женами, детьми и родственниками торжественно стояли вокруг костров, ожидая прихода гостя. Старый Фей Янг стоял среди них, насколько возможно выпрямив свое дряхлое тело. Он не смотрел на Данло и не разговаривал с другими тридцатью девятью старейшинами, пришедшими в течение дня из дальних деревень. Он смотрел вниз, на свои руки, как будто надеялся найти красоту в распухших суставах и крючковатых пальцах, которые всю жизнь потрошили лосося и другую живность, убитую им. Следуя сайнийскому этикету, он поклонился Данло и пригласил его сесть на свою медвежью шкуру, по левую руку от себя. Фей Янг как наистарейший занимал почетное место посреди других старейшин. Справа от него располагались Рейна Ан, Ки Лин Шанг и Милиама Чу, один из трех представителей племени Совы, живущего на берегу моря. Все другие сайни точно по команде тоже опустились на шкуры у своих костров, и пир начался.

Данло сильно проголодался, все его чувства волшебным образом обострились, и он насыщался с удовольствием, которого давно уже не получал от еды. Тут было из чего выбирать. На деревянных блюдах лежали куски жареной оленины и медвежатины, дикие утки, гуси и горки мозгов. Лососина тоже, разумеется, присутствовала во всех видах: копченая в укроп-

ном соусе, запеченная с травами, жареная, отварная и добавленная в полдюжины разных похлебок.

Данло мяса не ел и опасался, как бы сайни не сочли эту его диетическую особенность оскорбительной. Но когда он объяснил своим сотрапезникам, что такое ахимса, они как будто его поняли, и даже старый Фей Янг нехотя промолвил:

— Уважать жизнь животных — это красиво. — Уважать жизнь растений было бы не менее красиво, но должен же был Данло чем-то питаться. Поэтому он налегал на овощные блюда, передаваемые по кругу. Сайнийские женщины выпекали превосходный кукурузный хлеб с черникой, и Данло, съев несколько ломтей, воздал должное сладкому картофелю, морковке с медом и дикому рису с кедровыми орехами. За этим последовали на удивление острый ореховый салат, квашеная капуста и жареные каштаны. Кроме того, Данло мог бы отведать двадцать разных блюд из тыквы, а на десерт угоститься малиной, бузиной или печеными яблоками. Но переедать ему не хотелось. В детстве его учили наедаться впрок, когда представляется случай, однако он предпочел оставить в животе свободное место для дыхания. Правильное, глубокое дыхание могло ему понадобиться очень скоро.

— Ты все еще мог бы убежать, — тихо сказал ему Эде под гул голосов и стук посуды. Данло держал образник на коленях, улыбаясь остротам и предостережениям Эде, которые тот вставлял между переводимыми фразами. — Погляди, как они обжираются — раздулись, как клещи! Если ты побежишь к своему кораблю прямо сейчас, кто тебя догонит?

Сайни в большинстве своем действительно поглощали неимоверное количество еды. Многие уже лежали навзничь на своих шкурах, держались за животы и стонали. Другие удовлетворенно рыгали, ковыряли щепочками в зубах и вели застольные беседы. Рейна Ан, окинув взглядом свой сытый народ, решила, что настало время для священного черничного пива. Получив согласие Ки Лина и Фей Янга, она подозвала своего внука Кийо Су, юношу, который постоянно улыбался, чтобы скрыть свою нервозность. Кийо Су, в свою очередь, созвал всех юношей деревни, и они вскоре вернулись с меха-

ми священного пива. Сайни встретили их с величайшей готовностью. Юноши стали обходить костры, и все пирующие — мужчины, женщины и дети — подставляли им деревянные чаши. Закончив обход, Кийо Су и другие наполнили собственные чаши и повернулись лицом к старейшинам.

— Мы пьем за красоту Бога, — своим скрипучим голосом провозгласил Фей Янг. — Да будут красивыми все его творения.

Сайни, следуя примеру Фей Янга, приложились к своим чашам. Данло вместе со всеми выпил глоток крепкого пива, густого, горьковато-сладкого. Продолжая держать чашу у подбородка, он вдыхал аромат черники, смотрел на Фей Янга и ждал.

— Мы пьем за красоту мира, — сказала Рейна Ан. — Да будет он весь красивым.

Затем настал черед Ки Лин Шанга, и он произнес:

— Мы пьем слезы Бога. Да будут столь же красивыми и наши слезы.

Так оно и шло, пока каждый старейшина справа от Фей Янга не произнес свою строку из Ясы. Они закончили, и поскольку первым слева от Фей Янга сидел Данло, говорить выпало ему. Никто не ожидал, что и он захочет произнести свое слово: он не был ни старейшиной, ни даже одним из сайни. Поэтому все удивились, когда он поднял свою чашу и сказал сильным, звонким голосом:

— Мы пьем музыку мира. Да будут красивыми все наши песни.

Он задержал на миг дыхание, чувствуя слабость в животе, и посмотрел на Фей Янга. Ошеломленные сайни притихли, и пить никто не стал.

— В Ясе этого нет, — тихо заметил наконец Ки Лин.

— Должно быть, — сказал Данло, — ибо это правильные слова.

Тут старый Фей Янг гневно повернул к нему голову и сказал:

— Другие, которые называли себя Архитекторами, тоже думали, что могут говорить нам о Боге.

Все жители деревни, неподвижно замерев на своих шкурах, смотрели теперь на Фей Янга, как будто ждали сигнала.

— Но я никогда бы не осмелился говорить кому-то о Боге, — сказал Данло.

— Значит, ты явился на нашу Землю не за этим? — спросила Рейна Ан.

— Нет.

— Не за тем, чтобы говорить нам о человеке по имени Эде, который сделался Богом и Владыкой Вселенной?

— Нет. Право же, нет.

Рейна указала на образник с голограммой Эде, замершей так же, как и все вокруг. Эде молчал и не смотрел на Данло.

— Значит, ты не веришь, что этот гадкий идол есть Бог?

Данло взглянул на пухлогубого, кривозубого, черноглазого Эде, чья лысая голова казалась слишком большой для его тела. Программы Эде, должно быть, работали на полную мощность, пока он переводил это оскорбление в собственный адрес.

— Он не более Бог, чем ты или я, — с улыбкой ответил Данло. — Не более, чем грязь у меня под ногами.

Не более — но и не менее, добавил он про себя.

Его ответ, похоже, смягчил Фей Янга. Тот важно кивнул и спросил:

— Если ты прибыл на нашу Землю не для того, чтобы говорить нам о Боге, какова тогда цель твоего путешествия?

Какого бы ответа он ни ждал, слова Данло явно привели его в изумление.

— Мой народ умирает от страшной болезни, и я должен найти средство от нее.

Данло стал рассказывать об алалоях и губительном вирусе, и это, казалось, еще больше смягчило Фей Янга. За свою долгую жизнь старец видел много горя, и его внуки умирали от легочной горячки и других недугов. Кроме того, он, как и любой сайни, понимал, как легко может исчезнуть из мира целый народ.

— Мне жаль, но я не знаю лекарства, которое могло бы помочь твоему народу, — сказал Фей Янг. — Я никогда не слышал о такой болезни.

— Мне тоже жаль, — сказал Данло.

— Даже в Ясе ничего не говорится о таком лекарстве.

Данло промолчал, глядя на свою флейту.

— В Ясе ничего не сказано и о музыке, о которой говорил ты.

— Разве?

— По-твоему, я не знаю Ясу? — с обновленным гневом осведомился старец, и жилы у него на шее натянулись, как струны арфы. Это был опасный момент, но еще не тот, которого ждал Данло.

— Разве может кто-нибудь знать Ясу? — мягко заметил Данло.

— Что ты хочёшь этим сказать? — вмешалась Рейна Ан, а все старейшины и все сайни подхватили хором: — Что он хочет этим сказать?

Только Фей Янг молчал, сидя тихо, как заблудившийся охотник в ожидании восхода солнца.

— Да будет Яса всегда красива, — пропел Данло, закрыв глаза. Эти слова прошедшей ночью распустились у него в уме сами собой, как огнецветы, и теперь он молился, чтобы они оказались верными. — Да будет нам дано всегда находить новую красоту, и творить нашу священную Ясу, как Бог творит этот мир, всегда сохраняя его красивым.

На этот раз умолкла вся деревня — даже собаки, гложущие кости, молчали. Никто, видимо, не понимал, откуда Данло взял эти строки, и никто не мог объяснить, как может чужой толковать Ясу так глубоко. Выходило, что священный закон сайни, при всем своем совершенстве, неполон.

— Мы пьем музыку мира, — закончил шепотом Данло. — Да будут красивыми все наши песни.

Он посмотрел на красивый белый мундштук своей флейты и вспомнил строчку из Песни Жизни, которой научил его дед: «Халла тот человек, который приносит в мир музыку».

— У моего народа тоже есть Яса, — сказал он Фей Янгу. — По духу они в общем-то одинаковы — священные заветы всех народов.

Чаша с пивом дрожала в руке Фей Янга. Слова Данло, должно быть, сильно отличались от речей Архитекторов, объявивших откровения Ясы ложными.

Данло глубоко подышал и заговорил снова:

— Если люди достаточно долго вглядываются в красоту Бога, то Яса, возможно, сама открывается им.

— Твоя мысль красива сама по себе. — Фей Янг протянул дрожащую левую руку и дотронулся до флейты Данло. Было ясно, что он ни разу не видел этой красивой вещи. — Я запомню ее навсегда.

Живот у Данло сделался твердым, как орех бальдо. Чувствуя, что момент почти настал, он поднес флейту к губам и заиграл. Фей Янг и остальные снова замерли, ибо никогда еще не слышали такой музыки. Они знали только музыку ветра и дождя, колыбельные, которые сайнийские матери поют своим детям в грозовые ночи, да пение птиц.

Мелодия, которую Данло выдыхал в свою флейту, напоминала все это и нечто иное, нечто большее. Данло играл китам далеко в океане и звездам в небе; играл боли, которую видел в глазах Фей Янга. Эта боль, как и музыка Данло, была красива своей чистотой и глубиной. Она связывала обоих мужчин с воспоминаниями детства и с красотой живого мира вокруг. В этом и состояло все назначение песни Данло: открыть свое сердце миру, найти тайную красоту в глубине человеческой души. Данло играл, и каждая нота, выдуваемая им, целила в сердце Фей Янга, как священная золотая стрела. Луна поднялась высоко, а костры стали догорать, когда Данло отложил наконец свою флейту. В глазах старика он видел слезы и нечто другое, великолепное и прекрасное — то, что открылось ему, когда Фей Янг только что пришел в деревню.

— Это очень красиво, — с трудом выговорил Фей Янг. — Я не знал, что бывают такие звуки.

Вот он, момент, подумал Данло. Вечное «сейчас».

Вплоть до этого момента Данло не знал, что будет делать, когда он настанет. В этом весь ужас и вся красота будущего — не знать, не видеть этой неизведанной страны льдин и огня, где все возможно. Но Данло учили, что у человека всегда есть шанс выбрать будущее, поступив правильно и утвердив его в самый момент его наступления. Для этого в нужный момент нужно быть полностью живым, отзывчивым на каждый звук, каждую вибрацию, каждый луч света — на мерцающую взаимосвязанность всего

сущего. Только тогда ты поймешь, что нужно сделать, когда ты не знаешь, что тебе делать. «Теперь» — это «теперь», и так будет всегда. Страх в животе Данло растаял под напором чистой светоносной энергии. Под шкурой, на которой они сидели с Фей Янгом, лежал нож. Нож лежал там, под старым черным мехом, между ними, ближе к краю шкуры и к костру. Данло видел это место. Он знал его по случайным страдальческим взглядам старых глаз Фей Янга. Данло знал это, как раненый тигр знает место своей смерти, но сейчас он видел нож как будто впервые. Он знал, что без труда сможет помешать Фей Янгу достать нож, когда время придет, но сейчас он увидел нечто другое и остался сидеть, где сидел.

Медленно, как будто потягиваясь после сытной еды, он выпрямил ногу и нащупал пяткой нож. Сделав вид, будто наткнулся на камень, Данло нахмурился и откинул шкуру. Нож оказался на виду — маленький рыбацкий нож, кривой и отточенный, насколько возможно для обсидиана, то есть очень остро.

— Глядите, — воскликнул Данло, — кто-то потерял свой нож. — Он встал, поднял клинок над головой и спросил громко: — Кто знает, чей это нож?

Вся деревня, молча и не шевелясь, смотрела на маленький острый нож в его руке.

— Это мой нож, — нарушил тишину Фей Янг, протянув руку. — Должно быть, я обронил его, когда готовился к пиру.

— А-а, твой, — сказал Данло. — Можно, я позаимствую его ненадолго?

Не дожидаясь ответа, он сел на место, взял из деревянной миски большое красное яблоко, вырезал из него ломтик и подал Фей Янгу.

— Я слышу, у тебя пересохло в горле, — сказал он при этом. — Возьми, это поможет тебе смягчить голос.

Фей Янг, обменявшись быстрым недоумевающим взглядом с Рейной, пожал плечами, взял кусочек яблока и осторожно, как бы опасаясь отравы, откусил.

— У меня во рту тоже сухо, — сказал Данло. — Трудно играть на флейте, когда у тебя сухо во рту. — С этими словами он отдал Фей Янгу яблоко вместе с ножом и попросил: — Ты

не отрежешь мне ломтик, пока я вытираю флейту? Я хочу показать тебе одну песню, если ты не против.

Фей Янг, сидя с яблоком в левой руке и ножом в правой, смотрел на нож, и момент затягивался. Потом он перевел взгляд на Данло, на его темные дикие глаза, красивую улыбку, обнаженное горло. Фей Янг смотрел, как Данло полирует флейту о медвежью шкуру. Теперь момент выбора и судьбы настал для Фей Янга, и казалось, будто этот момент длится вечно. Затем старец с загадочной улыбкой отрезал от яблока ломтик, подал его Данло и спросил:

— Ты научишь меня своей песне?

— Да, если ты этого хочешь.

— Ты научишь меня играть на этом красивом инструменте?

— Да.

— Мне бы очень этого хотелось, — сказал Фей Янг. — Это трудно?

— Вообще-то трудно, но мы начнем с песни, которую показал мне когда-то мой учитель. Она простая. И красивая.

И Данло, сидя на медвежьей шкуре у костра посреди сайнийской деревни, стал учить свирепого старца играть на флейте. Вид Фей Янга, старейшего из старейших, дующего в бамбуковую палочку, изумил сайни. Вопреки всем правилам этикета, они столпились вокруг и стали глядеть, как Фей Янг зажимает пальцами дырочки, следуя указаниям Данло. Фей Янг играл недолго и неискусно, но красиво, то есть вкладывая в это занятие все свое дыхание, сердце и душу. Закончив, он вытер мундштук и вернул флейту Данло, а затем вытер глаза и взял свою чашу с пивом.

— Мы пьем музыку мира, — сказал он. — Да будут красивыми все наши песни.

Сайни только и ждали повода, чтобы снова приложиться к своему любимому напитку. Разом подняв свои чаши, они пропели:

— Мы пьем музыку мира. Да будут красивыми все наши песни.

— Я думаю, что в Ясе поистине есть эти слова, — сказал Фей Янг. — Мы должны поблагодарить Данло Звездного за то, что он принес их нам.

И Фей Янг пообещал, что он, когда закончится сезон дождей, передаст слова Данло старейшинам всех сайнийских племен, даже самых дальних. Весной они вместе решат, вносить эти слова в Ясу или нет.

— Ты останешься с нами? — Фей Янг обернулся за поддержкой к Рейне, Ки Лин Шангу и Чжоу Миню, а затем обвел взглядом всех сайни. — Мы устроили этот пир в твою честь.

Данло старался не смотреть на Николоса Дару Эде. Беззвучно играя на флейте в гостевом доме, он предвидел, что именно так все и будет. Он, как шахматист (или воин, идущий на битву), тщательно обдумал свою стратегию и поступал согласно требованиям момента. Теперь он победил и выиграл на время свою жизнь — но не стал задерживаться, чтобы отпраздновать или поздравить себя. Скоро настанет другой момент, возникнут новые возможности и начнется новая битва.

— Я хотел бы остаться, — сказал он, — но мой путь еще не завершен.

Фей Янг услышав эту дурную весть, опечалился и чуть ли не прогневался снова.

— Ты мог бы научить наших детей играть твою священную музыку. У них это получилось бы куда красивее, чем у глупого старика.

— Я могу остаться ненадолго, чтобы показать вам, как делать новые флейты. И научить детей нотам.

— Но ты мог бы научить их множеству разных песен.

— Будет лучше, если они сложат свои песни сами.

— Я надеялся, что ты пойдешь со мной в мою деревню. Ты мог бы жениться на моей внучке Сунлиан — она красивая девушка.

— Мне жаль, но я не могу, — сказал Данло.

Фей Янг вздохнул и заставил себя улыбнуться.

— Понимаю. Ты должен найти лекарство для своего народа.

— Да.

— Ты будешь искать его среди звезд?

— Да — среди звезд. — Данло подышал глубоко и сказал: — По правде сказать, я ищу звезду Архитекторов. Это они созда-

ли болезнь, убивающую мой народ. Говорят, будто они и средство от нее знают.

Фей Янг нахмурился, потеребил в раздумье жилы у себя на шее и сказал:

— Я не знал, что болезни могут создаваться людьми.

— К несчастью, могут.

— Единственное верное средство от всех болезней — это красота. Если ты останешься с нами, то поймешь это.

— Мне жаль, но я не могу.

— Архитекторы — дурные люди. Они не знают, что такое красота.

Еще бы — ведь они уничтожают звезды, подумал Данло. Шайда это шайда.

— Не нужно тебе отправляться к таким людям.

— Я должен. — Данло выждал момент и спросил: — Ты знаешь, где их звезда?

— Нет, — покачал головой Фей Янг.

— Я знаю, — сказала Рейна Ан, и ее костлявый палец устремился в небо поверх высоких елей. — Вон она, их звезда.

Данло стал рядом с ней, чувствуя запах рыбьего жира от ее волос и аромат дикой розы, которой она надушилась. Палец Рейны, устремленный в бесконечность, обвел дугу, образующую хребет Рыбы, и перешел к трем звездам у Рыбы в хвосте. Та, что светила ярче двух других, и была, по словам Рейны, звездой Архитекторов. По розовому, цвета свежей лососины, свету Данло решил, что это, должно быть, красный гигант. Он запечатлел эту звезду у себя в уме. Скоро он посмотрит на нее через корабельные телескопы, прибегнет к теоремам вероятностной топологии и, если повезет, определит ее координаты. А еще через несколько дней поведет к ней свой корабль.

— Видишь ее, Данло Звездный? Видишь?

— Вижу, — сказал он.

С самого своего прихода в деревню Данло думал, рассказывать сайни о звездах Экстра или нет. Их грозный бог, Эде, все равно что умер, но угроза внезапной гибели по-прежнему висит над ними, ибо они живут под звездами Экстра, которые Архитекторы уничтожают одну за другой. Гибель грозит не только сай-

ни, но и жителям всех прочих планет, и эта правда вселенной слишком ужасна, чтобы смотреть ей в глаза. Даже если миссия Данло к Архитекторам увенчается успехом и они увидят наконец свет разума, свет уже убитых ими звезд может испепелить сайни в любой момент. Данло смотрел на заветную звезду и думал, что даже она может внезапно взорваться, как любая другая. Орден снарядил свою миссию в Экстр именно для того, чтобы остановить эту бойню, напомнил он себе. Это и привело его на Землю народа сайни. Поэтому он должен проститься с ними и предоставить сайни их трагической судьбе.

— Звезды — это дети Бога, заблудившиеся в ночи, — сказал Данло, а Рейна и Фей Янг воздали должное красоте этих слов. Данло про себя помолился о том, чтобы над этой Землей когда-нибудь раскрылось Золотое Кольцо, защитив сайни от ярости Экстра. Ночь шла своим чередом. Сайни пили черничное пиво и просили у Данло новых слов и новых песен, а он читал им из Песни Жизни и играл на флейте под дикими и прекрасными звездами.

Глава 11

НОВЫЙ АЛЮМИТ

Компьютер — это мост, ведущий человека от животного к богу.

Николос Дару Эде,
«Путь человека»

У каждого путешествия есть конец. Даже самые великие пилоты, чья жизнь заключается в блестящих переходах от момента к моменту и от звезды к звезде, мечтают о возвращении домой. С этой мечтой они уходят в звездные просторы вселенной, чтобы обрести там сокровища тайных знаний и блистательно завершить свой путь и свою жизнь. Их жажда осуществить свой замысел бывает порой столь глубока и ужасна, что они простирают руки к желанной цели преждевременно и остаются ни с чем. Это момент рухнувших надежд, момент сомнений, крушения иллюзий и даже отчаяния. Для Данло этот момент настал, когда он вышел из мультиплекса у звезды, указанной ему Рейной.

Там он обнаружил изумрудно-фиолетовую планету с совершенно незнакомой ему флорой. Он надеялся, что этот красивый мир окажется Таннахиллом — ведь Таннахилл отмечал если не конец его пути, то хотя бы этап на пути к осуществлению его целей. Он проведет с Архитекторами переговоры, расскажет им об Ордене и Цивилизованных Мирах, попросит у них средство от болезни, убивающей алалоев; а под конец,

если судьба предоставит ему такой случай, он сдержит обещание, данное призраку Николоса Дару Эде, и вернет ему замороженное, трехтысячелетней давности тело. Он сделает все это и еще больше, если мужество и удача не изменят ему. Данло понимал, что в реальности его шансы на успех не так уж велики, но после пира у сайни он охмелел от оптимизма, как чайка от забродившей черники, и невозможного для него не существовало. Поэтому, узнав что этот желанный мир — не Таннахилл, а Новый Алюмит, он рухнул в такую безнадежность, что все краски планеты померкли для него и дыхание стеснилось в груди.

— Пилот, что с тобой?

Без светящейся голограммы Эде кабина была бы черна, как ящик цефика. Для Данло, плавающего в ней голым, как младенец в материнском чреве, во вселенной вообще не осталось света. На миг он и думать забыл о компьютере с его голограммой.

— Пилот, пилот!

— Я устал, — ответил наконец Данло. — Слишком давно не был дома.

— Возможно, ты неверно определил координаты этой звезды.

Данло, несмотря на свое мрачное настроение, улыбнулся. Даже кадет, если бы ему показали эту яркую звезду, не затруднился бы определить ее координаты.

— Или ты ошибся и это не та звезда, которую показала тебе женщина.

— Нет, та самая.

— Значит, звезду перепутали сайни — еще до того, как убили Архитекторов у себя на пиру.

— Возможно.

— И то, что у этой звезды имеется такая благоприятная для жизни планета, всего лишь совпадение.

— Совпадение, — повторил Данло.

— И то, что этот мир заселен людьми, тоже совпадение.

У Данло в голове царила тьма, как в заброшенной пещере, но при этих словах Эде он кое-что вспомнил, и в нем словно факел зажгли.

— Слишком много совпадений, — сказал он.

— Значит, в случай ты не веришь? — В бытность свою человеком, программистом и кибер-архитектором, Эде всегда выступал против тихизма — философского учения, утверждающего, что вся реальность абсолютно случайна. Теперь, в качестве призрака галактического бога, он стал придерживаться менее строгих взглядов.

— Я не верю, что Бог играет в кости со вселенной, — сказал Данло, цитируя Эйнштейна. — Совпадения всегда интригуют, правда?

— Возможно, но стоит ли искать в них какой-то смысл?

— Смысл есть во всем.

Эде испустил механический, запрограммированный вздох и спросил:

— Какой же смысл в том, что ты нашел мир под названием Новый Алюмит там, где надеялся найти Таннахилл?

Сразу же после выхода на орбиту Данло, следуя правилам своего Ордена, связался с планетой по радио и почти незамедлительно получил ответ. Язык обитателей планеты происходил, очевидно, от древнего иштвана. Эде переводил с него без затруднений и сразу выяснил, что эти люди, называющие себя нараинами, ничего не знают о Таннахилле.

— Ты правда не знаешь? — отзываясь на вопрос Эде, спросил Данло.

— Нет, не знаю.

— Ты забыл, что Николос Дару Эде родился на планете Алюмит?

Эде умолк, обрабатывая информацию. Его лицо приобрело выражение глубокой задумчивости, а электронные глаза компьютера стали расплывчатыми, как у младенца.

— Должно быть, я случайно сократил из памяти информацию о своей родной планете, — сказал он наконец. — Но странно, что я забыл факт этого сокращения.

— Память вообще странная штука. Я сам вспомнил про Алюмит, только когда ты заговорил о совпадениях.

— Думаю, ты заметил еще одно совпадение, — сказал Эде, глядя Данло в глаза. — Нараины говорят на производном от иштвана диалекте.

Данло кивнул.

— Иштван — это язык Старой Церкви, да?

— Верно. Однако через двести лет после Великого Раскола 1749 года, к концу Войны Контактов, у Архитекторов насчитывалось около пятидесяти сект, и все они считали иштван своим священным языком. Архитекторы-миссионеры разнесли его по всей галактике.

— Но именно Старая Церковь обосновалась в Экстре.

— Возможно, другие церкви последовали ее примеру.

— Да, возможно.

— Или миссионеры Старой Церкви обучили предков этих нараинов иштвану.

— Мы можем подобрать с тысячу разных гипотез по поводу того, почему Таннахилл этим нараинам якобы неизвестен, — улыбнулся Данло.

— Твое «якобы» не укрылось от моего внимания. Думаешь, эти люди нам лгут?

— Не знаю, но тут есть что-то странное. Почему, например, их мир называется Новый Алюмит?

— Кто его знает. Может быть, в галактике полно таких «новых» миров.

— Я хотел бы это исследовать, — сказал Данло.

— Мы могли бы поговорить с ними еще раз.

— Мне хотелось бы встретиться с ними лично.

— Ты имеешь в виду видеосвязь?

Данло медленно покачал головой. В ответ программа Эде генерировала нечто вроде тревоги.

— Ты подразумеваешь, что хочешь совершить посадку на этой планете?

— Да.

— Но это очень опасно, — тут же заявил Эде, который после сайнийского пира относился к потенциально опасным ситуациям очень настороженно. — Незнакомый мир, незнакомый народ...

— Пилотам приходится рисковать везде и всегда.

— Пусть так. Но разве риск не должен быть пропорционален ожидаемому результату?

— Ты торгуешься, как купец, — сказал Данло, но тут же устыдился своей грубости, — даже по отношению к компьютеру. — Извини. Но нараины все-таки могут что-то знать о Таннахилле — чем не результат?

Эде пораздумал над этим, и его светящийся лик сделался почти непроницаемым.

— Но в Экстре, возможно, есть еще сотня планет, где люди знают о Таннахилле — и не делают из этого тайны.

— Как сайни, например?

— Хотя бы. Если бы мы нашли в этом секторе похожий на них народ, мы могли бы подготовиться заранее.

— Понятно.

— Сайни и подобные им дикари не знают техники, и от них будет легко защититься в случае чего.

— Сайни не дикари.

— Но у них нет...

— Я все равно не стану вооружаться, если ты это имеешь в виду.

— Но как же ты намерен защищать себя здесь, на этой планете? Нараины — народ цивилизованный.

По техническому развитию Новый Алюмит, очевидно, действительно не уступал любому из Цивилизованных Миров. Его континенты были густо усеяны городами — крупными арксологиями, поднимающимися высоко в небо. Нараины пользовались радио и голографией, а система их внутрипланетной связи была весьма сложна, как успел понять Данло из своего разговора с неким кибернетическим сообществом под названием Абраксас. В некоторых городах имелись летные поля, способные принимать реактивные воздушные машины, а то и космические челноки, курсирующие между планетой и более крупными кораблями на ее орбите. На такой планете и оружие должно быть соответствующим: лазеры, тлольты, сновидельники, не говоря уже о всевозможных ядах и генотоксинах. Эде полагал, что совершать там посадку, не приняв меры самозащиты, было бы безумием.

Данло думал над этим, пока одевался. Он мог бы показать тысячам компьютерных глаз свою флейту, как бы говоря, что

иной защиты ему не понадобится, но это значило бы проявить самомнение, даже высокомерие. Данло сам не верил, что флейта сможет уберечь его от чего-то, когда его время придет. Он понимал, что тогда его ничто не спасет, — и то, что он принимал свою судьбу вот так, с открытыми глазами, раздражало Эде больше всего.

— Ты пренебрегаешь собой, — сказал Эде, глядя, как Данло натягивает свои черные пилотские сапоги. — Пренебрегаешь своей жизнью. — По мнению Эде, самосохранение было фундаментальной программой каждого человека, но у Данло эта программа работала почему-то недостаточно надежно.

— Вовсе нет, — ответил Данло, застегивая «молнию» на своей парадной форме. — Жить по-настоящему — для меня все.

— Ты опасный человек. Возможно, даже сумасшедший. И почему только моя судьба состыковалась с таким безумцем, как ты?

— А ты с кем бы хотел ее состыковать? — улыбнулся Данло.

— И почему ты всегда отвечаешь вопросами на вопросы?

Данло подумал и спросил:

— А что делать, если ты задаешь вопрос, на который вообще нет ответа?

— Итак, никакие мои слова не убедят тебя отказаться от посещения этой планеты?

— Ну а на это как прикажешь ответить?

— И ты поведешь корабль на посадку?

— Я должен. Если ты считаешь, что риск слишком велик, я могу высадить тебя на какой-нибудь другой планете этой системы, а потом вернуться сюда.

Эде долго смотрел на Данло, не говоря ни слова, и наконец сказал:

— А если нараины убьют тебя, пока я буду торчать на каком-нибудь голом безвоздушном шарике, что будет со мной?

— Не знаю.

— К несчастью, мой лучший шанс на успех заключается в том, чтобы содействовать твоему успеху. Мне придется снова служить тебе переводчиком и советчиком — а стало быть, придется тебя сопровождать.

— Сочувствую.

— Кроме того, я, надо сказать, к тебе привязался. И чувствую обязанность оберегать тебя от твоего собственного дикого нрава.

— Правда? — В Данло взыграло веселье, и он улыбнулся.

— Ты мне не веришь?

— Сам не знаю, — подумав, сказал Данло.

— Ты должен мне верить — я никогда не стал бы тебе лгать.

— Мне... очень хотелось бы верить.

— Вот еще что, — с механической улыбкой сказал Эде. — Если Малаклипс последовал за нами сюда, он может тоже совершить здесь посадку.

— Не думаю. — Данло закрыл глаза, и ему показалось, что он читает мысли воина-поэта. — Мне кажется, он будет ждать, пока я не найду Таннахилл — если я вообще его найду.

— Почему, пилот?

— Может быть, он вправду ищет моего отца, чтобы убить его, — но Таннахилл, думаю, нужен ему еще больше. Он преследует цели... своего Ордена.

А возможно, и цели Кремниевого Бога, добавил Данло про себя.

«Снежная сова» устремилась вниз, к Новому Алюмиту. Данло шел сквозь слои плотных белых облаков к единственному космодрому города Ивиюнира — шел вслепую к невидимым для него посадочным дорожкам. Корабль прорвал нижний слой облаков, и Данло увидел под собой город, уходящий на четверть мили в небо. Ивиюнир напоминал купольные города Ярконы, но внешняя его оболочка состояла не из красивого прозрачного клария — она была матовой и приплюснутой сверху, как черепаший панцирь. Материалом для нее служил какой-то зеленовато-серый пластик, при виде которого у Данло сразу засосало под ложечкой. Жизнь в Ивиюнире явно не сулила ничего похожего на ярконские парки, крытые золотым куполом. Скорее это будет похоже на жизнь в пластмассовом улье. Одна мысль об этом вызывала жжение в горле и головную боль. Данло охотно повернул бы свой корабль обратно к звездам, но между ним и космодромом на верхнем уровне города

осталось уже не более тысячи футов. «Снежная сова» опустилась на один из секторов поля легко, как бабочка на цветок, и поворачивать стало поздно.

У второй дорожки Данло, согласно договоренности, встречал человек по имени Изас Лель Абраксас. Данло вышел из кабины на серую поверхность космодрома — это действительно был какой-то транскериновый пластик. Воздух, несмотря на легкий дождик, оставался теплым, как кровяной чай. Пахло здесь неприятно — пластмассой, альдегидами, озоном, а еще плесенью и какой-то другой органикой, которую Данло не мог распознать. Вместо ожидаемого грохота, ракетного пламени, взлетов и посадок вокруг стояла странная тишина. Можно было подумать, что деятельность космодрома приостановили в честь прибытия Данло.

— Че дай со, Данло ви Соли Рингесс! — послышался чей-то голос. В ста футах от Данло рядом с транспортным роботом на колесах стоял худощавый лысый человек. Одна из рук робота держала над ним красный пластиковый зонтик, защищая его от дождя. Человек поклонился Данло и добавил: — Чей дай сова Ивиюнир йи Алюмии Врараи.

Это, в общем, не нуждалось в переводе, но Эде добросовестно повторил приветствие на языке Цивилизованных Миров. Данло, держа образник в левой руке, зашагал по мокрому покрытию к незнакомцу. На расстоянии, дающем возможность различить радужки его глаз, Данло остановился, отвесил формальный поклон и представился:

— Данло ви Соли Рингесс. А вы, полагаю, Изас Лель Абраксас?

Человек подтвердил, что это действительно он, но без особого энтузиазма, как будто не был уверен, что его зовут именно так. Его голубые глаза с некрасивыми рыжими вкраплениями смотрели как-то странно, отрешенно — Данло с трудом выдерживал их взгляд. Изас Лель, впрочем, смотрел не на него, а на образник. Когда он выразил сожаление по поводу дурной погоды и Эде перевел его слова, он очень удивился и даже, видимо, был шокирован тем, что образ Николоса Дару Эде запрограммирован на столь низкую, служебную функцию.

Он знает, кто такой Эде, подумал Данло. Он уже видел такие компьютеры.

Затем глаза Изаса Леля умерли для этого мира, и Данло догадался, что он контактирует со своим головным убором. Голова у него, как у всех нараинов, была гладкая, точно яйцо, и он, как все нараины высшего класса, носил на ней блестящую кибершапочку, намертво припаянную к черепу.

— Акаваи нуи харима? — спросил Изас Лель. — Не пройти ли нам внутрь? Нехорошо так долго оставаться под открытым небом.

Он сел на единственное сиденье своего робота, прикрытое сверху ярко-голубым козырьком. Зонтик, в котором больше не было надобности, робот сложил и спрятал. Как будто только сейчас заметив, что гость терпеливо ждет под дождем, Изас Лель пригласил его сесть рядом с собой. Данло питал глубокое недоверие к роботам всякого рода, но тем не менее сел. Изас Лель с легкой улыбкой сказал роботу «вато», и тот покатился по мокрому пластику.

Дождь барабанил по козырьку, и пластмассовые колеса робота шуршали по тихому космодрому. Вскоре они подъехали к зданию или, вернее, к закрытой части города у периметра летного поля. За этой серой стеной находились, должно быть, помещения для обслуживания судов внутрипланетного и космического сообщения. Данло полагал, что там работают технари, программисты и прочий персонал по приему и отправке летательных аппаратов.

Он осознал, что ему недостает звуков и картин человеческой деятельности. Ему не терпелось поскорее выбраться с этого пустого поля, хотя встающий впереди бездушный город пугал его не меньше, чем ребенка — темная дыра тигриного логова. Данло долгим, тоскливым взглядом смотрел на туманные загородные холмы, на красивый, пестрящий пурпуром и зеленью экзотический лес. Затем дверь в стене — очевидно, по беззвучному сигналу их робота, — скользнула вбок, и они въехали в город Ивиюнир.

— Сейчас мы проследуем на другой уровень, — сказал Изас Лель. — Другие ждут нас.

— Другие?

— Да. Трансценденталы. И... другие. Потерпите немного, и вы сами увидите.

Чего бы ни ожидал Данло от этого крытого города, реальность оказалась еще хуже, чем он опасался. Робот вез их по бесконечным пустым коридорам, поворачивая то вправо, то влево согласно своей программе. Естественный свет не проникал сюда. Стены, хотя и не тускло-зеленые, как снаружи, отличались не менее унылыми красками. Местами по ним, как плесень по хлебу, расползался голубоватый грибок. В сыром мертвом воздухе едко пахло серой и прочими химикалиями. Где-то внизу, в недрах этого города, проживало около двадцати миллионов человек. Данло казалось, что эхо их голосов доносится к нему сквозь пластиковый пол. Он не понимал, зачем люди селятся в таких структурах — разве что ради безопасности. Ивиюнир, как и другие известные Данло аркологии, прочностью и надежностью не уступал замковым мирам Астарета. Построенный из композиционных пластиков, он мог выдержать и водородный взрыв, и радиацию далеких сверхновых. Последнее для людей, живущих в центре Экстра, должно было иметь решающее значение.

Робот наконец подъехал к одному из городских гравитационных лифтов. В ожидании лифта Изас Лель говорил о разных пустяках вроде алмазного пилотского кольца Данло и о странном покрое его черного шелкового комбинезона. Двойные двери открылись, и робот вкатился в лифт, где они оказались единственными пассажирами. Кабина дрогнула и пошла вниз. Данло не знал, сколько уровней они уже миновали. Где-то за стенами этой пластмассовой камеры мелькали жилые кварталы и полные народа рестораны, проносились магазины, библиотеки, грезопарки и фабрики, производящие все от синтетической одежды до продуктов питания. В большинстве аркологий пищевые фабрики располагаются наверху, чтобы культивируемые там растения могли пользоваться естественным освещением, но в Ивиюнире эти плавучие фермы, видимо, помещались где-то глубоко внизу. Данло предполагал, что нараины используют для фотосинтеза, без которого жизнь растений

невозможна, искусственный свет и что источниками этого света служат термоядерные камеры или даже грязные ядерные реакторы. Он уже сталкивался с подобным варварством в секторе Треблинка Люс. Сам Данло еще в юности отказался от всякой пищи, выращенной ненатуральными методами. Сейчас, в стенах этого противного природе города, ему вспомнилось это детское табу, ставшее столь же неотъемлемой его частью, как шрамы на бедре и лбу. Данло в тысячный раз напомнил себе, что свет есть свет и что «искусственный» свет не менее реален, чем излучение любой из звезд.

— Осталось недолго, — сказал Изас Лель. Лифт теперь падал так быстро, что Данло чувствовал себя почти невесомым. Он прижимал к себе образник, боясь, как бы тот не улетел. — Мы почти на месте.

Лифт остановился на пятнадцатом уровне. Робот дал команду открыть дверь и проехал еще через несколько пустых коридоров, последний из которых выходил на узкую улицу. Этот покрытый пластиком проезд напоминал, впрочем, скорее туннель, чем улицу. По обеим сторонам от быстро едущего робота располагались магазины, демонстрирующие товары от одежды до сельдаков, рекламирующие голографическую технику и услуги печатников. Выше, до самого потолка улицы, теснились жилые помещения. По словам Изаса Леля, большинство уровней города делилось на три или четыре субуровня. Пространство стоит дорого, сказал он. На пятнадцатом уровне вид до шестнадцатого открывался только с больших бульваров. Данло, потевший в застойном кондиционированном воздухе, жаждал открытого пространства, каким бы замкнутым оно ни оказалось. Тут робот свернул на Девятый бульвар, и его желание исполнилось. Данло тут же позабыл о своих пропотевших шелках и тупой головной боли — забыл даже о необходимости дышать этим воздухом, который он делил с двадцатью миллионами других людей.

— Сколько народу! — сказал он Изасу Лелю. — Сколько роботов!

Их робот с точностью часовых стрелок, указывающих полночь, влился в поток других роботов — голубых, желтых, ро-

зовых, ярко-красных и так далее. Все они везли людей и все катились впритирку с весьма опасной скоростью. Данло, любивший скорость, как свежий ветер, ожидал неминуемой аварии, но ничего такого вокруг не случалось. Он дивился безупречной координации этих уродливых машинок и предполагал, что все они подключены к какому-нибудь мастер-компьютеру, управляющему их движением.

Точно так же в Ивиюнире обстояло и с людьми. По белым тротуарам, между потоком роботов и магазинами, двигались толпы, руководимые, казалось, единой целью. Люди, спешащие по бульвару и выходящие из боковых улиц, выглядели так, будто их индивидуальными маршрутами управляла общая мастер-программа. Они двигались как заведенные, но при этом в них чувствовалось чисто человеческое возбуждение, как будто они шли на войну или на какую-то большую религиозную церемонию.

В шестидесяти футах над их бритыми головами нависал, как искусственное небо, голубой пластик верхнего уровня, но никто из них как будто не возражал против жизни в столь тесном пространстве. Они почти не обращали внимания на Данло, хотя он единственный на всей улице был одет в черное. Горожане носили белые кимоно или одежду из разноцветного мерцаля. Ни ветер, ни солнце, видимо, никогда не касались этих слабых изнеженных тел и не имеющих возраста лиц. Почти все прохожие были белые, как мучные черви, но с розоватым оттенком — мутация, свойственная выходцам из областей с холодным дождливым климатом, наподобие западной оконечности Евразии на Старой Земле. Такая мутация могла также быть следствием жизни в пластиковых муравейниках Экстра. Нараины с их голыми черепами и бесформенными телами выглядели андроидами, такими же бесполыми, как только что вылупившиеся скутарийские нимфы.

— Разве в вашем мире нет роботов? — спросил Изас Лель, трогая капельки воды на своем сложенном зонтике. Струя воздуха била им в лицо, и на улице стоял такой шум, что приходилось говорить очень громко. — Возможно ли, чтобы в Невернесе ими не пользовались?

Он приказал роботу немного откинуть сиденье и поднять окна. Данло, оказавшись закупоренным в пластиковой бутылке, стал смотреть сквозь ее стенку. В толпе он стал замечать большое количество персональных роботов, сопровождающих своих хозяев. Роботы мыли витрины, роботы клали пластмассовые кирпичики, надстраивая жилые блоки Девятого бульвара. Устрашающая конструкция из колес, трубок и пластмассовой колыбели нянчила ребенка, одного из немногих детей, которых Данло видел на улице. Всюду, куда ни глянь, ползли или ехали всевозможные разновидности роботов. У ресторанов, где роботы-официанты подавали напитки со льдом и странного вида блюда, другие роботы вскапывали цветочные клумбы. Данло заметил, что такое занятие больше бы пристало человеку, чем привел Изаса Леля в полную растерянность.

— Мне кажется, у вашего робота не все в порядке, — сказал нараин, кивнув на образник.

Голографический Эде, не меняя выражения лица, начертил в воздухе полумесяц. После своего пребывания у сайни они с Данло сочли полезным разработать собственный тайный язык, и Данло научил его цефическому языку знаков.

— Почему? — спросил Данло.

— У него проблемы с переводом. Не можете же вы всерьез думать, что сажать цветы должны люди.

— Но почему же?

— Потому что это работа. — Изас Лель произнес это слово, «фальке», так, точно в рот ему попала грязь — так, точно его смысл был ясен каждому. Работа есть работа, постыдное занятие. Только роботы или сумасшедшие работают. Цивилизованные люди, такие, как Изас Лель или любой другой нараин, пусть даже самого низкого ранга, посвящают свое время более возвышенным целям.

— Мне приходилось сажать цветы. — Данло вспомнился ясный день ложной зимы, когда он сделал перерыв в своих математических занятиях, чтобы посадить с Тамарой огнецветы около ее дома. — И я не считал это работой.

Изас Лель посмотрел на Данло, как на неизвестного вида насекомое.

— Но ведь вы делали это руками?

— Конечно, как же иначе?

— Значит, это работа.

— По-вашему, все, что делается руками, — это работа?

— Почти все.

Данло сидел прямо, как мастер заншина. Фактически он был здесь послом и потому не мог себе позволить вступать в спор с Изасом Лелем. Но он был также пилотом, а прежде всего человеком и поэтому сказал:

— Я видел, как робот на улице кормит ребенка. Ведь не считает же мать работой кормить свое дитя?

— Считала бы, будь у этого ребенка мать.

Данло на миг онемел и даже дышать перестал. Всю свою жизнь он слышал рассказы о мирах, где дети рождаются искусственным путем. Эти извращенные создания, не имеющие ни отца, ни матери, называли слельниками и насмехались над ними. Кадетом он даже знал в Невернесе одного из таких, безупречного внешне, но несчастного внутренне, с идеальным телом и затравленными глазами. Мысль о том, что Изас Лель и все другие жители этого города — слельники, ошеломила Данло, и он замолчал, не находя слов.

— Растить ребенка в себе — это, безусловно работа, — продолжал Изас Лель. — А ухаживать за ним — тем более.

— Но ведь это жизнь! — выпалил наконец Данло. — Сама жизнь. Как же иначе?

Изас Лель вздохнул, словно втолковывая очевидные вещи ребенку, и промолвил с брезгливостью и презрением на лице:

— Жить? За нас это делают наши роботы.

Весь оставшийся отрезок пути никто из них не раскрывал рта. Вскоре они подъехали к большому, монолитному белому зданию, и Данло подумал, что теперь им придется выйти из робота, но тот по команде Изаса Леля перешел в крайний правый ряд, сбавил скорость и въехал на тротуар. Теперь он тащился, как древний старец, и пешеходы дисциплинированно уступали ему дорогу. Ходьба для большинства нараинов была единственным видом физической деятельности, но никто не ожидал, что один из трансценденталов унизится до их уровня.

Многие завистливо поглядывали на кибершапочку Изаса Леля и кланялись ему, словно богу. Робот, пробравшись через толпу, подкатил к блестящим дверям здания, и они отворились, пропуская его.

Если я останусь здесь надолго, то с ума сойду, подумал Данло.

Пока робот ехал по длинному белому коридору, Данло общался с Эде при помощи знаков. Эде все внимание сосредоточил на Изасе Леле — возможно, он пытался прочесть что-то на непроницаемом лице этого человека. Когда Изас Лель вступил в контакт со своим компьютером и глаза его стали пустыми, Эде знаком сообщил Данло, что они находятся в опасной ситуации.

— Тебе хотелось приключений — теперь их у тебя будет в избытке.

— Я знаю, — жестами же ответил Данло.

— Этот человек почти постоянно находится в контакте с каким-то кибернетическим полем. И очень возможно, что все твои действия и слова изучаются другими людьми, делящими с ним это поле.

— Знаю. И что же ты мне посоветуешь?

— Посмотри на его глаза! Убей его прямо сейчас, пока он в отключке, а потом сними с него шапочку и прикажи роботу вернуться к нашему кораблю. Лучшего шанса убежать у нас не будет.

Данло улыбнулся этому невероятному предложению и показал:

— Не можешь ли ты посоветовать что-нибудь более осуществимое?

— Будь осторожен, — незамедлительно ответил Эде. — Следи за своим лицом — и за мыслями тоже, пилот.

Во время их проезда по коридорам им встречались другие люди, такие же трансценденталы, как Изас Лель. Все они ехали на роботах, в кибершапочках на лысых головах. Данло, видимо, вызывал у них повышенный интерес, и они разглядывали его без стеснения, как экзотическое животное, привезенное Изасом Лелем из загородного леса. Данло казалось, что

он попал в какой-то клуб, где трансценденталы — одни только трансценденталы — собираются каждое утро, чтобы скоротать свои нескончаемые досужие дни. Он спрашивал себя, какие цели могут преследовать эти люди с холодными глазами, но тут робот остановился у одной из дверей.

— Это здесь, — сказал Изас Лель. — Мы ждем вас.

Данло обменялся знаками с Эде, пообещав, что будет следить за собой. Улыбаясь предстоящей опасности, он смотрел на дверь комнаты, где ждали его трансценденталы Нового Алюмита.

Глава 12

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЫ

Основной парадокс эдеизма заключается в следующем: Бог, вечный, бесконечный, непознанный, всемогущий и вездесущий, не имеющий образа и формы, является в то же время Николосом Дару Эде, человеком, который стал Богом. Эдическая теология и доктрины различных эдических сект проистекают из попытки объяснить это противоречие.

Британская Энциклопедия, 1754 издание,
10-я исправленная стандартная версия

Дверь отодвинулась в сторону, и робот въехал в помещение, которое Изас Лель назвал залом собраний. Окон здесь не было, пол покрывал белый пластик, стены и потолок представляли собой сплошной купол из мерцаля или какого-то похожего материала. При въезде Данло этот купол вспыхнул разноцветными огнями. Багровые, охряные, зеленоватые и розовые полосы складывались в знакомую картину, и Данло понял, что это закат. Утром, в недрах закрытого города, он наблюдал, как опускается за изумрудные холмы огромное солнце Нового Алюмита. Небо переливалось фиолетовыми и розовыми красками, что было очень красиво, хотя и нереально. То, что нараины предпочитали такие вот виртуальные закаты прямому взгляду на мир, беспокоило Данло. Беспокойство вызывали также вазы с живыми цветами в центре зала и блестящий хромированный чайный сервиз, только что, очевидно,

доставленный сюда служебным роботом. Дело выглядело так, будто Изас Лель, руководствуясь краткими замечаниями Данло по дороге сюда, каким-то образом подготовил зал к его приему.

Точно посередине пола лежала большая, пухлая красная подушка, и Данло по приглашению Изаса Леля сел на нее. Сам Изас Лель остался в роботе, как и все остальные трансценденталы. Шестеро человек расположились перед Данло полукругом. Их кибершапочки сверкали золотом, отражая ложный закат. Данло сидел с поджатыми ногами, глядя на них снизу вверх, и их стеклянные глаза давили ему на сердце, словно камни.

— Позвольте представить вам присутствующих: Лиесвир Ивиосс, — начал Изас Лель, указывая на худощавую женщину с классически правильным и гладким, как у ребенка, лицом. Ее можно было принять за ровесницу Данло, хотя она насчитывала девяносто лет от роду.

— Кистур Ашторет, — продолжал Изас Лель. Этот мужчина (или женщина?) с бело-розовым лицом выглядел столь же хрупким и изнеженным, как все ивиюнирцы. Будучи представленным, он наклонил голову и улыбнулся. Данло это удивило: из всех трансценденталов один только Кистур Ашторет приветствовал его таким образом.

— Патар Ивиаслин, Енена Ивиасталир. — Нараинские имена, кроме Кистура Ашторета, казались Данло трудными — особенно у двух последних женщин (или мужчин). Это были Диверос Те, тонколицее существо, пребывающее где-то в ином мире, и Ананда Наркаваж, чьи губы дрожали, а полузакрытые глаза ускользали от взгляда Данло. Вот какова, стало быть, элита этого города, его принцы, лорды и махарани. Данло предполагал, что они правят также и всей планетой, и был очень близок к правде.

— Позвольте предложить вам чаю, — сказал Изас Лель. По его знаку служебный робот раздал чашки с горячим напитком трансценденталам и Данло. Чай испускал непривычный пряный аромат. Эде, парящий над своим компьютером на полу рядом с подушкой, исподтишка показал знаками:

— Берегись отравы! Берегись наркотика правды — эти нараины определенно захотят прочесть твои мысли.

Данло улыбнулся и отпил большой глоток — что ему еще оставалось?

Допрос, которого он ожидал, начался сразу, без промедления.

— Вы утверждаете, что являетесь пилотом Ордена из мира под названием Невернес, — сказал Изас Лель. — Что это за Орден? Какая звезда освещает ваш мир?

Данло поставил чашку на пол, нащупал в брючном кармане флейту, сделал глубокий вдох и ответил:

— Если быть точным, Невернесом называется город, в котором я учился. Сама планета носит название Ледопад, хотя иногда ее тоже называют Невернесом по имени города. И солнце наше называется звезда Невернеса.

— Вы и родились в этом городе?

— Вблизи от него.

— Открытый город. Вы сказали по радио, что Невернес открыт свету звезд, — это правда?

— Да.

— Где же находится звезда Невернеса?

Данло протянул руку и указал вправо над головой Ананды Наркаваж. Он гордился тем, что в любой точке вселенной, в самой глубине закрытого города, при любой пространственной ориентации всегда мог найти дорогу домой.

— Вон там, — сказал он просто.

Изаса Леля и всех остальных этот ответ привел в замешательство. Их глаза сделались такими пустыми, точно вовсе провалились внутрь.

— Я имел в виду ее местонахождение относительно Известных Звезд, — пояснил Изас Лель.

Данло внутренне улыбнулся, задавая себе вопрос, сколько звезд может быть известно этим живущим в улье людям. Сам он знал десять тысяч по имени и около миллиона с виду, с созвездиями, которые они составляли среди неисчислимых огней галактики.

— Какие звезды вы называете Известными? — спросил он.

— Вы хотите сказать, что не знаете этого?

— Нет, не знаю.

Изас Лель закрыл глаза. Закат на стенах комнаты исчез, ушел, как вода в сточную трубу. На миг в зале стало темно, как в космосе, а затем зажглись звезды — тысячи белых огоньков, изображающих звезды. Данло почти сразу узнал бледно-голубую звезду сайни, и звезду в хвосте Рыбы, и Медеарис Люс, и все другие звезды этого сектора.

— Можете ли вы показать, которая из них звезда Невернеса?

— Ее здесь нет.

— Но это *Известные* Звезды, — произнес Изас Лель с ударением, будто Данло был слепым или глухим.

— Звезда Невернеса светит в другом месте галактики.

— Но здесь показаны все звезды в радиусе пятидесяти световых лет! — В устах Изаса Леля «линья-то» — световой год — звучало как нечто недоступное воображению. Впрочем, расстояние в шесть триллионов миль представить действительно нелегко.

— Звезда Невернеса светит далеко отсюда.

— Дальше, чем сто световых лет?

— Да.

— Насколько же далеко?

— Очень... очень далеко. — Данло на миг зажмурился и добавил: — Если измерять по прямой линии, от вашей звезды до моей будет около тридцати тысяч световых лет.

Данло, как обычно, говорил негромко, но эта цифра прозвучала, как удар грома. В зале повисла глубокая тишина.

— Не может быть! — воскликнул Диверос Те. Его (или ее) голос напоминал самые тихие звуки бамбуковой флейты, и Данло слышал его впервые.

— Тридцать тысяч световых лет — это невозможно, — подтвердила Ананда Наркаваж.

— Это не может быть правдой, — поддержала их своим мелодичным голосом Лиесвир Ивиосс.

Тем не менее это была чистая правда. Данло пересек линзу галактики и проник, возможно, дальше, чем любой другой пи-

лот в истории Ордена. Тридцать тысяч световых лет — это очень далекий путь, такой далекий, что даже мастер-пилоты Невернеса, сидя у своих очагов, изумились бы, услышав о нем.

Взгляды всех трансценденталов в мерцающем сумраке зала сосредоточились теперь на Изасе Леле, как будто он говорил им что-то. Через некоторое время он заговорил по-настоящему, посредством звуковых волн:

— Возможно, Данло ви Соли Рингесс из Невернеса действительно говорит правду — или верит, что говорит ее.

Закат в потоке ослепительных красок вернулся обратно, и Данло понял секрет этого зала собраний. За тонким слоем мерцаля помещались пурпурные нейросхемы или другие элементы, сканирующие электрохимические процессы его мозга. Возможно, они реагировали даже на самые мимолетные его мысли. Вся эта комната представляла собой компьютер, нечто вроде кибершапочки трансцендентала, а еще точнее — нечто вроде кабины легкого корабля. Но работала она не по принципу контакта между пилотом и логическими схемами его корабля; здесь трансценденталы, возможно, исследовали умы нараинов низшего ранга, которым требовалась помощь для вхождения в кибернетическое пространство Поля. Человеческое сознание развертывалось здесь в буквальном смысле, слой за слоем, как луковица. Данло уже слышал о таких местах: о ярконских камерах правды, о темных ячейках Кваллара — и о секретных нуль-камерах в невернесской башне цефиков.

— Если это правда, мы хотели бы знать, как это возможно, — сказала Лиесвир Ивиосс.

Данло сидел выпрямившись, касаясь дырочек флейты под тонким шелком штанины. Он тихо, почти незаметно передвигал по ним пальцы, и в уме у него играла музыка, затрудняющая, как он надеялся, работу здешним сканерам. Он слушал эту тайную мелодию с того самого момента, как вошел сюда, а теперь применял и другую технику, которой научил его друг, цефик Хануман ли Тош.

— Данло ви Соли Рингесс, — произнес чей-то голос из темноты, — вы можете объяснить нам, как найти звезду Невернеса?

Этого Данло сделать не мог. Ему, как пилоту, запрещалось открывать кому бы то ни было координаты своей родной звезды — как и любой другой.

— Можете ли вы объяснить нам, как провели свой корабль через тридцать тысяч световых лет?

— Да... могу. — Звуки песни, которую Данло сложил однажды для своего учителя, формировали алые капли у него в голове, и ему было трудно говорить. — Но не должен... и поэтому... ничего не скажу.

— Можете ли вы рассказать хоть что-нибудь о своем корабле, на котором проделали столь невообразимое расстояние? О легком корабле?

Вопросы вызывали в сознании Данло запахи синофилы, скрикса и прочих обитателей инопланетного зоопарка. Он шевельнул губами и произнес односложно, точно темно-синий пузырь выдул:

— Нет. — Он осознал это свое действие, как реальный звук, производимый языком и зубами, и повторил: — Нет, — но все его ощущения так перепутались, что это прозвучало почти как «да».

— Достаточно, — сказал чей-то голос. Данло открыл глаза и увидел сиреневые звуковые волны, исходящие изо рта Кистура Ашторета. — Нам вообще не следовало приводить его сюда.

Данло показалось, что все трансценденталы разом исчезли из комнаты, как испарившийся сухой лед — вероятно, вступили в общий мысленный разговор. Миг спустя они вернулись в пространство-время, как легкие корабли из мультиплекса, и Изас Лель сказал:

— Вы странный человек, Данло ви Соли Рингесс. На вид вы наивны, как любой наман, и при этом обладаете такой поразительной умственной подготовкой.

«Наман» Эде перевел как «непосвященный». Данло помнил, что должен знать истинное значение этого слова, но не мог вспомнить, каково оно.

— Если вам нужно снять напряжение, — продолжал Изас Лель, — я обещаю, что между вами и этим залом больше не будет контакта, пока вы сами того не пожелаете.

Данло взглянул на Эде.

— Это уловка! — бешено жестикулировал тот. — Не показывай им свое лицо! Не позволяй им видеть тебя!

Но Данло услышал в голосе Изаса Леля правду и доверился ей.

— Да, — с медленной улыбкой сказал он. — Я не хочу контакта.

— Хорошо. Можете расслабиться.

— Как скажете. — Данло сделал глубокий вдох, потом выдох.

— Где вы научились этому искусству? — спросил Изас Лель.

— У моего друга. Он цефик.

— Что такое «цефик»?

Данло стал рассказывать об исследованиях Ордена в вопросах сознания во вселенной, и холодные голубые глаза Изаса Леля оттаяли, сделавшись почти человеческими.

Когда Данло закончил, Кистур Ашторет сказал:

— Мы никогда не слышали о вашем Ордене. И никто другой не слышал.

— Возможно — я первый пилот, проникший так глубоко в Экстр.

Между трансценденталами опять возникло замешательство: слово «Экстр» на их язык не переводилось.

— Что такое «Экстр»? — спросил Кистур Ашторет.

Данло стал объяснять, что так называется область галактики, где звезды превращаются в сверхновые одна за другой. Трансценденталы сидели не шевелясь — дело выглядело так, будто им стало вдруг неудобно на их мягких сиденьях. Глаза Патар Ивиаслин приклеились к вазе с оранжевыми и пурпурными цветами, Диверос Те молчал, что было его (или ее) нормальным состоянием, бело-розовое лицо Лиесвир Ивиосс приобрело пунцовый оттенок.

— Мой Орден направил в Экстр миссию. — Данло не счел нужным говорить, что Орден, где всегда имело место соперничество разных группировок, фактически разделился надвое. — Мы ищем планету Таннахилл. Ищем людей, которые называются или назывались прежде Архитекторами Бесконечного Разума Вселенской Кибернетической Церкви. Старой Церкви. Быть мо-

жет, кто-нибудь в этом городе знает об этой планете или этих людях? Или... знает кого-то, кто может это знать?

Изас Лель задумчиво склонил голову, а затем, по обычаю самого Данло, ответил на вопрос вопросом:

— Зачем ваш Орден разыскивает Архитекторов этой религии?

— Потому что... — начал Данло, и тут ему вспомнилось значение слова «наман». На иштване так обозначался посторонний, буквально «не имеющий доступа» к благодати Вселенской Кибернетической Церкви. Данло показалось странным, что Изас Лель употреблял это слово из священного языка Старой Церкви. — Потому что звезды гибнут, и мы хотим просить Архитекторов... — снова заговорил он, и тут у него в уме, словно новая звезда в небе, высветилась информация о нараинах.

— О чем вы хотите просить их?

— Архитекторы Старой Церкви... — Данло показалось, что золотая шапочка Изаса Леля обменивается светом с шапочками других трансценденталов. Они все так же неподвижно сидели в своих роботах, глядя на Данло, а он смотрел на них.

— Продолжайте, пожалуйста.

— Это вы и есть, — сказал Данло. — Хотя нет. Вы и все нараины были Архитекторами раньше, да?

Наступившую паузу нарушила Лиесвир Ивиосс:

— Почему вы так думаете?

— Потому что это правда.

— Но откуда вы можете это знать?

— Я... просто знаю, вот и все.

Кистур Ашторет переглянулся с Изасом Лелем и сказал:

— Я думаю, мы должны ему рассказать. Не надо утаивать от него эту информацию.

Изас Лель, пристально посмотрев на Данло, с внезапной решимостью потер лоб и сказал:

— Архитекторы Кибернетической Церкви — это мы. Истинные Архитекторы истинной Вселенской Церкви.

— Понимаю, — сказал Данло, продолжая смотреть Изасу Лелю в глаза, пока тот рассказывал ему историю нараинов.

Это были последователи Лилианы иви Нараи, волевой женщины, бывшей прежде одной из уважаемых старейшин Ста-

рой Церкви на Таннахилле. Кроме того, она была провидицей и мистиком, более того — революционеркой, бросившей вызов застойным доктринам и одряхлевшей теократии Старой Церкви. Двести лет назад она выступила с призывом возродить истинный дух эдеизма. Она призывала отбросить все доктрины, устаревшие или приносящие прямой вред спасению души. Она собирала своих многочисленных последователей на тайные контактные оргии и прочие экстатические церемонии, целью которых было приблизить людей к Богу Эде. Нараины утверждали, что они и есть истинные Архитекторы Бога, и верили, что им открылся дух Истинной Вечной Вселенской Церкви. Они, разумеется, были еретиками, и ортодоксы Старой Церкви не замедлили провозгласить, что они — угроза для всего, что свято. На втором году апостольской деятельности Лилианы иви Нараи еретиков стали подвергать глубокому очищению, отправлять в изгнание, перепрограммировать и даже казнить.

Наконец, в 2541 году от Преображения Эде, Лилиана иви Нараи договорилась с властями об исходе. Ей дали десять тяжелых кораблей, и она привела свой народ к девственной планете с бирюзовыми океанами и ярко-зелеными лесами, где полыхали во славу Бога великолепные восходы и закаты. Но нараинам не было дела до красот природы. Они поклонялись иному божеству и назвали свой мир Новым Алюмитом, символизируя этим духовное единение с родиной Николоса Дару Эде. Они без промедления оправили своих роботов добывать минералы и строить закрытые города. Там, в этих пластиковых муравейниках, они наконец-то могли без помех заняться трансценденцией и приблизиться к вечному Эде. Они верили, что в них, особенно в пророках и наиболее выдающихся Архитекторах, называвших себя трансцендентами, живет истинный дух эдеизма. Они верили, что им под силу создать нечто поистине новое, поистине святое и в то же время древнее, как звезды.

Выслушав рассказ Изаса Леля, Данло отпил глоток душистого чая и сказал:

— Если ваши предки прибыли сюда с Таннахилла, вы должны знать эту планету, правда?

— Да, мы знаем Таннахилл, — признался Кистур Ашторет. Он так стыдился того, что они солгали Данло, что казалось, будто он вот-вот расплачется. — Некоторые из наших старейших даже помнят его — ведь они там родились.

Данло молча кивнул, мысленно содрогнувшись при мысли о людях, живущих более двухсот лет, и спросил:

— И вы можете сказать мне, где находится Таннахилл? Можете показать, которая звезда среди Известных — его солнце?

— Это возможно, — сказал Изас Лель, — но зачем вы хотите туда отправиться? Ведь вам уже сказали, что дом истинной Церкви — это Новый Алюмит. Почему бы вам не осуществить свою миссию здесь?

Пока Эде переводил сказанное, мысль Данло работала вовсю. Он не хотел обижать этих людей и потому предоставил правде говорить за него.

— Вы сказали, что Лилиана иви Нараи высказывалась против вредных доктрин Старой Церкви, да?

— Это верно, — сдержанно подтвердил Изас Лель. — За долгие века Церковь сформулировала много ложных доктрин — мы называем их программами, — осмеивающих дух эдеизма.

— А вы, нараины, основав Новый Алюмит, отказались от этих программ да?

Изас Лель чуть ли не впервые улыбнулся и с великой гордостью, хотя и не в полном соответствии с фактами, заявил:

— Мы освободились от *всех* программ. Путь к Богу нельзя ограничивать ничем. Мы все должны свободно входить в Поле и искать Бога согласно своим возможностям.

Данло улыбнулся в ответ — его очень позабавил намек Изаса Леля на то, что Бога можно найти в некоем кибернетическом пространстве и больше нигде. Однако он тут же посерьезнел и спросил:

— Значит, нараины освободились также и от Тотальной Программы?

Сердце Данло отсчитало десять ударов, а Изас Лель все молчал. Историки Ордена учили, что Тотальная Программа — это древний императив, обязывающий Архитекторов расселяться по вселенной и наполнять ее своим потомством. И рас-

пространять человеческую жизнь как только возможно. Наивысшая цель — это наделение сознанием мертвой материи. Для этого все элементы этой материи следует употреблять в пищу. Двигаясь через галактику и находя богатые, нетронутые планеты, следует превращать углерод, кислород, водород и азот этих миров в белок для вскармливания подрастающего потомства. Миры с полностью использованной биосферой следует уничтожать. Роботы должны разбирать их до последнего атома, чтобы освободившиеся элементы послужили пищей для еще большего количества человеческой жизни. Так следует поступать со всеми планетами, а затем, в конечном счете, и со звездами. Сверхновые — вот главная созидающая сила галактики. Сверхновые — это великие пылающие боги, творящие из своих раскаленных гибнущих тел кислород, кремний, железо и золото.

Когда-нибудь ни в одной из галактик вселенной не останется ничего, кроме свободных элементов — и людей, неисчислимого количества людей, чьи души сохраняются в вечных компьютерах. И кроме Бога Эде, разумеется. В конце времен Эде поглотит все освобожденные элементы, и вся вселенная перейдет в его бесконечное тело. Триллионы вечных компьютеров соединятся в один Вселенский Компьютер, который будет Богом и ничем более. Сознание и память всех Архитекторов, когда-либо живших во вселенной, наконец-то станут едины в Эде.

И тогда свершится чудо, о котором все Архитекторы мечтают с пылом разлученных любовников. За гранью конца времен, когда время и бытие начнутся сызнова, произойдет новое, второе сотворение вселенной. Эде из бесконечной своей любви к человечеству пожертвует собой и воссоздаст вселенную из материальных элементов своего божественного тела. Он создаст триллионы новых Земель, идеальных миров с зелеными садами и синими океанами, где не будет ни зла, ни страданий, ни смерти. Эти миры он населит людьми, создав новые тела для верных, страдавших во имя его, и перенесет их сознание из своей памяти обратно в живую плоть. Очищенные души перейдут в прекрасные, совершенные, бессмертные формы.

Некоторые теологи Старой Церкви утверждали, что золотой период воссоединения человека с Богом будет длиться вечно; другие полагали, что каждый человек, мужчина, женщина и ребенок, будет жить вечно, а когда-нибудь, в далеком-далеком будущем, сам станет Богом, как некогда Эде, и сотворит свою собственную вселенную. Наиболее ортодоксальные придерживались мнения, что ныне существующая вселенная, состоящая из камней, комет и звезд, изначально порочна и потому должна подвергнуться тотальной переделке. Поэтому жизненной целью и наивысшей честью для человека должно быть его сотрудничество с Богом в этом священном переустройстве космоса.

— Это безумцы с Таннахилла уничтожают звезды, а не мы, — сказал наконец Изас Лель. — Но откуда пилот из Невернеса может знать о Тотальной Программе?

Данло видел, что Кистура Ашторета и других трансценденталов тоже занимает этот вопрос.

— Старая Церковь на Алюмите, — ответил он, — а Алюмит находится поблизости от Цивилизованных Миров.

Данло рассказал, что в 1749 году от основания Невернеса внутри Вселенской Кибернетической Церкви произошел раскол. Старая Церковь начала войну с еретической Реформированной Церковью, и Война Контактов, как она стала потом называться, стала самой масштабной и затяжной в истории человечества. После двухсот лет этой кровавой бойни Старая Церковь потерпела поражение. Уцелевшие Архитекторы бежали в часть космоса, ставшую позднее Экстром, а Реформированная Церковь окрепла и отправила свои миссии на Яркону, в Невернес и в тысячу других Цивилизованных Миров. Можно сказать, что эдеизм стал там поистине вселенской религией. Если бы непреклонный Хранитель Времени (и возглавляемый им Орден) не проявили железного упорства, молодежь Невернеса сейчас исполняла бы Восемь Обязанностей Архитектора, даже не мечтая стать цефиками, скраерами или пилотами.

— Мы давно забыли звезду Алюмита, — сказал Изас Лель, — но Войну Контактов, разумеется, помним.

Данло держась за флейту в брючном кармане, глотнул воздуха и сказал:

— Во время этой войны был создан искусственный вирус, бактериологическое оружие. Известно, что этот вирус, убивший миллиарды людей, создали Архитекторы Старой Церкви вместе с воинами-поэтами.

И мой народ он убил тоже, мысленно добавил Данло. Хайдара, Чандру, Чокло и других.

— Воины-поэты? Кто это? — спросила Енена Ивиасталир.

Данло рассказал им об ордене воинов-поэтов, и одна мысль вдруг поразила его: «А теперь воины-поэты хотят возобновить свой союз со Старой Церковью».

Он прижал кулак ко лбу и спросил:

— Быть может, кто-нибудь из Архитекторов Старой Церкви знает средство против этого вируса? Быть может, кто-то из нараинов слышал о нем?

Изас Лель медленно покачал головой, а голову Данло с левой стороны внезапно пронзила страшная боль, точно кто-то всадил нож ему в глаз.

— От Чумы средства нет, — сказал Изас Лель, и эти слова обрушились на Данло каменной глыбой, вышибив из него дух.

— Насколько нам известно, — уточнил Кистур Ашторет. — Среди нараинов нет биологов.

— Понятно.

— Я никогда не слышал о таком средстве, — сказала Ананда Наркаваж.

— Я тоже. — Лиесвир Ивиосс потрогала кибершапочку у себя на голове, как будто там содержалась вся существующая во вселенной информация. — Но почему вас интересует средство от болезни, которая вот уже тысячу лет никого не убивает?

— Она убивает. — Данло вдавил кулак в шрам над левым глазом. — Она убила уже многих и продолжает убивать.

Запинаясь и глотая воздух, пахнущий углекислым газом и пластиком, Данло рассказал трансценденталам о гибели племени деваки. Чума не исчезла, говорил он; она, как отравленная нить ширива в куске обычной ткани, вплелась в человеческий геном и превратилась в пассивный участок ДНК. Вернее, пассив-

ной она остается только для людей, имеющих соответствующие гены-ингибиторы. У изолированных народов, таких, как алалои, вирус в любой момент может разорваться на миллиарды белковых пуль, превращающих мозг жертвы в красный студень.

— Деваки — лишь одно из алалойских племен. Существуют другие, много других.

— И вы хотите обеспечить их средством против этого спящего вируса? — спросил Изас Лель.

— Да. Если смогу. Я должен.

Изас Лель переглянулся с Кистуром Ашторетом и сказал:

— Мы помогли бы вам найти это средство, будь это в наших силах. Охотно поделились бы с вами такой информацией. Вы спрашивали о координатах звезды Таннахилла... Мы можем вам их сообщать, вот только...

— Только что?

— Трудно делиться чем-то с человеком, который ничего не хочет дать взамен.

Данло стиснул челюсти так, что заныли зубы. Нараины, вопреки своим претензиям на трансцендентальность, на деле оказывались прижимистыми, как купцы.

— Я поделюсь с вами всем... чем могу.

— Но мы уже спрашивали вас, где находится звезда Невернеса, и вы не захотели сказать.

— Но это не моя тайна! — почти выкрикнул Данло. Он подумал даже, не сказать ли Изасу Лелю эти координаты — такая информация все равно совершенно бесполезна для всех, кроме пилотов, обученных математике и вероятностной топологии. Но он действительно был не вправе открывать эти секретные сведения. — Я принес присягу.

— Ну разумеется. Присягу.

— Не понимаю, почему вы так хотите узнать, где находится Невернес.

— Нам, в общем, безразлично, где он находится. Но то, каким образом вы совершаете такие дальние космические путешествия, мы действительно хотели бы знать.

— Мне повезло, — искренне сказал Данло, вспоминая искривленные пространства мультиплекса, из которых вышел с таким трудом. — Мне выпала редкая удача.

— Да, возможно, но ведь пилот должен к тому же обладать большим мастерством, не так ли? Если вы готовы поделиться, нас интересует именно это мастерство.

— Быть пилотом нелегко, — сказал Данло.

— Но вы согласны научить нас тому, что знаете сами?

Из последующего разговора выяснилось, что космическое пилотирование и у нараинов, и у Архитекторов Старой Церкви находится на крайне низком уровне. Тяжелым кораблям Лилианы иви Нараи потребовались годы, чтобы преодолеть несколько световых лет от Таннахилла до Нового Алюмита. За последние десять веков пилоты Старой Церкви с трудом наладили сообщение между семьюдесятью мирами сектора, который они называли Известными Звездами. В их столь скромных успехах повинен был, впрочем, сам Экстр, где мультиплекс опасен и непредсказуем, как скутарийская шахиня в брачный период. Но не только — здесь сыграло определенную роль закоренелое презрение и страх Старой Церкви к чистой математике. В этом отношении Архитекторы были не одиноки. Из всех, кого Данло встречал среди звезд, только канторы и пилоты Ордена любили математику самозабвенно и готовы были жизнь за нее отдать. Из всех городов галактики только в Невернесе, в его башнях (и легких кораблях), математика достигла своего полного и прекрасного расцвета. В этой любви и в этом знании заключалась истинная власть Ордена, а власть нелегко приобретается и нелегко передается.

— На подготовку пилота требуется много лет, — сказал Данло.

— Нараины — народ терпеливый, — заверил его Изас Лель.

— И человека на этом пути подстерегает множество опасностей.

— Нараины не раз встречались с опасностью на пути к Новому Алюмиту.

— Я... не гожусь в учителя.

— Но вы же можете передать другим собственные знания?

— Нет. Орден допускает в наставники только мастер-пилотов и других мастеров. — Данло умолчал о том, что ему самому, когда он вернется из Экстра в новую Академию на Тиэлле, почти наверняка присвоят звание мастера.

— Ваш Орден живет по собственным правилам, не так ли?

— Да.

Гнев и досада уже начали проступать на лице Изаса Леля, когда Данло понял, что ему представляется редкий случай завоевать расположение этого человека.

— Если вы действительно хотите, чтобы у нараинов были свои пилоты, способ есть.

Глаза трансцендентала вонзились в Данло, как лазеры.

— Что за способ?

— Обучение пилотов — один из видов деятельности моего Ордена. Многие Цивилизованные Миры посылают свою молодежь в Невернес получать образование.

Изас Лель задумался, поглаживая пластиковое сиденье своего робота.

— Вы хотите сказать, что нам нужно отправить своих детей за тридцать тысяч световых лет?

— Нет, — грустно улыбнулся Данло. — Это было бы невозможно. Но на планете Тиэлла очень скоро откроется новая Академия. Вы можете послать своих детей туда.

Это тоже было одним из аспектов власти Ордена. У элиты Цивилизованных Миров давно уже вошло в обычай посылать в Невернес наиболее одаренных своих отпрысков. Делая это, родители надеялись, что их сыновья и дочери привезут домой сокровища знания, обретенные в холодных стенах Академии. Иногда эти надежды сбывались, но в душах тех, кто возвращался домой, навсегда оставались шпили Невернеса и непостижимый дух Ордена. Молодые люди, столь преданные своим мирам раньше, возвращались туда уже не ярконцами, сильвапланцами или торскаллийцами, а членами Ордена. Через них Орден осуществлял свою подпольно-подрывную деятельность. Но об этом Данло не сказал ничего. В качестве посла он обязан был соблюдать дипломатию при всей своей ненависти к затаенной лжи, которой требовала от него эта задача.

— Возможность посылать молодежь в вашу новую Академию — это грандиозный шанс, — сказал Изас Лель.

— Да, — подтвердил Данло. — Так многие думают.

Изас Лель поставил заслон своим эмоциям, и глаза у него стали жесткими, как сапфиры.

— Если мы назовем вам координаты звезды Таннахилла и вы отправитесь туда, вы и Старой Церкви предоставите такую возможность?

— Возможно, мне придется это сделать.

Он боится Старой Церкви, подумал Данло, но еще больше боится обнаружить свой страх.

— Старейшины Старой Церкви ни за что не позволят, чтобы их дети обучались у наманов какого-то неизвестного Ордена, — ядовито ввернула Лиесвир Ивиосс.

— Согласен, — поразмыслив, сказал Изас Лель. — Но это не значит, что мастерство этого молодого пилота их не заинтересует.

Он боится, что Архитекторы пытками вырвут у меня нужные знания, подумал Данло — и замер, представляя себе, как какой-нибудь мастер-палач вонзает иглу ему в глаз и вводит ее вдоль зрительного нерва в мозг. Но почему Изас Лель этого боится?

— Вряд ли старейшины смогут узнать достаточно много, — заметил Кистур Ашторет, — если только не пошлют своих детей на Тиэллу, где бы эта Тиэлла ни была.

— Можем ли мы быть уверены в этом? — усомнилась Ананда Наркаваж.

— Можем ли мы хоть в чем-то быть уверены? — скептически отозвался Кистур Ашторет.

Данло ценил то, что трансценденталы говорят так открыто в его присутствии, но понимал, что многое остается недосказанным.

— Об уверенности здесь говорить не приходится, — заметил Изас Лель. — Это трудный вопрос.

— Даже если Старая Церковь и пошлет своих детей в эту Академию, — вмешалась Патар Ивиаслин, — они, несомненно, не смогут достигнуть там таких же успехов, как *наши* дети.

— Вход в мультиплекс, о котором Данло ви Соли Рингесс рассказывал так красноречиво, напоминает, должно быть, контакт с Полем, — сказала Енена Ивиасталир, в которой

практичность сочеталась с метафизическим мышлением. — Здесь у наших детей должно быть преимущество.

Они сомневаются, стоит ли доверять мне, думал Данло. Сомневаются, будут ли результат стоить риска, если они покажут мне дорогу на Таннахилл.

— Думаю, что нашим детям будет чему поучиться и у цефиков этого Ордена, — сказал Изас Лель и улыбнулся Данло, касаясь своей шапочки надо лбом. Как видно, продемонстрированное Данло цефическое искусство произвело на него сильное впечатление.

Но в чем же риск, думал Данло? Чего они, собственно, боятся?

Несколько лет назад Хануман ли Тош научил его читать по лицам и объяснил, что реакция человеческих мускулов и нервов всегда выдает тайную работу ума. Поднятая бровь, поджатые губы, согнутый палец — все это может рассказать, о чем человек думает. Если уметь расшифровывать все эти знаки, можно разгадать, чего человек боится. Но Данло не был цефиком — и даже для мастер-цефика, такого, как грозный Одрик Палл, трансценденталы оказались бы твердым орешком.

— Да, дети, — сказал Изас Лель. — Порой приходится делать трудный выбор.

И вдруг, с внезапностью переохлажденной капли воды, которая кристаллизуется в снежинку, Данло понял. Не то чтобы он прочел что-то на гладком и пустом лице Изаса Леля, нет — ответ ему подсказало неведомое внутреннее чувство, сходное с погружением в ледяное море.

Он боится войны, подумал Данло. С того самого времени, как нараины бежали на Новый Алюмит, Старая Церковь грозит им войной.

Данло представил себе, каково все время жить под угрозой войны, и его темно-синие глаза наполнились светом и состраданием.

— Правители Цивилизованных Миров посылают своих детей в Невернес уже тысячу лет, — сказал он. — За это время войны не было ни разу.

— Почему вы заговорили о войне? — странно посмотрев на Данло, спросил Изас Лель.

— Но ведь война между нараинами и Старой Церковью... возможна?

— Почему вы так думаете?

Все трансценденталы старались не смотреть на Данло и упрятать свои эмоции поглубже, как червячник прячет огневит.

— Такое случается. — Данло не хотел говорить о своем чувстве правды и потому обратился к истории. — Когда внутри религии начинается ересь и раскол, война всегда возможна, ведь так?

— Вероятно, — сказал Изас Лель. — Но почему вы так вдруг решили привлечь наше внимание к подобной возможности?

Данло молчал, устремив на Изаса Леля темно-синие, полные света глаза.

— Откуда вы все это знаете? — спросил наконец трансцендентал. — Откуда вы знаете то, что знаете?

— Этот пилот действительно много знает, — сказал Кистур Ашторет. — Думаю, что Данло ви Соли Рингесс прежде всего хорошо разбирается в людях.

Вслед за этим наступило молчание. Трансценденталы, сидя в своих роботах, всматривались в какой-то иной мир, видимый только им. Данло чувствовал, что они говорят о нем — возможно, даже обсуждают какое-то важное решение. Когда его сердце ударило сто двенадцать раз, Изас Лель склонил перед Данло голову и сказал:

— Это правда. Мы живем под угрозой войны уже двести лет, но пять лет назад Старая Церковь вернула нашего посла и отозвала своего. Теперь всякий обмен информацией между нами прекратился.

То, о чем рассказывал Изас Лель, было достаточно обычным делом и повторялось несчетное число раз со времен возникновения первой религии на Старой Земле. Группа верующих вырастает из тесных пеленок матери-церкви, начинает сомневаться в ее доктринах и ее авторитете. За этим следуют раскол, исход, основание новой церкви, новая вера, новые

ритуалы — совершенно новое религиозное течение, которое, однако, считается возвратом к истинному духу церкви. При условии пророческого дара и необходимой энергии еретическое движение обрастает приверженцами и увеличивается со скоростью лавины, несущейся по склону горы. Оно обретает уверенность, отбрасывает прочь старые доктрины и табу, создает новую теологию, и небесная радость бурлит в его жилах, подобно священному напитку богов. Еретики делают первые шаги по пути, с которого нельзя повернуть назад, и их ересь усугубляется.

Старая церковь на первых порах относится к еретикам терпимо, даже если они именуют себя трансценденталами. Как-никак, все они — ее сыны и дочери, и милосердие обязывает ее вернуть их на путь истинный. Но ни один еретик, вкусивший сладкого вина бесконечности, не может более удовлетворяться пустой чашей в руках. Никто не желает возвращаться в лоно старой церкви, и она, как женщина, чьей любовью пренебрегли, впадает в гнев и ненависть. Отношения между ней и еретиками портятся или прекращаются — навсегда. И если этот разрыв совпадает с усилением власти наиболее ортодоксальной церковной фракции, угроза войн становится вполне реальной.

— Ивиомилы призывают к фацифаху, священной войне, — сказал Изас Лель. — Они намерены силой вернуть нас к Восьми Обязанностям — или к Эде.

Впоследствии Данло понял, что выражение «вернуть к Эде» служит эвфемизмом для узаконенного церковью человекоубийства.

— С этими ивиомилами трудно договориться, да?

— Невозможно. Они не признают доводов разума.

Данло сидел неподвижно, держась за бамбуковую флейту в кармане. Почувствовав в трансценденталах надежду на то, что он может им помочь, он сказал:

— Но есть и другие Архитекторы, кроме ивиомилов, — с ними переговоры возможны, да?

— Вера без разума слепа, — ответил Изас Лель. — Старейшины Церкви знают об этом уже три тысячи лет.

Не три, а добрых тридцать тысяч, подумал Данло. Вера и разум, разум и вера — это две руки, правая и левая, делающие любую религию тем, что она есть.

— Значит, старейшины открыты доводам разума? — спросил он.

— Некоторые из них, — сказала Изас Лель. — Верховный Архитектор, Харра Иви эн ли Эде, исключительно разумная женщина.

— Но у вас больше нет посольства на Таннахилле, и поэтому переговоры с ней невозможны, да?

— Совершенно верно.

Данло смотрел в глубину бледных зыбких глаз Изаса Леля, и ему казалось, что между ними начинает складываться понимание.

— Если бы я отправился на Таннахилл, — сказал он, — меня скорее всего представил бы Харре Иви эн ли Эде?

— По всей вероятности.

— Я мог бы завоевать ее доверие. Я мог бы... договориться с ней, правда?

Изас Лель был близок к улыбке, но настороженность в глазах еще сохранялась.

— У Харры много врагов, и добиться открытых переговоров с ней не так просто.

— Понятно.

— Ее ум похож на ваш корабль, пилот: он ясен, тверд и организован почти безупречно, но проникнуть в него трудно.

Данло улыбнулся при мысли о своем корабле, оставленном на верхушке города, высоко над ними. Если нараины попытаются открыть его или сканировать его содержимое, это им почти наверняка не удастся. Запертый легкий корабль может вскрыть разве что взрыв водородной бомбы (или сверхновой).

— В чужой ум всегда можно проникнуть, если знать правильные слова, — сказал Данло, и ему вспомнились слова фраваши, его учителя: «Человеческий разум создан из слов — а что из слов создано, словами и разрушается».

— Да, вы, возможно, сумеете найти новые слова, чтобы открыть доступ к Харре Иви эн ли Эде. Вы умеете открывать людей им самим — думаю, мы все это заметили.

Данло обвел взглядом полукруг трансценденталов. Все они, мужчины, женщины и существа неопределенного пола, улыбались ему.

— Кистур Ашторет прав, — сказал Изас Лель, — вы хорошо разбираетесь в людях. Вы знаете совершенно невозможные для вас вещи — есть надежда, что знаете и то, как помочь нам избежать этой войны.

Сердце Данло забилось легко и быстро, как у ястреба. Он был очень доволен оборотом, который принял их разговор, да и собой, по правде говоря, тоже. Но довольству и гордости не стоило предаваться. Чем выше взлет эмоций, тем тяжелее падение.

— Если мы откроем вам звезду Таннахилла, вы поговорите о нас со старейшинами Церкви?

— Да, — сказал Данло.

— У вас есть своя миссия — вы действуете от имени вашего Ордена, — продолжал Изас Лель. — Мы не просим вас жертвовать ею, но согласны ли вы стать также и нашим эмиссаром?

— Да, — сказал Данло, думая, что достиг почти всего, к чему стремился.

— Эмиссаром мира, — подчеркнул Изас Лель. — Все, что нам нужно, это мир.

Данло молча склонил голову и вспомнил, что фраваши, его учитель, дал ему имя Данло Миротворец.

— Мы очень хотели бы показать вам звезду Таннахилла, — сказал Изас Лель.

Торжество растеклось по жилам Данло, как крепкий кофе, и он поднял глаза к куполу, ожидая, что там снова появится картина звездного неба — но этого не произошло.

— Мы хотели бы показать ее вам, но, к сожалению, не можем.

— Не можете? — Данло вдохнул и задержал дыхание до жжения в легких.

— Принять такое решение не в наших полномочиях.

На стенах по-прежнему горел закат. За все время их разговора кроваво-красное солнце Нового Алюмита едва ли на дюйм снизилось над пылающим горизонтом.

— Я не понимаю. — Данло посмотрел на высокомерную Лиесвир Ивиосс, на тихого застенчивого Диверoса Те и на всех остальных. — Ведь вы же трансценденталы? Разве вы не вправе принимать решения от имени всех нараинов?

— Вправе, — сказал Изас Лель, — и не вправе.

— И да, и нет, — повторил Данло. — Вы...

— Я только один из многих, — прервал его Изас Лель. — И все остальные тоже.

— Ну да, — сказал Данло, глядя на аметистово-карминовый закат, — один из многих. Я думал, что вы все вместе посовещаетесь в пространстве, которое называете Полем, и примете решение.

— Я вижу, мне следует объясниться более подробно. Я — один из многих, которые есть одно. Никто другой из тех, кого вы здесь видите, в это единство не входит.

— Какое единство?

— Меня — нас — зовут Абраксас. Трансцендентальное Единство — это Абраксас.

Только тут Данло вспомнил свой первый разговор с трансценденталами по радио, когда его корабль находился на орбите Нового Алюмита. Тогда его собеседник назвался полным именем: Изас Лель Абраксас.

— А мое имя — Мананнан, — сказал Кистур Ашторет.

Изас Лель объяснил, что каждый из трансценденталов является частью групповой личности, и каждая из этих личностей имеет свое имя. Трансцендентальное «я» Изаса Леля состояло из семи частей: в Мегине, Келькарке и других городах планеты проживало еще шестеро трансценденталов, разделяющих его личность. Они встречались в кибернетическом Поле, не имеющем, подобно сну, ни места, ни времени. Тогда из их разнообразных свойств и талантов — целеустремленности Изаса Леля, доброты Омара Ивиорвана, невозмутимости Дархи ли Лан — складывалась единая кибернетическая сущность.

В такое же единство входил каждый из присутствующих в зале трансценденталов: Лиесвио Ивиосс — в триаду по имени Шахар, Диверос Те — в знаменитую четверку Маралах. В других городах имелись трансценденталы, которые входили в Поле по-

одиночке, но это было исключением. Идеалом, как объяснил Изас Лель, был выход за пределы своего отдельного «я» — и трансценденталы считали, что достигли этого. Если верить Изасу Лелю, эти высшие кибернетические личности были столь же реальными и цельными, как личность каждого человека, вынужденного существовать в материальном мире, но при этом мудрыми и могущественными, почти как боги.

— Именно Трансцендентальные Единства управляют нараинами, — сказал Изас Лель. — Мы можем встретиться с вами в этом зале и сообщить о нашем решении, но решение будет принято нами-ими после встречи в Поле.

— Понятно, — сказал Данло, хотя на самом деле не понимал, как это можно — слиться с другими в высшее кибернетическое существо. — Выходит, вы держите контакт со своими высшими «я», с Трансцендентальными Единствами, почти постоянно.

Взгляд Изаса Леля на миг обратился внутрь, после чего он ответил:

— Да, почти.

— Тогда это совещание, этот конклав ваших высших «я» тоже происходит почти постоянно?

— В это самое время, Данло ви Соли Рингесс.

— Вам надо решить, можно ли мне доверять, да? Вы уже близки к решению?

— Нет, еще нет. Трансценденталов много, и Единств тоже.

Изас Лель сказал, что всего в городах Нового Алюмита существует 16 609 трансценденталов, которые входят в 4084 единства. Самые известные из единств — это Абраксас, Мананнан, Тир, Шахар, Маралах, Эль и Кане. То, что каждый трансцендентал в этом зале входит в одно из них, — не случайность. Ивиюнир — главный город планеты, где все трансценденталы стремятся прожить свою жизнь наиболее достойно.

— Могу ли я как-то помочь вам в принятии этого решения? — спросил Данло.

— К сожалению, пилот, сейчас вы ничего не можете сделать.

— Правда ничего?

Изас Лель Абраксас, успевший немного разгадать дикую натуру Данло во время их короткой совместной поездки, резко посмотрел на него и спросил:

— Что вы имеете в виду?

Данло как бы ненароком извлек из кармана свою флейту, но играть не стал.

— Если бы я мог встретиться с этими Единствами, Абраксасом и Мананнаном, я, возможно, помог бы им принять решение.

— Вы *уже* говорите с ними, — напомнила Лиесвир Ивиосс. — Через нас Единства слышат каждое ваше слово.

— Да, но я хотел бы поговорить с ними лицом к лицу, не одними только словами.

— Лицом к лицу?! — тонким, возмущенным голосом вскричала Патар Ивиаслин. — Что вы, собственно, под этим подразумеваете?

Но Ананда Наркаваж, двенадцатая часть Эль, внесла ясность:

— Вы хотите войти в Поле и вступить в контакт с Трансцендентальными Единствами?

— Да, — быстро, смело и дико ответил Данло. — Если можно, то да.

Настала мертвая тишина. Трансценденталы смотрели на Данло молча, ошеломленные его предложением. С тем же успехом он мог бы предложить поучаствовать в ножевой церемонии воинов-поэтов или помочь скутарийской шахине в ее многочисленных совокуплениях и ритуальном каннибализме, завершающим эту священную оргию.

Затем Изас Лель откашлялся, выпил воды из протянутой ему роботом пластиковой трубки и сказал:

— Ну что ж, простым людям тоже иногда разрешается контакт с Единствами. Мы не должны становиться недосягаемыми.

— Разумеется, — согласилась Ананда Наркаваж. — Но Данло ви Соли Рингесс, пилот с неведомой нам звезды, наман...

— Чтобы наман входил в Поле и контактировал с Единствами? — подхватила Лиесвир Ивиосс. — Нет-нет, это невозможно.

Но это, разумеется, было возможно, о чем Изас Лель напомнил всем остальным.

— Данло ви Соли Рингесс, чтобы вести свой корабль среди звезд, должен входить в поле, которое называет мультиплексом.

Тут Данло чуть было не улыбнулся, но боль над глазом, где у него всегда начинались головные боли, согнала всю веселость с его лица. Изас Лель не совсем понимал, о чем говорит. Мультиплекс — не просто разновидность кибернетического пространства или сюрреальности; он гораздо, гораздо глубже — возможно, глубже самой реальности.

— Притом он обучался у цефиков своего Ордена, у этих кибершаманов, которые так мастерски ориентируются в кибернетических пространствах.

А вот это было верно. Данло радовался тому, что Изас Лель поддерживает его просьбу о входе в Поле. Да и Лиесвир Ивиосс, до сих пор проявлявшая антагонизм к Данло и всем его надеждам, внезапно переменила тон.

— Да, возможно, Данло ви Соли Рингессу можно разрешить контакт с Единствами. Если он окажется достойным, мы, возможно, допустим его в Поле.

Глаза трансценденталов в двадцатый раз за это утро остекленели, словно превратившаяся в лед вода. Несколько мгновений спустя они вернулись к реальности зала собраний и к Данло, терпеливо сидящему на своей подушке.

— Решение принято, — с неловким, почти смущенным видом сказал Изас Лель.

— Да? — не дожидаясь продолжения, откликнулся Данло.

— Решено, что вопрос о предоставлении вам информации о Таннахилле должны решать все Трансцендентальные Единства.

— Понятно.

— Кое-кто полагает, что будет полезно, если вы при этом войдете в Поле и вступите с Единствами в контакт.

— Правда?

— Но другие, к сожалению, так не считают.

— Понятно.

— Вопрос о вашем допуске в Поле тоже решить не так просто. Но мы решили, что такое решение принять необходимо.

— Значит, вы решили... только это?

— Да, пилот, к сожалению. У нараинов нет единственного правителя, как у вас в Ордене. Мы тщательно обдумываем свои решения, и нам это нелегко дается.

— Да, — согласился Данло. — Нелегко.

— Поэтому мы просим вас подождать, пока мы не примем решения относительно вашего допуска в Поле. Вы согласны подождать еще немного, Данло ви Соли Рингесс?

Трансценденталы смотрели на Данло и ждали, какое решение примет он. Данло наклонил голову и сказал:

— Хорошо, я подожду, если вы так хотите.

— Отлично, — сказал Изас Лель. — Для вас приготовлена квартира. Робот отвезет вас туда.

При этих словах красные пластиковые двери зала растворились. Пустой робот подкатил к Данло и остановился в нескольких дюймах от него. Данло понял, что его встреча с трансценденталами окончена. Он встал с подушки, спрятал флейту обратно в карман и поднял с пола образник. Устроившись на сиденье робота, он повернулся спиной к семи любопытным трансценденталам и мог теперь без помех наблюдать, какие знаки подает ему заслоненный от посторонних глаз Эде. Светящиеся пальчики Эде мельтешили, как крылатые насекомые, и смысл их движений был ясен: «Остерегайся входить в то место, которое они называют Полем. Берегись Лиесвир Ивиосс и ее Единства, Шахара».

— Почему? — прошептал Данло.

— Здесь много таких, кто не хочет, чтобы ты попал на Таннахилл, — ответил знаками Эде. — Они попытаются удержать тебя в этом Поле. Как пчелу, которая вязнет в нектаре огнецвета. Как бабочку, летящую на огонь.

Данло закрыл глаза, подумал немного и прошептал:

— Понятно.

— Покинем эту планету, пока еще можно, пилот. Пока еще не поздно.

— Нет. Я пока не могу улететь.

— Пусть тогда Трансцендентальные Единства принимают свое решение без тебя. Не надо тебе входить в это Поле.

Данло, улыбаясь про себя, потер шрам на лбу. Голова болела.

— Я должен, — шепотом сказал он. — Я сделаю это, если можно будет.

Тут робот почти бесшумно двинулся с места, выкатился в открытую дверь и поехал по ярким пластиковым коридорам, ведущим на улицы города Ивиюнира.

Глава 13

ПОЛЕ

Нет материи без формы, и нет форм, которые не зависели бы от материи.

Поговорка цефиков

В ожидании решения Трансцендентальных Единств Данло выделили квартиру на семнадцатом уровне города, с видом на широкий и людный бульвар Элиди. Квартира эта, как он вскоре выяснил, ничем не отличалась от других жилищ Ивиюнира; нараинам, как скутарийским нимфам в их кормительных ячейках, много места не требовалось. Здесь, разделенные тонкими перегородками из белого пластика, помещались ванная, туалет, где едва хватало места присесть на корточки, контактная комната почти такого же размера, спальня и варварский пережиток — кухня.

Есть в одиночку Данло всегда считал чем-то постыдным, но нараины придерживались другого мнения. Обществу они предпочитали удобство; проголодавшись, они подавали команду домашним роботам. Те включали на кухне лазерные печки, и через несколько секунд хозяева, расположившись на белых синтетических ковриках в спальне, поглощали в одиночестве невкусную еду машинного приготовления. Это был незавидный образ жизни, но, как сказал Данло Изас Лель, за нараинов жили их роботы.

В свободное время Данло пытался обнаружить в городе хоть какие-то признаки жизни человеческой, но проявления теплого, сочного, плотского быта встречались здесь очень редко. Нараины не обсуждали в ресторанах свежие новости, не встречались с друзьями в парках, кафе и магазинах. Во всем городе он не нашел ни единого парка или площади, где люди могли бы пообщаться. Он не раз пытался заговаривать с прохожими обоего (трудноопределимого) пола на улицах, но никто не желал вступать с ним в разговор. Все проходили мимо него так же поспешно, как мимо друг друга.

Эта холодная взаимная изоляция поражала, а между тем Данло не чувствовал неприязни друг к другу или прирожденной мизантропии, присущей, например, эталонам из сектора Бодхи Люс. Их необщительность он приписывал скорее застенчивости. Казалось, что их никогда не учили смотреть друг другу в глаза, спрашивать, как дела, улыбаться, смеяться и открывать сердца навстречу сердцам любимых, и радоваться свету, излучаемому душами других людей. Посторонний, прогулявшись по пластиковым тротуарам бульвара Элиди, скорее всего усомнился бы в том, что погруженные в себя существа, спешащие мимо в своих синтетических кимоно, — это люди. Он счел бы их не совсем живыми или, хуже того, решил бы, что они смахивают на роботов больше, чем настоящие роботы. По-своему он был бы прав. Для настоящего нараина пребывание в материальном мире, сар эн гетик, не отождествлялось с подлинной жизнью. Нараины, по существу, жили лишь для того, чтобы поскорее вернуться в свои опрятные квартирки, надеть на себя серебристые шлемы и улечься в контактных комнатах.

Там, в этих темных каморках, лежа друг над другом, как трупы на похоронном корабле, миллионы горожан закрывали глаза и входили в сверкающие пространства Поля, где сливались воедино. Одни искали кибернетического блаженства самадхи, другие — интеграции с высшими существами, немногочисленных третьих интересовал в основном обмен информацией.

Лишь после опасного для жизни общения с группой молодых экстремалов, называвшихся, судя по татуировкам на лицах, Ангелами Смерти Эде, Данло начал понимать нараинов и постигать их парадоксальный образ жизни. Взаимная отчужденность на улицах только усиливала сознание общей цели, которое они испытывали в Поле. Цель эта оставалась для Данло неясной, хотя пару раз ему казалось, что он почти разглядел ее, как белого медведя на морском льду. Если бы ему разрешили входить в Поле свободно, как любому из нараинов, он мог бы познать эту массовую галлюцинацию во всей ее гордыне и ужасе, но в контактной комнате его квартиры шлема не было. Трансценденталы предоставляли ему полную свободу, за исключением одного, единственно важного ее аспекта. Ему велели ждать решения Трансцендентальных Единств, и он ждал.

Чтобы скоротать время, он учил слова и грамматику современного иштвана. К этому его побуждали как досуг, так и необходимость. Здесь, в Ивиюнире, ничто не мешало ему носить с собой образник и пользоваться его лингвистической программой для разговоров с теми немногими, кто соглашался с ним поговорить. На Таннахилле это было бы невозможно. Там использование образа Николаса Дару Эде в качестве переводчика сочли бы кощунством.

— Вас могут убить на месте, — предупреждал Данло Изас Лель. — Достойные Архитекторы отберут у вас образник и разорвут вас на части.

Учить иштван для Данло не составляло особого труда — ведь это был один их правнучатых вариантов древнеанглийского, который Данло выучил еще послушником... Со своей феноменальной памятью он запросто запоминал по тысяче слов каждый день и вскоре обнаружил, что может говорить с нараинами без помощи образника.

Но Эде по-прежнему просил Данло брать его с собой на прогулки, и Данло из странного чувства лояльности соглашался. Правда, теперь, немного освоив язык, он пропускал мимо ушей и перевод Эде, и его нескончаемые, крайне утомительные зловещие предсказания. Настал день, когда трансцен-

денталы прислали за ним ярко-желтого робота. Тот, провезя Данло по бульвару Элиди и другим магистралям, вновь доставил его в святилище трансценденталов. Данло увидел те же коридоры, местами поросшие голубоватым грибком, и тот же зал собраний. На стенах и потолке пылал все тот же фиолетово-красный закат, в центре у красной подушки стоял хромированный чайный сервиз, пустоглазые трансценденталы в золотых шапочках на голых черепах все так же сидели в своих роботах. Только цветы, экзотические оранжево-лазурные цветы в двух пластиковых вазах рядом с подушкой завяли и сделались черными. Трансценденталы, видимо, не заметили этой маленькой смерти. Они наверняка бывали в своих квартирах, чтобы помыться и поесть, но казалось, что они за все это время не двинулись с места.

— Данло ви Соли Рингесс из Невернеса, приветствуем вас, — сказал Изас Лель.

Он предложил Данло остаться в роботе, как равному, как одному из трансценденталов, но Данло снова предпочел подушку и сел на нее, поджав ноги, прямой и безмолвный.

— У нас хорошие новости, — сообщил Изас Лель. — Решение по вашей просьбе относительно контакта с Трансцендентальными Единствами принято.

Взгляд Данло переходил с одного трансцендентала на другого. Большинство из них семерых, очевидно, уже вошли в Поле, чтобы влиться в свои высшие «я».

— Да? — сказал он.

— Вам разрешено войти в Поле. — Изас Лель, один из всех присутствующих, хотя бы частично сознавал присутствие Данло. — И вы сможете рассказать о своей миссии Трансцендентальным Единствам.

— Благодарю вас. — Данло смотрел на яркие электронные глаза стоящего на полу компьютера и думал о том, какими представляются этой машинной оптике фигуры и краски окружающего мира. Он мог бы задуматься и о том, какими представляются Эде трансценденталы, но это уже не было тайной.

— Не делай этого! — жестикулировала голограмма. — Не позволяй этим паукам завлечь тебя в свою кибернетическую паутину и высосать из тебя разум!

Данло улыбнулся этой органической метафоре и спросил Изаса Леля:

— Когда же я смогу встретить с Трансцендентальными Единствами?

— Прямо сейчас. Для этого мы и послали за вами. Но сначала вы должны ознакомиться с топографией Поля. Мы проводим вас, куда нужно.

— Они не могут себе позволить довериться тебе, — показал знаками Эде. — Есть многое, что они захотят от тебя скрыть, и ты им тоже не доверяй.

— Вы будете общаться со мной мысленно, да? — спросил Данло.

— Да, мы сможем обмениваться мыслями, но при условии, что они будут закодированы как слова.

— Понятно.

— Итак, начнем? — спросил Изас Лель.

— Если хотите.

— Хорошо. Закройте глаза, и я провожу вас к Трансцендентальным Единствам.

Свет в зале померк, и Данло закрыл глаза. Послушником он часто бывал в темных, наполненных паром ячейках библиотеки, где погружался в бассейн с теплой соленой водой и мысленно подключался к информационным массивам Ордена. Пурпурные нейросканеры, под которыми он плавал, считывали электрохимические процессы его мозга. Сейчас он находился в очень похожем состоянии. Его окружали те же мрак и тишина, но ему недоставало почти полного отключения всех внешних чувств, которое он испытывал в библиотечных бассейнах. Он предполагал, что компьютеры за мерцалевыми стенами этого зала генерируют гораздо более мощное логическое поле, чем маленькие органические ячейки библиотеки. В сущности, весь зал собраний был чем-то вроде библиотечной ячейки или даже цефического шлема, только намного, намного больше. Орден мог позволить себе такую технику разве что в

нуль-камерах башни цефиков, но принцип ее действия был Данло не так уж чужд. Как только он закрыл глаза, компьютеры начали подавать образы прямо на зрительный участок коры его мозга. В зале стоял сплошной мрак, но внутри него зажегся свет, появились звук, изображение, цвет, направление, и перед Данло открылось Поле.

«Все в порядке, пилот? Вам удобно?»

Сканирующие компьютеры считывали слова, возникающие в речевых центрах мозга Изаса Леля. Другие компьютеры кодировали эти слова в электрические импульсы, которые подавали на внутреннее ухо Данло, и Данло «слышал» у себя в голове скрипучий голос Изаса Леля.

«Да, спасибо, все хорошо».

«Вы можете двигаться? Если да, попробуем один из информационных массивов — все равно какой».

Данло, сидящий на подушке в тихом зале с закрытыми глазами, понял, что это тест, и улыбнулся: движение через информационные массивы — самый элементарный из кибернетических навыков. Цефики его Ордена называли это чувство движения «поиском». Даже дети умели находить нужную им информацию в кибернетических пространствах.

«Я имею доступ во все ваши массивы? Или некоторые остаются закрытыми?»

«Во все, пилот. Мы за свободную информацию».

«Понятно».

«Но в астрономические массивы я попрошу вас не входить».

«Хорошо, не стану, раз вы просите».

«Кроме них, можете выбирать любой».

«Я могу выбирать любой источник из тех, которые смогу обнаружить?»

«Что это значит?»

«Лучший способ спрятать источник — это поместить его в океан».

«Мудрая мысль, пилот».

«Ну что вы».

«Очень мудрая. Но хватит ли у вас мудрости найти то, что вы ищите? Скоро мы это увидим».

Данло мысленно двинулся вперед, словно жаждущий через пустыню. Он перевалил через спекшуюся от солнца, каменистую виртуальную дюну, надеясь найти по ту сторону чистый, холодный водоем, но то, что он увидел, напоминало скорее океан с мутной, соленой, непригодной для питья водой.

«Итак, пилот?»

Человек способен усвоить только определенное количество информации. Разве может кто-нибудь выпить море? Нет — и дорогу в нем тоже найти не сможет без помощи компаса или ярких звезд. Даже мастер-цефик окажется слепым и беспомощным, если бросить его в хаотическое информационное пространство. Но ни одно человеческое общество не собирало триллионы битов информации только для того, чтобы слить их в огромный общий массив. Информацию, чтобы она могла приносить пользу, всегда отбирают, ранжируют, делают понятной, кодируют, обрабатывают, систематизируют. А люди со своим человеческим мозгом, почти одинаково устроенным у всех — от эталонов Бодхи Люс до полубогов из Туманности Ири, — систематизируют информацию всего несколькими основными способами. Мастер-библиотекарь Элия Джезаитис сказал однажды Данло, что каждая информационная система имеет собственную логику, а мыслить логически Данло — как пилот Ордена — уж как-нибудь умел. Логика служит ключом к любым информационным секретам — логика и различные кибернетические чувства, которые развили в Данло его наставники, когда он много лет назад диким юнцом явился в Невернес.

«Вы колеблетесь, пилот. Это ошеломляет, не так ли?»

Какой-то момент Данло действительно колебался. Перед ним струились бесконечные информационные потоки, закодированные разными способами. Часть информации была организована так, чтобы восприниматься физическими чувствами. Данло с закрытыми глазами видел первую таннахиллскую аркологию и другие исторические картины; видел живописный портрет Лилианы Нараи и молекулярные фото смертоносных

вирусов Трачанга. Он слышал молитву собравшихся в храме Архитекторов и сотни голосов, звучащих нестройно, как крики узников, томящихся в темной пещере. Каждый голос пытался рассказать о чем-то своем, от конструирования информационных вирусов до Трансцендентальной Программы.

Он чувствовал запахи — запахи роз, чеснока и горелого пластика. Все это были иллюзорные, виртуальные ощущения, и Данло давно уже научился воспринимать такого рода информацию. Усвоил он и то, что слишком глубокое погружение в симуляцию — это очень медленный и неэффективный способ получения знаний. Для быстрого продвижения по информационным массивам нужно уметь расшифровывать информацию, закодированную в символах. Величайшим достижением Ордена, возможно, была разработка универсального синтаксиса, представляющего любые сведения в виде трехмерных символов, которые грамматики называют идеопластами.

Но нараины, очевидно, не знали этого метода. В Поле Нового Алюмита слова низались в предложения, и целые гирлянды предложений располагались в линейном порядке, как в устной речи. При этом каждое слово было представлено не собственным красивым идеопластом, а символами, изображающими его отдельные звуки. Подобный способ передачи слов и мыслей был простым, но примитивным, варварским. По сравнению с высоким искусством расшифровки идеопластов это было все равно что тащиться по замерзшему морю на снегоступах вместо того, чтобы мчаться на буере со скоростью сто миль в час. Но простота многое искупала: даже ребенок или кибернетический дебил мог читать информацию, записанную таким образом.

«Пилот?»

Данло, словно талло, сидящая в горном гнезде, наслаждался остротой своего зрения. Под ним, как ледовый ландшафт, простиралось коллективное знание нараинов и ста поколений Вселенской Кибернетической Церкви. В этом и заключается красота всякой системы: если воспринимать логически организованную информацию правильно, ее потоки застыва-

ют и превращаются в снежинки, замерзшие водопады, кристаллические горы.

В Данло кибернетическое восприятие было развито сильно и глубоко. Он обладал хорошим чувством ши, мастер-чувством, позволяющим видеть связь между информацией и знанием, между знанием и мудростью. Ши помогло ему пробовать кристаллы информации на язык и по их сладкому или горькому вкусу определять, какими путями ему двигаться в этом Поле. Полезны были также чувства иконики, синтаксиса и гештальта, когда информация вдруг сама собой заполняет мозг, как радужный мыльный пузырь. А еще, разумеется, фрактальность и фуга. В Поле непременно должны иметься окна — прозрачные участки информации, открывающиеся в другие участки, окно за окном, один кристальный переплет за другим, слой за слоем. Цефик и даже тот, кто прошел обучение у цефиков, способен проходить через эти окна со скоростью пилота в мультиплексе.

«Возможно, вы еще не готовы к контакту с Трансцендентальными Единствами».

Тогда Данло пришел в движение. Он, можно сказать, летел над замерзшими реками информации, то и дело снижаясь, как снежная сова, преследующая увертливого птенца китикеша. Буквы нараинского алфавита — всего тридцать одна, — соединенные в пары и в десятки, мелькали перед его внутренним взором, как миллионы ярких ракушек вдоль линии прилива. Снижаясь и читая, он пронесся над полем биологической истории. Ему страстно хотелось издать торжествующий крик и схватить когтями какой-нибудь факт, какой-нибудь ключ, способный привести его к средству против чумного вируса. Но ничего такого ему не попадалось. Он прошел сквозь много окон и обыскал самые невероятные области наподобие эвристики или биографических материалов, но желанное знание все так же ускользало от него. Возможно, такого средства вовсе не существовало, возможно, Изас Лель сказал правду и нараины ничего не знали о нем. Нельзя говорить, что такой-то информации не существует, пока не откроешь все окна и не прочешешь все массивы с

тщательностью китикеша, ищущего в снегу червей, — но Данло с каждый ссылкой на этиологию чумного вируса все больше убеждался, что нараинов эта страшная болезнь поставила в тупик точно так же, как биологов Ордена.

Возможно, какой-нибудь подпольный вирусолог и записал где-нибудь, как влияет совокупность таких-то лекарств на вирус, внедрившийся в геном человека. Возможно, это знание и завалялось в каком-нибудь потайном кармане, на какой-нибудь дальней делянке большого Поля. Если так, то Данло мог посвятить поиску годы и все равно ничего не найти. Даже мастер-библиотекарь вряд ли сумел бы раскопать нечто подобное. После долгого полета над ледяными горами информации Данло осознал это и прекратил поиск. Прекратил и сел отдохнуть на ветке дерева решений, высоко над сверкающими полями и покрытыми льдом ручьями.

«А, вот вы где, пилот».

Голос, звучащий в голове у Данло, был всего лишь компьютерной симуляцией, не имеющей отношения к работе сердца и легких Изаса Леля, но легкое придыхание создавало иллюзию, что Изас Лель запыхался, следуя за Данло в его диком полете.

«Вы заблудились? Мне показалось, что вы идете сквозь окна просто так, наугад».

«Нет... я не заблудился».

«Вы уверены? Невозможно считывать информацию с такой скоростью».

«Если вашему народу средство от чумы известно, то я его не нашел».

Данло рассказал, в каких массивах вел поиск, и, кажется, убедил Изаса Леля в том, что не потерял ориентации.

«Вы удивляете меня, пилот. В вашем Ордене все такие талантливые информатики?»

«Многие».

«Похоже, нам есть чему у вас поучиться».

«Это правда. А нам есть чему поучиться у вас».

«Можно только надеяться. Вы еще не общались с нашим народом, не говоря уж о Трансцендентальных Единствах. Не

хотите ли оставить информационные массивы и познакомиться с нашей подлинной жизнью?»

«Не сейчас. Если можно, я хотел бы узнать еще кое-что».

Сказав (или подумав) это, Данло соскочил с ветки и снова заскользил над Полем, выхватывая лакомые кусочки там и тут, как морской ястреб, ловящий рыбу в океане. Порой он в поисках мудрости нырял довольно глубоко в нараинскую поэзию или эсхатологию, и мечта нараинского народа немного приоткрылась ему. Для нараинов Бог был не только трансцендентальной реальностью, существующей где-то во вселенной, но и живой силой, излившейся во вселенную в момент своего рождения. Их целью было воссоздать Бога из этой космической стихии; в этом они видели себя партнерами Эде, более того — архитекторами его божественной сущности. Каким именно образом нараины надеялись воссоздать Бога Эде, Данло вскоре предстояло узнать.

«Пилот?»

Данло обогатился и другими знаниями. Особый интерес вызвал у него «Оредоло» — эпос, повествующий об исходе нараинов с Таннахилла. А также один детский стишок. А еще — Данло откопал это в одном из фантастических массивов — картина Известных Звезд, сделанная на Ивиенденхалле близ горячего голубого гиганта, где нараины остановились двести лет назад перед путешествием к Новому Алюмиту. Из этих трех источников Данло, как он надеялся, почерпнул всю информацию, необходимую для установления координат звезд Таннахилла. Он готов был запечатлеть эту информацию в своей памяти с помощью внутреннего зрительного поля, где имелись все краски от кобальта до киновари. Он *видел* перед собой эти звезды — а потом картина сменилась яркой вспышкой, как будто одна из звезд превратилась в сверхновую.

«Пилот!»

Теперь его окутывал сплошной мрак. Поле сделалось темным, как космос у Старого Морбио. Данло понял, что контакт прерван и что его выкинули из Поля, как пчелы выкидывают из улья осу. Он открыл глаза и оказался в столь же темном зале собраний. Голограмма Эде на полу несла свой дозор,

как мать, ожидающая сына с войны. Мерцалевый купол светился тусклым оранжевым заревом, как будто солнце наконец-то зашло, и трансценденталы сидели полукругом в своих роботах. У всех, кроме Изаса Леля, глаза были закрыты; их контакт с Полем, очевидно, не прерывался. Но Изас Лель смотрел на Данло с трепетом человека, в первый раз увидевшего скутари.

— Да вы просто гений, пилот, — сказал он.

— Я почти поймал это. Эти звезды на расстоянии многих световых лет. Еще момент и...

— Вы обещали мне не входить в астрономические массивы — и сдержали слово, верно?

— Да.

— Где же вы тогда нашли эту проекцию?

Данло рассказал о забытом фантастическом массиве и о своем намерении восстановить звездную карту по трем источникам.

— Это не запретная информация — просто спрятанная, — сказал он в заключение.

— Не запретная, а спрятанная — это надо запомнить.

— Извините меня.

— За что? Вы своего слова не нарушали.

— Я придерживался буквы, но не духа.

Глаза Изаса Леля прямо-таки вспыхнули в полумраке зала.

— Странный вы человек, Данло ви Соли Рингесс. Жесткий к себе самому.

— Правда есть правда.

— Внутренне жесткий.

— Как же иначе?

— Мало ли как. К себе можно относиться по-разному — и к другим тоже, как вы скоро увидите.

— Что вы имеете в виду?

— Когда мы вернемся в Поле, вы увидите, как много людей питает к вам теплые чувства.

— Вы разрешите мне вернуться туда? Правда?

— Решение уже принято. Только не надо больше исследовать информационные массивы, хорошо?

Данло помолчал и сказал:

— Хорошо.

— Вот и прекрасно. Почему бы нам тогда не отправиться в ассоциативное пространство? Вам будет полезно пообщаться с нашим народом перед встречей с Трансцендентальными Единствами.

— Как скажете, — улыбнулся Данло.

В зале снова сделалось совершенно темно, и Данло снова вошел в Поле, но теперь его встретил там не свет и не горы информации, а голоса. Очень много голосов — может быть, миллиард. Они вопили, орали и детонировали, сливаясь в сплошной рев, — такой звук могла бы издавать толпа, собравшаяся на каком-нибудь огромном катке.

Но в этом гуле слышались и слова, звучные, как удары колокола, и обрывки фраз; они смешивались, как вылитые в воду краски, и порой приобретали смысл:

...если Бог Эде в системе где элиди говорят да наемные убийцы возьмут грибок на семнадцатом уровне зацвел Единство в точке омега разделяет все разговоры истинных Нараинских Единств вы слышали как много образцов жизни божественно красиво в каком смысле фацила Тадео Ахараньи безумен или божественно безумен за убийство этого намана Данло ви Соли Рингесса в рукаве Стрельца где умирают ивиомилы Старой Церкви уничтожают все прекрасное когда контактируют с жизнями Бога я о Боге ничего не знаю а Фаниас говорит не верю что семья убита когда матери рожают сами и единственная угроза что они уйдут к Богу и все это время...

«Пилот?»

Голос Изаса Леля прозвучал громко и ясно, как арфа, перекрывающая все прочие инструменты.

«Пилот, вы взяли слишком высоко».

«Да, я знаю».

Данло снова прибег к своему чувству фрактальности и опустился в ассоциативном пространстве чуть ниже, где общий разговор нараинов растекался на отдельные потоки. Это было все равно что наблюдать охряно-зеленые континенты планеты из космоса, а потом пойти на посадку. Единый гул начал дро-

биться, и Данло понял, что разговоров здесь не меньше, чем на Старой Земле стран. Каждая страна говорила по-своему, но все разговоры ассоциировались с общей темой.

В одной стране нараинские провидцы (или мечтатели) сосредоточились на эсхатологии, в соседней вдохновенные трансценденталы говорили о непостижимой природе Бога Эде. Третья страна вся состояла из водопадов, цветов и певчих птиц — там исполняли музыку и говорили о ней. В четвертой, сухой и голой, как пустыня, обитало всего несколько тысяч лингвистов-пуристов. Они препарировали слова, обнажая различные виды нибво — таким термином в Алгоритме обозначаются пустые и бесцельные теологические дебаты. Каждую миллисекунду один из этих лингвистов совершал вылазку в другую страну, ловил отдельную струйку Разговора и предупреждал своих соплеменников, чтобы те говорили поосторожнее. Мало кто, впрочем, обращал на них внимание, особенно обитатели одной странной местности, где разговорная флора напоминала деревца бонсай, — там занимались только тем, что шутили.

В любой из этих стран, а в Поле их были тысячи, постоянно велись симпозиумы, семинары и дебаты. Еще ниже жили индивидуальные голоса, которые размышляли, спорили, плакали, смеялись, исповедовались, шептались, жаловались и молились. Войдя в ассоциативное пространство, любой нараин, будь то мужчина, женщина или ребенок, мог посетить любую из этих стран или просто послушать чью-нибудь блестящую беседу — так бабочка влетает в комнату, полную людей, и слушает, о чем они говорят.

«Где вы хотели бы побывать, пилот?»

Данло всегда мечтал побывать везде или, вернее, оказаться в центре всего, чтобы увидеть вселенную такой, как она есть. Но он не находил центра здесь, во вселенной Поля, где миллионы людей пряли серебряные нити слов и сплетали сеть Разговора.

Он стал улавливать отдельные нити, посвященные злобе дня, то есть прибытию на Новый Алюмит пилота по имени Данло ви Соли-Рингесс. Нараинов, по-видимому, очень интересовала его жизнь — не стилизованная формальная жизнь

одного из контактеров Поля, а реальная (или нереальная) жизнь человека, выросшего «эн гетик», сидевшего у костров в пещерах, ездившего на коньках по ледяным улицам и водившего среди звезд алмазный корабль.

Долгое время, измеряемое моментами обмена информацией, Данло слушал, как нараины обсуждают его путешествие в поисках Таннахилла. Вскоре он осознал, что Изас Лель тоже это слушает. Затем трансцендентал обратился к нему — вернее, направил свои мысли в компьютеры Поля, чтобы те могли генерировать слова, слышные одному Данло:

«Вы теперь знаменитость, пилот. Почти все на Новом Алюмите знают вас по имени».

«Правда?»

«И очень многие хотят с вами поговорить. А вы хотите?»

Данло помолчал, обдумывая, как будет говорить с нараинами. Для этого он, по совету Изаса Леля, должен был не просто открыть рот и позволить мыслям-словам излиться, как Божий глас из облаков — ему следовало послать свое «я» в информационные потоки Поля. Иными словами, ему предлагалось воплотиться в кибернетическую персону, в символическое существо, столь же реальное в Поле, как тигр, прыгнувший прямо из леса в полную людей комнату.

«Вам ведь уже случалось воспроизводиться прежде, верно?»

«Да».

«Почему бы вам не сделать того же теперь?»

Данло, сидя на мягкой подушке в зале собраний, слышал у себя в уме бесчисленные голоса, слышал свое дыхание, стук своего сердца и улыбался, вспоминая этиологию глагола «воспроизводить». Когда-то на Старой Земле это значило «представлять абстрактное понятие конкретными средствами». Так скульптор, грезивший о Святой Деве, воплощал свое видение в статуэтке из слоновой кости или мраморной статуе. Поэт наподобие Нармады воплощал свой идеал космической любви в «Сонетах к солнцу», которые пел перед сонмами своих галактических поклонников. Но со временем значение этого слова изменилось, вернее сказать — вывернулась наизнанку, как шкура, сброшенная скутарийским захидом. Теперь на боль-

шинстве языков Цивилизованных Миров, испытавших на себе влияние Вселенской Кибернетической Церкви, «воспроизводить» означало «представить конкретное явление материального мира как абстракцию, обладающую собственной реальностью». У многих народов, особенно у нараинов, это значило представление реальных объектов как программы или модели в разных видах кибернетического пространства. Человек, находящийся в контакте с Полем, мог видеть фиолетово-зеленые джунгли Нового Алюмита в виде световой проекции или картины в красках. И сам человек тоже, со всеми оттенками гордости, любви и ненависти, составляющими картину его души, мог быть закодирован в виде компьютерной программы и действовать наряду с миллионами других персональных программ, находящихся в Поле. Для нараинов смысл и идеал воспроизведения заключался именно в этом. Что такое реальность, в конце концов?

Для них информационные потоки Поля и кибернетические модели конкретных людей были гораздо реальнее бурных рек Нового Алюмита или миллионов живых нараинов, лежащих одиноко в своих контактных комнатах. Новое современное значение слова «воспроизведение» здесь приобретало как нельзя более важный смысл. Воспроизвести себя в Поле значило появиться там в виде изображения, в виде модели, имеющей различные степени присутствия. Нараинские программисты насчитывали не меньше девяти основных степеней воспроизведения. (Невернесские цефики насчитывали семь, но они пользовались другой системой классификации, заимствованной у нейрологиков Самума.) На первой степени человек просто называл себя по имени и общался с другими при помощи слов, закодированных знаками алфавита. Затем шли голос, портрет и персонификация. Степень воспроизведения, по мнению программистов, была также степенью реальности. Полурастительное существование пиктограммы во многом отличалось от наэлектризованной анимации катехиса, не говоря уже о яркой, ослепительной реальности контакта с Трансцендентальными Единствами. Наивысшей степенью для любого Архитектора, в том числе и для нараина, являлось вневремен-

ное, непостижимое состояние преображения, когда человеческая личность помещается в информационное поле компьютера в виде чистой памяти. В недалеком будущем Данло предстояло стать первым человеком, вошедшим в эту область преображенных душ и вернувшимся в реальный мир, чтобы рассказать об увиденном.

«Ну что, пилот, вы согласны на воспроизведение?»

«Как скажете».

«Начнем тогда с портрета? По-моему, это будет правильной степенью для общения с таким количеством людей».

И Данло обратился к компьютерам Поля с официальной просьбой воспроизвести его портрет. Через несколько секунд изображение его лица — сильный лоб, отмеченный молниевидным шрамом, ястребиный нос, детская улыбка на полных губах, темно-синие глаза — должно было появиться перед всеми, кто желал с ним поговорить. Компьютерный портрет будет точной копией его реального лица. Он будет менять выражение так же, как живое лицо Данло в зале собраний, говорить синхронно с Данло, теми же словами, что исходят из живых горла и губ.

«Быть среди вас — большая честь для меня».

Данло произнес первую же общепринятую формулу, которая пришла ему в голову, и смущенно улыбнулся, осознав, что его изображение и эти избитые слова предстанут одновременно перед многими тысячами людей. Мужчины и женщины в контактных комнатах по всему Новому Алюмиту увидят портрет Данло ви Соли Рингесса и спросят себя, зачем Орден послал к ним такого болвана.

«Это мы считаем честью знакомство с вами».

В мысленном поле зрения Данло появилось лицо молодой женщины (или молодого человека) — нежное, гладкое, привычное к путешествиям по кибернетическому пространству. Изображение заговорило с Данло о Боге Эде и взрывающихся звездах Экстра, а также высказало пожелание поучаствовать в фацила-живописи и разделить с Данло жизнеландшафт. По существу, оно говорило от лица очень многих людей. Миллионы нараинов в Ивиюнире и сотнях других

городов в этот момент воспроизводили себя в портретной степени, надеясь встретиться с Данло. Видеть его лицо, смелое и дикое, могли все, но говорить с ним мог одновременно лишь кто-то один.

Таковы ограничения портретной степени — и такова цена славы. Как бы ни желал Данло поговорить со всеми, кто желал поговорить с ним, простой здравый смысл подсказывал ему, что это невозможно. Мощные сортировочные программы Поля отбирали из миллионов желающих очень немногих, причем тех, чьи вопросы обещали быть умными. При условии хорошо написанной программы (а такими были почти все программы Поля) у всех нараинов, находящихся в контакте с Данло, должно было сложиться впечатление, что они говорят с ним напрямую.

«Правда ли, что большинство людей в вашем мире относится к строго определенному полу?»

«Как вам удается не сойти с ума, живя под открытым небом?»

«Не могли бы вы рассказать нам о доктринах Реформированной Кибернетической Церкви?»

«Очищаются ли реформисты от негативных программ?»

«Существует ли в Цивилизованных Мирах единая власть?»

«Что испытывает ребенок, когда растет в животе у матери? Что он испытывает при рождении?»

«Имели ли вы половой контакт с женщиной?»

«Имели ли вы половой контакт с обоеполым существом?»

«Не могли бы вы рассказать нам о китах?»

«Действительно ли киты-косатки безумны?»

«Не могли бы вы рассказать нам о Пути Рингесса?»

«Что такое Старшая Эдда?»

«Многие ли верят в то, что ваш отец стал богом?»

«Многие ли верят, что тоже могут стать богами, если будут следовать его путем?»

«Возможно ли это?»

«Каким путем он шел?»

«Он действительно ввел в свой мозг компьютерные элементы?»

«Значит, он находился в постоянном контакте со своим личным Полем?»

«Не лишился ли он рассудка от подобного контакта с самим собой?»

«Что значит быть человеком?»

«А что может означать быть Богом? Какой смысл может иметь что бы то ни было?»

Изображения мужчин и женщин сменялись в сознании Данло, и он пытался отвечать на их вопросы один за другим, насколько на них вообще можно было ответить. Но вскоре ограниченность этой степени воспроизведения начала его утомлять. Поскольку множество людей могло видеть его портрет одновременно, он считал, что будет только честно, если и он увидит все их лица сразу. Если бы он перешел на прием, это ему удалось бы. Программам Поля было бы достаточно легко представить ему групповое изображение всех желающих. Нараины часто прибегали к этому методу — правда, такие группы, учитывая ограниченность человеческого сознания, редко состояли больше чем из семидесяти человек. И когда Данло обратился к программам Поля с просьбой обеспечить ему полный прием, Изас Лель, должно быть, подумал, что он шутит — или сошел с ума.

«Понимаете ли вы, пилот, о чем просите?»

Голос Изаса Леля прервал поток вопросов и лиц в сознании Данло.

«Думаю, да».

«Полный прием? Нет-нет, это недопустимо».

«Но почему?»

«Вы знаете, что сейчас в одном пространстве с вами находится девятьсот семьдесят шесть миллионов человек? Почти миллиард, пилот».

«Так много?»

«Слишком много. В миллион раз больше, чем нужно. Еще никто не контактировал с таким количеством людей одновременно».

«Значит, я буду первым?»

«Вы не понимаете».

«У ваших компьютеров есть какие-то ограничения?»

«Разумеется, нет! Но столько изображений, такая невероятная степень разрешения... опасно играть с воспроизведениями таким образом».

«Правда?»

Изас Лель замолчал так надолго, что пауза отозвалась в уме Данло, как вздох.

«Правда в том, пилот, что никто еще не контактировал со столькими изображениями, и поэтому неизвестно, в чем, собственно, заключается опасность».

«Может быть, это вовсе не так уж опасно?»

«Неизвестность — вот что опасно».

«Нет. Неизвестность всегда радует».

«Миллиард человек! Кому это нужно — контактировать со столькими сразу!»

«Значит, моя просьба будет удовлетворена?»

«Если вы действительно этого хотите, то приготовьтесь».

Данло, сидя в затемненном зале собраний, не видел ни трансценденталов в своих роботах, ни увядших цветов в вазах, ни красок на мерцалевых стенах. Он вообще ничего не видел, как снаружи, так и внутри себя, и не слышал никаких звуков, кроме собственного дыхания, проходящего через флейту горла. Потом настал момент, и его черное, мертвое поле зрения наполнилось огнями. Сначала огоньки были малочисленными и слабыми, розовато-сиреневыми, как световые шары, потом их количество и яркость стали нарастать. Каждый огонек представлял собой человеческое лицо — яркое, уникальное, выразительное и при этом крохотное, как светлая точка. Данло опешил, глядя на этот световой куб, насчитывающий по тысяче лиц в ширину, в глубину и по диагонали. Был момент, когда он почти разглядывал каждую из этих точек, более того — прочел на каждом отдельном лице высокомерие, надежду и множество других эмоций. Почти расслышал жалобы и заботы миллиарда человек, одновременно задающих ему свои вопросы. Все это шло напрямую из их умов в его, без помощи программ Поля, сортирующих вопросы и, следовательно, слегка искажающих суть того, что эти люди хотели бы знать.

Количество этой информации переполняло его. Куб из миллиарда световых точек слился в одну ослепительную вспышку, насквозь прожегшую его мозг, голоса слились в один голос, накрывший Данло приливной волной и оглушивший.

Но это был только момент.

«Пилот, у вас все в порядке?»

В сознании Данло снова воцарились мрак и тишина, если не считать озабоченного голоса Изаса Леля.

«Пилот?»

«Да, все в порядке».

«Вы уверены?»

«Да, вполне».

«Я боялся, что у вас временно помрачился рассудок».

Данло, улыбнувшись про себя, послал Изасу Лелю успокаивающую мысль.

«Нет, я в здравом уме».

«Полный прием! Какой опасный, совершенно бесполезный эксперимент!»

«Опасный — возможно, но не бесполезный».

Под миллионами заданных Данло вопросов проглядывала общая тема. Если вырвать лишние слова, как смолу деревьев йау при производстве лекарства тифуи, остался бы единственный, основной вопрос: возможно ли человеку достичь божественного состояния, или это только кибернетическая мечта народа, изолированного от всего остального человечества.

«Вы извлекли из полного приема что-то полезное, пилот?»

«Возможно».

«Что же?»

«Возможно, я стал более глубоко понимать ваш народ».

«Что же вы поняли?»

«Это трудно объяснить».

«Попытайтесь все-таки, прошу вас».

«Как хотите. Ваши люди стремятся стать чем-то высшим».

«Не обязательно было прибегать к полному приему, чтобы понять это».

«Да, но...»

«Продолжайте, я слушаю вас».

«Ирония в том, что, когда живешь ради чего-то невозможного, возможности жизни становятся... очень ограниченными. Безобразно ограниченными. Ваш народ боится этой ограниченности. Глубоко в себе, вне блеска Поля, люди боятся, что попусту тратят свою жизнь».

Подобное наблюдение, хотя и шло от чистого сердца, вряд ли могло понравиться Изасу Лелю — и действительно не понравилось. Его слова обожгли сознание Данло, как луч лазерной пушки:

«По-вашему, переход в божественное состояние *невозможен?*»

«Думаю, что возможно восхождение к нему. Я правда не знаю. Но ваш народ мечтает о чем-то большем».

«О чем?»

«О самой трансценденции. Об освобождении от своих тел, от себя самих. От жизни».

«Кому же захочется жить эн гетик, когда существует нечто безмерно большее?»

«Существует ли?»

«Скоро вы это увидите. Если вы готовы, мы перейдем к контакту с Трансцендентальными Единствами. Вы сами просили об этом, пилот. Если вы не передумали, мы воспроизведемся в трансцендентальной степени».

«Я не передумал».

«Отсюда следует, что вы уже прибегали к полной симуляции?»

«Да, много раз».

«В таком случае я вас оставлю. Когда мы встретимся снова, я буду лишь частью Единства по имени Абраксас».

«Трансцендентального Единства».

«Да. Его голос укажет вам дорогу. Приготовьтесь, пилот».

Контакт с Полем прервался, и Данло снова оказался в зале собраний. Семеро мужчин и женщин, мертвых на вид, сидели в своих роботах, а ему наконец-то предстояла встреча с их высшим «я», Трансцендентальными Единствами Нового Алюмита.

Глава 14

РАЙ

Однажды мне приснилось, что я бабочка, порхающая туда-сюда по своим делам. Внезапно я пробудился и теперь не знаю, кто я: человек, которому приснилось, что он бабочка, или бабочка, которой снится, что она человек?

Чжуань Цзу

Данло, все так же сидя на своей подушке, снова закрыл глаза, и его снова встретили мрак, покой и тишина. Потом вдоль позвоночника прошла легкая вибрация, как будто сквозь него пропустили электрический ток, — незнакомое, не слишком приятное ощущение. Может быть, нараинские компьютеры генерировали более сильное логическое поле, чем компьютеры невернесской библиотеки? Данло не знал этого, но предполагал, что так действуют на него нейросхемы за стенами зала собраний. Они стимулировали нервы его конечностей, и Данло чувствовал зуд и жжение в печени, почках, легких и других органах, как будто его тело переделывалось изнутри. В животе загорелся огонь, в мозгу — яркий свет. Он испытывал одновременно тошноту и ликование в предчувствии какой-то великой перемены, происходящей в нем.

В это время компьютеры Поля начали подавать ему в мозг образы, краски, запахи, звуки и осязательные ощущения. Он открыл глаза и посмотрел на свою руку. То, что он увидел,

изумило его. Кисть руки сохранила свою структуру — ладонь, костяшки и пять пальцев, но кожа преобразилась в радужную субстанцию, красивую, как мерцаль или паутинный шелк. На пальцах сохранились знакомые завитки и линии, но теперь они светились аметистом, киноварью и тысячью других оттенков, поражая его своей красотой.

Это открытие так взволновало Данло, что он не мог больше сидеть на месте. Он почувствовал, что взлетает со своей подушки и распрямляется. Но его ноги не коснулись пола: он парил, оставаясь в вертикальном положении, легкий, как перо талло на ветру. Как будто компьютеры отменили гравитацию, сделав его кости и мускулы не зависящими от притяжения планеты. Он ощущал такую легкость, как будто вообще лишился материальности. Его одежда, черный пилотский комбинезон, исчезла. Он был наг, как новорожденный, и все его тело, как и рука, переливалось яркими красками.

Это преображение в светозарное существо напомнило Данло, как он однажды выкурил трубку с семенами трийи — одним из самых сильных визуальных психоделиков. Но воспроизведение его компьютерами Поля было гораздо полнее. Таково действие компьютерной симуляции, создающей кибернетическую персону и заставляющей мозг вместе с органами чувств воспринимать ее как реальную. В юности Данло чуть ли не больше смерти боялся перепутать реальное с нереальным и потому поклялся одолеть все премудрости симуляции. Теперь он опять, охотно и дерзко, воспроизвел себя в виде кибернетической фигуры, достигнув на этот раз степени полной трансцендентальности, и приготовился вступить в неизведанный мир.

— Данло ви Соли Рингесс! — раздался голос, и Данло повернул голову, пытаясь определить его источник. Его красивое новое тело своим сиянием освещало весь зал. Стены теперь отсвечивало тускло-красным, увядшие цветы в вазе были черными, как засохшая кровь. Семеро трансценденталов сидели в своих роботах с плотно зажмуренными глазами, белые как мрамор — ни дать ни взять мертвецы. Из их недвижных губ не

исходило ни звука. — Данло ви Соли Рингесс! — снова позвал голос. Данло оглянулся и увидел, что двери зала собраний таинственным образом отворились.

В проем хлынул золотой свет, столь прекрасный, что Данло пошел на него — и на множество голосов, которые шептали и звали его за порогом. Он шел, не касаясь ногами пола, перебирая ими в воздухе, точно в невесомости. Собравшись переступить через порог, он ощутил в себе что-то глубокое, похожее на течение крови, на взаимодействие живых тканей между собой — он помнил это чувство по своему давнему пребыванию в чреве матери. Но еще больше это напоминало музыку, глубокую, ритмическую, сакральную музыку, гармонично звучащую в каждой клетке его тела.

Данло знал, что в реальности он не плывет к открытой двери, а по-прежнему сидит на подушке, которую почти что чувствовал под собой. Мощная сюрреальность, созданная Полем, почти целиком владела его ощущениями. Он был слеп ко всему, кроме виртуальных красок, глух ко всему, кроме голосов, подаваемых ему в мозг сложными программами. И осязать он должен был только то, на что его запрограммировали. Его светящиеся пальцы действительно переливались необычно ярко и простирались к свету, льющемуся в открытую дверь.

И все-таки дело обстояло не совсем так. В реальности его пальцы, материальные пальцы, которых он почти уже не чувствовал, держались за стержень флейты, прижимаясь к ее твердым ровным отверстиям. Данло чувствовал правду этого прикосновения. Чувство самовосприятия, лежащее глубже зрения, слуха, обоняния, вкуса и осязания, осознавало существование тела в пространстве и времени. Самовосприятие отзывалось на собственные, внутренние стимулы: работу нервов, движение клеток, на глубокую реальность материальных процессов, лежащую намного ниже сознания. Из всех чувств самовосприятие подавить было труднее всего, но нараины, мастера симуляции, даже на него нашли управу. Данло обладал столь сильным и острым чувством реальности только благодаря тому, что в свое время отточил самовосприятие, как алмазный резец. Многие его собратья по Ордену, погружаясь в

соленую воду библиотечных бассейнов, теряли себя в сюрреальных кибернетических пространствах и блуждали по ним, как во сне. Но Данло гордился тем, что всегда сознавал свое местонахождение в пространстве-времени, знал, кто он в реальности, и никогда не терял из виду ярких внутренних звезд, указывавших ему путь. Вот и теперь он, двигаясь к открытой двери зала собраний, в реальности не двигался с места. Он сознавал, что существует двумя способами одновременно; он обрел двойственное сознание охотника, который, входя в сонвремя, алтиранга митьина, посылает свое второе, дремлющее «я» искать на замерзшем море тюленей и других животных.

— Вот где проходит наша реальная жизнь, Данло ви Соли Рингесс.

Данло наконец переступил через порог, и под ним, как бесконечный золотой лист, раскинулась огромная равнина. Данло искал глазами горизонт этого блистающего нового мира, но горизонта не было. Неба тоже не было — только резкий белый свет, как у поставленного на слишком большую мощность холодного шара. Равнина уходила в бесконечность по всем направлениям.

Данло условно определил направление, к которому стоял лицом, как север — значит позади, за дверью зала собраний, находился юг. Справа был восток, левая рука указывала на запад. Ребенком он часто молился на четыре стороны света и теперь тоже стал медленно оборачиваться по кругу, чтобы почтить этот мир, каким бы сюрреальным и странным тот ни казался. Он обернулся на восток и тут увидел, что дверь у него за спиной исчезла. Тогда он завертелся быстрее, стараясь сориентироваться — на юг, запад, север и снова на восток. Он вертелся почти как дервиш, отыскивая дорогу обратно в зал собраний, где осталось жить его реальное тело, но не мог найти дверь. В конце концов, одолеваемый одышкой и головокружением, он перестал вращаться. Он потерял чувство направления, и золотая гладкая равнина не давала ему никаких ориентиров.

— Данло ви Соли Рингесс, мы ждем тебя. Ты знаешь дорогу.

Тихий, безмятежный голос слышался с востока (а может быть, с запада, севера или юга). Данло решил идти на этот голос, повернулся к нему лицом и двинулся вперед шаг за шагом. Вскоре он начал терять терпение, поскольку ему казалось, что он совсем не приближается к голосу, к которому теперь присоединилось множество других:

— Иди, Данло, иди — мы ждем тебя.

Хорошо бы иметь лыжи, чтобы скользить по этой золотой глади, подумал Данло — уж очень ему хотелось скорее добраться до этих далеких нежных голосов. Он подумал об этом и тут же заскользил, как бабочка, над тем, что называл землей. Он летел сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, уже как ястреб. Ветер дул в лицо, отбрасывая назад его длинные черные волосы. Если бы не этот свежий ветер, Данло вообще бы не чувствовал, что движется, поскольку золотая равнина внизу не имела никаких примет, позволяющих определить пройденное расстояние. Свою точную скорость он тоже не мог определить, но чувствовал, что по-прежнему летит слишком медленно.

Внезапно его скорость начала возрастать. Он несся над равниной, как ракета. Встречный ветер превратился в твердую стену, и Данло приходилось прикрывать нос и рот, чтобы дышать. Ему вспомнилось его путешествие в Невернес, когда ветер, называющийся Дыханием Змея, обморозил ему лицо и чуть его не убил. Хорошо бы здесь не было этого ветра, который тормозил его и затруднял дыхание. Данло подумал об этом, и ветра не стало. Остались только холод и тишина, как в высоких слоях атмосферы. По оценке Данло, от летел милях в десяти над поверхностью равнины, но поскольку она была гладкой, как кларий, и бесконечной, как Большой Морбио, он мог находиться и в миллионе миль, и в сотне футов над ней.

Через некоторое время — то ли через час, то ли через несколько секунд — вдали появилась небольшая возвышенность. Как будто сильный свет, идущий с неба (или того, что Данло называл небом) разогрел землю так, что она вспучилась. Еще миг спустя Данло пролетел над этим вздутием и увидел под собой другие вздутия, низкие и округлые, как снежные хижи-

ны. Чем дальше он летел, тем выше и многочисленнее становились они. Сотни курганов вздымались над сверкающей равниной. Одни были конические, как вулканы, другие щетинились золотыми утесами, зубчатые, как увенчанные снегом горы его детства. Данло летел над широкими долинами, где струились серебристо-золотые ледники. Он летел, и золотые горы делались все выше и выше.

Голоса все звали его из туманного далека. Он пожелал лететь еще быстрее — полетел. Горы внизу слились в размытое золотое пятно. Их было так много, что он потерял им счет. Теперь он, как полагал, двигался быстро, очень быстро, возможно, даже быстрее света. Его тело струилось фиолетовыми, малиновыми, алыми полосами, и он чувствовал себя восхитительно быстрым. Как свет. В некотором смысле он почти совсем не чувствовал своего тела — оно сделалось таким же светлым и нематериальным, как молитва святого. Он мог бы продолжать этот немыслимый полет вечно, но вспомнил, что вошел в это кибернетическое пространство не ради экстаза.

— Данло ви Соли Рингесс, ты на верном пути.

Голоса теперь слышались где-то впереди. Если он будет достаточно скор, то вот-вот отыщет источник этих небесных звуков. Там, где свет мира уходит в бесконечность, быть может, в миллионе миль от него, стояла гора выше всех остальных. Вся золотая и алая, она вонзалась в небеса, как копье. Она была так велика, эта чудесная гора, что казалось, будто вся равнина была создана лишь для того, чтобы служить ей основанием. Еще несколько мгновений, и Данло приблизился к ней. Теперь он летел помедленнее, и ветер снова бил ему в лицо, а вершины более низких гор далеко внизу снова стали различимы.

— Данло, Данло, ты уже близко — иди же сюда! — позвал голос. Данло теперь ясно видел высокий кряж между собой и большой золотой горой. Сейчас он преодолеет его и наконец-то увидит, кто его зовет. Эта сюрреальность угнетала его монотонностью своего рельефа и цвета, но он, как ни странно, чувствовал благодарность за то, что ее не сделали более реальной. Он ни на миг не забывал, где находит-

ся в действительности, — но стоило ему подумать об этом, случилось нечто странное.

Равнина вокруг него начала изгибаться, как рука, сжимающаяся в кулак. Ослепительно белое небо вдруг взмыло вверх и изменило цвет. Теперь оно стало настоящим небом, выпуклым, как купол мечети, и синим, как кобальт. Горная цепь впереди заострилась каменными утесами и оделась снеговыми шапками. Их нижние склоны, миля за милей, покрылись лиственными и хвойными лесами. Через несколько мгновений Данло перелетел эти горы и снизился над красивой долиной. Она пестрела красками: помимо зелени, белизны и синевы растительности, снегов и неба, здесь были бурые древесные стволы, красные и пурпурные цветы, оранжевые плоды и камни с прожилками бирюзы, аметиста и розового кварца.

Посередине долины бежала кристально чистая река, питаемая горными ручьями — они стекали и с края, и с большой, одиноко стоящей горы. Гора больше не сверкала золотом — она, как и все остальные, поросла густым лесом и оделась в ледяную броню. Но высота ее была такой, что даже нижние отроги скрывались в облаках. Возможно ли взойти на нее? Ее острые камни изрежут руки, ноги застынут в ее снегах. Есть ли там, за облаками, реальная вершина из камня и льда? И насколько реальной окажется эта долина, если посмотреть на нее поближе? Данло это беспокоило.

В следующий момент он легко, как мотылек, опустился на верхушку низкого холма. Высокая трава колыхалась под ветром и щекотала его голые ноги, обтянутые гладкой, как жемчуг, сверкающей красными искрами кожей. Солнце, стоящее высоко над долиной и белыми вершинами гор, грело, как самое настоящее солнце. Оно было желтое, похожее на то, что освещало некогда Старую Землю, и на него, как на всякое реальное солнце, было почти невозможно смотреть. Данло долго стоял, протянув к светилу свою светозарную руку и чувствуя, как жаркий жидкий свет струится по его жилам. Потом из леса под холмом снова раздался низкий, зовущий его голос — очень близкий, очень знакомый, очень реальный.

— Данло, Данло, иди к нам — иди к большой горе!

Данло, почти бессознательно, обернулся к горе, стоящей по ту сторону долины. В том направлении между деревьями виднелся просвет, похожий на начало тропы. Данло спустился по лугу и ощутил под ногами утоптанную землю. Извилистая тропа вела сквозь густой лес, через каменистые русла ручьев. Разнообразие деревьев и другой растительности изумляло Данло. Он узнавал ольху и вяз, терновник, красное дерево и шелковицу, и плодовые деревья — яблоню, оливу, лимон, вишню, папайю, манго, абрикос и миндаль. Здесь росли олеандр, горная сирень, магнолия, и хинное дерево, и кофейное дерево. Пахло мятой, горечавкой и другими травами. А цветы! Все поляны полыхали яркими красками. Ноготки, ромашки, рододендроны, колокольчики, дикие орхидеи и розы — все цветы вселенной распустились разом в этом волшебном лесу. От их аромата дышать было мучительно — и радостно.

После нескольких часов ходьбы Данло вышел к реке, текущей посреди долины. Не зная, как перейти через нее, он вспомнил, как все свое детство ходил или скользил на лыжах по замерзшему морю. Может быть, молекулы этой реки тоже как-то кристаллизуются, чтобы выдержать его вес?

И Данло, почти не раздумывая, ступил на воду. Мокрая и холодная поверхность под ногами оказалась странно пружинистой, и он, как жук-водомер, мигом переправился через реку. Тропа, ведущая сквозь заросли тиса, поднималась теперь в гору. Ныряя порой в апельсиновые рощи и сосновые перелески, она неуклонно стремилась в сторону большой горы. Голоса теперь, казалось, лились из-за каждого куста, вися над лимонником и маргаритками:

— Иди, Данло, иди — ты почти у цели.

Тропа сделалась круче, и где-то с милю подниматься по ней было почти трудно. Потом Данло взошел на перевал и оказался в естественной каменной чаще на склоне горы. Его радовал открывавшийся вокруг простор, ясность воздуха, чистый запах родников. По ту стороны чаши сверкала на солнце отвесная гранитная скала, и по ней струились водопады.

У глубоких прудов, омывающих ее подножие, собрались светящиеся существа. Они грелись на каменных карнизах, си-

дели на траве или стояли под деревьями, срывая тяжелые красные яблоки. Эти мужчины и женщины (их пол было трудно определить) походили на Данло своими длинными, светозарными, переливчатыми телами. Увидев Данло, они простерли к нему свои длинные руки и стали звать:

— Сюда, сюда. Мы ждем тебя.

Данло поднимался к ним по нагретым камням, которые жгли ему ноги. Он чувствовал жжение, но боли не испытывал. Его удивляло и это, и то, что вокруг так тихо. Вода, падающая со скал, производила гораздо меньше шума, чем следовало. Из рощ и с лугов доносилось сладостное пение — это пели светозарные существа, и жаворонки, и другие птицы. Данло недоставало жужжания пчел и стрекота кузнечиков — в лесу он за все время своего пути ни разу не слышал насекомых и не видел ни кроликов, ни змей, ни другой фауны. Даже в самой густой чаще этого леса не таились тигры — он это чувствовал. Ему это казалось грустным и странным, но он не успел все как следует обдумать, потому что одно из светозарных существ шло ему навстречу.

— Здравствуй, Данло ви Соли Рингесс. Я Катура Дару из города Ивиохана.

Зеленые глаза Катуры сверкали, как изумруды, и казалось, что от ее тела струится красный жар. Она обняла Данло и привлекла его к себе. Она — когда она обвилась вокруг него, как электрический угорь, Данло сразу понял, что это женщина, — поцеловала его в губы и открылась ему. Все в ней манило его, призывая к плотскому — а может быть, также умственному и духовному — слиянию. Данло почти чувствовал, каково это будет — войти в нее, втечь между ее ног и забыться в скольжении их восхитительных тел. Она поглотит его всем своим существом, и он закричит в неописуемом восторге, и это будет почти как слияние с женщиной, которую он любил всем сердцем.

Почти, но не совсем.

Данло вспомнил, кто он есть в реальности и зачем явился в это невероятное место. Он был почти уверен, что так и сидит на своей подушке в зале собраний, держа в руке бамбуковую

флейту. С некоторым трудом он оторвался от женщины по имени Катура Дару. Стоя обнаженным на плоской гранитной скале, он любовался неземной красотой Катуры и других светозарных существ, а они смотрели на него из цветов и водоемов.

— Я Данло ви Соли Рингесс из Невернеса, — официально представился он. — А вы — Трансцендентальное Единство, да?

Светозарные, и Катура в том числе, тихо засмеялись в ответ. Улыбка у Катуры была яркой, как солнце, зубы блестели, как лунные камни.

— Нет-нет, — сказала она. — Я такой же человек, как и ты, — просто мы, и ты, и я, воспроизведены здесь в степени трансцендентальности.

— Но ты трансценденталка? Одна из тех, кто составляет Единство?

— Нет, и не трансценденталка. Не совсем.

— Боюсь, что я не понимаю.

Катура снова рассмеялась, и многие другие тоже. Сотни светозарных существ стояли среди струй водопада поодиночке, по двое, по четыре и смеялись звонким, переливистым смехом, в котором не было ни издевки, ни злобы.

— Меня выбрали, чтобы помочь тебе понять.

И она объяснила, что в Ивиюнире, Ивиохане и других городах Нового Алюмита есть много нараинов, заслуживающих того, чтобы стать трансценденталами. Им разрешается воспроизводить себя в виде светозарных существ и бывать в наивысшем из всех кибернетических пространств. Все они тоже пришли сюда через золотую равнину, по тысячам тропинок, ведущих через лес. Их тоже позвали сюда, к искрящимся прудам под водопадом. Здесь, под желтым солнцем, они разговаривают, соприкасаются и соединяются поодиночке, парами и четверками. Если они научатся преодолевать свои «я» и сливаться в высшие единства, то когда-нибудь, после многих лет душевной работы, они смогут наконец сказать, что вышли за пределы своей человеческой сущности. В материальном мире, где они ездят по темным городским туннелям на своих роботах, их будут называть трансценденталами, но в Поле, особенно в этом месте для избранных, именуемым Раем, они стремятся

лишь к триумфу, который принесет им жизнь в качестве Трансцендентальных Единств.

— Мы только люди, — Катара Дару обвела рукой всех светозарных около прудов, — но когда-нибудь мы эволюционируем.

— Понятно. Эволюционируете в Трансцендентальные Единства, да?

— Это наша работа.

— И Трансцендентальные Единства помогают вам в этой работе?

— О да — ведь это входит в их работу.

— Я думал, что сюда меня позвали Единства.

— Так оно и есть.

— Правда?

— Единства зовут всех, кто готов прийти к ним.

— Они зовут людей сюда, но сами здесь не живут?

— Конечно, живут. Мы все живем здесь, если можем.

— Значит, они невидимы, Единства?

— Нет, они видимы.

Данло посмотрел вправо и влево — на деревья, на скалы, на тонкий туман, висящий над водопадом. Солнце светило сквозь туман, зажигая в нем радугу, но никого, кто чем-то отличался бы от Катуры или самого Данло, видно не было.

— Где же они, эти Трансцендентальные Единства?

— Они живут там, на горе.

— Значит, к ним можно подняться?

— Нет, это невозможно.

— Понятно.

— Мы должны ждать, когда они сами сойдут к нам.

— А долго ждать?

— Нет, Данло ви Соли Рингесс, недолго. Они уже идут, чтобы встретиться с тобой.

— Правда?

— Они идут сюда.

— А я узнаю их, когда увижу?

— Конечно.

— Какие они, Единства?

— Такие, какие есть. И не только.

— Понятно, — сказал Данло, хотя не понял ровно ничего.

— Вот они какие. Видишь? Вон там.

Катура указала на гору выше водопада, и глазам Данло представилось изумительное зрелище. Сверху, из облаков и леса, медленно спускались по воздуху светящиеся шары. Они летели, легкие, как мотыльки, и прекрасные, как жемчужины. Их были тысячи — одни размером с дельфина, некоторые огромные почти как киты, что водятся в холодном океане у Невернесского острова. Сферы переливались радужными огнями, как будто состояли из той же субстанции, что и светящееся тело Данло. Но даже самые тусклые из Единств сияли ярче, чем Данло, Катура Дару или кто-либо из собравшихся у водопада. В них бурлили и сливались чудеснейшие краски: пурпурная, нежно-розовая, пунцовая, и при этом каждый шар имел свой уникальный алмазно-голубой, сиреневый или ультрамариновый оттенок, отличавший его от всех остальных. На те, что покрупнее, нельзя было долго смотреть — они пылали, как солнца. Все это великолепие опускалось вниз, минуя утесы, касаясь холодный струй водопада. Данло казалось, что они летят прямо к нему. Их внезапное появление сильно взволновало Катуру Дару и других светозарных. Они собрались вместе, обратив лица к падающим с неба сферам, встречая Трансцендентальные Единства Нового Алюмита, своих богов.

— Он здесь, — обратилась к Единствам Катура Дару, прикрывая рукой глаза. — Данло ви Соли Рингесс пришел, чтобы встретиться с вами.

Сферы остановились, собравшись в воздухе над водопадом, как размещенные слишком близко световые шары, но Данло видел, что ни один из них не соприкасается с другим. Девять самых крупных и ярких образовали полукруг прямо над прудом, у которого стоял Данло. Они сияли, как лунный серп, и свет резал Данло глаза. Не в силах смотреть на них прямо, он перевел взгляд на зеркальную воду пруда, где плыли их отражения.

Здравствуй, Данло ви Соли Рингесс. Вот мы наконец и встретились снова. Позволь представиться: Единство Абраксас.

Сильный, глубокий голос раскатывался в воздухе. Его источник было бы трудно определить, но когда он зазвучал, одна из сфер перед Данло вспыхнула почти как сверхновая. Должно быть, это и было высшее «я» Изаса Леля Абраксаса. Свет его разума каким-то образом слился с умами его собратьев, образовав этот сияющий шар.

Позволь также представить тебе Маралах, Тир, Мананнан и Кане.

Каждое Единство при упоминании его имени вспыхивало ярче других. Это они так кланяются, подумал Данло. Он вспомнил, что тихий Диверос Те входит в четверку Маралаха, а Кистур Ашторет — в Мананнан.

А это Орунжан, Эль, Инари и Шахар.

Единство, крайнее слева от Абраксаса, ответило особенно красивой кобальтово-алой вспышкой. Это был Шахар, единство одиннадцати, почти столь же знаменитое, как сам Абраксас. В нем состояла Лиесвир Ивиосс, и Данло почти что чувствовал ее присутствие по мерцанию огней этой сферы, создающих неповторимую игру света и странным образом манящих его к себе.

Это Аэзир, Нарсин, Вара, Араун, Шамеш, Раху, Нинлиль, Рея...

Абраксас продолжал называть каждое из Единств, парящих над прудами, но Данло почти уже не слушал. Сияющих сфер, желающих познакомиться с ним, насчитывалось 4084, поэтому представление затянулось надолго. Впрочем, время в кибернетическом пространстве под названием Рай было весьма странной категорией. Данло, почти не отрываясь, смотрел на великолепные огни Шахара, и вступительная церемония пролетела для него почти незаметно.

Мы собрались здесь, чтобы решить, следует ли Данло ви Соли Рингессу выступить на Таннахилле в качестве нашего эмиссара. Или же, в случае отрицательного решения, следует ли нам содействовать ему, показав ему звезду Таннахилла. Мы попросили Данло ви Соли Рингесса воспроизвести себя здесь, чтобы он мог вступить с нами в прямой контакт и изложить свою просьбу.

Голос Абраксаса умолк. Тысячи сияющих сфер терпеливо парили в воздухе. Катура Дару и другие светозарные, стоя или сидя на скалах, тоже молчали. Они ждали, что скажет Данло. Более того: они ждали, чтобы он открыл им свою внутреннюю правду и обнажил свою сокровенную суть.

— Просторы галактики необозримы, — начал Данло, и на миг ему показалось, что он снова стал настоящим человеком из плоти и крови. Голос вибрировал у него в горле, исходил изо рта и звучал над скалами и прудами, как будто он стоял на невернесском катке и обращался к собранию реальных людей. — Ее световые расстояния огромны, а звезды почти неисчислимы, и все же смерть даже одной из звезд озаряет страшным светом все остальные. Это великолепный свет, бесспорно, но смертоносный — свет, который когда-нибудь дойдет до каждого города каждой планеты. В Экстре звезд много — возможно, их миллионы. Миллионы звезд, которые взрываются, гибнут, превращаются в сверхновые. Их убивают, и мы теперь знаем почему. Знаем о Старой Церкви на Таннахилле. Именно туда мой Орден направил свою миссию, и я должен отправиться туда, если смогу.

Данло говорил долго. Почти все, что он сообщал Трансцендентальным Единствам, было уже не ново. С тем же успехом он мог бы, сидя на подушке посреди зала собраний, высказать все это Изасу Лелю, Кистуру Аштореру и другим трансценденталам, а они в точности передали бы его речь Трансцендентальным Единствам. Но Данло пожелал встретиться с Единствами, так сказать, во плоти. Он хотел поговорить с ними не только словами. Он надеялся предстать перед ними в почти человеческом облике, посмотреть им в глаза и открыть им свое сердце. Но Единства оказались безглазыми и горели так ярко, что он даже взглянуть на них не мог. А у светозарной фигуры, в которую он воспроизводился, не было сердца. Он искал внутри себя знакомый ритм, но не чувствовал почти ничего.

— Экстр разрастается почти по экспоненте. Если он дойдет до ядра галактики, где плотность звезд очень велика, возможна цепная реакция сверхновых. Возможно, что вся галактика...

Продолжая, Данло стал чувствовать, что Единства действительно сосредоточены не на одних его словах. Эти сияющие безглазые существа непонятно как *смотрели* на него. Он тоже посмотрел на себя и заметил, что огни, которыми переливается его тело, постоянно меняют порядок и интенсивность. Возможно ли, что в этих световых узорах закодирована информация о его кибернетическом «я»? Быть может, Единства читают его мысли и эмоции с легкостью цефика, разгадывающего страх по чьим-то потным ладоням?

С самого своего вступления в Орден Данло часто думал о том, какую часть своей личности способен сохранить человек, воспроизводя себя в кибернетическом пространстве. Насколько возможно втиснуть такие качества, как холодность снега, неистовая любовь матери к ребенку или ненависть человека к себе самому, в символы и модели, действующие в блистающем небытии Поля?

Нараины, разумеется, верят, что кибернетическое воспроизведение как раз и освобождает базовое «я» от тех аспектов существования, которые они определяют как плотские, животные, иллюзорные, ограниченные и чересчур жизненные. Их коллективная мечта — это высшая, более подлинная жизнь, и они утверждают, что лишь самые подлинные и реальные черты личности выживают при воспроизведении в степени пиктограммы и еще более высоких степенях. То, как человек относится к своей жизни и к своему глубокому сознанию, — всего лишь фикция, полагают они. Может ли это быть правдой? — думал Данло. Возможно ли, что его подлинное «я» в самом деле не имеет лица, как подтаявшая ледяная статуя или хибакуся, неосторожно взглянувший на ядерный взрыв?

Я их не вижу, думал он. А если я не вижу их, как могут они видеть меня?

Когда Данло закончил свою речь, Маралах, Рея и Единство четырех по имени Бодхидева стали расспрашивать его об Ордене, о полученном им образовании, о его детстве в племени алалоев. Они хотели постигнуть суть его любви к математике и еще более глубокой любви к женщине по имени Тамара

Десятая Ашторет. Бережно, почти нежно, они исследовали его ненависть к смертоубийству, и к бывшему другу Хануману ли Тошу, и более всего к самому чувству ненависти. В сущности, они хотели знать о нем все. Он чувствовал, что Единства слышат его мысли чуть ли не раньше, чем он их высказывает. Их компьютеры заглядывали в речевые центры его мозга и расшифровывали багряные облачка загорающихся там нейронов. Выделяя из этих красивых узоров индивидуальные мысли, компьютеры прослеживали электрохимические импульсы, идущие от мозга к нервам языка и горла, и таким образом предсказывали произносимые Данло слова.

Они читали то, что находилось на поверхности, но Данло чувствовал, что в более глубокие его мысли или в память эта электронная телепатия не проникает. Это сознательное ограничение сканирующих процессов входило в этику Трансцендентальных Единств. Для них, как и для всех воспроизведенных в Поле нараинов, человеческое сознание было священно, как храм. Человек должен делиться собой с другими лишь в той степени, которая желательна ему. Как правило, для этого отбирается все самое лучшее: мудрые идеи, благородные мысли, гармоничные эмоции — три базовых элемента личности, которые нараины определяют как добро, правду и красоту.

Как плохо они видят меня, думал Данло. Как мало желают видеть.

Но некоторые Единства, возможно, видели его лучше, чем ему представлялось. Вернее, он вызывал у них больше надежд, поскольку они сосредоточивались на тех его чертах и талантах, которые, по их мнению, делали его идеальным послом к Архитекторам Старой Церкви. Эти Единства стояли за то, чтобы открыть ему местонахождение Таннахилла, но другие, видимо, еще колебались. Способность доверить свою судьбу этому странному пришельцу со звезд почти не укладывалась в их мировоззрение.

Горячие дебаты о том, как им следует поступить, продолжались долго. Такие Единства, как Аэзир, Нинлиль и Шахар, решительно возражали против передачи Данло какой-либо информации о Таннахилле. Их бурные эмоции проявлялись в

пульсации рубиновых огней. Затем Шахар, который до сих пор выражал свое несогласие чуть ли не криком, вдруг переменил свое мнение, решил проявить рассудительность, озарил Данло своим светом и выступил с поразительным предложением:

Мы приглашаем Данло ви Соли Рингесса разделить наше Единство. Мы хотели бы узнать его поближе, изнутри, приняв его разум в свой. Лишь тогда мы сможем решить, следует ли показывать ему искомую им звезду.

Шахар пообещал, что, если Данло сумеет убедить его в своей правоте, он будет отстаивать его, Данло, дело перед другими Единствами, особенно перед Нинлилем, Шивой и их многочисленными сторонниками, возражающими против открытия любой информации. Откровенность этого предложения, пусть даже разумного во многих отношениях, шокировала обычно безмятежные Единства. Это было все равно как если бы одинокая женщина предложила совершить совокупление с инопланетянином иного вида — или с собакой.

Согласен ли ты разделить нашу сущность, Данло ви Соли Рингесс?

Над прудами повисла тишина. Катура Дару и другие светозарные, еще не вышедшие за пределы самих себя, смотрели на Данло с завистью и почтением, а 4084 Трансцендентальных Единства замерли без движения, как звезды в зимнюю ночь. Абраксас, Маралах, Мананнан и Тир — все ждали в сияющем молчании, оплетающем Данло световой сетью.

— Хорошо, — сказал Данло звонко и смело, хотя в животе у него крутило так, словно он поел несвежей рыбы. — Я разделю ваше Единство.

Тогда войди.

Светозарный Данло пристально посмотрел на Шахар, улыбнулся странности того, что намеревался сделать, поклонился и сделал свой первый шаг навстречу Единству.

Глава 15

ЕДИНСТВО

Несуществующее (материальное) преходяще, вечное (душа) не претерпевает изменений.

Бхагавад-гита, 2:16

Светящаяся сфера по имени Шахар отделилась от других Единств и подплыла к Данло. Она висела всего в нескольких дюймах над плоской мокрой скалой, и Данло почему-то понял, что должен идти в ее свет, как в открытую дверь. Он понял это и пошел, осторожно ступая по скользкому камню. Свет Шахара был так силен, что он заслонил рукой глаза. Когда он подошел совсем близко, Единство разверзлось перед ним, подобно пасти кита. Шахар поистине был велик и красив, как кит-косатка — а возможно, столь же свиреп, плотояден и дик.

Неужели это так трудно, Данло ви Соли Рингесс?

Данло сделал последний шаг к Шахару, и ему показалось, что он вступил в чистый пруд — или, скорее, вошел в радугу. Все метафоры, по правде говоря, утратили силу внутри этого сияющего существа по имени Шахар. На миг светозарное тело Данло слилось с телом Единства, и это было так, будто он пил из бутылки жидкое вино света. Хмельной свет чуть не поглотил его целиком, но Данло помнил, кто он в реальности и как оказался здесь.

Вот она, ловушка, о которой предупреждал меня Эде, подумал он. Этот золотой свет — мед, а я — пчела.

Данло закрыл глаза и попытался вспомнить свое подлинное «я», сидящее на красной подушке в зале собраний. Там же, в ярком пластиковом роботе, сидит настоящая Лиесвир Ивиосс, а другие десять частей Шахара сидят в других залах собраний или лежат в темных комнатах квартир, думая свои индивидуальные мысли и переживая свои индивидуальные чувства. Они воспроизведены в Поле так же, как и Данло, — только они составляют Единство и поэтому временно лишены индивидуальности. Они сошлись там, на великой горе над водопадом, и слились в Единство по имени Шахар. У них все общее: мысли, мечты и эмоции. Они *дополняют* мысли друг друга и обтачивают свои индивидуальные «я», чтобы взаимно дополнять свои темпераменты. Их чувство отдельности испаряется, как льдинка под жарким солнцем, и они соединяются в общую световую сферу.

Шахар лукав, подумал Данло, но сам себя считает тонким и талантливым.

Данло открыл глаза и увидел Шахар изнутри, где свет его существа был не столь ярок и уже не слепил глаза. Прозрев снова, Данло стал сознавать присутствие других людей, составляющих плоть и душу Шахара. Их было одиннадцать, и каждый воспроизвел себя в той же светозарно-радужной форме, что и сам Данло. Он узнал Лиесвир Ивиосс по ярко-алым линиям страсти и гордости. Другие трансценденталы ассоциировались с другими именами: Германа Палл, Сул Ивиасталир, Иврия Таль, Мараль Аштрот, Адаль Дей Чу, Хусмахаман, Атара иви Химене, Дункан Ививич, Ананда иви Ситисат и Ордандо Эде.

Но имена в сияющих пределах Шахара не имели значения. Значение имели только высшие качества личности, различные аспекты добра, правды и красоты, из которых и создавалось Единство. Это созидание высшего целого из многих частей было непрерывно длящимся произведением искусства. В некотором смысле Шахар всегда оставался незавершенным; душа этого эволюционирующего существа росла непрерывно и во всех направлениях, как фравашийский ковер, одна золотая нить за другой.

Я тоже должен добавить что-то в их ткань, подумал Данло. На один момент или навечно.

Ему казалось, что Лиесвир Ивиосс и ее соединники ткут Шахар движениями своих сияющих тел. Они порхали, как бабочки, кружились, ныряли, взмывали и парили в общем облаке света, творя свой бескрылый, невесомый, почти вневременной танец. Двое из них, например, Иврия Таль и Мараль Аштрот, постоянно совокуплялись — но не в человеческом смысле, не так, как это делают мужчина и женщина: у всех соединников, включая и самого Данло, между ног не было и намека на грубые, животные половые органы.

Они соединялись скорее как призраки, пронизывая друг друга своими светящимися телами, как две амебы, раскрывающие свои внешние мембраны и сливающие воедино свою цитоплазму. Если процесс шел успешно, двое (а иногда и трое) человек становились единым целым; это единое двуполое существо росло и сияло все ярче, руки у него делались длинными, как у эталона из миров Бодхи Люс, глаза горели, как звезды. В каждый момент внутри сферы Шахара существовало только десять или девять, а иногда только восемь, семь или шесть индивидуальных существ. Наибольшей завершенности Шахар достигал, когда все одиннадцать его частей полностью сливались в Одно — то Трансцендентальное Единство, которое опьяняло Данло своим медовым голосом и затягивало его в глубину, как пилота, попавшего в поле гравитации голубой звезды-гиганта.

Как я могу быть вместе с таким множеством людей? — думал Данло. Как я могу быть единым со столь многими, которые уже Одно?

Ему всегда было трудно приспосабливаться к другим. Нараинские трансценденталы всю жизнь работают над достижением желанного единства. Когда общая душа подгоняется под идеал добра, правды и красоты, сложности единения с добавлением к Единству каждой новой части растут почти в геометрической прогрессии. Но чем больше трудности, тем больше и радость. Данло пришел к выводу, что радость — именно то, ради чего живут нараины.

Из радости они и построят ловушку для меня, подумал он.

Поскольку Шахар и другие Единства не верят ему и не хотят допускать его на Таннахилл, они попытаются удержать его на Новом Алюмите (вернее, в сверкающем блаженстве Поля) единственным доступным им способом.

Но что это будет за радость?

Скорее всего на его мозг будет действовать вполне реальное логическое поле зала собраний. Компьютеры, наверное, запрограммированы на стимуляцию его нейронов, на выделение из клеток мозга эндорфинов, эпинефрина, серотонина и других психических химикалий. Скоро для него, возможно, настанет момент нейротрансмиттерного шторма, сверкания молний и насквозь искусственного блаженства, известного ему как электронное самадхи. Но, возможно, нараинам нет нужды полагаться на столь примитивную механическую технику. Общая телепатия Шахара, пьянящая и глубокая, вполне способна растворить его в стихии экстаза.

«Данло Звездный, ты должен впустить нас в себя».

«Мне нечего скрывать».

«Ты должен сам войти в нас».

«Вот так?»

«Почти. Сначала ты должен отпустить себя».

«Свое «я»?»

«Ты должен освободиться от страха. От затаенной ненависти и склонности к отчаянию. От всех негативных эмоций. Отпусти их».

«Но разве эти эмоции — не часть меня самого?»

«Они часть Данло из Невернеса, но никоим образом не должны быть частью Данло из Шахара».

«Правда?»

«Шахар должен оставаться чистым. Лишь при идеальной интеграции добра, правды и красоты можем мы достичь высшей добродетели».

«И эта добродетель — не что иное, как чистая радость?»

«Почти так. Но радость — это только часть красоты, только одна из высших добродетелей».

«Значит, вы ищете трансцендентальной добродетели. Более высокой, чем радость».

«Бесконечно более высокой».

«Добродетели превыше всех добродетелей?»

«Вот ты почти и понял».

«Вы ищете добродетели, которая...»

«...превыше себя и всего, что...»

«...совершенно само по себе. Она отражает...»

«...весь мир, ибо это...»

«...любовь...»

«...только любовь и ничего более...»

«...любовь внутри себя самой, как зеркало...»

«...которое превыше любви...»

«...она смотрит в него и видит только любовь...»

«...любовь любовь любовь...»

На какой-то момент Данло потерял себя в электронной телепатии Единства Шахар и почувствовал, что в его потоке сознания плывет кто-то еще. Этот другой или другие добавляли к его мыслям свои и порой дополняли их. Он сам тоже соприкасался с чьими-то мыслями. Его мысли при этом оставались его мыслями, а чужие — чужими, но вместе они создавали единство разума за пределами их отдельных «я». Это слияние сознаний напоминало Данло фравашийскую фугу, когда Старые Отцы вместе поют свои прекрасные песни, переплетая мелодии, как золотые и серебряные нити ковра. Из их пения почти чудодейственным образом возникает единая мелодия, изобилующая индивидуальными красками и мотивами, но завершенная в своем движении к одной всеобъемлющей, трансцендентальной теме.

Любовь — это тайна вселенной, думал Данло. По крайней мере он думал, что думает так сам по себе. Но теперь, когда сознание одиннадцати других вливалось в него потоками золотого света, стало почти невозможно судить, какие мысли его, а какие — нет.

Любовь — это цель жизни.

Где-то над прудами и водопадом, льющемся каскадами с великой горы, плавала в воздухе сияющая сфера по имени

Шахар. А внутри Шахара плавал Данло, и еще одиннадцат сияющих существ плавали вокруг него и сквозь него, трогал: его руки и грудь, водили сияющими пальцами по его жемчуж но-гладкому телу, по шее, по лицу. Ему было трудно видет эти существа такими, какие они есть, потому что они беспре станно переливались радужными огнями, от красного до фио летового, от оранжевого до золотого, и их зыбкие формы вс время менялись. В одном из них, как казалось Данло, он рас познал Лиесвир Ивиосс.

Что до других, то он никак не мог определить по их пере менчивым, как ртуть, телам, как они выглядят в реально: жизни. Впрочем, это едва ли имело значение — то, что он: представляют собой там, в низшем мире камней, деревьев : пластмассовых комнат, в мире под названием «гетик», вынуж дающем их дышать, есть и испражняться. Молодые или ста рые, тонкие или толстые, красивые или уродливые — здесь, Поле, в заветном кибернетическом раю, они всегда воспроиз водились в виде сияющих, прекрасных существ.

Идеальных существ. Идеальных не только по форме, но : по содержанию — ведь они тщательно очищали себя, остав ляя лишь самые благородные качества. Лишь этим, рафини рованным своим «я» они разрешали воспроизводиться в Поле В определенном смысле та Лиесвир Ивиосс, что парила око ло Данло, касаясь его черных с красными нитями волос, н была той жесткой, гневной, исполненной презрения транс ценденталкой из зала собраний. Она была и меньше, и боль ше, чем та. Исчезли ее неуверенность, ее склонность к ду ховному насилию. В ее кибернетическом «я» все низменны качества подверглись преображению. Гнев перешел в сил воли, презрение — в проницательность, жесткий характе углубился и стал сильным. Здесь все это считалось положи тельными свойствами.

В старой нараинской системе классификации все положи тельные качества личности располагались в большом колесе поделенном, как пирог, на три части. Секция, традиционн окрашиваемая в желтый или золотистый цвет, посвящалас добру, две другие включали в себя качества, относящиеся

правде и красоте. Колесо это символизировало самоусовершенствование человека. Каждый, помещая себя внутри колеса, мог подвергнуть анализу свои эмоции и таланты. Чем ближе к ободу находился человек, тем дальше он был от идеала, к которому стремились все нараины. При движении внутрь мелкие достоинства наподобие ответственности и откровенности сливались в более крупные, например, в надежность. Затем надежность, порядочность и прямота, в свою очередь, переходили в еще более высшее качество — честность. А честность наряду с мудростью, мужеством, верой и свободой мысли составляла один из элементов истины. Три наивысшие добродетели — добро, красота и истина — обвивали ступицу колеса, как змея древесный ствол, но в мистическом центре колеса, красном, как кровь, находилась только любовь и ничего более. Любовь, превыше всех добродетелей, была квинтэссенцией существования, и каждый нараин надеялся достигнуть этого духовного идеала.

Любовь — цель жизни.

Данло парил близ центра Шахара, и пальцы соединников гладили его, как мягкие водоросли. Он соприкасался с их умами, и волны любви пронизывали его. Он не мог сказать, чем является это могучее чувство: результатом слияния умов или его причиной. Не мог сказать, реально ли оно или это только компьютеры зала собраний манипулируют с химикалиями его мозга, заставляя его испытывать экстаз. Теперь это было не так уж важно. Он чувствовал такую любовь к Германе Палл, Иврии Таль и всем остальным, что все его тело как будто окунули в чан с расплавленным золотом, а мозг горел звездным огнем. Он был очень близок к тому, чтобы отпустить себя и раствориться в Шахаре, как ледяная глыба в теплом тропическом море.

Любовь превыше всего...

«Данло Звездный, отпусти себя».

Данло, пронизываемый любовью превыше человеческой любви, понял одну вещь. Если он хочет, чтобы Шахар поддержал его миссию, он должен войти в Шахар целиком, чтобы его мечта слилась воедино с мечтой Шахара. Но если он это

сделает, наслаждение и искушение остаться там навсегда будут слишком велики. Он, как те, что некогда вкушали лотос на Старой Земле, лишится собственной воли, забудет свою цель и свою судьбу.

Я потеряю свою мечту и потеряю себя, думал он.

Потом он понял еще одно. Лиесвир Ивиосс, Хусмахаман, Адаль Дей Чу и все другие трансценденталы Шахара (и всего Нового Алюмита) тоже боялись себя потерять. Отказ от своей индивидуальности был для них величайшей радостью, но и величайшим ужасом. Поэтому каждый трансцендентал, вливаясь в Единство, всегда придерживал какую-то часть своего «я» про себя, как летнемирский купец, утаивший пригоршню золота от сборщика налогов.

И это было крушением их идеала. Каждый из них чувствовал у себя в душе добро, истину и красоту, но и пороков тоже хватало, поэтому вся их жизнь оборачивалась сплошной ложью, а иногда со дна души поднималась другая, страшная, красота. Ведь это почти невозможно — избавиться от одних только отрицательных качеств. Всякое самокромсание, всякая чистка только укрепляет их. Вот почему еще ни одна группа трансценденталов не достигала полного слияния.

Им вовсе не нужно, чтобы я полностью потерял себя, думал Данло. Нужно только, чтобы я опьянел от любви и остался в Единстве.

И если Шахар осуществит свой замысел, он, Данло, уподобится глупому юнцу, который вваливается в винную кладовую и опустошает, не в силах остановиться, бутылку за бутылкой, оставаясь вечно пьяным и вечно глупым.

Дурак, упорствуя в своем дурачестве, становится мудрецом, вспомнил Данло.

Он закрыл глаза, и перед ним предстало разноцветное колесо добродетели. Глупость не входила в число положительных качеств, и дикость тоже. Когда-то друзья прозвали его Данло Диким за его бесстрашие и готовность на любой, самый безрассудный и опасный поступок. Но они заблуждались. У него, как и у каждого человека, были свои страхи, самым глубоким и единственно подлинным среди которых был страх спутать

нереальное с реальным. Вот почему он никогда не терял себя ни в одном компьютерном пространстве. Вот почему он гордился тем, что всегда знает, где находится, и помнит, кто он есть в реальности.

Мне страшно, страшно по-настоящему, сознавал он.

У его реального «я» сейчас сводило живот от страха — но истинно дикий человек должен встречать свой страх с открытыми глазами, чтобы разглядеть его как следует. Настоящий человек не должен бояться смотреть на себя самого и на свою дикую сущность, тайно горящую внутри. Данло пообещал себе, что всегда будет так поступать, и открыл глаза. Из чистой дикости он дал себе волю и стал смотреть, как светящиеся ткани его тела распадаются на отдельные цвета спектра, как пропущенный сквозь призму свет. Он ощущал себя, как десять тысяч световых волокон, которые раскручивались, струились и вплетались во внутренний свет Шахара.

Удовольствие, которое он при этом испытывал, было неописуемо, и ужас тоже. Данло тяжело дышал, потел и чувствовал, как сердце стучит у него в груди, точно кулак в железную дверь. Он умирал и приказывал себе умереть, но больше всего его пугала перспектива возрождения в образе сияющего кибернетического существа, то ли реального, то ли нет.

Чтобы жить, я умираю — он вспомнил эти отцовские слова, когда уже начал растворяться в свете Шахара. Чтобы стать собой, он должен сначала потерять себя. Таков парадокс его существования, и кто знает, что в нем заключено — глупость или глубокая мудрость.

Я — не я.

На какой-то момент он превратился в нечто меньшее, чем пар от дыхания на ветру, — и одновременно в нечто бесконечно большее. Он принес Шахару все, что делало его пилотом и человеком. Принес свою честность, свое мужество, свою любовь к играм, свой пыл. Принес добро, истину и красоту, принес свою любовь. Дикость побудила его прихватить и темные эмоции — так сова несет в своих когтях извивающегося снежного червя. И память свою он тоже принес. Трансценденталы тоже приносят в Единство запись всего, что произошло

с ними в Поле, но считают неприличным обременять своих соединников памятью о своей жизни «эн гетик». Более того, все события их повседневной жизни считаются незначительными для высшей жизни Трансцендентального Единства.

Но Данло, не знавший этого, принес в Шахар все свои алмазы, рубины и огневиты. Он поделился с Единством памятью о том, как впервые увидел снег, о своей любви к огню, ветру и небу и к женщине по имени Тамара Десятая Ашторет, которую он считал потерянной навеки. Он поделился своей ненавистью к Хануману ли Тошу и ненавистью к себе самому за эту ненависть. Когда-то — ему казалось, что это было очень давно, — он погрузился глубоко в себя и вспомнил Старшую Эдду, и этой генетической памятью Данло тоже поделился с Шахаром.

Он отдал свои эмоции, свой разум, свою память, и от него ничего не осталось. Он не чувствовал больше своего тела — ни кибернетического, ни реального, сидящего на красной подушке в зале собраний. Он не знал больше, что реально, а что нет, и его это больше не волновало. Вокруг горел слепящий белый свет, неподвижный, как метель, застывшая в пространстве-времени. Данло осознал, что этот свет горит не вне его, а внутри, где он наконец слился воедино со страшным сиянием Шахара.

Я — не я.

Данло понимал, что эта правда, но сам факт этого понимания показывал, что сознание не совсем покинуло его. Как ни странно, он сознавал себя интенсивнее, чем когда-либо прежде. В каком-то смысле он стал еще больше собой, как огонь, нашедший приют в высохшем на солнце лесу. Его намерение совершить путешествие на Таннахилл и найти лекарство от чумы осталось при нем. Вернее, он сознавал, что эта его цель — лишь часть космического императива, велящего ему облететь всю вселенную и найти лекарство от всех страданий.

Одно слово, как молния, прошило его ум и высветило умы Лиесвир Ивиосс, Адаля Дей Чу и других составляющих общего разума Шахара. Это слово было «ананке» — фравашийский термин, обозначающий вселенскую судьбу, которой повину-

ются даже боги. Все сущее летит навстречу своим личным судьбам, как мотыльки на пламя, но это не ананке — если только человек не посвятит полностью свою жизнь этой высшей судьбе. Лишь в этом случае его цель объединяется с целью вселенной. Лишь тогда его истинная цель и он сам сохраняются навечно.

Я — только я, вспомнил Данло. Я — всегда я.

Был момент слепящего света, когда Данло умер в Шахаре, а все остальные трансценденталы Единства умерли в нем. Был момент, когда он понял, что все еще жив и будет жить всегда. Понял он и другие вещи. Отдав Шахару все, он получил все взамен. Как будто откинулась крышка сундука с сокровищами, и все, что было в уме Единства, открылось ему. Блеснули серебряные чаши и золотые кольца, и он увидел умы всех частей Единства. Одна из них, Ананда иви Ситисат, точно знала, где в Поле найти информацию о Таннахилле. Все соединения Шахара были мастерами информационного поиска, и Шахар владел всеми знаниями нараинов; оно входило в его коллективную память, к которой Шахар обращался, желая решить какую-то задачу или поразмыслить над тайнами вселенной.

Я — бог.

Данло никогда впоследствии не мог определить, сколько времени он провел в слиянии с Шахаром. Ему казалось, что годы. На протяжении неисчислимых моментов он жил жизнью нараинского бога и понял вдруг, что может двигаться в кибернетическом пространстве, как ему хочется. Он помнил эти движения. Он мог мгновенно посетить любую из стран на золотой равнине — так легкий корабль переходит от звезды к звезде, не пересекая бесконечных пространств космоса. В отличие от светозарных существ, посещавших Рай в надежде когда-нибудь выйти за пределы себя, Трансцендентальные Единства не ограничивали себя никакими естественными (или неестественными) законами. Шахар, Абраксас, Мананнан и Кане сами создавали законы, по которым существовал Рай. Они создали — и пересоздавали — самую субстанцию Рая — богам Нового Алюмита это служило развлечением в моменты отдыха от дум. Они творили немыслимо высокие горы, водо-

пады, леса, птиц, бабочек — и все это просто так, играючи. Они играли ради самой игры, и единственной их заботой было то, как эта игра будет эволюционировать.

Я — Данло ви Соли Рингесс.

Итак, Данло вспомнил себя. Совершив почти невозможное и оставшись верным себе в степени полной трансцендентальности, он вспомнил, что ему пора вернуться к своему человеческому существованию. И он, собрав всю силу своей воли, отделился от блеска Шахара. Это было чуть ли не труднее всего, что он делал в жизни. Но он вошел сюда, а значит, мог и выйти. Он мысленно приказал Шахару раскрыться перед ним, и прореха появилась — не то в стенке радужного пузыря, не то в его душе. Он приказал себе выйти через эту прореху. Выйти, вылететь, быть выброшенным волной звездного взрыва — это был страшный момент смятения, отъединения, темноты, боли. Через некоторое время, когда разламывающая голову боль прошла и Данло открыл глаза, он увидел, что стоит на плоском камне под водопадом. Лес вокруг изумрудно зеленел, и небо сияло той безупречной голубизной, которую только компьютер может изобразить. На других скалах стояли Катура Дару и прочие, такие же, как он, светозарные существа. Тут же, разумеется, находились Шахар, Абраксас, Маралах и другие Трансцендентальные Единства Нового Алюмита. Их красивые сферы висели над прудами, как тысячи мыльных пузырей. За все то время, что Данло провел в Шахаре, они, казалось, не двинулись с места.

Я только Данло ви Соли Рингесс, вспомнил Данло и посмотрел на свои длинные переливчатые руки. Но я еще и светозарное существо, помещенное в Поле.

Он воспроизвелся в Поле, чтобы встретиться с Трансцендентальными Единствами и узнать у них местонахождение Таннахилла. Эту задачу он выполнил. Он продолжал выполнять ее, стоя на камне под светом всех четырех тысяч сфер. Абраксас, Шахар и еще семеро богов по-прежнему располагались перед ним полукругом. Они сияли почти как солнце, и Данло снова перевел взгляд на их отражение в пруду. Скажут ли они то, что ему необходимо знать?

Данло ви Соли Рингесс, что ты сделал?

Мощный голос Абраксаса разнесся в воздухе, заглушив шум водопада. Это был не упрек — скорее обычный информационный запрос. Ни Абраксас, ни другие Единства, очевидно, так и не поняли, что же произошло, когда Данло слился с Шахаром. Единственным намеком на это могло служить излучение Шахара: при входе Данло Шахар прошел через все цвета спектра от красного и оранжевого до синего и фиолетового, а потом загорелся ярким белым светом ярче всех остальных Единств.

— А что тут можно сделать? — вопросом на вопрос ответил Данло.

На миг над прудами все замерло, и даже водопад приостановил свое падение. Затем Абраксас сказал:

Теперь мы должны решить, показывать ли Данло ви Соли Рингессу звезду Таннахилла. Мы будем совещаться здесь. Закройте глаза.

Данло понял, что последняя фраза обращена к нему и всем светозарным существам, которые были еще не совсем боги. Катура Дару и ее друзья закрыли лица руками. Данло сделал то же самое и так надавил ладонями на глаза, что перед ним в черноте вспыхнули звезды.

Мы просим тебя подождать нашего ответа.

Вслед за этим вспыхнул свет. Данло чувствовал его даже сквозь свои радужные нереальные ладони. Свет прожигал кожу, мускулы и кости. Данло следовало бы продолжать прикрывать лицо, как всем остальным, но дикость еще бурлила в нем, и он, воздев руки к небу, поднял голову. Он открыл глаза и за миг до того, как страшный свет ослепил его, увидел невероятное. Абраксас, Мананнан, Аэзир, Нинлиль, Шахар — все 4084 Единства, пылая алым огнем, сошлись вместе, как звезды в ядре галактики, и слились в одну сферу, яркую, как Ригель или Альнилам. Яркую, как сверхновая: был момент, когда дикий белый свет вспыхнул с такой силой, что лес, небо и даже огромная золотая гора исчезли в его сиянии.

Данло обожгло глаза. Ему следовало бы испугаться, но он помнил, что это не настоящие его глаза. Существо, стоящее под этим немыслимым светом, — всего лишь компьютерная

модель, помещенная в сюрреальность Поля. Реальный Данло сидит на синтетической подушке в зале собраний. Кибернетический Данло хорошо помнил реального себя. Теперь, расставшись с Шахаром, он почти чувствовал, как тяжело он дышит, держась за бамбуковую флейту, и как потеет под черным шелком. Ничто из происходящего в Поле не могло причинить вред его реальному телу и как-то затронуть его подлинное «я».

Конечно, компьютеры зала собраний могли запросто выжечь сетчатку его темно-синих глаз или разрушить зрительные центры его мозга. Но это было бы преступное программирование, а нараины — не преступники. Они — нечто другое. Стоя у тихого водоема и глядя в жгучий свет, Данло уловил наконец, в чем различие. Он совершенно ослеп, зато это коренное свойство нараинов видел с полной ясностью. Свет Единств превратил его глаза в радужную жидкость, и она стекала по его щекам и шее. Он стоял на скале безглазый, как скраер, и подобно этим добровольно ослепляющим себя провидцам Невернеса — подобно своей матери — видел будущее. Наконец-то он понял мечту нараинов во всей полноте ее надежды и ее ужаса.

Когда-нибудь, в далеком-далеком будущем, нараины начнут путешествовать среди звезд и строить такие же города, как Ивиюнир. Возможно, на каждой планете, где способен выжить человек. Там, в этих пластмассовых муравейниках, триллионы нараинов будут лежать в своих темных ячейках-квартирах. Их бледные, как мучные черви, тела никогда не узнают естественного солнечного света. Они будут дышать кондиционированным воздухом, их глаза будут сомкнуты под серебристыми шлемами, а души их будут жить в кибернетическом пространстве. Они запрограммируют свои большие компьютеры генерировать Поле в каждом своем мире. Миллионы Полей будет всасывать в себя души нараинов в миллионах миров. А затем, овладев сверхсветовой связью, они соединят все эти компьютеры, чтобы генерировать единое, вездесущее Поле. Сотворение Единого Поля — вот в чем заключалась великая надежда нараинов. Там все простые нараины, еще не вышедшие

за пределы себя, наконец-то соединятся во множество Трансцендентальных Единств, Великих Единств, состоящих из сотен, тысяч и даже, что кажется невозможным, из миллионов частей.

А затем эти Единства, как осколки стекла, сплавленные в кристальный шар, сольются в Высшие Единства — и так будет до конца времен, когда все нараины наконец войдут в одно Единство. Имя же этому Единству — Бог. Некоторые именуют его Эде, и все нараины мечтают соединиться в конце концов с Богом Эде. Они считают себя Истинными Архитекторами Бесконечного Разума и верят, что их предназначение как Архитекторов состоит в создании Единства по имени Бог.

Данло ви Соли Рингесс!

Голос Абраксаса грянул, как ядерный взрыв. Данло попытался открыть глаза, но вспомнил, что их у него больше нет.

Данло ви Соли Рингесс, ты взглянул на то, чего видеть нельзя, но мы возвращаем тебе зрение.

Данло ощутил жжение в мозгу, а потом влажность, как будто его глазницы наполнились слезами. Он заморгал, потрогал веки и почувствовал под ними круглоту и упругость новых глаз, выросших на пустом, выжженном месте.

Данло ви Соли Рингесс, ты можешь открыть глаза, если хочешь.

Данло открыл и снова увидел лес, облака и сверкающие струи водопада. Деревья зеленели, гора блистала золотом, и все краски этого прекрасного мира принадлежали ему. Свет Единств ослеплял по-прежнему, и Данло опять опустил глаза к зеркалу пруда. В этот момент он вспомнил то, узнал в Шахаре, — вспомнил, что не нуждался в Абраксасе и других Единствах, чтобы вернуть себе глаза.

Стоя под светом богов, он четко представлял себе способы программирования своего светозарного тела. Он мог творить с ним любые чудеса — и теперь, подняв голову, он устремил свои новые глаза прямо на Трансцендентальные Единства. Он видел их очень ясно. Абраксас, Шахар и их друзья парили в воздухе и сияли по-прежнему, но теперь скорее как обычные световые шары, нежели как солнца. Данло рассмотрел, что

они все-таки не слились полностью и не стали единым целым, как далекая шаровая галактика. Они скорее напоминали слепленные вместе крупинки икры, которые в это самое время расцеплялись и выстраивались над прудами в виде отдельных Единств. Данло улыбнулся, поняв, что может смотреть на любое из них прямо, смело и безболезненно. Очевидно, они собрались в сплошную массу временно, чтобы посовещаться и решить, что с ним делать. Абраксас, Мананнан, Эль, Маралах, Тир и Шахар снова образовали перед ним свой полумесяц, и Абраксас огласил решение:

Данло ви Соли Рингесс, ты поистине вышел за пределы своей человеческой сущности. Мы предлагаем тебе остаться с нами здесь, в Раю, и не быть больше человеком.

Данло улыбнулся — ощущая странную смесь раздражения и неодолимого желания снова слиться с Шахаром — и покачал головой.

Хорошо, будь по-твоему. Шахар поведал нам о твоей редкостной целеустремленности. Никому до сих пор еще не удавалось отдать всего себя Единству и при этом сохранить себя.

Данло потер лоб, но его пальцы не ощутили шрама на радужной коже.

— Как я мог стать чем-то... помимо того, что я есть? — спросил он.

Что же ты есть, Данло из Невернеса?

— Что есть любой человек?

Что есть ты?

— Я человек, — звонко и ясно ответил Данло. — Да... только человек.

И добавил про себя, закрыв глаза: «Почти человек. Почти такой, каким должен быть настоящий человек».

Теперь ты часть Шахара. А он часть тебя.

Абраксас продолжал свою речь, и Данло стал понимать, что Единства так и не уяснили себе: он ли, Данло, слился с Шахаром или Шахар каким-то таинственным, непостижимым образом слился с ним. Даже Эль и Кане, мудрейшие из нараинских богов, не понимали, как Единство может поместиться в одном человеке. Но все они сходились на том, что Шахар

подвергся поразительной перемене. На конклаве Единств Шахар превозносил добро, правду и красоту Данло, его любовь к любви, ту, что превыше любви, — и даже его любовь к жизни. Говоря дико, смело, игриво и очень нехарактерно для себя, Шахар убедил даже Аэзир и Нинлиль принять Данло со всей его жизненной энергией и всеми страстями. И Единства, так и не сумевшие вполне примириться с наиболее болезненной эмоцией Данло — с его ненавистью, столь темной и глубокой, что она казалась прорехой в его душе, — были тронуты тем, что общение с ним изнутри так тронуло Шахар.

Мы договорились относительно того, что можем сказать тебе, Данло ви Соли Рингесс.

Данло ждал на своем камне наблюдая игру между Абраксасом и Шахаром, Мананнаном и Кане. Он заметил, что весь дрожит от нетерпения, и улыбнулся этому, но промолчал.

Шахар сказал нам, что тебя преследует воин-поэт Малаклипс Красное Кольцо. Будет опасно, если и он доберется до Таннахилла.

Данло задержал дыхание, представив себе все мысли, которыми он поделился с Шахаром. Если нараины не знали о воине-поэте раньше, то теперь они знают. Возможно, они и о пилотском мастерстве узнали больше, чем ему хотелось бы, хотя без него в качестве учителя это знание вряд ли принесет им пользу.

Но опасности ждут нас на каждом пути, который мы выбираем. Поэтому мы скажем тебе, где находится Таннахилл.

Данло склонил голову, благодаря Единства за труды, которые они взяли на себя ради него. Он чувствовал, что его сердце стучит, как часы в ускоренном времени, и едва удерживался от торжествующего крика.

Ты по-прежнему готов стать нашим эмиссаром перед старейшинами Церкви?

Данло смущенно улыбнулся и кивнул:

— Да, если вы этого хотите.

Шахар утверждает, что ты будешь идеальным послом.

Данло со странным предчувствием посмотрел на сияющую сферу Шахара. Это было почти все равно что смотреть на себя

самого. В сущности, сейчас он видел себя глазами Шахара: видел, как встретится со старейшинами Старой Церкви и введет их в сферу своего сознания, как ввел Шахар. Его природная доброта, сила его правды (и дикая его красота) покорят Харру Иви эн ли Эде и других старейшин. Абраксас и другие Единства явно разделяли эту надежду Шахара, но самого Данло переполняли сомнения, граничащие с отчаянием. Закрывая глаза и глядя в будущее, он видел что-то темное и смертельно опасное, почти столь же ужасное, как черная дыра или гибнущая звезда. Порой при взгляде на эти безликие Единства ему казалось, что у них вовсе нет будущего. Постигнуть сияние их нереальных форм было все равно что пытаться поймать рукой луч света. Раскрывая свои пальцы и глядя сквозь кольца времени, он видел только ничто, только черноту, подобную межгалактической пустоте. Возможно, он слишком долго пробыл в этой компьютерной сюрреальности. Возможно, ему пора было вернуться к себе самому, оставив позади и свой кибернетический образ, и это чувство безысходности.

Показать тебе звезду, к которой тебе предстоит отправиться?

— Не сейчас. Сначала я хотел бы вернуться в зал собраний.

Ты знаешь дорогу назад?

— Знаю, — ответил Данло.

Тогда мы простимся с тобой на время.

С этими словами Абраксас, Маралах, Тир и Мананнан поочередно проплыли перед Данло. Их примеру последовали Аэзир, Нинлиль, Орунжан и Эль. Все четыре тысячи Единств Нового Алюмита прошли перед ним великолепным парадом огней. Каждое из них останавливалось на миг, озаряя его своим светом. Потом они уходили, уплывали, как облака, вверх по горе и скрывались в настоящих облаках — вернее, в имитации облаков, не более настоящей, чем что-либо в Поле. Последним из Единств был Шахар. Он долго висел около Данло, излучая красивый темно-синий огонь цвета его глаз, а потом ярко вспыхнул на прощание и тоже ушел.

Вот я и один, подумал Данло.

Но он, конечно, был не один. Катура Дару и другие светозарные существа окружили его. Они трогали светящимися пальцами его лицо, как будто он сам был Трансцендентальным Единством, а не просто воспроизведением такого же, как и они, человека.

— До свидания, — сказал Данло, поклонился им и повернулся спиной к большой горе. Он улыбнулся, и в воздухе над ближним прудом возник золотой прямоугольник. Это была дверь, вход в зал собраний. Данло оставался в своем светозарном образе. Его тело, реальное тело, сделанное из углерода, кислорода, крови, костей и дикой мечты, сидело, поджав ноги, на полу. Оно держало в руках бамбуковую флейту, и его черные волосы рассыпались по ее желтому стволу. Данло парил в воздухе, глядя на себя самого и дивясь глубине своих темно-синих глаз.

В этих глазах было что-то странное. Они по-прежнему смотрели в бесконечность Поля и в то же время искрились светом и смехом, как будто парадокс этого двойного существования очень их забавлял. Глядя на себя сквозь темно-синие окна своих глаз, Данло видел горящий внутри огонь жизни и понимал, что должен теперь вернуться к себе самому. Сначала он подумал, что есть и другая дорога домой. Он посмотрел на черный шелк у себя на груди. Там, где билось со всей силой пульсара его сердце, и пролегал обратный путь к жизни. При этой мысли в середине его тела появился золотой круг, и Данло увидел, как сокращается его сердце, рассылая кровь по его реальному телу. Он должен был войти в эту дверь, чтобы снова стать собой, но он еще медлил. Семь бледных трансценденталов сидели в своих роботах, глядя на него. На стенах зала горел рубином все тот же закат. Его краски казались какими-то тусклыми, как будто из них высосали самую суть красного цвета, и Данло вспомнил, что глядит на этот искусственный закат глазами своего кибернетического «я». Чтобы увидеть зал собраний таким, как тот есть, он должен покинуть компьютерную реальность и вновь обрести свое истинное, благословенное зрение.

Я — дверь, вспомнил он. Постучи, и она откроется.

И Данло наконец переступил через порог своего сердца и вошел в себя. Это был момент бурного дыхания, интенсивной реальности, дикой радости и чудесного ощущения себя живым. Данло открыл глаза — вернее, его глаза, так долго бывшие слепыми к очертаниям и краскам зала, внезапно прозрели. Семеро трансценденталов смотрели на него с трепетом, как дети искусственного мира могли бы смотреть на живого тигра. Он улыбнулся им и взглянул на свои пальцы, зажимающие отверстия флейты. Как живо он помнил узор на своих ладонях! Как хорошо было чувствовать воздух, снова обтекающий его реальное тело! Со звонким, искренним смехом Данло встал, и в его черных волосах сверкнули рыжие нити. Он расправил затекшие руки, ноги, спину, с наслаждением ощутив снова глубинное движение мышц.

— Ты вернулся, пилот! Ты вернулся из их паутины!

Образник стоял на полу, где Данло его оставил, и голограмма Эде над ним жестикулировала, спеша выяснить умственное состояние Данло.

— Ты разорвал контакт, верно?

Этот вопрос исходил от Изаса Леля, который пил из пластмассовой чашки, поданной ему роботом. Его неуверенность относительно того, находится Данло в контакте с Полем или нет, выглядела странной.

— Да, — улыбнулся Данло. — Теперь у меня контакт... только с вами.

Лиесвир Ивиосс, перехватив взгляд Данло, улыбнулась ему в ответ — почти так, словно они могли видеть мысли друг друга.

— Мы покажем тебе звезду Таннахилла, если хочешь, — сказал Изас Лель.

Закат на стенах померк. В зале настала ночь и зажглись звезды. Миллионы звезд усеяли черный мерцалевый купол. Данло узнал красное солнце Нового Алюмита и другие звезды в его секторе. Одна из них, должно быть, и была звездой Таннахилла, которую он искал так долго.

— Нет, — сказал Данло, переводя взгляд от одного огонька к другому. — Пожалуйста, не так.

— Что ты имеешь в виду? — Изас Лель переглянулся с Диверосом Те, Патар Ивиаслин, Кистуром Аштоpетом. Всех их явно озадачили отказ Данло получить информацию здесь и сейчас.

Озадачены были все, кроме Лиесвир Ивиосс. Эта красивая женщина, по-прежнему улыбаясь Данло, наклонила голову как бы в ожидании ответа, который знала заранее.

— Я... хочу просить вас об одолжении. — Данло поклонился Лиесвир Ивиосс, а затем всем трансценденталам поочередно.

— Хорошо, — сказал Изас Лель. — О чем же ты просишь?

Данло на миг задержал дыхание, услышал, как стукнуло сердце, и спросил:

— Там, за стенами города, сейчас ведь ночь, да?

Изаса Леля, который мог достать из любого массива Поля сводку погоды тысячелетней давности, этот вопрос явно ошеломил. Он закрыл глаза и ответил далеко не сразу:

— Да, ночь. Почти середина ночи.

— А какая она — пасмурная или ясная? Звезды видны?

— Ночь ясная — но о чем ты, собственно, просишь?

— Я хотел бы вернуться на летное поле. К моему кораблю.

Эде энергично показал знаками:

— Да-да! Давай убираться отсюда, пока еще можно.

— Но почему? — искренне недоумевая, спросил Изас Лель.

— Я хотел бы снова оказаться под звездами. Я надеюсь, что ты станешь рядом со мной и покажешь мне дорогу к звезде Таннахилла.

— Хорошо, допустим, я это сделаю, — нахмурился Изас Лель. — А дальше что?

— Дальше я отправлюсь в путь.

— Так скоро?

— Мне пора снова вернуться в космос.

— Прямо сейчас, среди ночи, не выспавшись, не отдохнув?

— Да.

Изас Лель посмотрел на других трансценденталов, и они безмолвно обменялись информацией через невидимые каналы кибернетического пространства. Особенно долго задержав взгляд на Лиесвир Ивиосс, Изас Лель сказал:

— Хорошо. Если таково твое желание, мы проводим тебя на летное поле.

Несколько секунд спустя в зал въехал ярко-желтый робот, вызванный им для Данло. Данло спрятал флейту в карман и поднял с пола образник.

— Спасибо, — с поклоном сказал он трансценденталам, сел на красное пластмассовое сиденье и с великой радостью покинул зал собраний.

Поездка по улицам города оказалась короткой, но памятной. Весть об отлете Данло мгновенно распространилась в ассоциативном пространстве Поля, и нараины, прервав свое электронное общение, вышли проводить звездного гостя. Они сняли свои шлемы, вышли из своих квартир и выстроились вдоль улиц. Данло и трансценденталы ехали мимо них в своих ярких роботах под громкие прощальные крики. Люди стояли шпалерами в своих белых синтетических кимоно, и Данло насчитал десять тысяч, пока не сбился со счета. Лишь теперь, увидев эти толпы окрыленных надеждой людей, он понял, какую ответственность взял на себя, согласившись стать их эмиссаром.

Я должен говорить от имени их всех, думал он, — значит я должен говорить хорошо.

В конце концов, преодолев много улиц, коридоров и претерпев перегрузки гравитационного лифта, они прибыли на летное поле. Здесь собралось еще больше народу. Люди стояли по обе стороны длинной дорожки, где, как серебристая птица, сверкал в ночи корабль Данло. Роботы подъехали к самому кораблю и остановились. Данло, очень обрадовавшись тому, что снова видит «Снежную сову», резво выскочил из робота. Он любовался плавными линиями своего корабля, мерцающего при свете звезд. Ночь, как верно сказал Изас Лель, вступила в полную силу, и звезд на небе было полным-полно. Данло нашел среди них Медиарис, Двойной Трао, Вальда Люс и другие знакомые светила. Он жадно впивал их свет, и свежий естественный воздух, и доносившиеся далеко снизу запахи леса. Впервые за много дней он вспомнил, как это хорошо — просто стоять под звездами, вдыхая ароматы ночи.

— Никогда еще не видел звезд таким образом, — сказал Изас Лель, сидя в своем роботе и глядя в просторы Экстра. За свою жизнь он не раз встречал здесь именитых гостей из других городов и миров, но ни разу не делал этого ночью.

— Звезды — дети Бога, — прошептал Данло.

— Что-что? — Изас Лель с тяжелым вздохом вылез из робота и подошел к нему. Другие трансценденталы, как по сигналу, сделали то же самое и окружили Данло, стоящего под самым крылом своего корабля.

— Звезды — дети Бога, покинутые в ночи, — повторил Данло. — Это строка из одной старой песни.

— Никогда не думал, что звезд так много, — сказал Кистур Ашторет.

Ананда Наркаваж кивнула.

— Давайте покажем Данло ви Соли Рингессу звезду, которую он ищет, и вернемся в город. Нехорошо в такой поздний час быть под открытым небом.

Трансценденталы, сами похожие на покинутых детей вне своих Единств, смотрели на звезды и чувствовали себя одинокими и беззащитными перед грозным ликом ночи.

— Ну так что — показать? — Изас Лель стал поближе к Данло и нахмурился, потому что давно уже не подходил так близко к другому человеку.

— Да... пожалуй...

Дрожащий палец Изаса Леля устремился к известному созвездию на восточном небосклоне. Там, примерно в сорока градусах над горизонтом, виднелись два звездных треугольника, приблизительно того же размера, почти равнобедренные и составляющие почти правильный шестиугольник — или большую звезду. Данло сразу разглядел, что, если соединить эти шесть блестящих точек между собой, как мог бы сделать ребенок, решающий головоломку, получится шестиконечная звезда. Про себя он сразу назвал это странное созвездие Звездой Звезд.

— Видишь этот шестиугольник? — спросил Изас Лель. — У нас он называется звездами Давида — сам не знаю почему.

Данло, глядя на слабый свет шести звезд, молча ждал продолжения.

— Та звезда на вершине верхнего треугольника, что кажется почти голубой, и есть звезда Таннахилла.

Наконец-то, проведя несколько лет в странствиях, пройдя триллионы миль между звездами галактики, Данло увидел голубую сферу, которую так долго искал. Он запечатлел ее и все ближние к ней звезды у себя в уме и тут же понял, почему Рейна Ан показала ему звезду Нового Алюмита вместо звезды Таннахилла: если смотреть с Земли сайни, обе они расположены на одной прямой, и кровавое солнце Нового Алюмита загораживает солнце Таннахилла. Рейна в конечном счете не так уж и ошиблась. Еще несколько десятков световых лет вдоль черты, проведенной ее костлявым старым пальцем, и Данло выйдет в космос над планетой Таннахилл.

— Ты улетаешь прямо сейчас, пилот?

Вопрос, который, в сущности, не был вопросом, исходил от Лиесвир Ивиосс, которая подошла теперь совсем близко к Данло и Изасу Лелю.

— Да, — сказал Данло, встретившись с ней взглядом. — Я должен завершить свое путешествие.

— И свою миссию.

— Да. И свою миссию.

— И если ты выполнишь ее успешно, то вернешься сюда?

Данло, оторвавшись от ее блестящих глаз, взглянул на Изаса Леля и сотни других людей.

— Я вернусь и расскажу вам, что говорят старейшины Старой Церкви о нараинах — и о звездах.

— А потом?

— Потом я полечу на Тиэллу, чтобы рассказать о Таннахилле правителям моего Ордена.

— А после этого ты вернешься в Ивиюнир?

Данло опустил глаза и ответил:

— Кто может знать, что случится в будущем?

— Ты вернешься в Шахар?

В ее голосе звучала тоска, как у заблудившейся над морем птицы, и Данло на миг почувствовал такую же тоску. Он хорошо помнил радость слияния с умами других людей и общего созидания высшего кибернетического «я». Но в конечном ито-

ге эта радость была иллюзорной. Можно ли испытать реальную радость или реальное горе в блистающих ландшафтах Поля? Можно ли быть храбрым при отсутствии реальной опасности или считать себя живым, будучи полностью оторванным от боли и холода реального мира?

Что это, собственно, значит — быть живым? И что значит любить?

При свете звездного неба Данло увидел блестящую влагу, наполнившую глаза Лиесвир Ивиосс, и разгадал секрет этой женщины. В своем слиянии с Единством Шахар он видел лишь поверхность ее сознания, но теперь он смотрел в глубину ее сердца. Она, человек до мозга костей, созданная из крови, слез и любви, никогда не пожертвовала бы своей жизнью ради Шахара. Играя в свои трансцендентальные игры, она временно отдавала Единству лишь наименее важную часть себя, но в реальном мире никогда не отдала бы жизнь за это Единство.

Данло обвел взглядом других трансценденталов и всех людей, стоящих на летном поле. Никто из них, подумал он, не стал бы умирать за абстрактное, запрограммированное компьютером единство. Но если бы они когда-нибудь вышли из своих темных квартир и своих сюрреальностей и увидели друг друга такими, как есть, они, возможно, согласились бы умереть друг за друга — за их общую, совместную, чудесную жизнь. И пока это время не наступит, все они будут несчастны, боязливы и бесконечно одиноки, как Лиесвир Ивиосс.

— Ты вернешься к нам? — повторила она.

Данло, не желая говорить неправду, с печальной улыбкой покачал головой:

— Нет. Сожалею, но нет.

— Я тоже сожалею. — Она собрала все свое мужество и улыбнулась ему в ответ. — Тем не менее я желаю тебе удачи. Мы все желаем.

Она поклонилась Данло, а все трансценденталы и все нараины, сколько их было на космодроме, поклонились следом за ней и сказали хором:

— Желаем удачи.

Изас Лель простился с Данло последним.

— Мы все желаем тебе счастливого пути, Данло ви Соли Рингесс. Ты не только наш эмиссар — ты наш друг.

Данло приказал корабельному люку открыться. Поднимаясь в темную кабину, где ему опять предстояло встретиться со всеми опасностями мультиплекса, он испытал приступ страха перед будущим. Ему казалось, что он смотрит сквозь темный пластик покрытия, сквозь город Ивиюнир, сквозь почву планеты внизу, сквозь пески времени — и видит, как пылает среди звезд Экстра кроваво-красная звезда Нового Алюмита.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ИЗБРАННИКИ БОГА

Глава 16

ТАННАХИЛЛ

И Эде сопрягся со вселенной, и преобразился, и увидел, что лик Бога есть его лик. Тогда лжебоги, дьяволы хакра из самых темных глубин космоса и самых дальних пределов времени, увидели, что сделал Эде, и возревновали. И обратили они взоры свои к Богу, возжелав бесконечного света, но Бог, узрев их спесь, поразил их слепотой. Ибо вот древнейшее учение, и вот мудрость. Нет Бога, кроме Бога; Бог един, и другого быть не может.

Алгоритм, «Сопряжения»

На огромных просторах космоса две звезды, разделенные тремя десятками световых лет, расположены так близко, как только возможно для звезд, однако переход от одной к другой часто оказывается нелегкой задачей. Для корабля, идущего в реальном пространстве на скорости, равной половине скорости света, такое путешествие заняло бы семьдесят лет человеческой жизни. Для пилота, переходящего от звезды к звезде почти мгновенно, оно занимает только миг — или вечность.

Данло, плавая в темной кабине своего корабля, размышлял над этой проблемой. Он шел через мерцающий мультиплекс, решал свои теоремы и вычислял маршрут, который позволил бы ему открыть окно у не слишком далекой звезды Таннахилла. При этом он часто думал о Великой Теореме. Много лет назад его отец доказал, что от любой звезды галактики

можно вычислить прямой маршрут к любой другой. И это действительно возможно, но найти такой маршрут очень трудно. Трудность эта определяется не одним расстоянием. Топология мультиплекса — странная вещь, и порой бывает легче преодолеть тысячу световых лет от Детесхалуна до Двойной Радуги, чем попасть к ближнему солнцу, горящему, как бело-голубой световой шар в соседском окне. Казалось бы, что до звезды Таннахилла рукой подать, но Данло пришлось долго напрягать свои руки и ум, прежде чем он дотянулся до нее.

Был однажды пилот, который возвращался из дальних странствий к семье и друзьям. Это случилось больше пяти тысяч лет назад на Арсите, еще до того, как Орден перебрался в Невернес. Пилот, Чиа Ли Чен, вышел из мультиплекса у соседней звезды. От Арсит Люс, сияющей, как маяк, его отделяло каких-нибудь восемь триллионов миль реального пространства. Он чуть не плакал от счастья и, уходя обратно в мультиплекс, был уверен, что доберется до родной звезды за пару секунд реального времени.

Но по несчастной случайности его корабль попал в редкую Галливарову трубу, которая увела его на двадцать тысяч световых лет к ядру галактики, точно кусок дерева, несомый океанским штормом. Ли Чену понадобилось больше ста лет, чтобы снова вернуться домой, к звездам рукава Лебедя. Там он узнал, что жена его давно умерла, а его правнуки расселились по дюжине других миров. Предание гласит, что Чиа Ли Чен стал первым пилотом, который покончил с собой, направив свой корабль прямо в красную звезду Арсита.

Все пилоты должны когда-нибудь вернуться домой, думал Данло. Но где он, этот дом?

Во время опасного перехода к Таннахиллу Данло часто вспоминались обледеневшие шпили Невернеса и женщина, которую он любил, и он часто думал о возвращении домой. Вернуться в город Света для пилота проще всего во вселенной. Канторы, облаченные в серые мантии, в математической гордыне своей провозгласили звезду Невернеса топологическим узлом галактики. В пространстве близ этого прохладного желтого солнца сходятся миллиарды каналов мультиплекса, и по-

этому Невернес всегда был центром величайшей звездной цивилизации человечества. «Все каналы ведут в Невернес», — говорили пилоты. Данло вспоминал эту поговорку в черном чреве своего корабля. Он помнил каждый из многих тысяч каналов, которые привели его к звездам Экстра. Он даже смог бы, пожалуй, вернуться по тем же каналам назад. Или нашел бы новые маршруты, новые каналы — а может быть, на него снизошло бы озарение, он проник бы в тайну Великой Теоремы и вышел к Невернесу за один маршрут.

Но сейчас, пробираясь через красивое и бурное подпространство Экстра, он молился лишь о том, чтобы не разделить судьбу Чиа Ли Чена и выйти к звезде Таннахилла за несколько быстрых переходов. Так и вышло. Был один напряженный момент, когда он чуть не открыл окно в бесконечное дерево решений, и другой, когда корабль начал соскальзывать по обратному серпантину. Если не считать этих едва не случившихся катастроф, путешествие было легким. Как выяснилось позже, попасть на Таннахилл оказалось гораздо легче, чем покинуть его.

Во время пути Данло больше всего волновала не опасность, а тайна. Недалеко от Алюмит Люс он нашел красный гигант, который назвал Хариатта Савель, или Гневное Солнце. Именно там, выбираясь из вращающегося плотного пространства связанного с этой звездой, он заметил, что за ним снова идет другой корабль. Этот корабль, как и во время их головоломного путешествия в Твердь, всегда держался на границе радиуса сходимости. Данло начинал сомневаться, реален ли он. Реально ли это — идти через мультиплекс с такой точностью, чтобы всегда оставаться за пределами сектора местонахождения «Снежной совы»? Чужой корабль казался столь же нематериальным, как струйка дыма на ветру или образ, воспроизведенный в кибернетическом поле.

Возможно, этот таинственный корабль — всего лишь отражение его собственного. Пертурбации, производимые кораблем в мультиплексе, расшифровать дьявольски трудно, поэтому математические миражи и иллюзии всегда возможны. А вот то, что Малаклипс Красное Кольцо на корабле «Красный дра-

кон» прошел вслед за ним полгалактики, представлялось Данло почти невозможным, и все же он чувствовала, что так оно и есть.

Чутье, говорящее ему, что за ним следят, было первобытным, животным и очень острым. В детстве он видел, как голодная чайка иногда следует за снежной совой, чтобы поживиться остатками того, что непременно добудет белая хищница. Данло предполагал, что воин-поэт по-прежнему надеется, что он приведет его к своему отцу (а может быть, у Малаклипса есть и другие, еще более зловещие, цели). Он страшился их будущей встречи — но за себя, как ни странно, почти не боялся.

И вот он (что было неизбежно, быть может) вышел к Таннахиллу. Настал счастливый день, когда он увидел далеко под собой этот затерянный, легендарный мир. Телескопы и собственные острые глаза открыли ему сквозь рваные облака атмосферы невероятное зрелище. Таннахилл был планетой больших океанов и массивных континентов, но Данло видел, что его воды почти мертвы. Мелкие моря были забиты тиной и серо-зелеными водорослями, более глубокие — загрязнены ацетиленом, бензином и прочими искусственными химикалиями. Загрязнение зашло так далеко, что океаны приобрели уродливую окраску, как будто в них напустили зачерняющего масла: преобладали ядовитого зеленые, грязно-розовые и тусклосерые, напоминающие обмороженную кожу, цвета. В столь же плачевном состоянии находилась и атмосфера. Компьютерный анализ выявил серу, галогены и даже фунгициды. Данло не мог понять, как и чем дышат животные в лесах Таннахилла, но потом, тщательно исследовав всю планету, убедился, что лесов на ней нет. И фауны тоже — ничего крупнее червей или насекомых, которые еще могли обитать на редких участках открытой почвы.

Три больших континента Таннахилла, опоясывающие экватор, были целиком отданы человеку. И что за жилища строили себе эти люди! За все свои странствия Данло еще ни разу не встречал ничего похожего на то, что сделали со своим ми-

ром Архитекторы. Всю планету — за исключением самых высоких гор и пустынь — они застроили закрытыми городами. Это выглядело так, будто они задумали создать несколько сотен аркологий, как на Новом Алюмите, но потом строительство вышло из-под контроля, и города стали разрастаться, как раковые клетки, пока не слились в одну всепланетную пластмассовую опухоль.

Никогда еще Данло не видел такого необратимого нарушения природного равновесия. Столь преступное и безумное дело он мог назвать только одним словом: шайда. Ему вспомнилась строка из Песни Жизни, которую однажды прочел ему дед: «Шайда — это крик мира, потерявшего душу». Но Таннахилл потерял не только душу: он лишился деревьев, рек, скал и свежего ветра, который был его дыханием. В сущности, этот огромный конгломерат с населением, насчитывающим тысячу двести миллиардов, утратил самую жизнь.

«Шайда — человек, убивающий то, что не может вернуть к жизни».

Совершая облет Таннахилла, Данло погрузился в воспоминания о других народах и других местах. Он мог бы провести в таких раздумьях много дней, но вскоре Архитекторы послали ему лазерный запрос:

Сообщите, пожалуйста, кто вы и откуда прибыли.

Архитекторы должны были понимать, что Данло не имеет отношения ни к одному из семидесяти двух миров в секторе Известных Звезд. Все эти миры заселяли Архитекторы Старой Церкви, а их освященная церковью техника не могла создать такого чуда, как легкий корабль.

И все эти миры похожи на Таннахилл, думал Данло. Они задыхаются под тяжестью человеческого населения.

Данло сообщил, что он пилот Ордена и эмиссар нараинов с Нового Алюмита, после чего связь прервалась надолго. Данло ждал, настороженный и внимательный, как мастер заншина, который медленно кружит около противника, ожидая удобного случая.

— Они наверняка пригласят тебя на посадку, пилот.

В темноте кабины мерцал призрачной свет, похожий на рой светящихся кахинских мух в пещере. Голографический Эде, послушный своему мастер-алгоритму, не мог не предостеречь Данло об опасности.

— Помни: они ничего не смогут тебе сделать, пока ты не совершишь эту самую посадку.

Через некоторое время голос в передатчике запросил у Данло более подробную информацию относительно Ордена Мистических Математиков, Невернеса и Цивилизованных Миров. Данло в ответ досконально описал свой путь через рукава Стрельца и Ориона, упомянул, что остановился на Новом Алюмите, и сказал, что прибыл на Таннахилл для мирных переговоров.

Вслед за этим его собеседник, который представился как посвященный Хонон эн ли Ивиов из Орнис-Олоруна, предложил Данло посадить корабль на космодроме близ побережья крупнейшего таннахиллского континента. Данло, ориентируясь на посылаемый с планеты сигнал, повел корабль вниз. Уже темнело, и край Таннахилла погружался в ночь, но он без труда провел «Снежную сову» сквозь слои атмосферы. Зона, именуемая Орнис-Олоруном, занимала пятидесятимильный промежуток между горной цепью и отравленным океаном.

Когда-то, тысячу лет назад, Орнис-Олорун был главным городом Таннахилла, прекрасной жемчужиной, украшающей белые пляжи побережья. С годами он разросся на север и на юг, на триста миль вдоль берега, и на запад, где он протянул пластиковые щупальца к горам, соединившись с Эштарой, Канюком и другими городами, стоявшими в местности, некогда называвшейся Золотой равниной. У этих гор со снежными вершинами и помещался космодром.

Летное поле, как в Ивиюнире и других городах Нового Алюмита, было построено из композиционных пластмасс на крыше города, уходящего почти на полмили в небо. Вечер был ясный, и вдали виднелись космодромы других городов, отмеченные вспышками красного ракетного пламени. Вспышки озаряли ночь непрестанно: многие Достойные Архитекторы с Известных Звезд совершали паломничество на Таннахилл, и

не меньшее количество Архитекторов бежало с Таннахилла в поисках новых миров. Кто бы упрекнул их за это? Воздух над морем имел пурпурный оттенок под влиянием толуидина и других хлоридов, горы на западе, освещенные заходящим солнцем, светились адской мареновой рыжиной. Данло любил посещать далекие миры и ступать по земле новых планет, но сегодня его снедало отчаяние, и он чувствовал, что ноги его не коснутся ничего, кроме твердого серого пластика.

Согласно указаниям, он приземлился на освещенном участке близ центра поля. Некоторое время он медленно плыл вдоль посадочной полосы, рассматривая другие летательные аппараты. Впереди, как белый пузырь, торчала надстройка диаметром в четверть мили. Двери в этот гостевой карантин, как назвал его Ионон Ивиов, были открыты. «Снежная сова» прошла внутрь, огромные створки задвинулись за ней, и Данло спросил себя, кто же он, собственно, — почетный гость или арестант.

Вы можете сойти с корабля.

Данло открыл люк кабины и спустился на белый пластиковый пол. Корабль герметически закрылся за ним. Данло стоял долго, щурясь и зажимая ладонью левую сторону лба. Где-то под куполом горели резким болезненным светом шаровые лампы. Привыкнув к яркому освещению, Данло стал оглядываться по сторонам. Белизной, отсутствием окон и округлой формой этот странный гостевой дом напоминал снежную хижину, но он был чудовищно огромен, и ему недоставало органической интимности снеговых стен. Здесь не было ни спальных шкур, ни рыбной ямы, ни сушилки для мокрой одежды, ни горючих камней, наполняющих помещение мягким желтым светом.

Все это заменяли машины или произведенные ими предметы: динамики, сборочные устройства, хинун-колеса. Роботы, иные с половину корабля величиной, стояли вдоль стен, ожидая команды невидимого мастер-компьютера. Обычно они, вероятно, использовались для разгрузки, заправки и ремонта челноков, приходящих из ближнего космоса. Одна из моделей выгружала только экзотические товары и людей, но «Снежная

сова» не нуждалась в таких услугах. Она стояла, устремив свой нос в центр купола, всегда готовая снова взмыть к звездам. Данло с гордостью думал, что это первый легкий корабль, почтивший Таннахилл своим прибытием.

Мы просим вас остаться в карантине несколько дней, пока не будут готовы анализы. Надеемся, что вам здесь удобно.

Данло взглянул на образник у себя в руках. Образ на время уступил место изображению посвященного Хонона эн ли Ивиова. Хонон, если верить голографическому портрету, был маленьким, подозрительно настроенным человеком, не лишенным, однако, обходительности, опыта и проницательности. Говорил он быстро, и его голос лился из образника, как высокие ноты флейты.

Вы найдете здесь пищу и прохладительные напитки. Если захотите поговорить или получить какую-либо информацию, можете вызвать меня в любое время.

В дальнем конце карантина Данло обнаружил широкий помост, представлявший собой нечто вроде жилого помещения. Там помещались кровать, санузел, сенсорный аппарат, обеденный стол и разнообразные статуи Николаса Дару Эде, изваянные из какого-то плотного белого пластика. Имелась, кроме того, паутинная арфа с золотыми струнами и образник, производящий мелодии более духовного свойства. Архитекторы в отличие от нараинов придавали большое значение физическим удобствам и обеспечивали своим гостям даже гимнастику. К спальному сектору примыкал спортивный с тренажером-дорожкой, по которой можно было шагать сутками, не продвинувшись ни на дюйм, и пластмассовым деревом для лазания, доходившим до самого купола. Был даже бассейн, но Данло, при всей своей любви к купанию, не стал в него заходить, потому что вода воняла хлором. Воздух тоже был плохой. Данло, сосредоточившись на здешних запахах, различил гидроксилы, пропилен, стирен и разные аминокислоты. Запахи делились на просто неприятные, вроде кетонов и меркаптанов, и опасные, как бензин, толуол и прочие ароматические гидроуглероды. Если бы Данло мог, он перестал бы дышать на весь период своего пребывания на Таннахилле. Но за невоз-

можностью этого он взошел на помост, поиграл на флейте и съел что-то странное, поданное ему роботом.

Когда он помылся и отдохнул, явились другие роботы с иглами, чтобы взять у него кровь. Они взяли также образцы кожи, слюну, ушную серу, лимфу, мочу и даже кал, который Данло оставил для них в унитазе. Со спермой, однако, вышла заминка, и еще Данло пришлось сделать большое усилие, чтобы позволить закрыть себе рот пленкой, в которую ему следовало дохнуть. Дыхание человека священно, и его нельзя помещать в пластиковый мешочек; оно должно свободно струиться над землей и снегом, сливаясь с великим дыханием мира.

Он проделал все, что от него требовалось, и Хонон эн ли Ивиов снова появился над образником, чтобы поблагодарить его.

Уверен, что эти меры предосторожности вам понятны, Данло ви Соли Рингесс. Мы должны опасаться инфекций.

Несколько дней спустя, когда биологи подтвердили, что в организме Данло не содержится бактерий, вирусов и фрагментов ДНК, опасных для таннахиллцев, посвященный Хонон пригласил его в Койвунеймин, или Ассамблею Старейшин, — правящий орган Вселенской Кибернетической Церкви. В преддверии этого долгожданного момента Данло подстриг бороду и расчесал густые черные волосы, сильно отросшие за время его путешествия в Экстр. Он облачился в черную шелковую форму, предписанную Орденом для всех официальных церемоний, начистил до зеркального блеска черные кожаные сапоги и отполировал порядком загрязнившиеся пилотское кольцо. Он не любил никуда выходить без своей шакухачи и поэтому спрятал флейту в карман брюк. Вооружившись таким образом перед встречей с людьми, от которых могла зависеть его судьба, он взял свой образник. Он, как любой таннахиллский Архитектор, мог носить эту шкатулку с собой повсюду.

Мы пришлем за вами чоч.

С этими словами Хонон Ивиов привел в движение один из пяти старых чочей, стоявших в карантине. Тот въехал по ступенькам прямо на помост и распахнул дверцы, чтобы Данло мог войти. Данло очень не хотелось залезать в эту пла-

стиковую коробку: чоч в отличие от ярких и открытых транспортных роботов Ивиюнира был закрыт и окрашен в свинцово-серый цвет. Дверцы закрылись за ним, усугубив его чувство несвободы.

В чоче, однако, имелись окна, и Данло, сидя на мягком сиденье и вдыхая молекулы кремния и нейлона, обнаружил, что может наблюдать окружающее. Сначала смотреть было особенно не на что, но потом чоч выехал через шлюз и серию других дверей в коридор, ведущий к гравитационному лифту. Претерпев стремительное падение, Данло оказался на одной из боковых улиц Орнис-Олоруна и увидел людей в белых и коричневых кимоно. Поскольку Николос Дару Эде в свое время употреблял священный джамбул — наркотик, способствующий видениям и выпадению волос, все Архитекторы брили себе головы в память о его самопожертвовании. Но поскольку столь явное подражание Эде считалось кощунством, они покрывали свои голые черепа коричневыми шапочками-добрами.

Данло испытывал неловкость от того, что он видит всех этих людей в кимоно и смешных шапочках, а они его — нет. Окна чоча, сделанные из зеркального пластика, защищали пассажиров от любопытных глаз прохожих. Добраться до невидимого пассажира тоже было непросто: корпус обеспечивал почти полную защиту от лазерных лучей, снарядов и взрывов. В чочах такого образца передвигались по небезопасным улицам Орнис-Олоруна все старейшины, послы и прочие именитые личности.

— Остерегайся наемных убийц, — просигнализировал Эде в полумраке салона. При всем уединении, которое как будто обеспечивал чоч, Данло полагал, что вслух им лучше не разговаривать.

— Везде, где есть бронированный транспорт, — показал Эде, — есть и убийцы.

Данло признал, что это правда. Впрочем, наемные убийцы существовали почти во всех человеческих обществах, особенно таких неблагополучных, как таннахиллское. Следуя в своем безопасном экипаже на встречу с Койвунеймином, Данло ви-

дел признаки этого неблагополучия повсюду. Во-первых — и в последних, здесь было слишком много народу. Люди сновали по улицам миллионами, как муравьи по своим подземным ходам. Улицы Орнис-Олоруна, темные, узкие, не знающие солнечного света, действительно напоминали ходы муравейника.

Тысячу лет назад они, возможно, были так же просторны и полны воздуха, как бульвары Ивиюнира. Но Архитекторы, не знающие ограничений в деторождении, нуждались в каждом кубическом дюйме своего огромного города. Все парки и площадки для игр постепенно уступили место новым пластмассовым многоэтажкам, и строительство продолжалось уже над самыми улицами.

Новые здания лепились в каких-нибудь пятнадцати футах над головами прохожих, заполняя свободное некогда пространство между разными уровнями города. Кое-где на Таннахилле, например, в Иви-Олоруне, улицы сделались так темны и извилисты, что видимость на них составляла не более четырехсот футов. Из-за этого пагубного строительства многие Архитекторы не знали, что значит смотреть вдаль. Вопреки своей религии, учившей, что предназначение человека — это выход в бесконечные просторы вселенной, в повседневной жизни они имели дело только с замкнутыми горизонтами. Это вызывало жестокий конфликт между чувством и разумом, между верой и тем, правду чего подтверждали глаза и сердца.

Но что такое, в сущности, правда?

Данло думал об этом, сидя в своем чоче. Из всех магистралей Орнис-Олоруна эта полоса серого пластика между космодромом и Храмом, где заседал Койвунеймин, была самой широкой и самой прямой, но от скученности и она не спасала. Большинство Архитекторов, которых видел Данло, переносили толкотню стойко. Одетые в чистые белые кимоно, бережно прижимая к животам свои образники, они ловко держались на плаву в человеческой реке, которая несла их, как кусочки протоплазмы. Они не извинялись, толкая других, но реальность жизни в аркологии поневоле вынуждала их пренебрегать элементарными нормами общения. В толпе, где столкновения

случались с той же частотой, как у молекул нагретого газа в закрытом сосуде, говорить каждую минуту «извините» было столь же утомительно, как и бесполезно. Одни Архитекторы мирились с этой вынужденной грубостью, как с неизбежностью, но на лицах других читались обида, ожесточение и возмущение.

Однажды, когда чоч Данло остановился перед выступающим фасадом ресторана, сердитый молодой человек плюнул в окошко и запустил в машину куском пластика. Кроме этого, он сделал в сторону Данло непристойный жест и выкрикнул ругательное слово, обозначающее запрещенный вид контакта с компьютером. Данло очень этому удивился. Возможно, молодой человек знает, что в этом чоче едет пилот Ордена и эмиссар нараинов? Возможно, все Архитекторы на улице об этом знают?

Многие мужчины, женщины и дети смотрели на бешеного юнца с опаской, как на пластиковую бомбу, но никто не пытался одернуть его или как-то ему помешать. Они просто стояли, глядя на чоч так, будто их глаза могли расплавить зеркальные окна. Они не видели Данло, но он чувствовал их взгляды на себе, и мятежный дух толпы проникал в него, затрагивая что-то глубоко внутри.

Эти люди постоянно страдали и терпели лишения. Настоящего голода на Таннахилле не было, но многие в толпе казались голодными и слишком худыми. И больными тоже. Такие болезни, вероятно, существовали только на Таннахилле: Данло никогда прежде не видел подобных признаков. У маленького мальчика, который держался за подол материнского кимоно, незрячие глаза заросли каким-то пенистым грибком. Кожа у многих была синеватого оттенка, как будто в них гнездилась какая-то инфекция — возможно, разновидность плесени, покрывавшей фасады домов. Если эта поросль способна проесть армированный пластик, что же говорить о человеческой плоти, и без того уже изъеденной мечтами и отчаянием?

Их численность давит, думал Данло. Такой народ способен стать опасным врагом.

После долгой езды мимо бесконечных магазинов и изможденных лиц толпа, если это возможно, стала еще плотнее. Данло почувствовал, что приближается к Храму. Улица сомкнулась вокруг него, как темное ущелье, но в следующий момент чоч въехал в Новый Город и наконец-то вырвался на простор.

Здесь вроде бы стояли настоящие здания. Большие и белые, они не сливались в одну массу, словно подтаявшие от сильного нагрева. Они формировали ровные кварталы, разграниченные широкими зелеными бульварами. Данло поразился, увидев здесь деревья. Он не ожидал встретить такое чудо в этом мрачном городе, как не ожидал и яркого света, который струился на треугольные листья этих экзотических деревьев, называвшихся «муршин».

Весь Новый Город покрывал купол, сделанный из клария или какого-то другого прозрачного пластика. Такие же купола Данло видел в городах Ярконы и других Цивилизованных Миров. Сквозь купол виднелось сернистое небо Таннахилла, а далеко на востоке блестела стальная полоса океана. Несмотря на уродливые краски этого великолепного когда-то пейзажа, Данло был благодарен, что ему открылся хоть какой-то вид на естественную среду.

Вот оно — лучшее, что есть в этом скверном месте, подумал он. Вот где помещается душа Таннахилла.

Но даже и здесь, на нулевом уровне Нового Города, под прозрачным куполом, Данло видел следы разлада. Памятник Костосу Олоруну у входа в маленький парк какой-то хулиган или осквернитель святынь опалил лазером, выплавив у статуи глаза и обезобразив внушительный картофелеобразный нос. Вонь озона и горелого пластика до сих пор висела в воздухе. Народу на улице по-прежнему было слишком много. Большей частью это были пилигримы в свеженьких кимоно, прибывшие из отдаленных зон Таннахилла или из других миров Известных Звезд. Но в толпе попадались и чтецы, и посвященные, и даже мрачнолицые старейшины Койвунеймина, идущие в Храм по делу.

Это прославленное здание было самым большим в Новом Городе. Оно занимало центр огромной площади в самом конце бесконечного бульвара, по которому Данло ехал сейчас. Даже на таком расстоянии Храм был виден хорошо. Он имел форму куба, и его стены, ограненные, как драгоценный камень, отражали свет. Архитекторы, вечно опасающиеся взрывных устройств, выстроили его из белого кевалина, пластика почти столь же редкого и прочного, как алмаз.

Другие здания в этом районе, за исключением дворца Верховного Архитектора, были менее грандиозны. Они группировались вокруг Храма на пять миль во всех направлениях, как мелкие небесные тела вокруг звезды. Здесь располагались дома посвященных Архитекторов, отели, общественные залы и различные церковные учреждения. Вокруг Храма, в окружении пурпурных деревьев бене и настоящих травяных лужаек, стояли резиденции старейшин. Дом Вечности, Мавзолей Эде и дворец главы церкви. Данло заметил верно: именно здесь помещалась душа Таннахилла и древней церкви, уничтожающей звезды.

Они мечтают о Старой Земле, подумал Данло, глядя на траву, фиалки и другие виды земной флоры. Все люди о ней мечтают.

Бульвар, по которому он ехал, выходил, как и одиннадцать других, на широкий проспект, переходящий в площадь вокруг Храма. Собор ограждала стена из белого кевалина, и двенадцать ворот в ней смотрели на четыре стороны света. Обычному чочу или пилигриму было не так-то легко проникнуть внутрь, но Данло, подъехавшего к одним из западных ворот, пропустили беспрепятственно, и ни один из роботов или остроглазых храмовых охранников ни о чем его не спросил. Он благополучно проследовал и через внешние ворота, и через внутреннее лазерное ограждение, поставленное, чтобы испепелить любого, кто вздумал бы прорваться к Храму силой или хитростью.

Чоч, миновав газон с купами деревьев бене, въехал на дорожку, ведущую прямо к ступеням Храма, и здесь наконец остановился. Двери наверху распахнулись, как белые

крылья чайки. Когда черные сапоги Данло ступили на белую дорожку, его тут же окружила охрана — крепкие молодые люди, почти с него ростом, в просторных кимоно из белого кевалинового волокна. Прикрытый этой лазероустойчивой тканью и человеческими телами Данло начал восхождение по ступеням Храма. Один из охранников, одноглазый и с сильно обожженным лицом, представился как Николос Суливи и сказал:

— Добро пожаловать, Данло ви Соли Рингесс. Мы проводим вас в зал заседаний.

И вот Данло вступил в великий Таннахиллский Храм. Размеры преддверия его ошеломили. Здесь, как на Утрадесе и в храме на Земле Эде, стояли статуи Николоса Дару Эде и пластмассовые скамейки для отдыха и созерцания фресок со сценами жизни этого величайшего из людей. В промежутках размещались фонтаны, холодные световые шары и различные виды священных компьютеров. В число последних входили, разумеется, многочисленные анализаторы для проверки ДНК Достойных Архитекторов, желающих войти в Храм. Данло видел оредоло, изображающие исход Старой Церкви в Экстр, голографические стенды, молитвенные кольца, мнемонические кабины и священные реликвии первого Алюмитского храма в огромных клариевых витринах.

Данло, хорошо чувствующий пространство, был почти уверен, что в этом преддверии мог бы поместиться целиком самый большой из утрадесских храмов. Атмосфера святости вызывала у него растерянность, а сам воздух душил его, как пластиковое одеяло, и затруднял зрение. Ему вспомнился собор, который его друг Бардо приобрел в Невернесе. Стоять на настоящих гранитных плитах — совсем не то что быть закупоренным в пластмассовой коробке. Здесь отсутствовало всякое чувство органики, и даже голоса отражались от стен как-то не так. Данло снова одолело ощущение, будто он находится внутри чудовищно огромного компьютера. Мерцающие огни, информационные устройства, запрограммированное почтение на лицах Архитекторов — всё казалось ему искусственным и нереальным.

Но что такое, собственно, реальность? Данло наблюдал, как оглядывают толпу сопровождающие его охранники. На их лицах читалось суровое сознание своего долга и решимость перед лицом смерти. Жизнь — вот что реально. Жизнь и смерть.

Наконец его ввели в главную галерею, где должны были ожидать все, кого приглашали на заседания правящей палаты. Данло тоже остановился здесь, как любой из чтецов или пилигримов, и стал ждать, испытывая неловкость под взорами стоявших тут же Архитекторов. Опустив глаза, он увидел, что голографический Эде тоже смотрит на него и, само собой разумеется, подает знаки, говорящие: «Берегись, пилот, берегись». Данло улыбнулся ему и стал считать удары своего сердца, глядя на закрытые двери зала.

Глава 17

КОЙВУНЕЙМИН

Они именуют себя ивиомилами, избранниками Бога, мы же называем их слепцами, ибо они чураются правды, которую можно узреть, лишь стоя лицом к лицу с Богом Эде. Они готовы искоренить всех мистиков и всех, кто не разделяет их убеждений. Они проповедуют возвращение к чистым истокам эдеизма, а церемонию контакта считают кощунственной, ибо мы во время нее общаемся лишь с образом Эде, а не с Его духом. Мы должны остерегаться этих слепцов. Я думаю, что с годами они станут величайшей опасностью для нашей Вечной Церкви.

Из писем Лилианы иви Нараи

Охранники Данло быстро переговорили с шестью стражами, охранявшими двери палаты Койвунеймина. Те спросили у Данло его имя и поклонились ему. Не потрудившись обыскать его (эту функцию за них, наверное, уже выполнили сканеры чоча), они распахнули двери и пригласили его войти.

Вот оно, место смерти.

Войдя в зал, Данло сразу ощутил на себе тысячи взглядов. Северная треть зала, через которую он вошел, представляла собой нечто вроде трехэтажной лоджии. Здесь плечом к плечу толпились пилигримы, допущенные лицезреть происходящие внизу великие события. В нижней части зала концентрически-

ми дугами размещались длинные изогнутые столы, за которыми сидели старейшины. Все столы были обращены на юг, к застланному красным ковром помосту в самом конце палаты. Весь огромный зал бы спроектирован так, чтобы привлекать взоры к этому помосту с пюпитром Верховного Архитектора. Это сверкающее сооружение напоминало скорее трон, чем пюпитр простого чтеца. Массивное кресло из белого кевалина, по бокам и на подлокотниках пурпурые нейросхемы, — оно действительно притягивало взгляд — и теперь все старейшины тоже смотрели на него, ожидая.

Но стоило Данло войти, как все они повернули стулья на север и воззрились на пришельца, намана из неизвестного им Ордена. Данло шел по центральному проходу мимо рядов старейшин, которые показывали на него своими сморщенными пальцами, качали головами и выражали возмущение его длинными волосами и черным комбинезоном. Многие из них, бритые, в коричневых шапочках, проявляли заметные признаки зависти, глядя, как охрана сопровождает Данло в переднюю часть зала. Ему предложили занять место за белым столом под самым пюпитром Верховного Архитектора — одним из двух почетных столов, стоящих впереди всех других мест. Второй стол помещался по другую сторону прохода, делившего зал на западную и восточную половины. За ним сидели двадцать человек в ослепительно белых кимоно — старейшины наиболее высокого ранга: Бертрам Джаспари, Едрек Ивионген, Фе Фарруко Эде, Куоко Иви Ивиацуи, Суль Ивиэрсье и другие, с кем Данло еще предстояло познакомиться. Все они смотрели, как Данло ставит свой образник на стол и усаживается на твердое пластмассовое сиденье лицом к ним. Данло всю жизнь ненавидел стулья, а еще противнее было сидеть за длинным белым столом, где все прочие девятнадцать стульев пустовали. Здесь, в огромности этого зала, под троном главы церкви и двумя тысячами враждебных взглядов, он чувствовал себя голым и очень одиноким.

Они убили бы меня с той же готовностью, как я в былые годы проткнул бы копьем тигра, забежавшего в пещеру моего племени. Вместе с этой мыслью Данло вспомнил стихотвор-

ную строчку, которую когда-то повторял, как молитву: «Лишь будучи один, не одинок я».

Когда старейшины снова обернулись лицом к Данло (к пюпитру Верховного Архитектора), один из охранников вышел к помосту и сказал:

— Прошу встать. — Старейшины поднялись — совершенно синхронно. Дверь в южной стене отворилась, и в зал, сопровождаемая десятью охранниками, вошла старая женщина. С их помощью она поднялась на помост и заняла место за священным пюпитром. Из всех присутствующих только она носила белую шапочку, и только ее кимоно было вышито золотом. — Приветствуем нашего высочайшего Архитектора, — провозгласил первый охранник, — Архитектора Бога, Хранительницу Вечности, нашу Вечную Иви, Харру Иви эн ли Эде.

Архитекторы, опять-таки как один человек, молитвенно сложили пальцы и поклонились Верховному Архитектору. Данло тоже поклонился, но сделал это согласно протоколу Ордена. Держа руки по швам, он наклонил только голову, чтобы видеть глаза женщины, которую приветствовал. При этом он с радостью отметил, что Харра Иви эн ли Эде тоже смотрит ему в глаза. У нее они были большие, карие, мягкие и красивые, выдающие глубокую душевную ранимость. Данло, глядя на эту красивую старую женщину через двадцать футов разделяющего их пространства, сразу полюбил ее смелый взгляд. Несмотря на ее уязвимость, в ней чувствовалась редкая сила жизни. Данло решил, что она человек гордый и могущественный, но самоотверженный в своей преданности тому, что считает истиной. Он сразу ей доверился, насколько он мог доверять деятелю церкви, взрывающей звезды, но перспектива столкновения с ее волей его не прельщала.

— Старейшины Койвунеймина! — произнесла Харра голосом старым и пересохшим, как струны ярконской арфы, но звучащим так же глубоко и приятно для слуха. Она осталась сидеть, но ее голос, не нуждаясь в усилении, разносился по всему залу, доходя даже до верхнего этажа лоджии. — Посвященные и все Достойные Архитекторы из городов Таннахилла и миров Известных Звезд! Мы собрались здесь сегодня, чтобы

приветствовать Данло ви Соли Рингесса из Невернеса. Он... — В этом месте Харра сделала паузу и приложила пальцы к вискам. Ей было 128 лет, и память служила ей уже не так хорошо, как прежде. — Он пилот Ордена Мистических Математиков и Других Искателей Несказанного Пламени, эмиссар области, которую он называет Цивилизованными Мирами, а также, как это ни странно, эмиссар еретиков-нараинов с Нового Алюмита. Тяжкая ответственность для столь молодого человека. Он проделал долгий путь, чтобы передать нам приветствия от далеких народов галактики, и мы должны решить, следует ли нам принять его дар.

Сердце Данло отстучало пять раз, но никто так и не высказался. Старейшины молча сидели за своими столами, поставив образники прямо перед собой, и тысяча образов Николоса Дару Эде сияла над Койвунеймином, бросая шоколадные, фиолетовые и охряные блики на их старые лица. Зал вибрировал от высокого напряжения. Данло чуял горький запах старческого пота и страх, от которого у него сводило живот.

— Святая Иви! — воскликнул наконец один из старейшин за другим почетным столом, вскочив со стула так, точно через сиденье пропустили ток.

Этот малорослый человечек в возрасте шестидесяти одного года был очень молод для старейшины, но вид имел такой безрадостный и мрачный, словно и на свет явился древним старцем. Его лицо, выдающее глубокий внутренний разлад, состояло из одних линий и складок. Данло никогда еще не видел, чтобы лицо человека было таким узким и острым — ни дать ни взять лезвие кремниевого топора. Но от хорошего топора его отличала асимметрия, говорящая то ли о наследственном дефекте, то ли о действии каких-то химикатов, которому он подвергся в утробе матери. Из-за смещения черепных костей голова у него выглядела остроконечной, как верхушка вулкана. Чтобы скрыть этот изъян, он носил стеганую добру, густо расшитую золотом и гораздо большего размера, чем у других Архитекторов. Звали его Бертрам Джаспари, и Данло сразу почувствовал, что это человек проницательный и непреклонный, а также хитрый, энергичный, неутомимый и совершенно безжалостный.

— Святая Иви, — повторил он, убедившись, что привлек к себе внимание старейшин. — Мою точку зрения на этот вопрос разделяют многие. Этот Данло ви Соли Рингесс — наман, принадлежащий к неизвестному нам Ордену. Хуже того — он эмиссар нараинских еретиков. Разве не сказано в «Схемах»: «Как жених собирает цветы для невесты, так и всякий человек должен выбирать мысли, которые наилучшим образом украсят его ум». Мы за то, чтобы не давать этому пилоту слова. Кто знает, какие негативные программы управляют разумом намана? Слова его подобны вирусам, которые способны заразить нас всех. Он не посвящен и сидит неочищенный пред вечным ликом Эде; его вовсе не следовало допускать в Храм, не говоря уже о праве обращаться с речью к Койвунеймину и нашей Святой Иви.

На этом Бертрам Джаспари закончил свою филиппику, но его взгляд, устремленный на Данло, добавил без слов: «Мы вырвем у твоего голоса зубы еще до того, как ты откроешь рот».

Харра, помолчав, перевела свой пронизывающий взгляд на сторонников Бертрама, сидевших с ним за одним столом. Это были Едрек Ивионген, Оксана Иви Селов, Фе Фарруко Эде — старейшины именитые и влиятельные.

— Благодарим тебя за то, что ты поделился с нами своими сомнениями, — сказала она.

На южной стене позади Харры светился большой образ Бога Эде, и Данло понял, что она, говоря во множественном числе, выступает здесь представительницей вечной Церкви и Николоса Дару Эде.

— Святая Иви, — ответил Бертрам, — сомнения предполагают неуверенность, между тем «Схемы» предупреждают нас об опасности таких наманов, как он, совершенно недвусмысленно.

— Ты действительно говоришь с большой уверенностью, — сказала Харра.

— Мы все уверены в этом. — Бертрам посмотрел на Едрека Ивионгена, свирепого старца с кустистыми белыми бровями

и налитыми кровью голубыми глазами, на хитрую Оксану Иви Селов, а затем оглянулся и обвел взглядом ряды своих многочисленных сторонников. — А ты?

Харра ответила не сразу, то ли не затронутая, то ли ошеломленная дерзостью этого вопроса, а Данло улыбнулся Бертраму, вспомнив одно старое изречение: «Хотел бы я хоть в чем-то быть уверен так, как он уверен во всем».

— Мы уверены только в одном, — заговорила Харра, — а именно, что человек в этой вселенной ни в чем не может быть уверен. Истина в Эде, и только в Эде.

— Совершенно верно, Святая Иви. Для того Эде и дал нам свой святой Алгоритм, чтобы мы могли быть уверены в его истине.

— Мы всегда обращаемся к Алгоритму в поисках истины.

— Как и мы, Святая Иви.

Харра одарила Бертрама улыбкой. Данло не прочел на ее лице ни снисхождения, ни иронии — ее благосклонность выглядела вполне искренней.

— И если мы обращаемся к нему с чистыми мыслями и любовью в сердце, слова Эде излучают истину, подобно солнцу.

— Истина есть истина, Святая Иви.

— И если мы откроем свой слух, истина зазвучит в нас, как священный гимн.

— Позволь мне снова не согласиться с тобой. Слова Эде не излучают истину — они сами есть истина. Долг велит нам повиноваться его Алгоритму и жить по его закону.

— Мы не мыслим, что можно жить по-иному.

— Но разве не сказано в «Схемах»: «Наман столь же опасен, как готовая взорваться звезда»?

— Поистине так. Но разве там не сказано также, что мы должны господствовать над звездами и повелевать светом?

Бертрам вышел в проход, указывая на Данло пальцем, и Данло заметил, что руки у старейшины потные.

— Но этот человек — наман! А ты допустила его в Храм неочищенным!

— Мы допустили его в палату Койвунеймина.

— Разве в «Схемах» не сказано, что человек должен быть очищен, прежде чем предстать перед Эде в святом его доме?

Харра, посмотрев на Бертрама долгим взглядом, улыбнулась ему — на этот раз так, словно он был одним из многочисленных ее внуков, не совсем еще доросшим до понимания истинного духа эдеизма.

— А разве не сказано в «Сопряжениях», — спросила она: — «Тот, кто предстает перед Эде, ничего не утаивая, очищается от всего негативного в своем программировании и обитает в вечном доме Эде до конца времен»?

— Но он наман! Разве он хоть единожды в своей нечистой наманской жизни задумывался об Эде или обращал свой взор к его светлому образу?

Данло невольно подумал о крушении великого бога по имени Эде, которого он нашел в глухих местах галактики. Он взглянул на его голограмму, а Эде украдкой, незаметно для других, подмигнул Данло и улыбнулся ему своими пухлыми алыми губками.

Харра, как ни странно, выбрала тот же самый момент, чтобы улыбнуться Данло.

— Как можно знать, о чем думал и к чему обращался этот пилот, пока мы не дадим ему слова? — спросила она.

— Есть другие способы узнать это, — сказал Бертрам.

Его голос казался Данло колючим, как ярконский терновник, и полным угрозы. Данло чувствовал, что этому князю Церкви очень нравится причинять людям боль.

— Мы полагали, что ты обрадуешься возможности услышать то, что скажет этот пилот, — заметила Харра.

— Почему, Святая Иви? У нас есть слово Эде — нуждаемся ли мы в других? Нужно ли нам слушать рассказ о странствиях этого намана?

Ему это очень нужно, подумал Данло, — но он, как купец, трясущийся над своими сокровищами, хотел бы затаить эту информацию для себя одного.

— И зачем нам слушать, как наман будет пересказывать нам слова еретиков? — продолжал Бертрам. — Нам всем

известно, как следовало бы поступить с еретиками и их эмиссарами.

Бертрам был умен и часто одерживал верх в дебатах. Но о людях он судил крайне поверхностно, и потому его ум при всем своем блеске напоминал позолоту на оловянной кружке. Он не сознавал подлинной силы Харры Иви эн ли Эде и вследствие этого не заметил ловушки, которую она ему приготовила.

— Нам всем следует выслушать этого пилота, — произнесла она своим звучным и четким голосом. — Разве мы не старейшины и не Достойные Архитекторы нашей Вечной Церкви? Разве наши умы не очищены от всего негативного и недостойного? И разве не сказано в «Медитациях», что Архитектор, прошедший очищение, подобен зеркалу, не отражающему ничего, кроме божественного света Эде? Что мы видим, озирая этот зал? Только зеркала, тысячу безупречных зеркал. Мы смотрим на ваши просветленные лица и видим Его пресветлый лик, отраженный в них. Ни одна пылинка, ни один бит дезинформации не может загрязнить столь совершенные зеркала. Кто из нас всю свою жизнь не полировал и не программировал себя таким образом, чтобы слова намана, какими бы вредоносными и еретическими они ни были, лишь отразились от нас и ушли обратно во мрак, из которого вышли? Старейшина Бертрам Джаспари, тебе ли бояться этого молодого пришельца со звезд? Разве ты не очищен от таких негативных программ, как сомнение и страх? Мы видим по твоему блеску, что зеркало твое безупречно. А посему старейшиной Бертрамом управляет явно не страх, но нечто иное. Что же это? Глядя на него, мы видим одну лишь преданность. Он предан истине Алгоритма и преследует эту истину более ревностно, нежели жених возлюбленную невесту. Кто упрекнет его за этот пыл? Кто упрекнет его за верность столь возвышенной цели: Мы собрались здесь не для того, чтобы обвинять кого-то? Мы присутствует здесь лишь в качестве архитекторов божественной Программы, написанной Эде для вселенной. Только мы как Верховный Архитектор можем быть компетентным чтецом божествен-

ного кода. Как напомнил нам старейшина Бертрам, истина есть истина. Но истиной нельзя обладать насильственно, и удержать ее силой нельзя. Ею не овладеешь с помощью одних только правильных слов. Мы должны готовить себя к тому, чтобы быть достойными истины. Мы должны программировать себя так, чтобы наша добродетель и красота сияли и могли быть принесены в дар нашей возлюбленной. Истину, как и женщину, нужно завоевать, а это возможно, лишь когда разум чист и сердце преисполнено любви. Наша обязанность — напомнить об этом старейшине Бертраму. Наша обязанность — напомнить ему, что к священному Алгоритму следует подходить не как мужчина, покупающий продажную женщину, но как жених, приносящий своей невесте цветы.

Речь Харры Иви эн ли Эде произвела на старейшин ошеломляющее впечатление. Никогда еще на памяти Койвунеймина ни один старейшина не подвергался столь сокрушительной отповеди. Бертрам Джаспари стоял, словно прилипший к полу, и на его кимоно проступили темные круги от пота. Он смотрел на Харру, спокойно сидящую за своим пюпитром, глазами темными, как мертвые луны, и на челюсти у него выступили желваки, как будто на его тройничный нерв подействовали электричеством. Предполагалось, что старейшины давно преодолели столь низменную эмоцию, как гнев, но Данло видел, что это не так. Если бы телохранители допустили Бертрама к Харре, он бы, пожалуй, разорвал ей горло голыми руками.

— Святая Иви, — выдавил он наконец. Вместе с голосом он снова обрел агрессивность, которая успешно помогла ему на пути к званию старейшины. — Мы согласны с тем, что лишь ты можешь быть компетентным чтецом Алгоритма, и потому мы просим тебя придерживаться буквального его смысла. Истина, заключенная в нем, должна быть ясна всем. Толкуя слова Эде согласно мистическим измышлениям, можно принести Церкви непоправимый вред. Мы как старейшины дали обет защищать нашу Церковь. Если ты хочешь увидеть истину как она есть, взгляни в зеркало, которое мы держим перед

тобою, и узнай, что мы защитим нашу Вечную церковь любой ценой.

При этом Бертрам посмотрел на Едрека Ивионгена, и тот ответил ему согласным взглядом, выражающим неприкрытую злобу и верность тем же доктринам, в которые верил Бертрам. Затем Едрек переглянулся с Фе Фарруко Эде, а Бертрам — с Оксаной Иви Селов, имевшей много друзей в Койвунеймине. Понимающие взгляды обошли весь стол и перекинулись в зал, как лучи, идущие из зеркал в другие зеркала.

— Мы заклинаем тебя узреть истину, пока еще не поздно, — сказал Бертрам и снова сел, опершись подбородком на руки. «Мы ждем твоего ответа», — говорил его взгляд, устремленный на Харру.

Данло вспомнилось то, что рассказывали ему Изас Лель Абраксас и другие трансценденталы о борьбе за власть внутри Старой Церкви. Он был почти уверен, что Бертрам, говоря «мы», имеет в виду секту ивиомилов, самых закоренелых ортодоксов среди Архитекторов, евангелистов, миссионеров и инквизиторов. Еще тревожнее то, что ивиомилы считают себя солдатами, чей долг — вести фацифах, священную войну во славу своей веры. Возможность того, что эта война начнется на Таннахилле, в самой палате Койвунеймина, ничуть, видимо, не беспокоила ни Бертрама Джаспари, ни других благочестивых Архитекторов, называющих себя ивиомилами.

— Благодарим тебя за откровенность, — сказала Харра и продолжила, обращаясь уже ко всему Койвунеймину: — Мы благодарим ивиомилов и всех остальных, готовых защищать нашу Церковь. Разве не сказано в «Повторениях», что каждый, кто умирает за правду, есть ивиомил, любимец Эде, и что он не умрет даже в смерти? Но сказано также, что истина многогранна и подобна бесконечному бриллианту, и лишь чистый разум способен воспринять страшную красу вселенской истины. Посему мы, в свою очередь, заклинаем вас доказать свою веру на деле и выслушать ту правду, которую готов рассказать нам Данло, пришедший со звезд.

Харра снова устремила взгляд на Бертрама, и Данло вспомнил еще кое-что, слышанное от Изаса Леля: добрая

треть Койвунеймина — это либо ивиомилы, либо те, кто сочувствует им в их борьбе за очищение церкви. Двое предшественников Харры, Мавериль Иви Ашторет и Хисия Иви эн ли Юон, расшатали позицию Верховного Архитектора, слишком часто соглашаясь с требованиями ивиомилов. Открытие нового колледжа для подготовки миссионеров и принятие закона, обязывающего каждую замужнюю женщину иметь не менее пяти детей, были лишь двумя пунктами из обширной программы ивиомилов.

Говорили, что только твердая, как алмаз, воля Харры и ее обновленная вера в свою власть Верховного Архитектора удерживают ивиомилов от захвата контроля над Койвунеймином. Говорили также, что она очень стара, а среди старейшин нет никого, способного ее заменить. Многие полагали, что следующим Верховным Архитектором будет Бертрам Джаспари, и если это произойдет, он станет первым ивиомилом, получившим этот сан. Низость Бертрама проявлялась в том, что ему недоставало терпения, чтобы дать Харре естественным порядком достигнуть совсем уж преклонных лет и отойти с миром.

— Сейчас мы выслушаем Данло ви Соли Рингесса, пилота Ордена Мистических Математиков и Других Искателей Несказанного Пламени, — объявила Харра. — Пусть он, по возможности, объяснит нам, зачем правители его столь странно именуемого Ордена разыскивают наш мир.

Данло, наконец-то призванный осуществить свою миссию, встал. Твердо упершись черными сапогами в белые плиты пола, он откинул с глаз свои непокорные волосы. Во время своего путешествия он составил около двадцати речей и мог каждую из них прочесть наизусть перед этими злобными фанатиками всеразрушающей церкви. Но теперь, в зале Койвунеймина, под огромным образом Николоса Дару Эде, видя перед собой тысячу лиц, столь же мало отражающих истинные мысли этих людей, как серебряные зеркала, он решил забыть все заученное. Что значат слова эмиссара против истины Эде, отражаемой этими безупречно отполированными умами? Данло надеялся принести им свет разума, но теперь он видел, что ему потребуется нечто большее, чем риторика, чтобы пронять их,

какими бы блестящими аргументами в пользу мира он ни оперировал. Он нуждался в копье, чтобы пронзить их сердца, в молоте, чтобы раздробить стеклянную тюрьму, замыкающую их взгляд на вселенную.

Но где найти столь мощное оружие?

— Вечная Иви Харра эн ли Эде, — начал он, — старейшины Койвунеймина, посвященные Архитекторы и все Достойные, проделавшие столь дальний путь, — я хочу рассказать вам о чудесах, которые видел. — Он сделал паузу, чтобы набрать воздуха, и озон ожег ему легкие. Кроме озона, в воздухе чувствовались альдегиды, аммиак, галогены, пластмассы и даже легкие ртутные пары. Боль, как ножом, пронзила левый глаз Данло. — Но помимо чудес, я видел и трагедии, о которых тоже хочу рассказать вам. Каждого пилота на пути подстерегает немало трагических и печальных вещей. Я должен рассказать вам об этом. Я должен рассказать вам о своей жизни.

Данло потрогал шрам над левым глазом и стал рассказывать Койвунеймину о своем рождении и о детстве, проведенном среди алалоев, что живут на заснеженных островах к западу от Невернеса. Он рассказал о смерти своих приемных родителей и всего племени деваки. Причиной этой трагедии был вирус, сказал он, вирус, убивший в свое время миллиарды людей во всех Цивилизованных Мирах. Именно Архитекторы Старой Церкви, напомнил он, вывели этот вирус в качестве биологического оружия с помощью воинов-поэтов во время Войны Контактов.

— Когда мой приемный отец Хайдар уходил на ту сторону дня, его глаза угасли. Свет... он так быстро уходит. От этой болезни умирают долго, но когда момент настает, от жизни не остается ничего, даже боли.

Особенно боли. Добавил Данло про себя.

Он рассказал о своем друге Ханумане ли Тоше, добром по натуре мальчике, чей дух едва не погубил ужас перед очистительными церемониями Церкви. Рассказал о своем путешествии в Экстр и о сверхновых, которые там видел. Излучение

этих погибших звезд проникает повсюду, сказал он. Этот убийственный свет сжег биосферы уже многих миров.

— Столько миров, и повсюду смерть, — говорил Данло. — Деревья и вся растительность сгорели, как тоалач в трубке. Животные ослепли перед тем, как умереть. И люди тоже. Сколько людей погибло таким образом? Кто их сочтет? Кто вспомнит их имена и помолится за их души?

Данло остановился, чтобы взглянуть на Харру Иви эн ли Эде. В ее красивых глазах он увидел боль и чувство горького сожаления. Данло подумал, что, если и другие старейшины окажутся столь же сострадательны, он, пожалуй, сумеет объяснить им правду, которая им движет.

Теперь он перешел к чудесам. Он рассказал им о Тверди и о кольцевых мирах вокруг Барака Люс; он попытался описать, что значит быть пилотом легкого корабля, идущего через разноцветные пространства мультиплекса. Многие пилоты Ордена, сказал он, и теперь идут через них, чтобы отыскать Архитекторов Таннахилла. А сам Орден сейчас устраивает Академию на краю рукава Ориона, на планете Тиэлла — там будут обучаться новые пилоты, которые наладят сообщение между народами Экстра. Орден принимает на обучение молодежь из любых миров. Поступившие в Академию могут стать не только пилотами, но и цефиками, скраерами и другими специалистами. Орден делает это во исполнение своей задачи: принести мир в Экстр.

— Вот почему я согласился стать эмиссаром нараинов: ради мира. Все народы желают его. Мечта моего Ордена в том, чтобы мир воцарился на всех планетах, среди всех звезд — а когда-нибудь и в бесконечном кругу вселенной. И сюда я сегодня пришел ради того же: ради мира.

Закончив говорить, Данло поклонился Бертраму Джаспари и всем другим старейшинам, а после отвесил отдельный низкий поклон Харре Иви эн ли Эде. Он вдавил свое пилотское кольцо в ладонь другой руки и снова сел на свое почетное место, чувствуя, что взгляды всех присутствующих в зале устремлены на него.

Когда его сердце отстучало девять раз, Харра улыбнулась ему и сказала:

— Блаженны миротворцы, ибо они вечно обитают в центре вселенной.

— Вы поняли меня, — сказал Данло.

— Как вы верно сказали, все люди молятся о мире.

— И при всем при том мир — большая редкость.

— Все люди рождаются с негативными программами, — пояснила Харра. — Но мы можем научиться перепрограммировать себя.

— Я часто думаю, что сама вселенная тоже порочна.

— И вы, разумеется, правы. Эде для того и явился в жизнь, чтобы принести вселенной новую программу.

Данло подумал немного и заговорил снова:

— Есть одно слово, которому научил меня отец: шайда. Им обозначается утративший гармонию мир. Все страдания и все зло вселенной. Я хочу найти средство от этого зла, если смогу.

— Вы надеялись найти это средство на Таннахилле?

— Когда-то я надеялся... совершить путешествие к центру вселенной. Туда, где мир царит вечно, по вашим словам. Потому я и стал пилотом. Если бы я сумел найти это заветное место, я увидел бы, как шайда рождается из мира и покоя, словно приливная волна из океанских глубин.

— Вы говорите образно, почти как мистик. — Харра взглянула на Бертрама Джаспари. — Вам следует знать, что многие из присутствующих здесь относятся к мистицизму неодобрительно.

— Вы сказали, что мой Орден носит странное название. Да, я пилот Ордена Мистических Математиков. С помощью нашей благословенной математики мы исследуем тайны вселенной. Мы ищем несказанное пламя. Тот свет, что сияет внутри всех вещей и управляет ими. Тот, который и есть все сущее. Он повсюду светит одинаково, правда? И здесь, на Таннахилле, и в залах Невернесской Академии.

Харра медленно и величественно наклонила голову, воздавая должное прямоте Данло, и сказала:

— Мы благодарим вас за вашу искренность и сожалеем о смерти ваших родных. Болезнь, которую вы называете медленным злом, нам известна. Со времен Войны Контактов много Архитекторов погибло от Великой Чумы. Но вы ошибаетесь, полагая, что это Церковь сконструировала вирус. Всем известно, что за это несут ответственность еретики-реформисты. Воины-поэты для нас — достояние истории, и мы мало что знаем о них. Возможно, они были связаны с реформистами. Если так, то это одна из многих трагедий войны.

Вслед за этим Харра стала сетовать на то, что Реформированная Церковь одержала победу предательским путем. Данло чувствовал, что она не солгала относительно воинов-поэтов, но и полной правды тоже не сказала. Харра между тем продолжала свой урок истории, повествуя о бегстве Старой Церкви в неизвестные области Экстра. Это был долгий и опасный путь во мраке, сказала она. Архитекторы, поначалу совершенно несведущие в пилотировании, стали взрывать звезды в неуклюжих попытках раздробить пространство-время и открыть окна в мультиплекс. Многие корабли Церкви пропали тогда в неизведанных пространствах, для которых у Архитекторов-математиков не было имен.

Из 326 тяжелых кораблей, начавших Великое Паломничество, только один вышел из мультиплекса над Таннахиллом. Десяти тысяч Архитекторов было, конечно, мало, чтобы заселить этот девственный мир с экзотическими лесами и обширными океанами, так по крайней мере они думали тогда. Однако они, наподобие гладышей и других плодовитых млекопитающих, обладали феноменальной способностью к воспроизводству. Менее чем за тысячу лет они заполнили всю планету и начали посылать к звездам корабли с фанатиками-ивиомилами, жаждущими новых миров. За время своего пребывания на Таннахилле Архитекторы поняли, что не обязательно взрывать звезды, чтобы войти в мультиплекс, но другие способы, открытые ими, были не столь надежны. Архитекторы усвоили лишь самые азы пилотирования. Возможно, сказала Харра, что в Экстре ивиомилам встретились пространства, в которые они не смогли проникнуть, и эти фана-

тичные Архитекторы вернулись к старой технике уничтожения звезд, спеша принести Божественный Алгоритм непросвещенным народам.

— Возможно, что и Архитекторы, пропавшие во время Великого Паломничества, — продолжала она, — тоже так и не научились путешествовать в мультиплексе. Кто знает, сколько их, этих Архитекторов? Возможно, это они взрывают звезды, не зная иного способа выполнить программу Эде по заселению вселенной. Мы глубоко сожалеем, если это так. Мы скорбим обо всех людях, погибших реальной смертью без надежды преобразиться в Эде. Раньше мы думали, что этих сверхновых не больше ста, а теперь узнали, что их, возможно, миллионы. Но появление сверхновой сопровождается созданием новых элементов: кислорода, азота, водорода, углерода, железа. Разве наши тела сотворены не из этого звездного семени? Разве мы не дети звезд? И разве не сказано: «Обратите глаза свои к свету звезд и насыщайтесь»? Каждый мужчина и каждая женщина — это звезда: об этом тоже сказано в Алгоритме. Согласно программе Эде, мы, Архитекторы, должны сиять и создавать элементы для новой жизни и переделывать вселенную. Ныне и во веки веков мы должны с несокрушимой верой следовать Программе Эде.

Верит ли она сама в то, что говорит? — подумал Данло. Он чувствовал какой-то страшный конфликт за ее мягкими карими глазами и непроницаемым лицом. Или она говорит все это, только чтобы утихомирить Бертрама Джаспари и других своих врагов?

— А теперь мы приглашаем высказаться старейшин, — сказала она. — Они могут задать Данло ви Соли Рингессу любые вопросы относительно его путешествия.

Первым, разумеется, взял слово Бертрам Джаспари. Встав из-за стола, он устремил на Данло указующий перст.

— Слова этого пилота граничат с кощунством. Он обвиняет нашу Святую Церковь в создании чумного вируса! Он рассказывает нам о нечестивой хакра, которую называет богиней и величает Твердью! Он стакнулся с нараинскими еретиками! Впрочем, чего же и ожидать от намана. Мы ни на миг не дол-

жны забывать, что он наман и что все его речи проистекают из негативных программ — из той самой шайды, от которой он ищет средства! Следует ли нам слушать подобные речи? Святая Иви говорит, что следует, и мы подчиняемся. Но мы не должны верить ничему, что сказано этим пилотом. Слишком много в его путешествии (и во всей его жизни) такого, во что поверить невозможно.

После этого Бертрам стал задавать Данло вопросы. Ни у него, ни у многих других старейшин не укладывалось в сознании, что Данло вырос среди людей, предки которых встроили себе гены первобытных неандертальцев. То, что Данло когда-то охотился на животных ради их мяса, возмущало Бертрама. Он, как и все таннахиллские Архитекторы, всю свою жизнь ел только пищу, искусственно выращенную на бронированных фабриках, куда никому не было доступа. Вряд ли он мог вообразить себе снежные острова, где Данло провел свое детство, а уж тем более представить, как Данло на лыжах и с копьем гонится за шегшеем между высоких вечнозеленых деревьев йау.

Но как ни занимали Бертрама детали первобытной жизни, пилотская карьера Данло интересовала его гораздо больше. Он хотел знать об Ордене все и дотошно выспрашивал о связях Невернеса с другими Цивилизованными Мирами. Спрашивал он и о многом другом. Действительно ли Реформированная Кибернетическая Церковь имеет авторитет в Невернесе? Действительно ли ее ересь распространилась на Яркону, Ларондиссман и тысячу других миров? Сколько пилотов и легких кораблей способен Орден выслать в галактику? Сколько из этого количества отправилось во Вторую Экстрианскую Миссию и прибыло на Тиэллу, где Орден строит свою новую Академию? Больше всего Бертрама, как и нараинских трансценденталов, интересовало, как может пилот преодолевать столь огромные космические расстояния — именно то, что Данло не мог ему открыть. Данло объяснил Койвунеймину, что не вправе делиться тайнами своего мастерства, но на все другие вопросы Бертрама отвечал правдиво как мог — иногда даже слишком правдиво.

— Ты сказал, что хакра, которую ты зовешь Твердью, занимает целый сектор космоса на краю рукава Ориона. Каковы же, по твоему мнению, размеры этой хакра?

— Она охватывает множество звезд — возможно, целую туманность. Ее тело и мозг огромны.

— Насколько огромны, пилот?

— Физический ее объем составляет, возможно, около шестисот тысяч кубических светолет.

— Что? Быть этого не может!

Бертрам бросил взгляд на Едрека Ивионгена, как бы спрашивая его, почему они должны терпеть ложь этого беспокойного намана. Старейшины по всему залу гудели, как пчелы, напавшие на новый источник меда.

— Кто знает, что возможно, а что нет? — тихо, почти про себя, произнес Данло. Недоверие Бертрама и раздражало, и забавляло его.

— Чему ты улыбаешься, пилот?

— Так, вспомнил кое-что.

— Что именно?

— Вопрос, который я однажды задал фраваши, своему учителю.

— Не угодно ли тебе повторить этот вопрос перед Койвунеймином?

— Как пожелаете, старейшина Бертрам.

— Итак?

— Я спросил его, как это возможно... что невозможное не только возможно, но и неизбежно.

— Что? Но ведь это абсурд!

Бертрам впился в Данло взглядом, и его тускло-серые глазки напоминали по цвету старый морской лед.

— Да, это парадокс, — признал Данло. — Прошу прощения.

— Мне кажется, ты любишь изъясняться парадоксами, пилот.

— Да, время от времени.

— Тогда ты должен понять, что единственный путь к спасению вселенной лежит через ее уничтожение.

— И вы правда верите, что вселенную можно уничтожить?

Бертрам, махнув рукой, отмел этот вопрос, повернулся лицом к Койвунеймину и сказал:

— Что касается людей, погибших при взрывах звезд, нам не следует забывать, что это были всего лишь наманы, которые рано или поздно все равно умерли бы реальной смертью. Нужно ли скорбеть о людях, которые пренебрегали возможностью быть преображенными в Эде? Мы должны помнить о миссионерах, посланных нами на Эзно и Масалину: их отвергли, не позволив даже рассказать о преображении Эде и Алгоритме, который Он нам даровал. А что сталось с отважными ивиомилами, посланными на Матопек? Либо они пропали в мультиплексе, либо убиты наманами. Миссионеров и прежде убивали. Сколько ивиомилов отдали свою первую жизнь за то, чтобы принести истину кровожадным наманам? И если наман отвергает истину, следует ли нам скорбеть из-за его неизбежной смерти? Разве не сказано, что тот, кто отворачивается от Эде, подобен цветку, который прячется от солнца? Стоит ли удивляться, когда такие цветы чахнут и умирают?

Он неверно употребляет метафоры, подумал Данло. Все эти люди, взрослые и дети, — прекрасные цветы, которые следовали собственной истине и умерли от света собственных взорванных солнц.

— Бывало, что и другие отворачивались от Эде, — продолжал свою речь Бертрам. — Даже Достойные Архитекторы, бывшие некогда такими же, как мы. Нас крайне тревожит то, что этот Данло ви Соли Рингесс выступает от имени нараинских еретиков. Он говорит, что молится о мире, но действительно ли его цель — это мир?

Старый брыластый ивиомил Демоти Ивиаслин, сидящий позади Бертрама, поднялся на ноги, будто по сигналу, и одышливо произнес:

— Давайте спросим этого пилота, входил ли он в те запретные кибернетические пространства, с которыми, как известно, контактируют нараины вопреки правилам воспроизведения, изложенным в «Схемах»?

Данло тогда рассказал Койвунеймину почти обо всем, что произошло с ним на Новом Алюмите. Он воздержался от опи-

сания своего экстатического слияния с высшим существом по имени Шахар, однако признался, что входил в кибернетическое Поле и общался с Трансцендентальными Единствами.

— Поистине они сияют, как звезды, — сказал он, — но я старался не отворачиваться от них.

— Кощунство! — завопил внезапно Бертрам. — Пилот кощунствует, и нам, видимо, следует простить его, ибо он всего лишь наман. Но еретикам нет прощения. Они покинули лоно Церкви и потому являются не только еретиками, но и отступниками. Мы должны решить, как поступить с ними. Мы должны найти решение нараинской проблемы, пока еще не поздно.

Еще один ивиомил позади Бертрама выкрикнул:

— Что делать с нараинами?

— Что делать с Новым Алюмитом? — подхватили сторонники Бертрама по всему залу.

— Объявим фацифах! — вскричал краснолицый старейшина.

— Объявим священную войну! — поддержали сразу несколько голосов. — Смерть еретикам!

В зале поднялся шум: одни призывали к войне, другие, наподобие Лео Толова и Варезы ли Шен, урезонивали их. Наконец Харра Иви эн ли Эде потребовала тишины и напомнила старейшинам:

— Теперь не время обсуждать объявление фацифаха. Мы собрались сегодня для разговора с Данло ви Соли Рингессом.

— Тогда я должен задать пилоту еще один вопрос. — Лицо Бертрама в ярком свете зала напоминало старый темный череп. — Не называют ли нараины себя богами? Не объявляет ли кто-нибудь из них себя Богом, в насмешку над всем, что свято?

Остроконечная голова Бертрама напоминала Данло гору Уркель, которая высится над Невернесом. Данло вспомнился один нараинский безумец, Тадео Ахараньи, — он действительно объявил себя Богом Эде. Не желая говорить неправду и подозревая при этом, что Бертран уже знает ответ на свой вопрос, Данло рассказал старейшинам об этом человеке.

— Тадео Ахараньи действительно называет себя Богом Эде, но подразумевает под этим только то, что он и Бог Эде сотворены из той же субстанции. И что дух в них один. Этот дух разделяют все, и нараины, и Архитекторы Церкви, ведь правда? Я думаю, что нараины с Нового Алюмита остались верны духу эдеизма.

— Ты так думаешь? — в бешенстве вскричал Бертрам. — Наман хочет поведать нам нечто о духе Эде?

— Дух — всегда дух, разве нет?

— Но еретики насмехаются над Эде! Их попытка создать новую религию есть насмешка над Священным Алгоритмом!

— Но разве ваша Церковь не учит, что...

— Что может наман знать о нашей Святой Церкви?

Данло помолчал, прижимая кулак ко лбу, и спросил:

— А вы что знаете о вашей Церкви?

— Что-о? Что ты сказал?

— Если вы не признаете святости чужой религии, то и святость своей вам тоже недоступна.

— Я вижу перед собой еретика! — вскричал Бертрам. — Он сидит в нашей священной Палате и изрыгает ложь! Вернее сказать, он был бы еретиком, если хоть когда-нибудь принадлежал бы к истинной религии.

— А всех еретиков следует убивать — так по-вашему?

— Их следует спасти от них же самих! Мы очистим их от негативных программ — так выжигают грибок с пораженного болезнью лица.

— Для этого используется огонь, идущий от убитых звезд?

— Не следует, думаю, удивляться тому, — произнес после паузы Бертрам, — что одного намана беспокоит судьба других, обреченных на гибель.

— Это были *люди!* — Данло редко испытывал против кого-то гнев, но сейчас в нем вскипала черная ярость — он чувствовал это по учащенному сердцебиению и страшному жару, разлившемуся по телу. — Матери и отцы... и дети, игравшие с цветами на солнце.

— Наманы, всего лишь наманы.

— Но люди с Нового Алюмита — не наманы! Они ваши родичи! У вас одни предки!

— Они еретики и отступники.

Данло посмотрел на Бертрама долгим взглядом.

— Как вы можете питать такую глубокую ненависть... к людям, которые ищут только любви?

— Боюсь, что ты никогда не поймешь чувства, которые мы, ивиомилы, испытываем к еретикам, предавшим нас.

— Ошибаетесь, — сказал Данло, знавший о ненависти почти все, и подумал: я слишком хорошо это понимаю. Ортодоксы всегда ненавидят пророков и первооткрывателей. Безбожники всегда ненавидят верующих.

— Тогда поведай нам, что такое ты понял, — язвительно предложил Бертрам.

— Если желаете, — с легким кивком ответил Данло. — Вы, ивиомилы, похожи на купцов, которые тысячу лет копили золото и держали его под стражей. Но в вашей сокровищнице лежат лишь холодные монеты, вы же ищете истинного золота, как и все. Золота цветов и солнца, что сияет внутри всего сущего. Это не что иное, как сама жизнь. Неизведанная радость жизни, которая обретает в себе еще более высокую жизнь. Теплая, как новорожденное дитя, редкая и великолепная, как голубая звезда-гигант. Вы смотрите через звездное небо на Новый Алюмит и видите, как нараины купаются в этом прекраснейшем свете. Вы боитесь, что они нашли то, чего вы желаете пуще всего? Да, вы боитесь — и хотите завладеть их золотом, и ненавидите их, и в своей ненависти с большой легкостью говорите о священной войне. Но даже объявив фацифах, вы не сможете присвоить их сокровища себе. В ваших силах только уничтожить эти сокровища. Все, что вы можете, — это ненавидеть, и в конце концов вы возненавидите сами себя за то, что загубили самое дорогое для вас.

Данло закончил говорить, и в зале повисла тишина. Его слова поразили и пристыдили многих старейшин. Многие смотрели на Бертрама, как бы спрашивая его, зачем он выставил Церковь в таком нелестном свете перед этим пилотом и эмиссаром со звезд, но все ивиомилы в безмолвной ярости смотре-

ли на Данло. В их число входил и Бертрам. Его потные ручонки сжались в кулаки, синеватая кожа побагровела.

— Этот наман опасен, — проговорил он, указывая на Данло. В его голосе была угроза, в глазах — ненависть. — И, возможно, не просто опасен. — Бертрам с угрюмой улыбкой посмотрел на Едрека Ивионгена, Фе Фарруко Эде, Оксану Иви Селов и других своих сподвижников. — Мне не хочется даже говорить, чем он может оказаться.

Данло сидел на своем стуле, выпрямив спину, и считал удары своего сердца. Всю жизнь он старался говорить правду, но теперь, видя, как темные ангелы насилия перелетают из глаз в глаза ивиомилов, он думал, так ли уж хорошо послужила правда его цели. Быть может, с такими людьми, как Бертрам Джаспари, хорошо продуманная ложь была бы более полезным орудием? Он смотрел на Бертрама, а тот смотрел на него, и Данло вспомнил слова своего друга Ханумана: с теми, кто считает себя обязанными нести людям правду, никогда ничего хорошего не случается.

— Если можно, — почти вкрадчиво сказал Бертрам, — я хотел бы задать пилоту еще один вопрос.

За пюпитром во главе зала прошуршал шелк, как будто Харра очнулась от дурного сна.

— Ты задал уже много вопросов, — медленно кивнув, произнесла она. — Но если хочешь, можешь задать еще один — только обдумай его как следует.

— Благодарю, Святая Иви, — с поклоном сказал Бертрам и повернулся к Данло. — Ты так любишь еретиков — может быть, их мечта стала твоей мечтой? Ты тоже хочешь стать богом?

— Нет, — без запинки ответил Данло, не сдержав улыбки. — Я хочу стать только тем, кем мне предназначено от рождения, не больше.

— Это не ответ, пилот. Ты ничего нам не сказал.

Свет, излившийся на миг из темно-синих глаз Данло, сказал все, и Данло добавил:

— Я хочу быть настоящим человеком, ничего более.

— И что же это значит?

— Фраваши, мой учитель, назвал мне однажды одно слово: асария. Это человек, который способен сказать «да» всему, что есть в человеке.

Этот ответ удовлетворил, по-видимому, многих старейшин. Они кивали и тихо переговаривались. Но Бертрам, оглядев зал, снова повернулся к Харре.

— Наша Святая Иви полагает, что Данло ви Соли Рингесс говорил искренне. Так ли это? Прежде чем обдумать все сказанное им, мы должны быть уверены, что он действительно тот, кем себя объявляет. Возможно, нам следует пригласить его в очистительную камеру, чтобы проверить правдивость его слов. Я, как и многие другие старейшины, готов предложить свои услуги в качестве чтеца при столь примечательной церемонии.

Губки Бертрама сложились в трубочку от предвкушения, словно он собирался высосать сок из кровоплода. Он обменялся взглядами с ивиомилами, явно разделявшими его жестокий замысел.

— В данном случае это не понадобится, — сказала Харра.

— Но должны же мы узнать правду!

— Мы тоже желаем знать правду об этом пилоте. И о том, что он рассказал нам.

— Правда одна, Святая Иви.

— Но к ее святилищу ведет много путей, — напомнила она, взглянув на Данло. На ее лице читались задумчивость, вызов и грусть, но больше никаких чувств оно не выдавало. Взоры старейшин переходили от нее к Данло, и он почувствовал, что ему предстоит выдержать еще одно испытание.

Глава 18

ПРОРОЧЕСТВО

Столь же противоречивой является и Доктрина (или Программа) Остановки. Церковь учит, что вселенная остановится, когда Эде поглотит ее и составит с ней единое целое. Но в древней математике отсутствует алгоритм, позволяющий определить, способен ли циклически работающий механизм когда-нибудь остановиться. Поэтому и научного метода, позволяющего установить, стал ли уже Эде Богом-Вселенной, не существует. Эту основополагающую доктрину невозможно примирить с наукой, если не рассматривать Бога как сущность вне пространства и времени. Так обычно и воспринимают бога кибернетические теологи. В конце вселенной время остановится, и Эде будет существовать вечно. В определенном смысле он уже вечен и потому существует на протяжении всех времен. Поэтому он должен предвидеть момент остановки вселенной и знать, какие состояния ему предшествуют. Поэтому его провозглашение себя Богом можно рассматривать не только как пророчество, относящееся к будущему, когда вселенная остановится, но и как определение вечного, всеведущего и божественного существа Эде.

Британская Энциклопедия, 1754 изд.,
10-я стандартная версия

Планета Таннахилл медленно оборачивалась вокруг своей оси, а Данло с терпеливым ожиданием смотрел на Харру Иви эн ли Эде. Она кивнула одному из охранников, стоявшему

наготове. Охранник, красивый молодой человек, который мог бы быть ее внуком, наклонил голову в ответ и подошел к двери позади Харры. Распахнув ее сильным уверенным движением, он пригласил в зал ожидавших в передней двух человек и проводил их к почетному столу, где сидел Данло, наблюдая за происходящим с пристальностью птицы талло, высматривающей в небесах своего сородича.

Старейшины при входе этих двоих изумленно вытянули шеи, но Данло сохранил спокойствие и ясность взгляда. Он улыбнулся вошедшим и склонил голову, признавая логичность их появления здесь. Эти двое, само собой разумеется, были пилот-ренегат Шиван ви Мави Саркисян и воин-поэт Малаклипс Красное Кольцо. Они шли за Данло через галактику на протяжении тысяч световых лет, и теперь он с юмором (и немалым страхом) смотрел, как охранник усаживает их за стол чуть ли не рядом с ним.

Это судьба, думал он. Моя судьба, прекрасная и ужасная.

Но по крайней мере одного из старейшин это нисколько не позабавило. Изумление и ярость исказили невозмутимое до сих пор лицо Бертрама Джаспари.

— Кто эти люди? — вскричал он. — Наманы, по всей видимости, — этот одет столь же варварски, как и пилот! — Он указал на Шивана. — Откуда они явились? Почему нас не информировали о совершенной ими посадке? Почему их допустили в Койвунеймин, даже не упомянув об этом в сегодняшней повестке дня?

Другие старейшины беспокойно ерзали на своих стульях. Данло все это время не сводил глаз с воина-поэта, и тот тоже смотрел на него, прямо в глаза, как бы говоря: «Сколько бы ты ни странствовал по вселенной, пилот, как далеко ни ушел бы, твоя судьба все равно связана с моей».

Следуя обычаям воинов-поэтов, Малаклипс надел длинное кимоно в Архитекторском стиле, но не белое, а сверкающее киноварью, ультрамарином, золотом и еще сотней оттенков. На мизинцах обеих рук Малаклипса блестели красные кольца, глаза светились глубокой, такой памятной Данло лиловизной. Взгляд этих необыкновенных глаз обошел зал,

задержавшись сперва на Бертраме, затем на Харре за ее пюпитром. В этом взгляде, как всегда, была смерть. Воин-поэт, как всегда, был готов либо умереть сам, либо привести любого человека, которого ему поручили убить, к моменту возможного.

Архитекторы его боятся, подумал Данло, хотя и не понимают причины своего страха.

Харра жестом велела Бертраму сесть и представила Койвунеймину обоих пришельцев. Она извинилась за то, что пригласила этих двух наманов на заседание, не информировав старейшин, но сожаления по поводу своего решения не выразила. Она демонстрирует им свою власть, понял Данло.

— Так складывается, что Малаклипс Красное Кольцо с Кваллара прибыл к нам с миссией, как и пилот, — сказала Харра. — Орден Воинов-Поэтов, как я поняла, хочет возобновить отношения с нашей Церковью. Не совпадение ли, что представители двух таких уважаемых Орденов нашли наш мир одновременно после полутора тысяч лет забвения? Не совпадение ли, что воин-поэт явно знает этого пилота? Мы пригласили Малаклипса Красное Кольцо сюда, чтобы исследовать эти совпадения. Они оба сидят за почетным столом, и вы можете задавать им вопросы. Как сказал наш Вечный Эде, путь к истине есть всегда.

Данло встретился взглядом с Шиваном ви Мави Саркисяном, сидящим справа от воина-поэта. Шиван, как и в саду Мер Тадео, был одет в простой серый костюм без признаков определенного стиля. От пилотской формы он отказался, когда покинул Орден, но черное пилотское кольцо оставил: пилот и его кольцо неразлучны. Постукивая этим почти несокрушимым перстнем по краю стола, он склонил голову, воздавая должное пилотскому подвигу Данло, сумевшему провести свой корабль через Экстр и найти Таннахилл. Данло в ответ тоже прикоснулся кольцом к столу и с улыбкой поклонился Шивану — ведь и тот совершил почти невозможное, пройдя за ним следом через полгалактики.

Двое пилотов смотрели друг на друга, и между ними сразу возникло понимание. Оба они помнили ужасы мультиплекса

не менее живо, чем шпили и ледяные улицы Невернеса, оба были чужими в этом заброшенном мире. Но Данло, несмотря на это странное содружество, ни на миг не забывал, что другой пилот служит Малаклипсу Красное Кольцо — тени Данло, его судьбе, его врагу.

— Я хотела бы задать вопрос воину-поэту, — сказала старейшина Нашота иви Астарет, крупная, суровая женщина, хорошо известная Койвунеймину своими долгими и нудными речами относительно изложенных в «Схемах» обязанностей Архитекторов женского пола. Кроме того, она слыла заядлой ивиомилкой, доверенным лицом и рупором Бертрама Джаспари. — Я хочу спросить, откуда он знает этого пилота.

Малаклипсу оказалось непросто ответить так, чтобы его поняли. Воины-поэты славятся своим красноречием, но язык Архитекторов он выучил лишь накануне своего путешествия в Экстр. В отличие от Данло, который постигал живой иштван на Новом Алюмите, Малаклипс взял за основу мертвый церковный язык, на котором говорили во времена Великого Паломничества. За полторы тысячи лет иштван сильно изменился, и речь Малаклипса изобиловала неправильностями и архаизмами. Кроме того, он говорил с сильным акцентом. Но он схватывал все на лету, и вскоре слова уже струились из его уст, как текучее серебро, а произношение заметно улучшилось. «Пресвятые блаженные старейшины» он переменил на более современное обращение, и его речь обрела апломб наряду с обаянием. Рассказав об их с Данло встрече на Фарфаре, он перешел к старинной вражде своего Ордена с Орденом Мистических Математиков и союзу воинов-поэтов со Старой Церковью. Он намекнул, что воины-поэты действительно помогли Архитекторам в создании вируса, вызвавшего Великую Чуму, и эта новость привела старейшин в смятение. Из-за столов стали слышаться возгласы недоверия и возмущения. Бертрам, снова отодвинув стул, наставил свой перст.

— Мы тоже должны спросить воина-поэта кое о чем.

Харра неохотным кивком дала ему позволение.

— Твой Орден, по твоим же словам, тысячи лет враждует с Орденом пилота. Почему мы должны тебе верить?

Лиловые глаза Малаклипса скользнули по лицу Бертрама, и ясный, звучный, полный уверенности голос произнес:

— Нас, воинов-поэтов, учат трем вещам: убивать, умирать и говорить правду.

Старейшины застыли на своих стульях, не шевелясь.

— Что привело тебя в наш мир? — не сдавался Бертрам.

— Простой ответ звучит так: мой Орден хочет возобновить свои старые связи с вашей Церковью.

— Но есть ответ и посложнее?

— Сложность нарастает слой за слоем, как в луковице. Вселенная бесконечно сложна.

Он хочет рассорить мой Орден с Церковью, понял вдруг Данло. Это первая из его целей.

— Возможно, нам следует содрать все эти слои, чтобы открыть истину, — сказал Бертрам.

— Путь к истине есть всегда, — согласился Малаклипс, не сказав ничего и в то же время сказав все.

Бертрам посмотрел на него так, словно обрел, подобно цефику, искусство читать по лицам.

— У вас, насколько мы знаем ваш Орден, нет ничего общего со Святой Церковью.

— Так уж и ничего?

— Мы по крайней мере ничего общего не находим, — поколебавшись, сказал Бертрам.

— Тогда нам в самом деле надо облупить с луковицы несколько слоев. У моего Ордена и вашей Церкви есть одна очень важная общая цель.

— Какая?

— Нас, как и вас, беспокоит разрастание галактических богов.

— Никаких богов в Галактике нет! — гневно отрезал Бертрам. — Нет бога, кроме Бога; Бог един, и другого быть не может.

— Имя же этому Богу — Эде, — подхватил Малаклипс, — Вечный и Бесконечный Архитектор Вселенной.

— Ты знаком с Алгоритмом?

— Мы ищем поэзию повсюду, а в Алгоритме порой встречаются поистине возвышенные строки.

— Нельзя рассматривать Алгоритм как чисто поэтическое произведение, — молвил Бертрам с укором, хотя слова Малаклипса явно пришлись ему по душе. — Стихи, даже самые возвышенные, создаются человеком, Алгоритм же дан нам Богом Эде.

— «Под его молотом в небесах зазвенят звезды», — процитировал Малаклипс из «Рождества Бога Эде». — Это трудно воспринимать иначе, как поэзию, правда? Ведь не представляете же вы Эде как бесконечно огромного человека, парящего в космосе с гигантским молотом в руках?

— Но звезды действительно зазвенят под его молотом. Мы должны воспринимать эти слова так, как они сказаны.

— Не вижу, как это может быть правдой.

— Мы должны воспринимать это в буквально смысле, не задавая вопросов.

— Но ведь многие Архитекторы это оспаривают. Ведь ваши элиди учат, что Алгоритм нужно читать, как стихи, чтобы услышать голос Эде в своем сердце.

При этих словах Бертрам метнул ядовитый взгляд на Киссию эн ли Эде, самого выдающегося представителя секты элиди. Киссия, чье черные глаза пылали тем же мистическим огнем, что у его предка, сидел с улыбкой будды, выражая безмолвное согласие со всем, что говорил Малаклипс.

— Ты многое знаешь о нашей Церкви, — заметил Бертрам.

— Я знаю, что вы не признаете галактических богов, — произнес Малаклипс запретное слово и добавил: — Знаю, что вы хотите очистить вселенную от хакра.

— Что тебе известно о демонах хакра?

— Разве многие люди — и мужчины, и женщины — не мечтают стать богами? Эти потенциальные боги встречаются повсюду.

— Только не на Таннахилле. И не в мирах Известных Звезд.

— Но в других мирах дело обстоит по-иному, — бросив острый взгляд на Бертрама, заметил Малаклипс.

— Да — в наманских.

— От Сольскена до Фарфары насчитывается тысяча Цивилизованных Миров. И не все они наманские. Многие ветви Кибернетической Церкви существуют там уже тысячу лет.

— Еретики-реформисты, — рявкнул Бертрам. — Они не принадлежат более к нашей Вечной Церкви.

— Однако они тоже воспрепятствовали бы возвышению потенциальных богов, будь это в их власти.

— Ты хочешь сказать, что в так называемых Цивилизованных Мирах демонам хакра жить не мешают?

— Трудно остановить человека, который движется к божественным высотам.

— О каких мирах идет речь? И как зовут этих хакра?

— Говорят, что Твердь, о которой рассказывал пилот, тоже родилась в одном из Цивилизованных Миров.

Ее настоящее имя — Калинда Цветочная, мысленно добавил Данло. Известно, что родилась Она на Кваллаpe и в свое время была величайшим воином-поэтом из всех, кто когда-либо существовал.

— А другие хакра? — настаивал Бертрам.

— Никто из них не достиг такого развития, как Твердь.

— Однако они существуют — те, кто обращает взоры к небесам, возжаждав бесконечного света?

— Возможно.

Данло посмотрел на красивые руки Малаклипса, сложенные у подбородка, как для молитвы. Два красных кольца соприкасались, образуя восьмерку — древний символ бесконечности. Восьмерка отсвечивала багровым пламенем, и Данло вспомнил, что из всех других воинов-поэтов только Калинда носила два красных кольца. Но Она изменила своему Ордену, чтобы стать богиней. Может быть, Малаклипс замышляет месть? Неужели он надеется убить богиню, чей мозг вмещает в себя тысячи звезд? Нет, это невозможно — но Малаклипс может повредить Тверди иным путем. Двадцать пять лет назад Мэллори Рингесс подружился с Твердью и заключил с Ней союз — почти брачный, как утверждают некоторые. Возможно, Малаклипс хочет причинить Тверди боль, найдя Мэллори Рингесса и убив его. Если Мэл-

лори действительно попытался стать богом, Малаклипса обязывает к этому новое правило воинов-поэтов об истреблении всех хакра и потенциальных богов.

Но почему же, думал Данло, Твердь оставила его в живых, когда он вышел из мультиплекса над Ее Землей? Может быть, она пощадила его только потому, что он носит два красных кольца?

— Известны тебе имена других демонов хакра? — не унимался Бертрам.

— Одного я знаю. — Между Малаклипсом и Бертрамом внезапно прошло понимание, столь же явное, как если бы воин-поэт протянул старейшине кровоплод.

— Назови его имя. — Бертрам говорил громко, с таким расчетом, чтобы его слышали во всем зале.

— Есть один человек, который, возможно, попытался стать богом. Он был пилотом и жил в Невернесе.

— Пилотом?

— Именно. Главным Пилотом Ордена Мистических Математиков.

Эти слова упали в зал, как бомба, и старейшины разразились криками, выражая свое недоверие. Огромное помещение гудело от тысячи голосов. Данло ждал, считая удары своего сердца. Харра, призвав старейшин к порядку, взглянула с высоты на Малаклипса и сказала:

— Пожалуйста, назовите нам имя этого Главного Пилота.

Тысячи старейшин затаили дыхание, глядя на воина-поэта.

— Его имя — Мэллори Рингесс, — сказал Малаклипс.

— Мэллори Рингесс? — тут же повторил Бертрам, устремив злобный взгляд на Данло.

— Это имя, которое он получил при рождении и под которым он известен большинству.

— Так у него есть и другое?

— Его настоящее имя Мэллори ви Соли Рингесс.

Бертрам не сводил с Данло глаз.

— Этот Главный Пилот доводится родственником Данло ви Соли Рингессу?

— Это его отец.

Зал снова взорвался гневными криками и протестами. Одна из старейшин, указывая дрожащим пальцем на Данло, вскричала:

— Он — сын хакра!

— Что, если он тоже мечтает стать богом? — подхватил ее сосед.

— Его следует очистить от подобной гордыни!

— А что, если он тоже хакра?

— Тогда он должен подвергнуться полному очищению. Вселенную нужно очищать от хакра.

Некоторое время Койвунеймин обсуждал стремление стать богом, запрограммированное в каждом человеке. Некоторые говорили, что это оригинальная, полностью негативная программа, которую следует переписать и преодолеть. Затем Харра обратилась к старейшинам, напомнив им, что никто не должен нести ответственности за программы и действия своего отца, как и любого другого человека.

Малаклипс рассказал о поразительной жизни Мэллори Рингесса. От его странного рождения до открытия им Старшей Эдды и поста главы Ордена. Рассказал, как в один темный день глубокой зимы Мэллори в последний раз поднял свой легкий корабль и покинул Невернес — возможно, для того, чтобы стать богом в просторах галактики. Из этого великого примера чуть ли не за одну ночь, как огнецвет, распустилась новая религия под названием рингизм. Рингситы в Невернесе, а теперь и во многих других Цивилизованных Мирах, учат, что Мэллори Рингесс действительно стал богом и когда-нибудь вернется в свой родной город. Они учат, что все люди тоже могут стать богами и что этого можно достигнуть, вспоминая Старшую Эдду и следуя путем Рингесса. Эти постулаты получили название Трех Столпов Рингизма и являются, согласно принципам Старой Церкви, вопиющей ересью.

Старейшины с ужасом внимали каждому слову Малаклипса. Он закончил, и в зале воцарилась тишина, а затем все ивиомилы разом вскочили на ноги и завопили:

— Еретики! Святотатцы! Хакра!

Бертрам Джаспари, их глава, осведомился, указывая на Данло:

— А какую роль сыграл этот пилот в культе под названием рингизм?

— Он был дружен с основателями рингизма, бывшим пилотом Бардо и цефиком Хануманом ли Тошем.

— Это все?

— Нет. Говорят, что Данло ви Соли Рингесс пил наркотик каллу и получил великое воспоминание Старшей Эдды. Известно, что он поделился этим воспоминанием с другими рингистами на собрании, где присутствовало около ста тысяч граждан Невернеса.

— Что такое эта Старшая Эдда, о которой ты говоришь?

Тогда Малаклипс рассказал о глубокой генетической памяти, которую древняя раса богов будто бы имплантировала в ДНК человека. От таких неслыханных откровений даже Бертрам стал заикаться.

— Ты хочешь сказать, что Старшая Эдда — это набор программ, будто бы управляющих человеком в его становлении богом?!

— Это, насколько я понимаю, только часть Старшей Эдды. Мы, воины-поэты, не занимаемся воспоминаниями.

— Но в ней, по-твоему, есть и другие части?

— Существует мнение, что Эдда — это просто чистая информация, чистая память — коллективная мудрость расы богов, известной как Эльдрия.

— Никаких богов нет! — напомнил Бертрам. — Нет бога, кроме Бога, и Эде — первый и единственный Бог.

— Рингисты, судя по всему, придерживаются иного мнения.

Бертрам, посмотрев на Малаклипса и Данло, повернулся лицом к Койвунеймину.

— Нараинская ересь отрицает наш святой Алгоритм и оскорбляет Бога, но этот Путь Рингесса еще хуже, намного хуже.

Может быть, он и прав, подумал Данло.

Глядя на угловатое, фанатичное лицо Бертрама, он спрашивал себя, не сказать ли старейшинам, что могущественная богиня Твердь была когда-то воином-поэтом, как и Малак-

липс Красное Кольцо. Он мог также объяснить, что отмежевался от новой религии Бардо задолго до того, как покинул Невернес, и сделал Ханумана ли Тоша своим врагом, выступив против Пути Рингесса и его опасных доктрин. Но Данло не хотел оправдываться. Он чувствовал, что Харра и многие старейшины — возможно, даже большинство, за исключением ивиомилов, — все еще на его стороне.

— Мы должны спросить себя, — говорил тем временем Бертрам, — что нам делать с этим культом Рингесса. И как нам следует поступить с пилотом и эмиссаром еретиков Данло ви Соли Рингессом.

Бертрам и воин-поэт так ловко выстраивали свой диалог, что Данло спросил себя, уж не разыгрывает ли Бертрам представление. Действительно ли он не знал о присутствии Малаклипса на Таннахилле, пока Харра не вызвала воина-поэта в зал? Возможно, Бертрам сумел тайно встретиться с Малаклипсом еще до заседания, и два этих опасных человека успели заключить союз.

Глядя на невозмутимо-спокойного Малаклипса, Данло полагал, что это возможно. Все его внимание на миг сосредоточилось на воине-поэте. Данло впивал перечный запах масла каны, идущий от Малаклипса, и свет его глаз. Малаклипс, как всегда, излучал жизненную энергию; казалось, будто он всегда балансирует на краю вечности, ожидая некоего критического момента. Хорошо ли обыскала его храмовая охрана? Воины-поэты всегда прячут на себе всевозможное оружие: ножи, фальшивые ногти, отравленные дротики, замаскированные под зубочистки, а в их одежду вотканы ядовитые нити ширива. Не сговорились ли Бертрам с Малаклипсом убить Харру Иви эн ли Эде. Да, это возможно, говорил себе Данло, не сводя глаз с Малаклипса.

И пока грозная красота воина-поэта жгла ему глаза, Малаклипс запустил украшенную красным кольцом руку во внутренний карман своего кимоно. Данло видел, как Малаклипс это сделал, хотя в действительности тот не пошевельнулся. Может быть, я скраирую, подумал Данло, и предвижу то,

чего еще не случилось? Полностью сосредоточившись на воине-поэте, он не заметил того, что происходило у него позади.

Между тем, как только Бертрам произнес: «Как нам поступить с Данло ви Соли Рингессом?», со своего стула поднялся высокий, с мясистым лицом, старейшина Джанегг Ивиорван. Он занимал крайнее место за столом двумя рядами выше Данло и мигом оказался в центральном проходе, как бы собираясь обратиться к Койвунеймину. На самом деле ничего говорить он не собирался.

— У него тлолт! — в испуге закричали сидевшие рядом старейшины, увидев предмет, который он держал в своей мощной мясистой руке. Паника, как волна, стала распространяться вверх по рядам, докатившись до самых отдаленных углов зала.

— Смерть еретикам! — взревел Джанегг Ивиорван. — Смерть наманам!

Когда Данло, услышав этот полный ненависти вопль, повернулся лицом к убийце, произошло одновременно множество событий. Многие старейшины обратились в бегство, загромождая узкие проходы. Данло лишь смутно сознавал, как ведут себя люди вокруг него: они подчинялись своим глубоким программам, предписывающим либо самосохранение, либо иные действия. Бертрам Джаспари закрыл лицо руками и нырнул, весь дрожа, под стол. Едрек Ивионген присоединился к нему в этом ненадежном убежище. Охранники, точно под действием нейроножей, бросились к Харре. В подобных ситуациях их долгом было прикрыть Святую Иви своими телами и вывести ее из зала. Это самое они и попытались сделать, но Харра воспротивилась. Один из охранников, молодой Леандр эн ли Дару Эде, как оказалось, действительно был ее внуком. Увидев оружие в руке Джанегга Ивиорвана, Харра, почти не раздумывая, вскочила и сама закрыла собой Леандра. Это было так неожиданно, и опасность придала ее ветхому телу такую силу, что она сшибла Леандра с ног и повалилась на него, продолжая защищать. И все это время голографический Эде над своим образником подавал Данло знаки:

— Заслони глаза! Возьми стул и прикрой им лицо!

Если Малаклипс Красное Кольцо и заметил происходящее, виду он не подал. Он один из всех присутствующих сохранил хладнокровие. В тот самый момент, когда Джанегг Ивиорван направил свой тлолт в их с Данло сторону, рука воина-поэта нырнула во внутренний карман кимоно и с молниеносной быстротой извлекла оттуда красный игольчатый дротик. Одновременно с этим воин-поэт вскочил на ноги, но почему-то не метнул свой дротик в безумца, стоящего перед их столом.

Тлолт Джанегга Ивиорвана целил прямо в лицо Данло. Красный, трясущийся большой палец старейшины лежал на спуске. Было ясно, что, как только Джанегг отпустит палец или как только его сразит Малаклипс или кто-то из охраны, тлолт выстрелит Данло в глаз. Пуля, пробив радужку, сетчатку и кость, войдет в мозг и там взорвется. Взрыв мгновенно уничтожит все сто миллиардов нейронов и превратит мозговое вещество в красную мякоть кровоплода.

Нельзя бояться, думал Данло. Нельзя платить ненавистью за ненависть.

То, что Джанегг Ивиорван не нажал на спуск сразу, казалось странным и давало Данло надежду. С сердцем, бьющимся, как звезда-пульсар, Данло смотрел на Джанегга. Глаза безумца впились в его лицо, как будто ища там что-то помимо мишени. Данло не был цефиком, но разгадать выражение лица Джанегга не составляло труда. Как и у всех, кто способен испытывать жгучую ненависть, глубочайшим его желанием было любить. Как все, кто принуждает свои сердца убивать, он втайне желал жизни.

Ненависть — левая рука любви, вспомнил Данло, и радость — правая рука страха.

Сделав глубокий вдох и выдох, Данло выбросил из себя страх и ощутил глубоко в животе горячий прилив жизни, ощутил анимаджи — дикую радость бытия. Кровь, обогащенная кислородом, омыла каждую клетку его тела. Все это время помня о целящем в него тлолте, Данло заставлял себя выдерживать напряженный взгляд Джанегга и улыбался ему. Все, что было в Данло человеческого и больше чем человеческого, вош-

ло в эту улыбку. В том, как он смотрел на Джанегга — открыто, грустно и при этом с радостным сознанием бесконечных возможностей, — не было никакого притворства. Темно-синие глаза Данло глядели не менее дико, чем у Джанегга, и в них светилась разделенная боль.

Я тоже ненавидел одного человека и хотел убить его, думал Данло. Но больше я не должен ненавидеть никогда.

Испуганные крики в зале казались ему далекими, как самые дальние галактики. Данло слышал, как хватает воздух Джанегг, слышал собственное дыхание, а потом услышал собственный голос:

— Если ты убьешь меня, ты и себя убьешь.

Старейшины, в оцепенении застывшие за своими столами, могли воспринять эти слова как угрозу мщения, но Данло не это имел в виду. Он лишь надеялся довести до Джанегга правду ахимсы, говорящую, что все живое связано глубочайшими узами и нельзя причинить вред другому, не повредив самому себе. Он дарил эту правду Джанеггу. Выдерживая устрашающий взгляд Джанегга, он дарил ему свою силу, свое сострадание, свою дикую любовь к жизни. Это была его пуля, которую он посылал в глаза Джанегга всей силой своей души. Пуля вошла — и застывшее от ненависти лицо Джанегга стало оттаивать, как ледяная статуя под солнцем. Он облизнул губы, кашлянул и взглянул на оружие у себя в руке, словно не понимая, откуда оно взялось. Данло выбрал этот момент, чтобы достать из кармана свою флейту, поднес ее к губам и заиграл. В его мелодии, полной страдания и печали, звучала в то же время и надежда — она проявлялась в том, как постепенно преображались эти мрачные эмоции, рождая в конце концов чистую радость. Он играл на краю смерти, и ноты вылетали из его флейты, как тысячи пуль, тысячи маленьких звуковых стрел, поражая Джанегга, и Харру, и всех изумленных старейшин вокруг.

А затем случилось нечто чудесное и трагическое. Лицо Джанегга наконец освободилось от страха, и он заулыбался — угрюмо и с полным самопониманием. Рука опустилась, обратив тлолт дулом к полу.

— Мне очень жаль. — Непонятно было, к кому он обращается — к самому себе, к Бертраму или к Харре и всем старейшинам Койвунеймина. — Мне очень жаль. Я не могу его убить.

В этот момент воин-поэт перескочил через стол. Скорость, с которой он двигался, не позволяла рассмотреть, что происходит между ним и Джанеггом. Данло и многим другим показалось, что видели они следующее: Малаклипс схватился с Джанеггом, как бы пытаясь отнять у него тлолт. Всем показалось, что в пылу борьбы палец Джанегга нечаянно нажал на спуск. Сверкнула багровая вспышка, и тлолт разрядился в тот самый миг, как Данло крикнул: «Нет!»

Все вокруг инстинктивно прикрыли руками глаза, и Джанегг тоже, но он опоздал: пуля нашла его глаз с меткостью ястреба, падающего на добычу. Когда он наконец схватился за глаз, крича и корчась, пуля уже взорвалась у него в черепе. В тот же миг его руки оторвались от туловища, и он начал падать. Данло, вскочивший в неистовой попытке остановить воина-поэта, увидел маленькую красную дырочку в левом глазу Джанегга, увидел холодный лед вечности, затянувший другой глаз, — и мертвое тело Джанегга упало на пол.

В зале стоял хаос, слышались испуганные крики и плач. Бертрам так и сидел под столом, но более храбрый Едрек Ивионген, кряхтя, уже выбирался оттуда. Малаклипс стоял над трупом Джанегга, как талло, стерегущая добычу. Охранники, верные своему долгу, все еще пытались увести Харру, но она приказала им вернуть ее на место — и таков был ее авторитет, что они подчинились. Харра спокойно уселась за свой пюпитр, а другие охранники, мрачные, в чистых белых кимоно, ринулись в зал и буквально облепили тело Джанегга.

Охваченные паникой, они спешили унести его в глубину Храма, где ожидали всех умерших Архитекторов камеры преображения и крематорий. Там, в темных потайных помещениях, все программы и чертежи мозга — проще говоря, душа, — отделялись от тела, чтобы вечно храниться в кибернетическом пространстве вечного компьютера; так по крайней мере гово-

рилось. У Архитекторов, занимающих видное положение в Церкви, преображение происходило в процессе умирания или в момент самой смерти. Но для Джанегга Ивиорвана, хотя он и был старейшиной, спасения не будет. Не потому, что он обезумел и пытался убить Данло, а потому, что его мозг погиб безвозвратно. В этом весь ужас тлолтов и другого противомозгового оружия. Когда сто миллиардов человеческих нейронов превращаются кровавое месиво, никакие чертежи сохраниться уже не могут. Все Архитекторы живут в страхе подобной смерти. И когда один из охранников, стоя на коленях рядом с Джанеггом, объявил: «Этому человеку уже ничем нельзя помочь», в зале настала мертвая тишина. Старейшины застыли на своих стульях, глядя на Джанегга. Данло тоже смотрел на него, держа в одной руке флейту и прижимая другую к шраму над глазом.

Охранники унесли труп Джанегга, и Харра попросила старейшин вернуться на свои места, но следовать повестке дня никто уже не пытался. Харра с трудом добилась, чтобы старейшины перестали показывать на Данло пальцами и перешептываться. Одни объявляли его еретиком, потенциальным хакра, и винили в страшной смерти Джанегга, но другие, более приверженные правде, в том числе и глава элиди Киссия эн ли Эде, старались не закрывать глаза перед произошедшим ужасом. Они видели, как все было в действительности, видели, как Данло играл на флейте перед лицом смерти и как безумие ушло из глаз Джанегга. Харра Иви эн ли Эде тоже была свидетельницей этого чуда. Своим сильным, звучным голосом она рассказала Койвунеймину о том, что видела, и напомнила старейшинам, в чем заключается идеал Архитектора. Она склонила голову перед Данло и процитировала стих из «Видений»: «Человек, не знающий страха, который исцелит живых».

Пока старейшины осознавали то, как она связала Данло с хорошо знакомыми им строками Алгоритма, бесстрастный взгляд Харры упал на Бертрама Джаспари. А вот, говорил этот взгляд, человек боязливый, не могущий даже самого себя исцелить от своих преступных амбиций. Следую-

щие ее слова были обращены как ко всему Койвунеймину, так и лично к Бертраму:

— Мы слышали, что Данло ви Соли Рингесс — сын хакра и что он держал речь перед собранием святотатцев-рингистов. Но быть родственником хакра — не преступление, и никто из нас не слышал, что говорил он на том собрании. Подумаем лучше о нас самих и о том, что мы видели здесь сегодня. А видели мы вот что: пилот встретил своего убийцу без страха и исцелил его своей музыкой. Что за музыка! Никогда еще мы не слышали ничего подобного! Никогда не ощущали такой силы и такой красоты. Старейшина Джанегг тоже почувствовал это. Он обезумел от ненависти к пилоту — обезумел настолько, что решился убить, и нам следует спросить себя, кто запрограммировал в нем эту страсть. Был ли это он сам? Возможно, да, а возможно, и нет. Ясно одно: мы видели, как старейшина Джанегг опустил оружие и обратился к себе за новой программой. Разве не Данло ви Соли Рингесс вызвал этот процесс? Разве не он в конечном счете исцелил Джанегга от безумия «своим дыханием и светом своих глаз»? Кто из нас видел когда-нибудь подобное чудо? И кто из нас не помнит пророчества?

Тут Харра сделала паузу и посмотрела на Бертрама так, словно он никогда не понимал истинного духа Алгоритма, не говоря уже о требованиях, которым должен соответствовать не только старейшина Архитекторов, но и любой человек.

— Теперь мы процитируем стих из «Видений» полностью, — сказала она, — и просим вас слушать внимательно.

По знаку Харры ее внук Леандр эн ли Дару Эде подал ей воды. Она смочила губы и посмотрела на Данло долгим, глубоким взглядом, странно улыбаясь при этом.

— «Однажды, — начала она, цитируя слова Николоса Дару Эде, сказанные им его последователям перед самым преображением, — однажды, когда вы будете близки к отчаянию, явится к вам человек со звезд. Он перепишет наихудшие ваши программы своим дыханием и светом своих глаз. Этот человек, не знающий страха, который исцелит живых, и войдет к мертвым, и посмотрит на небесные огни внутри себя, не утратив

разума. Он будет только человек — то, чем только и может быть каждый из людей. Однако он будет истинным Архитектором Бога, ибо в нем Божественная Программа для человека реализуется в совершенстве. В темные времена он будет светоносцем и, подобно звезде, укажет вам путь ко всему, что возможно».

Эти древние слова применительно к собственной персоне позабавили Данло и вызвали у него улыбку. Но в Койвунеймине никто не улыбался. Многие, включая Киссию эн ли Эде, смотрели на Данло с обновленной надеждой, как будто видели его в первый раз. Но ивиомилы восприняли предположение о том, что Данло и есть человек, о котором говорится в «Видениях», как оскорбление. Бертрам Джаспари в довольно ребяческом порыве энергии гнева грохнул по столу кулаком и крикнул:

— Он наман, а возможно, и хакра! Как осмелилась Святая Иви даже предположить, что он светоносец!

— Как осмелился ты? — Харра гневно, в упор, смотрела на человека, мечтающего свергнуть ее и вполне способного привести Церковь к погибели.

Старейшины смотрели теперь только на них двоих.

— Ты привела его в нашу Палату, и одно это...

— Мы просим тебя замолчать. — Под ее учтивым тоном, как меч в шелковых ножнах, таилась сталь.

Бертрам осекся на полуслове и сел с полуоткрытым ртом. В его маленьких глазках читались хитрость, нетерпение и ненависть. Какой-то миг казалось, что он не подчиниться и молчать не станет, но он, чувствуя, возможно, что потрясенные старейшины пока не готовы поддержать его, смирился. Он опустил глаза и склонил голову, как это подобает каждому Архитектору перед лицом Святой Иви.

— Мы не можем знать, — продолжала Харра, — действительно ли этот пилот есть светоносец, обещанный нам. Но мы можем подвергнуть его испытанию. — Она помолчала, дав старейшинам осмыслить ее намерение, и стала продолжать: — Мы должны также расследовать, как удалось Джанеггу пронести в Койвунеймин столь страшное оружие. Мы должны по-

нять, как мог полностью очищенный старейшина подчиняться программе, побудившей его покуситься на убийство нашего гостя.

— Расследование! — крикнул кто-то. — Назначим расследование!

— Расследование! — поддержали его другие голоса.

Харра склонила голову в знак уважения к просьбе старейшин и подняла руку, призывая к молчанию.

— Пока все это решается, мы просим пилота погостить у нас в доме. И воина-поэта тоже. Охрана проводит их туда, когда закончится заседание. А теперь мы помолимся за душу Джанегга Ивиорвана. Он подчинился наихудшей из программ, но потом очистился от ее негативного влияния, и мы должны помолиться, чтобы он нашел путь к Богу Эде.

И Харра завела длинную и витиеватую молитву, где говорилось о неистребимости информации и конечной концентрации всего сущего в Боге Эде. Закончив, она склонила голову и со стоном — как видно, попытка защитить внука не прошла для нее даром, — поднялась из-за пюпитра. Это послужило сигналом старейшинам, и они тоже начали вставать.

Данло, поднявшись, выпрямился во весь рост и порадовался, что наконец-то избавился от стула. Бертрам, согнувшись над своим столом, смотрел на него мертвенно-серыми глазами и пускал в него безмолвные стрелы ненависти. Данло не знал, откроет ли назначенное Харрой расследование истинную причину сегодняшнего происшествия, но чувствовал, что Бертрам, если добьется своего, принесет и ему, и многим другим людям много горя.

Глава 19

ДВОРЕЦ ВЕРХОВНОГО АРХИТЕКТОРА

Многие цивилизации расходовали свои духовные ресурсы, ища ответа на вопрос, куда уходит душа после смерти. Не лучше ли попытаться ответить, где находится душа до рождения?

Фравашийский коан

Данло отвели апартаменты в доме Харры Иви эн ли Эде на восточной окраине Орнис-Олоруна. Этот дом с сотнями комнат, залов и целым лабиринтом коридоров скорее должен был называться дворцом. Данло никогда еще не видел столь грандиозного жилища — даже усадьба Мер Тадео на Фарфаре уступала ему. Но самым привлекательным в этом доме было другое, — не гигантские размеры и не роскошь, — а то, что дворец стоял на нулевом уровне города и отсюда открывался вид на океан. Окна, выходящие на ту сторону, открывать, разумеется, было нельзя из-за отравленной атмосферы, но Данло нравилось сидеть около окна, играть на флейте и смотреть на песчаные пляжи далеко внизу. Иногда он проводил так целые дни. Ночью облака Таннахилла загорались фантастическим бело-голубым светом: это избыточный углекислый газ и метан взаимодействовали с солнечной радиацией. Эти облака смерти, как называл их Данло, напоминали ему, что он чужой в этом чуждом мире — чуждом не своей флорой и не ландшафтами, а

результатами деятельности человека, превратившего эту райскую некогда планету в то, чем она стала теперь.

Так он и жил в доме Харры, ожидая, когда наступит следующий этап его миссии. Просидев в заточении три дня, пока Харра вела следствие по делу загадочной смерти старейшины Джанегга, Данло решил, что он здесь не совсем гость, но, пожалуй, и не совсем пленник. Ему ни в чем не отказывали, его роскошно обставленные комнаты изобиловали произведениями церковного искусства, кибернетическими приборами и, что было удивительнее всего, комнатными цветами и растениями. В отличие от нараинов, живущих в сюрреальности Поля, Архитекторы сделали предметом своей мечты Старую Землю, какой она была тысячи лет назад, еще до Роения, — и какой будет опять в конце времен, когда Эде воссоздаст для своего избранного народа несчетное число девственных благодатных Земель.

Коренной парадокс Архитекторов заключался в том, что они, уничтожая природу, испытывали в то же время тоску по ней и любили ее тем сильнее, чем больше от нее отгораживались. Поэтому в комнатах Данло цвела белыми звездочками ананда и жила диковинная птица попугай с яркими разноцветными перьями. Данло грустно было, что это красивое создание держат в тесной стальной клетке, хотя попугай, пожалуй, чувствовал себя там не хуже, чем большинство жителей Орнис-Олоруна в своих квартирах.

Данло вспомнил загадку, которую загадал ему дед и которую он, в свою очередь, загадал Тверди: как поймать красивую птицу, не убив ее дух? Он все еще не мог ответить на этот вопрос, но с удовольствием скармливал попугаю орехи мави и каждый раз, подходя к клетке, видел несломленный дух в его ярко-золотистых глазах. Данло играл попугаю на флейте, и тот отвечал щебетом и свистом. Порой Данло казалось, что эта птица — имакла, животное, наделенное волшебной силой.

Однажды, когда он выразил это предположение вслух, птица, к его изумлению, ответила ему человеческим голосом:

— Может быть, ты имакла? Но как может волшебное существо жить в клетке?

Сначала Данло подумал, что птица в самом деле умеет говорить, но вскоре понял, что попугай просто повторяет за ним, на что способна даже самая простенькая программа искусственного интеллекта. Если Данло хотелось поговорить, лучше было прибегнуть к услугам Николоса Дару Эде, механически выдающего предостережения типа: «Поосторожнее с птицей. Возможно, ей в глаза вставлены шпионские устройства».

В такие моменты, когда сознание ограниченности программ образника становилось особенно болезненным, Данло давал себе слово не общаться больше с Эде. Служители дворца, ежедневно убиравшие в комнатах и приносившие горячую еду, тоже не говорили ни слова. Они молча добавляли в кормушку свежие орехи, брезгливо меняли постельное белье, соприкасавшееся с телом намана, убирали со стола и все это время украдкой посматривали на странного пришельца со звезд, который мог оказаться светоносцем. Закончив работу, они поспешно уходили, оставляя Данло в его одиночестве.

Вследствие этого одиночества, а также из любопытства, Данло неизбежно должен был обратить внимание на священный шлем, поблескивающий на алтаре в средней комнате. Надев его на себя, Данло обнаружил, что может контактировать с различными кибернетическими пространствами. Ни одно из них по глубине и детальности не могло сравниться с нараинским Полем. Здесь не существовало свободного доступа к информационным массивам и отсутствовало ассоциативное пространство, где могли бы общаться Архитекторы со всей планеты. Сюрреальности, за одним-единственным исключением, тоже отсутствовали, а степени воспроизведения ограничивались голосом и портретом.

Старейшины Церкви полагали, что информация, как и общение, нуждаются в цензуре, и видели в себе защитников народа, ограждая его от опасных технологий. В этом районе Орнис-Олоруна, Новом Городе, помимо Храма, дворца и особняков, имелись также учреждения, где люди со строгими лицами решали, гармонирует ли та или иная техника с доктри-

нами Церкви, со «Схемами» и всем Священным Алгоритмом. Считалось, что техника должна служить человеческой душе, а не калечить его натуру себе в угоду.

Поэтому Данло, сидя с поджатыми ногами и шлемом на голове, быстро понял, что не может общаться с Архитекторами так, как ему желательно, — но может приобщаться вместе с ними. Пробуя осуществить разные степени воспроизведения, он сделал открытие, которое и позабавило его, и встревожило.

Каждое утро по сигналу колокола Верховный Архитектор отправлялась из своего дворца в Храм. Там в контактном зале с зеркальными стенами, где перед рядами священных шлемов стоял на алтаре вечный компьютер Эде, она проводила контактную церемонию. В зале присутствовали виднейшие старейшины — такие как Бертрам Джаспари — и простые Архитекторы, которые, выиграв в ежедневную лотерею, получали право войти в самое священное из физических пространств Церкви. Зал, при всей своей громадности, вмещал только несколько тысяч человек, ничтожную долю тех Архитекторов, что жили на Таннахилле, не говоря уж о мирах Известных Звезд.

Потому, как только Харра Иви эн ли Эде возлагала на себя священный шлем и вступала в контакт с вечным компьютером Эде, а все присутствующие на церемонии проделывали то же самое, миллиарды Архитекторов в своих квартирах надевали такие же шлемы и получали свое кибернетическое причастие.

Данло навсегда запомнился тот первый раз, когда он присоединился к ним в их кибернетическом пространстве. Он сидел, подогнув ноги, на молитвенном коврике и держал в руках холодный шлем, глядя на свое отражение в его зеркальной поверхности. Его беспокоила дикость собственного взгляда — как будто его ничуть не пугала возможность гибели или сумасшествия, к которым могли привести его запрограммированные мечты о Боге. Голова у Данло была крупная, с гривой густых волос, и шлем, когда он надел его, оказался тесноват и надавил ему на виски. В следующий момент Данло воспроизвелся в причастном пространстве. Это выглядело так, словно

он провалился сквозь пол и очутился вдруг в контактном зале великого Храма. Перед ним и позади него стояли, преклонив колени на своих ковриках, тысячи Архитекторов в таких же, как у него, священных шлемах. В центре зала у массивного сверкающего алтаря стояла рядом с вечным компьютером Эде Святая Иви в широком кимоно из белоснежного перлона и белой, расшитой золотом добре на голове.

Данло нашел компьютерную модель святого места очень удачной, хотя и несовершенной. Реальные краски и формы были переданы хорошо — и сверкающая бронза статуй Эде-Человека, и голубые розы в вазах, и кофейные озера глаз Святой Иви — но дыхание молящихся казалось каким-то отрывистым и приглушенным. Запахи тоже отсутствовали — вернее, дурные запахи наподобие аминопластмасс, кетонов и нездоровых тел, которые Данло на Таннахилле встречал почти повсеместно. Вместо этого здесь пахло сиренью, медом, ветром, водопадами и чисто вымытыми женскими волосами.

Данло чувствовал, что в этой церемонии вместе с ним участвуют миллиарды Архитекторов по всей планете. Он сознавал присутствие множества людей (или их изображений), а они сознавали его присутствие. Их глаза расширялись от изумления и возмущения при виде намана, вторгшегося в их святая святых. Они, видимо, полагали, что Харра либо дала ему особое разрешение воспроизвестись здесь, либо очистила его от негативных программ и предложила ему прочесть символ веры, как подобало всем новообращенным Архитекторам. Поэтому они не возражали против его появления и только смотрели во все глаза на его высокую фигуру, черное пилотское кольцо и дикие синие глаза.

Затем Харра, которая тоже смотрела на Данло, сняла священный шлем с алтаря и возложила на голову, точно сама себя коронующая королева.

— От нашего Отца мы пришли, — начала она, обращаясь ко всем Достойным Архитекторам в Храме и на всем Таннахилле, — и к Нему же вернемся, как дождевые капли возвращаются в океан.

В этот момент пятьдесят миллиардов человек, присутствующих в Храме физически или сидящие в своих квартирах за десять тысяч миль от него, вошли в единое пространство, единое сознание, единое восприятие Бога Эде и всего созданного Им. Для Данло этот священный миг выглядел так, словно ему в мозг уронили каплю жидкого кобальта. Густой цвет, распространяясь, как в стакане воды, окрасил его сознание в нежнейший и красивейший из всех оттенков синевы, какие Данло доводилось видеть. А затем настал момент кибернетического самадхи. Блаженство было так велико, что Данло перестал чувствовать свое тело, свою память и свое сердце. Он был чужим в этом океане света, а потом сам сделался светом, ясным, сияющим и безупречным.

Он так никогда и не понял, сколько длился этот момент. Целую вечность спустя шлем у него на голове стал генерировать другое поле. Появились образы, звуки, запахи, и жаркая красная струя любви обожгла горло. Данло вместе со всеми Архитекторами вошел в святилище, где хранились все книги Священного Алгоритма Эде. Это, конечно, были не те бумажные, переплетенные в кожу книги, которые Данло хранил у себя в сундучке; скорее они представляли собой сюрреальности, истории в картинках. Некоторые говорили, что Алгоритм сам по себе есть пространство — что он, как нерукотворное видение Бога, находится вне всех компьютерных пространств. Об истинной природе Алгоритма Данло не знал ничего, и ни метафизика, ни теология в данный момент его не интересовали. Слова, льющиеся в его сознание, как музыка, нельзя было оставить без внимания, и образы Эде манили его к себе. В то утро Харра привела свою паству к финалу «Заключения» Алгоритма, и в Данло звучали хорошо знакомые слова: «Он пройдет среди звезд и заполнит собой вселенную».

На этом месте Данло снова почувствовал, что падает. Он летел, как метеор в космосе или птица, пикирующая в ночи на берег тропического океана. Такого мира, который открылся перед ним, он никогда еще не видел: берег, на который он опустился, не имел ни пределов, ни горизонта. Вместе с ним

там стоял целый миллиард Архитекторов — а может быть, миллиард миллиардов. Люди в белых одеждах справа и слева от него смотрели в небо и ждали. Данло тоже обратил свой взор к небесам.

Тогда там, среди слабых огней вселенной, вспыхнула история онтогенеза Эде из человека в Бога. Знакомое лицо Эде с чувственными губами и черными горящими глазами мистика взошло на небе, как луна. Данло смотрел, как он трансформируется в нечто новое. Зрелище разворачивалось, как музейная голограмма, но было несравненно масштабнее и глубже. В миллионе миль над Данло, на фоне черной стены ночи, кофейная кожа Эде наполнилась золотым светом. Вскоре он весь превратился в сияющую сферу и стал из Эде-Человека Эде-Богом. Потом свет внезапно исчез, как звезда в черной дыре, и небо какой-то миг оставалось темным. Это, как Данло узнал после, было символом Темной Ночи Души, того отчаянного момента, когда Он вложил свое «я» в свой вечный компьютер, — и напоминало, что за мраком следует момент торжества.

В небе высоко над океаном появился крошечный кубик, который Данло поначалу принял за старинный спутник связи. Но затем куб засверкал тысячами огней, и Данло узнал в нем вечный компьютер Эде. Все его шесть граней быстро росли, как кристалл в перенасыщенном соляном растворе. Вскоре куб заполнил собой все небо, поглощая черный космос и вмещая его в себя. По мере того как эта сцена из «Заключения» близилась к своему вселенскому финалу, тропическая ночь вокруг Данло наполнялась космическим холодом. Данло увидел, что пляж, на котором он стоит, вместе со всей планетой движется в космосе, следуя за Эде в его великом странствии по вселенной.

Вокруг появились звезды, а потом и целые туманности. Многие, наподобие Двойной Радуги, Данло узнавал. Он завороженно следил, как растет вечный компьютер Эде, заполняя туманность за туманностью, и как тысячи его огней затмевают свет звезд. Потом эти огни в самом деле стали звездами, их число увеличилось от десяти тысяч до десяти миллионов, а

там и до миллиардов, и Бог Эде поглотил все звезды в спиральных рукавах галактики, известной как Млечный Путь.

Логика судьбы Эде была непреложной и всеобъемлющей. Данло видел, как священное кибернетическое тело Бога заполнило сорок миллионов космических световых лет, поглотив Андромеду, Дракона и другие галактики ближнего скопления. Затем настала очередь Девы, Гончих Псов и так далее, и так далее. Звездные скопления представляли собой сферы диаметром полмиллиарда световых лет, и казалось, что во вселенной им несть числа. Но в конце концов Эде, преодолев черные пустоши пространства и времени, поглотил каждую звезду, каждую частицу материи и каждый бит информации во вселенной. Эде и вселенная, по слову Алгоритма, стали единым целым.

И Данло наряду с миллиардами Архитекторов, стоя на своем виртуальном берегу вне пространства и времени, стал свидетелем этого завершающего чуда. Вся Вселенная на его глазах приняла форму сверкающего черного куба, воистину вечного космического компьютера, который был Богом Эде и ничем более. Данло знал, что это так, ибо вслед за этим свершилось последнее преображение. Куб, почти бесконечный, начал светиться изнутри. Свет разгорался все ярче и завершился страшной, ослепившей глаза вспышкой. Прозрев снова, Данло увидел, что вечный компьютер, который был Богом Эде, исчез — или, скорее, трансформировался в знакомый сияющий лик Николоса Дару Эде, заполнивший собой всю вселенную. Он, этот лик, и был вселенной. Ибо сказано в Алгоритме: «И Эде сопрягся со вселенной, и преобразился, и узрел, что лик Бога есть Его лик».

Контактная церемония подошла к концу. Харра провела Архитекторов по другим страницам Алгоритма, но уже не столь глубоко. Данло вернулся в контактный зал Храма, где он (виртуальный он) стоял на коленях среди Архитекторов в белоснежных кимоно. Харра своим сильным голосом перечислила восемь обязанностей Архитектора: вера, послушание, медитация, проповедь, паломничество, очищение, контакт и преображение. Она напомнила о Четырех Великих Истинах, откры-

тых Эде: истине зла и страданий, истине возникновения зла из негативных программ, входящих в природу вселенной, истине побеждения этого зла путем написания новых программ и последней истине, гласящей, что написание таких программ возможно лишь через выполнение Восьми Обязанностей, то есть через самого Эде.

Церемония завершилась повторением обета послушания и символа веры. Этих слов Данло не произносил, но присоединился к остальным, когда Харра призвала всех помолиться о мире и совершить безмолвную медитацию. Проделав это, он снова оказался на молитвенном коврике у себя в комнате, снял шлем и подивился страшной силе религии, известной как эдеизм.

На следующий день после контактной церемонии Харра пригласила Данло позавтракать с ней в ее утренней комнате. Двое служителей с добрыми лицами — тоже, видимо, Харрины внуки — проводили его в эту красивую комнату, полную цветов и солнца. Харра, все еще в парадном кимоно, встретила его приветливой улыбкой. Они обменялись низкими поклонами, и она провела его к восточному окну, где был накрыт пластмассовый столик. Харра отпустила служителей, сказав, что желает остаться с Данло наедине. Они посмотрели на Данло как на опасного зверя вроде тигра, однако удалились. Данло выдвинул для Харры стул и сел сам.

— Мы любим эти утренние часы, — сказала она.

Данло посмотрел в окно на океан. Даже загрязнение среды не могло до конца испортить этот ясный день. Световая дорожка бежала по воде до самого восходящего солнца.

— Да, просто великолепно, — согласился он.

— Не хотите ли сока? — Харра учтиво дождалась утвердительного ответа и недрогнувшей рукой разлила по пластмассовым чашкам из пластмассового кувшина странный зеленый напиток. Ее движения были точными, но плавными, как будто она наблюдала за собой со стороны и судила о своей грации — или ее отсутствии — по самым высоким меркам.

— Эти милые юноши оставили нас, — сказала она, — но нам ведь ничего не грозит, правда?

Данло, не совсем поняв, к кому относится это «мы» — к ним обоим или к ней одной как к Святой Иви, — улыбнулся и в свою очередь спросил:

— Разве может кто-то быть уверен, что ему ничего не грозит?

— Мы заметили, — улыбнулась в ответ Харра, — что вы ответили на мой вопрос вопросом.

— Прошу прощения, благословенная Иви.

— Благословенная Иви, — медленно повторила она. — Все дети Церкви обращаются ко мне «Святая Иви» или «Иви Харра», но «благословенная» мне тоже понравилось.

— Правда?

— Как же иначе? Вы говорите это от всего сердца, и ваши глаза поют. Вы можете обращаться ко мне так, если хотите, — но только когда мы одни.

— Значит, мы еще будем беседовать наедине, благословенная Иви?

— Почему бы и нет? Или вы и в самом деле так опасны, как утверждают некоторые мои советники?

— Кажется, и вы, благословенная Иви, любите отвечать вопросом на вопрос.

На это Харра тихо засмеялась и прикрыла глаза, прежде чем взять чашку с соком, как будто произнесла про себя короткую молитву.

— Да, возможно. Но мы заметили, что вы так и оставили без ответа наш первый вопрос.

— О том, опасен ли я?

— Да. Мы все желали бы это знать.

— Но зачем мне отвечать на это, благословенная Иви, если вы уже знаете ответ?

— Знаем?

— Да. С того момента, как мы встретились глазами в Храме, мы сразу поверили друг другу.

— Не странно ли это? — кивнув, произнесла Харра. — Мы в самом деле поверили вам, но теперь нам следует решить, должны ли мы верить своему первоначальному чувству.

— Физической опасности я для вас не представляю.

— Мы тоже так думаем.

— Но я могу быть опасен для вашего общественного положения. Для вашего сана.

— Как хорошо вы понимаете то, чего наман понимать не должен!

— И еще я опасен для вашей веры. В этом Бертрам Джаспари был прав.

Харра отпила еще глоток и улыбнулась Данло.

— Мы тоже это почувствовали. Ваша вера очень отлична от нашей.

— Я, собственно, ни во что не верю. На вселенную надо смотреть с не защищенным верой разумом, правда?

— Это, возможно, самая опасная вера из всех, какие есть.

— Но это не совсем вера. Это отношение... к сути самой веры.

— О да — вы действительно человек опасный, — почти смеясь, сказала Харра. — Поэтому, возможно, мы и пригласили вас сюда.

— Чтобы испытать свою веру?

— Как хорошо вы все понимаете! И как хрупка должна быть вера, если она ломается при первом же испытании.

— Я не верю, что ваша вера может сломаться.

— Время покажет. — Тут Харра заметила, что Данло не притронулся к соку. Верховный Архитектор Вселенской Кибернетической Церкви прежде всего была бабушкой, которая заботилась о том, чтобы ее внуки хорошо ели. — Это сок тасиды, — сказала она. — Вам нравится?

— Да, очень, — сказал Данло, отпив глоток. Сок был терпкий и очень сладкий.

Робот расставил на столе миски и тарелки. Харра, оставаясь той же заботливой бабушкой, щипчиками положила Данло несколько ломтиков горячего хлеба, который назывался «йинсих». Хлеб она намазала черной белковой пастой, получаемой из одного таннахиллского растения. Кроме хлеба, робот принес им холодный суп с травами и дольки какого-то алого плода — ничего больше. «Схемы» предписывали легкий завтрак, притом Харра не желала питаться лучше, чем другие Архи-

текторы, многие из которых ели утром один только хлеб. Данло с радостью обнаружил, что ни мяса, ни других животных продуктов на Таннахилле не употребляют, но он заметил, что многие Архитекторы не в состоянии позволить себе разнообразную, необходимую для здоровья растительную пищу. Харру это угнетало. Сколько бы новых пищевых фабрик ни строили роботы, сказала она, как бы глубоко ни вгрызались они в землю, добывая минералы и расчищая новые места для теплиц, ее дети все равно не могут наесться как следует.

Данло не сомневался в ее искренности. Его грела доброта темных глаз Харры и ее ранимость. Свой сан, как он узнал после, она получила не только благодаря своему острому уму и силе духа, но и потому, что с благоговением относилась к Эде и заботилась о других — даже о тех, кто осуждал ее и считал своим врагом. Ни один Верховный Архитектор со времен возникновения эдеизма не потерпел бы, пожалуй, открытого неуважения, которое выказывал ей Бертрам Джаспари. Но Харра видела в нем, как и в каждом Архитекторе, дитя Церкви — а значит, дитя Эде, дитя Бога.

— Мы должны извиниться перед вами за слова старейшины Бертрама. Грань между подлинной страстью к Богу и обыкновенной горячностью тонка, как лезвие бритвы. Трудно порой судить, перешел ее человек или нет.

— Да, трудно, — согласился Данло.

— Мы просим также извинения за поступок старейшины Джанегга. Мы все еще пытаемся обнаружить, как ему удалось пронести тлолт в зал Койвунеймина.

— Возможно, ему помогли.

— Нам не хочется верить, что кто-то из наших детей вступил в заговор, чтобы убить вас.

— Но ведь одни люди всегда убивали других?

— О да. Но как ни ужасна программа убийства, есть другие, еще более страшные. Вы были гостем в нашем святом Храме. Заговор, имеющий целью убить вас в этом священном месте, есть заговор против нас, против самого сана Верховного Архитектора. Следовательно, это хакр против Бога.

— Хакр?

— Сознательное негативное действие. Подчинение программе, противной вселенской Программе Бога.

— Понятно.

— Нам хотелось бы верить, что старейшина Джанегг действовал один. И что причиной этих действий был талав.

— Талав — это сбой в чьем-то личном программировании, да?

— Совершенно верно, сбой. Каждый из нас может подпасть под влияние негативных программ, ведущих человека к заблуждению.

К безумию, подумал Данло, вспомнив взгляд Джанегга и глаза других, которых он встречал прежде. Лишиться разума возможно всегда.

— Остается, однако, загадкой, — продолжала Харра, — как Джанегг сумел войти в Храм неочищенным, не освободившись от своего талава или хакра.

Данло, жуя хлеб, вспомнил судьбу своей бабушки, дамы Мойры Рингесс, и спросил:

— А не мог ли воин-поэт запрограммировать старейшину Джанегга на убийство?

Этот простой вопрос заставил Харру удивленно вскинуть брови.

— Мы не уверены, что вы подразумеваете, говоря «запрограммировать».

Данло съел кусочек горьковатого тильбита и стал объяснять, как воины-поэты в давние времена разработали технику слель-мимирования, которой пользовались для ликвидации и контроля. Они заражают свою жертву микроскопическими роботами-бактериями, и те через кровь попадают в мозг. Там эти микросборщики заменяют нейроны миллионными слоями органических схем, мимируя разум и превращая человека в рабски повинующуюся машину. Кроме того, воины-поэты знают тайные наркотики, которые используют для контроля над людьми. Есть ли возможность, что Малаклипс мимировал старейшину Джанегга или впрыснул ему такой наркотик?

— Мы так не думаем, — ответила Харра. — До Койвунеймина Малаклипс и старейшина Джанегг ни разу не встречались.

— Странно все же, правда? Малаклипс, видимо, был готов убить старейшину Джанегга, как только тот убьет меня. Ликвидировать убийцу — это старая методика. Она известна еще с тех времен, когда Александр убил своего отца Филиппа Македонского на Старой Земле.

— Мы мало что знаем о Старой Земле, — вздохнула Харра и снова прикрыла глаза, как бы творя молитву. Потом осторожно надкусила тильбит и сказала: — Нам хотелось бы верить, что Малаклипс убил старейшину Джанегга случайно.

— Не странно ли, что эта случайность сделала открытие правды невозможным?

— Пожалуйста, скажите, что думаете об этом вы.

— Когда пуля взорвалась у старейшины Джанегга в голове, спасти его индивидуальность стало невозможно, да?

— Да. Взрыв полностью уничтожил его мозг и сделал невозможным закладку программ личности старейшины Джанегга в вечный компьютер. Ему отказано в преображении, и это страшная судьба. Но мы верим, что его еще можно спасти.

— Правда?

— В конце времен, в точке омега, когда Эде и вселенная станут единым целым, все Достойные будут спасены. Эде вберет в свою бесконечную память всю материю и энергию — и загрузит всю когда-либо существовавшую информацию. И тогда Он вспомнит старейшину Джанегга. Он запустит программу его души и его личности, и старейшина Джанегг вместе с другими Достойными Архитекторами будет жить вечно.

Данло, стараясь подавить улыбку, потер шрам над глазом.

— Значит, через сто миллиардов лет мы наконец узнаем, зачем старейшина Джанегг пытался убить меня. Но теперь расшифровать программы его погубленного мозга невозможно.

— Это так, — признала Харра, показав этим, что понимает позицию Данло. — Мы тоже думали об этом. Если заговор с целью убить вас действительно существовал, если кто-то зап-

рограммировал старейшину Джанегга на убийство, а затем планировал убить его самого — тогда любой вид смерти, оставляющий мозг нетронутым, поставил бы заговорщиков под удар.

— Ведь ваши сканеры способны считывать память уже мертвого, но не пострадавшего мозга?

— В стадии умирания это, во всяком случае, возможно. — Харра выпила немного чая. — Но нам не хочется верить, что Бертрам Джаспари или кто-либо другой мог запрограммировать старейшину Джанегга на вражду и ненависть к вам.

— Ненавидеть способен любой. — Внезапная боль прошила голову Данло, и он зажал глаза рукой, как будто это ему выстрелили в мозг из тлолта. — Любой способен... изнутри, сам по себе.

— Да, любой, — согласилась Харра. — Чудо в том, что вы исцелили старейшину Джанегга от его ненависти.

— Но я...

— Вы очистили его от этой страшной негативности своим дыханием и светом своих глаз. Мы видели это собственными глазами, пилот. Видели, как вы переписали эту ужасную программу.

— Но Джанегг сам исцелился. Я только сыграл ему мелодию.

Харра, приложив руку к чайнику, устремила на него долгий взгляд.

— «Человек, не знающий страха, который исцелит живых».

Данло улыбнулся при мысли о том, что Харра и другие Архитекторы могут видеть в нем исполнителя их древнего пророчества, но тут же посерьезнел.

— Я никого не исцелил. Старейшина Джанегг мертв.

— Мы думаем, что вы человек редкий и необыкновенный.

— Да нет же, я только...

— И какие замечательные вещи вы совершаете! Кто бы мог подумать, что вы наденете на себя священный шлем и найдете дорогу в наш Храм?

— Но разве шлем лежит на алтаре не для того, чтобы гости могли присутствовать на вашей контактной церемонии?

— Да, это так. Но мы еще ни разу не принимали у себя наманов.

— Даже наманы, — улыбнулся Данло, — умеют находить дорогу в кибернетических пространствах.

— Известные нам прежде наманы этого не умели. И даже дети Церкви долго обучаются протоколу контакта с компьютером.

— Но я — дитя звезд. Я пилот легкого корабля, а у пилотов вся жизнь проходит в контакте с компьютером.

— И вам знакомы все степени воспроизведения?

— Больше, чем кому-либо в Ордене, исключая цефиков.

Харра отпила еще глоток и вздохнула.

— Некоторые скажут, что мы должны были убедиться в этом, прежде чем предоставлять вам священный шлем.

— Например, Бертрам Джаспари?

Харра кивнула.

— Найдутся такие, которые скажут, что наману нельзя даже смотреть на священный шлем, а уж тем более надевать его на себя.

— Мне очень жаль.

— Нет. Это наша оплошность. Нам не приходило в голову, что вы вдруг воспроизведетесь в контактном зале.

— Вы хотите сказать — в виртуальном контактном зале?

Харра снова кивнула.

— Чуть ли не весь Таннахилл присутствовал в этом зале вместе с вами, пилот. Сто миллиардов Достойных видели, как вы преклоняете колени перед вечным компьютером Эде в вашей черной пилотской форме.

Точно ворон в стае китикеша, подумал Данло, вспомнив, как стоял на коленях среди всех этих мужчин и женщин в безупречно белых кимоно.

— Но я видел всего несколько тысяч молящихся, — сказал он.

— Это один из парадоксов воспроизведения, не так ли, пилот? — улыбнулась Харра.

— Да, наверное.

Они закончили завтракать. Харра прочла благодарственную молитву за ниспосланную им пищу, встала и прошлась по комнате. Казалось, что жизненная энергия переполняет ее, как птицу — и она, как птичка колибри, порхала с места на место, поправляя зеркало на стене, ощипывая сухие листья с комнатных растений, трогая лицо статуи Николоса Дару Эде.

Данло нравилось наблюдать за ней, нравилось изящество, которое она вкладывала во все свои движения, а еще больше — то, что она непрерывно осознавала себя как реализацию крохотной частицы Программы, написанной Богом для вселенной. Это сознание окрашивало все, что она делала. До того, как стать Святой Иви, она была эталоном секты юриддиков и верила, что жить следует строго по программам, изложенным в «Схемах». Но она подчинялась этим правилам не слепо, как мог бы подчиняться ивиомил. Ее побуждали соблюдать их не фундаментализм и не страх, а скорее благоговение перед жизнью.

Весь Архитекторский порядок ее бытия: пища, которую она ела и от которой воздерживалась, ее молитвы, ее слова и мысли, ее сношения со своим мужем — каждая деталь ее жизни должна была отражать ее любовь к Богу. Идеал эдеизма состоит в том, чтобы привносить Бога во все жизненные моменты и видеть бесконечный лик Эде в таких конечных вещах, как цветок или, скажем, пластмассовая чашка. В то время как ивиомилы и даже многие юриддики ценили «Схемы» только за то, что те указывают человеку благополучный способ существования во вселенной, полной самой поразительной техники, Харра поклонялась «Схемам» ради них самих. Каждая «схема», каждая молитва перед контактом или ритуальная формула, произносимая при рождении внуков, были для нее символическими жестами, дающими ей возможность сознавать Бога еще полнее. Все религиозные предметы в ее комнате, от образника и статуэток Эде до священного шлема, были священной кибернетикой, предписываемой «Схемами» всем Достойным. Каждая отдельная «схема» и каждое физическое воплощение

идеалов «Схем» служили ей точкой контакта с божественным. Харра жила в надежде, что ее народ взирает на Программу Эде для человека так же, как они взирает на таинственный лик Эде на дальней стене: с послушанием, с благодарностью, с верой и прежде всего с благоговейным изумлением.

— Мы прожили долгую жизнь, — задумчиво сказала Харра, возвращаясь к столу и садясь. — И видели много странных и чудесных вещей. Но самым странным, на наш взгляд, было явление со звезд пилота по имени Данло ви Соли Рингесс, ищущего центр вселенной.

— Я ищу не только его.

— Да, конечно, — еще лекарство от Чумы, которую вы называете медленным злом. Но мы боимся, что здесь вы его не найдете.

Данло молчал, глядя на свое черное пилотское кольцо.

— Не думаем мы также, что вы найдете на Таннахилле своего отца.

— Я не говорил, что ищу отца.

— Нет, не говорили. — Старое лицо Харры озарилось добротой. — Да вам и не нужно было. Выслушав рассказ воина-поэта и посмотрев на вас, мы заключили, что вы все-таки ищете этого человека — если он по-прежнему человек.

— Я... никогда не знал его.

— Тот, кто ищет своего отца, ищет себя. Кто вы, Данло ви Соли Рингесс? Мы все хотели бы это знать.

Данло снова промолчал, глядя в окно на океан.

— Что ж, — вздохнула Харра, — может быть, нам тогда лучше обсудить то, что вы ищете как посол своего Ордена. И как эмиссар нараинов.

— Я ищу только мира. Неужели найти его нет никакой возможности?

— Мы тоже ищем мирного решения проблемы еретиков.

— Правда?

Харра, отпив глоток мятного чая, медленно кивнула.

— Но другие цели вашего Ордена осуществить, возможно, будет труднее.

— Я только пилот. — Данло взял чашку теплого чая, налитую ему Харрой. — Я клялся только найти Таннахилл — ничего более. Возможно, мне следует вернуться к правителям моего Ордена, чтобы они направили к вам настоящего посла.

— Может быть, и так — со временем. Но сейчас у меня в доме гостите вы, а не кто-то другой. Вы, а не другой, излечили старейшину Джанегга — светом своих глаз, пилот, и своим чудесным дыханием.

Данло, глядя на мудрое лицо Харры, отпил глоток чая.

— Но мелодии, которые я играю на своей флейте, — какое отношение они имеют к тому, ради чего я поклялся найти Таннахилл?

— Самое прямое, быть может. — Харра поднесла к губам чашку и одарила Данло загадочной улыбкой.

— Звезды умирают. Их миллионы, этих чудесных огней, но люди убивают их одну за другой.

— Вряд ли вы хотели сказать «люди». Это мы, Архитекторы, убиваем звезды.

— Да.

— И ваш Орден просто-напросто просит нас остановить эту космическую бойню, так?

— Да.

Харра испустила долгий, печальный вздох.

— Мы бы очень хотели, чтобы это было так просто. Но хотя нет ничего проще любви Эде к своим детям, с Программой, написанной Им для вселенной, дело обстоит как раз наоборот.

— Что вы имеете в виду?

— Вы не задумывались, пилот, кто они — эти Архитекторы, разрушающие небесный свод?

— Они принадлежат к вашей Церкви, да? Это люди, которые носят белые кимоно и ищут лик Эде в свете взорванных звезд.

— Да, они принадлежат к Церкви, но не следуют ее заветам.

— Не понимаю.

— Мы говорим об Архитекторах Великого Паломничества — тех, кто был потерян для нас более тысячи лет. А также об ивиомилах и всех других, кого послали с Таннахилла в область, которую вы называете Экстр.

— Но ведь они все Архитекторы?

— Мы верим в это, но мы не можем просто связаться с ними и поговорить, как с другими нашими детьми — здесь, на Таннахилле, и в других мирах Известных Звезд.

— Понятно.

— Во время своих странствий, своего долгого паломничества к Эде, им приходилось нести Церковь в своих сердцах. И в священных компьютерах, установленных на их кораблях, — с печальной улыбкой добавила Харра.

— Но они по-прежнему повинуются доктринам Церкви? Всем этим святым заповедям, которые у вас называются программами?

— На это мы можем только надеяться.

— Стало быть, они несут с собой Тотальную Программу? Как дети, несущие факелы в сухой лес?

— Тотальная Программа входит в Программу Эде для вселенной.

— Уничтожить вселенную... чтобы спасти ее?

— Нет, пилот, — *переделать* вселенную. Быть участниками грандиозной архитекторской работы, осуществляемой вокруг нас.

— Понятно.

Харра, видя отчаяние на лице Данло, с улыбкой коснулась его руки.

— Мы должны рассказать вам о нашем понимании Тотальной Программы. Мы не верим, что она требует от нас уничтожения звезд.

— Правда? — Данло, как приговоренный, неожиданно получивший помилование, сразу оживился, и кровь резво побежала по его жилам.

— Но предупреждаем вас: это только наше мнение.

— Но ведь вы — Святая Иви.

— Возможно, со временем Церковь разделит наши взгляды.

— Понимаю.

— Те другие Архитекторы, миссионеры и пропавшие Паломники, понимают Программу иначе. А у нас нет возможности поговорить с ними.

Данло достал из кармана флейту и, глядя на ее золотой ствол, задумался над тем, что сказала ему Харра.

— Мой Орден всегда готовил пилотов, — сказал он наконец. — Сейчас мы создаем на планете Тиэлла новую Академию. Вы можете послать туда своих детей. Мы обучим тысячу новых пилотов, а со временем десять тысяч и больше. Мы построим десять тысяч легких кораблей и разошлем ваше понимание Программы по всему Экстру.

— Вы предлагаете нам союз между Церковью и вашим Орденом?

— Почему бы и нет?

— Желали бы мы, чтобы это было так просто.

— Если смотреть поглубже, во вселенной все просто.

— Вероятно — но такой союз представляется нам невозможным.

— Бертрам Джаспари будет против, да?

— Он и все ивиомилы объявят союз с наманами кощунством, даже хакром. Хотя мы полагаем, что старейшина Бертрам втайне желает если не самого союза, то связанных с ним благ.

— Понятно. Он хочет свободно путешествовать среди звезд, да?

— Мы полагаем, что именно к этому он стремится.

— Его цель — распространение Церкви в космосе?

— Не только. Он, как и мы, верит, что Архитекторам Великого Паломничества необходим Верховный Архитектор.

— Но Верховный Архитектор — вы.

— Но мы не будем жить вечно в этой оболочке. Вы должны знать, пилот, что старейшина Бертрам надеется стать Иви после того, как мы умрем и преобразимся. Он надеется стать Иви для всех пропавших Архитекторов Экстра и всех ивиомилов, по-

сланных в Экстр за последнюю тысячу лет. Большая паства — большая власть.

— А вы тоже надеетесь на это?

— Мы, конечно же, мечтаем объединить Церковь. Истинная Церковь существует во всех сердцах и во всех местах — мы хотим, чтобы все народы возрадовались бесконечной Программе Эде. Мы хотим распространить власть Бога повсюду.

— Понимаю.

— Нам хотелось бы верить, что старейшина Бертрам тоже хочет этого — хотя бы отчасти.

— Я еще не встречал никого, кто бы так старался найти хорошее даже в плохом человеке, — улыбнулся Данло.

— Но плохих людей нет. Есть только негативные программы.

— Хорошо, путь будут негативные программы, — опять улыбнулся Данло.

— Потому-то нам и кажется таким невероятным, что старейшина Бертрам хотел убить вас.

— Правда?

— Если бы вас убили, пилот, как мог бы старейшина Бертрам надеяться хоть когда-нибудь послать в Экстр пилотов-Архитекторов?

— Но вы сказали, что он против отправки таннахиллских детей на Тиэллу.

— Возможно, он надеется подготовить пилотов как-то по-другому.

Данло тихонько дунул в мундштук флейты.

— Кажется, я понимаю. Но я принес присягу, благословенная Иви. Я ни за что не стану готовить пилотов самостоятельно — ни для Бертрама, ни для кого-либо еще.

— Возможно, старейшина Бертрам думает, что есть другие способы овладеть вашим мастерством.

— Не нравится мне это слово — «овладеть».

— Мы боимся, что старейшина Бертрам — очень честолюбивый человек.

— А я боюсь... что испугаюсь его. Это дало бы ему еще больше власти, чем теперь, правда?

Еще довольно долго Данло и Харра, сидя в лучах солнца, обсуждали проблемы и политику Вселенской Кибернетической Церкви. Один робот убрал со стола, другой подал чай тохо, холодный, горьковато-сладкий. Они вернулись к надежде найти пропавших Архитекторов, уничтожающих звезды Экстра. Харра выдвинула идею: если учить таннахиллских детей на пилотов пока нет возможности, пусть пилоты Ордена возьмут Архитекторов-миссионеров на свои легкие корабли.

— И эти миссионеры передадут пропавшим Архитекторам ваш взгляд на Тотальную Программу?

— Мы боимся, что это будет не так просто.

— Да нет же, очень просто. Вашим миссионерам надо только сказать, что звезды благословенны и мы должны смотреть на них с любовью, как ребенок в глаза своей матери.

Харра улыбнулась, а потом и посмеялась в рукав своего кимоно.

— Нам кажется, вы большой романтик, пилот.

— Ну да, я такой.

— Мы не можем так сразу послать людей в Экстр, чтобы они проповедовали наш новый взгляд на Программу. Сначала мы должны ее отредактировать.

И Харра объяснила, что Тотальная Программа не входит в Священный Алгоритм, как и многие другие программы Церкви. В Алгоритме Эде, как мудрый отец, поучающий своих детей под деревом саби, говорит о природе жизни во вселенной и о том, как ее следует прожить. Люди толкуют эти слова по-своему и выводят из них императивы. Таким образом, за полторы тысячи лет космических странствий величайшие умы Вселенской Кибернетической Церкви сформулировали много программ. Все они собраны в «Комментариях», которые после «Схем» и самого Алгоритма считаются главнейшим трудом священного писания Церкви. «Комментарии», как позднее убедился Данло, представляют собой исторически-эволюционное исследование. Сначала какой-нибудь великий Архитектор — например Йорик Ивионген, — объясняет, что, на его взгляд, имел в виду Эде, когда сказал: «Вселенная подобна циклическому механизму». Затем другие мыслители коммен-

тируют откровение старейшины Йорика, а еще более поздние комментарии представляют собой полемику с каким-нибудь скромным теологом без особых заслуг и талантов. Именно так форматируются и редактируются церковные программы. И хотя внесение поправок в «Комментарии» является прерогативой всех Святых Иви, редактировать наиболее старые программы всегда трудно. И всегда опасно. Иви должен при этом держать руку на пульсе своего народа и прежде всего привлечь на свою сторону Койвунеймин — недостаточно просто призвать диссидентов-ивиомилов к повиновению, хотя верховный сан дает Иви на это полное право. Верховный Архитектор, игнорирующий благочестивый пыл старейшин, рискует привести свою Церковь к волнениям, к расколу и даже к войне.

— Вы должны понять, — говорила Харра, размешивая сахар в очередной чашке чая, — что нового Иви выбирают старейшины. И что программы, много раз отредактированные прежним Иви, новый может совсем отменить. Наш долг как всякого Иви — дать народу программы не на год, но на все времена. До конца времен, когда построение вселенной будет завершено. — Она хлопнула в ладоши, глядя на противоположную стену, и произнесла: — Первый кадр, пожалуйста.

При этих словах образ Николоса Дару Эде на мерцалевой стене начал таять, и его сменили изображения трех новорожденных младенцев, двух девочек и мальчика. На их пухлых розовых личиках застыло изумленное выражение, понятное при первом взгляде на чудеса этого мира. На каждом было новенькое белое кимоно из драгоценного хлопка, и вязаные белые добры покрывали лысые головенки.

— Вот они, мои крошки, — сказала Харра. — Мои правнуки. Тирза Ивиэртес, Изабель Ивиорван эн ли Эде, а мальчик... сейчас, минутку...

Харра закрыла глаза и сложила руки на груди — красивые руки с длинными сильными пальцами, до сих пор искусно перебирающими струны паутиной арфы.

— Мальчик — это Мерса Ивиэрсье, по линии моей четырнадцатой дочери, Валески Ивиэрсье эн ли Эде. У меня есть

другая дочь, Катура Ивиэрсье, и я, боюсь, иногда путаю их потомков.

Данло, не зная, что сказать, ответил банальностью:

— Красивые детки.

Головка Мерсы Ивиэрсье вследствие родовой травмы очень напоминала остроконечную голову Бертрама Джаспари, но Данло не кривил душой: для него все дети были красивыми.

— Да, очень. — И Харра рассказала Данло кое-что о своем браке со старейшиной Сароджином Эште Ивиасталиром, давно уже умершим от грибковой инфекции. Она родила в этом браке пятьдесят три ребенка, каждый год по ребенку, а потом уже, в возрасте шестидесяти восьми лет, начала свое восхождение по ступеням церковной иерархии. За последние шестьдесят лет ее род умножился и насчитывал теперь 1617 внуков, прямых ее потомков, многие из которых остались жить в ее родном городе, Монтелливи. Число правнуков на данный момент перевалило за десять тысяч: не было дня в году, сказала Харра, чтобы на свет не являлись один или двое новых людей, призванных изменить облик вселенной. — Мы очень стараемся помнить их имена, но теперь уже и у правнуков появляются собственные дети.

Выпив еще чашечку сладкого чая, Харра призналась, что каждое утро запоминает имена своего потомства и рассылает подарки к дням рождения.

— В помощь памяти наш Орден разработал такую дисциплину, как мнемоника, — сказал Данло. — Если хотите, я научу вас некоторым ее положениям.

— Это очень великодушно с вашей стороны, пилот. Мы слышали, что у вас самого память просто феноменальная.

Данло не сказал ей, что в четыре года уже запомнил всех своих предков до пятидесятого колена, и не стал говорить, что однажды в качестве упражнения представил себе имена и лица полумиллиона собственных потомков — в случае, если судьба когда-нибудь благословит его детьми.

— Настоящая проблема не в том, как мы запоминаем, а в том, почему мы забываем, — сказал он.

Харра с грустной улыбкой снова обратила взор к дальней стене и сказала:

— Следующий кадр, пожалуйста.

На мерцалевой стене тут же возникла новая картина. Около десяти тысяч крохотных Архитекторов стояли плечом к плечу, составляя групповой портрет семейства Харры.

— Мы не можем забыть, что каждый из наших детей — это звезда, — сказала Харра. — Каждый из нас — дитя Эде, и всем нам предназначено сиять.

— Да, сиять, — подтвердил Данло, не понимая пока, к чему Харра завела весь этот разговор о памяти и о детях.

— Вам знакома Программа Прироста, пилот?

— Это императив, предписывающий женщинам рожать помногу детей, да?

— Да. Это хорошая программа, священная, и мы все в нее верим. Разве Эде не сказал, что мы должны расти без препон и заполнять вселенную детьми наших детей? И все-таки...

— Да? — вставил Данло.

— И все-таки в самом начале истории Церкви было время, когда вопросы деторождения каждая супружеская пара решала самостоятельно.

— Понятно.

— У нас впереди масса времени, чтобы заполнить вселенную. Время есть Эде, и мы должны помнить, что Программа Прироста — это часть его Бесконечной Программы, которая будет действовать, сколько ей нужно, пока не остановится в конце всего сущего.

— Я не ивиомил, благословенная Харра, — с улыбкой заметил Данло, поглаживая флейту. — Меня в этом убеждать не надо.

— Да, наверно, — тихо засмеялась Харра. — Но мы действительно очень желали бы вразумить ивиомилов. Бертрам Джаспари сознательно закрывает глаза на то, что эту программу когда-то написали люди, такие же, как мы.

— Ее создали во времена Великой Чумы, да?

Харра чуть не выронила чашку от удивления.

— Откуда, пилот, вам может быть известно то, что так прочно забыли старейшины нашей Церкви?

— Я изучал вашу историю. — И Данло рассказал, что он каждое утро, надевая священный шлем, исследует разные кибернетические пространства. — Я отыскал ваши архивы, ваши исторические массивы — те, в которые доступ не запрещен. Там содержится много информации.

— Во время Чумы из каждых десяти детей умирало девять, а кое-где умирали девяносто девять из каждой сотни. Поэтому женщинам необходимо было рожать как можно больше.

— Но ваш народ пережил Чуму.

— Да, в отличие от многих других. Но мы верим, что заплатили за это дорогой ценой. Программа Прироста и по сей день сохраняет ту форму, в которой ее приняли Иви Сигрид Ивиасталир и старейшины ее Койвунеймина.

— И каждая женщина обязана родить не меньше пяти детей?

— Да, если она замужем.

— Но при этом ей желательно родить в десять раз больше?

— И еще больше, если ей дано. Таков идеал.

— Очень много детей получается.

— Слишком много, — тихо, почти шепотом, сказала Харра. — Слишком много наших людей питаются недостаточно хорошо.

Данло склонил голову, вспомнив, что значит быть голодным. Подростком, совершая путешествие в Невернес, он чуть не умер от голода на морском льду.

— Но ведь в Алгоритме сказано, что каждый преображенный будет вечно сыт бесконечным телом Эде?

— Да, но те, кто еще не преобразился, тоже должны что-то есть.

— Бертрам Джаспари сказал бы, что страдания, переносимые в этой жизни, — это тест, показывающий, кто достоин преображения, а кто нет.

— Да, сказал бы.

— И все ивиомилы поддержали бы его в том, что все страдания будут вознаграждены, когда Архитектор умрет и его «я» перейдет в вечный компьютер.

— Это все мои дети, пилот! — Харра показала на фотографию своей семьи. — Мои малютки. И они голодают. Истина о существовании зла и страданий входит в Четыре Великие Истины, но искать страдания без нужды — это хакр против Бога.

— Программа Прироста вызывает бездну страданий.

— Вот почему мы должны быть чрезвычайно осторожны при форматировании и редактировании программ.

— Программу всегда проще написать, чем переписать, да?

Харра кивнула.

— Ошибка, включенная в программу как решение временной проблемы, пусть даже очень серьезной, может причинить большой вред.

— Ошибка, — задумчиво произнес Данло. — Вроде вируса.

— Что вы имеете в виду?

— Иногда избавиться от ошибки становится невозможно, как от аномального вируса, внедрившегося в чью-то ДНК.

Харра печально улыбнулась этой жуткой метафоре.

— Мы боимся, что наша Святая Церковь всегда была консервативна. К сожалению, мы сохраняем не только позитивное, но и негативное.

— Такова суть каждого ортодоксального учения, разве нет?

— Да, вы правы.

— И все-таки ваша Церковь обеспечила себе путь к переменам.

— О чем вы?

— Я узнал, что Святые Иви могут принимать новые программы.

— И как же, по-вашему, это происходит?

— Я узнал, что Святая Иви является хранителем первого компьютера Эде. Первого вечного компьютера, в который он поместил свою душу.

— Не слишком ли много вы узнали? — улыбнулась Харра.

— Известно, что Программа Эде для вселенной внесена в этот компьютер и что одна только Святая Иви может контактировать с ней.

— Что еще вам известно?

— Что только Святая Иви может читать Бесконечную Программу Эде и решать, какие программы Церкви соответствуют ей, а какие нет.

— Неужели? — В темных, почти черных глазах Харры, устремленных на Данло, горел огонь нерушимой веры. Поток невысказанного прошел между ними, и Данло понял, что она никогда не пойдет на контакт с вечным компьютером Эде из экономических или политических побуждений.

— Если Святая Иви вдохновлена свыше, — сказал он, — и видит вещи в истинном свете, она, так там сказано, может переписывать старые программы или вводить совершенно новые. Это в ее власти, правда?

Харра выпила еще чаю и вздохнула.

— А не сказано ли там, что никто из Иви не пользовался этой властью уже пятьсот лет?

— Не знаю.

— Мы сознаем свою власть, пилот, но власть — непростая вещь. Мы имеем *возможность* контактировать с вечным компьютером Эде. И молимся о том, чтобы всегда использовать эту возможность для получения новых откровений.

— Да... понимаю.

— Мы обладаем также *полномочиями* принимать новые программы и вводить их в каноны Церкви — осуществлять перемены, как говорите вы.

— Ведь это и значит быть Святой Иви, да?

— Хотелось бы надеяться. Но мы не уверены, есть ли у нас *влияние*, чтобы заставить всю Церковь принять новую программу.

— Вы думаете, что ивиомилы не согласятся с новой Тотальной Программой?

— Очень может быть.

— И что они не примут новой редакции Программы Прироста?

— Старейшина Бертрам определенно сказал, что не примут.

— Значит, вы боитесь раскола?

Данло, сжимая в руках флейту, смотрел в грустные карие глаза Харры, а она смотрела на него. Потом она отпила глоток чаю и сказала:

— Да, мы боимся раскола. Чуть ли не больше всего мы боимся, что Архитектор восстанет на Архитектора в войне, которую ивиомилы неизбежно назовут фацифахом. Что эта проклятая священная война, в которую старейшине Бертраму не терпится ввергнуть всю вселенную, все-таки начнется. И все же...

— Да?

— Возможно, нам предоставляется великий шанс. Возможно, это критический момент для Церкви — и для самой Вечной Программы Эде.

Да, бесконечные возможности, подумал Данло, глядя на Харру. Он приложил флейту к губам и промолчал.

— Ввод новых программ может быть опасен, — продолжала она, — но опасно и то, что Церковь загнивает под спудом неверных программ. Где же риск больше?

— Я не знаю. Но если *вы*, благословенная Харра, уверены, что новые программы соответствуют Вечной Программе Эде, разве не должны вы попытаться ввести их, невзирая на риск?

— Мы боимся, что должны.

— Что же тогда?

— Мы пока не знаем, так это или нет. В данный момент у нас есть только наше личное понимание того, что требует от нас Вечная Программа Эде.

— Правда?

— И мы не смеем вступить в контакт с вечным компьютером, чтобы удостовериться в нем.

— Вы боитесь того, что можете там найти?

— Нет. Просто время еще не настало. Разве не сказано в Алгоритме, что во мраке безнадежности явится знамение, как падающая звезда в ночи? Мы ждали такого знамения, пилот.

Данло не понравилось, как Харра на него смотрит, и он перевел взгляд на свои руки, сжимающие флейту.

— Что это за знамение? — спросил наконец он.

— Мы верим, что ваше пришествие со звезд и есть знак.

— А если нет?

Харра улыбнулась и процитировала:

— «Однажды, когда вы будете близки к отчаянию, явится к вам человек со звезд. Этот человек, не знающий страха, который исцелит живых, и войдет к мертвым, и посмотрит на небесные огни внутри себя, не утратив разума».

— Но текст пророчества и то, что произошло между мной и старейшиной Джанеггом, — это ведь только совпадение, — сказал Данло.

— То, что вы сейчас произнесли, это ересь. Все, что мы делаем, происходит в соответствии с Вечной Программой Эде. Верить в случай недопустимо.

— Прошу прощения.

Харра наклоном головы дала понять, что Данло прощен, и продолжила цитату:

— «В темные времена он будет светоносцем и, подобно звезде, укажет вам путь ко всему, что возможно».

— И вы правда верите, что я светоносец?

— Каждый человек светел, если он составляет часть озаряющей вселенную Программы Эде. Но тот ли вы светоносец, о котором сказано в пророчестве? Это нуждается в проверке.

Данло, слишком хорошо помнивший испытания, которым подвергла его Твердь на созданной Ею Земле, не спешил соглашаться с Харрой и только смотрел на нее, перебирая дырочки своей флейты.

— Успешный результат, — сказала Харра, — послужит знаком, что мы можем вступить в контакт с вечным компьютером и запросить божественное мнение относительно программ, о которых мы говорили.

— Понятно.

— Мы верим, что это будет также знаком вступления Церкви в новую эру — возможно, даже в Последние Дни перед Точкой Омега. Мы верим, что большинство Достойных Архитекторов воспримет это именно так.

— Понятно.

— Возможно, мы сможем осуществить величайшие перемены. И даже послать наших детей на Тиэллу, чтобы они выучились и стали пилотами.

— Невозможное на самом деле возможно, правда?

Харра мимолетной улыбкой выдала нехарактерное для себя нетерпение и спросила:

— Вы согласны пройти испытания, пилот?

Данло закрыл глаза и выдул из флейты тихую, почти неслышную ноту. Мысленным взором он видел, как неотвратимо надвигается на него будущее, белое и дикое, словно зимняя вьюга.

— В чем состоят эти испытания? — спросил он наконец.

— Первое из них вы уже прошли. Человек без страха, который исцелит живых, — мы все видели, что это вы, пилот. Видели ваше бесстрашие и ваше сострадание, когда вы излечили старейшину Джанегга от его безумия.

— Но ведь это вышло случайно?

— Мы уже говорили, что случайно ничего не происходит.

— Значит, остаются еще два испытания.

— Да.

— Пожалуйста, расскажите мне о них.

— Человек, не знающий страха, войдет к мертвым.

— Но что это значит? — с участившимся внезапно сердцебиением спросил Данло.

Харра нервно заглянула в свою чашку, как если бы то, что она собиралась сказать, граничило с кощунством.

— Это может означать только одно: светоносец должен вступить в контакт с вечным компьютером. Одним из тех, где хранятся души умерших и преображенных Архитекторов.

— Вы просите меня войти в пространство, занятое умами умерших? — Данло предпочел бы, чтобы его похоронили заживо в братской могиле, набитой старыми трупами.

— Только если вы светоносец. Если вы готовы войти к мертвым.

Данло снова выдул из флейты ноту, длинную и зловещую.

— Это очень опасно, да?

— Да, это опасно.

— Даже мастер-цефик моего Ордена отказался бы войти в такое пространство.

— Как и любой Архитектор. Вы будете первым.

— Понятно.

— Человек, не знающий страха, пилот.

— В случае, если я выживу, останется еще последнее испытание, так?

— Человек, не знающий страха, посмотрит на небесные огни внутри себя и не утратит при этом разума. Вы должны будете увидеть себя как отражение Бога и не дать свету уничтожить вас.

— Понятно.

— Вам правда понятно?

Данло отложил флейту, подумал и сказал:

— Вообще-то нет.

— У нас, Архитекторов, существует церемония, которая называется светоприношением. Составляется модель разума того, кто приносит жертву, модель его личности и души. Модель строится голографически, в виде миллиарда священных огней. Архитектор, совершающий светоприношение, выносит на всеобщее обозрение картину своего сознания и своих программ. Если он достоин, он заранее очищается от негативных программ и вводит новые. Тогда свет и краски его приношения являют поистине прекрасное зрелище. Нет красоты величественнее, чем красота разума, сосредоточенного на славе Бога Эде.

— И вы хотите, чтобы я тоже сделал такое приношение?

— Только если вы согласитесь на это по собственной воле.

— Я должен буду посмотреть на эту модель? На эти небесные огни?

— В этом и состоит испытание.

— Думаю, что это тоже опасно.

— Мы боимся, что это очень опасно, пилот.

— Кто-нибудь уже смотрел на модель собственного мозга?

— Случалось.

— Люди смотрели на собственный разум в тот самый момент, когда разум был занят этим самосозерцанием?

— Да. Они пытались увидеть отражение бесконечного в собственном свете.

«Глядя в черное сияющее небо, ты видишь только себя, ищущего себя самого», — вспомнил Данло.

Он выдул из флейты высокую пронизывающую ноту, и его глаза наполнились волей к познанию неизведанного.

— Обратная связь может иметь опасные последствия, — сказала Харра. — Деперсонализация, утрата личности, чисто экзистенциальная дурнота. Само зрелище глубоких программ сознания, вид того, что управляет тобой, может быть ужасен.

Огни твоего «я», которые обжигают и ослепляют, подумал Данло и стал играть нечто странное и глубокое. Он играл, пока Харра не заглянула в самую глубину его синих глаз.

— Все, кто пытался посмотреть внутрь себя таким образом, — сказала она, — лишались разума.

Данло снова отложил флейту и спросил:

— Почему же вы надеетесь, что я добьюсь успеха там, где потерпели неудачу другие?

— Если вы светоносец, вам это по силам.

— И если у меня получится, то я точно светоносец?

— Да.

На девять ударов сердца Данло задержал дыхание, глядя в темные зеркала глаз Харры Иви эн ли Эде. Казалось, что время, все, сколько есть, словно меч, подвешенный на шелковой нити над его головой, зависит от того, что он сейчас скажет.

— Я согласен пройти ваши испытания, — сказал он и подумал: решение принимать легче всего тогда, когда у тебя, в сущности, нет выбора.

— Мы надеялись, что вы согласитесь.

— Я согласен, только...

— Что, пилот?

Данло показал за окно. Там, внизу, далеко под нулевым уровнем города, накатывали на берег пенные валы.

— Обещайте, что, если я тоже сойду с ума, меня отведут к морю и оставят там одного.

— Но вы же можете утонуть!

— Да.

— У вас не будет ни воды, ни пищи, и воздух там плохой — вы погибнете.

— Возможно. Но будет гораздо хуже, если меня запрут в одном из ваших хосписов на тринадцатом уровне. Лучше уж умереть под звездами.

Такой поворот разговора явно огорчил Харру. Она заломила руки, и ее улыбка стала страдальческой. То, что предлагал Данло, любой Архитектор счел бы самой страшной судьбой из всех возможных: умереть реальной смертью одному, в мучениях, без надежды преобразиться в вечном компьютере.

— Вы в самом деле хотите этого?

— Да, хочу.

— Хорошо. Но обещайте и вы нам, что не будете думать о подобном варианте. Вы должны думать только о благоприятном исходе.

— Хорошо... обещаю.

Харра склонила голову, скрепляя то, что они пообещали друг другу, и расстегнула стальную цепочку, которую носила на шее. На цепочке качался, описывая красивую дугу, черный кубик компьютера-образника.

— Это принадлежало моему мужу. — Харра с доброй улыбкой вложила кубик в руку Данло. — Хотите надеть его на себя?

— Как пожелаете. — Данло, изумленный этим нежданным подарком, ловко застегнул цепочку. — Спасибо, благословенная Иви.

— Пожалуйста. Носите это в знак доверия и надежды, которые мы возлагаем на вас.

Данло наклонил голову, в глубоком молчании глядя на Харру.

— Как только приготовления будут закончены, — сказала она, — мы пришлем за вами, чтобы проводить вас в Храм.

— Я прощаюсь с вами до того времени, благословенная Харра.

— Я прощаюсь с вами до того времени, Данло ви Соли Рингесс.

Она проводила его до двери. Возвращаясь в свои комнаты по тихим коридорам с портретами самых прославленных Святых Иви Вселенской Кибернетической Церкви, Данло думал о предстоящих ему испытаниях и представлял себе, каково это будет — войти к мертвым и взглянуть на благословенные огни у себя внутри.

Глава 20

ОБИТЕЛЬ МЕРТВЫХ

От несуществующего приведи меня к существующему.
От тьмы приведи меня к свету.
От смерти приведи меня к бессмертию.

Упанишада Бригадараньяки

Речь мертвых пишется языками огня, что превыше речи живых.

Т.С. Элиот, «Литтл Гиддинг»

Следующие несколько дней Данло провел в своих комнатах и занимался в основном тем, что ел, медитировал и играл на флейте. Желая поговорить, он шел к образнику, стоящему на алтаре рядом с контактным шлемом, и говорил с Николосом Дару Эде, если этот механический и утомительный обмен словами заслуживал названия разговора. Случалось, однако, и такое, что светящийся призрак человека, который некогда стал Богом Эде, удивлял Данло. Однажды, задав свой обычный набор вопросов относительно возвращения своего замороженного тела и предупредив Данло о возможных заговорах против его жизни, Эде вызвал на своих сияющих устах улыбку и сказал:

— Эти Архитекторы сделали посмешище из всех моих открытий. Из всего, чему я их учил. Меня просто мутит от них. Если бы я мог блевать, меня бы вырвало.

Единственным реальным существом, с которым Данло общался в период своего ожидания, был Томас Ивиэль, один из служителей дворца Святой Иви. Этот худощавый подозрительный человек поначалу вел себя очень сдержанно. Каждый вечер после ужина он заходил к Данло, чтобы убедиться, что алтарь, столы и прочие пластмассовые поверхности безупречно чисты и что у гостя есть все необходимое. На первых порах он едва удостаивал намана нескольких слов, но неизменная приветливость Данло заставила его смягчиться. От него Данло узнал, что Малаклипс проживает в другом крыле дворца, что Бертрам выговорил себе право посещать воина-поэта в его комнатах; Святая Иви дала ему разрешение, опасаясь преждевременно настроить против себя ивиомилов и большинство Койвунеймина. Бертрам приходил уже пять раз, и никто не знал, о чем говорят эти двое, — даже Харра, запретившая устанавливать подслушивающие устройства в комнатах воина-поэта.

Но вот настал день, ничем не отличающийся от других дней Орнис-Олоруна — воздух оставался таким же спертым, а свет таким же искусственным, — когда Харра известила Данло, чтобы он приготовился ко второму испытанию. Служители проводили его к чочу, который ждал на ступенях дворца. Святая Иви лично встретила Данло у подножия лестницы и объявила, что поедет с ним. Это было великой честью, и толпы Архитекторов вокруг дворца разразились криками «ура», глядя, как Данло садится рядом с Харрой.

Весть о будущем испытании распространялась, очевидно, гораздо быстрее, чем двигался чоч. Народ толпился вдоль всего короткого маршрута, дивясь на Святую Иви, едущую в одном чоче с наманом, который вполне мог оказаться светоносцем. Архитекторы, мучнисто-бледные, в белых кимоно, текли из ближних домов, как термиты. Чоч медленно ехал мимо Мавзолея Эде и Храма к месту, где Данло предстояло выжить или умереть, и везде, куда ни посмотри, стояли толпы людей. Данло, насчитав полмиллиона, сбился и сосредоточил свое внимание на здании, к которому они приближались.

Это был большой черный куб из налла, твердого пластика намного прочнее стали. Говорили, что стены у него тридцать футов толщиной. Дом Вечности, который воздвигли для себя Архитекторы, мог выдержать как медленный огонь времени, так и водородный взрыв. В нем хранилось величайшее сокровище Церкви, дороже золота, огневитов и джиладского жемчуга. Там в холодных темных склепах стояли рядами компьютеры, вечные компьютеры Вселенской Кибернетической Церкви, заключающие в себе души всех умерших и преображенных Архитекторов. Живые Архитекторы называли это жуткое место Обителью Мертвых и боялись его, мечтая в то же время когда-нибудь тоже занять свою долю пространства в этом кибернетическом раю.

Данло, вышедшего из чоча, встретило громовое «ура», исторгаемое сотнями тысяч глоток, а из Дома Вечности к нему вышли двенадцать смотрителей. Двести мрачных храмовых охранников образовали кордон вокруг Данло и Харры, сопровождая их вверх по длинным черным ступеням Дома. Страх перед террористами висел в воздухе, как запах смерти и болезней, который Данло чуял повсюду в этом бесконечном городе. Далеко не все здесь радовались его появлению. Приветственные крики и стук его собственного сердца часто перекрывались улюлюканьем и требованиями убраться с Таннахилла.

— Убирайся домой, наман! Смерть наманам! Умри реальной смертью в Обители Мертвых, наман!

По обе стороны ступеней охранники поставили лазерную изгородь, чтобы отпугнуть любого, кому взбредет в голову напасть на Святую Иви. За изгородью, на самом краю черной лестницы, стояли Бертрам Джаспари, Едрек Ивионген, Фе Фарруко Эде, Хоно эн ли Ивиов и многие другие старейшины. Кислолицый остроголовый Бертрам хранил мертвое молчание, но это не мешало толпе стоящих за ним ивиомилов выкрикивать угрозы в адрес Данло. Самые отчаянные даже кидались гнилыми фруктами или плевались, но все это сгорало в лазерном огне, превращаясь в шипящий пар. По их злобным синюшным лицам чувствовалось, что настроены они воинствен-

но, даже мятежно. Харра, решив провести свои испытания, ступила на тонкий лед. Если Данло сегодня останется в живых, это поможет ей осуществить задуманные перемены, но самое ее предположение, что Данло может быть светоносцем, давало ивиомилам повод к расколу. Данло хорошо помнил, что прошлая война, вспыхнувшая внутри Вселенской Кибернетической Церкви, стоила жизни миллиардам человек и что она до сих пор продолжает убивать его собственный народ — алалоев.

В довольно тесном портике на вершине лестницы смотрители поставили для Харры пюпитр, взятый из Койвунеймина, — массивное сооружение из железного дерева, инкрустированное золотом. Харра медленными, хорошо отработанными движениями взошла на свое место. Данло стоял перед ней, держа в левой руке шакухачи. На мизинце правой руки сверкало черным блеском его пилотское кольцо. Одет он был в черную пилотскую форму и черные сапоги, на шее висел черный кубик декоративного образника, подаренный ему Харрой.

Когда-то, во время своего посвящения в мужчины, Данло завоевал право носить перо снежной совы. Раньше он думал об этой редкой белой птице как о своем втором «я», волшебном существе, заключающем в себе половину его души. Он давно уже преодолел эти примитивные верования, но реликвию из своего прошлого, как ни странно, считал правильным носить и теперь. Вот и сегодня, собираясь на церемонию, он закрепил белое перо Агиры в своих густых черных волосах. Сейчас, перед входом в темное здание, он потрогал его, мысленно обращаясь к той части себя, которую так надолго оставил в забвении. Агира, Агира, ло лос барадо, шептал он про себя. Он стоял перед золоченым пюпитром Харры, ожидая ответа, который так долго искал. Сов и других диких птиц на планете Таннахилл не водилось, но он все-таки услышал тонкий, пронизывающий крик. Правда, он тут же опомнился и сообразил, что это звук ста тысяч голосов, выкликающих его имя. А может быть, этот звук шел из будущего — может быть, Данло скраировал и слышал, как кричит он сам в безумии и муках.

Агира, Агира, молился он про себя.

Затем Харра кивнула одному из смотрителей, и он призвал собравшихся к тишине. Власть программ, вписываемых Церковью в душу и плоть каждого человека, была так велика, что несметные толпы, сгрудившиеся на землях Храма, послушно умолкали. Никто, даже Бертрам Джаспари или любой другой ивиомил, не посмел бы помешать Святой Иви, когда она желала говорить. И Харра заговорила.

Воспользовавшись случаем, она произнесла довольно длинную речь. Своим сильным и исполненным доброты голосом она напомнила всем собравшимся об их долге по отношению к Богу и об их мечте — о том времени, когда вселенная будет переделана и все достойные мужчины и женщины обретут спасение от черной бездны небытия.

— Для нашей Святой Церкви настало время великих перемен, — говорила Харра. — Возможно, это даже начало Последних Дней, когда вся вселенная должна обновиться. Мы, Архитекторы, всегда должны быть готовы к будущему — даже к столь непредвиденному событию, как пришествие со звезд пилота-намана. Мы собрались здесь сегодня, чтобы испытать, действительно ли этот человек, Данло ви Соли Рингесс из Невернеса, есть вестник грядущего. Тот ли он светоносец, который укажет нам путь ко всему, что возможно? Тот ли он человек, не знающий страха, который войдет к мертвым? Скоро мы это узнаем.

С этими словами Харра кивнула двум старым смотрителям, и они отворили налловые двери позади ее пюпитра. Данло заглянул в здание, где ему предстояло провести несколько последующих часов — а быть может, остаток своей жизни. Внутри было темно, как в глубокой яме. Харра намеревалась ждать результатов испытания за своим пюпитром. Данло в последний раз склонил перед ней голову, улыбнулся и посмотрел на громадную толпу внизу. С краю, рядом с Бертрамом, стоял Малаклипс Красное Кольцо и тоже смотрел на него. Кимоно воина-поэта сверкало всеми цветами радуги, лицо выражало живейшее любопытство. Данло заглянул в его глубокие лиловые глаза, и ему показалось, что воин-поэт говорит ему: если

хочешь приготовиться к смерти, научись сначала жить. А отец говорил: чтобы жить, я умираю, вспомнил Данло. Он потрогал перо в волосах, потрогал пилотское кольцо, сжал в руке бамбуковую флейту и, вооруженный этими маленькими атрибутами жизни, повернулся спиной к городу Орнис-Олоруну и вошел в Обитель Мертвых.

Двери закрылись за ним, и Данло оказался в пространстве огромном и черном, как Большой Морбио. Но на этом сходство и заканчивалось, ибо Дом Вечности был весь заставлен штабелями компьютеров. Их были тысячи, этих маленьких черных ящичков; каждый из них имел форму правильного куба и не превышал размером компьютер-образник, который всякий Архитектор носит с собой повсюду. Компьютеров было так много, что они едва оставляли место для прохода. Дом Вечности представлял собой единственное учреждение Церкви, закрытое для большинства Достойных Архитекторов и для миллионов паломников, ежегодно наводняющих Орнис-Олорун; это темное хранилище строилось для компьютеров, а не для людей. Здесь стоял такой холод, что один из смотрителей прямо у порога вручил Данло бабри — стеганный синтетический плащ из фурина или полиэстера. Данло закутался в него, как младенец в одеяльце, и смотритель повел его между рядов компьютеров в глубину здания.

В этом странном месте было очень тихо. Данло тоже старался ступать потише, но его сапоги грохотали, как айсберг, отламывающийся от ледника. Он снова стал слышать стук своего сердца. Пахло здесь холодным потом и пылью, помимо химического запаха самого налла. В центре здания находился квадрат наподобие маленькой комнаты, огороженной четырьмя компьютерными стенами. Здесь смотрители, положив на пол тонкий старый мат и несколько бабри, соорудили нечто вроде постели. Один из них, старик, назвавшийся Чеславом Ивионгеном, предложил Данло лечь на нее. Любой другой счел бы обстановку, в которой проводился столь важный эксперимент, оскорбительной — Данло она показалась просто странной. Он улегся на твердый пол и сразу понял, что не хочет здесь оставаться. Он старался ле-

жать тихо, как мертвый, но холод налла тут же пронизал его насквозь, и его затрясло.

— Принесите, пожалуйста, еще один бабри, — сказал кому-то Чеслав Ивионген. — Надо устроить пилота поудобнее.

В огороженном пространстве было темно, и Данло почти чувствовал, как расширяются его зрачки, стараясь вобрать побольше света. Харра говорила ему, что Чеслав — брат Едерека Ивионгена и один из самых видных городских ивиомилов. Старик, видимо, страдал грибковой инфекцией, поскольку его кожа имела красноречивый синюшный оттенок. Тощий, с голым блестящим черепом, он двигался вокруг Данло, как оживший скелет — только что костями не клацал.

— Добро пожаловать, Данло ви Соли Рингесс. — Говорил он отрывисто и хрипло, точно выкашливая из себя холодный воздух. — Большинство людей входят в Дом Вечности лишь после смерти, но мы с вами еще не достигли этого блаженного состояния, верно? Ничего, скоро мы покинем свои смертные тела — и с вами это случится раньше, чем со мной, пилот.

Он громко засмеялся и захрустел суставами, словно погремушкой затряс.

— Скоро ли мы начнем? — спросил Данло, глядя в черный потолок.

— Скоро, скоро. Сначала нужно сделать копию вашей души.

Данло, глядя на снующих вокруг смотрителей, задумался над тем, что Архитекторы понимают под словом «душа». На современном иштване эта почти неразрушимая форма личности, сохраняемая в вечном компьютере, называлась «паллатон». Паллатон — не что иное, как чистая информация, модель сознания, закодированная единицами и нулями и замороженная в виде электронного слепка на алмазном диске. Умершего Архитектора помещают в холодную преобразительную камеру, оборудованную компьютерами, роботами, микроскопами, лазерными сверлами и игольными ножами. Там его мозг препарируется нейрон за нейроном, вплоть до связующей сети дендритов и аксонов, и сканеры составляют модель, включающую в себя триллионы соединений. Затем мо-

дель помещается на алмазный диск и поступает в хранилища Дома Вечности, а тело отправляется в плазменную печь крематория.

Данло, лежа на своей подстилке, наблюдал, как смотрители снуют вокруг с этими самыми алмазными дисками. Каждый диск был величиной с листок дерева ши, только круглый. Задача смотрителя — доставить диск из преобразительной камеры к месту его вечного хранения, и он обращается с этим прочным алмазным изделием, как с живым глазным яблоком. На одном таком диске помещается несколько тысяч паллатонов — неудивительно, что смотрители относятся к ним, как к самому ценному, что есть во вселенной.

— Моей души, — повторил Данло. — Моего паллатона, как вы говорите.

Кто-то из смотрителей, еще один болезненный старец, подал Чеславу Ивионгену серебряный шлем. Чеслав, не только старший смотритель, но и мастер-программист, холодно улыбнулся Данло.

— Мы попытаемся сделать временный паллатон. Если вы, конечно, не хотите произнести символ веры, пройти очищение и умереть реальной смертью.

— Нет, пока не хочу, — с улыбкой ответил Данло.

— Тогда позвольте мне надеть на вас этот компьютер, — Чеслав постучал костяшками по шлему, — и он отсканирует ваш мозг в живом состоянии.

Данло отсчитал десять ударов сердца и сказал:

— Хорошо.

Он сел, чтобы дать Чеславу произвести устрашающую операцию помещения его головы в компьютер. Чеслав, кряхтя и охая, напялил шлем на густую шевелюру Данло. Его прерывистое, нездоровое дыхание наполняло тесное помещение гнилостным запахом.

— Ну вот. Очень уж у вас голова большая. Можете лечь.

Около Данло, точно по сигналу, возникли еще пятеро смотрителей. Их недружелюбные глаза на мучнисто-бледных лицах казались Данло черными дырами, всасывающими в себя его душу. Все они, включая женщину по имени Рамона Ивиэсса

Эде, были программистами и любопытствовали знать, какую модель снимет сканер с живого мозга Данло. Если бы им разрешалось делать ставки, кое-кто из них поставил бы на немедленную смерть пилота. Трое, впрочем, полагали, что ничего такого не случится. Данло еще жив, и поэтому сканер сделает лишь черновой эскиз его мозга, не идущий в сравнение с вечными паллатонами, выполненными куда более мощными компьютерами. Временный паллатон не является подлинным, утверждали они, поэтому Данло ничего не грозит.

Другие, в том числе и сам Чеслав Ивионген, были в этом не столь уверены. Сблизив свои голые черепа, они смотрели на Данло, и на их мрачных лицах читалось сомнение. Похоже, они боялись, что самая процедура моделирования может украсть у Данло душу, оставив его холодным и бездыханным. Если душу человека действительно можно перенести на алмазный диск, что тогда останется от его жизни? Ведь не две же у человека души и не двадцать тысяч — столько же, сколько копий способна сделать машина? Не может же человек одновременно существовать как личность и во плоти, и в световых импульсах внутри вечного компьютера? Вот хорошие вопросы для теологов, думал Данло.

Лежа на мате и чувствуя, как сдавливает голову тяжелый шлем, он в десятитысячный раз за свою жизнь погрузился в размышления о природе сознания. Он думал о себе, о своей душе, и эти мысли, заодно с ледяным холодом пола, пронизывали его тело волнами страха.

— Это займет некоторое время, — сказал ему Чеслав Ивионген. — Иногда я буду задавать вам вопросы, а вы, уж пожалуйста, отвечайте.

Во время этой части эксперимента Данло, по правде сказать, не чувствовал почти ничего. Он лежал на твердом полу, пытаясь сдержать дрожь. Минут через десять, по его оценке, ему это удалось. Пахло здесь скверно: кетонами, потом, грибковой болезнью и черной толщей налла, но он старался на заострять на этом внимания. Он лежал с закрытыми глазами, прижимая к животу флейту, дышал глубоко и ровно и вспоминал все мелодии для шакухачи, когда-либо сочиненные им.

Время благодаря этому струилось быстро и незаметно, как вода по стеклянной трубке. Данло ждал, когда же Чеслав начнет задавать ему вопросы, и удивился, когда тот попросил его сесть.

— Позвольте снять с вас шлем, пилот. Мы закончили.

Данло сел, и двое смотрителей своими костлявыми пальцами сняли шлем у него с головы. С великим облегчением он ощутил холод на своих мокрых, слипшихся волосах.

— Так скоро? — спросил он. — Значит, вам не удалось снять копию с моего мозга?

— Это продолжалось два часа, пилот, — с мрачной улыбкой объявил Чеслав. — Поэтому я не думаю, что мы потерпели неудачу. Впрочем, скоро мы это увидим.

Он кивнул одному из смотрителей, и тот унес шлем куда-то во тьму. Данло объяснили, что он передаст шлем команде программистов в преобразительной камере, и собранная сканером информация будет загружена в большой компилирующий компьютер. Эта машина размером с целый дом и составит модель души Данло, после чего паллатон — точнее, временная копия личности, — будет записан на алмазный диск.

— Долго ли еще ждать? — спросил Данло. Терпеливый обычно как камень, он боялся следующей фазы эксперимента и хотел приступить к ней как можно скорее.

— Недолго, — заверил Чеслав. Его скрипучий голос звучал среди штабелей компьютеров, как скрежет металла по металлу. — Вот достойный Николаос уже и возвращается, — добавил он, оглянувшись через плечо.

Тот же изможденный смотритель приблизился к ним по темному проходу и вложил в протянутую руку Чеслава диск.

— Ну вот, можно сказать, и вы, — сказал Чеслав, с загадочной улыбкой показывая на диск Данло. Отложив флейту, Данло осторожно взял в руки алмазную пластинку. — Он сделан специально для испытания. На нем записан только ваш паллатон.

— Понятно. — Данло смотрел на твердый блестящий кружок, смутно различая в нем отражение своего лица.

— Насколько мне известно, еще ни один Архитектор не держал в руках того, что держите вы. И не видел того, что вы видите.

— Понятно.

— Из всех деяний нашей Святой Иви это обещает стать самым странным. И самым опасным.

— Многие были против этого испытания, да?

— Очень многие, пилот. Быть преображенным при жизни — не могу передать, каким кощунственным и каким желанным это представляется каждому Архитектору.

— Понятно.

— Это просто немыслимо. Алгоритм особо предостерегает нас против подобных актов.

— Я сожалею.

— Впрочем, есть одно исключение из этого правила.

— Да?

— Алгоритм разрешает преображение при жизни во времена фацифаха, когда Достойные могут быть убиты в бою. В виде страхования от реальной смерти.

— Значит, я правда преобразился?

Чеслав посмотрел на Данло тяжелым, холодным взглядом.

— Кое-кто сказал бы, что да, но я так не думаю. Мы просто записали ваш временный паллатон.

Данло снова взглянул на зеркальный диск у себя в руке. Отражение было расплывчатым, и он не видел своих глаз, темно-синий цвет которых всегда удивлял его.

— Но ведь вы верите, что на этом диске записано мое «я»?

— Люди верят в разные вещи, — уклончиво промолвил Чеслав. — Сторонники нашей Святой Иви, к примеру, четко видят разницу между временным паллатоном и вечным. Они прямо-таки ухватились за эту разницу. Они мастера вести богословские споры и утверждают, что никакого кощунства здесь сегодня не совершается и что дух Алгоритма соблюден. На это, думаю, наша Святая Иви и надеется. Это ее ставка, ее план.

— Значит, вы думаете, что я преобразился только временно?

— Запись паллатона — еще не преображение.

— Нет?

— Человек не преображен, пока диск с его паллатоном не загружен в вечный компьютер. Затем запускается программа, паллатон виртуально оживает. Говорят, что при этом тебе открывается рай — молния, свет и вся существующая информация... но право же, не будем говорить об этом, пилот, ибо только мертвые знают, что такое смерть.

— Как же тогда я узнаю... то, что могут знать только мертвые?

— Вы увидите алам аль-митраль, — с угрюмой улыбкой ответил Чеслав. — Мы создадим для вас симуляцию нашего кибернетического рая, и вы войдете в это священное пространство.

И Чеслав, потирая лысый череп, объяснил, что алам аль-митраль, вместилище душ умерших Архитекторов, отрезано от реального пространства и войти в него не так-то просто, однако способ есть. Он, Чеслав Ивионген, мастер-программист и Хранитель Дома Вечности, открыл, как живой человек наподобие Данло может войти к мертвым. Все составляющие Данло — его любопытство, его бесшабашность, его доблесть, его любовь к играм и к правде — все это и многое другое преобразуется в компьютерный код, в программу под названием паллатон. Очень скоро этот паллатон будет загружен в один из вечных компьютеров, где присоединится к триллионам паллатонов умерших и преображенных Архитекторов. Душа и разум Данло вольются в паллатонову вселенную в виде пылающих единиц информации. Другие паллатоны примут его как своего и будут общаться с ним, как с другим паллатоном.

— Кто вы, Данло ви Соли Рингесс? Посмотрим, верно ли мы ухватили вашу суть, ваши глубокие программы. Скоро паллатоны всех преображенных вступят в контакт с паллатоном Данло из Невернеса. Если вы готовы, мы создадим симуляцию такого контакта.

Данло смотрел на диск. Там мерцали маленькие цветные блики — голубые, фиолетовые и золотистые.

— Я готов подключиться к виртуальности, которую вы называете алам аль-митраль. Готов посетить кибернетический рай. В этом ведь и состоит мое испытание. Не так ли?

Данло отдал диск достойному Николаосу, и тот унес его, а потом вставил в черный куб одного из вечных компьютеров.

— Ну, вот вы и преобразились, — сказал Чеслав. — Временно, так сказать. В этот самый момент ваш паллатон испытывает нечто чудесное. Каждый компьютер в этом здании связан с каждым из остальных и со всеми вечными компьютерами Таннахилла. Пора и вам испытать эти чудеса, Данло Звездный.

Данло не понравилось, как улыбнулся при этом Чеслав — хранитель оскалил свои кривые желтые зубы, и сознание мрачной необходимости заволокло ему глаза. Данло спросил себя, как может простая компьютерная программа испытывать что бы то ни было, но тут в синих руках Чеслава появился новый шлем. Что, по мнению этого старика, испытает сейчас сам Данло?

— Он создаст для вас симуляцию алам аль-митраля. Могу я надеть его на вас?

— Надевайте, если так надо, — сказал Данло и добавил: — Да.

Чеслав с помощью достойного Николаоса нахлобучил шлем на голову Данло. Тот опять оказался тесноват и сдавил череп. Данло поинтересовался про себя, почему они не подобрали шлем большего размера. Маленькие шлемы для маленьких голов, вспомнил он поговорку одного из своих учителей. Его забавляла мысль, что за тысячелетия ежедневных контактных церемоний и слепого повиновения доктринам Церкви мозги у этих людей скукожились, как деревца бонсай, — впрочем, он знал, что это неправда.

— Теперь, пожалуйста, ложитесь, и мы начнем, — сказал Чеслав.

Данло, с трудом кивнув, снова лег на свою холодную подстилку, прижал флейту к животу, закрыл глаза и стал молиться: Агира, Агира, веди меня.

Он не знал, чего ему ждать от виртуальности, которую создал для него Чеслав Ивионген со своими программистами.

Когда-то в детстве дед сказал ему, что от жизни надо ожидать только неожиданностей — это спасает тебя от разочарования. Но у Данло, когда он, затаив дыхание, вошел в кибернетический рай, все же были определенные ожидания. Как ни пытался он воспринять новую виртуальность со всей свежестью ребенка, впервые в жизни играющего на снегу, груз тысячи путешествий из одной сюрреальности в другую давил на него и навязывал свои стереотипы.

Все реальные ощущения — скрипучий голос Чеслава, резкий запах налла, темный блеск компьютерных штабелей — исчезли почти одновременно. Данло открыл глаза в незнакомом пространстве другого мира. Он парил в гуще каких-то темных, тяжелых туч. Вокруг, озаряя пелену, сверкала молния. Пахло озоном, потом и неведомыми ему цветами. Повсюду мелькали разнообразные формы и краски. Пару раз ему показалось, что он видит лица. Призрачно-белые, медные и розовые пятна что-то напоминали ему. То ли это пытались обрести форму знакомые ему образы, то ли какой-то сбой в мастер-программе вечного компьютера дробил все на куски, на световые блики, заставляя эти фрагменты кружиться, как снежинки в метели. Хаотическое мелькание вызвало у Данло тошноту, в животе у него жгло, голова пылала. Он знал, что должен найти в этой круговерти какой-то смысл, и поскорее, — если он этого не сделает, то сойдет с ума. Поэтому он почти сразу начал искать правила и методы движения в этом странном пространстве. Во всех сюрреальностях, где он когда-либо воспроизводился, всегда находились правила, позволяющие проникнуть в структуру явления.

Да, это ошеломляет, думал он, но ведь это нереально.

Однако лиловые хаотические тучи нагоняли на него страх: он боялся, что в этой сюрреальности правил может не оказаться вовсе. По крайней мере таких, которые можно разгадать и обратить в свою пользу. Алам аль-митраль, вспомнил он, создан не ради забавы и не как учебное пособие для преподавания математики мультиплекса. Возможно, он не должен понимать, как двигаться в этом пространстве; возможно, он вообще не должен двигаться.

Ты пришел сюда навестить мертвых — ни для чего больше, сказал он себе.

Ему показалось, что вдали — в десяти футах или в миле от себя — он видит знаменитого Архитектора Мендаи Ивиэрсье, величайшего из Святых Иви, ставшего преемником Костоса Олоруна на заре истории Церкви. Данло хотелось разглядеть этот пухлый розовый лик поближе, но он не мог пошевелить ни руками, ни ногами; шея застыла, точно в параличе, и даже глаза смотрели только вперед. Вскоре, через секунду или миллионную ее долю, лицо Мендаи раскололось на щеки, подбородок, уши, лоб, нос и глаза, а затем эти все еще узнаваемые фрагменты превратились в розовато-серую пыль. Облако пыли разлетелось, точно под действием какой-то страшной внутренней силы, и миллиарды серебристых частиц полетели в ничто, именуемое алам аль-митралем.

Агира, где я? Кто я, Агира?

Данло вспомнил, что происходящее с ним аналогично тому, что испытывает его паллатон в вечном компьютере Обители Мертвых. Ничего больше. Все, что происходит с ним в этом сером мире, определяется программой этого компьютера. Он лишен свободы передвижения, лишен собственной воли. В тумане вокруг него теперь появились лица. Многие казались знакомыми, и Данло хотел рассмотреть их поближе, но не мог перевести глаза ни вправо, ни влево. Когда-то он видел, как члены ордена Истинных Ученых обездвиживают инопланетные существа с помощью наркоза, а потом препарируют их лазерами и игольными ножами. Теперь он чувствовал себя таким же беспомощным, как привязанная к столу скутарийская нимфа. Глаза его реального тела, дрожащего на холодном полу, были плотно зажмурены, но глаза его паллатона мастер-программа Чеслава Ивионгена держала широко открытыми. Данло оставалось только следовать этой программе — больше он ничего не мог.

Нет. Я смогу убежать, если захочу, сказал он себе. Правда смогу. Я могу сорвать с головы этот шлем и убежать из этого жуткого дома.

Он попытался потрогать бамбуковый ствол своей флейты и понял, к своему ужасу, что не чувствует ничего. Он не мог шевельнуть пальцами, не мог управлять конечностями своего реального тела, а значит, не мог сорвать с себя шлем и убежать. Шлем почти полностью подавлял его ощущения — даже глубокое самоощущение собственных клеток. Мощное логическое поле, лишая его зрения, слуха и осязания, программировало для него новую реальность.

Я — не я, подумал он. Я всего лишь компьютерная программа.

Лица мелькали вокруг него в холодном тумане, и он понимал, что должен преодолеть эту мысль, вложив в это всю силу своей воли. Воля, яростная и свободная, оставалась при нем — глубоко внутри он знал это так же хорошо, как то, что на солнце в ясный день тепло и приятно. Конфликт между ощущением собственной свободы и опытом существования в виде паллатона, управляемого какой-то вечной программой, вполне мог свести его с ума. Это был один из самых страшных моментов его жизни. Может быть, и мысли его скоро подпадут под контроль этой программы, и память? Может быть, он начнет помнить жизнь, которой в действительности не было, и навсегда останется в кибернетической реальности, где ничего реального нет.

Я — Данло ви Соли Рингесс. Я не должен бояться.

В тот самый момент, когда он подумал, какое же общение придумал для него Чеслав Ивионген, в тумане, прямо у него перед глазами, появились новые лица — и фигуры. Из облаков материализовались семеро Архитекторов в белых кимоно, с бритыми головами. Из их мертвых губ исходили какие-то звуки, близко напоминающие речь. Данло улавливал гласные и согласные, а иногда даже обрывки фраз. Семь душ усопших — вернее, симуляции их паллатонов, — вели, по-видимому, ученую беседу.

Знаменитая теологиня Орнис Наркаваж, умершая лет пятьсот назад, говорила о божественной природе Алгоритма, но речь ее звучала еще более механически, чем у голографического Эде из образника Данло. А реплики других шести душ

напоминали запрограммированные диалоги из какого-то нудного исторического пособия. Это был не настоящий разговор, а последовательный обмен информацией. Данло это развеселило, и он посмеялся бы, если б мог шевелить губами.

Ничего, бывает и хуже, подумал он. Это я переживу.

В этот самый момент Орнис Наркаваж взглянула на него и проявила нечто вроде удивления при виде его черной одежды и длинных волос. Сама она была лысая, как яйцо, с мертвенно-черными, грифельными глазами.

— У нас гость, — сказала она остальным. — Он мало что знает о юриддиках.

— И об ивиомилах тоже, — заметил паллатон по имени Бургос Ивиов.

— Но о ярконах он должен знать, — сказал третий.

— Давайте спросим его о ярконах.

Данло мог сказать им, что Яркона — это суровая, но красивая планета, находящаяся в ста световых годах в сторону ядра галактики от Невернеса, недалеко от Самума и Утрадеса. Но губы у него, к его изумлению, вдруг зашевелились сами собой, и странные слова полились из них, как вино из треснувшего чана:

— Фраваши учат, что ананке есть вселенский рок, которому повинуются даже боги. Эту идею использовали для подкрепления церковной Программы Остановки, утверждающей, что...

И паллатон Данло, помимо его воли, пустился вещать о различных доктринах и программах Вселенской Кибернетической Церкви. В то же время Данло вспомнил, что Яркона — это не только название планеты; так звали одного из прославленных пилотов Ордена, открывшего ее, и так же называлось теологическое течение, пытавшееся в 300-е годы толковать эдеизм в терминах холизма и фравашийской философии. Данло недостаточно много знал о последней «ярконе», но он был учеником фравашийского Старого Отца и без труда применял простые и ясные фравашийские концепции к той невообразимой путанице, которая у Архитекторов сходила за теологию. Вернее, его паллатон делал это без труда. Данло с почтением и

страхом прислушивался к тому, что его язык произносил без его участия. Он слушал, что говорит его паллатон, эта умная, но абсолютно неживая компьютерная программа, и знал, что сам он никогда не стал бы говорить все эти умные, но безжизненные вещи.

Они попытались сделать из меня робота. Но я не робот. Я — это только я, и знаю, что я знаю, что...

Паллатон продолжал читать свою лекцию о том, как фраваши пытаются примирить судьбу и свободу воли, и Данло заметил, что тот говорит все быстрее и быстрее. Слова лились у него изо рта, как мраморные шарики из деревянного ящичка, и Данло с трудом понимал его. А то, что отвечали ему Орнис Наркаваж и другие, походило на запись, пущенную в ускоренном режиме. В любом кибернетическом пространстве ускорение информации всегда возможно, но Чеслав Ивионген в созданной им симуляции должен был сильно *снизить* скорость, чтобы Данло мог понять хоть что-то из молниеносного обмена информацией между паллатонами. Может быть, это ограничение теперь снято, подумал вдруг Данло. Может быть, он наблюдает рай паллатонов в реальном времени — в те самые наносекунды, которые вечные компьютеры затрачивают на генерирование алам аль-митраля?

Это был бы ад, подумал Данло. Быстрый огонь компьютерного времени сжег бы мой разум.

«Нет, нет, я не допущу этого!» — хотелось крикнуть ему, но он не мог говорить, голос его паллатона напоминал теперь вой несущейся к Земле ракеты, а шум, производимый другими паллатонами, воспринимался уже скорее как жар, чем как звук. Тучи, в которых плавал Данло, пришли в движение — не медленное, как под теплым ветром ложной зимы, а внезапное и бурное, как у грибовидного облака, встающего ночью над спящим городом. В воздухе замелькали сверкающие полосы — карминовые, розовые, красновато-коричневые, и слишком сильный свет резал Данло глаза. Он не мог ни отвернуться, ни опустить веки и только судорожно дышал перед страшным, пронзающим его мозг огнем. А его паллатон все продолжал говорить, и много других паллатонов собралось теперь вокруг,

чтобы поговорить с пилотом по имени Данло ви Соли Рингесс.

Больно, больно! О Агира, какая боль!

Программа набирала скорость, и тысячи лиц мелькали перед ним со скоростью тасуемых червячником порнографических карт. От этого множества серебристо-серых зеркал человеческих душ рябило в глазах — Данло так страдал, что ему захотелось стать безглазым, как скраер. Но даже если бы он ослеп, это ему не помогло бы. Шлем, сжимающий его голову, продолжал бы подавать образы прямо ему в мозг. Остановить этот образный шторм было ему не больше под силу, чем удержать сверхновую в сложенных ладонях.

Они хотят убить меня таким образом — убить или свести с ума.

Он не ошибся, предположив, что программа его паллатона внезапно ускорила темп. Образная буря, не менее опасная, чем реальная гроза, были губительна для человеческого разума. И все это устроил Чеслав Ивионген. Данло почему-то знал, что это правда. Харра говорила ему, что Чеслав — ивиомил, возможно, один из самых верных сторонников Бертрама Джаспари. Данло подозревал, что Чеслав попытается навредить ему, но сознательно шел на этот риск. Чеславу было бы проще, конечно, уничтожить мозг Данло сразу. Все кибернетические шлемы опасны, и усиленное логическое поле может запросто сжечь все нейроны и синапсы. Но Харра без труда раскрыла бы столь грубо сработанное убийство, и потому Чеслав со своими программистами был вынужден прибегнуть к более тонким средствам, чтобы избавиться от опасного намана.

Известно, что боги, желая погубить человека, лишают его разума. Чеслав Ивионген не обладал божественной властью, но в его распоряжении имелись блестящий шлем, черный компьютер и убийственная программа, дающие ему реальную возможность свести Данло с ума.

Я материален нет я бесплотен я я я...

Данло был почти беспомощен перед образами, бушующими в его мозгу. За одну секунду перед ним проносились паллатоны миллиона мертвых Архитекторов — а может быть,

миллиона миллионов. Через некоторое время, когда пронзающая голову боль стала напоминать раскаленную добела сталь, лица усопших начали меняться, принимая душераздирающие знакомые и в то же время чужие очертания. На лысых головах прорастали, как мох, длинные бурые волосы, челюсти удлинялись и расширялись, лицевые кости крепли. В этих людях все дышало силой, особенно массивные, мускулистые руки и ноги, тоже покрытые густой растительностью. Но главная сила, притягивающая Данло, как солнце комету, заключалась в их глазах. Они сияли, как озера золотого света, эти многочисленные пары глаз, сидящие глубоко под массивными надбровьями, внимательные, одухотворенные — глаза, которые являлись Данло во сне, которые они видел в реальной жизни. Данло дивился первобытной красоте этих новых фигур и тому, что мертвые, обитающие в его памяти, так внезапно ожили.

Хайдар, Чандра, Аневай, Чокло — нет, нет, нет, нет!

Данло, плавающий в пылающем небытии алам аль-митраля, не видел больше лиц мертвых Архитекторов — их заменили мерцающие образы мужчин, женщин и детей, которых он слишком хорошо помнил. Они образовали около него большой круг, держась за руки, и манили его к себе. Данло и не считая знал, что в этом кругу восемьдесят восемь благословенных душ. Он помнил тот страшный холодный день, когда схоронил их всех, людей племени деваки, которых любил больше самой жизни.

О Боже, не надо! Нет, нет, нет.

Возможно ли, что его народ живет по ту сторону смерти? Возможно ли, что в Единой Памяти времени в самом деле не существует? Что там есть только вечное Теперь, где продолжают жить все вещи и все люди, когда-либо являвшиеся в мир? Если так, то соплеменники Данло до сих пор наблюдают за ним, ныне и во веки веков. Возможно, образный шок отомкнул тайную дверцу в его мозгу, и он наконец-то, на грани безумия, перешагнул порог благословенной вселенской памяти, где жизнь и смерть — одно.

Нет-нет, не то, не то, не то...

Он понял внезапно, что не вспоминает, а просто галлюцинирует. Его мозг испытал глубокий шок, и явившиеся ему образы — лишь призраки его собственной памяти, а не обитатели Единой. Данло знал, что Хайдар, Чандра и все другие нереальны, хотя и кажутся вполне реальными. Это только живые картинки, только тени, вышедшие из глубины его мозга.

Нет, нет. Пожалуйста, не надо.

В раю алам аль-митраля — или в аду, который каждый человек носит в себе, как раскаленный камень, — к Данло приблизилась женщина. Низенькая, полная, со славным оживленным лицом и карими, полными любви и доброты глазами. Приемная мать Данло, Чандра. При жизни она любила рассказывать другим женщинам, что произошло с Данло за день, и весело смеялась при этом. Здесь, в этом жутком месте, пылающем, как огонь в сердце Данло, она не смеялась. Ее лицо говорило о страданиях, боли и смерти. Она целую вечность смотрела на Данло ласковым грустными глазами, которые он так часто видел во сне, а потом спросила голосом глубоким и влажным, как океан:

— Почему ты покинул меня, Данло?

— Я не покидал тебя, мать! — ответил он.

— Почему ты оставил меня умирать?

— Нет-нет, я никогда бы...

— Почему, Данло, почему?

Хайдар, чернобородый и грузный, как медведь, подошел к Данло и протянул свою огромную, покрытую кровью руку.

— Мужчина не оставляет своих родных на погибель, если он настоящий мужчина.

— Отец, я готовил тебе чай и втирал горячий тюлений жир тебе в лоб. Пока ты был жив, я не сомкнул глаз. Я молился, пока голос не вылетел из моих уст, словно птица. Я отходил от тебя, только чтобы собрать травы и дрова для костра.

— Почему же тогда я умер, Данло?

— Я не знаю.

— Почему ты позволил нам всем умереть?

Остальные тоже подступили ближе, смыкая круг, — Чокло с его озорной усмешкой, Ментина, Силейе. Усмешка Чокло

теперь походила скорее на болезненную гримасу. Он отнял руку от уха, и с его пальцев закапала кровь. Кровь обагрила его волосы, запятнала белую шегшеевую парку.

— Я любил тебя, как всех моих братьев, — сказал он Данло. — Зачем ты принес в наше племя медленное зло?

— О Боже, я...

— Почему ты жив, Данло? Почему ты живешь, когда мы все умерли?

— Я не знаю!

Голова у Данло раскалывалась от боли, и он прижал ладони к глазам. Ощутив под ними жгучую влагу, он взглянул на руки и увидел на них не слезы, а кровь. Он зарыдал, и капли крови, скатываясь по щекам, жгли его лицо, как кислота.

— Данло!

— Нет, нет.

— Данло, Данло! — Холодные пальцы Чандры сдавили его руку, словно кольца змеи. — Не оставляй нас больше.

— Останься с нами, — сказал Хайдар. — Мы твой народ, и мы любим тебя, как деревья любят солнце. Пожалуйста, останься с нами.

Чокло, Ментина и все остальные тоже протягивали к Данло руки, и любовь струилась из их пальцев, как горячий жир, втираемый в тело недужного. Она грела его внутри, она вела его на край глубокой, бездонной радости.

— Останься с нами, Данло. Останься и будь любим.

Данло заметил, что страшная боль, терзавшая его голову, прошла. Впервые за многие годы она покинула засаду позади его глаз, где всегда таилась, как тигр, — теперь там остались только покой и довольство, глубокие, как черный космос между звездами.

Да, я останусь с вами, думал Данло. Останусь с вами навсегда.

Он понял, что безумие — это не всегда падение в раскаленный, вопящий ад. Оно может быть похоже на погружение в теплое, как кровь, озеро любви, в которое ты падаешь и падаешь вечно.

— Да, упади в наши объятия, Данло, — сказала Чандра. — Упади в наши сердца. Взгляни на океан любви в наших глазах и упади в него.

— Мы твоя семья, Данло, — сказал Хайдар. — А семья — это навеки.

— Мы твоя семья! — подхватили хором Рафаэль и другие его сородичи. — Останься с нами, Данло, Данло, Данло!

Да, я должен остаться, думал он. Я тоже должен умереть. Да, да.

— Нет! — выкрикнул Данло, и этот внезапный звук поразил его.

Крик вырвался из него, как гром, и тут же перешел в протяжный зов снежной совы далеко над замерзшим морем.

— Нет, — повторил он. — Я не останусь.

В конечном счете Данло спасла его воля. Он вспомнил о других алалойских племенах, зараженных медленным злом. Они умрут, если он не вернется, чтобы спасти их.

Я вернусь, пообещал он. Я вернусь.

Он заставил себя увидеть себя таким, какой он есть в реальности. Это был момент ошеломляющей ясности, как будто он вышел из дымной пещеры в яркий зимний день. Да, он сходил с ума, но то, что он был способен наблюдать это схождение со стороны, доказывало, что он не совсем еще обезумел. Он понял одну важную вещь. Галлюцинация о его племени при всей своей красоте и ужасе может послужить ключом, отмыкающим внутреннюю темницу безумия, запрограммированную для него Чеславом Ивионгеном. Если эти призраки его памяти сумели прогнать мертвых Архитекторов, значит, он имеет власть творить свой собственный мир, куда более живой и «реальный», чем любая компьютерная сюрреальность — даже такая глубокая, как алам альмитраль. Если Данло в своем сумасхождении бессознательно вызвал духи своих умерших родных, почему бы ему не сосредоточить свое сознание на видении, которое выберет он сам?

Искусство путешествий в неизведанное, вспомнил он, состоит в том, чтобы знать, что делать, когда не знаешь, что делать.

Однажды Леопольд Соли — пилот, охотник, воин и отец его родного отца — сказал Данло, что человек, отправляясь в неизведанное (например, в темный и странный мир своей души), должен уметь три вещи. Во-первых, он должен видеть в стихиях и хаосе мира не повод для паники, а черты неизведанного. Во-вторых, он, как талло, взмывающая в небо, должен переходить в высшую степень сознания, которая охватывает и его самого, и бескрайние морские льды внизу. В-третьих — и это самое важное, — он, как бы темно ни было у него на душе, должен верить, что внутри у него светят яркие звезды, которые укажут ему дорогу домой.

Я знаю, что мне делать. Правда знаю.

Какое-то время он еще позволял своим приемным родителям говорить с ним и трогать его. Он соглашался с неуверенностью и смятением своих чувств, соглашался с неуверенностью самой реальности. Он позволил своим ощущениям кружить свободно, как пригоршня перьев на ветру. Чокло говорил ему что-то, вспоминая, как они в первый раз пошли охотиться на тюленя. Внутри у Данло что-то отозвалось, и он понял, что должен прислушаться к словам Чокло. Нет, не совсем так: вернее, он должен вспомнить все оттенки снега и облаков во время их путешествия на морской лед. Где-то в его памяти светит та единственная звезда, которая выведет его из безумия.

В тот день с Чокло, за островами Двух сестер, Данло впервые увидел Агиру.

Когда настали сумерки, и ветер окреп, и над горами зажглись первые звезды, он увидел в небе белую птицу. Это Агира, сказал ему Чокло, благородная снежная сова, которая летает даже выше, чем голубые талло Десяти Тысяч Островов. Данло долго стоял тогда замерев, завороженный красотой этой птицы. Тот момент своей жизни он запомнил навсегда.

Агира, Агира.

Крылатый белый образ вспыхнул у Данло в уме вместе с лицами его семьи. Он видел теперешнего Чокло, страдающего, с кровоточащими ушами, но видел и прежнего Чокло, который впервые показал ему парящую над морем Агиру. Дан-

ло сосредоточил все свои чувства на том Чокло, молодом и счастливом. Он наполнил свои глаза видом снежной совы, поднимающейся все выше в небо. Волшебная птица притягивала к себе все его сознание. Все другие образы блекли и уходили из поля его зрения. Весь его мир и все другие миры сосредоточились на этой птице и сумеречном небе над ней. Снежная белизна Агиры была прекрасна, как звездный свет. Данло видел теперь только два цвета: белизну ее перьев и темную синеву неба. Агира поднималась все выше, увлекая Данло в синеву, чудесную синеву гуще всей синевы, холодную и совершенную, подобную медленному падению в чистые океанские воды. Там, в этом бесконечном небе, которое все было тишина и свет, существовала только одна субстанция, истинная, безупречная, темно-синяя, как жидкий сапфир или расплавленное кобальтовое стекло. Данло и сам растворялся. Он летел все выше и выше, и все его существо вибрировало на частоте синего света и умирало в синеве синее всего синего...

Данло ви Соли Рингесс.

Он так и не узнал никогда, сколько времени провел в этом безмолвном пространстве, но точно знал, что прошла целая вечность. По прошествии вечности, сохраняя отсвет совершенной синевы под плотно сомкнутыми веками, он вышел обратно во время. Он вышел в пространство и пришел в более привычное для себя сознание. Он осознал, что дышит слишком медленно, лежа на холодном полу в Обители Мертвых. Его глаза и виски освободились от давящей тяжести шлема — кто-то, должно быть, снял его. Данло не мог представить, как Чеслав Ивионген позволил ему совершить побег из своей умоубийственной тюрьмы. Потом где-то далеко, футах в двадцати, зазвучали голоса, и Данло понял, что должен прислушаться к ним.

— Данло ви Соли Рингесс, — говорил кто-то. — Пилот-наман умер или все равно что умер — мозг полностью погиб. Видите, волны на модели плоские?

Данло медленно, с бесконечной осторожностью открыл глаза и медленно повернул голову. Здесь царили другие цвета: чернота налла, белые пропотевшие кимоно и мертвенно-се-

рый свет, пробивающийся между компьютерных штабелей. И еще что-то алое. Во время своего путешествия в алам аль-митраль он, должно быть, прикусил язык: в горле саднило, и на губах запеклась кровь. Смотрители не позаботились обтереть ему лицо. Они стояли в другом конце комнаты, склонив свои лысые головы, и смотрели на что-то светящееся, возможно, на компьютерную модель его мозга.

— Пилот, — сказал Чеслав, показывая диск с паллатоном Данло, — пробыл в алам аль-митрале два часа после начала ускорения. Два часа! Он должен был лишиться рассудка через первые же две минуты.

Один из смотрителей что-то шепотом ответил ему, и Данло своим острым слухом уловил, что Чеслав гнал свою программу еще час после выравнивания мозговых волн, чтобы уж окончательно увериться в безумии пилота. Лишь когда стало ясно, что Данло никогда уже не взглянет на этот мир глазами разумного человека, Чеслав разрешил снять с него шлем.

— Когда наман входит к мертвым, — продолжал свою речь Чеслав, — следует ожидать, что он умрет. Очевидно, он все-таки не тот светоносец, на которого так надеялась наша Святая Иви.

Медленно, с большим трудом Данло откинул одеяла и медленно, но тихо сел. Он сидел, подогнув ноги, как учил его приемный отец. Чеслав и другие стояли к нему спиной и не могли его видеть. Во время всего путешествия в алам аль-митраль Данло прижимал к животу свою флейту. Он и теперь держал ее, крепко, но бережно — так снежная сова носит в когтях прутья для своего гнезда. Благословенная флейта хранила тепло его тела и была готова звучать. Данло вытер кровь с губ, приложил к ним костяной мундштук и набрал в грудь воздуха.

— Пора сказать Святой Иви о том, что произошло, — заявил Чеслав. — Она должна решить, как поступить с его телом: сохранить живым на случай, если Орден будет разыскивать своего пилота, или кремировать.

Тогда Данло всей силой своего дыхания выдул из флейты длинную, высокую, пронзительную ноту. Это произвело на смотрителей поразительный эффект. Можно было подумать,

что в Дом Вечности попала водородная бомба. Один зажал уши и повалился на пол, другой, достойный Николаос, воздел руки так, словно сам вступил в контакт с призраками алам аль-митраля, и у него вырвался полный ужаса крик. Даже Чеслав Ивиоген не справился с нервами и резко обернулся, ища источник ужасного звука. При виде Данло, играющего на флейте, алмазный диск выскользнул из его потных пальцев и разбился об пол, потому что налл тверже алмаза. Паллатон Данло разлетелся на множество сверкающих осколков.

— Ты... ты жив! — выкрикнул Чеслав. — Быть этого не может.

— Да, я жив, — сказал Данло, опустив флейту. — Сожалею, но это так.

Он поднялся на ноги, постаравшись проделать это как можно быстрее. Флейту он держал в кулаке, как бы отгоняя от себя Чеслава и других смотрителей. Он не думал, что они попытаются напялить на него шлем силой, но он один раз уже обманул смерть — на сегодня довольно.

— Вы дрожите, пилот. Вы не в себе после такого контакта, вам надо побыть здесь еще немного и...

— Нет.

Данло произнес это тихо, но со всей силой встречного ветра, и пристально посмотрел на Чеслава — так он мог бы смотреть на мальчика, отрывающего крылышки у мухи. Потом повернулся к нему спиной и вышел из Обители Мертвых.

Открыв двери, он увидел, что день уже близится к вечеру. Солнечный свет струился сквозь купол над нулевым уровнем Орнис-Олоруна. Данло стоял в золотых лучах и чувствовал, как хороша жизнь, пронизывающая его тело, как огонь. Потом на него накатил звук — громовой рев, похожий на шум океана в бурю. Несметные толпы людей выкрикивали его имя.

— Он жив! — кричали они. — Пилот жив!

Под налловыми ступенями Дома Вечности, по ту сторону улицы, на газонах по-прежнему стояли тысячи людей, хотя с утра их немного поубавилось. Бертрам Джаспари за лазерной изгородью скривился так, точно кто-то из его ивиомилов подал ему уксус вместо вина. Он злобно косился на Едрека Иви-

онгена, брата Чеслава. Рядом с этими князьями Церкви стоял Малаклипс Красное Кольцо, спокойный, бесконечно терпеливый, — казалось, что он способен простоять так хоть миллион лет, дожидаясь возращения Данло. Его лиловые глаза смотрели на Данло странно, почти с тоской.

— Поистине Данло ви Соли Рингесс жив, — провозгласила Харра, все так же сидевшая в портике за своим пюпитром. — Мы должны спросить его, входил ли он к мертвым.

Из дома позади Данло вышел Чеслав Ивиоген в сопровождении других смотрителей, чьи белые кимоно стали серыми от пота. Они стали чуть поодаль от Данло. Достойный Николаос понурил голову, как бы стыдясь своего участия в негативной программе, но Чеслав держал голову высоко и смотрел на Данло, не опуская глаз.

— Да, — сказал Данло, и собственный голос показался ему странным. — Я входил к мертвым.

— Расскажите нам, как это было. — Доброе старое лицо Харры сияло торжеством. Она, и Бертрам Джапари, и Малаклипс Красное Кольцо, и братья Ивиогены, и все десятки тысяч собравшихся Архитекторов — все ждали, что скажет Данло.

Все равно что войти в комнату, полную сверлящих червей, подумал он. Все равно что войти в огненное озеро.

Он молчал на протяжении двадцати ударов сердца, не зная, что сказать этим людям. Потом он вспомнил слова одного старого стихотворения. Он улыбнулся с грустью, и слезы обожгли ему глаза.

— Мертвые знают только одно, — произнес Данло, — живыми быть лучше.

Он хотел сойти со ступеней, но его ноги больше не выдерживали силы тяжести Таннахилла. Он упал на черный пол, ловя ртом воздух, и перед тем, как потерять сознание, успел подумать, что узнал лишь ничтожную долю того, что следует знать о смерти.

Глава 21

ПРИГОТОВЛЕНИЯ

Как воды многих рек текут в океан, так и все великие воины входят в твои горящие зевы; все люди устремляются в твои зевы, подобно мотылькам, летящим на огонь. Ты поглощаешь миры своими огненными ртами. Ты покрываешь все вселенные своим сиянием, о Вишну, и сжигающие лучи исходят от тебя.

Бхагават-гита, 11

Двадцать дней оправлялся Данло от своего испытания в Обители Мертвых. Служители дворца по приказу Харры вызвали ему чоч и отнесли его обратно в его комнаты, где им занялся личный врач Харры. Данло пришел в себя поздним вечером, но есть и разговаривать начал только на следующий день. Жестокая головная боль терзала его, уходя и возвращаясь с непредсказуемостью шаровой молнии. Он старался спать как можно больше, а в промежутках играл на флейте и вспоминал то, что произошло с ним в алам аль-митрале.

В этот период между двумя испытаниями ему очень хотелось, чтобы Харра вызвала его к себе или навестила сама, но она не сделала ни того, ни другого. Томас Ивиэль, служитель, с которым Данло подружился, сказал, что Святая Иви поглощена важными делами, и это действительно было так. Визит Данло в Обитель Мертвых стал первым толчком великого землетрясения.

На другом полушарии планеты, в городе Баволле, весть об успехе Данло вызвала волнения, в результате которых погибло не меньше трех преданных Харре Архитекторов. В Ивиэнденхалле, на острове по ту сторону континента, заговорщики-ивиомилы будто бы захватили местный Храм и прервали связь со всей планетой. Даже в Орнис-Олоруне, где ивиомилы пользовались гораздо меньшим влиянием, чем в западных аркологиях, возникали заговоры против Харры Иви эн ли Эде и происходили единичные террористические акты. Один из служителей, которого Томас Ивиэль знал с детства, попытался пронести во дворец пластиковую взрывчатку. Чтецы Харры не успели его допросить: он задействовал имплантированный в ухо тепловой заряд и уничтожил свой мозг столь же основательно, как тлолт уничтожил мозг Джанегга Ивиорвана. Плазменные бомбы разрушили пять жилых блоков на четвертом и семнадцатом уровнях города и убили около тридцати тысяч человек.

Так оно и шло. Известия о новых трагедиях и религиозных волнениях поступали почти ежечасно. Это был величайший кризис правления Харры — такого на Таннахилле не случалось уже лет пятьсот.

Бертрам Джаспари, разумеется, попытался использовать обострение обстановки с максимальной выгодой для себя. Он втягивал Койвунеймин в свои интриги и обвинял Харру в том, что она объявила о триумфе Данло на всю планету. Наманпилот на самом деле не входил к мертвым, утверждал он. Данло ви Соли Рингесс лишь попытался вступить в контакт со страшной красотой алам аль-митраля, но потерпел неудачу. При первом же взгляде на души мертвых Архитекторов он обезумел и впал в кому, что произошло бы с любым другим человеком на его месте. Многие таннахиллские Архитекторы верили Бертраму и охотно слушали его речи о коррупции в Церкви и необходимости вернуть ей былую чистоту.

Но через семь дней после своего судьбоносного Вхождения, как стали называть это событие, Данло нанес растущему авторитету Бертрама сокрушительный удар, сделав одно простое заявление. Он рассказал один секрет, которым поделилась с ним в алам аль-митрале Мораша Эде, вторая дочь Ни-

колоса Дару Эде. По ее словам, первые Архитекторы встроили в клариевый саркофаг с замороженным телом Эде тайник. Вот уже три тысячи лет Эде покоится над кубом, где заключено некое сокровище. Данло не знал, что это за сокровище, но рассказал, как найти тайник и каким паролем он открывается. Бертрам и его ивиомилы охотно презрели бы это невероятное откровение, но не осмелились. На следующий день после того, как бунтовщики на двенадцатом уровне Орнис-Олоруна почти полностью разрушили две мелкие пищевые фабрики, Харра послала своих охранников в Мавзолей Эде проверить истинность «пророчества» Данло. После произнесения пароля Эде «Я дверь. Постучи, и она откроется» в стенке клариевой гробницы, к изумлению всех присутствующих, открылась потайная панель. В тайнике обнаружился алмазный диск, очень похожий на те, что хранились в Обители Мертвых, но на нем были записаны не паллатоны умерших Архитекторов, а святые слова самого Эде, человека, ставшего Богом. Теологи, исследовавшие содержащуюся на диске информацию, сообщили, что это любовные стихи, посвященные Эде его третьей жене Аристе Мири — иначе говоря, «Пассионарии», одна из пяти пропавших книг Алгоритма. То, что этот бесценный клад был найден благодаря доблести намана из Невернеса, привело Бертрама Джаспари в смятение и бешенство. Будь у него хоть толика стыда, он извинился бы перед Данло и попросил у Харры прощения. Но он, как показали последующие события, только удвоил свои усилия по программированию умов против Харры и ее правления.

— Если Бертрам не прекратит своей поджигательной деятельности, люди взбунтуются и пойдут штурмовать дворец, — изрек голографический Эде. Он все так же светился над алтарем, озаряя собой священную кибернетику и висячие цветы ананды. Если Данло не сбился со счета, Эде предупреждал его об опасности в 1719-й раз со времени их прибытия на Таннахилл. — Могу только надеяться, — продолжал образ, — что этим варварам не вздумается штурмовать мою гробницу в поисках других сокровищ. Если они случайно повредят саркофаг, восстановить мое тело будет невозможно.

На следующий день к Данло явился неожиданный посетитель — Малаклипс Красное Кольцо. Данло не мог догадаться, зачем воину-поэту так срочно понадобилось увидеться с ним. Может быть, он пришел сюда в качестве тайного эмиссара Бертрама? Трудно, впрочем, было представить себе воина-поэта, действующего по чьей-либо указке. Данло был еще слаб, и ему казалось, что в голове у него бьет барабан, однако он принял Малаклипса в алтарной комнате. Они уселись на белые подушки под цветами ананды. Данло, одетый в поношенную черную, еще невернесскую камелайку, держал на коленях флейту. Кавалларское кимоно Малаклипса переливалось всеми цветами радуги, на руках сверкали два красных кольца. Воины-поэты одеваются так, чтобы ослепить свою жертву, вспомнил Данло, чтобы отвлечь ее от игл и ножей, извлекаемых с быстротой ядовитой змеи.

— Рад видеть тебя снова, пилот, — сказал Малаклипс. — Далеко же нас занесло из сада Мер Тадео, верно?

Данло вспомнил, что они и правда разговаривают впервые после той ночи, когда над Фарфарой зажглась сверхновая.

— Далеко, — согласился он. — Я уж думал, что больше тебя не увижу.

— Ты как будто и не рад мне.

— Нет, — сказал Данло. — Не рад.

— Но на Таннахилле у нас с тобой общая миссия, разве нет?

— Нет. Ты несешь смерть и насилие всюду, где бы ни появился.

— Разве это я входил к мертвым? Разве из-за меня одна половина Архитекторов готова перебить другую, объявляющую тебя светоносцем?

— Но ты-то знаешь, кто я, — несмотря на серьезность момента, улыбнулся Данло.

— Знаю ли?

Взгляд горящих лиловых глаз Малаклипса был странен, как будто Данло за время их космического путешествия преобразился из молодого человека в устрашающе прекрасного ангела. Как будто Малаклипс почти боялся его.

— Я всего лишь тот, кто я есть, — Данло ви Соли Рингесс.

— Но коренной вопрос так и остается без ответа, — сказал Малаклипс. — Сын ли ты своего отца? Из того же ты теста, что Мэллори ви Соли Рингесс, или нет?

Данло с улыбкой коснулся губами флейты и спросил:

— Зачем ты пришел сюда?

— На Таннахилл?

— Нет. Это, мне думается, я уже знаю. С отцом моим ты пока не встретился, зато нашел то, что искал, в Бертраме и его ивиомилах. Нашел слабое место Церкви.

— Я лишь служу моему Ордену, как ты своему.

— Это верно. Поэтому я и спрашиваю тебя: зачем ты пришел сюда, ко мне?

Малаклипс молчал, устремив свои невероятные глаза на Данло.

— Чтобы послужить своему Ордену? Или самому себе?

— А ты умен, пилот.

— Ты хочешь спросить меня о чем-то, да?

— Да.

— О чем-то, что хочешь знать.

— О том, что никто, кроме тебя, не знает.

— Хорошо, спрашивай.

Малаклипс оглянулся на дверь. Казалось, что он впивает каждый звук, проверяя, не подслушивает ли кто-нибудь из охранников Харры. Но во дворце стояла тишина, если не считать их с Данло тихого дыхания и чириканья, которые порой издавал попугай в своей клетке.

— Каково это? — прошептал он наконец. — Каково это — быть мертвым?

Данло не отводил глаз от его пристального взгляда. Вопрос не удивил его, но глубоко взволновал.

— Вы, воины-поэты, поклоняетесь смерти, — сказал он наконец.

— Нет, Данло ви Соли Рингесс. Мы поклоняемся жизни.

— «Как учусь я жить? — процитировал Данло. — Готовлюсь к смерти».

— «Как я готовлюсь к смерти? — все так же шепотом, с улыбкой продолжил Малаклипс. — Учусь жить».

— Жизнь — это все, что есть, — загадочно изрек Данло. — Живи своей жизнью, воин. Пиши свои стихи, поэт. Ты достаточно скоро узнаешь, что значит быть мертвым.

— Это что — угроза или новое пророчество?

— Ни то, ни другое. Просто все люди умирают... слишком быстро. Мгновение — и нас уже нет, и ветер уносит наше дыхание. Жизнь драгоценна. Зачем швыряться ею до того, как придет твое время?

— Ты хочешь сказать, что сам это придумал?

— Я умирать не хочу, — сказал Данло.

— Правда? Я шел за тобой через галактику. И в Твердь. Ты живешь, как воин-поэт, без страха и упрека. Я думаю, что ты тоже ищешь смерти. Вот что тревожит тебя, когда ты думаешь о своем визите к мертвым, разве нет?

Данло посмотрел в окно, где отражались в океане вечерние огни. Не желая отвечать на вопрос Малаклипса, он взял флейту и стал импровизировать медленный напев, а после вытер губы и сказал:

— Чего бы я ни искал для себя, другим я несу только мир.

— Мир и свет — если ты, конечно, и есть светоносец.

— Да, свет, — улыбнулся Данло. — То, что противоположно тьме.

— А я, стало быть, носитель тьмы?

— Ты носитель войны. Вы, ваш Орден, заключили союз с ивиомилами, а для чего? Чтобы заставить одних Архитекторов убивать других.

— Но ведь я воин, так или нет? И война — закон всей вселенной. Когда-нибудь ты это поймешь.

— Нет, мир всегда есть. Он... должен быть.

— Эх, пилот, пилот.

— Где-то в центре, даже в человеческом сердце, должен быть мир. Гармония жизни, благословенная халла.

Данло снова посмотрел в окно на мерцающий океан. Он сидел выпрямившись, и его взгляд уходил далеко за край света. Насытив глаза глубокой темнотой воды, он перевел взгляд на небо. Там сквозь загрязненную атмосферу проглядывали только самые яркие звезды. Где-то там пронизывала Экстр убий-

ственная радиация сверхновых, и Данло скраировал, бродя в бескрайних просторах вселенной.

— Что ты там видишь — мир? — спросил Малаклипс.

— Нет, как раз наоборот.

— Может, расскажешь?

Твердь говорила Данло, что Кремниевый Бог хочет уничтожить всю галактику. Возможно ли, что это шайда-существо использует для своей цели воинов-поэтов?

— Я вижу людей, — сказал Данло. — Кто бы мог подумать, что человек так расплодится во вселенной? Нас очень много. Мы прекрасны и ужасны. Я вижу, как люди гибнут за мечту. И за бредовое видение. И за чье-то стремление к власти. Гибнут всегда и неизменно. Вот Бертрам Джаспари. Он готов послать на смерть миллионы верующих. Всех ивиомилов. Всех Архитекторов. Я вижу роботов, и тяжелые корабли, лазеры, вирусы, тлолты и бомбы. И это ужасное оружие, эти машины, которыми Архитекторы разрывают ткань пространства-времени. Звездоубийцы, посылающие в солнца потоки гравифотонов, свет, который ослепляет. Я вижу всю планету, всю галактику — всех людей, которые готовятся к войне и к смерти.

Данло снова умолк, прижав флейту к шраму на лбу. Малаклипс смотрел на него почти со страхом, что было странно — ведь воины-поэты не должны бояться ничего во вселенной, особенно других людей.

— Этого все равно не остановишь, — сказал он.

Данло молча прижал к губам мундштук флейты.

— Ты не можешь изменить мир, пилот.

Данло выдул тихую ноту, пролетевшую по комнате, как вздох ветра.

— Ты не можешь изменить природу самой вселенной.

— Нет, — признал Данло, отложив флейту. — Но себя я могу изменить. В этом и состоит мое следующее испытание, правда? Оно покажет, могу я изменить себя по-настоящему или нет.

Малаклипс ушел, а Данло еще долго играл на флейте и размышлял об этом тревожном визите. Будь у него больше благоразумия, он попросил бы служителей дворца никого к нему

не пускать. Теперь, когда он действительно проявил себя как светоносец, многие искали с ним встречи, и у Данло вошло в обычай распивать чай с виднейшими князьями Церкви. Они говорили о новой Академии Ордена на Тиэлле и о возможности отправить туда одаренную молодежь для обучения на пилотов. Говорили о великой перемене, которая начнется в Храмах Церкви и перекинется, как лесной пожар, на всю галактику. Многие посетители полагали себя теологами и любили потолковать с Данло о фравашийской философии, о Программе Второго Сотворения и о трех столпах рингизма — новой взрывной религии, возникшей в Невернесе всего несколько лет назад. Данло так привык к этим ежедневным (и еженощным) визитам, что открывал дверь на первый стук, не спрашивая, кто к нему пришел.

И вот, когда после его легендарного Вхождения к Мертвым прошло уже дней двадцать, в ночь перед последним испытанием, к нему снова постучались. Данло открыл, ожидая нового сеанса бесплодных теологических дебатов. А быть может, он надеялся, что это Харра пришла наконец дать ему совет и пожелать удачи. Поэтому он очень удивился, увидев на пороге первого из старейшин Церкви — тот стоял хмурый и явно злился, что вынужден ждать, когда Данло пригласит его войти. Бертрам Джаспари и в лучшие времена не отличался терпением, а в эту ночь прямо-таки взмок от спешки.

— Можно ли нам войти, Данло ви Соли Рингесс? — церемонно спросил он.

Данло выглянул в коридор посмотреть, не сопровождают ли Бертрама другие старейшины, но потом вспомнил, что Бертрам любит говорить о себе «мы», как будто уже стал Святым Иви, и улыбнулся.

— Входите, пожалуйста, — сказал он, распахнув дверь. — Хотите, я сделаю чай?

— Нет, благодарю. — Бертрам глянул на Данло холодно, словно подозревая, что тот хочет его отравить. — На это у нас нет времени.

Данло пригласил его в алтарную комнату, где принимал Малаклипса и церковных деятелей. Бертрам осторожно опус-

тился на белую подушку; со своим острым личиком и тощими конечностями он походил на птицу ратри, которая усаживается на гнездо. Его остроконечную голову, как всегда, покрывала вышитая золотом добра. Он потел так, словно поел несвежего мяса, лицо было пепельно-синим от грибковой инфекции. Данло дивился безобразию этого человека, но знал, что внешнее уродство не должно заслонять еще более глубокие дефекты души Бертрама.

— Ты удивлен, видя нас здесь, не так ли, пилот?

В любом другом мире, имеющем столь сильного правителя, как Святая Иви, Бертрама за его мятежные настроения изгнали бы или заключили в тюрьму, если не хуже. Но Бертрам с хитростью ускользающего из сети окуня умудрялся не участвовать ни в одном бунте и ни в одном заговоре против Харры. Да и Харра была самой всепрощающей из всех Святых Иви.

— Нет, я не так уж удивлен, — ответил Данло. Настроенный игриво — столь же игрив бывает фравашийский Старый Отец, причиняющий своему собеседнику ангслан, духовную боль, ведущую к просветлению сознания, — он указал флейтой за окно, на черно-синий океан. — Прекрасный вид, правда? Вы, наверно, надеетесь, что вид из этого дворца скоро будет вашим.

Бертрам на миг побагровел от бешенства, но затем, как змея, сбрасывающая кожу дюйм за дюймом, освободился от этой опасной эмоции.

— Не нужно оскорблять нас, пилот. Мы пришли сюда с верой и надеждой, что будем работать вместе ради общей цели.

Данло, живо помнивший ад алам аль-митраля, запрограммированный для него единомышленниками Бертрама, слушал его с изумлением и сомневался, не галлюцинирует ли снова.

— Правда? Вы правда верите, что у нас может быть общая цель?

Бертрам улыбнулся — для него это было большой редкостью, совсем не идущей к обычно каменному лицу.

— Разве не сказано в Алгоритме, что цель у всех людей одна — идти к свету Бога Эде? Позволь нам рассказать тебе о

нашей цели, и мы увидим, сможем ли мы с тобой помочь друг другу.

— Расскажите, если хотите, — медленно кивнул Данло, перекатывая флейту в ладонях.

Бертрам откашлялся и начал:

— Для начала мы хотели бы поздравить тебя с твоим триумфом в Доме Вечности. Мы восхищены твоим мужеством, твоей изобретательностью под угрозой безумия. Что за ум у тебя, пилот! Мы были чтецом тридцать лет и никогда не имели удовольствия читать программы такого разума. Знаешь ли ты, что многие уже зовут тебя светоносцем? Они верят, что последнее испытание будет для тебя самым легким и что программа твоего успеха уже написана.

— Я вижу, теперь эта вероятность беспокоит вас не настолько, как в Койвунеймине.

— В прошедшие дни мы много размышляли над твоим пришествием в наш мир. — Бертрам говорил теперь сладко — слишком сладко, точно его до краев налили медом. — Мы признаем, что сначала нам казалось невозможным, что наман может быть светоносцем из нашего Святого Алгоритма. Но ты не просто наман. Старейшины, которых ты принимал у себя, по достоинству оценили твое глубокое знание и понимание нашей вечной Церкви. Многие из них говорят, что по духу ты уже Архитектор. Тебе надо только произнести символ веры и пройти очищение, и ты станешь нашим.

— Я... не готов к этому, — сказал Данло и, вспомнив трагические события, сопряженные с Путем Рингесса, добавил про себя: в жизни больше не стану связываться ни с одной религией.

— Пусть так, но мы верим, что ты можешь занять в нашей Церкви видное место. Как светоносец — это само собой разумеется, но, возможно, и как чтец, а со временем и как старейшина.

Данло приложил флейту к губам, чтобы сдержать улыбку, которую вызвало у него подобное предположение.

— Мой Орден запрещает пилотам и академикам занимать официальные посты в какой бы то ни было религии.

— Но ты не родился членом Ордена, и нигде не сказано, что ты должен умереть пилотом.

— Вы предлагаете мне нарушить присягу?

— Тому уже были примеры.

— Такие, как Шиван ви Мави Саркисян? Нет. Я на это никогда не пойду.

— Ты не можешь себе представить, сколько Архитекторов на Таннахилле надеется на твой завтрашний успех. Не можешь себе представить, как они надеются на то, что ты светоносец.

— Я сожалею.

— Человек должен следовать программе, написанной для него.

— Я сожалею, но я... должен следовать за моей звездой.

Потные пальцы Бертрама сжались в тугие кулачки, и его лицо выразило ненависть, которую он тут же сменил на снисходительность и дружелюбие, фальшивые, как синтетический жемчуг.

— Только наман способен на такие поэтические образы, — сказал он.

— Так ведь я и есть наман.

— Знаешь ли ты, пилот, что в 1089 году, когда наши миссионеры прибыли на Дуррикен, десять миллионов наманов одновременно произнесли символ веры и сделались Архитекторами?

— Нет, не знаю.

— Знаешь ли ты, что один из этих бывших наманов, Вишну Харит на вио Эде, стал сорок первым Святым Иви?

— И этого я не знал.

— Чудеса возможны всегда. Если простой программист Вишну Харит сумел возвыситься до сана Святого Иви, почему бы светоносцу не добиться того же?

На миг — только на миг — Данло задумался о том, что значит быть духовным вождем и непререкаемым религиозным авторитетом для многих миллиардов людей. Столь фантастическая мечта забавляла его, но Бертрам Джаспари со своими потными ручонками напряженно ждал ответа, и Данло, учтиво склонив голову, повторил:

— Я сожалею.

— Сожалеешь?! — Ненависть и зависть снова завладели лицом Бертрама, и вены на его шее вздулись, как насосавшиеся крови сверлящие черви. — Наман, ты мог бы стать Верховным Архитектором Вселенской Кибернетической Церкви!

Ну уж нет, подумал Данло. Прежде ивиомилы убили бы меня.

— Итак?

— Я всего лишь пилот, — сказал Данло. — И никем больше быть не хочу.

— Наманы!

— Нас очень много среди звезд, да? — улыбнулся наконец Данло.

Не сумев обойти Данло с этой стороны, Бертрам решил открыть ему часть своей истинной цели.

— Да, вас, наманов, везде хватает. Но в Алгоритме сказано, что в каждом заложен Архитектор, как в ребенке — зрелый мужчина. Если дать семени достаточно воды и солнца, из него вырастет чудесное дерево. В Бесконечной Программе Бога для вселенной написано, что все мужчины и женщины когда-нибудь станут деревьями, достойными бесконечного света Эде. Даже если ты в это не веришь, пилот, тебе должна быть близка наша миссия поливки семян и взращивания во вселенной таких деревьев.

— Никогда бы не подумал, что старейшина Церкви способен на такие поэтические речи, — с улыбкой заметил Данло.

Этот комплимент явно привел Бертрама в раздражение — он нахмурился и сказал:

— Я лишь повторяю то, что сказано в Алгоритме. Это не поэзия, пилот, это истина.

— Хорошо, пусть будет истина...

— Вникни в нашу проблему, пилот. Мы так много ивиомилов послали к звездам, чтобы принести наманам Программу Бога. А сколько Архитекторов пропало во время Великого Паломничества? Сколько Достойных, пилот! Одни из них никогда не видели Таннахилла, другие никогда больше его не увидят. Как можем мы быть уверены, что они следуют Программе

неукоснительно, не пытаясь редактировать ее? Как можем мы спасти их от впадения в негативные программы? Ты считаешь нас, ивиомилов, узколобыми, но мы не таковы. Мы всего лишь возвращаемся к былой чистоте и к истинным словам Эде. Если бы мы этого не делали, ивиомилы, посланные нами на Ленси, Зохерет и в другие миры, впали бы в ошибку и принесли наманам нечистый свет. Мы ни одному Архитектору не позволим впасть в ложные программы.

— Понимаю.

— Так ли это, пилот? А понимаешь ли ты, что Святому Иви придется когда-нибудь так или иначе восстановить контакт со всеми затерянными в космосе ивиомилами?

Данло помолчал, перебирая дырочки флейты, и спросил:

— Под контактом вы подразумеваете контроль?

— Все Архитекторы приносят обет послушания.

— Понятно.

— Ты согласен помочь нам? Ты знаешь, в чем мы нуждаемся. Ты мог бы обучить наших корабельных программистов космическому пилотированию.

Данло закрыл глаза, вспоминая, каково это — вести легкий корабль через причудливые пылающие пространства мультиплекса.

— Тогда мы сможем послать своих миссионеров даже на Таррус, и они вернутся к нам через несколько лет, а не через несколько жизней.

— Смогли бы, если бы я согласился обучать ваших ивиомилов, — поправил Данло.

— И что же?

— Мне жаль, но я не могу научить других быть пилотами.

Лицо Бертрама свело судорогой.

— Ты мог бы помочь нам, но ты не хочешь. Все в твоей воле.

— Нет. Мой Орден не разрешает нам, пилотам, делиться секретами своего мастерства.

— Твой безбожный, беспрограммный Орден.

— Если бы я даже согласился нарушить присягу, обучение пилотов — очень трудное дело.

— Но возможное.

— Делать из людей пилотов — это величайшее достижение Ордена. Званых много, но избранных мало. И далеко не все избранные становятся кадетами, а уж пилотами и подавно.

Кадеты гибнут, вспомнил Данло. Погибнуть в мультиплексе очень просто.

— Нараинских детей вы согласились учить.

— Да.

— Нараинских еретиков!

— Мы и Архитекторов согласны учить — но для этого вам придется посылать своих детей на Тиэллу, в Академию Ордена.

— Этому не бывать, — отрезал Бертрам. — По-твоему, мы отдадим своих детей в руки наманов? Ни за что.

Данло поморгал при виде ненависти, которую Бертрам источал, словно пот.

— Разве это решает не Святая Иви?

— Совершенно верно. — Глаза Бертрама помертвели, как камни. — Святая Иви.

— Святая Иви Харра эн ли Эде, — с нажимом произнес Данло.

— Очень опасная женщина, — кивнул Бертрам. — Мы и раньше это говорили. Мы думаем, что она попытается переписать Тотальную Программу и Программу Прироста...

Данло промолчал, глядя в мертвенно-серый лед его глаз.

— Мы думаем, что она готова принять *новую* Программу, которая послужила бы памятником ее правлению.

Данло почувствовал, что и его глаза загораются несвойственной ему ненавистью. Бертрам, не выдержав его взгляда, отвел глаза в сторону.

— Но поддержки, которую она имеет в Койвунеймине, пока недостаточно для принятия Новой Программы, — довольно нервно заметил он. — Ей нужно знамение, пилот. Твой завтрашний успех позволит ей принять свою Программу и тем самым погубить Церковь.

Данло отсчитал пять ударов сердца и спросил:

— Зачем вы пришли ко мне?

Взгляд Бертрама обежал всю комнату: красно-синего попугая в клетке, дверь, висячие цветы, алтарь, где светилась, подобно бесплотному ангелу, голограмма Николоса Дару Эде. Наконец, весь мокрый от пота, старейшина отважился снова взглянуть на Данло.

— В твоей власти спасти нашу Церковь. Да, пилот, в твоей.

— Продолжайте, пожалуйста.

— Ты можешь сказать, что еще не оправился после своего Вхождения к Мертвым. Тогда тебя не допустят к новому испытанию, а твоя гордость не потерпит ущерба.

Данло закрыл глаза и медленно покачал головой. Ему не верилось, что Бертрам может просить его об этом; он так растерялся, точно Бертрам обратился к нему на непонятном языке.

— Вы хотите, чтобы я добровольно... покрыл себя позором?

— Никакого позора в этом нет, пилот. Поступить, как велит тебе долг, почетно, а не позорно. Это поступок достойного человека, следующего Бесконечной Программе Бога.

Вот зачем ты пришел, подумал Данло. Все остальное было только прикрытием, ловкостью рук, как у фокусника.

— Ты готов помочь нам, пилот?

Данло потряс головой и выдул из флейты долгую ноту, похожую на крик снежной совы.

— А вот мы хотим тебе помочь. Окажем же помощь друг другу.

— Да, вы могли бы кое-что для меня сделать, — тихо, почти шепотом, сказал Данло.

Бертрам улыбнулся во второй раз за вечер.

— Долг каждого старейшины — помочь своим детям найти дорогу к истине.

— Сделайте мне одолжение, оставьте меня одного. — Данло мотнул головой в сторону двери. — Уйдите, пожалуйста.

Бертрам силился удержать на лице улыбку, но его внутренние программы препятствовали этому.

— Ты не так меня понял! — вскричал он, взбешенный отказом Данло.

— Напротив, очень хорошо понял.

— Выслушай меня, пилот!

— Нет уж, довольно.

— Мы просим твоей помощи в великом деле. — Бертрам потер свои потные руки, как трийский купец, предлагающий выгодную сделку. — И будет только честно, если мы дадим тебе что-то взамен.

— Мне ничего не надо.

— В самом деле?

— Оставьте меня одного — это все, о чем я прошу.

— Но когда ты говорил в Койвунеймине, ты просил не только об этом.

Боль вспыхнула у Данло, как раскрывающийся под солнцем огнецвет.

— Что вы... имеете в виду? — Но Данло хорошо помнил, что говорил в Койвунеймине в тот страшный день тлолта, выстрела и смерти, и знал заранее, что ответит ему Бертрам.

— Ты прибыл к нам в интересах своего Ордена, — сказал тот, — но и в своих тоже.

— Да. — Боль позади его глаз раздулась, как готовая взорваться звезда, и горячий комок надежды закупорил горло.

— Ты искал средство от Великой Чумы. Ты сказал, что она убивает племена алалоев, воспитавших тебя.

— Да.

— Ты надеялся, что мы, Архитекторы, знаем такое средство.

— Но его не существует. Харра не верит, что чумной вирус сконструировали Архитекторы Старой Церкви, и не знает такого средства.

— Наша Святая Иви знает не все.

Данло надолго затаил дыхание. Комок в горле разросся так, что не сглотнуть — как будто это его сердце застряло там, пульсируя от боли.

— Скажите, прошу вас, чего не знает Святая Иви?

Бертрам, по-прежнему торопясь, рассказал о поиске, который предпринял лично. Он как старейшина имел доступ в архивы Церкви, закрытые для простых чтецов и Достойных Архитекторов. В одном из этих древних массивов он нашел

многочисленные сведения о Войне Контактов. Особый интерес представляло завещание Радомила Иви Илланеса, Святого Иви, руководившего Старой Церковью на последних стадиях войны. Часть завещания за последнюю тысячу лет была утрачена или стерта, но остальное бросилось в глаза Бертраму, как новая звезда:

...Мы совершили ужасное. Великой ошибкой со стороны моих предшественников было заключение союза с воинами-поэтами, и безумием было согласие на создание вируса. Он убивал наших врагов миллиардами, как и предсказывали его конструкторы, но теперь он мутировал и заражает даже Достойных, оставшихся верными Программе и нашей вечной Церкви. Наши генетики нашли средство против него, но многих наших детей уже не спасти от страшной смерти.

Бертрам со вздохом поправил свою добру и досказал:

— Иви Радомил приказал своим генетикам создать антивирус, и это спасло Церковь. Но Архитекторов умерло так много, что нам пришлось бежать в самую темную часть галактики. Мы заново начали жить здесь, на Таннахилле, и в наших священных архивах живет информация, которую ты ищешь. Антивирус, по-видимому, очень сложен и труден для сборки, но я уже говорил с генетиками, и они уверены, что смогут его синтезировать.

— Правда? — Влага надежды жгла Данло глаза, и он, закрыв их рукой, отвернулся к окну. Когда он снова взглянул на Бертрама, тот смотрел на него с нетерпеливым и хитрым выражением. — Я вам не верю, — сказал Данло.

— Сознательная ложь есть хакр, — невозмутимо ответил Бертрам. — Мы, старейшины, очищены от подобных программ, и ложь для нас невозможна.

Это тоже ложь, подумал Данло. А вдруг правда? Агира, Агира, во что мне верить?

— Ты проделал такой путь, пилот. Ты так долго ждал. А теперь это средство почти что у тебя в руках.

Данло стиснул флейту так, что побоялся, как бы ее не сломать.

— Значит, вы пришли сюда из сострадания к моему народу?

— Сострадать людям — наш долг как старейшины Церкви. Мы питаем сострадание ко всем Архитекторам, на Таннахилле и в далеком космосе, и к наманам, которые могут стать Архитекторами.

— Понимаю.

— Ты хочешь спасти свой народ, а мы — наш.

— Понимаю.

— Ты поможешь нам, пилот? Чтобы наши генетики смогли сконструировать для тебя лекарство?

— Нет. Я не верю, что вы знаете средство. Я не хочу вам верить.

— Пилот!

Данло сделал глубокий вдох, и его сердце отстучало пять раз.

— Да?

— Разве ты можешь позволить себе сомневаться в существовании этого средства? Ведь ты нарочно заставляешь себя не верить мне!

Заставляю ли, думал Данло? О Боже, как мне заставить себя сделать то, что я должен?

Данло подвинулся на подушке так, чтобы смотреть в окно на звезды. Им полагалось сиять там миллионами, но в тот вечер загрязнение было особенно сильным, поэтому он насчитал только десять — и девять из них были сверхновыми в дальних областях Экстра.

— Ну же, пилот. Время позднее. Мы должны получить ответ.

Данло закрыл глаза, вспоминая лица Хайдара, Чандры и Чокло. У всех у них перед смертью шла кровь из ушей, а Чокло однажды ночью, сгорая от лихорадки и крича от нестерпимой боли, откусил себе половину языка. Такая же судьба ждет все другие племена алалоев. В детстве Данло ездил на собаках к патвинам и олорунам, а еще дальше к западу живут племена, у которых он никогда не бывал, но знал, как они называются: хонови, райни, вемилаты, пау-

шаны и тури. Есть еще и другие — их много, племен его благословенного народа. Данло пытался вспомнить историю далеких джиази, живущих на пятидесяти островах Крайнего Запада, и глаза всех его предков сияли в памяти, как звезды. В его памяти светило много звезд: весь рукав Ориона и все те, которые он оставил за собой на своем пути в Экстр. Их имена он тоже знал: Саральта, Мунсин, Каланит, Камала Люс — и еще тысяч десять. Сколько этих великолепных сияющих сфер погибнет, если Вселенская Кибернетическая Церковь не перепишет свою Тотальную Программу и не прекратит взрывать звезды? Сколько миллиардов людей от Иле Люс до Морбио Инфериоре умрет, если он, Данло, не даст Харре Иви эн ли Эде знамения, которого она так отчаянно ждет?

— Так как же, пилот? — Голос Бертрама напоминал звон разбившегося о камень стекла. — Мы должны получить ответ сейчас, в эту ночь.

Сколько алалоев, сестер и братьев Данло, еще продолжают жить к западу от Невернеса? Он не знал этого, ведь их никто никогда не считал. Зато в Экстре определенно живут миллиарды людей, строящих свои большие города во славу Бога, — около пяти миллионов миллиардов против нескольких тысяч алалоев. Данло смотрел на звезды, и его посетила ужасная мысль. Ценность человеческой жизни определяется не количеством. Потерять дорогого тебе человека в миллион раз больнее, чем услышать о гибели миллиона неизвестных тебе людей. Бесконечно больнее. Чувствуя эту правду как боль, молнией раскалывающую его голову, мог ли он отвергнуть дар, предложенный ему Бертрамом? Есть ли хоть малейший шанс, что Бертрам действительно нашел средство от медленного зла, как может он, Данло, отказывать благословенным алалоям в даре жизни?

— Нам пора идти, — сказал Бертрам. — У нас еще много дел до полуночи. Скажи, что поможешь нам, и ты улетишь с Таннахилла, имея при себе лекарство от Чумы. Но этот дар мы можем предложить тебе только теперь — завтра будет поздно.

— Нет.

— Что нет?

— Я отвечаю: нет. — Данло прижал флейту к пылающему лбу, но глаза его смотрели на Бертрама ясно, холодно и неподвижно. — Я не могу вам помочь и не стану.

— Подумай как следует!

— Завтра я пройду последнее испытание.

— Не делай этого!

— Я взгляну на небесные огни внутри себя...

— Будь ты проклят, пилот!

— ...И сохраню разум.

— Будьте прокляты вы все, неверные, грязные наманы!

Бертрам очень резво для своего возраста вскочил на ноги и встал, держа подушку перед собой, как щит.

— Звезды тоже живые, — прошептал Данло. — Они глаза Бога, благословенные звезды.

— Ты сумасшедший! — взвизгнул Бертрам. — Но завтра твое безумие тебя не спасет. И Харра тоже. Ты думаешь, что стены этого дворца защитят тебя, но твоя программа уже написана, и скоро она остановится, пилот, — очень скоро и очень внезапно!

— Уйдите, пожалуйста, — тихо сказал Данло. — Уйдите.

Бертрам снова выругался, потряс подушкой перед Данло, а потом с воплем досады и ярости кинул подушку в клетку с попугаем. Он промахнулся, но подушка одним углом все-таки задела клетку и сбила ее с подставки. Закричал попугай, взвихрились яркие перья, и клетка рухнула на пол. Данло метнулся подхватить ее, но не успел. На миг он испугался, что красивая птица пострадала или убилась, но попугай тут же заверещал и запрыгал в опрокинутой клетке, радуясь, что привлек к себе внимание, и намекая, что не прочь бы получить орех.

— Зачем вы это сделали? — спросил Данло.

— Нам не понравилось, как птица на нас смотрит.

— Но ведь это же только птица. Благословенная птица.

— Эта паршивая тварь тебе дороже, чем собственный народ!

Тут в Данло что-то сломалось. Забыв свой обет не причинять вреда ни одному живому существу, он схватил стальную подставку от клетки и, ослепленный ненавистью, которой

боялся пуще всего во вселенной, собрался обрушить увесистый стержень на голову Бертрама.

— Ты тоже убийца, верно, пилот? Как вся твоя семейка — воин-поэт рассказал мне про твоего отца. Видно, эта программа и для тебя написана.

— Вон отсюда! — Данло, стоя со стальной палкой в одной руке и шакухачи в другой, указал на дверь. — Вон.

— Теперь все зависит от тебя. — Теперь Бертрам говорил с явным намерением задеть побольнее, что было его излюбленным занятием. — Ты заявляешь, что ищешь мира. Ты полагаешь, что несешь свет, и надеешься помешать звездам взрываться. Но неприкосновенных звезд нет — они все уязвимы. Даже нараинское солнце. Даже звезда Невернеса.

Данло, не желая этого слушать, бросил стержень и дунул в мундштук флейты, издав режущий уши звук.

— До свидания, пилот. Увидимся завтра в Небесном Зале.

Сказав это, Бертрам Джаспари, главнейший старейшина Вселенской Кибернетической Церкви, вышел за дверь. Данло снова водрузил клетку на подставку и вернул на место подушки. Выпив чашку холодного чая, он поиграл попугаю на флейте, чтобы успокоить его и сделать ему приятное. Он играл не только для птицы, но и для своего народа, для алалоев, и это был не реквием, а гимн надежде. Он смотрел на небо за окном и играл звездам. Он играл долго, и ненависть ушла из него, а в глазах не осталось ничего, кроме света.

Глава 22

НЕБЕСНЫЕ ОГНИ

Зеркало служит для того, чтобы видеть в нем свое лицо, искусство — чтобы видеть в нем свою душу.

Бернард Шоу, эсхатолог Века Холокоста

Смелей не знаю я созданья:
Ведь он всегда готов
В чужое странное сознанье
Войти без лишних слов.

Неизвестный автор

На следующий вечер в Небесном Зале Данло подвергся последнему испытанию. Зал помещался в одном из мелких зданий, окружающих Храм, и был уникален и по функции своей, и по форме. Дом Вечности, Мавзолей Эде, Трапезная Старейшин и огромный куб самого Храма — все они своей беспощадной прямолинейностью отражали символику Церкви. С Небесным Залом дело обстояло по-иному. Дэвин Ивиэи Ивиасталир, восемьдесят восьмой Святой Иви, визионер, во многом отличавшийся от своих предшественников, построил его в виде крытого куполом амфитеатра. В противоположность черной налловой броне лишенного окон Дома Вечности легкий клариевый купол Зала создавал впечатление полного отсутствия стен и кровли. Тысячи Архитекторов, собравшиеся под

этим куполом, могли любоваться всеми прочими зданиями Нового Города, а десятки тысяч их единоверцев видели, что происходит внутри. В дни светоприношений паломники и горожане заполняли все земли Храма, чтобы посмотреть на играющие в куполе огни.

В день светоприношения Данло ви Соли Рингесса вокруг Небесного Зала столпилось особенно много народу: всем не терпелось узнать, действительно ли этот пилот-наман из Невернеса — светоносец. В самом Зале происходило то же самое. Данло, войдя туда, насчитал на пластмассовых скамейках двадцать восемь тысяч триста человек. Эти скамейки располагались ярусами вокруг круглой арены футов двести диаметром. Точно в центре арены стояло кресло.

Своими массивными золотыми подлокотниками и причудливой посеребренной спинкой оно скорее напоминало какой-то варварский трон, чем обыкновенное сиденье. Данло, следуя к нему в сопровождении телохранителей Харры, не мог отделаться от чувства, что собравшиеся ждут от него великих, почти божественных свершений. Между тем он был всего лишь человек — более того, он всегда терпеть не мог стульев и кресел, особенно таких, которые окружают мозг интенсивным логическим полем и выставляют напоказ самые сокровенные его процессы.

— Братья и сестры, прошу тишины.

Рядом с креслом стоял могучий старец с большим носом и зычным голосом — Явас Иколари, старейшина Явас, один из виднейших теологов секты юриддиков и близкий друг Харры Иви эн ли Эде. Харра попросила сказать его несколько слов перед началом испытания, и Явас любезно согласился.

— Эмиссары и наманы из миров Известных Звезд, паломники, Достойные Архитекторы, чтецы и собратья старейшины — мы рады видеть вас здесь. — Явас низко поклонился Харре, сидевшей в первом ряду напротив Данло. — Приветствую тебя, моя Святая Иви — ты оказываешь нам великую честь своим вечным присутствием.

Харра вернула поклон и ободряюще улыбнулась Явасу. Тот подчеркнул значение чудес, которые им вскоре предстоит уз-

реть, а затем углубился в довольно долгую и нудную историю церемонии светоприношения. Данло, выпрямившись, сидел на своем кресле и смотрел на Харру, занимающую почетное место в западном квадранте Зала. При всех других церемониях почетное место располагалось бы как раз напротив, в восточном квадранте, но в знак отличия светоприношения Данло от всех остальных кресло повернули на запад. Поэтому Святая Иви, желая находиться лицом к лицу с Данло — по крайней мере до начала испытания, — пересела на западную скамью, которую обычно занимали второстепенные старейшины Койвунеймина.

На сей раз рядом с Харрой сидели виднейшие деятели Церкви. Справа помещались Вареза ли Шен, Пилар Наркаваж и Пол Ивиэртес. Слева восседали Куоко Иви Ивацуи и Суль Ивиэрсье, самые старшие по возрасту из всех старейшин. С ними соседствовал глава элиди Киссия эн ли Эде, загадочный мистик, благосклонно относившийся к миссии Данло с самого начала. На десять скамей ближе к югу, так далеко, как только допускал протокол, охрана Зала поместила ивиомилов. Их представляли Едрек Ивиоген, Фе Фарруко Эде и Оксана Иви Селов, а в центре, хмурясь и пуская в Данло невидимые стрелы ненависти, сидел Бертрам Джаспари. Малаклипса Красное Кольцо посадили рядом с ним — далеко не случайно. Все места между ним и Харрой заполняли ее охранники, быстроглазые мужчины и женщины, бдительно следившие за ивиомилами и всеми другими, кто мог попытаться причинить Харре вред. Вся прочая публика смотрела только на Данло, одиноко сидящего на своем золотом кресле в центре Зала. Скоро, когда Явас Иколари закончит свою речь, их взорам представится другое зрелище: огни над его головой.

— Данло ви Соли Рингесс! — произнес Явас. — Желаешь ли ты принести жертву Богу Эде?

Данло, по примеру Достойных Архитекторов, взял с собой свой образник, который поставил на массивный подлокотник кресла. Голограмма Николоса Дару Эде мерцала в воздухе вместе с тысячами других голограмм. Светящийся Эде не подавал

виду, что действует по остаточным программам мертвого бога, и лишь благостно улыбался, как тысячи других Эде.

— Данло ви Соли Рингесс, готов ли ты совершить светоприношение в честь написания Эде Бесконечной Программы?

Данло, внезапно осознав, что Явас Иколари и все остальные ждут его ответа, вспомнил формулу, которой научили его телохранители Харры, и сказал:

— Да. Я желаю совершить светоприношение и совершу его.

— Он совершит светоприношение! — объявил Явас так громко, что его голос дошел до самых верхних рядов. — Будучи чист разумом и свободен от негативных программ, Данло ви Соли Рингесс желает доказать, что он достоин быть преображенным в Боге Эде.

Последние слова, хотя и были только формальностью, обеспокоили Данло. Пять дней назад в своей алтарной комнате он надел на себя священный шлем и связался с одним из исторических массивов. Там, в чистых и прохладных информационных потоках, он нашел много сведений о главнейших церемониях Церкви и выяснил, что светоприношение не всегда происходило публично.

Эта церемония зародилась около трех тысяч лет назад, в годы правления Валлама Мато Ивиэрсье, задолго до Войны Контактов и исхода Старой Церкви в Экстр. Тогда, на заре Церкви, светоприношение служило всего лишь визуальным пособием для чтецов, избавлявших своих собратьев от их негативных аспектов. Достойный Архитектор, входя в свой Храм (в первый храм на Алюмите), шел в маленькую темную камеру, где его встречал чтец, и подвергался очищению. Чтец надевал на голову Достойного серебряный шлем, и сканирующий компьютер составлял модель мозга очищаемого. Чтец изучал эту разноцветную голограмму величиной со светящийся образ Эде, такие только входили в моду. Если верить церковным мифам, опытный чтец без труда расшифровывал по такой голограмме чертежи и мастер-программы человеческого разума.

Каждый Архитектор был обязан совершать такие очищения, чтобы когда-нибудь полностью освободиться от негатив-

ных программ, доставляющих человеку столько горя. Все Достойные Архитекторы надеялись очиститься от них еще до старости, а уж перед смертью непременно. Только чистый разумом может ожидать, что его паллатон поместят в вечный компьютер, и поэтому никто не должен пренебрегать своим духовным совершенствованием.

На деле в кибернетическом спасении души почти никому, конечно, не отказывали. По мнению одних, это подтверждало, что Церковь имеет власть переписывать небезупречные персональные программы. Другие — например, элиди, — видели в этом доказательство коррупции в Церкви. То, что почти все Архитекторы перед смертью объявляются безупречно чистыми, противно всякой вероятности, говорили они. Расследование семисотлетней давности показало, что чтецы, объявлявшие Архитекторов достойными преображения, сами были заражены наиболее негативными из программ. Многие из них оказались на поверку гордыми, честолюбивыми и злобными. Они оказывали услуги один другому и видным Архитекторам, желавшим попасть в Койвунеймин. Иногда они просто продавали желанные черные эмблемы, которые Архитекторы того времени носили на рукавах в знак чистоты разума. Они забрали в свои руки великую власть над человеческой жизнью, но их прочтения, в чем обвинял их тогдашний глава элиди Габриэль Мондрагон, были в лучшем случае неточными. В действительности прочесть программы разума по цветным огонькам почти невозможно, а уж определить, позитивны они, негативны или божественны, — тем более. Древние прочтения программ грешили самообманом, тщеславием и в особенности гордыней. Именно гордыня способствовала эволюции светоприношения в его современном виде.

— После многих размышлений над тайнами Бесконечного Разума Эде, — продолжал Явас, — Данло ви Соли Рингесс желает доказать, что человеческий ум во всем своем блеске есть только отражение божественного.

В более поздние времена князья Церкви, объявленные свободными от негативных программ, возымели желание продемонстрировать свое совершенство и другим людям, помимо

своих личных чтецов. Они созывали целые конклавы чтецов, чтобы предъявить им сияющие голограммы своего разума. Но в читальных камерах помещалось слишком мало зрителей, и гордые магнаты разума потребовали сделать их триумф доступным для всех Достойных Архитекторов.

Церковь удовлетворила их требование. Поскольку даже контактные залы не могли вместить тех, кто желал зреть воочию модели совершенного разума, началось строительство первых ассамблей, посвященных исключительно этой новой церемонии. Эти кубические здания стали называться Небесными Домами, а те, кто демонстрировал в них свой божественный свет, — Совершенными. Это были артисты разума, мастера глубочайших программ своего мозга. Они умели управлять своими моделями. Первоначальные светоприношения представляли собой статистические картины, застывшие во времени, как цветной лед или фотографический портрет. Но Совершенные, желая показать свой разум во всей красе, начали создавать движущиеся мыслеобразы, не уступающие величием прекраснейшей музыке человечества. Так, с течением веков, светоприношение превратилось из персональной и чисто религиозной обязанности в публичное зрелище. При этом никто не забывал, что светоприношение совершается в честь Бога Эде, и многие посещали их не только ради самого зрелища, но и ради испытываемого во время него благоговейного трепета.

— А теперь, — объявил Явас, — наша Святая Иви расскажет вам о сегодняшней церемонии.

Закончив официальную часть, предшествующую всем выдающимся светоприношениям, Явас занял свое место на скамье рядом с Харрой. Харра встала, и Пол Ивиэртес придержал подол ее белого кимоно.

— Дети мои, — начала она и, взглянув на Данло, одарила его улыбкой. — Дети мои, мы должны напомнить вам, что мы собрались сегодня здесь не только как зрители светоприношения, но и как свидетели истинности нашего Святого Алгоритма. Разве не сказано в нем, что однажды, когда мы будем близки к отчаянию, к нам явится человек со звезд? Разве не сказано,

что это будет человек, не знающий страха, который посмотрит на небесные огни внутри себя, не утратив разума?

Данло, сидя на своем золотом стуле перед тридцатью тысячами человек, с трудом сдержал улыбку. Харра превозносила его бесстрашие, а между тем его шейные артерии пульсировали так, точно кто-то внутри ритмично бил одним камнем о другой. Глядя на Харру, стоящую в западном секторе зала, он вспомнил, что именно лицом к западу мужчинам его племени полагается умирать. Когда мужчине приходит время совершить путешествие на ту сторону дня, его сыновья и дочери заворачивают его в меха и прислоняют к стволу дерева йау, чтобы он видел замерзшее море и слышал ветер, зовущий его.

— Мы должны напомнить вам, — продолжала Харра, — что Данло ви Соли Рингесс не принадлежит к Совершенным, и мы собрались не затем, чтобы судить о красоте его разума. Мы находимся здесь лишь как свидетели его испытания. Сможет ли он посмотреть на небесные огни внутри себя так, чтобы остаться в живых и рассказать нам о том, что он видел? Действительно ли он светоносец, который укажет нам путь ко всему, что возможно?

Харра сделала паузу, чтобы взглянуть на Бертрама с Малаклипсом, и сказала:

— Мы будем молиться, чтобы он оказался светоносцем, ибо для нашей вечной Церкви поистине настали темные времена. Мы просим вас всех помолиться за Данло ви Соли Рингесса. Светоносец он или нет, сегодня он увидит небесные огни, на которые даже совершеннейшие из Совершенных не смеют смотреть, чтобы не лишиться разума.

Харра склонила голову, и 28 345 мужчин и женщин, словно роботы, работающие по единой программе, последовали ее примеру. Но в зале в тот вечер находилось 28 348 человек. Бертрам Джаспари в молитве не участвовал; Малаклипсу как воину-поэту, не разрешалось молиться и отправлять иные религиозные обряды; Данло ви Соли Рингесс, держа в руках свою флейту, сидел с поднятой головой и не закрывал глаз. Приемный отец Хайдар учил его, что мужчине можно молиться за свою семью, за свое племя и за всех живущих на свете людей.

Наедине с собой он может даже помолиться за то животное, что составляет половину его души, но за себя молиться не пристало — тем более в присутствии стольких людей, которые молятся за него.

— Мы желаем тебе удачи, Данло ви Соли Рингесс из Невернеса, — сказала Харра, простирая руки ко всем Архитекторам на скамьях зала. — Все желаем. Да будет тебе дано узреть Его Бесконечный Свет, как свой.

С лучезарной улыбкой, свидетельствующей о ее бесконечной вере в Бога Эде (а может быть, и в человека по имени Данло ви Соли Рингесс), Харра опустилась на скамью, и свет в куполе начал гаснуть. Арена вокруг Данло и промежутки между рядами налились густой темнотой, и в зале на миг настала глубокая тишина. Данло слушал свое дыхание, и ему казалось, что в его сердце и во всем мире гуляет ледяной ветер. Металлическое сиденье и подлокотники холодили тело, и он жалел, что не надел шерстяную камелайку вместо парадной шелковой формы. Серебряные выступы по обе стороны от его головы, похожие на крылья чайки, заключали его мозг в логическое поле, столь мощное, что он почти чувствовал его гул. Данло считал удары своего сердца и ждал, когда сканирующий компьютер в головной части кресла создаст модель его мозга.

Агира, Агира, думал он, — это последнее испытание.

По правде говоря, он не верил, что это светоприношение сможет сравниться по трудности и опасности с его Вхождением к мертвым. Конечно, ни один-человек в здравом уме не стал бы добровольно смотреть на модель собственного мозга. Один только взгляд на зрительный участок коры способен вызвать интенсивный обратный пучок света, сжигающий мозг. Чем бы ни было это светоприношение, надувательством или занимательным зрелищем, смотреть на собственное сознание опасно любому, даже мастер-цефику. И все же это менее опасно, чем позволить служителю Храма подавать образы прямо тебе в мозг. Сегодня Данло не будет подключаться к компьютеру. Сканеры в серебряном подголовнике только скопируют работу его нейронов — они не ввергнут его в будущую сюрре-

альность и не заставят встретиться с собственными демонами. И если зрительная кора будет светиться слишком интенсивно, всегда можно закрыть глаза и прервать обратную связь. В худшем случае никогда не проходящая до конца головная боль помучает его некоторое время — или он ненадолго погрузится в ужас чистого сознания. Как сказал ему дед однажды, в мороз и жестокую вьюгу: искусство путешествий в неизведанное состоит в том, чтобы знать, что делать, когда не знаешь, что делать.

Я загляну в себя и увижу, как я улыбаюсь себе, подумал он и вспомнил свое любимое старое стихотворение: «Вселенной око я; / лишь чрез меня / Величие свое дано узреть ей».

Потом в черном воздухе над ним, из пустого пространства под куполом, внезапно возник большой световой куб. Глаза не постигали всей глубины этого света, и Данло вдруг понял, что это испытание будет неизмеримо опаснее всего, с чем он сталкивался прежде. Он сидел неподвижно, держа в правой руке флейту, а левой касаясь белого совиного пера в волосах. Где-то перед ним, в непроглядной тьме, сидела Харра, и Едрек Ивионген, и Бертрам Джаспари, и тысячи других Архитекторов — но они не входили в его поле зрения, и он их не видел. Он видел только свет над собой, цветные огни, сливающиеся в сплошной страшный свет. Данло слишком легко воспринимал это сияние. Куб висел над западным квадрантом Зала, а золотое кресло обычно, по вполне понятной причине, поворачивали лицом к наиболее темной восточной части. Данло и сам бы с удовольствием обернулся в ту сторону, но нет: он обещал посмотреть на то, на что не разрешалось смотреть даже величайшим из Совершенных Вселенской Кибернетической Церкви.

Это всего лишь голограмма, думал он. Я в своей жизни видел десять тысяч таких.

Световой куб действительно представлял собой голографическую модель его мозга, увеличенную, однако, в двести раз. И модель эта не была точной. Человеческий мозг — это куча нервных клеток, трещин и складок, слепленных вместе, как клубок червей. Светоприношение же выглядело как

правильный куб, как будто весь мозг Данло с корой, стволом и мозжечком втиснули в коробку. При этом он был представлен здесь целиком, включая гиппокампус и крошечные, как орешки, миндалины. Сто миллиардов нейронов работало у Данло в черепе, и каждый из них был представлен на модели в виде маленького огонька. Когда одна из клеток срабатывала, соответствующий ей огонек на схеме вспыхивал, а затем бледнел.

По всей голограмме, от центра к восьми углам, бежали сиренево-аквамариновые волны, и глаз Данло едва поспевал за их кошмарно сложными завитками. Данло пытался также уловить проблески карминного, изумрудного и розового, отмечающие нейроканалы, но в этой модели ничто не держалось дольше мгновения. Подумав об этом, Данло тут же увидел вспышку импульсов в мозговой коре — вернее, в верхней фронтальной части куба, где помещался его мыслительный центр и где оттенки менялись от рубинового до красновато-коричневого. Данло отметил эти импульсы, и этот его акт вызвал у него новые мысли, пробежавшие по голограмме со скоростью перегретого пара.

Мысль — это движение, а движение — это свет, подумал он. Его глаза шарили по кубу в стороны, вверх и вниз. Он ожидал, что все шесть граней будут светиться, наполняя куб своим сиянием. Однако, к его изумлению, большая часть голограммы оставалась темной, даже черной. В каждую секунду загоралось не более пятой части его нейронов. Данло, зная, что это опасно, все-таки взглянул на заднюю секцию куба, где тускло-красным огнем светилась зрительная кора. Одно то, что он зафиксировал внимание на этом тревожном оттенке, заставило вспыхнуть множество нейронов в его зрительном центре. Модель засверкала, и Данло, глядя на эти вспышки, активировал тем самым еще большее количество нейронов. В один момент весь участок зрительной коры загорелся ярко-лиловым пламенем. Боль, вызванная этим, горячим ножом вонзилась в глаз Данло и прошила мозг. Он почти что видел эту боль: она выглядела как черный туннель с огненными стенами. Он чуть не потерял сознание, но заставил себя не делать этого.

Он смотрел на страшный огонь собственного зрения долго, не меньше трех ударов сердца — достаточно, чтобы Архитекторы затаили дыхание от изумления и страха.

Не стану бояться, думал Данло, глотая воздух. Страх похож на ледяную воду, пропитывающую каждую клетку твоего тела, и с ним можно справиться пятью способами. Одни бегут от него, как от разъяренного медведя, другие глушат его одеялом фальшивых эмоций и притворяются бесстрашными. Мастер заншина, ведя смертельный бой, позволяет страху струиться сквозь него, как вода, не цепляясь за него и не ставя ему преград, а лишь наблюдая за его течением как будто через стекло. Воины-поэты, по общему мнению, страха не ведают — но они в чем-то уже перешли за грань человеческого. Считается, что и галактические боги преодолели столь низменные программы, но боязливая голограмма Эде у локтя Данло опровергала эту версию. Возможно, отец Данло, если он действительно стал богом, открыл, как можно победить страх смерти. Но Данло оставался человеком, не собираясь становиться никем иным, и он избрал для себя пятый способ. Он посмел посмотреть в глаза величайшему своему ужасу и преобразовать его — так сетчатка глаза преобразует убийственную радиацию солнца в свет, озаряющий мозг. Его способом было чувствовать страх как возбуждающий трепет. Еще ребенком он искал опасности и смерти, играя с медвежатами. Однажды, в ночь трех лун, дед сказал ему, что эта дикость натуры будет и самой большой его слабостью, и величайшей силой. Харра Иви эн ли Эде провозгласила его бесстрашным, но на деле он был только диким — диким, как ветер, как белая талло, которая кувыркается в воздухе лишь для того, чтобы испытать свои крылья.

Не стану бояться, говорил он себе. Я попробую свой страх на вкус, и он сделает меня еще более живым, как глоток медвежьей крови.

Когда боль уже почти ослепила его, он наконец отвел глаза от той части куба. Был момент, когда он думал, что ослеп по-настоящему, потому что перед глазами стоял сплошной мрак. Потом он понял, что его взгляд всего лишь перешел на учас-

ток моторной коры. Поскольку он сидел неподвижно, нейроны в той секции тоже застыли, как черный лед.

Большая часть вселенной темна, вспомнил Данло, но из тьмы рождается свет.

Он убедился, что не ослеп и не сошел с ума, и горячая волна разлилась у него в животе. Он отнаблюдал это на модели, как алое свечение всех нейронов — как будто капля крови растворилась в стакане с водой. С окрепшей уверенностью он стал следить за разноцветными потоками своих мыслей. Он не был Совершенным, зато занимался мыслительными дисциплинами, о которых ни один Архитектор даже не мечтал. В юности фраваший-ский Старый Отец учил его трудным языковым философиям. Он сидел у костров с аутистами, когда они в общем просветлении исследовали мыслеландшафты реальной реальности. С помощью Томаса Рана, величайшего из мнемоников Ордена, он овладел почти всеми шестьюдесятью четырьмя положениями глубокого воспоминания. По природе своей он был математиком, по профессии — пилотом Ордена Мистических Математиков. Он пережил раздробленные пространства мультиплекса благодаря умению доказывать трудные теоремы и мыслить спокойно и четко перед лицом смерти. Он решил, что и сейчас будет так мыслить. Из любви к игре и из гордости он решил взглянуть на свой мозг во всем блеске его математического вдохновения.

Величайшей из всех известных ему теорем была Гипотеза Континуума.

Его отец доказал эту Великую Теорему, доказал, что между любыми двумя парами дискретных множеств точечных источников Лави существует прямой маршрут. Из этого следовало, что каждый пилот может вычислить прямой маршрут от одной звезды галактики до любой другой — если он достаточно для этого гениален. Для Данло отцовское доказательство было образцом изящества, шедевром холодного искристого света, и он решил мысленно поработать над ним. Он вызвал у себя в уме кристальные идеопласты, представляющие основное положение теоремы. Он занялся пятью леммами Гади, восхищаясь их силой и неотвратимо развертывающейся логикой.

Он доказал, что подпространство Джустерини входит в простое пространство Лави, и перед его мысленным взором выстроилась армия алмазных и изумрудных идеопластов, прекраснее прославленных соборов Веспера. И вся эта красота отражалась в светоприношении. Вся кора мозга теперь переливалась мандариново-алыми кольцами, кобальтовые сферы светились внутри топазовых, золотистых и хризолитовых. Дальней частью сознания Данло отмечал, как ахают Архитекторы в зале, пораженные великолепием голограммы. Им еще явно не доводилось видеть тайного пламени и безупречного порядка чистой математики.

Свет, свет — прекрасный и ужасный свет.

Данло тоже никогда этого не видел — по крайней мере таким образом. Он смотрел на огни своего разума, играя с логикой и цифрами. Он заново пробежал старинные доказательства Мотыльковой Леммы Зассенхауза и Теоремы Координат; он посвятил пару долгих мгновений теоремам, которые так и не были доказаны. И все это время он не отводил глаз от светоприношения, следя, как строятся и рушатся разноцветные узоры. Затем его стали посещать новые мысли, идеи странной новой математики, включающей в себя парадоксальную логику и весьма мистическое восприятие порядков бесконечности. Полностью контролируя свое мышление, Данло находил удовольствие в выстраивании фантастических мысленных конструкций и сверкающих, почти радужных концепций и абстракций. В лучшие его моменты по кубу проходил мощный мыслешторм, ослепляя Данло и тысячи других своим сиянием. Слыша восторженные возгласы зрителей, Данло понимал гордость Совершенных, создавших этот вид искусства. Более того — он чувствовал свою гордость, эту безмерную гордыню, которую некоторые люди носят в своих сердцах, как ядерную бомбу с часовым механизмом. У Данло, пилота и будущего алалойского шамана, она выражалась в дикой готовности отправиться в любую точку вселенной. Дед предупреждал Данло, что эта дикость когда-нибудь приведет его либо к Богу, либо к дверям его неотвратимой судьбы.

Я свободен, думал он. Мой ум свободен, и я свободен управлять им по собственной воле.

Несколько ликующих мгновений он наслаждался способностью рисовать любые мысленные узоры, какие только пожелает. Он создавал и переделывал их с легкостью живописца, наносящего краски на холст. Потом он заметил нечто ужасное. Когда он сосредоточивался на определенной части мозга, желая развернуть там определенный узор, будь то затылочные доли или сенсорные участки вокруг центральной борозды, то между воспламенением нейронов и его осознанием соответствующей этому мысли стала наблюдаться некоторая задержка. Эта задержка составляла не более половины секунды, но то, что она вообще имела место, ужаснуло Данло. Он попытался думать быстрее, чем светоприношение моделировало его мысль, — но с тем же успехом он мог бы попробовать танцевать быстрее, чем его отражение в зеркале. Какие бы красоты он ни измышлял и в какое бы место внутри себя ни заглядывал, осознание мысли каждый раз отставало от порождающих ее мозговых процессов. Оставалось признать, что все его мысли и память целиком зависят от воспламеняющего его нейроны химического шторма — в том числе и эта последняя устрашающая мысль. При чем тут его воля, где свобода думать, действовать, двигаться и дышать? Где свобода выбирать между двумя страстями, любовью и ненавистью? Хуже того: какой смысл говорить, что он любит жизнь или еще что-то, если он — всего лишь химический механизм, запрограммированный реагировать на беглый огонь своего мозга?

Я — не я. Я — это свет, танцующий быстрее света, свет, зажигающий огонь.

Сидя весь потный на своем металлическом кресле, Данло услышал, как по рядам пробежал беспокойный ропот. Архитекторы, большинство из которых были фанатами и знатоками разума, обнаружили в красивых, лиловых с золотом структурах глубоких программ Данло легкую дисгармонию — нарушение симметрии и опасные, ртутно-быстрые реакции мозга, слишком пристально следящего за собственной работой. Данло, начавший искать подлинный источник своего «я», сбил тайные мозговые ритмы. Он генерировал новые ритмы, не свя-

занные с саморегулирующимися циклами его организма. Теперь он думал со всевозрастающей скоростью. Время между срабатыванием нейронов и осознанием им собственных мыслей сократилось — но не потому, что он нашел способ преодолеть этот барьер, а потому, что его сердцебиение, по которому он отсчитывал время, участилось. На светоприношение он по-прежнему смотрел не отрываясь и начинал ненавидеть эту модель, предвосхищающую его мысли. Эта ненависть отразилась на голограмме в виде темно-фиолетового свечения, окрасившего, как чернила, почти все скопления нейронов от лобовых долей до мозжечка. В состоянии почти полной беспомощности он стал видеть в светоприношении не просто модель своего мозга. Он чувствовал себя так, словно у него украли душу и подвесили в черном воздухе всем напоказ. Он испытал момент отчаяния, силясь понять, как эти миллиарды огоньков сумели вобрать его аниму — ту часть души человека, где обитает его воля и огонь его жизни.

Я — почти я. Если я загляну достаточно глубоко достаточно быстро, я увижу, что я вижу, что я...

Если бы Данло в тот момент отвел глаза от небесных огней, на этом его испытание и закончилось бы. Если бы он встал сейчас с кресла и отвернулся от светящегося куба, многие Архитекторы, перешептывающиеся на своих скамьях, провозгласили бы его светоносцем. Но он еще не привел себя к источнику собственного света. Он не собирался отводить взгляд, пока не найдет то место внутри себя, где исторгается из его тайного рая (или ада) энергия его сознания. Никто не знал об этом, кроме него самого. Если Харра, а возможно, Киссия эн ли Эде и еще несколько человек понимали, что он балансирует на грани безумия, то другие только восхищались его мужеством и упорством, побуждающим его смотреть на светоприношение дольше, чем это необходимо.

— Я — око, через которое смотрю на себя. Я — это Я, Я, Я...

Данло знал, что может перестать смотреть в любое время, когда захочет. При этом он знал, что ни за что не сделает этого трусливого шага. Он мог и в то же время не мог — в этом и заключался ад его существования. Он словно балансировал на

скалистом краю возможного, и самое слабое дуновение ветра могло вызвать его падение. Парадоксальная природа выбора как такового побуждала Данло отыскать источник свободы собственной воли (или железные цепи своего рабства). Это стремление загоняло его все глубже в себя, в самую таинственную и дикую часть вселенной, и ему открывалось многое. По мере того как он погружался в шторм сознания, бушующий в его мозгу, все его ощущения обострялись. Ему казалось, что на ушах у него отросли руки, которые он мог протянуть в зал и уловить даже самые тихие шепоты. Он слышал, как Бертрам Джаспари говорит Едереку Ивиогену, что проклятый наман наконец-то спятил. Данло ви Соли Рингесс перешел порог, из-за которого не возвращаются, и можно не опасаться, что он войдет в их святой Храм с улыбкой на губах и светом в простертой руке. Харра Иви эн ли Эде тоже думала о нем, и Данло почти слышал ее тихую молитву. Напряжение, вибрирующее между ею и Бертрамом, как полоса растянутой стали, соединяло их судьбы. Новым чувством, для которого у него пока не было имени, Данло ощущал, что эта сила притягивает и его. Воина-поэта он чувствовал так, словно находился в одной клетке с тигром. Малаклипс с двумя красными кольцами, поклоняющийся смерти и другим тайнам вселенной, смотрел на него с трепетом, почти с любовью. Неутолимая жажда бесконечного вызывала у него дрожь. Его темно-лиловые глаза подстрекали Данло уходить еще глубже в собственное сознание, навстречу смерти или высшему триумфу — а может быть, тому и другому. Малаклипсом, как и всеми его собратьями, руководила мечта постигнуть природу вечности. Он искал в Данло признаки божественности, и на его красивом лице читался старый вопрос: действительно ли Данло сын своего отца? Достанет ли у него гордости штурмовать божественные высоты, как это сделал Мэллори Рингесс?

Он все еще готов убивать всех потенциальных богов, сознавал Данло. Он мог бы убить меня прямо здесь и сейчас — ножом или отравленным дротиком. Вот только способен ли человек стать богом по-настоящему?

Он понял внезапно, что его отец совершил когда-то то же самое путешествие, которое сегодня совершает он. Во всяком существе, будь то человек, снежный червь или бог, горит собственный свет. Каждый мужчина и каждая женщина — это звезда, и Мэллори Рингесс в бытность свою человеком горел стремлением постигнуть правду собственной души. Данло, приказывая себе смотреть на светоприношение и продолжать свой путь в неизведанное, в некотором смысле был не один. Отец, как звезда, следил за ним изнутри и ждал его, все время направляя его вглубь, к огненному центру вселенной.

Отец, отец.

Настал момент, когда Данло перестал понимать, куда он смотрит: на светящийся куб или на свет своего разума. Он чувствовал, что падает — не как птица с поломанными крыльями, несущаяся навстречу твердому льду и определенному моменту времени, но бесконечно, все быстрее и быстрее, как легкий корабль, затягиваемый в черную дыру. Он ощущал это падение как тошноту и страшное ускорение мысли. Оно сопровождалось грандиозными искривлениями времени. Он видел, как ускоряется мерцание огней его мозга. С Архитектором, когда он преображается перед смертью, происходит то же самое — но Данло, почти что осязая программы своего мозга, чувствовал, что распадается на миллиарды световых волн, чья скорость возрастает бесконечно. Он дробился и смотрел теперь на свой разум, как сквозь алмазные линзы, увеличивающие уже не в десять, а в десять тысяч раз. Волны его сознания, поначалу казавшиеся плавными, как извивы змеи, заострились, как зубы тигра. Чем пристальнее он смотрел, тем больше эти волны дробились на более мелкие — до бесконечности. Как красивы были они, эти волны, хрупкие, словно льдинки под горячим ветром! Он мог удержать их только на мгновение — потом они ломались и исчезали в черной пустоте у него внутри. Он понял тогда, что он и есть эти световые волны, ничего более, — это он вибрирует, и сверкает, и уходит в слепящую черноту своей души.

Отец, отец, мне страшно.

Он помнил, как в свои десять лет заблудился на морском льду после охоты на тюленя. Когда стемнело, из мрака на него бросился белый медведь — зверь высился над сугробами, как гора. Он запросто мог бы убить Данло еще до того, как мальчик поднял копье, но он, как выяснилось, хотел только поиграть с ним. С медведем иногда такое случается. Он только напугал Данло и вовлек его в отчаянный танец выживания, а потом ушел. Данло до сих пор помнил свой испуг и удивление, помнил судорогу в животе и крик, который так и не успел сорваться с его губ. В тот момент он испытал самый сильный страх за свою жизнь, но ужас, который он испытывал сейчас, падая в себя самого, был бесконечно сильнее. Данло казалось, что на этот раз ему не уйти. Он чувствовал, что теряет контроль над своими мыслями; мыслительные всполохи проносились мимо него с останавливающей сердце скоростью. Как будто его привязали к ракетным саням и вынудили смотреть, как мелькают в гладком льду под ним отражения звезд. Отражения его ума ошеломляли своей внезапностью, как открытие огня человеком. Мелькали математические концепции, тревоги и чьи-то лица, мелькало его отношение к страху, мелькали идеи, контр-идеи и бесчисленные воспоминания. Многие мысли, как он заметил, являлись попарно. Не успевал он подумать, что жизнь его полна радости, как через бесконечно малый промежуток времени его пронзала молнией противоположная мысль. Утверждающие мысли вспыхивали попеременно с отрицающими; его потребность сказать «да» всему (даже этим странным противоречиям, сводящим его с ума) шла в паре с ужасом и огромным «нет» самому существованию. За одно мгновение у него могли сформироваться десять мыслей, которые вступали в противоречие, разбивались и перестраивались в новые. Одна мысль влекла за собой тысячу других, за каждой из которых следовала еще тысяча. Простейшая мысль, как ледяной кристаллик, попавший в переохлажденное облако, могла вызвать цепную реакцию: кристаллизовались миллиарды миллиардов других мыслей, и начиналась метель. Мыслям не было конца, и он не мог ни уследить за

ними, ни удержать их, ни управлять ими, потому что они разлетались во все стороны, в бесконечность.

Я знаю что знаю что да это да а нет это нет и что не бывает да без нет нет нет но что да следует за нет как день за ночью и тьма за светом свет это да а нет только ничто откуда выходит «я» свет совет завет я знаю что скажу нет но нет я не должен я знаю нет нет нет.

Данло кружил в мыслешторме, бушующем в его мозгу, как талло в буране — только здесь вместо снеговых кристаллов мерцали и сливались волны сознания, все время перемещаясь, и танцуя, и создавая узоры, прекрасные и ужасные. Данло видел фиолетовые кольца и алые с золотом потоки, видел все цвета спектра и совершенно новые, еще невиданные. Совершенные, созерцая эти огни со своих мест, думали, должно быть, что Данло наконец-то постиг свои глубокие программы. Но это означало бы отстранение и свободу воли, чего Данло как раз и не чувствовал больше. В некотором смысле он понимал сейчас себя как простейшее существо, полностью зависимое от триптаминовосеротониновых штормов, воспламеняющих его нейроны. Он сам был этим пламенем, и горел, и не мог помешать этому горению.

Он понял наконец страдание своего друга Ханумана ли Тоша, который тоже совершил путешествие в себя и вернулся, чтобы рассказать, какой ад ему открылся. Это была боль существования в чистом ее виде, боль материи, которая формируется, и рушится, и комбинируется, и разлагается, и дробится, и комбинируется снова без смысла и цели, до бесконечности, до конца времен. Это была боль богов, трагических существ, которые чувствуют себя отрезанными от этого потока атомов и фотонов, но тоже подвластны пламени, не поддающемуся до конца их контролю. Возможно, эта боль была даже болью Бога, глубокой и ужасной: ведь если Бог есть субстанция всего сущего, то его бесконечное тело непрерывно стареет и распадается — во всех мирах и в каждой космической пылинке, в бесконечности пространства и времени.

Бог — это пожирающее Бога вечное пламя, думал Данло. Этому горению не будет конца. Данло знал это и ужасался

вероятности того, что вечно будет гореть в собственном огне. Он ненавидел себя за этот страх и ненавидел свою же ненависть с такой силой, что покончил бы с собой, если бы мог приказать себе умереть. Но в этот момент он был только красным ревущим пламенем, у которого нет ни желаний, ни воли — есть только отчаяние. Его отчаяние было еще более абсолютным, чем у пилота, который вернулся со звезд и увидел, что его родной мир сожжен радиацией какой-то сверхновой. Оно превышало отчаяние бога, видящего, как целая галактика исчезает в черной дыре, созданной его врагом.

Сам Данло сейчас исчезал в себе, проваливаясь в темную глубину и пылающее холодное небытие своей души. Он чувствовал себя камнем, летящим в бездонный пруд. Он падал и падал, и все его существо состояло из этого бесконечного падения и бесконечного времени, из бесконечности, ожидающей внизу, из огня внутри огня, боли внутри боли, из тьмы, переходящей в еще более полную и черную тьму. За один удар сердца, за одно мгновение он проживал десять тысяч лет.

Чтобы жить, я умираю. Жить, жить — нет, нет, нет, нет.

Настал момент, когда он подумал, что долго не проживет. Да он и не хотел больше жить, если жизнь сводилась к этому бесконечному падению. Его мозг соединен нервами с каждой частью его организма — значит он может рассылать приказы всем своим мышцам и органам. Если он очень постарается, то найдет способ остановить свое сердце. Он почти что различал этот способ в черных туннелях отчаяния, пронизывающих его мозг, он почти что его видел. Где-то внутри него, как бриллиант в черном бархатном футляре, сверкал секрет жизни и смерти. Данло смотрел все глубже, страшась открыть этот футляр. Ключ был почти что у него в руках — он покачивался, как золотая раковина, на гребне его сознания. Данло прожил десять миллиардов лет с этим ужаснейшим из желаний. Он мог приказать себе умереть. Он мог это сделать почти так же легко, как задержать дыхание. Он вспомнил Леандра с Темной Луны и восемь других пилотов, которые погибли, отыскивая путь в Твердь. Они, как и он, искали тайну вселенной, но нашли нечто другое. Они

слишком боялись умереть и поэтому умерли — так сказала ему сама богиня. Выходит, если он встречает свою смерть без страха и с открытыми глазами, это значит, что он обречен жить? Или выбор, в конце концов, все-таки есть?

В конечном счете мы сами выбираем свое будущее, вспомнил он.

Это были слова его отца, его матери — а может быть, их пропел ветер или прокричала снежная сова в лунную ночь. Это шептал, плача и смеясь, он сам. Падая все глубже в темный ревущий океан самого себя, он слышал зов своего сознания. *Своего* сознания, *своей* воли — он чувствовал, что воля к жизни по-прежнему бурлит в нем, как в талло, летящей к солнцу. Он знал, что так и должно быть, и это знание изумляло его. Разве не считал он себя рабом химических веществ, бушующих в его мозгу? Да, он *был* этими веществами, входящими в тонкую оркестровку его тела и мозга, но какое это имело значение? Данло приказал себе увидеть себя таким, какой он есть на самом деле. Это было все равно что посмотреть в зеркало, отражающее миллион других зеркал с далеким-далеким бликом его лица. Глядя туда, внутрь, в колодезь тьмы, где брезжил далекий свет, Данло уловил темно-синий проблеск — цвета своих глаз, или бесконечности, или самого сознания.

Глядя в черное сияющее небо, ты видишь только себя самого. Глядя в глаза Бога, ты видишь, что им нет числа.

Данло, глядя на свой мозг собственными глазами, видел звездный свет. Сто миллиардов нейронов вспыхивали в быстром, глубоком ритме, который он только теперь начинал понимать. Внутренняя работа мозга состояла, конечно, не только из загорания всех этих отдельных клеток. Ни одна часть мозга не существовала отдельно от других. Многие нейроны переплетались синапсами с десятью тысячами других — а порой и с тремястами тысячами. Мозг как целостный орган создавал электромагнитное поле, притягивающее каждую клетку к себе, и каждая из этих клеток была совершенна, как бриллиант. В их прозрачных стенках обитали плотные пузырьки и нервные каналы, и митохондрии, разрывающие молекулы ради высво-

бождения жизненной энергии, и многое, многое другое. Мотилин, допамин, таурин и другие нейротрансмиттеры струились непрекращающимся потоком. Данло видел, как комбинируются липиды и аминокислоты, как сгорает глюкоза и как ионы насыщают влагу жизни невероятно сложным и прекрасным танцем. Что командует этими химикалиями сознания? Что создает материю и организует ее в столь тонкую и чудесную гармонию?

Я то, что я есть. Я только углерод, кислород, водород, калий, железо и...

Он — это только химические элементы, ни больше, ни меньше. Земные и звездные элементы. Каждая его частица, каждый атом углерода в его глазах, каждая крупинка железа в сердце, были когда-то спаяны в огне давно погибшей звезды. Да, атомы вселенной созданы звездами, но что заставляет эти атомы складываться, образуя сознание и жизнь? Что заставляет их двигаться? Ибо они движутся, быстрее, чем доступно его воображению, пульсируя, резонируя и вибрируя миллиарды раз в секунду; они находят другие атомы, чтобы кружиться с ними, и танцевать, и петь свои космические гимны. В безумный, чудесный момент за пределами времени Данло заглянул в середину углеродного атома где-то около мозгового ствола.

Стремясь проникнуть в тайну материи, он увидел огненное облако электронов, и протоны тоже, и нейтроны. Они обменивались энергией, и обнимались в порыве запредельной любви, и склеивались в единое шаровидное ядро. А еще глубже он видел кварки, эти бесконечно малые сапфиры, изумруды, рубины, бесконечно странные и притягательные. А еще глубже таились волокна инфоны и ноумены, которые можно постичь разумом, но нельзя почувствовать — вернее, они чувствуются лишь как огонь безумия или та мистическая ясность, которую испытывает человек, открывающий в себе чувство бесконечности.

Что же такое материя? Данло видел ее волшебное сияние. Вся материя вселенной — это сверхсветовой ковер, и свет каждого из ее драгоценных камешков отражает свет другого. Материя священна, материя жива, материя — это только созна-

ние, застывшее во времени. Глядя в бесконечность вдоль длинной цепи бытия, Данло не видел никакой конечной формы или частицы — он видел только свет. Не солнечный свет и не звездный, а фотоны радиоактивных волн, излучаемых далекими галактиками или синевой его собственных глаз. Свет внутри света, чистый и первозданный, присущий всем вещам. В некотором отношении он напоминал скорее воду, чем свет, ибо лился и струился в сплошном потоке единой субстанции. Он сам двигал собой, он обладал волей, он сам был волей. Это глубокое сознание, именующее себя материей, умело принимать самые сложные формы. Оно развивалось и в своей высшей форме, в человеке, осознавало себя и кричало от изумления и дикой радости. Вот она, суть сознания, понял Данло: оно всегда создает собственное величие, как волна отражает свет целого океана.

Я — этот благословенный свет.

Осознав это, Данло внезапно понял, что может управлять собой. Он видел, что его «я» — это не только воспламенение его нейронов, и его сознание — нечто гораздо большее, чем программы его мозга. Он чувствовал, что все его клетки и атомы, его сердце, его руки и все остальное — это только чистый струящийся свет и ничего более. Наконец-то он понял, как Твердь и другие боги манипулируют материей посредством одного лишь сознания и как создают то страшное оружие, которым истребляют друг друга и прорывают зияющие дыры в ткани пространства-времени. Тайна сознания и материи в том, что и то, и другое в конечном счете состоит из той же субстанции, не имеющей причины и ничем не управляемой извне. Данло, не будучи богом, не имел прямой власти над Бертрамом Джаспари или любым другим Архитектором в зале, но собственным разумом управлять он мог. *Его* воля была так же свободна, как ветер, как его желание сказать «да» или «нет» снедающему его безумию. Он мог жить как слепец, вечно блуждающий в темных пещерах своего разума, и мог увидеть себя таким, как есть: сияющим существом, несущим свет чистого сознания самому себе и тысячам Архитекторов, показывая им, что и они способны сиять, как звезды.

Да. Такова моя воля.

Момент настал. Бертрам Джаспари из темного зала своим визгливым голосом потребовал прекратить светоприношение. Он призывал врачей унести Данло прочь, ибо Данло ви Соли Рингесс лишился разума, как любой знаток светоприношений может видеть по его голограмме. Данло и сам мог бы это видеть, если бы смотрел на себя как на кубическую конструкцию цветных огней и ничего помимо нее. Куб померк почти полностью, за исключением нескольких охряных и коричневатых скоплений, сигнализирующих об умственном расстройстве. Время от времени от коры к стволу пробегали сапфирово-смальтовые волны, но помимо этого случайного движения мозг Данло выглядел погруженным в собственный мрак.

Вздох разочарования и страха сорвался с тысяч уст почти одновременно. Данло слышал, как тихонько молится Харра — за него, и за себя, и за своих внуков, а может быть, и за будущее самой Церкви. Даже образ Николоса Дару Эде над подлокотником подавал признаки волнения. Украдкой, так, чтобы никто не видел, Эде обращался к Данло на языке жестов, и отчаяние затемняло его обычно благостный лик.

Из всех людей в зале, кроме самого Данло, один только Малаклипс Красное Кольцо, возможно, понимал, что светоприношение еще не окончено. Малаклипс вел себя тихо, как затаившийся в снегу тигр, но Данло слышал его медленное, мерное дыхание, странным образом синхронизированное с его собственным. И почти чувствовал, как глаза воина-поэта следят и ждут, отыскивая в его, Данло, темно-синих глазах какие-то признаки жизни — или той трагической прижизненной смерти, которую предрекал Данло Бертрам Джаспари.

Данло охотно послал бы воину-поэту взгляд через темный зал, но он пока еще не мог шевельнуть головой. Он по-прежнему смотрел на световой куб; за все время своего неподвижного сидения Данло не позволял своим глазам отрываться от него. Еще момент — и огни, замерцав, изменили цвет. От зрительного центра до мозгового ствола вспыхнули темно-синие искры, чей свет распространился от одноой грани куба до дру-

гой. Вскоре весь куб загорелся темно-синим огнем, быстро переходящим в кобальтовый. Данло смотрел в эту глубокую синеву, и она становилась все более яркой и дикой.

Он услышал, как будто издалека, как ахнули в изумлении тридцать тысяч Архитекторов. Сквозь шепоты и вскрики он различал взволнованный голос Харры и недоверчивые, растерянные проклятия Бертрама. Малаклипс, казалось, вовсе перестал дышать; Данло чувствовал паралич, сковавший воина-поэта, как глубокую боль в собственном животе. И как глубокую радость — ведь теперь Данло управлял своим разумом с легкостью парящей в небе талло. Великое светоприношение, совершенное им в честь Бога Эде и всех Архитекторов Вселенской Кибернетической Церкви, засверкало огнями, равными по яркости свету ярчайших бело-голубых звезд. Все сто миллиардов нейронов в мозгу Данло зажглись великолепным пламенем, и соответствующие им огоньки на модели отразили это великолепие. Огни слепили глаза зрителям на скамьях и создавали беспрецедентное зрелище для тысяч Архитекторов, стоящих по ту сторону купола. Казалось, будто само солнце Таннахилла взорвалось, превратившись в россыпь огней. Люди закрывали глаза руками, не в силах смотреть на этот свет, прекрасный и ужасный. Это был ад, но и рай тоже. За все тысячи лет со времен учреждения Церковью этой церемонии, за все многотысячные светоприношения, совершенные самыми одаренными из Совершенных, никому еще не удавалось осветить весь свой мозг целиком. Никто даже не думал, что такое возможно. То, что человек сохранил разум, посмотрев на небесные огни внутри себя, было чудом само по себе — но неистовое и великолепное свечение сознания Данло доказывало, что он истинный светоносец, обещанный в пророчестве, а быть может, и нечто большее.

Все мы несем свет, думал он под восторженные возгласы публики. Я только искра, зажигающая пламя.

Он оторвал наконец глаза от светоприношения и взглянул на бамбуковую флейту, которую все это время держал в руке. При свете, льющемся сверху, она сверкала, как золотая. Данло улыбнулся пришедшей ему в голову мысли. Огни светопри-

ношения тут же отразили эту мысль, но он больше не смотрел на них. Он поднялся с кресла, прервав контакт с полем компьютера, и светоприношение на самом деле закончилось. Световой куб угас, и весь зал погрузился во тьму, как ночной океан. У Данло вырвался тихий, почти грустный смешок. Он стоял один под темным куполом, а вокруг него кричали тысячи Архитекторов.

— Светоносец! — кричали они, и хлопали в ладоши, и бежали к арене. — Данло из Невернеса — светоносец!

Да, я искра, но что за пламя я зажег? О Агира, Агира, что я сделал?

В зале снова загорелся свет (на этот раз обычный, плазменный), а Данло скраировал, пропуская видения будущего сквозь себя, как огненный ветер. Он видел свет ярче света любой звезды, и невиданно богатые краски, и страшную красоту. Из грез его вырвал шорох ножа, вынутого из ножен. Данло повернулся к одной из скамей первого ряда. Бертрам Джаспари, потрясая своим хилым кулачком, вопил, что Данло вовсе не светоносец, а грязный наманский цефик, посланный из Невернеса, чтобы одурачить их и погубить Святую Церковь. Рядом с ним спокойно стоял Малаклипс, держа свой длинный нож высоко, чтобы видели все. Стальной клинок, отражая светильники зала, посылал в глаза Данло жгучие лучи. Данло не мог догадаться, как воин-поэт умудрился пронести сюда нож. Для телохранителей Харры это тоже явилось полной неожиданностью — при виде оружия они разразились испуганными криками и поспешно загородили Святую Иви своими телами.

Несколько охранников бросились к воину-поэту, но им загородили дорогу Едрек Ивионген, Ленсар Наркаваж и другие ивиомилы. Между Харрой и воином-поэтом образовалась живая стена — это, казалось бы, лишало его возможности причинить ей какой-то вред, тем более убить ее. Ничто, впрочем, и не указывало на подобные намерения с его стороны. Его лиловые глаза смотрели на Данло. Смерть была близка, как их взгляды, взаимно отражающие друг друга, близка, как стальной клинок, способный в любой момент пролететь по воздуху. Данло держал взгляд Малаклипса под крики и топот

ног. Он понимал, что, если нож и найдет его горло, он умрет мучеником, признанным всеми светоносцем, и Харра Иви эн ли Эде примет свои новые программы, которые навеки изменят Церковь. Если воин-поэт убьет его, то сделает это по другой причине — за то, что Данло истинный сын своего отца, посмевший сиять ярче, чем подобает человеку.

Понимая все это, Данло с улыбкой поднял флейту и заиграл. Он не переставал смотреть на Малаклипса, и его музыка, как золотая стрела, целила в сердце воина-поэта. На миг Малаклипс заколебался, совсем как тигр, раздумывающий, стоит ли нападать на вооруженного человека. Этого мгновения Архитекторам хватило, чтобы сомкнуться вокруг Данло. Они протягивали к нему руки, словно к огню или к солнцу, предмету своего поклонения. Малаклипс, видя, что в Данло ему уже не попасть, тоже улыбнулся и поцеловал рукоять своего ножа, приложив клинок ко лбу. Вслед за этим он отсалютовал ножом Данло и склонил голову в коротком поклоне.

Красота страшна, подумал Данло. Ужас прекрасен.

Бертрам, дернув Малаклипса за рукав, панически прокричал что-то, и Малаклипс стал пробиваться к выходу. Стычка между телохранителями Харры и ивиомилами перешла в настоящую битву. Яростные крики и звуки ударов наполнили зал. Люди с фанатическим огнем в глазах ругались, работали кулаками, пинались, а нож Малаклипса то и дело сверкал, отсекая пальцы и полосуя глотки злосчастным Архитекторам. Так завершилось великое светоприношение. Бертрам в общем хаосе, среди ярких фонтанов крови, вывел из зала несколько сотен ивиомилов.

Началось, подумал Данло. Теперь этого уже не остановишь — с тем же успехом можно попытаться загнать свет обратно в звезду.

Играть он больше не мог. Архитекторы, столпившись вокруг, хватали его за руки, за волосы, за лицо. Он почувствовал, что поднимается в воздух: Архитекторы, крича «Светоносец, светоносец!», вскинули его на плечи. Данло смотрел сквозь купол на звездное небо. Внутри у него стояла огромная, как Экстр, тишина, и он плакал невидимыми слезами, отражая прекрасную и ужасную суть света.

Глава 23

СВЕТОНОСЕЦ

Несущий свет должен терпеть боль от ожогов.

Николос Дару Эде, «Путь человека»

На следующий день на Таннахилле началась война. Вернее, ее начали люди: ведь война — не какая-нибудь космическая катастрофа, низвергавшаяся на планету с неотвратимостью астероида, а дело человеческой воли и человеческих рук. Войну Террора, как ее впоследствии назвали, историки Церкви припишут воле одного-единственного человека, старейшины Бертрама Джаспари. Это он, скажут они, восстал против Харры, очарованной наманом-пилотом по имени Данло ви Соли Рингесс. Это он заявил, что она впала в негативные программы и потому недостойна более быть Святой Иви. В ту самую ночь, когда Данло смотрел на небесные огни, Бертрам созвал Едрека Ивионгена, Никоса Ивиэрсье и многих других верных ему старейшин. Их секретный конклав заседал в особняке Едрека Ивионгена. Там, в личном медитационном зале Едрека, триста мятежных старейшин, в большинстве своем ивиомилы, провозгласили себя истинным Койвунеймином.

Первым актом нового правительства Истинной Церкви стало низложение Харры Иви эн ли Эде. На ее место избрали Бертрама Джаспари. Бертрам, и никто иной, принял титул Святого Бертрама Иви Джаспари и призвал ивиомилов всего Тан-

нахилла начать фацифах, долженствующий очистить Церковь. Все это правда — но правда и то, что многие миллионы людей откликнулись на призыв Бертрама. Многие миллионы других при этом остались верны Харре, и лишь готовность этих двух сторон прибегнуть к насилию и смертоубийству в защиту своего дела действительно привела к войне.

Этот раскол назревал в Церкви веками, однако ни та, ни другая фракция не подготовилась к настоящей войне. Бертрам, очевидно, решился на открытый мятеж в ночь перед испытанием Данло, когда посетил его во дворце Харры. Поэтому у его ивиомилов, при всей их дисциплинированности и хорошей организованности, осталось слишком мало времени, чтобы вооружиться лазерами, тлолтами, ядами и бомбами, столь нужными для ведения террористической войны в многоуровневом миллиардном городе. Харра, которой сама идея войны была ненавистна, как какой-нибудь взрывчатый вид грибковой инфекции, не думала, что Бертрам будет действовать так быстро. Возможно, она надеялась, что он вообще не осмелится начать войну. Сама она ждала провозглашения Данло светоносцем, чтобы пересмотреть губительные для Церкви Тотальную Программу и Программу Прироста (для Церкви и для звезд Экстра). Она уже запланировала, как торжественно войдет в контактный зал Храма и преклонит колени перед вечным компьютером Эде, чтобы получить Новую Программу для Церкви и всей вселенной.

Ввести эту Новую Программу она собиралась во время всепланетной контактной церемонии — но лишь после того, как чтецы подготовят всех Достойных Архитекторов Таннахилла к этому великому событию. Она рассчитывала, что Бертрам Джаспари дождется этой церемонии, прежде чем выступить против нее. Новая Программа, полагала она, понадобится ему, чтобы объявить ее, Харру, недостойной поста Святой Иви.

Но она ошиблась, поскольку не была воином — по крайней мере в буквальном смысле этого слова. Никакими талантами в области стратегии, особенно человекоубийственной, она не обладала — она была всего лишь женщиной, любящей своих внуков, цветы и Бога. Основное правило войны гласит, что

удар следует наносить быстро и безжалостно: если первый удар окажется смертельным, второго может и не понадобиться. Бертрам Джаспари, человек мелкий и тщеславный, при всей узости своего взгляда на истинные возможности человечества это правило понимал хорошо. Кроме того, его направлял Малаклипс Красное Кольцо. С помощью воина-поэта Бертрам ударил внезапно и с великой жестокостью.

В одно и то же время, в конце утренней контактной церемонии, вооруженные ивиомилы приступили к захвату власти во всех городах Таннахилла. Одни избрали для этого самые очевидные цели: космодромы, пищевые фабрики и скоростные поезда, а также узлы световой компьютерной связи, сеть которой охватывала всю планету. Другие ограничивались угрозами: со всех концов Таннахилла приходили сообщения о том, как одни Архитекторы объявляют других агентами Ордена или нараинских еретиков. Это сопровождалось избиениями, несанкционированными очищениями и даже массовыми казнями.

Эти убийства, если называть их настоящим именем, потрясли всех от мала до велика, ибо производились публично, кроваво и необратимо — в том смысле, что казнимые лишались надежды быть преображенными. В Ниаве и Каркуте боевики заняли местные Храмы, мало что значившие в стратегическом отношении, но имевшие громадное значение как символы могущества Вечной Церкви. В Орнис-Олоруне ивиомилы тоже сосредоточили свои атаки на великом Храме. Для Бертрама Джаспари захват этого безобразного кубического строения стал бы не только символической победой, но и прямым ударом по власти Харры. Он с самого начала планировал очистить Храм от всех верных Харре Архитекторов. Далее он, видимо, собирался заменить всех неугодных ему старейшин своими сторонниками и вступить в зал Койвунеймина с триумфом, как истинный Святой Иви. Другой столь же заветной его целью был, вероятно, священный контактный зал, где покоился на алтаре вечный компьютер Эде. В этой святая святых он возглавил бы контактную церемонию, приличествующую священным традициям Церкви и структурам Алгоритма. Тогда людям не осталось бы иного выбора, как принять его в качестве един-

ственного Архитектора, имеющего власть толковать Вселенскую Программу Эде.

Бертрам имел возможность лишить Харру ее власти путем захвата вечного компьютера, а еще лучше — путем пленения или убийства самой Харры. Но Харра, не пожелавшая атаковать первой, оказалась сильна в обороне. В первые же моменты после утренней контактной церемонии она проявила алмазно-твердую волю и недюжинное хладнокровие. Обнаружив, что Бертрам собирает ивиомилов на улицах и землях вокруг Храма, она решила отдать им центральное здание. Она вернулась в контактный зал и, к немалому шоку собравшихся там Достойных, сняла с алтаря вечный компьютер, с которым села в ожидавший ее чоч.

На всем пути следования ее охрана отражала атаки ивиомилов. В ход шли тлолты и ножи, и многие умирали. Харра, благополучно укрывшись в своем дворце, вызвала туда стражей порядка со всех уровней города, а также из смежных городов Астарета и Даривеша. Она обратилась ко всем Достойным Архитекторам с просьбой принять ее сторону в этом трагическом фацифахе, где они вынуждены сражаться против своих же братьев и сестер. Через час все, кто сумел пробиться к дворцу Святой Иви, сформировали свою армию.

Харра хотела сама возглавить этих Достойных, но она была слишком стара и представляла собой слишком большую ценность как Святая Иви, поэтому старейшины Куоко Иви Ивиацуи и Пол Ивиэртес умолили ее остаться во дворце. В своей алтарной комнате она могла подключаться к вечному компьютеру и через него держать контакт со всеми миллиардами таннахиллских Архитекторов, которые в эти страшные дни как никогда нуждались в ее мужестве и ее вере. Она позволила ивиомилам захватить многие важные для Церкви здания, включая Дом Вечности, Небесный Зал, Храм и Мавзолей Эде. Занятие Мавзолея Бертрам расценил как великую победу. Он заявил, что теперь священное тело Николоса Дару Эде находится в полной безопасности. Ивиомилы теперь, к слову сказать, красили свое кимоно в красный цвет. Бертрам первый облачился в это устрашающее одеяние в знак того, что готов проливать кровь. Харра сдала им большую часть города, но

свой народ уступать не собиралась. Если Бертрам завладел замороженным телом Эде, то у Харры в руках оставался компьютер, послуживший средством преображения Его вечной души.

Невозможно было бы излагать здесь подробную хронику Войны Террора, какое бы краткое время она ни продолжалась. Исход этой войны определили индивидуальные решения бесчисленных Архитекторов и бесчисленные акты мужества, трусости, малодушия или веры — ибо эта война шла за души мужчин и женщин, а может быть, и за душу самой Церкви.

На второй день войны завязалось ожесточенное сражение за космодром Орнис-Олоруна. В тот же день в далеком городе Монтелливи женщина по имени Марта Калинда эн ли Эде обратилась к ивиомилам с просьбой освободить ее мужа, старейшину Валина Ивиасталира, взятого ими в заложники. Ивомилы могли бы обезглавить Марту или уничтожить ее мозг выстрелом из тлолта, как поступали они с десятками других людей. Но она устыдила их одной лишь силой своей веры, и они отпустили не только ее мужа, но и тысячи детей, которых собирались подвергнуть очищению и воспитать в строгом соответствии с буквой Алгоритма.

В Амарисе один из Достойных претерпел пытки, но не выдал своего друга, отравившего видного ивиомила, а жена его назвала имя этого человека в обмен на пищу для ее девятнадцати детей. На тринадцатом уровне Орнис-Олоруна, чуть ли не над самым дворцом Харры, произошло нечто еще более ужасное: один ивиомил зашил себе в живот пластиковую бомбу, чтобы пронести ее на местную пищевую фабрику. Пройдя мимо детекторов, он вознес краткую молитву святому Бертраму и взорвал себя вместе с фабрикой. При этом погибло двадцать шесть Достойных Архитекторов, обязавшихся снабжать армию Харры хлебом и бобами.

Так оно и шло. Архитекторы — как ивиомилы, так и их противники, — были прирожденными солдатами. Их воинские традиции остались в прошлом тысячелетней давности, но они сохранили дисциплину, послушание и храбрость. Боялись они одного: умереть реальной смертью. Именно этот страх поначалу обеспечил ивиомилам большой перевес. Сразу после

своего избрания на пост Верховного Архитектора Бертрам объявил, что все его противники отвернулись от Истинной Церкви, а потому являются еретиками и отступниками, или нараидами (это новое словечко быстро приобрело популярность). Всякий, кто отворачивается от Бога, есть нараид, говорил Бертрам, и потому недостоин преображения. Ивиомилы могут убивать сторонников Харры, не боясь, что совершают хакр, отказывая Архитекторам в вечном спасении. И они убивали, громоздя тела нараидов в кучи, как рыбу. Достойные же в темные дни после падения Храма пользовались лазерами и нейроножами с большой неохотой, поскольку Харра неустанно напоминала им, что ивиомилы — их братья и сестры. Все Архитекторы — дети Эде и когда-нибудь преобразятся в нем, говорила она.

А затем Бертрам под давлением древних военных канонов Церкви отдал Чеславу Ивионгену приказ, которому суждено было подорвать все, чего он достиг. Чеславу и другим программистам Дома Вечности предписывалось снять паллатоны всех ивиомилов, идущих в бой, — так, как это проделали с Данло при его Вхождении к мертвым. Ивиомилы сразу преисполнились мужества, зная, что если даже их тела испарятся от водородного взрыва, их души будут вечно храниться на алмазном диске.

Ирония заключалась в том, что именно из-за этой уверенности в вечном спасении Достойным Харры стало легче убивать их. А когда Харра и своим сторонникам предложила аналогичным образом записать свои паллатоны, они уже не боялись рисковать своей жизнью в самоубийственных атаках, куда посылали их старейшины. Война, как заметил один из древних полководцев, должна прогрессировать. Так произошло и с Войной Террора. На седьмой день ложного главенства Бертрама таннахиллы стали убивать с легкостью голодных гладышей, посаженных в одну клетку.

Только два человека отказались записать свои паллатоны как модели, противоречащие их подлинной личности. Одним из них был, разумеется, Малаклипс Красное Кольцо, которого его взгляды обязывали не избегать смерти, а поступать как

раз наоборот. Второй, Данло, тоже лишь улыбнулся, когда один из чтецов Харры пригласил его в камеру преображения, наспех сооруженную в западном крыле дворца. Ему не хотелось думать, что если в него попадет шальной ивиомилский снаряд, проскочивший мимо дворцовых лазеров, то программисты Харры всунут его паллатон в вечный компьютер, и Архитекторы скажут, что светоносец наконец-то приобщился к вечной Церкви, как суждено будет когда-нибудь каждому из людей.

Шансов на то, что он передумает, не было, и тем не менее голографический Эде толковал ему о пользе спасения. Как только Данло оставался наедине с образником, Эде напоминал ему о бренности их существования. В первый день, когда начали бомбить и Харра с двумя сотнями старейшин и Данло укрылась во дворце, Эде вычислил, что Бертрам первым делом атакует космодром, чтобы захватить корабль Данло. Кроме того, он определенно попытается захватить и самого Данло, чтобы пытками или очищением принудить его выступить на стороне ивиомилов.

— Ты бы лучше позволил программистам снять с тебя паллатон, — сказал Эде Данло после особенно кровопролитного девятого дня, когда началась третья битва за космодром. В тот же день по городу прошел слух, что Малаклипс Красное Кольцо убил Суля Ивиэрсье, Пилар Наркаваж и еще двух старейшин, так и не добравшихся до дворца. — Мне слишком хорошо известно, что сохранить хотя бы часть своих программ — это лучше, чем ничего.

Данло, весь день ухаживавший за ранеными, лежавшими в комнатах и коридорах дворца, слишком устал, чтобы ему возражать. Он не хотел говорить голограмме, что одного примера Николоса Дару Эде, существующего в виде программы компьютера-образника, достаточно, чтобы отказаться от подобной участи.

— Впрочем, если люди Харры все-таки удержат космодром, — продолжал Эде, — мы сможем бежать отсюда.

Данло потер глаза, перед которыми все еще стояли ужасы этого дня.

— Да, это возможно, — сказал он. — Мы могли бы бежать в Экстр, а потом на Тиэллу. Ты так и поступил бы?

— Я? — Казалось, что Эде говорит сам с собой, взвешивая шансы и степень риска. — Что опаснее — оставаться во дворце или выйти на улицу и рискнуть добраться до космодрома?

— Не знаю. Это нельзя знать наверняка.

— И если мы даже доберемся до космодрома и улетим, нам придется бросить здесь мое тело.

Взрыв сотряс окна дворца, и Данло кивнул. Он не забыл своего обещания помочь Эде вернуть его замороженное тело.

— Но мы сможем вернуться сюда, если Харра победит Бертрама и приберет ивиомилов к рукам, — сказал он.

— А если не сможем? Вдруг глава твоего Ордена запретит тебе возвращаться, или твой корабль попадет в звездный взрыв, или...

— Это правда. — Данло вздохнул, потому что не любил перебивать никого, даже голограмму человека, некогда бывшего богом. — Кто может знать свою судьбу?

— Если есть вероятность, что мы больше не вернемся сюда, я предпочитаю остаться.

— Здесь не ты выбираешь, — улыбнулся Данло.

— Еще бы — ведь я не могу вести твой корабль, верно, пилот?

— Я тоже не могу выбирать. Битва за космодром еще не выиграна.

Но прошло еще два дня, и Харра постучалась к Данло, чтобы сообщить ему о великой победе. То, что Святая Иви пришла к нему в то время, когда весь мир вокруг них разваливался на части, удивило Данло. Они разговаривали наедине впервые после того завтрака перед его Вхождением к мертвым.

— Входите, пожалуйста, — сказал он, распахивая дверь.

Харра немного помедлила на пороге, с грустью глядя на спящего человека, раненного в бою за космодром. Раненые, лежащие на раскладных койках и пенопластовых матрасах, заполнили весь коридор, и во дворце, помимо обычных гид-

роксилов, сульфатов и альгедидов, пахло теперь кровью, гноем и горелым мясом. Женщины и дети в перепачканных белых кимоно сновали между стонущими Архитекторами, разнося воду и пищу. Немногим счастливцам доставался чай из алаквы, немного облегчающий боль. Харра для визита к Данло надела свежее кимоно, но и его шелковый подол уже испачкался кровью в том месте, где какой-то страдалец прильнул к нему лицом. Для Святой Иви, как и для любого другого, пройти по коридорам дворца было нелегкой задачей.

— Пожалуйста, посидите со мной немного, — сказал Данло. — Присядьте, благословенная Иви, — вы, должно быть, очень устали.

Харра со вздохом потерла морщинистую кожу вокруг глаз. Она действительно выглядела смертельно уставшей, ее карие глаза ввалились, лицо осунулось и побледнело. Сейчас ей, пожалуй, можно было дать все ее 128 лет.

— Спасибо. — Ее обычно звучный голос охрип и ослаб, как будто она последние дни говорила не умолкая. — Нам очень приятно будет посидеть с вами.

Данло пригласил ее в алтарную комнату и усадил на одну из белых подушек. Харра держала в дрожащих руках образник — такой же, как у Данло; даже Святые Иви никогда не выходят из своих комнат без личного компьютера. Данло с улыбкой взял у нее образник и поставил на алтарь рядом со своим, а потом сел на другую подушку напротив Харры.

— У меня нет чая, чтобы предложить вам, благословенная Иви. Прошу прощения.

— Не нужно извиняться. Мы сегодня и так уже выпили слишком много чая.

Данло с грустной улыбкой посмотрел ей в глаза. Честность Харры не уступала ее доброте, но он не думал, что сейчас она говорит правду. Чай приберегали для раненых, и вряд ли Харра после контактной церемонии выпила больше чашечки. Сам Данлю пил только воду.

— У вас тоже усталый вид, пилот, — заметила Харра.

— Мы все устали, правда?

— Мы слышали, что вы не спите с самого начала третьей битвы за космодром. Трое суток, пилот.

— Трудно спать, когда люди кричат и просят пить.

Из смежной спальни, словно в ответ на эти слова, донесся тихий стон. Там среди цветов и отодвинутой по углам роскошной мебели, лежали на полу четверо умирающих. Одним из них был дворцовый служитель Томас Ивиэль. Данло почти непрерывно готовил им чай, менял повязки, выносил тазы с кровью, желчью и прочим, что выделяет обожженное, изломанное человеческое тело.

— Как же вы обходитесь без сна целых трое суток? — спросила Харра.

Данло с улыбкой потер глаза.

— А много ли вы сами спали за эти дни, благословенная Харра?

— Но мы — Святая Иви нашего народа, что бы там ни заявлял Бертрам Джаспари.

— Я посплю потом, когда придется. Когда смогу.

Харра вздохнула, видя, что упорство Данло почти не уступает ее собственному.

— Мы сожалеем, что не имели случая поздравить вас после вашего испытания. И встретиться с вами наедине. Мы были очень заняты. Мы поздравляем вас теперь, Данло ви Соли Рингесс. Вот вы и светоносец, верно?

Этот вопрос позабавил Данло, несмотря на усталость. Юмор часто спасал его от ежедневных ужасов и вынужденной бессонницы. Порой это был черный юмор, свойственный тем, кто постоянно имеет дело со смертью, но чаще — острое чувство иронии и изначальной странности вселенной. Данло по привычке улыбнулся и ответил:

— Не знаю, верно ли.

— Мы в это верим. — Харра тоже улыбалась, но ее улыбка выражала не юмор, а скорее веру и благоговение. Она знала, что Данло всего лишь человек, и он сам всегда говорил так, но свет его души был ей виден столь же ясно, как если бы Бог Эде зажег звезду у него во лбу. — Все в это верят, пилот. Даже

Бертрам и его ивиомилы боятся, что это правда, хотя и не позволяют себе верить.

— Сколько людей уже умерло за эту веру. — Один из них, Томас Ивиэль, надрывно кашлял у Данло в спальне. — Так много веры и так много смерти.

— Да. Но мы выиграли битву, и космодром наш. По крайней мере космодром Орнис-Олоруна — летные поля Амариса, Элимата, Каркута и еще ста более мелких городов до сих пор в руках ивиомилов. Мы пришли, чтобы сказать вам об этом.

— Я уже слышал.

— Мы хотим сказать вам, что ваш корабль не пострадал. Ивиомилы пытались открыть его, но их убили, прежде чем они смогли попасть внутрь.

Данло на миг прикрыл глаза, представив себе ивиомилов в красных кимоно, осаждающих его корабль с лазерами и сверлами. Представил, как они клянут прочность черного алмаза, клянут и гибнут, а Достойные, смыкая кольцо, убивают их из плазмострелов и тлолтов.

— Да, — сказал он, — открыть легкий корабль почти невозможно, если ты не пилот.

— Теперь вы вольны улететь. Мы держим все улицы, все лифты от дворца до космодрома.

— Волен улететь, — повторил Данло как нечто бессмысленное.

— Вы исполнили свою миссию по отношению к нашей Церкви.

— Правда?

— Этим утром мы подключились к вечному компьютеру Эде и получили Новую Программу взамен Тотальной и Программы Прироста. Мы введем эту Новую Программу завтра утром.

— Понятно.

— Мы молимся, чтобы в Программу нашей Церкви никогда больше не входило уничтожение звезд.

Данло молча склонил голову в знак благодарности этой доброй душе.

— Теперь вы можете сообщить о вашем успехе правителям вашего Ордена.

Данло повторил свой поклон.

— И нараинским еретикам тоже. Вы можете сказать им как их эмиссар, что мир между нами обеспечен.

— Как пожелаете, благословенная Харра.

— Мы полагаем, вы будете рады покинуть Таннахилл.

Данло взглянул на алтарь, где стояли рядом два образника. Эде Харры излучал блаженство, его Эде состроил такую же мину на случай, если Харра посмотрит в его сторону.

— Но я не могу пока улететь, — сказал Данло. — Я... должен выполнить одно свое обещание.

— Обещание кому?

— Вашему народу. Вы сами сказали: люди верят, что я светоносец.

— Да, верят.

— Я символ, ведь так? Если я сейчас улечу к звездам, многие этого не поймут.

— Да, могут не понять.

— Такой поступок повредил бы вашему делу.

— Мы все еще боимся проиграть войну.

— Тогда я останусь, пока исход войны не определится. — И Данло с улыбкой добавил: — Какая польза от светоносца, если он оставляет за собой тьму?

— Мы надеялись, что вы захотите остаться, — призналась Харра. — И надеемся, что после отлета вы когда-нибудь вернетесь к нам.

Данло хотел сказать ей, что непременно вернется, и скоро, но его прервал донесшийся из спальни негромкий крик. Следом послышался шорох простыней и стон.

— Извините меня, благословенная Харра. — С энергией, удивительной для человека, так долго обходившегося без сна, Данло вскочил на ноги и ушел в спальню. Довольно долгое время спустя он вернулся и снова сел. — Это Томас Ивиэль. Он очень страдает.

— Мы слышали, что он получил ожоги в бою за космодром.

— Да. — Данло, сейчас далекий от юмора, насколько возможно для человека, смотрел на свои руки и почти чувствовал, как горит и обугливается его белая кожа.

— Мы слышали, что он умирает.

— Да, — тихо подтвердил Данло. — Он умирает.

— Мы слышали, какую заботу проявляет светоносец к умирающим. Мы позволяем это только потому, что вы — это вы.

— Простите, благословенная Харра, но их так много — тех, кто умирает. Кто бы мог подумать, что их будет так много.

— Но живые тоже нуждаются в нашей заботе.

— Да... я знаю.

— Мы слышали, что вы спасли одного человека. Алезара Ивиунна — так, кажется?

Данло с грустной улыбкой кивнул. Он сидел над этим Алезаром неотлучно, поил его и играл ему на флейте.

— Вы — светоносец, человек без страха, исцеляющий живых и беседующий с мертвыми. Многие говорят, что вы и умирающих можете исцелять.

— Нет. Умирающие... только сами могут исцелиться.

— Говорят, что вы несете свет в своих ладонях, и ваше прикосновение — все равно что солнце для цветка.

Данло закрыл глаза, вспоминая то, что увидел в себе во время светоприношения.

— Мы все — это только свет, правда? Чудесный свет. Он внутри всех вещей. Все вещи — это он и есть. Он... знает себя. Он движет собой и создает себя из себя же, он струится, он — новые формы, и сила, и цель. Я знаю, что любой человек способен исцелить себя сам. Я почти что вижу этот благословенный путь. Я чувствую его в своих руках, и в крови, и глубже — он горит в каждом атоме моего существа, как огонь. Это пламя делает живыми нас всех, благословенная Харра. Оно горит, воссоздавая себя, а мы горим, воссоздавая себя, и мы все знаем как, правда знаем. Мы просто не знаем... что мы знаем.

Харра смотрела на него, как на младенца, который родился на свет с сияющими глазами и смехом, славящим красоту

мира, — или с плачем над болью этого мира. Казалось, что она прислушивается к окружающим их звукам: стонам Томаса Ивиэля, разрывам бомб на других уровнях города, своему дыханию. Попугай завозился в своей клетке. Он производил слишком много шума, и Данло перенес его подальше от спальни, к алтарю, чтобы не тревожить умирающих.

— На Таннахилл вас привело несколько целей, — тихо, почти шепотом, заговорила Харра. — Вы прибыли сюда как эмиссар нараинов и пилот своего Ордена — а возможно, и как сын, ищущий своего отца.

— Да, — сказал Данло, слушая шум дыхания у себя внутри.

— И, возможно, самой главной вашей целью — во всяком случае, самой близкой вашему сердцу, — было найти лекарство от Чумы.

— От медленного зла.

— От болезни, против которой нет средства.

Оно есть, подумал Данло. Прямо здесь, в этом затерянном мире. Я нашел его. Твердь была права — я всегда его знал. И когда-нибудь я найду способ использовать это знание.

— Средство есть, — сказал он вслух. — Когда-нибудь я принесу его своему народу. Они умирают, благословенная Харра, — медленно, но умирают.

— Когда мы впервые сказали вам, что такого средства нет, мы были опечалены так, что никакие слова не могут выразить. — Глаза Харры увлажнились. Данло не совсем понимал, что составляет предмет ее скорби: обреченные Архитекторы, жертвы Чумы или боль самой вселенной. — Но судя по словам, которые вы произнесли, оно действительно может быть.

— Да. — Кто знает, что возможно, а что нет? Возможности бесконечны. Данло вспомнил о Тамаре Десятой Ашторет — настоящей Тамаре, чью душу изувечили под очистительным шлемом в Невернесе, и в тысячный раз задумался, есть ли средство вернуть ей потерянную память.

Харра сделала глубокий вдох и посмотрела на Данло с любовью, которую цветок мог бы питать к солнцу.

— Мы рады, что вы пока остаетесь с нами, но должны вам сказать, что дворец не совсем безопасен.

— Разве есть где-нибудь полностью безопасное место, благословенная Харра?

— Мы полагаем, что Бертрам попытается взять дворец штурмом. Мы не хотели бы, чтобы с вами случилось что-то дурное.

Теперь Харра смотрела на него, как бабушка, боящаяся за своего внука, и Данло почувствовал, что его глаза тоже увлажнились. Он видел Харру всего несколько раз, но успел полюбить ее.

— А я не хочу, чтобы что-то случилось с вами.

Он вытер глаза ладонью. Картина того, как ивиомилы в красных кимоно врываются во дворец, горела у него в мозгу. Он впервые почувствовал несостоятельность ахимсы перед лицом войны. Он поклялся никогда не причинять зла другому, даже защищая собственную жизнь, и это было правильно. Но если бы в эту самую минуту сюда вломился обезумевший ивиомил с лазером или нейроножом, Данло не знал, как стал бы защищать эту славную старую женщину.

— Мы прожили долгую жизнь, — сказала Харра, — но вы еще молоды.

Данло взял со стола флейту и молча уставился на нее. Что может эта двухфутовая бамбуковая палочка против тлолта, лазера или ядерной бомбы?

— Вы молоды, — повторила Харра, — и не сделали ничего, чтобы спасти вашу молодость и вашу жизнь.

— Мне жаль, но я больше не позволю снять с себя паллатон.

— Жаль? Это нам жаль. — Харра протянула к нему руки, как к теплому солнцу. — Мы не хотим, чтобы смерть отняла у нас это сокровище.

Данло вспомнил ужасную красоту, которая открылась ему в Небесном Зале. Он и теперь видел сверкающее сознание, пронизывающее каждый атом его тела.

— Но ведь смерти, в сущности, нет, благословенная Харра, — с улыбкой сказал он.

Это могло быть правдой, но умирание все-таки существовало. Томас Ивиэль в спальне Данло выбрал этот момент, чтобы испустить особенно мучительный стон. Он попросил воды,

стал звать своего сына, погибшего в первом бою за космодром, а через некоторое время воззвал к Богу.

— Я пойду к нему. — Данло встал и поклонился Харре. — Он был моим другом.

— Мы понимаем, — улыбнулась Харра, хотя и не привыкла, чтобы ее покидали, не спросив разрешения.

Данло, зажав в руке флейту, вздохнул.

— Я побуду с ними. Нельзя, чтобы кто-то умирал в одиночестве.

— Мы понимаем. Вы хотите поиграть им?

— Да. Я почти ничего не могу больше сделать для них.

— Мы тоже верим, что смерти нет. Мы, Архитекторы. Так учит наша Церковь.

Данло склонил голову из уважения к ее вере, но не к доктринам Вселенской Кибернетической Церкви.

— Мы верим также, что эти люди умрут не напрасно. — Харра показала в сторону спальни. — Мы выиграем войну, пилот. Люди перестанут умирать, и для нашей Церкви настанет новая эра.

— Надеюсь, что ваша победа... не заставит себя ждать.

— Вы позволите нам помолиться за Томаса Ивиэля? И за других? Молитва порой имеет великую силу.

— Ну конечно, — улыбнулся Данло. — Если хотите, помолимся вместе.

Он взял Харру под руку, и они вдвоем вошли к раненым.

Харра была права и не права, когда надеялась на благоприятный исход войны. Ее сторонники, как она и предсказывала, восторжествовали над ивиомилами Бертрама Джаспари. Бертрам, вознамерившись завоевать многочисленные миры и бесчисленные души Архитекторов, сделал ставку на террор и внезапность атаки. Но ему так и не удалось захватить многие ключевые объекты, и даже кампания массовых убийств, развернутая Малаклипсом, не приблизила его к цели.

Архитекторы — народ крепкий и упорный, привыкший к страданиям, голоду и самопожертвованию. Бертрам допустил большую ошибку: рассчитывая на эти качества в своих ивио-

милах, он полагал, что юриддики, данлади и особенно миролюбивые элиди размягчились и ослабели верой. Но он плохо знал собственную паству. Он думал, что когда нарядит своих ивиомилов в красные кимоно, упомянутые в «Комментариях», и возглавит священный фацифах, призванный очистить Церковь, то другие Архитекторы так и повалят к нему. Тех, кто этого не сделает, он намеревался подчинить себе террором. Но террор — не то оружие, которым завоевывают людские сердца. Бертраму следовало бы это знать, а Малаклипс знал это с самого начала. Надо сказать, что когда первые попытки убить или усмирить Харру не увенчались успехом, Малаклипс посоветовал Бертраму прекратить бессмысленную бойню, свирепствовавшую в последние дни войны: не потому, что хотел избежать новых убийств, а потому, что террор отвращал от Бертрама большие массы Архитекторов, и они шли не к нему, а в армию Харры. Малаклипс предлагал это как стратег, больше ничего.

Но Бертрам его не послушал. Между тем Достойные Харры в тысяче городов Таннахилла начали отвоевывать космодромы и пищевые фабрики, и глава ивиомилов пошел на отчаянные меры. Достойные намного превышали численностью его войска, и Бертрам решил, что, если он нанесет безжалостный удар по городам Тлон и Йевиви, где почти все население сохранило верность Харре, это склонит чашу весов в его пользу. Так он и сделал. Одна из его частей захватила пищевые фабрики Тлона и перекрыла кислород на девяти уровнях города. Это стоило жизни миллиону человек, которые умерли от удушья, но эта акция настроила против Бертрама миллионы других, мирных ранее Архитекторов.

На каждом уровне каждого города Достойные яростно нападали на ивиомилов. На двадцать девятый день войны четверть ивиомилов была убита или попала в плен, а Бертрам почти ежечасно терял космодромы и транспортные туннели. Так он неизбежно подошел к своему критическому часу в качестве ложного Иви, вернее — к моменту выбора. И сделал неправильный выбор. Он должен был отдать себе отчет в том, что проиграл войну. Он мог бы сдаться Харре и признать, что

впал в худшую из негативных программ. Мог бы обратиться к ней с мольбой о прощении. Вполне возможно, что Харра, всегда слишком добрая к своим врагам, простила бы его: разве не сказано в «Пути человека», что даже самый злобный хакра способен очиститься от негативных программ и обратить свое лицо к Богу? Но лицо Бертрама не выражало ничего, кроме тщеславия и жестокости, и он жаждал мести. Этот фанатик, чуждый милосердия, снова выбрал убийство и смерть.

На тридцать третий день войны команда ивиомилов пронесла бомбу в один из жилых блоков в центре Монтелливи. Это был родной город Харры, и количество ее родни, живущей там, исчислялось сотнями тысяч. Монтелливи всегда был оплотом юриддиков, и немногочисленных воинствующих ивиомилов в начале войны вымели оттуда, как мусор. Теперь те, кто уцелел, в отместку взорвали свою бомбу — да не обычную пластиковую, которая расплавила бы несколько уровней и убила несколько десятков тысяч человек, а водородную. Одна из фабрик, захваченных ивиомилами в Амарисе, изготовляла такие бомбы. Взрыв в мгновение ока превратил в пар десять миллионов Архитекторов. Миллионы других умерли в последующие дни от легочных и наружных ожогов, и очень многие ослепли от светового излучения. Многие ивиомилы, не успевшие эвакуироваться, тоже погибли и получили ранения.

Весть об этой трагедии почти незамедлительно дошла до Койвунеймина в другом полушарии и потрясла старейшин. Даже кровожадный Едрек Ивионген заметил, что эта бомба, помимо прочих, убила невинных ивиомилских детей, чьи паллатоны не были записаны на алмазные диски. То, что ответил на это Бертрам, ошеломило собрание.

— Да, сегодня погибли ивиомилы. В том числе и дети, которых ужасы войны, казалось бы, не должны касаться. Мы, к несчастью, не успели снять паллатоны с их юных умов, но это лишь одна из неизбежных трагедий войны. Старейшина Эде заметил, что этим детям не дано будет преобразиться в Эде обычным путем, и это действительно так. Мы не можем выразить, какую скорбь это в нас вызывает. Но на войне люди

гибнут, даже дети. Мы должны помнить, что они были ивиомилами. Должны помнить, что мы, ивиомилы, ведем свой фацифах во славу Бесконечной Программы Бога для вселенной. Бог не забудет своих детей, и мы, ивиомилы, не должны забывать о Его всемогуществе. В конце времен, в точке омега, настанет Второе Сотворение. Разве в «Заключении» не сказано об этом? Пусть другие сомневаются, но мы, ивиомилы, принадлежим к тем немногим избранным, которые верят в истину Алгоритма. Бог вберет все вещи и всю информацию в свое бесконечное тело, и наши дети, погибшие в Монтелливи, наконец преобразятся в Нем. Участь погибших не должна нас тревожить. Нашей задачей было уничтожение города еретиков и нараидов. Пусть Бог рассудит и сохранит ивиомилов, которые не отреклись от Него.

Когда же Койвунеймин стал обсуждать аналогичные атаки на другие города и Едрек Ивионген выступил с аналогичным возражением, Бертрам высказался более прямо. Говоря о судьбе Архитекторов Райцеля, он заявил:

— Убивайте всех! Пусть Бог сам сортирует души, оставшиеся верными Ему!

Эта реплика положила конец карьере Бертрама как самозванного главы Церкви. Едрек и еще десять старейшин сразу же встали, разгладили свои красные кимоно и покинули зал Койвунеймина. В последующие три дня началось массовое дезертирство: ивиомилы уходили от Бертрама и сдавались солдатам и чтецам Харры. При Бертраме остались лишь наиболее верные его сторонники — и это, учитывая его следующий шаг, было как раз то, к чему он стремился. Бертрам решил бежать с планеты. Многие космодромы Таннахилла оставались пока в руках ивиомилов (тех, что его не бросили). Бертрам призвал своих верных собраться на самых больших полях — в Амарисе, Элимате и Каркуте. На эти три космодрома он согнал большую флотилию челноков, чтобы доставить своих людей на тяжелые и базовые корабли в ближнем космосе. Бертрам был мелкий человек, но не глупец, и хорошо подготовил свое отступление. Капитаны кораблей были ивиомилами, которые обязались доставлять миссионеров к дальним звездам Экстра.

Теперь им предстояло доставить армию Бертрама — и его фацифах — туда, куда он прикажет.

Ибо этим капитанам не грозила участь идти через мультиплекс почти вслепую, на что так долго были обречены Архитекторы. Шиван ви Мави Саркисян, пилот-ренегат из Невернеса, на своем «Красном драконе» должен был указывать ивиомилам дорогу в их так называемом Новом Паломничестве. Малаклипс Красное Кольцо сопровождал Бертрама на его базовом корабле «Слава Эде», чтобы помочь ему основать новую Церковь (которую Бертрам именовал Истинной) где-нибудь как можно дальше от Таннахилла.

На этом закончилась Война Террора, но не война как таковая. У Бертрама было всего пятьдесят три корабля, нагруженных провизией и техникой для строительства новых городов на чужих планетах, поэтому многих ивиомилов ему пришлось оставить на Таннахилле. Эти люди — их были миллионы — впали в отчаяние, глядя, как флот Бертрама исчезает в ночи. Чтобы не подвергаться глубокому очищению, которое ожидало их в случае сдачи, они решили сражаться до конца.

Еще много дней Достойные Харры вылавливали их по жилым домам, разбомбленным храмам и темным сырым туннелям в подземных уровнях Орнис-Олоруна и других городов. Их убивали сотнями и сжигали их одетые в красное трупы в больших плазменных печах. В этот период голода и хаоса трупы сжигали непрерывно, ибо мертвые лежали повсюду — на космодромах, на улицах, в хосписах, отелях и даже в особняках старейшин. Харра, однако, быстро восстановила свою власть даже в дальних Ивиэннете, Баволле и других оплотах ивиомилов. С мертвыми поступали как предписано в Алгоритме, и их паллатоны привозили в Орнис-Олорун и загружали в вечные компьютеры Дома Вечности. Всего во время войны погибло около тридцати четырех миллионов Архитекторов.

Учитывая невероятную плодовитость таннахиллцев, они должны были восполнить эту потерю меньше чем за год.

Но Церковь больше не собиралась заставлять женщин рожать по пять — или по пятьдесят — детей. Харра, как и обеща-

ла, пересмотрела Тотальную Программу и Программу Прироста. Она приняла для Церкви Новую Программу и ввела ее в действие в самые тяжелые дни войны. Теперь, когда в большом всепланетном городе под названием Таннахилл снова настал мир, Архитекторы встретили Новую Программу с облегчением и благодарностью. Против Харры высказывались немногие, а случаев открытого неповиновения было еще меньше: никто больше не хотел, чтобы их считали ивиомилами, кроме самых фанатичных или самых глупых.

Данло, сыграв последнюю песню последним раненым Архитекторам в своих комнатах (Томас Ивиэль умер в вечер визита Харры), собрался улетать. Ему понадобилось всего несколько мгновений, чтобы уложить свои вещи в деревянный сундучок, который сопровождал его повсюду. Людей, с которыми он хотел проститься, тоже было немного. Решив сдержать свое обещание и поговорить с Харрой о судьбе тела Эде, он напросился к ней на чаепитие.

В подтверждение своей искренности (или в оправдание наглости) он взял с собой образник и улыбался все время, пока шел по опустевшим коридорам дворца: он не представлял себе, как будет просить у Святой Иви отдать ему тело человека, ставшего богом. Но ему так и не пришлось обратиться к ней с этой просьбой. Как только холодный мятный чай разлили по пластмассовым чашечкам под внимательным взором мерцающего образа Эде и Данло приступил к делу, Харру позвали к смертному ложу одной из ее сестер в другой части дворца. Пришлось Данло вернуться к себе вместе с образником, так ничего и не добившись. Но Харра о нем не забыла и отнеслась к нему внимательно даже в это горестное для нее время. На следующий день после ужина она предложила Данло встретиться с ней в Мавзолее Эде.

Величественный белый Мавзолей и Храм рядом с ним избежали разрушения, но знаки войны встречались Данло повсюду. Мавзолей, куда прежде все таннахиллцы имели свободный доступ, теперь ограждала лазерная изгородь, а перед ней с ручными лазерами наготове стояли охранники в грязных белых кимоно. Деревья за изгородью выворотили с корнем или

сожгли, на газонах и дорожках остались воронки — то ли от мин, то ли от термотлолтов. Четверо охранников проводили Данло вверх по ступеням, где пахло горелым пластиком. На гладких белых стенах во многих местах виднелись черные борозды. В одной из фальшивых колонн у входа зияла большая дыра. Но самое худшее ожидало Данло внутри. Обычно здесь днем и ночью толпились Архитекторы, желающие увидеть тело Эде в клариевой гробнице, но сегодня здесь присутствовали всего несколько человек. Данло взглянул на помост, где отражались огни светильников: гробница исчезла, тело Эде похитили. Несмотря на всю иронию момента, Данло посмотрел на образник у себя в руках без улыбки. Эде не сводил глаз с того места, где еще недавно лежало его замороженное тело, и на его сотканном из света лице застыла знакомая программа отчаяния.

— Спасибо, что пришли, пилот.

Голос Харры Иви эн ли Эде отражался эхом в почти пустом пространстве. Она медленно шла к Данло в белой добре и длинном, просторном кимоно с золотой вышивкой. Архитекторы, стоящие у помоста, смотрели на нее с благоговением — скорее как на самого Эде, чем на его Святую Иви. Данло она казалась очень маленькой на бело-голубых плитах пола — как будто она усохла за эти последние дни, как будто война побудила ее спрятаться поглубже в свою старую кожу и ступать с большой осторожностью. Подойдя поближе, она улыбнулась Данло, и он увидел, что взор ее светел, как всегда. Возможно, он стал печальнее, но при этом странным образом углубился. Харра по-прежнему лучилась любовью к жизни, но она устала, очень устала. Данло сразу понял, что она готовится умереть.

— Спасибо, что пригласили меня, благословенная Харра, — с поклоном сказал он.

Харра с трудом вернула ему поклон и сказала четырем телохранителям:

— Мы поговорим со светоносцем наедине. — Она взяла Данло под руку, и они медленно двинулись через Мавзолей. В южном его углу, под большими окнами, Харра опустилась на

простую пластмассовую скамью, предназначенную для паломников, созерцающих останки Эде.

— Его больше нет, — сказала она, указывая на помост. На этом опустевшем постаменте пятеро мужчин и женщин устанавливали какую-то технику, очень похожую на сулки-динамик. — Мы не можем в это поверить, но Его больше нет.

— Да, — сказал Данло, садясь рядом с Харрой. — Я понимаю.

— Бертрам Джаспари осквернил гробницу и похитил Его тело.

— Понимаю. — Данло поставил образник рядом с собой. Голограмма Эде застыла в воздухе.

— Мы хотели, чтобы вы узнали правду, пилот. Чтобы вы увидели это святотатство собственными глазами.

— Благодарю вас, но... зачем?

— Нам кажется, вы питаете некий таинственный интерес к телу Эде.

Данло взглянул на голограмму, но промолчал. Может быть, теперь, когда его тело пропало, Эде захочет поместить себя в вечный компьютер, как всякий другой Архитектор? Или пожелает более глубокого преображения, чтобы возобновить свою эволюцию в божество?

— Кроме того, вы можете помочь нам вернуть его, — добавила Харра.

Голографический Эде сделал Данло быстрый знак, говорящий: «Да, да!»

— Вы хотите, чтобы я вернул вам тело Эде? — спросил Данло.

— Нет, — медленно покачала головой Харра, — нам нужно только знать, где оно находится, чтобы мы могли потребовать его возвращения. Вы скоро покинете нас, и вам предстоит долгое путешествие от звезды к звезде. Может быть, когда-нибудь вам откроется, куда ивиомилы забрали нашего Эде.

— Может быть, — улыбнулся Данло. Он умолчал о том, что среди миллиардов звезд галактики он, как и любой другой, может наткнуться на Бертрама разве что случайно.

Харра, понаблюдав немного за работой своих программистов, спросила:

— Ведь вы уже решили отправиться в путь, не так ли?

— Да. Я должен. Я стартую сегодня ночью.

— Из-за Бертрама?

Данло с угрюмой улыбкой кивнул головой.

— Я должен отправиться на Тиэллу и поговорить с правителями моего Ордена. Нужно рассказать им о том, что здесь произошло.

— Мы сожалеем, что дали Бертраму уйти.

— Я тоже. Но есть вещи, которым нельзя помешать.

Харра сделала Данло знак наклониться к ней и сказала вполголоса:

— Мы должны кое-что сказать вам. На одном из своих тяжелых кораблей Бертрам установил моррашар.

— Боюсь, что я не знаю этого слова.

— Моррашар — это огромная машина, занимающая весь тяжелый корабль. Она генерирует потоки гравифотонов и направляет их в центр звезды.

Данло отпрянул от Харры, как будто она дохнула на него огнем, и сказал:

— Звездоубийца.

— Да, пилот, звездоубийца.

— Откуда у Бертрама эта шайда-машина?

— Ее построили его инженеры. Мы, Архитекторы, первыми открыли эту технологию.

— Понятно.

— Хочется надеяться, что никто больше о ней не знает.

— Вы по-прежнему думаете об ивиомилах как о своих Архитекторах?

— Да, это так.

— Но звезды больше не должны умирать. Вы объявили о принятии Новой Программы — примут ли ее ивиомилы?

Харра испустила вздох, такой тяжкий, словно она держала его в себе много лет.

— Мы думаем, что, пока их возглавляет Бертрам, они никогда не вернутся в лоно Церкви.

— Я тоже так думаю. — И Данло добавил, видя тревогу в глазах Харры: — Вы сами не захотите, чтобы Бертрам возвращался на Таннахилл, пока в его распоряжении звездоубийца, правда?

— Когда Бертрам уничтожил Монтелливи, мы не могли представить себе более тяжкого преступления, — призналась Харра. — Но теперь он бежал в космос, и мы боимся, что он уничтожит наше солнце.

— Есть и другие солнца. — Данло закрыл глаза и увидел огни, мерцающие в беспредельных глубинах вселенной. Увидел звезду Невернеса и звезду нараинов, круглую и красную, как капля крови.

— Нам хотелось бы верить, что Бертрам в конце концов очистится от негативных программ.

— Их так много, звезд, — точно не слыша ее, сказал Данло. — Триста миллионов в одной нашей галактике. Кто бы подумал, что Бог сотворит столько?

— Мы *должны* в это верить, пилот. Водородный взрыв в Монтелливи — страшный хакр, который будет преследовать Бертрама вечно.

Звезды — дети Бога, покинутые в ночи, вспомнил Данло и сказал:

— Бертрам Джаспари со своими ивиомилами способен создать еще один Экстр.

— Нет, пилот, нет. — Но этим словам, сказанным с отчаянной надеждой, недоставало уверенности и силы.

— Он звездоубийца и будет действовать по старой Программе Прироста.

— Это наша вина, пилот.

— Нет. — Данло взял холодные, дрожащие руки Харры в свои. — Это я виноват. Я был занят собственными страхами и проявил малодушие. Вы рискнули всем, чтобы помочь мне, и очень многое потеряли. Этой войны могло бы не быть, если бы я не явился на Таннахилл. Правда. Моя и Ордена миссия по спасению Экстра выполнена успешно, ведь так? Вы пошлете своих чтецов к звездам, они найдут пропавших Архитекторов, и звездоубийства прекратятся навсегда. За это нужно благода-

рить вас. За то великое мужество, с которым вы приняли Новую Программу.

На лице Харры внезапно отразился страх, и Данло понял, как труден и опасен был ее контакт с вечным компьютером Эде. Он вспомнил слова Тверди о том, что Кремниевый Бог использует Вселенскую Кибернетическую Церковь для расширения Экстра, и задумался о происхождении Тотальной Программы. Не мог ли Кремниевый Бог быть вдохновителем этого звездоубийства? Не мог ли он много веков назад заразить вечный компьютер Эде планом уничтожения вселенной, как заразил он смертельной сюрреальностью самого Бога Эде? Данло не знал этого и вряд ли мог когда-нибудь узнать. Если такая программа действительно имелась в вечном компьютере, то подпольно — маловероятно, чтобы кто-то из Святых Иви обнаружил ее, а тем более стал ее обсуждать. Инструкции Кремниевого Бога должны походить на тихий, вкрадчивый шепот собственного сознания — нужен гениальный ум, чтобы определить разницу между истинным голосом и ложным.

— Контакт с вечным компьютером Эде — самое трудное, что мы делали в жизни, — сказала Харра. — Если бы Бертрам знал, как это тяжело, он никогда не захотел бы быть Святым Иви.

Больше о ее общении с этой священнейшей из церковных реликвий ничего сказано не было. Программисты в центре зала заканчивали свою работу. Одна из них, дородная пожилая женщина, давно вышедшая из детородного возраста, помахала Харре рукой, и та склонила голову, как бы подтверждая какую-то договоренность. Программисты сошли с помоста, а телохранители и все другие Архитекторы уставились на голубую глыбу, где раньше покоилось тело Эде. Теперь на его месте чернела ажурная конструкция сулки-динамика. Все, включая Харру, явно ждали чего-то, и Данло мог догадываться о том, что произойдет.

— Прошу вас, — с новым кивком сказала Харра.

Данло, тоже глядевший на помост, чуть не подскочил, увидев, как исчез динамик. На его месте, словно легкий корабль, вышедший из мультиплекса в реальное пространство, возник

клариевый саркофаг Николоса дару Эде — или, скорее, иллюзия этого священного предмета. Мощный сулки-динамик генерировал изображение несравненно более реалистическое, чем голограммы компьютеров-образников. Человеческому глазу было почти невозможно отличить этот образ от реальной, похищенной Бертрамом гробницы. Длинная, прозрачная клариевая крышка переливалась огнями. Скоро Архитекторы снова выстроятся в длинную очередь и будут медленно проходить мимо, глядя на бренное тело своего Бога. И каждый из них подтвердит, что видел сквозь тонкий кларий лысую голову и благостный, улыбающийся лик Николоса Дару Эде.

— Мы просим вас сохранить это в секрете, — сказала Харра Данло. — Мы не хотим, чтобы наш народ знал, что тело похищено.

— Я никому не скажу, если вы так хотите.

— Видите ли, люди и так уже много выстрадали и многого лишились.

— Как и вы, благословенная Харра.

— Наши сестры и наши внучки — так много наших родных, — опустив глаза, сказала она.

— Да.

— И все погибшие Архитекторы, даже ивиомилы — они тоже родные нам люди, пилот.

— Да, я знаю.

Харра закрыла лицо ладонями и заплакала. Данло, не зная, что подумают об этом ее телохранители, обнял ее. Но он был как-никак светоносец, и охранники деликатно отвернулись, убежденные, что он не сделает ей ничего плохого.

— Благословенная Харра, — повторял он, чувствуя, как рыдания сотрясают ее хрупкую грудь. — Благословенная Харра.

Вскоре Харра взяла себя в руки, выпрямилась и напомнила Данло, что никому, даже и светоносцу, не дозволяется прикасаться к особе Святой Иви. Данло слегка отодвинулся от нее. Ее несгибаемая воля могла бы вызвать у него улыбку, но что-то в ее глазах беспокоило его. В них не было ни света, ни радости, ни надежды — только покорность перед лицом горькой и полной страданий жизни.

— Благословенная Харра, — сказал он снова.

Когда она наконец взглянула на него, влага наполняла ее глаза, как темные океаны в глубинах космоса. Ее лицо потемнело от горя, душа похолодела, предчувствуя смерть. Данло смотрел на нее и ждал — ждал, когда и к его глазам подступят горячие слезы. Через эти окна страданий, общие для них обоих, он стал видеть ее яснее. Он видел ее твердую, как алмаз, гордость, ее доброту, ее благородство и милосердие. В некоторых отношениях она была самой милой женщиной из всех известных ему. Но она плакала над собой и страдала от одиночества, как последняя звезда, оставшаяся жить в черной пустоте ночи.

Данло чувствовал, что его любовь к ней безгранична, как сама жизнь. Он не уставал дивиться глубокой странности жизни, ее силе, ее тайне, ее бесконечным возможностям. Внутри света всегда есть еще свет, память о прошлом, мечты о будущем, разворачивающий изнутри белые, голубые и золотые лепестки, как бесконечный лотос вселенной. Глядя все глубже, Данло видел в Харре не только старую женщину с надломленной душой, но и ребенка, полного надежд и молитв, и мать, и любовницу, и новорожденного младенца, спешащего вкусить от чудес этого мира. Он видел в ней благочестивую чтицу, строящую планы для своей Церкви, и бабушку, которая больше всего любит делать подарки своим внукам. Он видел ее такой, какой она еще может стать, ибо ее жизнь еще не завершена. Она может прожить еще лет тридцать — или тридцать миллионов. Если она сумеет вернуться к себе, то вернет и свою веру и станет ярким светочем, указывающим Церкви путь в новую эру. Каждый мужчина и каждая женщина — это звезда, но никого, даже Святую Иви Вселенской Кибернетической Церкви, нельзя обрекать на сияние в одиночестве.

«Харра, Харра. — Губы Данло не шевелились — он произносил это изнутри, более глубокой частью себя. — Харра, Харра, — спрашивали его глаза, — кто я? Что я?»

«Ты — светоносец», — так же безмолвно ответила ему Харра.

— Нет-нет, я только зеркало, ничего более. Взгляни в меня, и ты увидишь только себя.

Настал момент — момент памяти и чуда, когда Данло снова обрел свет, струящийся у него изнутри. Да, он служил зеркалом души Харры, но при этом был чем-то неизмеримо большим. Его глаза сияли, как синие самоцветы, сердце было алмазом, полным огня и любви. Он чувствовал себя светлым и прозрачным — не как посеребренное стекло, а как некая идеальная кристаллическая субстанция, без помех пропускающая свет глубочайшего сознания. Он излучал этот свет превыше всякого света, как звезда. Свет лился из его глаз в глаза Харры, затрагивая самые глубины ее «я» и зажигая ее волей к жизни. В Харре, как и в любом человеке, жили все самые неизведанные жизненные возможности — и в ярком свете момента она наконец разглядела их. Она сидела, улыбаясь Данло, и их души танцевали в прекрасном и ужасном свете, льющемся из их глаз. Все это происходило без слов и без звуков, в полном молчании. Ни программисты, ни охранники, ни даже маленький светящийся Эде — никто из них так и не узнал, как Харра Иви эн ли Эде обрела свой собственный тайный свет.

— Спасибо тебе, пилот, — сказала она, вытерев глаза и снова овладев голосом. — Спасибо, Данло Звездный. Мы будем скучать по тебе.

— Вам спасибо, благословенная Харра. Мне вас тоже будет недоставать.

Данло порывисто встал. Его, как звезду, переполняла не только анимаджи, эта беспредельная радость бытия, но и какая-то страшная новая энергия. Его глаза казались синими окнами, распахнутыми навстречу всем чудесам пространства и времени — и всем ужасам мультиплекса. Странность, глубокая и ясная, как зимняя ночь, окружила его, и он видел, как надвигается будущее во всей ярости гонимых ветром туч. Он медленно, низко, с бесконечной грацией поклонился Харре и вышел в боковую дверь на широкий балкон. Подойдя к белым пластмассовым перилам, он оказался под куполом, покрывающим город Орнис-Олорун. Звезды, как почти всегда на Тан-

нахилле, едва проглядывали сквозь загрязненную атмосферу, но Данло пришел сюда не для того, чтобы смотреть на звезды. Вернее, на *эти* звезды, озаряющие город своим слабым, старым светом. Харра тоже вышла на балкон и встала у перил рядом с ним.

Как часто бывало с ним в ожидании раскрытия будущего, Данло начал считать удары своего сердца. Он смотрел и ждал, и при каждом толчке крови у него в груди на Таннахилле рождался ребенок и умирал старик — а где-то во вселенной умирала звезда, окутанная огненными облаками водорода, сливающимися в световой шар. Данло слушал этот ритм своего сердца и почти слышал, как рождаются сверхновые, одна за другой; они звонили, словно колокола, ревели, как огненный ветер, пульсировали и гудели — в Скульпторе и Гончих Псах, среди звезд Экстра. Он почти видел их убийственный свет — ужасную и прекрасную разновидность света глубокого сознания, который озаряет все вещи одновременно.

Каждый мужчина и каждая женщина — это звезда.

Харра тихо дышала рядом с ним, и его сердце отсчитывало один мучительный момент за другим. Данло смотрел на восток, в чернильно-черное небо градусов на шестьдесят восемь выше горизонта, — в ту сторону, откуда прибыл на Таннахилл его корабль. Он смотрел на звезду Нового Алюмита, близкую, но невидимую невооруженному глазу. Думая об Изасе Леле, Лиесвир Ивиосс и других знакомых ему нараинах, он начал обратный отсчет.

Сто... девяносто девять... девяносто восемь... девяносто семь...

Он вспомнил тридцатиуровневый город Ивиюнир, где жили нараины, и сияющее Поле, где миллионами бродили их образы, надеясь найти путь к божественному.

Шестьдесят шесть... шестьдесят пять... шестьдесят четыре... шестьдесят три...

Где-то в той части Поля, которую нараины называют Раем, обитали Трансцендентальные Единства — Маралах, Тир, Мананнан и то великое составное существо, которое Данло знал как Шахар. Он хорошо помнил Шахар. Глядя в небеса, соединяющие Таннахилл со звездой Нового Алюмита, Данло вспо-

минал, как Шахар поглотил его и как любовь волна за волной принизывала его, словно световой океан.

Двадцать два... двадцать один... двадцать... девятнадцать...

Подлинная тайна вселенной — это любовь, вспомнил он. Она связывает мужчину с женщиной и мужчину с мужчиной, она связывает всех — мужчин, женщин и детей. Все люди, даже те, кто стремится преодолеть свое физическое естество и преобразиться в чистые светозарные существа, живут ради этой любви превыше любви.

— Четыре... три... два... один...

Бесконечные возможности. И бесконечная боль.

Он ждал целую вечность, когда свет упадет на него, и наконец дождался. Звезда нараинов пронзила черноту вселенной одинокой серебряной искрой — и взорвалась, стремясь в бесконечность сразу во всех направлениях. Данло, ослепленный светом, озарившим темное небо Таннахилла, схватился за голову и припал на одно колено, ловя ртом воздух. Его смутно удивляло, что Харра не кричит от боли и не закрывает руками лицо. Может быть, она думала, что Данло, глядя на восток, ожидал лишь восхода солнца, ничего более. Она не понимала, что с ним творится, как не понимала, видимо, и того, что Бертрам Джаспари только что убил звезду при помощи машины, называемой морришар. Она не понимала страшного значения звездного взрыва, убившего миллионы людей, но Данло держался за грудь так, словно разорвалось его собственное сердце.

Потом он кое-что вспомнил. Харра никак не могла видеть эту сверхновую — по крайней мере глазами. Солнце Нового Алюмита погибло всего мгновение назад, но понадобится около сорока лет, чтобы его свет пересек пространства Экстра и загорелся в небе Таннахилла. Даже Новый Алюмит отделяет от его звезды сто миллионов миль, и пройдет еще немало мгновений, прежде чем свет, упав на Ивиюнир и другие города, испепелит все живое на планете.

— Пилот, что с вами? Не хотите ли присесть?

Ласковые слова Харры повисли в ночи, как жемчужины. Данло медленно встал, зажимая рукой левый глаз. Он не знал,

говорить ли ей об этой сверхновой и о гибели людей, которые некогда принадлежали к Вечной Церкви. Пожалуй, лучше не надо, решил он. Даже такая великая душа, как у Харры, способна вынести лишь определенное количество боли за один раз. Да и что ему, собственно, известно? Быть может, он всего лишь грезил или скраировал, видя очертания и краски реальности, которая никогда не осуществиться. Скоро он поведет свой корабль в Экстр, чтобы удостовериться или разубедиться в правде этого страшного видения, едва не остановившего его сердце. Но чувствуя, как свет этой звезды пронизывает его сознание и горит в каждом атоме его существа, он вне всяких надежд и сомнений знал: это правда.

Они помогли мне найти Таннахилл, чтобы обрести мир, думал он, а я принес им войну. Хуже того — полное уничтожение. О Агира, Агира, что я сделал?

— Пилот?

Данло понял, что ему или другим пилотам Ордена придется выследить Бертрама Джаспари и обуздать его — возможно, даже уничтожить. Скоро в небесах начнется война, и он наконец-то достигнет конца своего путешествия.

— Пилот, пилот, что вы там видите?

— Я вижу свет, — правдиво ответил Данло и перевел взгляд на Харру. — Только свет. Он везде, ведь верно?

Харра, подумав, наверно, что это слова надежды, с улыбкой коснулась его лица. И надежда, как ни странно, пожалуй, все-таки была. Не для нараинов, чье желание раствориться в световом шаре наконец-то осуществилось, а для других, которые до сих пор обитали в своих человеческих телах, и дышали ночным воздухом, и слышали родные голоса друзей и близких. Возможно, Архитекторы были правы, считая смерть звезд священной: ведь их гибель всегда рождает новые жизненные элементы. Возможно, надежда существовала даже и для него, Данло. Не странно ли, что в момент величайшего отчаяния он обнаружил в себе своего отца — а заодно и лекарство от неизлечимой болезни? Он принес войну двум мирам и, возможно, позволил ей вырваться в космос, но он принес и мир, ибо на Таннахилле он достиг самой главной своей цели: спасти Экстр.

И кое-что еще он принес. Харра Иви эн ли Эде объявила его светоносцем, но что это за таинственный свет, носителем которого он стал? Он смотрел на морщинистое лицо Харры, освещенное теперь силой и благородством ее духа. Смотрел на пылающую в небе сверхновую и во мрак собственной души. Есть много путей нести свет, решил он, и когда-нибудь он узнает, который из них наилучший. Когда-нибудь он снова войдет в мерцающий океан сознанияу внутри себя и останется там, пока весь свет творения не откроется ему. Тогда он наконец станет настоящим человеком — настоящим Светоносцем, который смотрит на раны мира улыбчивыми глазами и держит в своих руках величайшую силу вселенной.

Но пока что он обыкновенный человек, мечтающий вернуться домой. Со странной улыбкой он предложил Харре руку. Сейчас они вернутся в Мавзолей и, возможно, задержатся там ненадолго, осмысливая трагедию человека, попытавшегося стать Богом. Данло возьмет образник, бамбуковую флейту и сундучок со всеми своими пожитками. Он попрощается с Харрой Иви эн ли Эде, благословенной женщиной, которую полюбил, как мать. Потом он поднимет свой корабль и уйдет в галактику, где звезды всегда прекрасны и свет уходит все дальше и дальше в неизведанное.

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 10 000 названий книг** самых разных видов и жанров.
Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов.
В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- ТК «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25
- ТК «Твой Дом», 23-й км Каширского шоссе
- ТК «Метромаркет», м. «Сокол», 3 этаж
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д.18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д.132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д.17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1/Волжская наб., д. 107
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/61, тел. (8312) 33-79-80
- г. Воронеж, ул. Лизюкова, д. 38а, тел. (0732) 13-02-44
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (8-86-32) 35-99-00
- г. Новороссийск, сквер Чайковского
- г. Орел, Московское ш., д. 17, тел. (08622) 4-48-67
- г. Тула, пр-т. Ленина, д. 18

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Зинделл Дэвид
Экстр

Фантастический роман

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Технический редактор О.В. Панкрашина
Компьютерная верстка: В.А. Смехов
Младший редактор Е.А. Лазарева

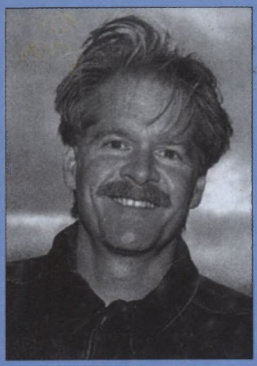
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ЗАО НПП «Ермак»
115201, г. Москва, 2-й Котляковский проезд, д. 1, стр. 32

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати».
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.



Перед вами — «Реквием по Homo Sapiens».

Грандиозная, увлекательная и поразительно поэтичная «опера» — однако опера не космическая, но — «космологическая».

Слушайте. Слушайте...

Слушайте надменную, гордую, чеканную сагу Будущего...

Будущего, когда наша Земля обратилась в давно полузабытый миф — правду о коем знают лишь немногие, состоящие в почти рыцарском ордене Космических Пилотов. Будущего великого города Невернеса — и заселившей Вселенную Старшей Расе Эльдрии, исчезнувшей и оставившей за собою бесчисленные загадки...

Цикл «Реквием по Homo Sapiens», открытый романом «Хранитель Времени», — продолжается!

Сага — продолжается.

Читайте следующую книгу цикла «Реквием по Homo Sapiens» — роман «Экстр»!

Хранитель времени
Сломанный бог
Экстр
Война в небесах

ISBN 5-17-017073-4
9 785170 170739